

Т.В. Мосолкина Социальная история Англии XIV—XVII вв.

Т.В. Мосолкина

Социальная история Англии XIV—XVII вв.

Tatjana Mosolkina

**A Social History
of England
of the XIV-XVII
Centuries**

Center for humanitarian initiatives
Moscow - Saint-Petersburg
2017

Т.В. Мосолкина

**Социальная
история
Англии
XIV—XVII вв.**

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2017

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

М82

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Л.Н. Черновой

доктор исторических наук, профессор И.Я. Эльфонд

Мосолкина Т.В.

М82 Социальная история Англии XIV—XVII вв. / Т.В. Мосолкина. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 416 с. — (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-727-8

Исходя из нового понимания социальной истории, включающего в себя весь спектр жизни общества — от экономических отношений до различных форм повседневности, в книге представлена картина внутренней общественно-политической, материальной и интеллектуальной динамики Англии за несколько столетий — начиная с XIV и заканчивая XVII в. Опираясь на многочисленные источники разных английских городов, автор исследует соотношение промышленности и торговли в экономическом развитии страны, цехового и внецехового ремесла, складывание рынка наемного труда в центрах урбанизации, разложение ремесленных гильдий и возникновение новых форм производства. В русле локальной и новой социальной истории рассматриваются проблемы городского самоуправления, девиантного поведения, внутренние и международные общественные и политические конфликты, культурная и интеллектуальная жизнь Англии на пороге Нового времени и многое другое.

Для историков, научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами истории Англии эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

ISBN 978-5-98712-727-8

© Мосолкина Т.В., 2017

© Гладков А.К., составление серии, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2017

Оглавление

Введение	7
----------------	---

Часть I. Социально-экономическое развитие Англии XIV—XV вв. (на примере города Бристоль)

Глава I. Торговля Бристоля: внутренняя и внешняя.....	27
§ 1. Городской рынок	27
§ 2. Внешняя торговля	44
§ 3. Место Бристоля во внутренней торговле Англии.....	78
Глава II. Организация ремесла в городе и возникновение новых форм производства	97
§ 1. Ремесленные гильдии.....	97
§ 2. Возникновение новых форм производства в ремесле.....	137
Глава III. Социальное развитие Бристоля	151
§ 1. Городская община и самоуправление в английских городах XIV—XV вв.	151
§ 2. Городская олигархия в XIV—XV вв.	160
§ 3. Взаимоотношения горожан с королевской властью и феодалами	180
§ 4. Особенности самосознания горожан в XIV—XV вв.....	185

Часть II. Социально-политическая жизнь английского города на пороге Нового времени

§ 1. Традиции самоуправления в городах Англии	205
§ 2. Королевская власть и городское самоуправление в Англии второй половины XV в.	214
§ 3. Бристоль в политических событиях Англии XIV—XV вв.	221
§ 4. Место Йорка в политических событиях Англии второй половины XV в.....	229
§ 5. Город Йорк и англо-шотландские противоречия во второй половине XV в.....	235
§ 6. Франко-бургундский конфликт в последней трети XV в. и позиция Англии	241
§ 7. Преступность в английском средневековом городе в последней трети XV в. (на материалах города Йорка)	257
§ 8. Власть в городе: город как орган и организм (Бристоль в первые десятилетия XVII в.)	263
§ 9. Английский город в период гражданских войн XVII в. (на примере Бристоля).....	273

Часть III. Культура, повседневность и «границы городского менталитета» в Англии XV—XVII вв.

§ 1. Отражение войны Алой и Белой Роз в семейной переписке английских горожан (по письмам купеческой семьи Сели)	283
§ 2. Семья и индивид в английском городе XV в.	290
§ 3. Семейный уклад в английском городе эпохи Реставрации (на примере семьи С. Пипса)	295
§ 4. Отношение к католикам в Англии в период Реставрации	303
§ 5. Город как среда обитания человека: Лондон во второй половине XVII в.	308
§ 6. Строительная «горячка» в Англии эпохи Реставрации: проблема социальной самоидентификации.....	318
§ 7. Климатические аномалии второй половины XVII в. и их влияние на повседневную жизнь Англии	324
§ 8. Культурная и интеллектуальная жизнь английского города эпохи Реставрации в восприятии современников	330
§ 9. Частное коллекционирование в Англии во второй половине XVII в. как форма исторической памяти	339
§ 10. Досуг и развлечения английского горожанина второй половины XVII в.	345
§ 11. Дороги и транспорт в доиндустриальной Англии	356
§ 12. Болезни и медицина в английском городе XVII в.	363
§ 13. Влияние стран Востока на быт англичан в XVII в.	372
Заключение	378
Приложение	381
Завещание Джона Бертона, бюргера Бристоля	381
Завещание Уильяма Повема, иначе Бонема, бюргера Бристоля.	386
Завещание Уолтера Нортон, джентльмена	391
Завещание Уильяма Берда 1484 г.	392
Библиография	395
Summary	407

Введение

В отечественной историографии на рубеже XX—XXI вв. сложилось новое понимание социальной истории. Оно включает в себя весь спектр жизни общества — от экономических отношений до различных форм повседневности¹. Для английских исследователей такое понимание социальной истории было характерно еще в первой половине XX в., ярким примером чего является замечательная работа Дж.М. Тревелияна². В последние десятилетия это направление исторических изысканий активно разрабатывается и в отечественной, и в зарубежной историографии³.

Неразрывную часть истории западноевропейского общества составляет история средневекового города. Без ее изучения невозможно понять эволюцию данного общества⁴. Тем более важны переходные этапы, когда старые, устоявшиеся отношения сталкиваются и переплетаются с новыми. В разных странах и городах изменения в сферах общественной жизни происходили не одновременно и имели свои особенности. Новые явления могли появляться, а затем исчезать на определенное время. Но эти колебания и особенности не отрицают общих закономерностей развития. В последние десятилетия исследователей все больше привлекает проблема переходных эпох, наличие которых характерно для разных

---

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.

² Trevelyan G.M. English Social History. A Survey of Six Centuries Chaucer to Queen Victoria. L., 1946.

³ Репина Л.П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сборник обзоров и рефератов: в 2 ч. / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 2001. Ч. 1; Она же. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009; Fairburn M. Social History. Problems, Strategies and Methods. L.;N.Y., 1999; Bryman A. Social Research Methods. Oxford, 2001; Neuman W.L. Basics of Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Boston, 2004; Wysocki D.K. Readings in Social Research Methods. Wadsworth, 2004; Goldberg P.J.P. Medieval England: A Social History. Bloomsbury Academic, 2005; A Social History of England 1200—1500 / Ed. by R. Horrox, W.M. Ormrod. Cambridge, 2006.

⁴ Сванидзе А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I. С. 10—11; Сванидзе А.А., Анисимова А.А. Город в Средние века // Всемирная история: в 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. М., 2012. Т. 2. С. 54—70.

периодов истории и разных стран⁵. Тем более что в истории средневекового города остается еще много вопросов, требующих специального изучения. Но особый интерес вызывает поздний город благодаря своему переходному характеру. В XIV—XV вв. в нем продолжали развиваться те же процессы, что и в прежние времена, вместе с тем, уже эти века принесли и существенно новое — начинается разложение цехового ремесла и одновременно возникают новые формы производства⁶. Наиболее подробно данные явления изучены на материале итальянских и нидерландских городов, в меньшей степени английских и немецких⁷. Можно ли сказать, что возникновение ранних форм капиталистического производства в Италии и Фландрии было уникальным явлением, а в других странах очаги раннего капитализма стали возникать лишь к концу XV в.? Изучение позднего английского города позволяет ответить на этот вопрос. Тем более что и в конце XIX, и в конце XX в. по данному поводу высказывались достаточно противоречивые суждения. Если Дж.Т. Роджерс считал, что «капиталистический работодатель, первый посредник между потребителем и рабочим, совершенно не известен до XVII в., а капиталистический покупатель сырого материала, второй посредник, начинает играть свою роль в народном хозяйстве еще позже»⁸, то У. Дж. Эшли обращал внимание на то, что в XIV—XV вв., наряду с с упрочением цехов, в отдельных отраслях — сукноделии, производстве шелка и льна — появились новые формы организации труда⁹. В начале XX столетия Дж. Анвин систему раздачи сырья и даже мануфактурное производство прослеживал уже в XIV в.¹⁰, позднее М. Постан совершенно определенно считал XIV в. временем возникновения английского капитализма. Он характеризовал этот век как «величайшую эпоху зарождения английского

⁵ *Побережников И.В., Редин Д.А. Исследование феномена исторической переходности: в поисках «методико-методологического консенсуса» // Проблемы истории России. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2011. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени.*

⁶ *Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI в.). Саратов, 1983; Стам С.М. К проблеме генезиса капитализма в Западной Европе // Средневековый город. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1998. Вып. 13. С. 87—100; Ким О.В. К вопросу о ранней модернизации в Европе и России (мир-системная парадигма) // Средние века. 2009. Вып. 70 (1—2). С. 139.*

⁷ *Чистозвонов А.Н., Барг М.А. Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV—XV вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.*

⁸ *Роджерс Дж.Э.Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. СПб., 1899. С. 140.*

⁹ *Эшли У.Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897. С. 329—330.*

¹⁰ *Unwin G. The Gilds and Companies of London. L., 1908; Social Evolution in Medieval London // Finance and Trade under Edward III. Manchester, 1918.*

капитализма»¹¹. Э. Липсон также утверждал, что капитализм имел место в Англии уже в начале XIV в.: «Капитализм существовал в шерстяной и камвольной промышленности за четыре века до появления машин»¹². В 70-е гг. XX в. крайней точки зрения придерживался Джон Хатчер: «Богатые капиталисты были достаточно сильны в торговле оловом на юго-западе по крайней мере начиная с конца XIII века»¹³. В 1991 г. Кристофер Дайер приходит к выводу о том, что капиталисты и потенциальные капиталисты жили в Англии XV в.¹⁴

Можно сказать, что в истории английского города, и прежде всего его экономики, XIV—XV вв. до сих пор остаются «темными веками» в смысле изученности процессов, происходивших в нем. Поэтому и сейчас вполне актуально звучат слова Я.А. Левицкого: «Исследование типологии процесса возникновения в городах условий и предпосылок для перехода к капитализму требует специального конкретного анализа всей совокупности данных о развитии городов в XIV—XV вв., в тех или иных странах Западной Европы»¹⁵.

С конца XIX в. появилось достаточно большое количество трудов, посвященных разным проблемам городского развития в Англии. Правда, нужно отметить значительный перекоп в сторону конституционных и правовых аспектов истории средневекового английского города. В 1963 г. исследователь социальной и экономической истории Англии в Оксфордском университете У. Хоскинз в связи с этим заметил: «Результат тот, что мы знаем неожиданно мало об экономике, социальной структуре и росте английских городов ранее конца XVIII в.»¹⁶. Через четверть века в 1988 г. Роберт Готфрид, говоря об англо-американской литературе, отмечал: «О средневековых английских городах написано много. Но до Второй мировой войны большинство исследований в отличие от работ, посвященным континентальным городам, было ограничено политическими и конституционными вопросами <...> Более того, это продолжалось еще долго после того, как другие историки начали обращаться к более широким вопросам»¹⁷. Р. Готфрид считал, что центр внимания начал смещаться только к середине 70-х гг. XX в.

¹¹ *Postan M. The Fifteenth Century // The Economic History Review. 1939. Vol. 9. № 2. P. 165.*

¹² *Lipson E. A Short History of Wool and Its Manufacture (Mainly in England). L., 1953. P. 69.*

¹³ *Hatcher J. English Tin Production and Trade before 1550. Oxford, 1973. P. 50.*

¹⁴ *Dyer J. Were There Any Capitalists in Fifteenth-Century England // Enterprise and Individuals in Fifteenth-Century England. 1991. P. 21.*

¹⁵ *Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 193.*

¹⁶ *Hoskins W.G. Provincial England. L., 1963. P. 68.*

¹⁷ *Gottfried R.S. English Towns in the Later Middle Ages // Journal of Interdisciplinary History. Cambridge, 1988. Vol. 19. № 1. P. 87.*

Безусловно, это не значит, что экономическая история Англии совершенно осталась за пределами внимания историков. Достаточно вспомнить фундаментальные работы представителей историко-экономического направления в английской медиевистике. Думается, нет нужды характеризовать работы Дж.Т. Роджерса, У.Дж. Эшли, У. Кенингема, поскольку их подробно рассмотрели Е.В. Гутнова, Я.А. Левицкий, А.А. Кириллова, М.М. Яброва¹⁸. Не касаясь и известных штудий А. Грин и Дж. Анвина, обратимся к более поздним исследованиям английского средневекового города. Хотя вопросы социально-экономического развития стали привлекать большее внимание, они, как правило, ограничивались историей городских финансов и торговли (преимущественно внешней). Тот же У. Хоскинз, сетовавший на отсутствие внимания к экономической истории, базировал свое изучение провинциальных городов на отчетах о субсидиях первой половины XVI в. Значительное количество работ было посвящено внешней торговле. Еще в 1933 г. вышла коллективная монография «Исследования по английской торговле XV в.»¹⁹, в которую вошли статьи ведущих специалистов, таких как А. Пауэр, М. Постан, Э. Кэрус-Уилсон, С. Трапп и других. Большинство авторов основывали свои выводы на данных таможенных отчетов XV в. В статьях содержится богатый фактический материал, но все они явно отдают предпочтение внешней торговле как фактору экономического роста Англии. То же самое можно сказать о работе Дж. Рамзи, посвященной английской заокеанской торговле в позднее Средневековье²⁰. В последующие десятилетия вышло много трудов, посвященных отдельным составляющим внешней торговли — торговле оловом, шерстью, мехом, вином, зерном, солью, а также торговым связям Англии с другими странами²¹. Большинство из них опираются на архив-

¹⁸ Гутнова Е.В. Т. Роджерс и возникновение историко-экономического направления в английской медиевистике второй половины XIX в. (60—90 годы) // Средние века. 1960. Вып. 17; Она же. Историография истории Средних веков. М., 1985; Левицкий Я.А. Проблема взаимоотношений города и деревни в средневековой Англии (XI—XIII вв.) и историко-экономическое направление в английской историографии // Средние века. 1969. Вып. 32; Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV—XVII вв. М., 1969. С. 38; Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 12—13.

¹⁹ *Studies in English Trade in the Fifteenth Century*. N.Y., 1933.

²⁰ *Ramsay G.D. English Overseas Trade During the Centuries of Emergence*. L., 1957.

²¹ *Bridbury A.R. England and the Salt Trade in the Later Middle Ages*. Oxford, 1955; *Veale E. The English Fur Trade in the Later Middle Ages*. Oxford, 1966; *James M.K. Studies in the Medieval Wine Trade*. Oxford, 1971; *Hatcher J. English Tin Production and Trade before 1550*. Oxford, 1973; *Lloyd T. The English Wool Trade in the Middle Ages*. Cambridge, 1977; *Childs W.R. Anglo-Castilian Trade in the Later Middle Ages*. Manchester, 1977; *Jenks S. Robert Stumy's Commercial Expedition to the Mediterra-*

ные данные, таможенные отчеты и другие источники, но не претендуют на какие-то теоретические обобщения.

Развитию и особенно организации ремесла в английском городе посвящено несравненно меньше исследований. В конце XX в. Дж. Россер был вынужден констатировать: «Сто лет назад организация труда в средневековом городе была предметом оживленного обсуждения, но в XX в., за некоторыми исключениями, ею в основном пренебрегали»²². Имеющиеся же работы, как правило, являются или очень общими обзорами развития промышленности в целом, или детальным рассмотрением какой-то отдельной отрасли. Характерным в этом плане является коллективный труд «Английская средневековая промышленность: ремесленники, техника, изделия»²³. Каждая из 15 глав в нем посвящена одной из отраслей промышленности, в том числе производству алебастра, глиняной посуды и черепицы, использованию в ремесле кости, рога (в частности, оленьего рога) и т.п. Внутри глав материал организован единообразно: автор показывает, откуда поступало сырье, какие применялись орудия труда, какие ремесленники были заняты в производстве, как они были организованы, какую продукцию производили. В работе широко используется археологический материал, приведена масса технических деталей, но трудно назвать ее серьезным историческим исследованием.

Главной экспортной отрасли средневековой Англии — сукноделию — посвятила свой труд известная английская исследовательница Элеонора Кэрус-Уилсон, назвавшая его «Промышленная революция XIII столетия»²⁴. Основное внимание автор уделяет возникновению сукновальных мельниц, которые революционизировали производство сукна. С XIII в. преимущества оказались на стороне сельской округи, и многие старые центры по производству сукна стали приходить в упадок. Но упадок ремесленного производства в отдельных городах, по мнению исследовательницы, не означал деградации промышленности в целом. Некоторые города сохранили свое ведущее положение, а изготовление широких сукон переместилось с востока Англии на запад, где были не только источники превосходной шерсти, но и богатые водные ресурсы. Эти выводы не вызывают возражений. Но трудно согласиться с тем, что

nean (1457/8) // Bristol Record Society Publications. 2006. Vol. 58; *Flavin S., Jones E.T.* Bristol's Trade with Ireland and the Continent: The Evidence of the Exchequer Customs Accounts. Dublin, 2009.

²² *Россер Дж.* Ремесленные гильдии и организация труда // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. II. С. 142.

²³ *English Medieval Industries: Craftsmen, Techniques, Products* / Ed. by J. Blair, N. Ramsay. L., 1991.

²⁴ *Carus-Wilson E.M.* An Industrial Revolution of the Thirteenth Century // *Medieval Merchant Venturers*. L., 1967. (Впервые статья была напечатана в 1941 г. в журнале "The Economic History Review").

в английских городах уже в конце XIII—начале XIV в. жили капиталистические предприниматели, хотя, безусловно, строительство и эксплуатация сукновальных мельниц требовали больших денежных средств²⁵.

В 1971 г. появилось исследование Кеннета Понтинга «Суконная промышленность юго-запада Англии»²⁶. Работа является очень общей, поскольку охватывает материал от раннего Средневековья до промышленной революции включительно. В ней хорошо представлен технологический процесс производства сукна, но в плане теоретических обобщений она мало что добавляет к статье Э. Кэрус-Уилсон.

В последние десятилетия появилось довольно много работ, посвященных европейским средневековым гильдиям, как ремесленным, так и торговым. Они рассматривают их религиозные, политические и экономические функции. Как отмечает К. Кассон в своей рецензии на книгу Дж. Россера, «поскольку объем исследований возрастал, они становились все более фрагментированными»²⁷. Из обобщающих штудий, посвященных английским гильдиям, можно назвать лишь полемическую статью Хедер Суонсон «Иллюзия экономической структуры: ремесленные гильдии в позднесредневековых английских городах», появившуюся в 1988 г., и ее книгу 1989 г. «Средневековые ремесленники: городской класс в позднесредневековой Англии»²⁸. Опираясь в основном на данные г. Йорка, автор делает вывод: «профессиональная структура» английских городов — «мнимая», и обосновывает это тем, что ремесленники и члены их семей могли быть заняты в двух, трех и четырех различных видах деятельности. В этих условиях, по мнению Х. Суонсон, установить ремесленную монополию было невозможно²⁹. Искусственное разделение и строгие ограничения устанавливались городскими советами и, главным образом, с фискальными целями, а сами ремесленники не стремились к этому³⁰. Следуя своей логике рассуждений Х. Суонсон приходит к выводу: поскольку на практике жестких разграничений не было, то «совершенно неразумно приписывать гильдиям какую-либо способность влиять на экономические изменения или задерживать их», и что «экономика функционировала в значительной степени независимо от них»³¹. Многие аргументы Х. Суонсон привязаны к конкретному месту (г. Йорку), часто ее выводы являются скорее пред-

²⁵ Carus-Wilson E.M. An Industrial Revolution of the Thirteenth Century. P. 206, 222.

²⁶ Ponting K.G. The Woolen Industry of South-West England. N.Y., 1971.

²⁷ The Economic History Review. 2016. Vol. 69. P. 362.

²⁸ Swanson H. The Illusion of Economic Structure: Craft Guilds in Late Medieval English Towns // Past and Present. 1988. № 121; Swanson H. Medieval Artisans: An Urban Class in Late Medieval England. N.Y., 1989.

²⁹ Swanson H. The Illusion... P. 31—33; Medieval Artisans... P. 9.

³⁰ Swanson H. The Illusion... P. 39; Medieval Artisans... P. 144.

³¹ Swanson H. The Illusion... P. 48.

положением, а толкование документов вызывает возражения. Но работы этого автора заслуживают пристального внимания из-за обилия привлеченного материала, и хотя со многими выводами можно спорить, но исследовательница, по крайней мере, стремится к теоретическим обобщениям, чего другие современные исследователи старательно избегают. Х. Суонсон не боится затрагивать дискуссионные вопросы, тем самым показывая, как много еще спорного в истории средневекового города. В 2015 г. появилась книга Дж. Россера «Искусство солидарности в Средневековье: гильдии в Англии 1250—1550»³². Автор попытался преодолеть упоминавшуюся фрагментацию исследований, сосредоточившись на гильдейской регламентации, моделях поведения и деятельности членов ряда английских гильдий. Структура монографии построена по принципу распределения сфер деятельности, которые были характерны для всех типов гильдий, это позволяет показать разнообразие их функций. Но слабым местом книги является то, что указанные сферы деятельности выбраны произвольно, и довольно трудно определить, по какому принципу они отбирались. Кроме того, в первой главе, которая называется «Иммунитет», примеры приводятся из истории Древней Греции и современных Египта и Америки. Дж. Россер замечает, что современное общество может многое извлечь из «конструктивного потенциала человеческого сотрудничества», заложенного в средневековых гильдиях³³. В следующих главах содержится больше средневекового материала, но иногда примеры из истории городов континентальной Европы занимают слишком большой объем.

В последние десятилетия в англоязычной историографии вопросы истории английского города в переходный период стали привлекать довольно большое внимание. Наиболее популярными направлениями исследований можно считать локальную историю и новую социальную историю³⁴. Тематика публикаций поражает своим разнообразием — от истории отдельных ремесел до истории улиц и даже отдельных зданий³⁵. Прекрасный анализ британской и англоязычной историографии

³² Rosser G. *The Art of Solidarity in the Middle Ages: Guilds in England 1250—1550*. Oxford, 2015.

³³ Ibid. P. 3.

³⁴ *The English Medieval Town. A Reader in English Urban History 1200—1540* / Ed. by R. Holt and G. Rosser. L.; N.Y., 1990; *English Local History at Leicester, 1948—1978. A Bibliography of Writings by Members of the Department of English Local History, University of Leicester* / Comp. by A. Everitt and M. Tranter. Leicester, 1981; *Campbell-Kease J. A Companion to Local History Research*. Sherborne, 1989; *Phythian-Adams Ch. Re-Thinking English Local History*. Leicester, 1991; *The Oxford Companion to Local and Family History* / Ed. by D. Hey. Oxford, 2002.

³⁵ См. например: *Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800*. L., 1990; *Porter R. Disease, Medicine and Society in England, 1550—1860*. Cambridge, 1993; *Dobson M. Contours of Death and Disease in Early Modern England*. Cambridge,

в рамках указанных направлений дан в книге Л.Н. Черновой «Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв.»³⁶.

В отечественной историографии начало изучению английского средневекового города положил Я.А. Левицкий. Основное внимание он уделял раннему этапу возникновения и развития городских центров (XI—XIII вв.), но в то же время наметил перспективы для дальнейших исследований. Я.А. Левицкий отмечал, что почти не изучены соотношение цехового и внецехового ремесла, роль города в складывании внутреннего рынка, взаимоотношения города и деревни на разных этапах их существования³⁷. Занимаясь ранним этапом сукноделия в Англии, Я.А. Левицкий отмечал, что традиционно больший интерес вызывало внегородское развитие ткачества и сукноделия, а роль города явно недооценивалась. Не сосредотачиваясь специально на позднем городе, он считал, что «и для периода, когда сукноделие начинает переходить из города в деревню, и в сельских местностях основываются суконные мануфактуры (а это происходило в Англии не ранее XV в.), роль городского сукноделия в подготовке этого процесса трудно переоценить и, во всяком случае, нельзя игнорировать»³⁸. Как и в зарубежной историографии, вопрос о времени появления ранних форм капиталистического производства в Англии отечественными историками решался по-разному. Я.А. Левицкий, имея в виду XIV—XV вв., писал: «Город в это время в Западной Европе еще развивался как город феодальный, хотя, бесспорно, в нем уже начали возникать некоторые условия и предпосылки для перехода в дальнейшем к капитализму»³⁹. Правда, исследователь не конкретизировал своего положения. Е.А. Косминский, хотя и являлся специалистом, прежде всего, по аграрной истории Англии, выражался более определенно: «Именно в XIV—XV вв. было заложено начало английской суконной промышленности, рассчитанной на экспорт и сыгравшей такую крупную роль в развитии английского капитализма»⁴⁰.

В конце XX в. А.А. Сванидзе вполне определенно относит возникновение раннекапиталистических отношений в развитых странах Европы к XIV в.: «В наиболее развитых странах Западной Европы, где цеховые

1997; *Maps and History in South-West England* / Ed. by K. Barker and R. Cain. Exeter, 1991 и др.

³⁶ Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.; СПб., 2016. С. 9—19.

³⁷ Левицкий Я.А. Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма // *Он же. Город и феодализм в Англии*. М., 1987. С. 177—194.

³⁸ Левицкий Я.А. Ранний этап развития сукноделия в английских городах (XII—XIII вв.) // *Он же. Город и феодализм в Англии*. С. 238.

³⁹ Левицкий Я.А. *Город и феодализм в Англии*. С. 191.

⁴⁰ Косминский Е.А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? // *Средние века*. М., 1957. Вып. X. С. 270.

общности в городах сложились достаточно рано и повсеместно, они уже с XIV в. стали трансформироваться, приобретая раннекапиталистические черты в области производства, трудовых и личных отношений, этических установок»⁴¹. И хотя автор не говорит конкретно об Англии, но ее вполне можно отнести в разряд наиболее развитых стран Западной Европы.

Специально социально-экономическому развитию английских городов преимущественно в XIV в. посвятила свои работы А.А. Кириллова⁴². Она совершенно определенно писала: «Уже в первой половине XIV в. делается ясным, что быстрое развитие суконной промышленности невозможно без создания новой экономической организации производства»⁴³. Используя материал, главным образом, городов Восточной Англии, она впервые в отечественной медиевистике рассмотрела социальные противоречия внутри цеха и в городе в целом, подробно остановилась на изменении положения учеников, образовании и развитии патрициата. Правда, XV в. в ее исследованиях оказался затронутым лишь бегло.

Н.М. Мещерякова в своей работе, посвященной генезису капитализма в промышленности Англии, «переход английского общества от феодализма к зрелому капитализму» относит к XVI—первой половине XVII в. и отмечает, что в ткацкой и суконной промышленности Англии раннекапиталистическое производство спорадически возникало к концу XV в.⁴⁴ Хотя данные, которыми оперирует Н.М. Мещерякова, в такой же мере относятся к XIV—XV вв., как и к XVI в., тем более что деятельность скупщиков-раздатчиков она отмечает уже в XIV в.

Единственной работой в отечественной историографии, непосредственно посвященной возникновению раннекапиталистических отношений в городах Англии начиная с XIV в., является книга М.М. Ябровой⁴⁵. Во введе-

⁴¹ Сванидзе А.А. Наемный труд и трудовая этика в ремесленных цехах Швеции: уставные принципы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. II. С. 166.

⁴² Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1969. Вып. 321; Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV—XVII вв.; Она же. Ученичество в торговых и ремесленных гильдиях английских городов XIV—XV вв. // Средние века. М., 1969. Вып. 32; М., 1971. Вып. 33; Она же. Завещания как источник по истории средневекового английского города XIV—XV вв. // Из истории западноевропейского Средневековья. М., 1972; Она же. Социально-психологическая характеристика английского купечества в XV—XVI вв. // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979.

⁴³ Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. С. 75.

⁴⁴ Мещерякова Н.М. Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI—первой половины XVII века // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978. С. 178—179.

⁴⁵ Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI века). Саратов, 1983.

нии М.М. Яброва отмечает, что «капиталистической эре», начало которой относят к XVI в., должен был предшествовать подготовительный период, поскольку ничто новое не возникает на пустом месте⁴⁶. В этой монографии впервые в отечественной медиевистике были прослежены городские истоки капиталистических отношений в Англии. Опираясь на широкий круг источников, М.М. Яброва рассматривает развитие купеческого и банковско-ростовщического капитала, складывание коммерческого кредита, проникновение торгового и ростовщического капитала в ремесло. В работе поставлен также очень важный вопрос о характере и эволюции наемного труда в городе. В нашей литературе специальных трудов по формированию в Англии слоя наемных рабочих пока нет. М.М. Яброва отметила неразрывную связь возникновения раннекапиталистических отношений с внешней торговлей, которая была одним из главных способов накопления капитала.

В 1993 г. появилась статья А.А. Сванидзе «Наемный труд и наемные работники Средневековья: феодальные формы»⁴⁷. Рассмотрение вопроса базируется на материале Швеции, но автор обоснованно отмечает его актуальность для изучения истории и других стран: «Исследование наемного труда также относится к дискуссии о соотношении товарного уклада и феодального способа производства, товарного уклада и капитализма, о «границах» между феодализмом и ранним капитализмом в Европе»⁴⁸. Совершенно справедливо А.А. Сванидзе отмечает, что складывание наемного труда в ремесле зависело от уровня развития последнего, от «соотношения с деревней в смысле трудовых ресурсов, сырья и рынка сбыта», от развития внешней торговли, которая в Средние века была стимулом для производства⁴⁹. Но поскольку уровень развития ремесла, связи города с округой, а также характер внешней торговли в разных странах — различный, то логично предположить, что и процесс складывания слоя наемных рабочих будет иметь в них свои особенности.

Таким образом, с того времени, как началось серьезное изучение истории английского средневекового города, в отечественной медиевистике появилось достаточно много интересных работ. Тем не менее, значительный круг вопросов остался еще за пределами внимания. Помимо тех проблем, на которые указывал еще Я.А. Левицкий, необходимо глубже проследить соотношение промышленности и торговли

⁴⁶ Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 34.

⁴⁷ Сванидзе А.А. Наемный труд и наемные работники средневековья: феодальные формы (Городское ремесло. Швеция. XIV—XV вв.) // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии. М., 1993.

⁴⁸ Сванидзе А.А. Наемный труд и наемные работники средневековья: феодальные формы. С. 62.

⁴⁹ Там же. С. 64—65.

в экономическом развитии Англии, цехового и внецехового ремесла, формирование рынка наемного труда в городе, разложение ремесленных гильдий и возникновение новых форм производства в провинциальных городах, а не только в столице, и многое другое. На материале других стран некоторые из этих проблем уже решались, достаточно сослаться на изыскания В.И. Рутенбурга, С.М. Стама, А.А. Сванидзе, Ю.К. Некрасова, Л.А. Котельниковой и других⁵⁰.

Однако перспективные подходы и направления в изучении английского города и общества в период Средних веков и раннего Нового времени требуют, как отмечает А.Л. Ястребицкая, «критического осмысления и обобщения»⁵¹. Но никакие обобщения невозможны без накопления материала в области локальной истории, поэтому так важны исследования специфики отдельных городов.

В англоязычной литературе большое количество научных трудов посвящено отдельным городам Англии. Еще в 1948 г. в Лестерском университете был создан «Факультет английской локальной истории», который возглавил У.Дж. Хоскинз⁵². С 1982 г. деятельность исследователей данного направления объединяет «Британская Ассоциация локальной истории»⁵³.

В отечественной историографии история провинциальных английских городов только начинает разрабатываться. Еще в 70-е гг. XX в. В.В. Штокмар и В.А. Евсеев посвятили свои статьи Берик-на-Твиде и Ньюкаслу-на-Тайне в конце XVI—начале XVII в.⁵⁴ В последние десяти-

⁵⁰ *Рутенбург В.И.* Очерки по истории раннего капитализма в Италии: Флорентийские компании XIV века. М.;Л., 1951; *Стам С.М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII вв.). Саратов, 1969; *Сванидзе А.А.* Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980; *Некрасов Ю.К.* К социально-экономической истории Аутсбурга в XV веке // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2; *Он же.* Цеховое ремесло и ранний капитализм // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6; *Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в VIII—XV веках. М., 1987.

⁵¹ *Ястребицкая А.Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. М., 1995. С. 17.

⁵² *English Local History at Leicester, 1948—1978 // A Bibliography of Writings by Members of the Department of English Local History, University of Leicester / Comp. by A. Everitt and M. Tranter.* Leicester, 1981.

⁵³ *The Oxford Companion to Local and Family History / Ed. by D. Hey.* Oxford, 2002. P. 48—49.

⁵⁴ *Штокмар В.В.* Берик-на-Твиде в конце XVI—начале XVII в. // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5; *Евсеев В.А.* Компания торговцев углем Ньюкасла-на-Тайне в конце XVI—начале XVII вв. // Там же; *Он же.* Компания купцов-авантюристов Ньюкасла-на-Тайне в XVI—начале XVII в. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980; *Он же.* Социально-политическое развитие Ньюкасла-на-Тайне в XVI—первой половине XVII в. // Англия XV—XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма. Горький, 1981.

летия В.А. Евсеев обратился к различным аспектам городской жизни Вустера, Уорвика, Бирмингема, Йорка, Ливерпуля, Беверли и некоторых других локальных городских центров⁵⁵. Торговыми компаниями г. Йорка XV—XVI вв. занимается С.П. Петрова-Маркова⁵⁶. Правда, социально-экономическим проблемам более раннего периода XIV—XV вв. внимания почти не уделялось.

Бристоль избран нами в качестве объекта исследования не случайно — он является провинциальным английским городом, а это позволяет судить о процессах, которые происходили не только в столице, но и в остальных городах. С другой стороны, он был одновременно (и до сих пор остается) крупнейшим портом на западе Англии и значительным промышленным центром. Поэтому на его материале можно рассмотреть не просто место и роль торговли в экономике или эволюцию ремесленного производства, но и их взаимное влияние, а также составить цельное представление о процессах, происходивших в средневековых английских городах.

Как уже отмечалось, в рассматриваемый период в английском городе зарождались новые явления и в экономике, и в социальных отношениях. В этой связи логично поставить вопрос: поскольку Лондон среди английских городов был явлением исключительным, возможно, новые отношения были характерны только для столицы, а провинциальные города продолжали жить по старинке? Локальные исследования позволяют найти вполне убедительный ответ. Кроме того, они помогают понять, где же раньше начали появляться новые, раннекапиталистические отношения — в городе или в деревне, поскольку традиционно возникновение капиталистических отношений в Англии связывали с изменениями, происходившими в сельском хозяйстве. Бристольские документы дают возможность проследить процесс зарождения новых форм организации производства, а также те экономические и социальные противоречия, которые сопровождали его. Только изучив конкретный материал отдельных городов, логично сделать обобщения, касающиеся всей Англии. Анализ документов провинциальных городов, в данном случае Бристолья, поможет ответить на вопрос: было ли возникновение раннекапиталистических отношений в Италии XIV в. феноменом специфическим для этой страны, или в других европейских государствах тоже происходили подобные процессы. Тот факт, что Бристоль являлся и значительным ремесленным центром, и крупным портом страны, позволяет рассмотреть взаимовлияние внешней торговли и ремесленного производства, а также их роль в экономическом

⁵⁵ Евсеев В.А. Английский город в Тюдоровскую эпоху: Регионы и города. Иваново, 1995; Он же. Очерки по истории английского города раннего нового времени. Иваново, 2010.

⁵⁶ Многолетние исследования нашли обобщение в ее книге «Английские купцы-авантюристы». СПб., 2011.

процветании города. Интересно посмотреть, как сказывались широкие международные связи и предпринимательская активность на менталитете средневековых горожан, было ли какое-то отличие между социальным обликом жителей крупного порта и города, связанного лишь с ближайшей округой. Изучение конкретного города позволяет пристально всмотреться в те процессы, которые происходили во многих сферах городской жизни.

В англоязычной историографии Бристолью посвящено достаточное количество работ, хотя и не сказать, что очень много. Но почти всем этим трудам присущи те же особенности, что и штудиям по истории английского города в целом. Ранние исследования посвящены преимущественно юридическим и конституционным вопросам. Или они дают очень общее представление о развитии города в течение довольно длительного периода. Ярким примером такого рода эрудитских произведений может служить «История и древности города Бристоля» Уильяма Баррета, изданная еще в 1789 г.⁵⁷ В ней не ставятся какие-либо серьезные проблемы социального или экономического развития, но она дает интересный фактический материал. В XIX—начале XX в. также было издано несколько общих работ по истории города⁵⁸. Основное внимание в них уделено участию города в политических событиях и взаимоотношениям с королевской властью. Хотя можно найти материал и о топографии города, внутригородских событиях, о торговле сукном, об отдельных выдающихся купцах. И в последующие десятилетия появлялись издания, носившие скорее энциклопедический характер. Среди них отметим сборник «Бристоль и его округа»⁵⁹, материалы которого не были объединены какой-то общей проблемой. Тематика статей включала и историю бристольского региона в римские времена, и очерк о Бристолье в Средние века, и очень специальную статью о процедуре взимания долгов в Бристолье XIV—XV вв.

Изучение отдельных сторон городской жизни начинается только в XX в. В 30-е гг. начали появляться работы Элеоноры Кэрус-Уилсон, много сделавшей не только в исследовательском плане, но и в деле издания источников. Основные ее интересы связаны с историей внешней торговли Англии, а также местом Бристоля в ней. В упоминавшемся выше сборнике «Исследования по английской торговле в XV в.» была помещена ее статья «Заокеанская торговля Бристоля»⁶⁰, в которой помимо торговли затрагивались многие стороны жизни города в XV в. Э. Кэрус-

⁵⁷ Barrett W. The History and Antiquities of the City of Bristol. Bristol, 1789.

⁵⁸ Dallaway J. Antiquities of Bristol in the Middle Ages. Bristol, 1834; Lucas S. Illustration of Bristol History. Bristol, 1853; Hunt W. Bristol. L., 1887; Harwey A. Bristol: A Historical and Topographical Account of the City. L., 1906.

⁵⁹ Bristol and Its Adjoining Countries. Bristol, 1955.

⁶⁰ Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. P. 183—247.

Уилсон обратила внимание на тесную связь внешней торговли Бристоля и его развития как ремесленного центра, коснулась вопроса о роли города в складывании внутреннего рынка в Англии. Хотя, конечно, ее в первую очередь интересовали основные направления внешней торговли, состав экспорта и импорта, развитие английского флота в XV в., роль крупных купцов и судовладельцев в экономическом преуспевании города. Много внимания уделяла исследовательница вопросу организации внешней торговли и, прежде всего, возникновению и раннему периоду деятельности компании купцов-авантюристов⁶¹.

Возможно потому, что богатство Бристоля в значительной степени основывалось на внешней торговле, исследование его экономики сводилось, главным образом, к изучению лишь этой ее стороны. Но трудно назвать какие-либо работы, сопоставимые с трудами Э. Кэрус-Уилсон. Сошлемся на изыскания М. Балларда и Дж. Шерборна, посвященные бристолюскому порту⁶². Они затрагивают вопросы, прежде всего, связанные с созданием, функционированием и управлением именно портом. В тех местах, где речь идет о торговле, осуществлявшейся через порт, авторы не дают ничего нового по сравнению с работами Кэрус-Уилсон. В 1984 г. Энн Крофорд, архивист из Бристоля, опубликовала работу под названием «Бристоль и винная торговля»⁶³. В 28 страниц текста она уместила материал восьми веков (с XIII по XX), поэтому, естественно, книжка получилась очень общей и компилятивной. Возможно, о ней не следовало упоминать, но она наглядно показывает уровень большинства работ, посвященных социально-экономическому развитию Бристоля. Приятным исключением является штудия С. Флавин и Э. Джонс о бристольской торговле с Ирландией и континентальными странами, построенная на данных таможенных отчетов⁶⁴. Исследований, касающихся развитию ремесла в средневековом Бристоле, мы не найдем. В 1969 г. вышла книга Р. Бьюканана и Н. Коссонса «Промышленная археология бристольского региона»⁶⁵, но ее трудно назвать исследовательской, поскольку она дает только общее представление о возникновении различных отраслей промышленного производства.

В последнее время появляются работы, касающиеся отдельных аспектов истории средневекового Бристоля. Например, книга Роджера

⁶¹ *Carus-Wilson E.M. Merchant Adventurers of Bristol in the Fifteenth Century. Bristol, 1962.* (Переиздание работы 1928 г.).

⁶² *Sherborne J. The Port of Bristol in the Middle Ages. Bristol, 1965; Ballard M. Bristol Seaport City. L., 1966.*

⁶³ *Crawford A. Bristol and the Wine Trade. Bristol, 1984.*

⁶⁴ *Flavin S., Jones E.T. Bristol's Trade with Ireland and the Continent: The Evidence of the Exchequer Customs Accounts. Portland, 2009.*

⁶⁵ *Buchanan R.A., Cossons N. The Industrial Archaeology of the Bristol Region. N.Y., 1969.*

Лича по топографии города⁶⁶ или Стюарта Дженкса, посвященная торговой экспедиции в Средиземное море Роберта Стерми⁶⁷.

Таким образом, целый ряд проблем, связанных с историей английского города периода Средних веков и раннего Нового времени, все еще остается мало изученным и нуждается в дополнительных исследованиях.

Рассмотрение заявленных тем требует привлечения разнообразных источников. Их характеристику можно начать с документов по истории Бристоля. Благодаря деятельности Бристольского архивного общества ("Bristol Record Society") город располагает большим количеством опубликованных материалов, хотя не все они относятся к рассматриваемому времени. К сожалению, в Бристоле отсутствуют протоколы заседаний средневекового городского Совета. Но его решения и распоряжения по многим вопросам были записаны в двух «Красных Книгах»⁶⁸. «Малая Красная Книга» включает различные документы с 1344 по 1574 г. В 1346 г. городской клерк Уильям де Коулфорд внес в нее все уставы ремесленных гильдий, а затем на протяжении почти 150 лет в «Книгу» продолжали заноситься постановления, имевшие отношение к ремеслу города. Эти документы содержат материал об основных отраслях ремесленного производства в Бристоле, о функциях цехов и объеме их прав, о социальных отношениях внутри них, об организации управления, о происходивших в них изменениях и возникновении новых форм производства. Но этим вовсе не исчерпывается содержание такого богатого источника. Некоторые сведения «Малая Красная Книга» дает об организации торговли в городе, причем как внутренней, так и внешней. Поскольку основное богатство города происходило от экспортной торговли, то не удивительно, что «Книга» включает документы по истории бристольского Стапля. Многие записи характеризуют общественную жизнь города, например, «Малая Красная Книга» содержит списки членов городского совета за многие годы. Это позволяет проследить роль различных социальных слоев в управлении городом. Некоторые документы характеризуют саму организацию управления Бристолем. Часть из них дает представление о взаимоотношениях купечества с королевской администрацией и церковью, о бытовой стороне жизни горожан в XIV—XVI вв.

Намного меньше использовалась исследователями «Большая Красная Книга», названная так по аналогии с «Малой». Книга содержит несколько документов XIII и начала XIV в., но основная масса относится к концу

⁶⁶ *Leech R. The Topography of Medieval and Early Modern Bristol. Bristol, 1997.*

⁶⁷ *Jenks S. Robert Sturmy's Commercial Expedition to the Mediterranean (1457/8). Bristol, 2006.*

⁶⁸ *The Little Red Book of Bristol / Ed. by F.B. Bickley. Bristol, 1900. V. I—II. (Далее — LRB); The Great Red Book of Bristol / Ed. by E.W.W. Veal. Bristol, 1931—1953. V. I—V. (Далее — GRB).*

XIV, XV и XVI столетиям. Хотя ранее датированные документы записаны на начальных страницах, в дальнейших записях нет никакого хронологического порядка: документы разных веков перемешаны между собой. Издатель «Большой Красной Книги» Э. Вил считает, что записи не делались последовательно, иногда клерки оставляли значительное число пустых страниц, чтобы обеспечить хотя бы приблизительную упорядоченность содержания. Нет неизбежной связи между датой составления документа и датой, когда он был записан в «Книгу». И хотя первой записью является документ, датированный 1240 г., это вовсе не означает, что «Большая Красная Книга» была начата в указанном году. Установить дату, когда она была начата, довольно трудно. Сравнивая почерки, которыми записаны документы, а также способы их группировки, Э. Вил пришел к выводу, что первые записи в «Большой Красной Книге» появились в 1376 г.⁶⁹ Первоначально она служила для записи иных, нежели в «Малой Красной Книге» документов. В ней регистрировались различные сделки с недвижимостью, записывались завещания, а также фиксировались лицензии на торговлю и охранные свидетельства на корабли и товары. Но поскольку к середине XV в. «Малая Красная Книга» была почти заполнена, «Большая» стала использоваться как ее продолжение. Поэтому в ней появились документы, имевшие отношение к ремеслу города, и распоряжения по административным вопросам. Тем не менее, «Большая Красная Книга» дает преимущественно материал для изучения торговли Бристоля.

В 1937 г. Э. Кэрус-Уилсон опубликовала сборник документов, касающихся внешней торговли Бристоля в XIV—XV вв.⁷⁰ Исследовательница отмечала, что история бристольской торговли еще не написана, поскольку изданных источников по этому вопросу мало, а те, которые есть, сосредоточены не столько в архивах Бристоля, сколько в других местах, с которыми город имел дело⁷¹. Указанный сборник был составлен с целью восполнить данный пробел. Большую ценность ему придают таможенные отчеты за XIV—XV вв., без которых трудно понять объем внешней торговли города и ее расширение. Благодаря им можно составить представление о том, какие купцы торговали с теми или иными странами, состав экспорта и импорта, соотношение иностранных и английских купцов и кораблей, участвовавших в торговле, и многом другом. Кроме таможенных отчетов в сборник включены лицензии на торговлю, охранные свидетельства на английские и иностранные корабли, петиции в суд лорда-канцлера, отчеты о плаваниях и другие документы.

⁶⁹ The Great Red Book of Bristol. V. I. P. 2.

⁷⁰ The Overseas Trade of Bristol in the Later Middle Ages / Sel. and ed. E.M. Carus-Wilson. Bristol, 1937.

⁷¹ Ibid. P. 1.

Некоторые сведения о социальном развитии города и его управлении можно получить из «Календаря мэров», составленного в XV в. городским клерком Робертом Рикартом⁷². В свой «Календарь» Р. Рикарт не только фиксировал имена мэров, но и описал «похвальные обычаи» своего города, что каждый мэр должен знать, какие обязанности исполнять, а также заносил, как в летопись, из года в год выдающиеся, с его точки зрения, события, связанные с городом. Правда, исследователи, занимавшиеся публикацией документов из бристольских архивов, подвергают сомнению многие сведения, приведенные Р. Рикартом. Так, издатель «Картулярия госпиталя Св. Марка» Ч. Росс считает, что списки мэров и чиновников, составленные Рикартом для XIII в., ошибочны практически полностью. Для XIV в. между 1317 и 1350 гг. можно проверить записи Рикарта за 25 лет, и в 15 из них он допустил ошибки в именах чиновников или датах их службы⁷³. Поэтому использовать данный источник приходится осторожно, хотя не учитывать его нельзя. Тем более что списки членов городского совета с именами мэров, приведенные в «Малой Красной Книге», помогают уточнить некоторые сведения.

В качестве источников использовались и городские книги г. Йорка, записи в которых начинаются с марта 1474/75 гг.⁷⁴ Они не являются протоколами заседания городского совета. Городской клерк заносил в книги то, что сам считал достойным внимания. Но именно благодаря этой особенности городских книг Йорка мы имеем богатейший корпус данных не только по всем вопросам городской жизни, но и по истории Англии в целом.

Интересный материал по разным вопросам можно извлечь из переписки мэров и городского совета Лондона с администрацией других городов⁷⁵. Послания направлялись после судебных разбирательств о долговых обязательствах, нарушениях контрактов, для урегулирования отношений между отдельными купцами. Некоторые сведения по рассматриваемым вопросам содержатся в королевских хартиях, парламентских документах, законодательных актах и правительственных распоряжениях⁷⁶.

Материалом для рассмотрения социальной истории Англии XVII в. являются дневники Сэмюэля Пипса (1633—1703), крупного чиновника

⁷² Ricart R. The Maire of Bristowe is Kalendar / Ed. by L.T. Smith. L., 1872.

⁷³ Cartulary of St. Mark's Hospital Bristol / Ed. by C.D. Ross. Bristol, 1959. Introduction. P. 38.

⁷⁴ York Civic Records / Ed. by A. Raine. Wakefield, 1939—1978. V. 1—9. Новый год в Англии в XV в. приходился на начало марта, поэтому необходимо указывать двойную дату.

⁷⁵ Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London. 1350—1370 / Ed. by R.R. Sharp. L., 1885.

⁷⁶ Bristol Charters (1153—1373) / Ed. by N.D. Harding. Bristol, 1930; Rotuli Parliamentorum ut et petitiones et placita in Parlamento, 1278—1503. L., 1832. V. 13; Statutes of the Realm, 1101—1713 / Ed. by A. Luders, T. Tomlins. L., 1810—1816. V. I—II; Calendar of Close Rolls. L., 1892—1927. V. 1—24; Calendar of Patent Rolls Preserved in the Public Record Office. L., 1891—1916. V. 1—27.

Адмиралтейства⁷⁷. Пять лет (с 1655 по 1660 г.) он служил мелким клерком Казначейства, а затем благодаря способностям и трудолюбию (равно как и поддержке своего двоюродного дяди Эдварда Монтегю, графа Сандвича) занимал ответственный пост в Военно-морской коллегии (до 1673 г.). После был секретарем Адмиралтейства, секретарем короля (т.е. министром) по военно-морским делам (до 1689 г.). Дважды избирался в парламент, в качестве президента возглавлял Королевское научное общество. Среди его друзей были Исаак Ньютон, Роберт Бойль, писатель Джон Драйден и архитектор Кристофер Рен.

Другим богатейшим источником по социальной истории Англии является дневник Д. Эвелина (1620—1706)⁷⁸. Он был сыном крупного землевладельца и получил образование в Лондоне и Оксфорде. После начала Гражданской войны Д. Эвелин в 1643 г. уехал за границу, сначала во Францию, а затем в Италию. В 1652 г. вернулся в Англию, и через несколько лет был принят при дворе Якова II. С 1662 г. служил во многих комиссиях — Комиссии по усовершенствованию лондонских улиц, Комиссии по ремонту Собора Святого Павла, Комиссии Королевского Монетного Двора. Будучи членом Комиссии для больных, раненых моряков и военнопленных, участвовавших в англо-голландских войнах, он заразился и переболел чумой. С 1671 до 1674 г. Д. Эвелин работал в Совете по колониальным делам. Был членом Совета Королевского научного общества, и оставался его пожизненным членом.

Дневники Сэмюэля Пипса и Джона Эвелина представляют особый интерес, поскольку наряду с событиями политической, религиозной, культурной жизни страны в них уделено большое внимание бытовой, личной и семейным сторонам. Конечно, можно выразить сомнение в том, возможно ли на основании одного или двух дневников делать какие-то обобщения о жизни целого города или даже городов вообще. Но, говоря о себе, о своих чувствах, семейных проблемах, мемуаристы сообщают и общие сведения, дающие возможность представить жизнь улицы, уровень благоустройства городов, виды развлечений, болезни и состояние медицины в рассматриваемый период, и многое другое.

Перечисленные источники позволяют рассмотреть социальную историю Англии за несколько столетий, охватив практически весь спектр проблем — от экономики до повседневной жизни и социальной психологии, дополняя друг друга и раскрывая разные грани общества.

⁷⁷ *Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription / Ed. by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I—III; Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника / Вступ. ст., сост., пер. с англ., именной указатель и прим. А. Ливерганта. М., 2001.*

⁷⁸ *Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I—II; Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. With Memoir. L., 1890.*

Часть I

Социально-экономическое
развитие Англии
XIV—XV вв.

(на примере
города Бристоль)

Торговля Бристоля: внутренняя и внешняя

§ 1. Городской рынок

Самое раннее название Бристоля — “Bricgstow”, ведет свое начало от неизвестной даты в англо-саксонский период и означает «место у моста» (“stow” с др-англ. — «место»). Скопление домов у переправы через Эйвон разрослось на склоне, окруженном двумя реками, — Эйвоном и его притоком Фромой. Первые поселенцы выбрали место очень удачно, поскольку реки были естественной защитой от нападений с суши, а удаленность поселения примерно на 6 миль от моря обезопасила его от вторжений по воде¹.

В отличие от Лондона, Йорка или Кентерберри Бристоль не имел античного происхождения, хотя римские виллы на территории города были обнаружены в Брайлингтоне (1899) и в Кинг Уэстон Парк (1947)². Не был он и епископским центром или главным городом графства, как Глостер. Но благодаря своему географическому положению он имел уникальные преимущества, чтобы догнать и опередить возникшие раньше его города и занять важное стратегическое, а потому и политическое положение в стране. Слияние Эйвона и Фромы обеспечивало защищенную от приливных волн гавань, удобную для обороны. Здесь же сходились большие внутренние водные пути (р. Северн и ее притоки), что давало Бристолью удобный случай занять командную позицию в торговле округа, известной своим плодородием и богатством.

Первые сведения о Бристолье дошли до нас от конца царствования Этелреда II (978—1016) в виде монет, отчеканенных на городском монетном дворе. «Малый англо-саксонский пенни», можно сказать, является историческим документом, предшествующим первым письменным упоминаниям о Бристолье в «Англо-Саксонской хронике» 1051 г., в кото-

¹ Little B. The City and County of Bristol. Wakefield, 1967. P. IX.

² Pevsner N. The Buildings of England: North Somerset and Bristol. L., 1958. P. 355.

рой сообщается, что город посетил король Гарольд³. Наличие монетного двора предполагает некоторый местный спрос на деньги и определенный уровень экономической активности, поэтому город, который давал работу шести чеканщикам, не мог быть случайным рынком. Возможно, связь следует искать в торговле между Бристолем и поселениями скандинавов на восточном побережье Ирландии, поскольку исторически внешняя торговля обычно предшествовала внутренней. Но к XII в. город связан и с внутренними районами страны, т.к. в хартии Иоанна от 1188 г. среди предметов, которыми торговали на городском рынке, были перечислены сукно, шерсть, шкуры и зерно⁴.

Как уже отмечалось, ядро Старого Бристоля лежало на мысу между Эйвоном и Фромой, к этой естественной защите были добавлены крепостные стены, прорезанные тремя воротами. От них три улицы вели к центру, где по кругу располагались три церкви и неподалеку — Гилдхолл. Уже к XIII в. город вырос за рамки этих первых городских стен, и рядом с ними возникли процветающие пригороды. Самым богатым из них был Рэдклиф, где сосредоточивалось суконное производство. В 1239—1247 гг. Рэдклиф обнесли крепостной стеной и присоединили к городской территории. Другим показателем процветания и расширения города было строительство новой гавани, для чего изменили русло Фромы⁵. К XIV в. население города составляло примерно 10 тыс. человек. По данным налоговых списков подушной подати 1377 г. исследователи приходят к разным выводам. В зависимости от того, какой коэффициент неучтенного населения они применяют (дети моложе 14 лет, нищенствующие монахи, бродяги, те, кто уклонился от уплаты), цифры колеблются от 9518 до 13959 человек⁶. Скорее всего, в начале века в городе жило примерно столько же народа или немного больше. Черная смерть середины столетия, видимо, не особенно сильно повлияла на количество жителей Бристоля. М. Постан считает, что, хотя население большей части английских городов после 1350 г. уменьшилось, оно оставалось более или менее стабильным в Лондоне, Бристоле, Саутгемптоне и еще в двух или трех морских портах страны⁷. На протяжении XIV—XV вв. Бристоль — второй после Лондона городом по богатству и количеству населения.

Географическое положение Бристоля как бы естественно предопределило ведущее значение города в торговле Западной Англии. Он был практи-

³ Ross S.D. *Bristol in the Middle Ages // Bristol and Its Adjoining Counties*. Bristol, 1955. P. 179; Stephenson C. *Borough and Nown*. Cambridge, 1933. P. 202.

⁴ *Bristol Charters, 1155—1373* / Ed. by D. Harding. Bristol, 1930 P. 2—13.

⁵ Sherborne J. *The Port of Bristol in the Middle Ages*. Bristol, 1965.

⁶ Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979. С. 27.

⁷ Postan M.M. *Medieval Trade and Finance*. Cambridge, 1973. P. 184.

рой сообщается, что город посетил король Гарольд³. Наличие монетного двора предполагает некоторый местный спрос на деньги и определенный уровень экономической активности, поэтому город, который давал работу шести чеканщикам, не мог быть случайным рынком. Возможно, связь следует искать в торговле между Бристолем и поселениями скандинавов на восточном побережье Ирландии, поскольку исторически внешняя торговля обычно предшествовала внутренней. Но к XII в. город связан и с внутренними районами страны, т.к. в хартии Иоанна от 1188 г. среди предметов, которыми торговали на городском рынке, были перечислены сукно, шерсть, шкуры и зерно⁴.

Как уже отмечалось, ядро Старого Бристоля лежало на мысу между Эйвоном и Фромой, к этой естественной защите были добавлены крепостные стены, прорезанные тремя воротами. От них три улицы вели к центру, где по кругу располагались три церкви и неподалеку — Гилдхолл. Уже к XIII в. город вырос за рамки этих первых городских стен, и рядом с ними возникли процветающие пригороды. Самым богатым из них был Рэдклиф, где сосредоточивалось суконное производство. В 1239—1247 гг. Рэдклиф обнесли крепостной стеной и присоединили к городской территории. Другим показателем процветания и расширения города было строительство новой гавани, для чего изменили русло Фромы⁵. К XIV в. население города составляло примерно 10 тыс. человек. По данным налоговых списков подушной подати 1377 г. исследователи приходят к разным выводам. В зависимости от того, какой коэффициент неучтенного населения они применяют (дети моложе 14 лет, нищенствующие монахи, бродяги, те, кто уклонился от уплаты), цифры колеблются от 9518 до 13959 человек⁶. Скорее всего, в начале века в городе жило примерно столько же народа или немного больше. Черная смерть середины столетия, видимо, не особенно сильно повлияла на количество жителей Бристоля. М. Поштан считает, что, хотя население большей части английских городов после 1350 г. уменьшилось, оно оставалось более или менее стабильным в Лондоне, Бристоле, Саутгемптоне и еще в двух или трех морских портах страны⁷. На протяжении XIV—XV вв. Бристоль — второй после Лондона городом по богатству и количеству населения.

Географическое положение Бристоля как бы естественно предопределило ведущее значение города в торговле Западной Англии. Он был практи-

³ Ross S.D. Bristol in the Middle Ages // Bristol and Its Adjoining Counties. Bristol, 1955. P. 179; Stephenson C. Borough and Nown. Cambridge, 1933. P. 202.

⁴ Bristol Charters, 1155—1373 / Ed. by D. Harding. Bristol, 1930 P. 2—13.

⁵ Sherborne J. The Port of Bristol in the Middle Ages. Bristol, 1965.

⁶ Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979. С. 27.

⁷ Postan M.M. Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973. P. 184.

чески единственным крупным портом на западном побережье и поэтому выполнял роль не только морских ворот страны, но и собирающего центра для товаров обширного региона, включавшего в себя области Уэльса, Корнуолла и части Центральной Англии. В Средние века сухопутный транспорт был медленным и дорогостоящим, поэтому расположение Бристоля поставило его в очень выгодные условия: море позволяло вести широкую внешнюю торговлю, а река Северн с впадающими в нее реками Эйвон, Фрома, Уай делала доступными для него даже центральные графства.

Своим возвышением и благосостоянием жителей город в первую очередь обязан морской торговле. Но она не могла существовать в отрыве от внутренней торговли страны, поскольку нужно было получать откуда-то товары для экспорта и куда-то распределять импорт. Прежде чем говорить о широких внешних и внутренних связях Бристоля, познакомимся с состоянием городского рынка. Мы не будем рассматривать складывание рынка в городе (это выходит за хронологические рамки исследования), речь пойдет о том, в каком виде существовала внутригородская торговля в XIV—XV вв., и какие изменения по сравнению с предшествующим периодом в ней наблюдались. Думается, следует обратить внимание на то, изменился ли состав товаров, продававшихся на городском рынке, в каком виде и кем осуществлялось регулирование торговли, как она была организована, и как складывались отношения бристольских купцов с королевской администрацией и иностранными торговцами. Последние два вопроса в равной мере связаны с функционированием внешней и внутрианглийской торговли.

Как было сказано выше, еще в «Хартии», пожалованной городу Иоанном Безземельным в 1188 г. (когда он был графом Мортонем), упоминается продажа в городе зерна, вина, шкур, шерсти и сукна. Как видим, это, прежде всего, продукты питания и сырье. В раннее Средневековье основным объектом торговли на городском рынке было продовольствие, и в XIV—XV вв. продажа продуктов первой необходимости сохраняет большое значение. Из постановлений городского совета за рассматриваемый период можно понять: на рынке Бристоля продается рожь, ячмень, пшеница, овес, горох и бобы⁸. Логично предположить, что продавцами зерна были сами горожане. Речь не идет о том, что они сами его производили, закупки зерна бристольтцы осуществляли не только в ближайшей округе, но и в разных графствах страны⁹.

Много внимания в постановлениях уделено продаже свежей, соленой и вяленой рыбы. В связи с тем, что Бристоль был крупным морским портом, ассортимент рыбы отличался исключительной широтой. В записи от 1280 г., касающейся получения пошлины с рыбы, перечис-

⁸ LRB. V. I. P. 30; V. II. P. 64, 225.

⁹ Ibid. V. II. P. 64.

лены морские угри, тунец, сайда, хек, треска, камбала и другие сорта¹⁰. А в Ордонансе, принятом во времена Ричарда II (1377—1399), к уже перечисленным добавлены лосось, морской налим и сельдь¹¹.

В разнообразных ордонансах XIV в. много места уделено продаже хлеба, пива, соли¹². К предметам первой необходимости кроме продовольствия можно отнести солому, сено, уголь, хворост, утесник, раkitник, вереск и лес (“wood”), продажа которых зафиксирована городскими документами¹³.

Кроме продуктов первой необходимости на городском рынке продавалось сырье для многочисленных ремесленников. Особого развития в городе достигло сукноделие, кожевенное производство и металлообработка. Это выражалось в обособлении многих специальностей внутри данных отраслей. Например, в городе в XIV—XV вв. существовали отдельные гильдии ткачей, сукновалов, красильщиков. Поэтому сырьем в сукноделии можно считать не только шерсть, которую покупали прядильщики, но и пряжу, необходимую в качестве сырья ткачам, и некрашеное сукно, с которым работали красильщики, а также сукновалы. По-другому же называется полуфабрикатами, но для каждого отдельного ремесленника это было сырье, с которым он работал. Продажа на городском рынке всех видов указанных товаров зафиксирована в документах¹⁴. Красильщики кроме ткани приобретали на рынке квасцы и вайду¹⁵.

Так же обстояло дело и в кожевенном производстве — выделились гильдии кожевников, изготавливавших кордовскую кожу (“cordwainers”), дубильщиков, изготовителей ремней. Все они связаны с отдельными операциями при работе с кожей, поэтому сырьем для многих из них были полуфабрикаты или даже обработанные кожи. Сам факт продажи зафиксирован в постановлении дубильщиков от 1415 г., в котором записано, что «мастера названной гильдии могут продавать кожу друг другу, как они делали в прежнее время, при условии, что их указанная кожа будет хорошей и подобающей...»¹⁶. Не будем сейчас останавливаться на том вопросе, почему понадобилось в начале XV в. подтверждать право цеховых мастеров самостоятельно покупать и продавать сырье, это требует особого рассмотрения.

Многочисленным ремесленникам, работавшим с металлом, нужно было железо и олово, бондарям и корабелам дерево, список этот можно продолжать и дальше.

¹⁰ LRB. V. I. P. 90.

¹¹ Ibid. V. II. P. 72—73.

¹² Ibid. P. 30, 32, 35—36, 38, 224—225.

¹³ Ibid. P. 29, 54—55, 226.

¹⁴ Ibid. P. 9, 12, 53—54, 71—72.

¹⁵ Ibid. P. 6, 17—22, 39—40.

¹⁶ Ibid. V. II. P. 115.

По разнообразию ремесленного сырья городской рынок в XIV—XV вв. значительно отличался от рынка XI—XIII вв., что свидетельствовало об уровне развития ремесла. Но что делало отличие еще более явным, так это увеличение продажи готовых изделий. В постановлениях ремесленных гильдий и распоряжениях городского совета постоянно упоминаются конечные продукты труда. Это говорит о том, что городское население в основной своей массе занято теперь ремесленной и торговой деятельностью. Хотя, конечно, в XIV в. какое-то количество продовольствия производилось в городе, что ясно из записи в «Малой Красной Книге», касающейся свиней, «бродящих внутри городских стен», и навозе, лежащем на улице и на набережных¹⁷. Но основные продукты питания, такие как зерно, горох, бобы, рыба привозились в город из разных мест.

Как же была организована торговля на городском рынке? В XII—XIII вв. регулированием городской торговли занимались королевские чиновники, если город располагался на королевской земле (а таких городов было значительное количество), или сеньоры городов¹⁸. К XIV—XV вв. главная роль в контроле за рынком перешла к городским властям.

Основной объем торговли приходился на рыночные дни и ярмарки. В каждом городе в определенные дни был рынок, где крестьяне и горожане обменивались продуктами своего труда. О существовании таких базарных дней в XIV в. свидетельствует ордонанс сукновалов от 1346 г., в котором сказано: «Также, если какой-либо разносчик (*porteress*) будет обнаружен несущим пропитанную маслом шерсть или шерстяную пряжу для продажи в другой день, нежели пятница, или выставившим это в окно для продажи, то товары будут конфискованы в первый, а также второй раз, и если то же будет обнаружено в третий раз, то товары будут конфискованы, а названный разносчик отречется от своего занятия навсегда»¹⁹.

О продаже товаров в рыночные дни и на ярмарках говорится в постановлении сукончиков от 1370 г., в котором отмечается, что ни один горожанин не может продать «кусочек или половину куска сукна чужеземцу (*estranger*), пришедшему в город в четверг или пятницу, <...> если только это не будет на всеобщих ярмарках, а именно *St. Philip Norton, Binegar, Midsummer Norton, Charlton* и *Priddy* и двух ярмарках уэльских, *Cosham* и *Bradley*»²⁰. Об ограничениях, накладывавшихся на торговлю «чужеземцев», будет еще сказано. Обычно рынок функционировал один или два раза в неделю. Например, в Йорке продукты питания, до-

¹⁷ LRB. P. 31—32, 228.

¹⁸ Левицкий Я.А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.:Л., 1960. С. 72—142.

¹⁹ LRB. V. II. P. 9.

²⁰ Ibid. P. 53—54.

ставленные в город из округи, можно было продавать только в четверг (“Thursday market”)²¹. В Гулле — по вторникам и пятницам, в Линкольне — трижды в неделю²². Поскольку поставка продовольствия и сырья зависела от ближайшей округи, то деревне требовалось время, чтобы произвести и собрать продукты, прежде чем доставить их на рынок. В крупных городах рынки имели тенденцию стать ежедневными, но даже в таком многолюдном городе как Париж официально они должны были работать лишь по средам и субботам²³. Вероятно, на протяжении десятилетий эти дни могли меняться. Например, в Бристоле в разные годы для продажи сукна указывались среда, четверг, пятница и суббота.

Установление рыночных дней городским советом объяснялось еще и тем, что так легче было регулировать торговлю и собирать пошлины. С этой же целью для продажи отдельных товаров устанавливались определенные места, которые время от времени менялись, так же, как и дни продажи. Например, в 1370 г. городской совет установил место продажи сукна — “Touker street”, а день — субботу. Во времена Ричарда II (1377—1399) в ордонансе, касающемся продажи сукна, было установлено, что «всякие люди, приносящие сукно в город, чтобы продать, должны класть их в доме в пределах двора Томаса Даньелла на Болдуин-стрит, который установлен для продажи сукон, и что указанные сукна, которые могут быть предложены для продажи, должны быть открыто выставлены дважды в неделю, а именно каждую среду и пятницу...»²⁴. В 1370 г. были определены места для продажи утесника, раkitника, вереска, соломы, сена и угля. Для этого отвели улицы “St. Mary Port”, улица перед церковью Св. Петра, “Winch Street” перед аббатством и улица Св. Томаса²⁵. Для продажи рогатого скота, овец и свиней в первой половине XIV в. выделялась “Brodemedé” и место перед домом Братьев-проповедников (доминиканцев)²⁶. В начале XV в. подобная практика продолжала сохраняться. В 1403—1404 гг. в постановлении, касающемся кузнецов (“smiths”), подковывателей лошадей (“farriers”), ножовщиков (“cutlers”) и замочников (“lockyers”), было определено место для продажи их изделий рядом с “hуe croys”. Там же должны были продавать свои изделия из металла и чужеземцы²⁷.

Очень большое внимание уделяли городские власти мерам и весам, поскольку от их точности зависело нормальное функционирование

²¹ Swanson H. *Medieval Artisans...* P. 11.

²² Lipson E. *The Economic History of England*. L., 1937. Vol. I. P. 235.

²³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1988. Т. 2. Игры обмена. С. 14.

²⁴ LRB. V. II. P. 54, 71—72.

²⁵ Ibid. P. 54—55.

²⁶ Ibid. P. 230.

²⁷ Ibid. P. 182.

торговли. Свидетельством важности этой проблемы было внимание к ней со стороны английских королей. Первую «Ассизу о мерах» (“Assize of Measures”) издал Ричард I в 1197 г. Согласно ей весы и меры должны были быть везде одинаковыми. В каждом городе и торговом местечке назначались 4—6 специальных людей, которым полагалось следить за исполнением этого постановления²⁸. В XIII—XIV вв. требование единообразия мер повторялось в различных ассизах, статутах, грамотах.

Данные распоряжения центральной власти вряд ли были бы особенно действенными, если бы их не поддержали городские власти. В XIV в. городские советы энергично стали проводить в жизнь ассизы о мерах и весах. В начале XIV в. городской совет Бристоля постановил: «Пусть бушель и галлон, помеченные железной печатью господина короля, надежно и бережно сохраняются под угрозой штрафа в 100 фунтов. И пусть не будет в городе мер, кроме тех, которые соответствуют королевским мерам и помечены знаком общины города или сеньора города <...> Пусть все меры города, которые больше или меньше [стандарта], будут осмотрены и усердно проверены дважды в год или чаще. Если кто-нибудь будет обнаружен с двойными мерами, а именно, большими для покупки и меньшими для продажи, пусть будет заключен в тюрьму как обманщик и будет сурово наказан»²⁹. В 1344 г. городской совет подтвердил, что «все меры, весы, эллы и ярды будут дважды в год испытываться и удостоверяться печатью стражами мира»³⁰. Охрана стандарта весов и мер в XIV в. была поручена мэру, бейлифам и шестерым «законно присягнувшим» членам общины³¹. К вопросу о стандартах весов и мер Совет обращался и в первой четверти XV века³².

Кроме контроля за использованием правильных мер и весов и установления специальных мест для продажи определенных товаров городские власти стремились регулировать цены (чтобы за продаваемые продукты платили «справедливую» или «разумную» цену) и качество товаров. Особое внимание уделялось продаже продовольствия и, прежде всего, хлеба. Твердую цену на зерно установить было трудно, т.к. она зависела от урожая в том или ином году. Цена должна была свободно устанавливаться на рынке. Должностные лица следили только за тем, чтобы в продажу не вмешивались перекупщики, а заодно пресекали спекуляции зерном.

Цены регулировались только на печеный хлеб, отсюда — большое количество постановлений, касающихся пекарей. Все эти постановле-

²⁸ Эшли У.Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897. С. 200—201.

²⁹ LRB. V. II. P. 219.

³⁰ Ibid. V. I. P. 38. Элл — мера длины, равная 114 см. «Стражи мира» — будущие мировые судьи.

³¹ Ibid.

³² Ibid. V. II. P. 238.

ния опирались на «Ассизу о хлебе» 1202 г. (“Assize of Bread”), по которой вес хлеба ценою в фартинг должен был меняться в зависимости от цены квартера пшеницы³³. Например, в XIV в. в «Малую Красную Книгу» было записано правило, по которому «пекари должны производить хлеб из хорошего теста и хорошего веса, и продавать 4 булки за [оставлено пустое место] пенсов и 2 булки за 1 пенс и не иначе, под угрозой штрафа»³⁴. Ассортимент хлеба — достаточно широк: белый, который назывался различно (“wastel”, “simnel”, “cocket”, “doman bread”), качественный и наиболее дорогой, “bastard wastel” был менее дорогим и более грубым, кроме того, пользовался спросом “panis integer”, изготавливавшийся из цельной пшеницы. Поэтому внимательно следили за качеством муки: если кто-либо осмеливался продавать муку с примесями, то первый раз его штрафовали, во второй раз конфисковали муку, в третий раз продавца выставляли к позорному столбу, в четвертый раз изгоняли из города³⁵. Устанавливалось, сколько пекарь должен дать лоточнику за продажу хлеба: «Ни один пекарь отныне не даст какому-либо разносчику (Hockestere), продающему его хлеб, больше одного пенни с каждого шиллинга...»³⁶.

В Средние века предметом первой необходимости считалось и пиво, которое наряду с хлебом было одним из основных продуктов в рационе значительной части горожан. Большое число людей в городе варили эль. Официально варить и продавать пиво могли только пивовары, кабатчикам предоставлялось право лишь продавать его. Но и они, и владельцы постоялых дворов также занимались изготовлением эля. Поэтому и центральное, и городское законодательство уделяли продаже пива почти столько же внимания, сколько регулированию торговли хлебом. За пивоварами следили так же, как и за пекарями, и за нарушение ассизы о продаже подвергали одинаковым наказаниям. В «Прокламациях» XIV в. записано, что «пивовары должны делать хороший эль и придерживаться ассизы, а именно, чтобы они продавали галлон лучшего нового эля в бочках за 1,5 пенса и лучшего светлого эля в кувшине за 1,5 пенса под угрозой штрафа, установленного за это, а именно: в первый раз 20 п., второй раз 40 п., третий раз полмарки, четвертый — конфискация всего эля»³⁷. В 1344 г. городской совет постановил: «пивовары, которые продают пиво вопреки ассизе, будут штрафовать в соответствии с их проступком»³⁸. Интересно отметить, что женщины-пивовары упоминаются в постановлении отдельно³⁹.

³³ Эшли У.Дж. Экономическая история Англии... С. 211.

³⁴ LRB. V. II. P. 224.

³⁵ Ibid. P. 221.

³⁶ Ibid. P. 32.

³⁷ Ibid. P. 224—225.

³⁸ Ibid. V. I. P. 34.

³⁹ Ibid. P. 43—44.

Правда, распоряжения Совета нередко игнорировались — в мотивировочных частях различных ордонансов отмечается, что поступают жалобы на невыполнение установленных правил торговли. В 1351 г. горожане жаловались в городской совет на пивоваров и кабатчиков, которые нарушали ассизу о пиве, не обращали внимание на штрафы, и, тем не менее, никак не наказывались. Совет вынужден был подтвердить свои прежние постановления⁴⁰. О нарушении оных свидетельствует и сам текст документов, в которых предполагается возможность неоднократного игнорирования правил.

Регулировалась и продажа вина в городе. УДж. Эшли отмечал, что употребление вина было широко распространено не только среди богатых горожан, но и в средних слоях населения⁴¹. Контроль осуществлялся в тавернах, которым грозило закрытие, если нарушали «Ассизу о вине», в соответствии с которой оно должно было продаваться по «разумной» цене. Проверялось и качество вина. В первой половине XIV в. городской совет постановил, что «никакой кабатчик не поместит новое вино в свою кладовую до того, как старое вино, которое есть в кладовой, будет проверено мэром и добрыми людьми под угрозой конфискации этого вина»⁴². Со второй половины XIV в. из-за войны с Францией и последствий чумы регулировать цены на вино стало значительно сложнее.

Как уже упоминалось в отношении вина, качество продуктов питания строго контролировалось. Выше отмечались постановления, касавшиеся хлеба, муки и пива. Отдельно в XIV в. рассматривался вопрос о продаже мяса. Если мясник реализовывал испорченное или зараженное чумой мясо, то его должны были наказывать так же, как недобросовестных продавцов муки. В постановлении о мясниках сделана оговорка: «И так же должно поступать в отношении фальсификаторов готовой пищи (*cocis transgredientibus*)»⁴³.

Городские власти заботились не только о том, чтобы обеспечить горожан продуктами питания, но и о том, чтобы был постоянный приток сырья в город. В середине XV в. в Бристоле приняли ордонанс, в котором продавцы мяса из сельской местности, доставлявшие его на городской рынок, должны были приносить также шкуры и сало с этого мяса. Подобное постановление существовало и в Лестере⁴⁴. Овечья кожа нужна была перчаточникам, изготовителям пергамента и другим ремесленникам, работавшим с белой кожей. Шкуры коров и быков обыч-

⁴⁰ LRB. V. II. P. 36.

⁴¹ Эшли У.Дж. Экономическая история Англии... С. 214.

⁴² LRB. V. II. P. 230.

⁴³ Ibid. P. 218.

⁴⁴ GRB. V. I. Text. P. 144; The Records of the Borough of Leister / Ed. by M. Bateson. L., 1899. V. II. P. 188—289.

но продавались дубильщикам. Сало животных использовалось при выделывании кожи для придания ей гибкости, а также при изготовлении свечей, которые по сравнению с восковыми были более низкого качества, но намного дешевле.

Правда, иногда употребление ремесленниками некоторых продуктов в качестве сырья для производства вступало в противоречие с интересами остальных горожан. В этих случаях городские советы бывали вынуждены вмешиваться и принимать порою курьезные, с точки зрения современного человека, постановления. В 1451—52 гг. в Бристоле городской совет решил, что «ни один изготовитель белой кожи города Бристоля не купит никакие яйца в пределах 10 миль вокруг этого города, кроме как для своей еды»⁴⁵. Нужно пояснить, что после обработки квасцами и солью белая кожа еще нуждалась в последующей растяжке и размягчении при помощи оливкового масла и яичных желтков. Видимо, в середине XV в. потребление яиц кожевниками Бристоля было настолько велико, что встревожило жителей города. С другой стороны, это же может служить косвенным свидетельством высокого уровня развития кожевенного производства в Бристоле.

Особое внимание уделялось пресечению деятельности перекупщиков (“regrators”), махинации которых приводили к удорожанию ввозимых продуктов, а также препятствовали продаже на рынке товаров первой необходимости. Они приобретали товары оптом, чтобы монополизировать продажу, завышать цены и получать дополнительную прибыль. В городских документах XIV в. перекупщики квалифицируются как «притеснители бедных и открытые враги всей Общины и страны»⁴⁶. В 1344 г. городской совет постановил, что «никакой мясник или рыборотговец, или их слуги, или какие-либо другие скупщики не должны покупать провизию, когда она прибывает в город по суше или по воде; если он будет это делать, то первый и второй раз его должно сильно оштрафовать, согласно приговору мэра и Общины, а в третий раз он должен подвергнуться наказанию позорным столбом или отречься от своего занятия навсегда»⁴⁷.

Строгие меры наказания предусматривались для тех, «кто спешит купить раньше всех зерно, рыбу, сельдь или что-нибудь другое, годное для продажи <...>, получая прибыль, притесняя своих бедных и презирая своих богатых соседей; и кто замышляет продать более дорого то, что он так несправедливо приобрел. Кто также осаждает чужеземных торговцев, предлагая купить их товары, и внушая им, что они могут продать

⁴⁵ GRB. V. I. Text. P. 143.

⁴⁶ LRB. V. II. P. 220.

⁴⁷ Ibid. V. I. P. 38—39.

свои товары более дорого, чем они намеревались, и так мошеннической хитростью и ловкостью он вводит в заблуждение город и страну...»⁴⁸.

Перекупщики использовали разные уловки, чтобы перехватить товары у «честных» купцов. Они заключали сделки раньше открытия рынка, в домах частных лиц, выезжали на корабли и лодки, доставившие товары. Например, в 1344 г. городской совет констатировал: «Часто случается, что различные люди в пределах городских свобод заключают соглашения на покупку мяса, рыбы и других продуктов питания с продавцами указанного по определенной цене, платежи производят в домах покупателей или где-нибудь в другом месте, из-за чего они не дают настоящей цены, что оборачивается большим ущербом для продавцов и позором для общины вышеназванного города»⁴⁹. В связи с этим совет постановил, что «никакой мясник, или рыботорговец, или их слуги, или какие-либо другие скупщики не будут закупать свежую рыбу в лодках или ларьках с целью перепродажи раньше третьего часа...»⁵⁰.

В 1339 г. городской совет Бристоля принял специальное постановление «Ордонанс о рыботорговцах и перекупщиках (regrators)». В нем подтверждено, что розничные рыботорговцы, купившие рыбу для продажи, могут ее сбывать только с 3-х часов дня. Любой покупатель рыбы, который приобрел ее для собственного употребления, а вместо этого занялся перепродажей, подлежал штрафу в 6 п. с рыбы⁵¹. Сигналом, разрешавшим начинать торговлю на рынке, был звон колокола⁵². Указание на время начала торговли встречается в постановлениях о пекарях, поварах, рыботорговцах, пивоварах и других продавцах продовольствия. В Бристоле и Йорке пекарям запрещалось покапать зерно на рынке до полудня. Интересно, что в Бристоле это постановление было принято в 1327 г., тогда как в Йорке только в 1479 г.⁵³ Возможно, перекупщики в Бристоле активизировались раньше, чем в Йорке. В 1451 г. в Бристоле поварам и другим продавцам еды запрещалось покупать продукты на рынке раньше 10 часов утра. Подобное же правило действовало в Нориче⁵⁴. Делалось это с целью воспрепятствовать спекуляции продуктами питания.

Борьба с перекупщиками вступала в противоречие с деятельностью крупных экспортеров зерна. Получая лицензии на закупку продоволь-

⁴⁸ LRB. V. II. P. 220.

⁴⁹ Ibid. V. I. P. 39.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. V. II. P. 23—25.

⁵² Ibid. P. 225.

⁵³ Ibid. P. 221—222; GRB. V. I. Text. P. 140; Swanson H. Medieval Artisans... P. 10.

⁵⁴ GRB. V. I. Text. P. 134—135; The Records of the City of Norwich / Ed. by W. Hudson, J.C. Tingey. Norwich, 1906—1910. V. II. P. 82.

ствия с целью вывоза его за границу, оптовики тем самым наносили ущерб интересам города. Поэтому городской совет стремился не допускать купцов-оптовиков, которые торговали продуктами питания, на городской рынок. В первой половине XIV в. было принято решение о том, что «никто не купит какое-нибудь зерно на рынке, чтобы везти его за море, под угрозой конфискации»⁵⁵. Исключение делалось только для овса⁵⁶. Такие правила были характерны не только для Бристоля. С.М. Стам приводит данные по Тулузе XIII в., в которых имеются указания на то, что в связи с вывозом хлеба город страдал от недостатка продовольствия⁵⁷. Даже самые богатые города средневековой Европы, например, Флоренция в XIV—XV вв. постоянно стояли перед угрозой голода⁵⁸. Для того, чтобы обеспечить гарантированные поставки продуктов в город, Совет Бристоля в XIV в. установил определенную зону вокруг города радиусом в 12 “leuce”, в которой оптовые торговцы продовольствием не могли делать закупки⁵⁹. Подобные постановления существовали во многих европейских городах вплоть до XVII в.⁶⁰ Но хотелось бы отметить интересную особенность: в «Малой Красной Книге» Бристоля это постановление вычеркнуто. Можно предположить, что принятие его было результатом борьбы средних слоев горожан против городской олигархии, но оптовые торговцы продовольствием, которые в первой половине XIV в. занимали господствующее положение в управлении городом, добились отмены принятого ранее решения.

Непоследовательность политики городских властей в отношении перекупщиков проявлялась и в торговле рыбой. Во времена Ричарда II (1377—1399) шесть человек — Уолтер Сеймор, Уильям Уэрминстер, Уильям Соулрс, Джон Брит, Уильям Стивенз и Джон Брамpton — были избраны (или, вероятнее всего, добились назначения) «для покупки и установления цены на все виды крупной рыбы — лососей, угрей, морского налима, хека и сельди». Перечисленные люди должны были договариваться с

⁵⁵ LRB. V. II. P. 230.

⁵⁶ Ibid. P. 220.

⁵⁷ Стам С.М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII вв.). Саратов, 1969. С. 117.

⁵⁸ Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. М.;Ставрополь, 1995. Ч. I. С. 46.

⁵⁹ LRB. V. II. P. 64. “Leuce” — неопределенная мера длины, которая колебалась от 1 до 2 миль.

⁶⁰ Ф. Бродель, касаясь этого вопроса, сообщает: «Полицейский ордонанс Шатле от 1622 г. доводит до 10 лье радиус круга, вне которого купцы могли заниматься закупками зерна; закупка скота разрешалась не ближе семи лье [от города] (ордонанс 1635 г.), а для закупки телят, выращенных на пастбище, и свиней была установлена граница в 20 лье (1665 г.). С начала XVII в. за четыре лье была отнесена зона закупок пресноводной рыбы, а оптовые закупки вина разрешались не ближе 20 лье». См.: Бродель Ф. Игры обмена. С. 23.

продавцами рыбы, и если предложенная цена устраивала обе стороны, покупка должна была состояться «как для пользы общины названного города, так и для всех добрых людей и других жителей округи с целью снабжения продовольствием их домов в течение десяти дней»⁶¹. Только по истечении десяти дней можно было «каждому купцу и рыборотговцу, продающим в розницу в пределах города, совершенно законно иметь часть указанной рыбы в соответствии с их положением и с согласия названных шести человек, при условии, что каждый из них для получения своей доли имеет в руках наличные деньги при доставке им рыбы...»⁶². Совершенно очевидно, что эти шесть человек монополизировали торговлю рыбой на городском рынке, несмотря на многочисленные постановления Совета, направленные против оптовой покупки и продажи продовольствия в городе. Хотя в этом не было ничего удивительного — названные люди, видимо, имели достаточно большое влияние, поскольку в 1381 и 1409 гг. по крайней мере трое из них входили в состав Совета⁶³.

Во многих английских городах складывалась подобная ситуация. Например, в Лестере ордонанс 1407 г. предписывал всем рыбакам продавать рыбу только из их собственных рук, в ордонансе Ковентри от 1421 г. содержится аналогичное требование. Но это не мешало перекупщикам упрочивать свои позиции: «общины» Ярмута жаловались в 1376 г., что мастера города (“masters of the town”) скупали всю сельдь и препятствовали свободной торговле. То же наблюдалось и в Йорке. В Лестере в 1489 г. рыборотговцам было разрешено проверять все запасы поваров⁶⁴.

Положение с разграничением оптовой и розничной торговли в городе всегда было сложным. Традиционно право розничной торговли принадлежало горожанам, «чужеземцы» могли продавать и покупать только оптом⁶⁵. Например, в Ордонансе для портных, изданном городским советом Бристоля в 1346 г., «чужим» запрещалось заниматься розничной торговлей сукном, «разрезая и деля новые сукна на куски для штанов и шляп». Горожанам не позволялось покупать у чужих и продавать им сукно в розницу⁶⁶.

Очень подробно торговля чужаков в городе регулируется в постановлении о вайде от 1351 г. Правом беспошлинной торговли (и не только вайдой) на городском рынке обладали лишь жители города. «Чужеземцы» были обязаны уплатить пошлину: «...Ни один торговец — иностранца

⁶¹ LRB. V. II. P. 72—73.

⁶² Ibid. P. 74.

⁶³ LRB. V. I. P. 114, 137.

⁶⁴ Swanson H. *Medieval Artisans...* P. 18—20.

⁶⁵ «Чужеземцами» в XIV—XV вв. горожане считали не только иностранцев, но и жителей других городов Англии, которые не были допущены к свободам города.

⁶⁶ LRB. V. II. P. 26—27.

нец или чужак (*alien ne estraunge*) не будет хранить в городе, не уплатив файн мэру и общине, какую-либо вайду, доставленную в Бристоль как по воде, так и по суше»⁶⁷. Иностранные купцы не могли в городе торговать между собой, они имели право продавать свои товары только бюргерам и покупать лишь у них: «...Ни один иностранец или чужак не должен продавать какой-нибудь вид вайды какому-либо другому чужаку в пределах городской привилегии, и никакой бюргер не должен по сговору [продавать] для них или от их имени и обманывать общину...»⁶⁸. Чтобы чужаки не нарушали этих установлений, они могли оставаться в городе не дольше 40 дней: «Также предписывается, что тотчас же после окончания хранения [вайды] и проверки ее, сделанной присягнувшими красильщиками, купец, будет ли он иностранец или чужак, должен продать указанный запас в течение 40 последующих дней, и если он этого не делает, то должен подвергнуться штрафу»⁶⁹.

Однако жители города не все обладали одинаковыми правами на торговлю в розницу. В XII—XIII вв. правом вести розничную торговлю обладали члены существовавшей в Бристоле «Торговой гильдии»⁷⁰. Думается, для Бристоля даже в XII—XIII вв. разграничение между оптовой и розничной торговлей было условным. Начиная с XI в. городские купцы поддерживали торговые связи со многими странами. Как участники международной торговли бристольтцы, естественно, имели дело с оптовыми поставками, а как члены «Торговой гильдии» могли вести розничную торговлю в городе. К XIV в. «Торговая гильдия» перестает упоминаться в городских документах. Связано это было, вероятно, с возникновением отдельных ремесленных и торговых гильдий.

Об организации ремесла в городе еще пойдет речь, поэтому остановимся, прежде всего, на организационных формах торговли. Если в XII—XIII вв. розничная торговля продуктами питания разрешалась всем горожанам, то в XIV в. в документах фигурируют как отдельные объединения рыботорговцы, розничные торговцы солью, хлебом, пивом. В 1339 г. городской совет по просьбе розничных торговцев рыбой разрешил любому жителю города покупать у оптового торговца рыбу только для собственного потребления. Приобретать рыбу мелкими партиями для последующего сбыта могли лишь те, кто «торгует рыбой на лотках на Вешип-стрит (*Worship Street*)»⁷¹. Хотя уже упоминалось,

⁶⁷ LRB. P. 19.

⁶⁸ Ibid. V. II. P. 21.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ GRB. V. II. P. 169. О «Торговой гильдии» см.: *Левицкий Я.А.* К вопросу о характере так называемой “*gilda mercatoria*” в Англии XI—XIII вв. // *Он же.* Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 148—176.

⁷¹ LRB. V. II. P. 22.

что во времена Ричарда II господствующее положение в торговле рыбой на городском рынке занимали оптовые торговцы, а розничным торговцам разрешалось делать закупки не раньше, чем через 10 дней после того, как заключат свои сделки оптовики⁷². Естественно, что при таких условиях наибольшие выгоды извлекали оптовые купцы.

Отдельно упоминаются в XIV в. розничные торговцы солью — в 1351 г. городской совет установил, какую плату должен брать розничный торговец солью за хранение ластва соли, за отмеривание ее в разных местах города⁷³. Специальные постановления были посвящены розничной продаже хлеба и пива⁷⁴.

Для XIV—XV вв. достаточно отчетливо можно проследить стремление крупного капитала подчинить себе розничную торговлю. Об этом уже шла речь в случае с рыботорговцами, но то же самое время достаточно ярко проявлялось и в торговле сукном. Во второй половине XIV в. наряду с гильдией ткачей, красильщиков и сукновалов в Бристоле существовала гильдия суконщиков (“*drapers*”). Судя по ордонансу 1370 г., суконщики поставили под свой контроль торговлю сукном не только в городе, но и в округе. Ни один горожанин не мог отправиться сам или послать кого-либо из города «в какое-нибудь место», чтобы продавать или покупать сукна, кроме установленных суконщиками дней⁷⁵. В своем ордонансе члены гильдии регулировали продажу не только сукна, но и других товаров, «пользующихся большим спросом», — сеном, соломой, углем, вереском и прочим. В постановлении отмечено, что решения приняты с согласия 83 поименованных «наиболее достойных людей названного города» и «многих других торговцев и суконщиков (*marchauntz et drapers*)»⁷⁶.

В XV в. в городских документах зафиксировано существование гильдии мерсеров, которая монополизировала торговлю в городе шелковыми, бархатными и льняными тканями и галантереей (“*haberdashe*”). Члены гильдии отрезали иностранцев от розничной продажи привезенных товаров, предписывая доставлять шелк, бархат, галантерею и прочее в помещение гильдии (“*Commune halle*”), а жителей города принуждали покупать эти товары только в указанном месте⁷⁷.

Косвенным свидетельством подчинения крупным капиталом розничной торговли может служить уже упоминавшееся постановление дубильщиков от 1415 г. Поскольку в начале XV в. понадобилось подтвердить право ремесленников покапать и продавать сырье, значит

⁷² LRB. V. II. P. 73.

⁷³ Ibid. P. 35. Ласт — мера объема, различная для отдельных товаров.

⁷⁴ Ibid. P. 12, 15, 32—33, 38.

⁷⁵ Ibid. P. 52—53.

⁷⁶ Ibid. P. 51—52.

⁷⁷ GRB. V. III. P. 82.

уже существовало реальное ущемление этого права. Если бы речь шла о торговле с чужеземцами, тогда можно было бы говорить о традиционном ограничении прав иностранцев и чужаков. Но поскольку в документе говорится о торговле кожами между горожанами, и делаются ссылки на «прежние времена», резонно предположить, что в рассматриваемое время имела место другая практика. Видимо, уместно говорить о настойчивых попытках крупных купцов подчинить себе ремесленников, т.к. мастера-дубильщики отрезались от источников сырья.

В связи с тем, что торговля на рынке все усложнялась, кроме сборщиков пошлин появляются новые должностные лица, которые имели отношение к функционированию рынка. С XIV в. на бристольском рынке существовала должность брокера (маклера). Люди, занимавшиеся маклерством, упоминаются в постановлении, касающемся продажи вайды. В этом документе определялось, что брокеры должны были назначаться Советом и приносить ему присягу. В чем конкретно состояла их служба, в данном случае не оговаривалось, но указывалось, что за исполнение своих обязанностей им не следовало требовать платы с продавцов и покупателей, которые являются жителями города. Иностранец, продавший бочку вайды горожанину, должен уплатить маклеру за посредничество 12 пенсов. Если маклер недобросовестно выполнял свои обязанности, то он штрафовался в пользу Общины, ему полагалось заплатить полмарки.

Во второй половине XV в. был принят специальный указ для посредников (1467)⁷⁸. В нем гораздо детальнее определены обязанности брокеров. Поскольку отмечалось, что в городе может быть не больше 2-х посредников, которые выбраны мэром, шерифом и Советом, логично предположить — какие-то люди стремились выступать в качестве посредников, не будучи назначенными на эту должность. Брокерам самим не разрешалось, и они не могли кому-либо поручить выступать в качестве посредников в торговой сделке бюргеров с иностранцами. Особо обращалось внимание на то, что в сделке не должны были участвовать товары, принадлежавшие маклеру, и он не мог заключать сделку к своей собственной выгоде. Видимо, брокерами в городе выступали богатые купцы, поскольку в документах они упоминаются как люди, имеющие товары. Об этом говорит и величина штрафа за недобросовестное исполнение обязанностей — для середины XIV в. полмарки было достаточно много. На должность брокера купцы назначались иногда против их желания — в документах встречаются упоминания о том, что торговцы не очень охотно принимают на себя

⁷⁸ GRB. V. III. P. 78—80.

какие-то общественные обязанности, отсюда и указания на недобросовестность. В отличие от XIV в. в 1467 г. определялось вознаграждение, которое должен получать маклер — 1 фунт с каждых 50 фунтов, принесенных сделкой. Появление подобной должности говорит об объеме торговых сделок, совершавшихся на бристольском рынке.

Об увеличении объема торговли и усложнении финансовых отношений говорят постановления о денежных обязательствах и долгах. Распоряжения городского совета по этим вопросам опирались на «Статут о купцах» 1283 г., регламентировавший процедуру взыскания торговых долгов⁷⁹. По этому статуту определялись города, в которых могли приниматься иски, основанные на указанном постановлении — Лондон, Йорк и Бристоль. Поэтому бристольский городской клерк XIV в. поместил текст «Торгового права» (*“Lex Mercatoria”*) в «Малую Красную Книгу», подтверждая тем самым, что процедура судебного разбирательства в городе основывается на этом статуте⁸⁰. Купеческое право основывалось на обычаях, сложившихся в международной торговой практике. По нему разбирались споры между купцами, и в сферу его действия не входили уголовные дела, споры об увечьях и по поводу земли.

В 1344 г. городской совет постановил, что суд присяжных должен принимать иски о возмещении убытков и от горожан, и от чужеземцев. Присяжные должны были провести расследование и определить компенсацию за убытки. В постановлении упоминаются залоговые поручительства, а также определяется процедура взыскания долгов⁸¹. Чтобы купцы не страдали от «проволочек» в разбирательстве дел, купеческий суд в Бристолье должен был «заседать изо дня в день и в воскресенье, если это необходимо»⁸².

Таким образом, внутригородская торговля в Бристолье в XIV—XV вв. отличалась значительным объемом и сложностью. В рассматриваемое время вместо Торговой гильдии, консолидировавшей всех полноправных жителей города, появились особые объединения купцов, торговавших определенными товарами — рыботорговцев, суконщиков, мерсеров. Очевидно, стремление оптовых торговцев подчинить себе мелкую розничную торговлю. Об увеличении торговых и финансовых операций говорит установление процедуры взимания долгов.

Эта активизация городского рынка во многом определялась тем, что Бристоль вел широкую внешнюю торговлю, которая не могла не влиять на состояние внутригородской торговли.

⁷⁹ Подробнее об этом см.: Эшли У.Дж. Экономическая история Англии... С. 228—230.

⁸⁰ LRB. V. I. P. 57.

⁸¹ Ibid. P. 30, 35—36.

⁸² Ibid. P. 73.

§ 2. Внешняя торговля

Уже упоминалось, что главный источник обогащения города — внешняя торговля. В качестве морского порта Бристоль был расположен очень удачно. Благодаря теплomu течению порт никогда не замерзал, из-за внезапного сжатия длинного эстуария Северна в месте впадения в него реки Эйвон приливы достигали в высоту до 30—40 футов, что приводило во время отлива к очищению дна от ила. А защищенную от приливных волн и удобную для обороны гавань обеспечивало слияние рек Эйвон и Фрома. То, что в месте расположения Бристоля сходились большие внутренние водные пути, позволяло городу не только занимать командное положение в торговле Западной Англии, но и способствовало успеху внешней торговли — речными путями доставлялись товары для экспорта и распределялся импорт.

О том, какое большое значение имел Бристоль для интересов всего королевства, свидетельствует внимание Генриха III к сооружению новой гавани в городе. В апреле 1240 г. король приказал жителям Рэдклифа помочь бюргерам Бристоля, которые «для общей выгоды всего города Бристоля, так же как и вашего пригорода, начали рыть канаву в болоте Св. Августина, чтобы корабли, приходящие в ваш порт Бристоль, могли входить и выходить более свободно и без задержки»⁸³.

Вопрос о внешней торговле Бристоля включает в себя целый ряд самостоятельных проблем. Речь может идти о направлениях торговли, т.к. город был удален от традиционных для Англии континентальных рынков; о составе экспорта и импорта, о связи их с промышленным производством. Интересно проследить отношение королевской власти к отечественным купцам, посмотреть, каковы были позиции иностранных торговцев в Бристолье. Кроме того, организационные формы внешней торговли значительно отличались от тех, которые существовали во внутренней.

Традиционными для Англии торговыми партнерами в рассматриваемое время были Нидерланды, Германия, Италия и Франция. Расположение Бристоля на западном побережье Англии направило предприимчивость его моряков и торговцев вдоль атлантического побережья Западной Европы, и поэтому его основными рынками в XIV—XV вв. были города Ирландии, Гаскони, Испании и Португалии. В данный период нельзя еще говорить о международной торговле в полном смысле слова, т.е. о торговле между государствами. Скорее уместно упомянуть о торговых связях отдельных городов разных государств, потому что

⁸³ Цит. по: *Sherborne J.W. The Port of Bristol in the Middle Ages. Bristol, 1965. P. 5.*

связи эти осуществлялись не на уровне государств в целом, а на уровне отдельных купцов и городов.

О направлениях торговли и в какой-то мере об ее объеме, а также составе экспорта и импорта сведения можно извлечь из торговых лицензий, выдававшихся казначейством королевства. Они составлялись по определенной схеме, которая включала дату выдачи, имя купца, тоннаж корабля, состав груза, направление плавания и срок действия лицензии. Интересные данные предоставляют охранные свидетельства и таможенные отчеты за определенный период. Существование лицензий на торговлю и охранных свидетельств было следствием частых войн. С одной стороны, английским и иностранным купца запрещалось посещать неприятельские порты без лицензии. С другой, — корабль из враждебного порта подлежал захвату на море, если он не имел охранного свидетельства.

Наиболее тесные связи, начиная с XI в., были у города с Ирландией. Имеются свидетельства их существования уже в III в.⁸⁴ Но особенно упрочилось положение бристольтцев здесь с конца XII в., после ирландского похода Генриха II, в котором флот города и его торговцы оказали помощь королю. В благодарность Генрих II пожаловал бристольтцам большие привилегии в Дублине: «Да будет известно, что я дал, и пожаловал, и настоящей хартией закрепил людям моим и города Бристоля мой город Дублин для проживания в нем. А поэтому я желаю и строго приказываю, чтобы сами они проживали и держали этот город от моего лица, и от лица моих наследников, в добре и мире, свободно и спокойно, целиком и полностью, и с почетом со всеми вольностями и свободными обычаями, которые они имеют в Бристоле, а равно и по всем моим землям»⁸⁵.

Уже со второй половины XII в. бристольтские купцы стали селиться в Дублине. Они входили в торговую гильдию, занимали должности в магистрате, владели земельной собственностью. Только в первой половине XIII в. 28 человек в торговой гильдии Дублина были выходцами из Бристоля, к середине XIII в. число достигло 33⁸⁶. Привилегированное положение бристольтцев сохранялось в Дублине и в начале XIV в. — в 1312 г. они получили право беспошлинной торговли овчинами и шкурами⁸⁷. Позднее Бристоль уступил лидирующее положение в Дублине Честеру, который географически был ближе.

В XIV—XV вв. бристольтцы монополизировали торговлю с такими южными и западными ирландскими портами как Голуэй, Лимерик, Корк, Росс, Уотерфорд и другие. Эти города неоднократно упоминают-

⁸⁴ Осипова Т.С. Ирландский город и экспансия Англии XII—XV вв. М., 1973. С. 41.

⁸⁵ Bristol Charters, 1155—1373/ Ed. by D. Harding. Bristol, 1930. P. 3.

⁸⁶ Осипова Т.С. Ирландский город... С. 105—106.

⁸⁷ Там же. С. 141.

ся в торговых лицензиях, выдававшихся казначейством Англии бристольским купцам⁸⁸. Т.С. Осипова, ссылаясь на ирландские документы, отмечает, что городские вольности Бристоля послужили основой для хартий не только Дублина, но и Корка (1223), и Лимерика (1292)⁸⁹.

Из этих городов нужно выделить Уотерфорд, один из самых крупных портов Ирландии, который концентрировал значительную часть ирландской торговли. После английского завоевания город вошел в состав королевского домена, и до конца Средних веков рассматривался правительством как оплот английского господства. Выгодное географическое положение (в месте слияния рек Шур, Барроу и Нор) объясняло, почему королевское правительство стремилось сосредоточить экспортную торговлю юго-восточной Ирландии именно в Уотерфорде. Не случайно, видимо, было особое внимание бристольских торговцев к поддержанию тесных связей с этим городом. Жители Уотерфорда были освобождены от уплаты пошлин в Бристоль⁹⁰. Поскольку в число королевских городов (кроме Дублина и Уотерфорда) входили еще Корк и Лимерик, то Бристоль занимал твердые позиции в торговле и этих городов, тем более что городские свободы в них были скопированы с бристольских образцов.

С XII в. Бристоль вел регулярную торговлю с Гасконью, связи с которой особенно укрепились после ее объединения с Англией в 1152 г. Географическое положение Гаскони выгодно для развития морской торговли, а крупные порты — Бордо, Байонна, Дакс — внутренними водными артериями соединялись с высокоразвитыми сельскохозяйственными районами, где основными занятиями были виноградарство и виноделие. В XIV—XV вв. главными торговыми партнерами бристольских купцов в Гаскони выступали Бордо и Байонна, которые постоянно фигурируют в торговых лицензиях того времени⁹¹.

Тесные связи имел Бристоль с пиренейскими государствами. Когда речь идет об Испании и Португалии, то до последней четверти XIV в. приводить какие-то конкретные данные отдельно по каждой из этих стран практически невозможно, т.к. таможенные чиновники в XIV в. использовали названия «Испания» и «Португалия» как взаимозаменяемые. Когда обострились отношения с Испанией, бристольские торговцы предпочитали иметь дело с Португалией, и через нее торговать с Кастилией (для англичан в рассматриваемый период Испания ассоциировалась с Кастилией, с Арагоном им почти не приходилось иметь дело). Однако испанский рынок был более емкий, чем португальский, и в мирное

⁸⁸ The Overseas Trade of Bristol... P. 34, 43, 44.

⁸⁹ Осипова Т.С. Ирландский город... С. 75—78.

⁹⁰ LRB. V. I. P. 133.

⁹¹ The Overseas Trade of Bristol... P. 38—41, 43, 54, 57, 62.

время торговле с Испанией придавалось большее значение. В такие моменты товары из Португалии поступали через кастильские рынки.

Примерно с 1424 г. бристольские корабли начали посещать Исландию, но торговля с ней была связана с большими трудностями. В 1262 г. Исландия заключила союз с Норвегией, в результате чего норвежские короли получили право контроля за исландской торговлей. Она должна была вестись только через Берген, который оказался складочным городом. Торговля с Исландией стала королевской монополией, и могла осуществляться лишь по королевским лицензиям. Еще более условия для торговли осложнились с 1397 г., когда по Кальмарской унии Исландия попала под власть далекой от нее Дании. Датский король настаивал на том, что торговать с Исландией можно только через город Берген. Правда, это не останавливало бристольских купцов — они плавали нелегально. Об этом свидетельствует жалоба в Суд Казначейства, поданная в 1436 г. от лица владельца корабля «Кристофер», бывшего указанным образом в Исландии, а на обратном пути захваченного двумя кораблями из Ньюкасла и конфискованного в пользу короля⁹².

Ведущая роль бристольских купцов в торговле с Исландией была вполне естественна. В отличие от восточных английских портов Бристоль никогда не был привязан к Бергену, и бристольским кораблям требовалась всего неделя, чтобы добраться до Исландии. Поэтому основная масса лицензий (от имени и датского, и английского королей) выдавалась бристольским купцам. Хотя среди получателей часто встречаются представители Гуля или Лондона, иногда судовладельцы Ньюкасла и Дартмура⁹³.

Полученные лицензии регистрировались в бумагах Казначейства, благодаря чему сохранились имена купцов, торговавших с этой страной. В документах упоминаются Генри Мей, Джон Бертон, Джон Уидифорд, Уильям Пейви, Морис Уайт, Уильям Дамм, Ричард Альбертон, Уильям Кэнинджес, Джордан Спринг и другие, имевшие право совершать плавание в указанном направлении⁹⁴.

Иногда богатство и влияние купца позволяли ему не считаться с запретами. Например, Уильям Кэнинджес, бывший пять раз мэром Бристоля и одалживавший значительные суммы королю, отправлял в Исландию без всякой лицензии корабль «Катерина», которым он владел совместно со Стивенем Форстером. Кэнинджес не только не был наказан за нарушение запрета, но и получил в 1439 и 1440 гг. две лицензии на отправку в Исландию в течение четырех лет двух кораблей — «Мэри Рэдклиф» и «Катерина»⁹⁵.

⁹² The Overseas Trade of Bristol... P. 65.

⁹³ Carus-Wilson E.M. Medieval Merchant Venturers. P. 121.

⁹⁴ The Overseas Trade of Bristol ... P. 71—72, 79—81.

⁹⁵ Ibid. P. 71—72.

Торговля с Исландией имела сезонный характер. Обычно корабли отправлялись весной, между февралем и апрелем. В течение лета они оставались там, чтобы сделать закупки, загрузиться, и между июлем и сентябрем возвращались домой. Осенью эти же корабли отправлялись в плавание в южном направлении, например, в Бордо или Байонну, чтобы успеть к моменту сбора винограда. Интересно, что уже упоминавшиеся Уильям Пейви, Морис Уайт, Уильям Дамм и Ричард Альбертон, торговавшие с Исландией, в 1447 г. получили лицензию на ввоз в Ирландию среди прочих товаров также и вина, т.е. сфера их деятельности охватывала три страны⁹⁶. В 1451 и 1452 гг. Уильям Кэнинджес получил охранные свидетельства для плавания в Аквитанию⁹⁷.

Все перечисленные страны имели с Бристолем постоянные связи. Но в документах встречаются упоминания и о других направлениях торговли. В рассматриваемое время бристольские купцы совершали плавания в Италию, прежде всего, в Геную и Милан. Охранные свидетельства для купцов, плававших в упомянутые города, выдавались в июле 1380, июле 1381, сентябре 1382, июле 1384 гг. Ноябрем 1446 г. помечена лицензия Роберту Стерми для отгрузки товаров в Пизу⁹⁸. Кроме того, встречаются сведения о плаваниях бристольцев в Кале, Берген, Данциг и Бретань⁹⁹.

Если сравнить значение заморских рынков Бристоля в XIV и XV вв., то очевидно возрастание роли Испании. В 1390—91 гг. в Испанию было отправлено только 5 кораблей, в Гасконь — 16, в Португалию — 17, а в 1479—80 гг. в Испанию посылалось 8, в Гасконь — 7, в Португалию — 4 корабля¹⁰⁰. При этом нужно учитывать, что речь идет об отправлявшихся из Бристоля кораблях, а не о пришедших в порт, поскольку эти цифры никогда не совпадали. Для XV в. характерна следующая последовательность по значимости: Испания, Ирландия, Португалия, Гасконь. С утратой французских владений в результате Столетней войны Испания стала наиболее значительным иностранным партнером Бристоля, хотя по количеству плаваний преобладала Ирландия.

На изменение приоритетности того или иного направления торговли влияли международные отношения и положение в тех странах, которые были торговыми партнерами. В рассматриваемое время обстановка для торговли, например, на Пиренейском полуострове оставалась не очень благоприятной, ибо это был период постоянной смуты, когда разные

⁹⁶ The Overseas Trade of Bristol... P. 86.

⁹⁷ GRB. V. I. Text. P. 183—185.

⁹⁸ The Overseas Trade of Bristol... P. 37, 39, 84. О торговой деятельности Р. Стерми в Италии подробнее см.: Jenks S. Robert Sturmy's Commercial Expedition to the Mediterranean (1457/8). Bristol, 2006.

⁹⁹ Ibid. P. 34, 42, 44, 52, 70.

¹⁰⁰ Sherborne J.W. The Port of Bristol... P. 11, 25.

группировки знати боролись за политическое влияние. В истории Испании XIII—XIV вв. характеризуются тем, что Реконкиста приостановилась, но внутреннего мира королевство не обрело. Борьба между королями и знатью, личные распри между членами королевского дома закончились лишь в конце XV в. после вступления на престол Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. С 1305 г. (с момента смерти Санчо IV Храброго) в Кастилии не было ни одного года, не омраченного борьбой королей за престол. Во второй половине XIV в. начинается двадцатилетняя гражданская война, которую вел Педро I со своими пятью незаконнорожденными братьями и знатью. В 1369 г. Педро I Жестокий, союзник англичан в Столетней войне, при помощи французов был свергнут, а на престол взошел его соперник Энрике II Трастамар. В результате Испания из союзника Англии превратилась в ее врага¹⁰¹. Это еще более осложнило торговлю английских купцов в Кастилии, тем более что в гражданскую войну оказалась втянута и Португалия. Испано-португальские противоречия достигли своего апогея в 1383—1385 гг., когда возникла угроза независимости Португалии, и ей пришлось вести оборонительную борьбу. И хотя в 1411 г. был заключен «вечный мир» между двумя упомянутыми королевствами, столкновения продолжались и в XV в.¹⁰² В отличие от отношений с Кастилией связи Англии с Португалией были более стабильными и дружественными. Дружба была закреплена в 1386 г. договором в Виндзоре между Ричардом II и Жуаном I Португальским, сохранявшимся вопреки раздорам и смене династии в Англии. Этот договор касался торговли между английскими и португальскими купцами, которым короли обязывались оказывать покровительство¹⁰³.

Торговля с Гасконью испытывала постоянные колебания из-за бесконечных споров об английских правах на герцогскую власть, что неизменно приводило к вооруженным конфликтам. Правда, в периоды перемирий положение стабилизировалось, но восстанавливать прежние связи было очень трудно.

Особенно тяжелые последствия для торговли имела Столетняя война, в которую оказались втянуты не только Англия и Франция, но и Испания, Португалия, Фландрия и другие государства. Уже упоминалось, что Испания, которая сама была заинтересована в захвате Гаскони, стала союзницей Франции. Дело осложнилось тем, что два сына английского короля Эдуарда III — герцог Ланкастерский и герцог Йоркский — были женаты на дочерях короля Педро I Жестокого. В 1386 г. Джон Гонт, герцог

¹⁰¹ *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 1951. Т. I. С. 243—249.

¹⁰² *Варьяш О.И.* Кастильско-португальские отношения в XV в. // Становление капитализма в Европе. М., 1987. С. 124—126.

¹⁰³ *Carus-Wilson E.M.* The Overseas Trade of Bristol // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N.Y., 1933. P. 220.

Ланкастерский, заявил претензии на кастильский престол и провозгласил себя королем Кастилии, после чего начались открытые военные действия, закончившиеся заключением мира в 1388 г.¹⁰⁴ Окончательно Испания и Португалия вышли из Столетней войны в 1411 г. после заключения между ними уже упоминавшегося «вечного мира». Продолжавшиеся военные действия на территории Франции привели к тому, что к XV в. Гасконь начинает утрачивать роль ведущего торгового партнера Бристоля.

Купцы, плававшие в Испанию, Португалию, Гасконь, постоянно подвергались опасности потерять свои корабли и товары. Северная Испания и Бискайский залив всегда были областью, особенно часто посещаемой пиратами, а в период войн пиратство еще более усиливалось. Свидетельством тому служат жалобы английских купцов. Отчаявшись добиться законного возмещения убытков, и испанские, и английские купцы обратились к репрессалиям (с санкции своих правительств или без нее). При Эдуарде II была составлена специальная анкета, по которой опрашивались пострадавшие английские купцы: название захваченных кораблей, имена капитанов, порт приписки, количество и состав товаров, место погрузки и таможенного оформления, время возвращения в порт, место захвата, свидетели и прочее¹⁰⁵.

В тех случаях, когда официальные обращения с просьбой возместить убытки не помогали, а иногда и без предварительного уведомления, по распоряжению короля или его совета накладывался арест на имущество иностранных купцов в Англии. Например, Эдуард II в 1318 г. наложил арест на имущество французских купцов, которые нанесли ущерб жителям Беверли, и фландрских купцов, в ответ на захват товаров лондонских горожан. В 1328 г. Эдуард III приказал конфисковать все товары и другое имущество купцов из Нормандии и Пуату в возмещение потерь английских купцов в этих областях¹⁰⁶. Практика репрессалий осложняла международные отношения, после их объявления торговля приостанавливалась, поскольку купцы боялись за свои корабли и товары. О том, что страх этот не был напрасным, свидетельствуют документы. В 1377 г. в протоколах Казначейства зафиксировано пожалование двух испанских кораблей «Св. Мария» и «Св. Николас» Уолтеру Дерби, купцу из Бристоля, в качестве компенсации за его корабль и товары, захваченные испанцами. Испанские корабли, зафрахтованные во Фландрии, были захвачены английским флотом в устье Луары и доставлены в Бристоль¹⁰⁷.

¹⁰⁴ *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. С. 249.

¹⁰⁵ *Rotuli Parliamentorum; ut et petitiones et placita in Parlamento, 1278—1503.* L., 1832. V. I—III. V. I. P. 277—278.

¹⁰⁶ *Calendar of Close Rolls, 1318—1323.* P. 9, 83—84; *Calendar of Close Rolls, 1327—1330.* P. 298.

¹⁰⁷ *The Overseas Trade of Bristol...* P. 34—35.

В ноябре 1422 г. была выдана лицензия Роберту Расселу на торговлю с Кастилией, чтобы он мог вернуть судно и другие товары на сумму в 1 тыс. марок, «несправедливо» захваченные там¹⁰⁸. Сохранились сведения о захвате бристольтцами португальских кораблей. И в Ла-Манше пиратов было не меньше, чем в Бискайском заливе, от действий которых страдали как французские, так и английские купцы¹⁰⁹. Иногда они организовывали свою собственную защиту, удваивая число команд и собирая большие караваны торговых судов. Например, в 1372 г. бристольтский корабль «Божья милость» имел судовую команду в 50 человек вместо обычной, состоящей из 26 человек. В этом же году корабль «Джеймс» был вынужден везти дополнительно 63 человека¹¹⁰. Поскольку в XIV—XV вв. война стала «образом жизни», английское правительство организовало систему конвоирования купеческих кораблей, предоставляя им т.н. конвой безопасности. В связи с этим оно взимало побор в 2 ш. с бочки, чтобы покрыть расходы на содержание королевских конвойных судов. Это приводило к увеличению стоимости фрахта: с начала XIV в. она выросла с 8 ш. за бочку до 12—13 ш., а в 1372 г. достигла 22 шиллингов¹¹¹.

Результатом беззакония, господствовавшего на морях, было появление охранных свидетельств и лицензий на торговлю с купцами враждебного государства. Английским купцам (и иностранным, торговавшим в Англии) запрещалось посещать неприятельские порты без лицензии. Из-за частых случаев подделки указанных документов (ведь за лицензию взималась плата) установили, что в Англии они должны были регистрироваться в Казначействе, а без этого лицензии и охранные свидетельства считались недействительными. Во избежание злоупотреблений грамоты составлялись по определенной форме и содержали следующие сведения: дату и место выдачи, имя человека, кому сделано пожалование, название корабля, имя капитана, число матросов, тоннаж корабля, место плавания и обязательно срок действия документа¹¹². В бристольтской «Большой Красной Книге» зарегистрировано значительное количество охранных свидетельств и лицензий, выданных Казначейством не только английским, но и французским купцам, главным образом из Аквитании.

Корабль из неприятельского порта, если он не имел охрального свидетельства, подлежал захвату. Правда, и охранные грамоты часто не спаса-

¹⁰⁸The Overseas Trade of Bristol... P. 55.

¹⁰⁹Ibid. P. 52, 74.

¹¹⁰Crawford A. Bristol and the Wine Trade. Bristol, 1984. P. 6.

¹¹¹James M.K. Studies in the Medieval Wine Trade. Oxford, 1971. P. 25, 130—133, 143—144.

¹¹²GRB. V. I. Text. P. 188.

ли от грабежа на море. Пиратские захваты были постоянным явлением и воспринимались купцами разных стран почти как дело естественное, так что охранные свидетельства часто игнорировались всеми сторонами. Об этом говорят апелляции в суд лорда-канцлера Англии. Купец мог пострадать не только от враждебной стороны, но и от действий своих пиратов, которыми иногда оказывались лица очень знатные. Например, Джон Уайли и Томас Дрейпер из Бристоля подали апелляцию епископу Экзетерскому Джорджу, который в 50—60-е гг. XV в. был канцлером Англии. В своем прошении купцы указывали, что они получили конвой безопасности (охранное свидетельство) от французского короля, но не смогли им воспользоваться, т.к. их корабль «Джулиан» был захвачен графом Уорвиком и насильно включен в состав флотилии герцога Йоркского, отправлявшегося в Ирландию. В результате, жаловались купцы, они не совершили планировавшегося путешествия и потеряли конвой безопасности (поскольку он давался на определенный срок)¹¹³.

И все же, несмотря на морской разбой, продолжавшиеся военные действия или перемирия, которые время от времени заключались, международная торговля не прекращалась, и бристольские купцы продолжали плавать в Испанию, Португалию или во Францию.

Остановимся теперь на составе импорта и экспорта в XIV—XV вв. С XIII в. основным объектом ввоза бристольских купцов было вино. Первое упоминание о его продаже в городе встречается еще в хартии Иоанна 1188 г., по которой чужеземцам запрещалось держать таверну, кроме как на борту корабля¹¹⁴. Это было связано с ограничением прав иностранцев на участие в розничной торговле, поскольку именно таверны были местом для продажи вина в розницу. До конца XIII в. составить какое-либо представление об объеме поступлений вина в бристольский порт практически невозможно. Первые сведения об объеме бристольского импорта данного продукта мы имеем от времени правления Эдуарда I, который установил пошлину в 3 пенса с каждой бочки, ввозившейся иностранцами¹¹⁵. С этого времени таможенные отчеты становятся основным источником информации. Но хотя отчеты бристольских чиновников являются более детальными, чем в других английских портах, они, тем не менее, очень фрагментарны, и до конца XV в. невозможно последовательно проследить развитие импорта вина в город.

¹¹³The Staple Court Books of Bristol / Ed. by E.E. Rich. Bristol, 1934. P. 95—97.

¹¹⁴Bristol Charters, 1155—1373 / Ed. by N.D. Harding. Bristol, 1930. V. I. P. 11.

¹¹⁵Sherborne J.W. The Port of Bristol... P. 7. Речь идет о «новой пошлине», введенной в 1302 г. для купцов из Гаскони, а в 1303 г. для всех иностранных торговцев в добавление к «старой пошлине». Впервые экспортируемые из Англии товары были обложены пошлиной в 1275 г. Сначала это были только шерсть, кожи и шкуры.

В XIV—XV вв. вино оставалось самой доходной статьей импорта. В течение указанного времени Бристоль давал от четверти до трети всего ввозимого в Англию вина. В 1300—1301 гг. иностранцами было импортировано в город около 2 тыс. тонн, к 1307 г. ежегодный импорт превышал 3 тыс. тонн¹¹⁶. Правда, нужно учитывать, что после короткой англо-французской войны 1294 г. объем торговли сократился.

В XI—XII вв. большая часть вина поступала в Англию из Северной Франции, Иль де Франс, Бургундии и долины Луары. Брак Генриха II с Элеонорой Аквитанской в 1152 г. привел к значительным изменениям в торговых связях, поскольку сделал Аквитанию полностью доступной для английских купцов. Поставки из других стран Европы составляли не более 10—15% импорта, и если в середине XIII в. англичанин говорил о вине, то он имел в виду гасконское вино из Бордо.

О том, что основным источником поступления вина в Бристоль была Гасконь, свидетельствуют и торговые лицензии¹¹⁷. Хотя очень трудно давать какие-то оценки данной торговле между 1307 и 1350 гг., поскольку за указанное время нет данных о всеобщем импорте. Это относится в значительной мере и ко второй половине XIV в. Только с 1322 г. известен объем грузов, доставленных иностранцами. Из-за Столетней войны сложно делать обобщения на длительный период. После 9 лет перемирия в 1369 г. война началась вновь, французские войска вторглись в Гасконь, и в Ла-Манше корабли торговцев подстерегали опасности. В это время бристольский общий импорт вина зарегистрирован только примерно за 6 лет, да и общегосударственные данные являются скудными. Но все же можно сказать, что во второй половине XIV и в XV в. очевиден упадок торговли вообще, и винной в том числе. Гасконь и в XV в. еще обеспечивала большую часть импорта вина, но положение резко изменилось после 1453 г., с утратой Англией Бордо. Французская корона наложила эмбарго на торговлю с Англией. Некоторое количество вина из Гаскони отправлялось по суше в Бретань, тогда еще независимое герцогство, а оттуда на небольших бретонских кораблях перевозилось в южные английские порты. Правда, Франция скоро поняла, что процветание Гаскони почти полностью зависит от торговли с Англией, и поэтому по специальным лицензиям и со многими ограничениями английские купцы вновь начали торговать с Бордо. Однако только к 90-м гг. XV в. торговля достигла прежнего размаха.

Трудности в торговле с Гасконью заставили бристольских купцов увеличить свое внимание к испанскому и португальскому рынку вина. К концу XV в. Испания давала от 20 до 30% всех поставок¹¹⁸. Хотя нельзя ска-

¹¹⁶James M.K. The Fluctuation of the Anglo-Gascon Wine Trade During the Fourteenth Century // Essays in Economic History. L., 1962. Vol. 2. P. 130.

¹¹⁷The Overseas Trade of Bristol... P. 38—41, 43, 54, 57, 62.

¹¹⁸Childs W.R. Anglo-Castilian Trade in the Later Middle Ages. Manchester, 1978. P. 132.

зять, что по сравнению с Гасконью Испания была более спокойным местом для торговли. Но если проследить количество отправлявшихся кораблей в Испанию с 1376 по 1404 гт., то можно заметить, что постепенно торговля расширялась: в 1376—77, 1378—79, 1380—81 гт. отправлялось только по одному кораблю (правда, имеющиеся сведения охватывают не полные годы, а отдельные месяцы), в последующие годы в среднем совершалось по 6 плаваний, а в 1382—83 и 1398—99 гт. их число соответственно доходило до 16 и 22¹¹⁹. Такая же картина характерна и для XV в. — к концу столетия импорт испанского вина ощутимо увеличился. Для сравнения можно привести данные за два года из разных десятилетий: в 1480 г. — 197 т., а в 1492 — 746 тонн¹²⁰. Если оценивать стоимость импорта из Испании (не только вина, а в целом всех товаров), то с 1461 по 1493 гт. он возрос с 463 ф. ст. до 9267 ф.ст.¹²¹ В Испании бристоольские корабли торговали почти исключительно в Кастилии и Леоне и не плавали в средиземноморские порты Арагона. Хотя иногда случайные визиты на юг, например, в Севилью, были. Наиболее тесные связи у Бристоля имелись с бискайскими портами, даже несмотря на большую опасность со стороны пиратов. Испанское сухое вино высоко ценилось в Англии, хотя стоило оно не так дорого как сладкое.

Очень благоприятные условия для торговли были у английских купцов в Португалии, которая, в отличие от Кастилии, всегда имела хорошие политические отношения с Англией. Поэтому не удивительно, что с утратой Гаскони возрос спрос на португальское вино, которое квалифицировалось как сладкое. Вначале португальские купцы сами доставляли свои вина в Англию, но к концу XV в. торговля почти полностью перешла в руки бристоольцев¹²².

Вино было самым дорогостоящим предметом бристоольского импорта, но вовсе не единственным. Очень большое значение среди импортировавшихся товаров имело сырье для ремесленного производства и, прежде всего, для сукноделия, металлообработки и кожевенной промышленности.

Особое внимание уделялось закупкам красителей (вайды, марены и др.), квасцов, мыла и масла, необходимых при изготовлении сукна. Эти товары доставлялись из Италии, Франции и Испании. Из Генуи и Милана привозили вайду, масло, древесную золу и квасцы. Уже упоминались охранные свидетельства для купцов, импортировавших их¹²³. Но все же основными поставщиками товаров были Франция и Испания. Наиболее ранними рынками вайды были Пикардия и Тулуза. Пикар-

¹¹⁹Childs W.R. Anglo-Castilian Trade... P. 85.

¹²⁰Sherborne J.W. The Port of Bristol... P. 26.

¹²¹Childs W.R. Anglo-Castilian Trade... P. 64.

¹²²Crawford A. Bristol and the Wine Trade. P. 11.

¹²³The Overseas Trade of Bristol... P. 37, 39.

дийская Ганза, в которую входили города Амьен, Корби, Нель, специализировалась именно на торговле вайдой. Поэтому в 1281 г. Бристоль для поддержания активных торговых связей заключил с ней торговое соглашение¹²⁴. В XIV в. эти регионы продолжали поставлять красители. В распоряжении городского совета Бристоля от 1351 г. о порядке использования вайды (как и кто должен вскрывать бочки при приготовлении вайды) упоминаются поставки из Пикардии и Тулузы. При этом доставленные из Тулузы оцениваются выше¹²⁵.

Со второй половины XIV в. бристольские купцы в торговле отдавали предпочтение Гаскони и Испании. Главные порты Гаскони — Бордо и Байона — были не только рынком для английских товаров и поставщиками вина, но пунктами вывоза тулузской вайды. В XIV—XV вв. вайда — наиболее распространенный краситель. В XV в. бочка вайды стоила недешево — около 5 ф.ст., но, например, другой заморский краситель, такой как “scarlet” по самым низким расценкам стоил в Бристолле 10 ф.ст., поэтому для людей «среднего достатка» оказывался более доступен первый¹²⁶. Наиболее ценным из всех португальских продуктов был, вероятно, краситель «грейн», применявшийся для окраски сукна в алый цвет. Крошечные насекомые — “kermes”, из которых он изготавливался, в изобилии разводились в горах Португалии¹²⁷.

Одним из главных товаров, наряду с вином вайдой, было оливковое масло. Лучшее использовалось для приготовления пищи, но когда оно старело (или качество ухудшалось) его применяли при выделывании кожи и в суконном производстве — масло было необходимо для вымачивания шерстяных волокон перед чесанием и прядением (оно так и назвалось “wool-oil”). Уже отмечалось, что для XIV в. трудно разделить данные по торговле с Испанией и Португалией. В XV в. более половины импорта масла английские и испанские корабли доставляли из Португалии, остальное поступало из Андалусии¹²⁸.

Другим товаром было мыло, которое использовалось как для личной гигиены (белое мыло), так и в суконной промышленности (черное мыло). Бристоль в основном ввозил черное мыло, причем настолько много, что в таможенных отчетах расчеты ведутся за тонны. В XV в. цена за тонну черного мыла колебалась между 3 ф.б ш. 8 п. и 4 ф.ст.¹²⁹

¹²⁴Calendar of Close Rolls, 1279—1288. L., 1900. P. 121—122.

¹²⁵LRB. V. II. P. 16—17, 20. При приготовлении вайда давала все оттенки синего и голубого цветов. Чтобы получить желаемый цвет, нужно было точно соблюдать технологию.

¹²⁶Childs W.R. Anglo-Castilian Trade... P. 108.

¹²⁷Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 221.

¹²⁸Childs W.R. Anglo-Castilian Trade... P. 108.

¹²⁹Ibid. P. 111.

Кроме указанных продуктов в Бристоль ввозилось железо, лес, кожи, соль, рыба.

На первый взгляд, большой импорт железа в Англию кажется неожиданным, потому что собственные ее запасы были значительны и хорошо разведаны. Некоторые месторождения располагались близко к поверхности и давали руду хорошего качества. Но своими запасами железа (впрочем, как и солью) можно было удовлетворить нужды королевства только на одну треть. Фрагментарность документов за XIV в. затрудняет какие-либо выводы об общем национальном импорте, но предположительно к концу XIV в. он приближался к 1 тыс. тонн в год. В первой половине XV в. документы ланкастерского правительства также являются скудными, но судя по ним ввоз железа оставался примерно на том же уровне.

С середины XV в. таможенные отчеты сохранились в большем количестве, и их вполне достаточно, чтобы делать какие-то сравнения. В целом можно отметить, что при Эдуарде IV и Генрихе VII импорт железа был высоким и постоянно возрастал. Провинциальный импорт составлял в 60-е гг. XV в. 500—600 тонн в год, в 70-е и 80-е гг. — примерно 1 тыс., и в 90-е гг. приближался к 1,5 тыс. тонн в год. Импорт Лондона за это время вырос до 2,5 тыс. тонн в год. Таким образом, к концу XV в. Англия, вероятно, ежегодно ввозила свыше 3,5 тыс. тонн железа в год¹³⁰.

Ведущими импортерами железа выступали Лондон и порты западного побережья, в первую очередь Бристоль. К концу XV в. импорт Бристоля доходил, примерно, до 700 тонн в год, в то время как через Саутгемптон ввозилось 50—70 тонн, Честер — немногим более 100, Сэндвич — 150—200 тонн. Бристолью в разные годы принадлежало от 20 до 25% всего английского импорта¹³¹.

Железо в Англию поступало из Фландрии, Франции, Швеции, Германии и Испании. Фландрия реэкспортировала железо из Испании, Франции и Германии. Некоторое количество доставлялось из Бретани и Гаскони, но все же основная часть — из Испании. В рассматриваемый период в состав Кастилии входили баскские провинции, где добывалось и обрабатывалось железо. Во второй половине XV в. были годы, когда Испании принадлежал весь импорт железа в Бристоль — 1461, 1476, 1477, 1486 гг. Но и в остальное время доля Испании оказывалась подавляющей. Оставшееся количество поступало на испанских кораблях из Ла Рошели и Бордо и было, несомненно, из области басков¹³².

¹³⁰Childs W.R. England's Iron Trade in the Fifteenth Century // The Economic History Review. 1981. Vol. 34. № 1. P. 27.

¹³¹Ibid.

¹³²Childs W.R. Anglo-Castilian Trade... P. 117—118.

Купцы Бристоля ввозили железо как для местного ремесла (например, для гильдии волочильщиков проволоки, кузнецов, ножовщиков и др.), так и для нужд всего королевства — значительное количество его отправлялось для кораблестроения, изготовления оружия, строительства замков. Часть ввезенного железа могла предназначаться для реэкспорта. Кроме необработанного железа Испания поставляла и железные изделия — от панцирей, самострелов, якорей до гвоздей и гребней (возможно, для чесания шерсти)¹³³.

Бристоль нуждался в большом количестве строительного леса. Располагавшийся к северу от города Динский лес давал какое-то количество материала для кораблестроения, но значительная часть поступала из других стран. Таможенные отчеты свидетельствуют о том, что корабельные доски, брусья, стенные панели доставлялись из Ирландии, Фландрии, Пруссии¹³⁴. Хотя в каждом отдельном отчете упоминалось всего от 1 до 6 сотен досок и брусьев, в общем объеме, видимо, поставки были очень большими. В противном случае вряд ли бы городской совет принял в 1346 г. специальное «Постановление относительно леса, находящегося на набережной и в других общественных местах». В мотивировочной части отмечалось, что в городской совет поступали жалобы на то, «что общественные места рядом с набережной были и до сих пор еще остаются занятыми различными вещами, а именно: лесом, досками и другими товарами, без какой-либо уплаты общине за хранение»¹³⁵. В «Прокламациях города Бристоля», составленных в XIV в., запрещалось чужеземцам (“*extraneus*”) и горожанам загромождать лесом набережную, проезжую улицу или узкую улочку¹³⁶. К вопросу о размещении леса на набережной Совет Бристоля обращался и в XV в. — подобное постановление было принято во времена мэра Уильяма Кэнинджеса в 1449—50 гг.¹³⁷

Необходимо было сырье и для бристольской гильдии лучников, потому что высококачественные луки изготавливались из импортного тисового дерева. Только тис — настолько гибок, чтобы сделать действительно хороший лук, но английский тис считался слишком мягким по структуре, т.к. рос слишком быстро. Континентальный тис, особенно с берегов Балтики, — лучшего качества.

В больших количествах ввозилась в Бристоль соль. Она использовалась не только для приготовления пищи, но и при заготовке рыбы, а также в кожевенном производстве. Основным поставщиком соли для

¹³³Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 216.

¹³⁴The Overseas Trade of Bristol... P. 42, 219, 258.

¹³⁵LRB. V. II. P. 29.

¹³⁶Ibid. P. 227—228.

¹³⁷GRB. V. I. Text. P. 132.

города была Португалия. В различных документах можно обнаружить, что среди товаров из Португалии неизменно упоминается соль. Встречаются сведения о доставке соли и из Бретани¹³⁸.

Сырье для процветавшей кожевенной промышленности ввозилось из разных стран. Уже упоминались поставки масла и соли. Но основным сырьем, естественно, были шкуры, большая часть которых поступала из Ирландии¹³⁹. Среди привилегий, полученных купцами Бристоля в Дублине, значится право беспошлинной торговли овчинами и шкурами¹⁴⁰. Судя по документам, Ирландия снабжала город не только шкурами, но и строевым лесом, дешевым сукном и льняным полотном. Кроме Ирландии сырье для кожевенного производства поступало и из Уэльса¹⁴¹.

Исключительное место в импорте Бристоля составляла рыба. Она ввозилась не только для местного потребления, но, главным образом, для реэкспорта. Для собственных нужд хватало той рыбы, которая продавалась местными рыбаками или доставлялась из Уэльса. Основное количество ввозилось из Ирландии и, особенно, Исландии. Ирландия поставляла, прежде всего, сельдь (свежую, соленую, копченую), а Исландия — треску (вяленую и соленую)¹⁴².

Все перечисленные выше товары ввозились в XIV—XV вв. в больших количествах и на значительные суммы. Но кроме них бристольские купцы импортировали пряности, сахар, фрукты, мед, воск, шелк, деготь, пробку и многое другое. Чаще всего в таможенных отчетах и прочих документах конкретно отмечались стапельные товары (шерсть, овчины, свинец и олово), вино, вайда, железо, рыба, масло, мыло, а остальное часто именовалось «прочие товары». Конечно, пряности, сахар, фрукты не способствовали расширению ремесленного производства, но торговля ими приносила исключительно большие доходы, а увеличение их импорта в какой-то мере свидетельствует о росте уровня жизни англичан.

Менее известен бристольский экспорт в рассматриваемое время. Может быть, в какой-то мере исключением являются данные о вывозе сукна, потому что шерсть и сукно — основные статьи общеанглийского экспорта.

Уже отмечалось, что часть импортированных товаров затем реэкспортировалась бристольскими купцами. В первую очередь это касается вина. Например, в лицензиях на торговлю с Ирландией среди това-

¹³⁸The Overseas Trade of Bristol... P. 52, 106—108.

¹³⁹Ibid. P. 34, 44.

¹⁴⁰Осинова Т.С. Ирландский город... С. 141.

¹⁴¹Sherborne J.W. The Port of Bristol... P. 15.

¹⁴²The Overseas Trade of Bristol... P. 71—73, 79, 80.

ров, разрешенных к вывозу, упоминается и вино¹⁴³. В первой половине XIV в. еще не определился какой-то преобладающий экспортный товар. Но, видимо, самыми богатыми людьми в городе были оптовые торговцы продовольствием (особенно вином, рыбой и зерном). Именно эти купцы преобладали в составе городского совета в указанное время. Об импорте вина и рыбы уже говорилось выше. Выше уже отмечалось, что торговля рыбой была настолько прибыльным делом, что во времена Ричарда II шесть человек монополизировали ее, добившись специального постановления городского совета¹⁴⁴.

По документам Бристоль вырисовывается как крупный экспортер зерна. Для пропитания горожан и на экспорт зерно поступало из разных графств — Сомерсет, Дорсет, Глостер, Уорчестер и Глэморган (Уэльс)¹⁴⁵. Закупать зерно «с целью вывоза его из королевства» можно было только после праздника Св. Михаила (29 сентября); до этого, видимо, полагалось сделать запасы для самого города¹⁴⁶.

Вывозить зерно из Англии разрешалось только в урожайные годы. Иногда приходилось и ввозить его. В «Хронике Бристоля», составленной У. Адамом, можно встретить такие записи: 1259 г. — «В этом году была такая нехватка зерна, что бушель пшеницы продавался за 16 ш.»; 1288 — «Пшеница продавалась в Лондоне по 40 ш. за кварталер»; 1316 г. — «В этом году был большой голод в Англии»¹⁴⁷. Есть сведения, что во времена Эдуарда II некоторое количество зерна ввозилось в Англию из Нормандии и Гаскони¹⁴⁸. В июле 1316 г. в связи с недостатком в стране съестных припасов Эдуард II объявил, что выдаст охранные грамоты всем, кто приедет в Англию с продуктами продовольствия¹⁴⁹. Но даже в благоприятные годы экспорт зерна из Англии строго лимитировался: вывозить дозволялось только по лицензиям, за которые, естественно, нужно было платить.

В Бристоле только с 1384 по 1390 гг. было выдано шесть лицензий на экспорт 1690 кварталеров пшеницы, не считая бобов¹⁵⁰. Выдача подобных лицензий продолжалась и в XV в. Основными пунктами назначения были Испания, Португалия, Бордо и Байонна¹⁵¹. Причем, если Испания

¹⁴³The Overseas Trade of Bristol... P. 86.

¹⁴⁴LRB. V. II. P. 73.

¹⁴⁵Ibid. P. 64; The Overseas Trade of Bristol... P. 39, 41, 43, 54, 57, 62.

¹⁴⁶LRB. V. II. P. 64; GRB. V. II. P. 150.

¹⁴⁷Adam W. Chronicle of Bristol / Ed. by F.F. Fox. Bristol, 1910. P. 23, 30, 35.

¹⁴⁸См.: Miskimin H.A. The Legacies of London: 1259—1330 // The Medieval City. New Haven, 1977. P. 213.

¹⁴⁹Грaбарь В.Э. Репрессалии в Англии при Эдуарде II // Ученые записки Института истории. М., 1929. Т. 3. С. 215.

¹⁵⁰The Overseas Trade of Bristol... P. 38—41. Кварталер равен 291 литру.

¹⁵¹Ibid. P. 43, 54, 57, 62, 73.

и Гасконь временами и сами экспортировали зерно, то в Португалии со второй половины XIV в. наблюдалась постоянная нехватка зерновых¹⁵². Возможно, это было связано с постоянными конфликтами с Кастилией, перешедшими в войну за независимость 1383—1385 гг. В марте 1463 г. Джон Джей-старший получил лицензию на отгрузку 300 кварталов пшеницы в Португалию. В марте 1464 г. такую же лицензию получили Уильям Уэй и Роберт Роджер¹⁵³. Кроме перечисленных стран, которые были постоянными пунктами отправления зерна, в лицензиях встречаются упоминания Ирландии, Фландрии и даже Италии. В феврале 1456 г. сэру Николасу Уэринджесу было разрешено экспортировать из Бристоля 500 кварталов пшеницы во Фландрию, а в марте 1457 г. Роберт Стерми получил лицензию на отгрузку в Италию наряду с прочими товарами 400 кварталов пшеницы¹⁵⁴. В этом документе есть сведения о цене на зерно — купец мог приобретать пшеницу не дороже 6 ш. 8 п. за квартал. В 1437 г. была выдана лицензия Клементу Баготу и Уильяму Стоуну на отправку корабля «Тринити» с 400 кварталами муки, ячменя и бобов в г. Берген¹⁵⁵. Поскольку уже упоминалось, что этот город был складочным местом для торговли с Исландией, то вполне вероятно, что груз предназначался именно для нее. Можно предположить, что и другие английские корабли, отправлявшиеся за рыбой в Исландию (легально или нелегально), среди прочих товаров везли определенное количество зерна, т.к. своего там было очень мало.

Иногда зерно из Бристоля отправлялось для снабжения английских войск в чужих странах. В качестве примера можно привести лицензию, выданную Джону Казину 4 ноября 1386 г. Ему было разрешено вывезти в Испанию или Португалию 300 кварталов пшеницы «для пропитания нашего дорогого дяди Джона, короля Кастилии, и для армии герцога Ланкастерского»¹⁵⁶. В феврале 1387 г. еще два купца получили лицензию, разрешавшую закупить 800 кварталов пшеницы в Уорчестере и Глостершире для отправки его в Испанию «для восстановления сил нашего дорогого дяди Джона, короля Кастилии, и для легиона герцога Ланкастерского и других наших подданных там»¹⁵⁷.

Хотя шерсть долгое время преобладала в английском экспорте, Бристоль никогда не был крупным поставщиком данного сырья на иностранных рынках. Город имел доступ к лучшей английской шерсти,

¹⁵²Варьяш О.И. Кастильско-португальские отношения в XV в. С. 126.

¹⁵³The Overseas Trade of Bristol... P. 130, 133.

¹⁵⁴Ibid. P. 109, 115; Jenks S. Robert Sturmy's Commercial Expedition to the Mediterranean (1457/8). Bristol, 2006.

¹⁵⁵The Overseas Trade of Bristol... P. 70.

¹⁵⁶Ibid. P. 40. О Джоне Гонте, герцоге Ланкастерском, речь уже шла выше.

¹⁵⁷Ibid. P. 41.

но располагался в стороне от основных торговых путей XIII—XIV вв. Правда, отдельные бристольские купцы вывозили шерсть. Например, Томас де Тайли и Уильям де Бервик во времена Ричарда I экспортировали шерсть из Сомерсета¹⁵⁸. Но объем этой торговли по сравнению с другими городами был ничтожным. В 1303 г. Эдуард I ввел т.н. «новую пошлину» для иностранцев, торговавших в Англии. И по данным таможенных отчетов за 1303—1309 гг. из Бристоля иностранцами было вывезено только 9,5 мешков и 6 стоунов шерсти¹⁵⁹. В первой половине XIV в. были небольшие колебания в этой торговле, но в целом нужно отметить, что объем ее незначителен. Даже в XV в. бристольские купцы иногда отправляли шерсть в Италию. В ноябре 1446 г. Роберт Стерми получил лицензию на отправку 40 мешков шерсти и 100 кусков олова весом 26 тыс. фунтов из Бристоля в Пизу¹⁶⁰. Стремясь обойтись без посредничества Венеции и Генуи, Стерми отправил на коге «Анна» 20,5 мешков и 12 кловов шерсти. Но во время бури корабль был выброшен на скалы о. Модон и весь экипаж погиб. Тем не менее, в 1447 г. Стерми отправил уже три корабля в плавание, целью которого был Левант. Но и это путешествие закончилось трагически: генуэзцы, решив не допустить возвращения кораблей в Англию, устроили засаду у о. Мальта и захватили их¹⁶¹. За весь XV в. это была единственная, отмеченная в таможенных отчетах, отгрузка шерсти из Бристоля. Да и оба путешествия Роберта Стерми обычно рассматриваются не в плане изучения торговли шерстью, а как первые попытки англичан проникнуть на рынки Леванта.

С середины XIV в. Бристоль начинает выделяться как экспортер сукна. Прогресс в этой области был просто стремительным. Если в 1303—1309 гг. из города было экспортировано иностранцами 242,5 куска некрашеного сукна, то в 1377 г. сумма годового экспорта в Ирландию, Гасконь и Испанию дошла до 3220 кусков. При этом иностранные купцы вывезли 292,5 куска, а бристольцы — 2927,5 кусков¹⁶². Конечно, это был удачный год, бывали цифры и ниже, но рост экспорта сукна — несомненен. Тем более, если иметь в виду, что экспорт всего королевства в середине XIV в. доходил до 5 тысяч кусков в год, а в 1390—91 гг. составил 7017 кусков¹⁶³. В 1355—1360 гг. доля Бристоля в ежегодном экспорте английского сукна составляла 30% (в среднем 2550 кусков),

¹⁵⁸The Staple Court Books of Bristol. P. 13, 68.

¹⁵⁹Ibid. P. 69. Стоун равен 6,35 килограмма.

¹⁶⁰The Overseas Trade of Bristol... P. 84.

¹⁶¹Ibid. P. 85—86.

¹⁶²The Staple Court Books of Bristol. P. 69, 73.

¹⁶³Ibid. P. 74. Все экспортировавшееся из королевства сукно впервые было обложено пошлиной только в 1347 г.

а в 1365—1370 гг. выросла до 40% (в среднем 5151 кусок в год)¹⁶⁴. Для сравнения можно сказать, что в 1353/54 гг. Ярмут экспортировал лишь 19 кусков, Гуль — 163, Бостон — 273, Лондон — 454, Саутгемптон — 785. Бристоль же в этом году отправил за границу 1511 кусков¹⁶⁵. Рост производства шерстяных тканей был связан с изменениями, происходившими в организации бристольского ремесла, о чем речь пойдет ниже. Правда, нужно отметить, что Бристоль экспортировал и сукно, произведенное в других городах и местечках. У. Чайлдз, ссылаясь на лицензии XIV—XV вв., отмечает, что город экспортировал сукна из Экстера, Бриджуотера, Тонтона, Барстапла, Уэльса, Саутгемптона, Ирландии¹⁶⁶.

Хотя Фландрия не была постоянным торговым партнером Бристоля, но есть свидетельства, что в начале XIV в. бристольцы пытались продавать сукно в Брюгге. В муниципальных отчетах Брюгге за 1306—1307 гг. отмечена конфискация «семи кусков сукна, принадлежащих англичанам из Бристоля»¹⁶⁷. К сожалению, причина конфискации не указана. Возможно, это было следствием протекционистской политики городских властей, защищавших своих производителей сукна от конкуренции, или связано с практикой репрессалий, поскольку Брюгге являлся крупным ярмарочным центром. Важно то, что бристольцы появлялись со своими товарами и во Фландрии.

Основными рынками сукна для Бристоля в XIV в. были Гасконь и Ирландия. Здесь бристольские купцы торговали беспошлинно, поскольку эти страны считались владениями английского короля, а торговцы города пользовались большими привилегиями еще со времен Генриха II. Правда, иногда привилегии нарушались. В конце XIV в. таможенники порта в Бристоле подали петицию лорду-канцлеру, в которой жаловались на то, что свидетельства об уплате пошлин на все виды сукна, которые они выдают, не принимаются в Корке, как это делается в Бордо и других владениях короля¹⁶⁸.

Гасконь как торговый партнер сохраняла лидерство несмотря на все сложности, связанные с войной. Конечно, военные действия мешали торговле, и во второй половине XIV в. экспорт Бристоля увеличивался не так стремительно, как в первой половине столетия. В 80-е гг. он

¹⁶⁴The Overseas Trade of Bristol... P. 293—294.

¹⁶⁵Gray H.L. The Production and Exportation of English Woolens in the Fourteenth Century // The English Historical Review. 1924. Vol. 39. № 153. P. 34.

¹⁶⁶Childs W.R. Anglo-Castilian Trade... P. 78—79.

¹⁶⁷Munro J. Industrial Protectionism in Flanders // The Medieval City. New Heaven, 1977. P. 235.

¹⁶⁸The Overseas Trade of Bristol... P. 43.

был только на 3,5% больше, чем в 60-е, а в 90-е гг. лишь на 6,5 %¹⁶⁹. Тем не менее, если сравнить количество экспортированного сукна в 1390—91 гг., то в Гасконь было вывезено 1941, в Португалию — 1866,5, а в Ирландию — 1161 кусков¹⁷⁰.

Необходимо пояснить, каким образом среди главных рынков оказалась Португалия. После Гаскони и Ирландии основным импортером сукна была Испания. Но из-за того, что во время Столетней войны Испания выступала союзницей Франции, бристольские купцы оказались вынуждены торговать с ней через Португалию. Ее рынок был значительно меньше испанского и мог поглотить только небольшое количество сукна, остальная ткань уходила на более широкий кастильский рынок. Несмотря на пиратов, захваты кораблей и войны в самой Испании связи с ней в последней четверти XIV в. становились все более прочными. Испанский рынок поглощал от 1/4 до 1/3 всего экспорта Бристоля и от 3 до 9%, а в отдельные годы до 17% всего английского сукна¹⁷¹. К XV в. доля Испании выросла до 58% этой статьи бристольского экспорта¹⁷². Теперь бристольские корабли обычно были почти полностью загружены данным товаром. В последующее время продолжался, хотя и не в таком темпе, как прежде, рост экспорта сукна. Но к середине XV в. на первом месте в качестве экспортеров уже очевидно были Лондон и Саутгемптон. В 1440—50 гг. средний ежегодный экспорт Бристоля был 5109, а у Лондона и Саутгемптона соответственно 19200 и 9950 кусков¹⁷³.

К концу XV в. Бристоль начал восстанавливать свои позиции крупнейшего порта Англии. Конечно, Лондон был вне конкуренции, но в связи с упадком итальянской торговли Саутгемптон вновь уступил лидерство среди провинциальных портов Бристолю.

Кроме перечисленных товаров, которые занимали ведущее место в экспорте города, Бристоль, безусловно, вывозил и многое другое. Из таможенных отчетов и торговых лицензий видно, что бристольские купцы экспортировали некоторое количество шкур. Например, в XIV в. уже упоминавшиеся Уильям Кэнинджес и Джон Барстапл получили лицензии на отгрузку шкур в Кале¹⁷⁴. В Ирландию Бристоль вывозил необработанное железо в виде брусков, стержней и полос, соль, тонкое английское сукно, выделанные кожи¹⁷⁵. Роберт Стерми в 1446 г. наряду с шерстью

¹⁶⁹*Sherborne J.W. The Port of Bristol... P. 10.*

¹⁷⁰*Ibid. P. 11.* Общий экспорт Бристоля в этом году составил 7017 кусков.

¹⁷¹*Childs W.R. Anglo-Castilian Trade... P. 86.*

¹⁷²*Sherborne J.W. The Port of Bristol... P. 25.*

¹⁷³*Ibid. P. 21.*

¹⁷⁴*The Overseas Trade of Bristol... P. 34, 44.*

¹⁷⁵*Осипова Т.С. Ирландский город... С. 138; Bristol and Its Adjoining Counties... P. 84.*

получил разрешение вывезти 100 кусков олова в Пизу¹⁷⁶. В большинстве лицензий конкретно упоминаются только рыба, сукно, зерно, все же остальное определяется как «другие товары» или «любые товары, исключая стапельные», и можно только предполагать, что вез корабль, отправлявшийся в Ирландию за шкурами или в Исландию за рыбой.

Когда речь идет о внешней торговле, то естественно задаться вопросом — кто играл ведущую роль в ней: отечественные или иностранные торговцы? Прежде чем характеризовать позиции иностранцев в бристольской торговле, остановимся на том, кто понимался в XIV—XV вв. под иностранцем, чужеземцем, чужим и так далее. В документах встречаются разные термины, обозначающие чужаков, причем со временем содержание могло меняться. Выделим следующие категории — “alien”, “estraunge” (“extraneus”, “straungiers”), “denizen”.

Когда рассматривалась торговля на городском рынке, то речь уже шла об ограничениях, которые накладывались на чужеземцев. Как и в XIII в., в первой половине XIV в. горожане не делали различия между чужими, прибывшими из-за моря, и просто теми, кто не являлся бюргером определенного города. И те, и другие уравнивались в своих правах. В постановлении бристольского городского совета о вайде от 1351 г. совершенно определенно сказано, что ни иностранец, ни чужой (“alien ne estraunge”) не могут торговать в городе вайдой, если не заплатят пошлину¹⁷⁷. Но если для рассмотрения внутригородской торговли вполне достаточно знать, что иностранцы и просто чужие подвергались одинаковым ограничениям, то для выяснения вопроса о преобладании во внешней торговле английских или иностранных купцов необходимо четко представлять, кто имеется в виду в том или ином документе, когда речь идет о разных категориях «чужих».

Попытаемся разобраться в этом. Терминами “aliens” и “foreins”, совершенно очевидно, обозначались иностранцы. Данные понятия не применялись к англичанам, прибывшим просто из какого-то другого места. Гораздо сложнее выяснить, кто в конкретном случае имеется в виду под “estraunge” (чужой). В XIV в. понятием “estraunge” часто определялись жители округа, не пользовавшиеся правами бюргеров. Например, в постановлении суконщиков 1379 г. сказано, что «ни один горожанин не продаст кусок или половину куска сукна чужому (estraungez), пришедшему в город в четверг или в пятницу»¹⁷⁸. Так же понимается “strangers” в постановлении дубильщиков от 1415 г., в котором сказано, что члены гильдии не должны дубить «какие-либо кожи

¹⁷⁶The Overseas Trade of Bristol... P. 84.

¹⁷⁷LRB. V. II. P. 19.

¹⁷⁸Ibid. P. 54.

чужих в округе»¹⁷⁹. В постановлении сукновалов, составленном между 1414 и 1425 гг., упоминаются подмастерья-“*estraunge*” как просто не являющиеся жителями Бристоля, т.е. чужие, но не иностранцы¹⁸⁰. Иностранцы — “*aliens*” (“*allions*”, “*foreins*”) — совершенно определенно противопоставляются англичанам, а не только бристольтцам. Это видно из постановления бондарей 1439 г.¹⁸¹

Но если понятия “*aliens*” или “*foreins*” всегда обозначали людей из других государств, то термин “*estraunge*” на протяжении XIV—XV вв. менял свое содержание. К середине XV в. “*estraungez*” все чаще начинают приравниваться к иностранцам. В постановлении кожевников 1443 г. они противопоставляются не просто бристольтцам, а всем англичанам: «Мастера названной гильдии, как англичане, так и другие (*as welle Englyssch as other*) принимают на работу людей из чужих стран (*men of estraunge contrey*) и не находящихся под властью короля»¹⁸². В 1461 г. в постановлении ткачей упоминаются чужие и иностранцы (“*straungiers as allions*”), и другие, не родившиеся подданными короля. Не только “*allions*”, но и “*straungiers*” противопоставляются тем, кто родился подданными короля в Бристоле «или в других частях этого королевства». Значит, “*straungiers*” во второй половине XV в. уже считались не просто жители других мест Англии, а действительно чужеземцы, родившиеся вне пределов владений английского короля. Это же можно заключить и из петиции мастеров гильдии ткачей 1490 г., в которой под “*estraungez*” понимаются иностранцы, т.к. речь идет о продаже некачественного сукна «за море чужеземным купцам» (“*marchauntes straungiers*”)¹⁸³.

Кроме рассмотренных определений в документах встречается понятие “*denizens*”, под которым подразумевались натурализовавшиеся иностранцы. Упоминание о “*denizens*” встречается в постановлении кожевников в 1408 г., а также в ордонансе сукновалов в первой четверти XV в.¹⁸⁴ Члены гильдии сукновалов жаловались на обман, которому подвергаются и горожане, и “*foreins come deniseins*”, т.е. собственно иностранцы и натурализовавшиеся иностранцы. Многие из них занимали в Бристоле очень прочное положение. В середине XV в. одной из богатейших купеческих семей в городе была ирландская семья Мей. Генри Мей — крупный торговец и судовладелец, который отправлял корабли в Ирландию, Францию и Испанию. Так же, как Уильям Кэнинджес-млад-

¹⁷⁹Ibid. P. 114.

¹⁸⁰LRB. V. II. P. 143.

¹⁸¹Ibid. P. 163.

¹⁸²Ibid. P. 177.

¹⁸³Ibid. P. 123.

¹⁸⁴Ibid. P. 107, 141.

ший, он проявлял интерес к политической борьбе не только внутри города, но и в масштабе всего королевства (его подозревали в поддержке ланкастерской партии)¹⁸⁵. Во второй половине XV в. в документах встречаются сведения о Мозесе Контарине — «гасконце и бристольском купце», который постоянно торговал не только с Гасконью, но и с Испанией и Португалией. Возможно, он был одним из тех гасконских купцов, которые эмигрировали в Англию, когда Бордо отошел к Франции¹⁸⁶.

Учитывая изменения в содержании упоминавшихся терминов, остановимся теперь на позициях именно иностранных торговцев в Бристоле.

Город лежал в стороне от основных торговых путей Англии, и тем не менее в источниках встречаются упоминания кораблей и купцов из разных стран, которые прибывали в порт. Уже в отчете о «новой пошлине» на все товары, импортированные или экспортированные из Бристоля иностранцами за 1303—1309 гг., упоминаются 144 погрузки различных товаров купцами, главным образом, из Гаскони, Португалии и Фландрии¹⁸⁷. В конце XIV в. у бристольского причала появлялись корабли не только из упомянутых стран и Испании. Часто встречались суда из Ирландии и Уэльса, реже из Бретани, Нормандии, Италии и Пруссии. Если судить по охранным свидетельствам, то наиболее часто Бристоль посещали французские и испанские купцы и корабли¹⁸⁸. Может создаться впечатление, что бристольский импорт и экспорт находились в руках иностранцев. Однако количественно бристольские корабли в торговле, безусловно, преобладали.

Объяснить это можно тем, что главным экспортным товаром Англии была шерсть, но в данном сегменте торговли Бристоль практически не участвовал. Английское же сукно в XIV в. не пользовалось таким спросом, как шерсть, и поэтому не могло привлечь в город большого количества иностранных покупателей. Ганзейские и итальянские купцы не стремились захватить здесь торговлю в свои руки, хотя это не значит, что они полностью игнорировали Бристоль. Среди лицензий и охранных свидетельств можно встретить имена купцов и названия кораблей из Милана, Генуи, Любека. Интересно отметить, что в 1380 г. было выдано охранный свидетельств на миланский корабль «Св. Мария», нагруженный сукном в Бристоле для отправки в Лиссабон¹⁸⁹.

Но с отдельными купцами бристольцы могли вполне успешно соперничать. Особо нужно остановиться на взаимоотношениях с французскими торговцами. Бристоль вел очень крупную торговлю вином

¹⁸⁵The Overseas Trade of Bristol... P. 81.

¹⁸⁶Ibid. P. 147.

¹⁸⁷Ibid. P. 30.

¹⁸⁸GRB. V. I. P. 181—191; The Overseas Trade of Bristol... P. 39, 58—59, 63.

¹⁸⁹The Overseas Trade of Bristol... P. 39.

с Гасконью, и к 1300 г. около половины ее объема находилось в руках гасконских виноторговцев. В 1302 г. Эдуард I пожаловал своим французским подданным привилегии в Англии, которые давали им право жить, где они захотят и продавать вино оптом, кому пожелают. Это противоречило свободам, содержащимся в городских хартиях, включая и хартию Генриха III Бристолю, по которой только бюргер имел право торговать оптом в пределах города. Бристольцы дважды — в 1304 и 1321 гг. — излагали свои претензии в Суде Казначейства¹⁹⁰.

По мере развития торговли значительная часть дел стала передаваться факторам, и все меньшее количество гасконцев приезжали в Англию. Больше англичан теперь плавали в Бордо и Байонну. Прежде всего, это касается бристольтцев. Стало обычной практикой, что один из бристольтских купцов представлял группу своих коллег-гасконцев, или некоторые из французских купцов вступали в партнерство с торговцами Бристоля. Например, в 1384 г. общую лицензию на торговлю зерном и бобами получили Томас Нортон из Бристоля и купец из Байонны¹⁹¹. В 1451 г. была выдана совместная лицензия на торговлю Ричарду Уэлфэру, Ричарду Казину, купцам из Бристоля, и Ричарду Ланкастеллу из Бордо¹⁹². Иногда в партнерство с бристольтцами вступали не только французские торговцы. Так, в 1378 г. Николо Палме из Генуи владел кораблем «Св. Виктор» вместе с Джоном Уилкинсом из Бристоля¹⁹³. В масштабе всей страны преобладание иностранцев в торговле неуклонно уменьшалось, и к 70-м гг. XIV в. англичане импортировали из Франции в два раза больше, чем гасконцы, которые еще участвовали в торговле.

Анализ ситуации затрудняет то, что часто бристольтцы фрахтовали иностранные корабли, а иностранцы использовали бристольтские транспортные суда. В сентябре 1329 г. два купца из Гаскони грузили товары в порту на корабль «Св. Иоанн» из Бристоля, в декабре 1324 г. гасконец Пьер де Понт уплатил пошлину за шкуры, отправлявшиеся из города на корабле из Дартмута, в апреле 1325 г. четыре купца из Бордо грузили сукно и шкуры на бристольтский корабль «Джеймс»¹⁹⁴. В документах XV в. есть сведения о бристольтцах, торговавших на иностранных кораблях: в 1431 и 1432 гг. были выданы охранные свидетельства на корабли из Испании на имя Ричарда Клерка и Уильяма Роджерса из Бристоля, в декабре 1451 г. в петиции на имя лорда-канцлера Уильяма Джоус в связи с захватом его корабля отмечал, что он был зафрахтован

¹⁹⁰Crawford A. Bristol and the Wine Trade. P. 3.

¹⁹¹The Overseas Trade of Bristol... P. 39.

¹⁹²Ibid. P. 97.

¹⁹³Ibid. P. 38.

¹⁹⁴Ibid. P. 97.

в Бордо. В 1460 г. в такой же петиции Джон Поук, Пол Мотон и Томас Пейн, купцы из Бристоля, жаловались на захват корабля, тоже зафрахтованного в Бордо¹⁹⁵.

Однако значительная часть бристольских купцов не только торговала на английских кораблях, но и владела своими собственными. Среди них можно назвать Клемента Тертла, Джоржана Спринга, Уолтера Фрумптона, Уильяма Сомервелла, Томаса Нейпа, Роберта Стерми и многих других. Крупнейшим судовладельцем был Уильям Кэнинджес-младший, имевший флотилию из 10 кораблей и получавший прибыль не только от торговли, но и от фрахта.

На протяжении XIV—XV вв. доля иностранных купцов в торговле Бристоля неуклонно уменьшалась. Особенно это было заметно в экспорте сукна: с 1352 по 1400 гг. из Бристоля вывезли 200732 куска сукна, из которых англичанами — 194078, а иностранцами — 6654 куска¹⁹⁶.

Уже отмечалось, что тесные связи были у Бристоля с Испанией. Причем, если большая часть испанской торговли с Лондоном и Саутгемптонном находилась в руках итальянцев, то Бристоль был свободен от их влияния. Бристольские и испанские купцы сами контролировали эту торговлю. О тесном сотрудничестве между ними (несмотря на смуты и войны) свидетельствует тот факт, что купцы из Бристоля выступали поручителями при получении охранных свидетельств испанскими купцами. Например, в июле 1426 г. при оформлении охранного свидетельства для испанских купцов из Севильи наряду с Ричардом Педуэллом, валлийцем из Сомерсета, Томасом Блайтом из Лондона поручителем был и Джон Албертон из Бристоля¹⁹⁷.

Прочные позиции занимали бристольцы в торговле с Ирландией. Выше уже шла речь о том, что многие купцы из Бристоля еще с XII в. начали селиться в ирландских городах, так же, как купцы из Ирландии оседали в Бристоле. Часто ирландские торговцы доставляли различные товары в Бристоль. В мае 1236 г. было послано королевское распоряжение выплатить из ирландского казначейства Уолтеру Тирелю, купцу из Килкенни, 24 марки за 6 больших бочек (“tuns”) вина, приобретенных у него королевскими поставщиками в Бристоле¹⁹⁸.

Бристольцы не только занимали господствующее положение в ирландской торговле, но иногда захватывали в свои руки связи Ирландии с другими странами. Например, в 1370 г. Уильям Кэнинджес отправлял в Кале овчины, нагруженные в Ирландии. В 1390 г. этим же занимался

¹⁹⁵Ibid. P. 62, 110, 124.

¹⁹⁶The Overseas Trade of Bristol... P. 294.

¹⁹⁷Ibid. P. 59.

¹⁹⁸Осинова Т.С. Ирландский город... С. 137.

Джон Барстапл¹⁹⁹. В 1449 г. Бернард Бреннинг, купец из Бристоля, заключил соглашение о доставке для него вина из Бордо в Дублин, Малахайд или Дроэду по цене 21 ш. за большую бочку. В 1461 г. на бристольских кораблях «Джордж» и «Мария» в Ирландию вывозилась соль, которая обычно доставлялась из Бретани. Очень интересные сведения дают таможенные отчеты за 1479 г.: 19 октября из Бретани в Бристоль было доставлено 50 больших бочек соли, на этом же корабле и тем же грузоотправителем 23 октября 28 бочек были отправлены в Ирландию²⁰⁰. О том, что ирландцы в торговле с Бристолем занимали явно подчиненное положение, говорит незначительный, но очень характерный факт: бристольцы часто отправляли в Ирландию испорченное вино (“*corrupt wine*”), что нашло отражение в таможенных отчетах²⁰¹.

Таким образом, в торговле Бристоля английские купцы занимали лидирующее положение, и в отличие от многих других городов Англии итальянцы и ганзейцы не имели здесь прочных позиций.

Большую роль в развитии взаимоотношений между английскими и иностранными торговцами играла королевская власть. Нужно отметить, что политика английских монархов в отношении своих купцов была покровительственной, но отличалась непоследовательностью. Все упиралось в финансовые проблемы короны. В ответ на просьбы купцов король старался защитить их интересы в международной торговле. Среди прочих средств широко применялась уже упоминавшаяся практика репрессалий. Бристольские купцы получали от Казначейства разрешения на захват иностранных судов с целью возмещения своих потерь. Кроме возмещения убытка отдельным купцам иногда отстаивались интересы купечества в целом. Часто объявление репрессалий было способом оказать давление на правительство другой страны.

Однако до середины XIV в. иностранные торговцы в финансовом отношении были значительно могущественнее английских и могли предоставлять короне крупные кредиты, что сказывалось на политике английских монархов. Уже во времена Генриха III началось некоторое смягчение жестких ограничений на торговлю иностранцев. А в конце правления Эдуарда I местным торговцам был нанесен очень серьезный удар — в 1303 г. король издал «Купеческую хартию» (“*Carta Mercatoria*”), в которой за дополнительные пошлины предоставил иностранцам весьма широкие права. Кроме уничтожения прежних ограничений относительно времени и места пребывания иностранных купцов им была разрешена розничная торговля пряностями и га-

¹⁹⁹The Overseas Trade of Bristol... P. 34, 44.

²⁰⁰Ibid. P. 111—113, 210, 212, 220, 222.

²⁰¹Ibid. P. 223, 235, 238, 253.

лантереей (“merceries”), т.е. товарами, которые приносили очень большой доход²⁰².

В течение последующих пятидесяти лет английское купечество пыталось уничтожить привилегии иностранцев. В 1309 г. представители горожан добивались в парламенте отмены «новой пошлины», мотивируя это тем, что она приводит к удорожанию товаров в стране. В действительности, сопротивление английских торговцев «новой пошлине» было вызвано тем, что иностранцы в обмен на нее получили свободу торговли в стране. Эдуард II временно отменил ее, но в 1310 г. ввел снова. В 1311 г. из-за борьбы с баронами король пошел на союз с горожанами и отменил до 1322 г. новые пошлины с иностранцев, а английские торговцы, воспользовавшись этим, ввели прежние ограничения. Но одержав верх над баронами, король восстановил права иностранных купцов. Политика Эдуарда III в отношении отечественных и иностранных купцов тоже была непоследовательной. До середины XIV в. шло усиление позиций чужеземцев, так что в 1335 г. им было разрешено торговать с любыми англичанами, в 1343 г. позволено оставаться в Англии дольше 40 дней, а в 1351 г. предоставлено право вести розничную торговлю²⁰³.

Интересно отметить, что городские власти не спешили подчиняться королевским постановлениям. В 1346 г. в Бристоле в Ордонансе для портных, принятом городским советом, чужеземцам запрещалось заниматься розничной торговлей сукном, а горожанам покупать у чужих и продавать им сукно в розницу. В 1351 г. в «Постановлении о вайде» совет подтвердил все прежние ограничения, налагавшиеся на торговлю иностранцев²⁰⁴.

Во второй половине XIV в. Эдуард III особое покровительство оказывал португальским купцам. Так, в декабре 1371 г. мэр и бейлифы Бристоля и многих других портов получили категорическое предписание следить за тем, чтобы португальским торговцам не препятствовали передвигаться по любым дорогам. Если из-за враждебности какие-либо португальские товары окажутся арестованными, они должны быть немедленно освобождены и возвращены их владельцам²⁰⁵.

К середине XIV в. английские купцы были уже не менее богаты, чем иностранные, а к концу века торговля шерстью и вином перешла почти полностью в их руки. И теперь они могли сами выступать кредиторами короля. Получить необходимые средства государь мог двумя спосо-

²⁰²Купеческая хартия 1303 г. // Средние века. М., 1992. Вып. 55. С. 246—247.

²⁰³Эшли У.Дж. Экономическая история Англии... С. 118—121.

²⁰⁴LRB. V. II. P. 26—27, 19—21.

²⁰⁵Shillington V.V., Wallis Chapman A.B. The Commercial Relations of England and Portugal. N.Y., 1970. P. 51.

бами — в виде субсидии шерстью или повысив таможенные пошлины. Субсидии разрешались только парламентом, собирались они медленно, и почти никогда король не получал их полностью. Но главное, что в вопросе о субсидиях нельзя было обойтись без одобрения парламента. Повысить же вывозные пошлины можно было с согласия «большой части общины королевства»²⁰⁶. Это легло в основу созыва торговых ассамблей — собраний купцов королевства. Присутствие на этих ассамблеях было обязательным, желал этого торговец или нет, ибо в города рассылались поименные списки людей, которых король желал видеть в указанном собрании.

Основная деятельность торговых ассамблей приходится на первую половину XIV в. В связи с подготовкой к войне Эдуарду III срочно понадобились деньги, а получить согласие парламента на повышение таможенных пошлин было очень трудно, и требовало уступок со стороны короля. Поэтому он предпочитал договариваться непосредственно с купцами. После нескольких попыток в сентябре 1336 г. в Ноттингеме состоялось заседание купеческого собрания, которое согласилось на повышение пошлины за шерсть на 20 ш. за мешок²⁰⁷. В 1337 г. на очередной торговой ассамблее Королевский Совет заключил соглашение со 105 купцами во главе с Уильямом де ла Поль и Реджинальдом Кондью. Соглашение предусматривало, что купцы получали право принудительной закупки 30 тыс. мешков шерсти и монополию на экспорт, а после ее продажи должны были выплатить королю 200 тыс. фунтов²⁰⁸. Но поскольку производители шерсти не желали продавать ее по грабительским ценам, то к осени 1337 г. удалось собрать в Дордрехте только часть шерсти — 11500 мешков. Остро нуждаясь в деньгах, Эдуард III конфисковал их в казну. Эта акция получила название «Дордрехтский захват». Купцы получили по 2 ф. за мешок, в то время как он стоил в среднем 5 ф., да еще нужно учесть расходы на сбор и перевозку — примерно 1 фунт. На сумму 65 тыс. ф. король выдал купцам долговые обязательства, которые должны были покрываться за счет освобождения от части вывозных пошлин, если купцы соберутся в будущем экспортировать шерсть. Большая часть торговцев была разорена, но наиболее крупные смогли извлечь выгоду из создавшегося положения — они скупали долговые обязательства и благодаря этому монополизировали торговлю шерстью. Среди этих магнатов были и купцы из Бристоля, например, Роджер Тергл и Джон Уикомб. На заседании парламента

²⁰⁶ Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства в XIII в.). М., 1960. С. 431—435.

²⁰⁷ Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. С. 128. С 1275 г. пошлина была установлена в размере 0,5 марки за мешок шерсти или 300 овчин.

²⁰⁸ CCR, 1337—1339. P. 148—150.

1348 г. купцы, пострадавшие от «Дордрехтского захвата», жаловались, что они до сих пор не получили возмещения, поскольку богатые торговцы скупили королевские долговые расписки по низким ценам²⁰⁹.

«Дордрехтский захват» привел к тому, что купцы перестали являться на торговые ассамблеи, хотя за неявку им грозили лишение прав и конфискация имущества. Среди них можно упомянуть одного из самых богатых бристольских купцов Эверарда ле Френш, который владел 27 держаниями, 35 лавками, чье движимое имущество состояло из 52 бочек вайды, 32 тюков риса и прочего. За отказ повиноваться вызову его имущество было конфисковано, правда, позднее он добился прощения и умер очень богатым человеком²¹⁰.

В конце концов, в 1362 г. парламент получил от короля подтверждение статута 1340 г., который гласил, что «никакая субсидия или другой налог на шерсть не могут быть назначены ни купцами, ни кем-нибудь другим без согласия парламента»²¹¹. С этого времени купеческие ассамблеи больше не созывались. К этому нужно добавить, что к середине XIV в. Эдуард разорил не только своих итальянских банкиров, но и многих английских экспортных торговцев.

Фискальными интересами объясняется и внимание короны к упорядочению внешней торговли. В этом же, по соображениям выгоды и безопасности, были заинтересованы и сами купцы. Поэтому кратко остановимся на ее организационных формах. Число жителей Бристоля, отправлявших свои товары для продажи за море, исчислялось несколькими сотнями. Но не все эти люди получали основные средства существования и наибольшие доходы от торговли. Основное их количество было моряками, которые в счет оплаты могли размещать свои незначительные грузы на корабле.

Большая часть торговцев была связана с мелкими по объему и стоимости операциями. Такого разряда купцы не имели собственных кораблей и в одиночку не могли их фрахтовать. Да и купить лицензию на торговлю им было довольно трудно. Поэтому часто они заключали временные соглашения для проведения совместных торговых операций. Например, в 1389 г. Томас Боупин, Томас Коулстон, Джон Барстап и Джон Уилкинз совместно зафрахтовали судно в Данциге, а Джон Уидифорд, Уильям Пейви, Морис Уайт и Уильям Дамм в 1443 г. получили общую лицензию на торговлю с Исландией²¹². И подобные случаи были довольно распространенными. Очень часто в небольших объединениях принимали участие и крупнейшие оптовые торговцы, такие

²⁰⁹Rotuli Parliamentorum... V. II. P. 165—169.

²¹⁰The Staple Court Books of Bristol. P. 72.

²¹¹Statutes of the Realm of England. V. I. P. 374.

²¹²The Overseas Trade of Bristol... P. 42, 79.

как упоминавшийся Джон Барстапл или Уильям Кэнинджес. Логично задаться вопросом — зачем нужно было богатейшим купцам данное объединение? Многие из них самостоятельно нагружали целые корабли и сами были судовладельцами. Можно предположить, что таким образом они привлекали дополнительные средства в торговлю. Хотя, конечно, гораздо больше это было нужно средним торговцам, и не только из-за того, что у них не хватало средств для самостоятельной торговли, но и потому, что добиться получения лицензии на торговлю мог человек с определенными связями. Не случайно в документах указываются имена тех, кто выступал в роли поручителей.

Финансовые затруднения короны и интересы крупных английских купцов привели к тому, что Эдуард II и Эдуард III стремились сосредоточить внешнюю торговлю в определенных местах, где легче было следить за сбором пошлин, а торговцам — проще отстаивать свои интересы. Так возникла стапельная (или складочная) система торговли. Вопрос об учреждении Стаплей был очень болезненным и растянулся на несколько десятилетий. Иностранные купцы вообще не желали организации Стаплей, они выступали за свободную торговлю, английские экспортные торговцы стремились продавать шерсть в выбранных ими самими иностранных портах (Сент-Омере, Брюгге или Антверпене), а мелкие английские торговцы ратовали за размещение Стаплей в Англии, поскольку они хотели участвовать во внешней торговле и иметь выход на иностранных купцов. В результате с 1305 по 1353 гг. Стапель учреждался то в Антверпене, то в Сент-Омере, то в Брюгге, то в Англии. Наконец, в 1353 г. был издан «Статут о Стаплях», по которому 10 английских, 1 уэльский и 4 ирландских города были указаны в качестве складочных мест. Только в этих портах дозволялось покупать и продавать основные экспортные товары — шерсть, овчины, шкуры, олово. Статут 1353 г. показал, что субсидий от отдельных купцов, корпораций и городов в условиях Столетней войны уже не хватает, и кроме того, учреждение английских Стаплей означало победу иностранцев и мелких купцов над крупными английскими экспортными торговцами. Иностранные купцы получили особые привилегии — им было дано исключительное право на экспорт шерсти. Английский купец, сам отправивший товар за море, рисковал лишиться своего корабля, товаров и даже жизни²¹³. Правда, такие ограничения существовали недолго — в 1357 г. английским купцам позволили вести экспортную торговлю. А с 1363 г. Стапель был учрежден в Кале, и возникла Компания купцов-стапельщиков из 26 человек²¹⁴.

²¹³The Staple Court Books of Bristol. P. 27—28.

²¹⁴Репина Л.П. Взаимоотношения государства и купечества в области торговли и финансов в Англии XIV в. // Средние века. М., 1973. Вып. 37. С. 238—242.

Стапль в Кале сочетался с «домашними» Стаплями (одним из них был Бристоль), в каждом из которых английские и иностранные купцы ежегодно встречались, чтобы избрать мэра Стапля и двух констеблей. Статут 1353 г. учредил Стапли не как муниципальные объединения, первоначально в стапельную общину могли входить некоторые иностранцы и натурализовавшиеся иноземцы. Например, в 1356 г. в выборах мэра Стапля в Бристоле принимали участие 3 иностранца²¹⁵. В то же время не все бюргеры были включены в эти общины, хотя членами стапельных общин могли стать жители других городов. В XIV в. Реджинальд ле Френш и Уолтер де Фромптон были членами Компании купцов-складчиков Кале, а в XV в. аббат из Тинтена — членом Стапля в Бристоле²¹⁶.

Для городов особенно важно иметь стапельный рынок, но не менее важно — обладать юридическим иммунитетом Стапля, т.к. членство в стапельной общине исключало купцов и их товары из юрисдикции королевских официалов и судей. Мэры и констебли Стапля не только улаживали споры между купцами, но и имели право юрисдикции даже над уголовными преступниками, если дело касалось держаний и фригольдов купцов-стапельщиков. Члены Стапля судились по торговому праву ("Law Merchant"), а не по обычному, как остальные жители города. Торговое право было основано на обычаях, сложившихся в международной торговой практике, и как записано в «Малой Красной Книге», сферой его применения являлись города, морские порты, торговые местечки и ярмарки²¹⁷. Для удобства купцов в Бристоле купеческий суд должен был «заседать изо дня в день и в воскресенье, если это необходимо»²¹⁸.

Стапль был «закрытым заповедником», в который основная масса горожан не допускалась. Уже упоминалось, что выборы мэра и констеблей Стапля проводились ежегодно, но продление периода, в течение которого один и тот же человек выполнял официальные обязанности, приводит к заключению — Стапль был довольно небольшим и тесным объединением. За 25 лет — с 1353 по 1391 г. — мэрами Стапля Бристоля избирались только 9 человек. Уолтер де Фромптон избирался на эту должность 8 раз, Джон Стоукс — 7 раз, Уолтер Дарби — 3 раза²¹⁹.

Первыми мэрами Стапля были оптовые торговцы продовольствием — Джон Спайсер и Джон Кобингдон. Но уже с 1357 г. на эту должность неизменно избирались крупнейшие экспортеры сукна, имена ко-

²¹⁵The Staple Court Books of Bristol. P. 28.

²¹⁶Ibid. P. 76; Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol... P. 187.

²¹⁷LRB. V. I. P. 59.

²¹⁸Ibid. P. 73.

²¹⁹The Staple Court Books of Bristol. P. 60.

торых встречаются в постановлении гильдии суконщиков от 1370 г.²²⁰ Конечно, члены Стапля не ограничивали себя каким-то одним товаром, те же суконщики импортировали вино, рыбу, шкуры, железо и прочее.

Членство в стапельной общине своего города или в Компании складчиков Кале объединяло купцов только юридически. Торговля осуществлялась, как и прежде, на средства отдельных купцов, убытки и прибыль были их личным делом. Поэтому в документах не только XIV, но и XV вв. мы встречаем лицензии, охранные грамоты, иски, прошения лорду-канцлеру конкретных людей, которые закупали товары, фрахтовали или строили корабли, нанимали агентов.

Падение значения и влияния Компании купцов-складчиков Кале связывают с изменениями в составе английского экспорта. К концу XIV в. 30% английской шерсти уже экспортировалось в виде сукна, а к середине XV в. эта цифра увеличилась до 50%²²¹. В результате указанных изменений купцов-стапельщиков «затмили» купцы, экспортировавшие сукно. Но для Бристоля, который никогда не был значительным экспортером шерсти, эта схема не вполне подходит. Во-первых, соперничество в городе существовало, прежде всего, между оптовыми торговцами продовольствием и крупнейшими сукноторговцами. Да и трудно сказать, насколько острым оно было, поскольку одни и те же купцы торговали различными товарами. Одно можно сказать с уверенностью — к концу XIV в. господствующее положение в Бристоле заняли экспортеры сукна. Во-вторых, истоки английской Компании купцов-авантюристов, связанных с вывозом не шерсти, а сукна, принято искать в Нидерландах²²². Но бристольские «авантюристы» изначально были связаны торговлей с юго-западом Европы.

Как рано эпитет «авантюрист» стал применяться к оптовым торговцам сукном, и когда они объединились в некое сообщество, сказать довольно трудно. Понятие купец-авантюрист (“*merchaunt venture*” или “*merchant adventurer*”) появилось лишь в конце XV в., но в средневековой Англии “*aventure*” или “*auntre*” означали предприимчивость, связанную с риском.

Первая попытка создать гильдию купцов, ведущих внешнюю торговлю, датируется периодом, последовавшим за утратой Гаскони. Речь идет о «Братстве торговцев» (“*fraternity*”), которое основали в 1370 г. 140 богатейших и наиболее почтенных горожан вместе с другими «купцами и дрейперами» (“*merchauntz et drapers*”), чтобы попытаться регу-

²²⁰Ibid; LRB. V. II. P. 51—53.

²²¹Carus-Wilson E.M. Medieval Merchant Venturers. P. XXIV.

²²²Ibid. P. XIX.

ликовать продажу сукна в Бристоле и контролировать торговые дела с чужаками. Однако это была просто реформа Торговой гильдии, и после 1372 г. об этом «Братстве» не сохранилось дальнейших упоминаний²²³.

Сведения о новом объединении купцов-экспортеров в Бристоле относятся к 60-м гг. XV в., когда торговля с Францией была еще в плохом состоянии. В 1467 г. городской совет по инициативе Уильяма КЭнинджеса принял постановление о создании сообщества купцов (“*Felaweschipp of merchaunts*”) для того, чтобы гарантировать, что ослабленная торговля города будет приносить пользу его обитателям, а не посторонним. Постановление касалось торговых дел с железом, оливковым маслом, воском и “*meteoyle*”, которое было, вероятно, салом. Ежегодно мэру и шерифу полагалось созывать муниципальный совет и избирать Мастера сообщества из тех, кто предварительно был мэром или шерифом, а также двух смотрителей (“*wardens*”) и двух бидлов (“*beadles*”). Сообщество получило в свое распоряжение часовню и помещение в “*Spicer’s Hall*” с условием уплаты ежегодно за указанные дома 20 шиллингов. В указанном помещении Мастер и сообщество созывали всех купцов города, чтобы установить цены, по которым можно было продавать чужакам перечисленные четыре товара. Последний пункт постановления предусматривал, что тем, кто оказался в нужде, по усмотрению сообщества, разрешалось продавать товары чужакам ниже установленной цены²²⁴.

В постановлении об учреждении Сообщества было сделано разграничение между членами “*Felaweschipp*” и остальными “*merchants*” города, которые в соответствии с господствовавшим в XV в. определением были не купцами-экспортерами (“*traders*”), а розничными торговцами, владельцами торговых лавок²²⁵. Возможно, новая гильдия позднее стала Сообществом «авантюристов», которые торговали за морем и были заинтересованы в контроле за продажей упоминавшихся товаров. Было ли рассматриваемое постановление проведено в жизнь, и имело ли Сообщество последующую историю — сказать трудно. Например, в ордонансе 1478 г., который касался упадка торговли среди “*merchant adventurers*” города, торговавших вайдой во французских портах, нет упоминаний о подобном Сообществе²²⁶. Вполне возможно, что постановление 1467 г. так никогда и не было приведено в исполнение, или

²²³LRB. V. II. P. 51—55.

²²⁴GRB. V. III. P. 82—84; *Latimer J. The History of the Society of Merchant Venturers of the City of Bristol, with Some Account of the Anterior Merchant Guilds.* Bristol, 1903. P. 16—18.

²²⁵*Latimer J. The History of the Society of Merchant Venturers...* P. 18; *Gross Ch. The Guild Merchant; A Contribution to British Municipal History.* Oxford, 1890. V. I. P. 45—46.

²²⁶GRB. V. III. P. 120—130.

предписания, им предусмотренные, перестали проводиться в жизнь, когда в 70-е гг. XV в. условия торговли улучшились.

Упоминание непосредственно купцов-авантюристов можно найти в петиции, поданной в городской совет Бристоля в 1477 г., и в его постановлении по этому поводу. Речь шла о положении «старинной и благородной» торговли тулузской вайдой, а петиционерами выступали “merchaunts adventures” и другие покупатели и продавцы города Бристоля (“others Byers and sillers of the Towne of Bristowe”)²²⁷. К концу XV в. можно уже говорить о существовании Компании или Сообщества купцов-авантюристов, поскольку в 1500 г. городской совет принял подробные статуты для “Company or Fellowship of Marchautes” для пользы «названных купцов-авантюристов»²²⁸. Статуты представляют этих купцов как экспортировавших сукно каждый «на свой страх» (“atte his adventure”) во Францию, Испанию, Португалию, а также в Ирландию и Исландию. Товарами, торговлю которыми специально регулировал данный документ, были сукно, масло, железо, воск, вино, вайда, соль и краситель грейн. Торговля с Ирландией и Исландией — свободна для всех, но корабли, отправлявшиеся в другие регионы, могли быть зафрахтованы только по разрешению компании²²⁹. Официально королевская грамота об учреждении компании была дана только в 1552 г., но фактически бристольские купцы-авантюристы, как и лондонские, действовали как сообщество уже в последней четверти XV в.

Как соотносились между собой купцы-стапельщики и купцы-авантюристы? Этот вопрос особенно актуален для Бристоля, поскольку и те, и другие торговали одинаковыми товарами. Э. Кэрус-Уилсон считает, что не было ничего необычного в том, если купцы принадлежали одновременно к обоим сообществам²³⁰. Тем более что в 1504 г. по решению Звездной палаты купцы-стапельщики, желавшие торговать сукном, должны были уплатить взнос и войти в компанию купцов-авантюристов²³¹. В Бристоле такое взаимопроникновение оказывалось тем более естественным, поскольку членство в стапельной общине давало в основном юридические привилегии, а основным экспортным товаром для богатейших торговцев уже со второй половины XIV в. было сукно.

Сложнее складывались отношения между бристольскими и лондонскими купцами-авантюристами. В связи с потерей Гаскони основными рынками для английского сукна стали Нидерланды, Германия и

²²⁷GRB. V. III. P. 120—122.

²²⁸Latimer J. The History of the Society of Merchant Venturers of the City of Bristol. P. 26.

²²⁹Ibid. P. 26—35.

²³⁰Carus-Wilson E.M. Medieval Merchant Venturers. P. XXXI.

²³¹Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 191.

Скандинавия, где у Бристоля никогда не было прочных позиций. Купцы-авантюристы, торговавшие «в разных землях Германии, Зеландии, Брабанта и Фландрии», стали называть себя «купцами-авантюристами Англии», а т.к. основной экспорт сукна в Нидерланды осуществлялся через Лондон, то это давало лондонским «авантюристам» преобладание в Совете компании. И хотя в конце XV в. Бристоль все еще сохранял позиции второго по значению порта Англии, лидерство Лондона в экспорте сукна было уже неоспоримым.

Таким образом, о внешней торговле Бристоля в XIV—XV вв. в целом можно сказать следующее. В силу своего географического положения город был связан не с традиционными для остальной Англии рынками, а с юго-западом континента. Это ставило бристольских торговцев вне конкуренции с другими английскими купцами, а иностранцы не стремились монополизировать торговлю города, как случилось в Лондоне или Саутгемптоне, из-за того, что шерсть Бристоль почти не экспортировал. Поэтому во внешней торговле влияние английских купцов здесь было первостепенным, его не оспаривали ни итальянцы, ни ганзейцы. Со второй половины XIV в. город стал в основном экспортером сукна, опередив в этом более чем на полстолетия другие города Англии. В импорте Бристоля помимо вина преобладали товары, необходимые для развития многих отраслей производства, но особенно для металлообработки и сукноделия, и не только для своей процветавшей промышленности, но и для других регионов страны.

Из-за особенностей состава экспорта значительных различий между бристольскими купцами-стапельщиками и купцами-авантюристами не было, поскольку принадлежность к стапельной общине давала, прежде всего, юридические преимущества.

Во второй половине XV в. позиции Бристоля во внешней торговле Англии из-за потери Гаскони пошатнулись. Среди английских городов основными его соперниками (не считая Лондона, который оказался вне конкуренции) были Саутгемптон и Норич, но положение Бристоля как главного порта юго-западной Англии осталось неоспоримым.

§ 3. Место Бристоля во внутренней торговле Англии

Когда мы говорим о внутренней торговле XIV—XV вв., то речь по сути дела должна идти о складывании национального рынка, ибо в предшествующие века она оставалась в значительной степени региональной, организованной в пределах узких границ, внутри которых и происходил обмен дополнявшими друг друга продуктами. Объединению

страны в единый национальный рынок обычно предшествовал расцвет внешней торговли на дальние расстояния. Для складывания такого рынка в Англии были достаточно благоприятные условия — ранняя централизация, относительный баланс между развитием земледелия, промышленности и торговли, наличие единого экономического центра. Значение Лондона в истории Англии трудно переоценить: «Какой только роли не сыграл Лондон в британской величии! Он выстроил и сориентировал Англию от А до Я. Его тяжесть, его необъятность велика к тому, что другие города едва существовали в качестве региональных столиц: все они, за исключением, быть может, Бристоля, были к его услугам»²³². Приняв во внимание особое положение Бристоля, попытаемся рассмотреть, какую же роль играл он в формировании внутрианглийского рынка, и как складывались его взаимоотношения с другими городами.

Нужно подчеркнуть, что из-за отсутствия достаточных данных изучать внутреннюю торговлю гораздо труднее, чем внешнюю. В свое время Е.А. Косминский, говоря о XIV—XV вв., заметил, что «для внутреннего рынка мы не имеем сколько-нибудь точных цифр»²³³. Ф. Бродель, собравший колоссальное количество цифр и фактов, также заключил: «Ясно, что впечатляющие массы данных, которыми ныне оперируют перед нами, чтобы взвесить национальные экономики, не имеют ничего общего с недостаточным материалом, какой есть в нашем распоряжении для прошлого»²³⁴. Внутренняя торговля слабо документирована, поскольку не облагалась общенациональными пошлинами, кроме того, существовала практика освобождения от местных пошлин. Например, Бристоль в 1188 г. получил от Иоанна Безземельного освобождение «от всех пошлин по всем землям и владениям моим». А в 1344 г. городской совет постановил, что ввозные пошлины в городе не будут браться «с зерна, соленой или свежей рыбы, сельди или какого-либо другого продовольствия...»²³⁵. Это облегчало развитие внутренних связей, и мы можем констатировать, что бристольские купцы вели торговлю упомянутыми товарами, но данный факт не помогает уточнить Объемы, цены и конкретные имена, поскольку, если нет самих пошлин, то нет и отчетов о них.

Речь уже шла о том, что расположение Бристоля в месте слияния рек Эйвон и Фрома недалеко от устья Северна создавало для него уникальные возможности занять командующее положение в обширной обла-

²³²Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1992. Т. 3. Время мира. С. 373.

²³³Косминский Е.А. Были ли XIV—XV века временем упадка европейской экономики? // Средние века. М., 1957. Вып. X. С. 270.

²³⁴Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм... Т. 3. С. 282.

²³⁵LRB. V. I. P. 29—30.

сти, славящейся своим плодородием. Поэтому Бристоль как порт и ремесленный центр в XIV—XV вв. был крупным собирающим не только для заморской, но и для внутренней торговли. Товары поступали в город со всех сторон света для перераспределения по Северну и его притокам, через Бристольский залив и по дорогам на юг и на север. А широкая округа, в которую входили Честер на севере, Милфорд Хейвен на западе, Лондон на востоке и Плимут на юге, поставляла в свою очередь сырье для местного производства и продукты на экспорт. Благодаря торговле по Северну Бристоль был тесно связан по меньшей мере с семью графствами, и если возникали препятствия для ее ведения, это вызывало совместные действия. Например, в 1464 г. в палате общин парламента разбиралась жалоба на то, что препятствия для плавания по Северну и все увеличивавшееся число бечевочников наносили ущерб семи графствам²³⁶.

Если для ведения внешней торговли английским купцам нужны были, прежде всего, корабли, то при рассмотрении внутренней торговли неизбежно встает вопрос о способах транспортировки товаров в пределах страны и о состоянии дорог. Специалисты считают, что современная сеть дорог в Англии (за исключением некоторых новых автострад) сложилась еще в раннее Средневековье²³⁷. Дороги в XIV—XV вв. были ничем не хуже, чем в XVIII или XIX вв. Удобных мест для переправ через реки — немного, и располагались они далеко друг от друга, поэтому не удивительно, что существовало много мостов. Они строились из камня и были достаточно широки, чтобы по ним могла проехать повозка.

Наиболее распространенным с XIII в. транспортным средством были четырехколесные повозки (*"longa caretta"*). К этому же времени быков в упряжке заменили лошади. Обычно в телегу на конной тяге впрягали 4-х лошадей, но их количество зависело от объема груза. Повозка с четырьмя лошадьми, как правило, могла тащить груз в 4 квартера пшеницы. Конечно, грузы перевозились разные, но подсчеты велись исходя из веса пшеницы. Например, в середине XV в. из Саутгемптона в Бристоль на повозках отправлялись такие товары, как марена, квасцы, изюм, мыло, миндаль, воск и даже вино²³⁸. Чаще всего вино предпочитали перевозить по воде, чтобы не подвергать бочки лишней тряске и опасности опрокинуться на землю, но иногда приходилось использовать и телеги.

Помимо повозок в качестве наземного транспорта использовались вьючные лошади. В 1445 г. таможенными чиновниками из Саутгемптона был конфискован груз бристольских купцов, отправленный на

²³⁶ *Sherborne J.W. The Port of Bristol... P. 14.*

²³⁷ *Harrison D.F. Bridges and Economic Development, 1300—1800 // The Economic History Review. 1992. Vol. 45. № 2. P. 254—255.*

²³⁸ *The Overseas Trade of Bristol... P. 83, 86.*

19 вьючных лошадях, которые везли миндаль, изюм и воск. А в 1448 г. зафиксирована конфискация вайды, перевозившейся таким же способом²³⁹. Скорее всего товары переправлялись контрабандно, чтобы избежать уплаты таможенных пошлин в Саутгемптоне. Каждая вьючная лошадь, перевозившая зерно, обычно могла нести груз в 4 бушеля. Это показывает, что использование телеги удваивало тягловую силу лошади. Вероятно, вьючные лошади задействовались тогда, когда состояние дорог не позволяло использовать телеги, хотя в упомянутых случаях с конфискациями товаров груз перевозился одновременно на повозках и лошадях. Вьючная лошадь передвигалась быстрее, чем телега, и за день могла покрывать расстояние от 10 до 20 миль. Дальность дневной поездки зависела от местной топографии и времени года.

Исследователи, занимающиеся изучением состояния транспорта в Средние века, считают, что транспортные расходы в Англии XIV в. были достаточно низкими. Дж. Матшел приводит характерную выдержку из отчета шерифа Кента за 1342 г. об отправке зерна в качестве королевских поставок: «Для перевозки 100 кварталов пшеницы из Элхэма в Сандвич на 25 телегах, каждая с 4 лошадьми по 18 п. за телегу в день, 37 ш. 6 п.»²⁴⁰. Цена перевозки зависела, прежде всего, от веса товара, но не только от этого. Например, стоимость перевозки одного квартала овса была ниже, чем пшеницы. Как видно из приведенного выше документа, другой способ оплаты — установление ежедневного тарифа за использование транспортного средства. Обычная норма — 14 п. в день, но иногда платили и 18 пенсов.

Более удобным и дешевым средством перевозки товаров был водный транспорт. Конечно, не во всех районах страны его удавалось использовать, но там, где условия позволяли, по воде старались перевозить как можно больше грузов. Бристолю в этом отношении очень повезло: он задействовал преимущества, дарованные морем и тремя реками. По воде в город доставлялись все импортировавшиеся товары, а также зерно, рыба, дерево, строительный камень и прочее. Зерно и другие отечественные товары перевозились на речных судах, рыба — чаще всего из Ирландии и Исландии — на больших кораблях, о чем свидетельствуют торговые лицензии. Прибрежная же торговля осуществлялась на небольших плоскодонках (“boats”, “trows”, “cobles”, “shouts”), бечёвочниках или малых каботажных судах, которые переправляли товары из Южного Уэльса, Сомерсета, Девона и Корнуэлла. Однако, как отмечают специалисты, о них сейчас мало что известно.

²³⁹The Overseas Trade of Bristol... P. 83, 86.

²⁴⁰Цит. по: *Masschael J. Transport Cost in Medieval England // The Economic History Review. 1993. Vol. 46. № 2. P. 268.*

Стоимость перевозки по воде была в два раза дешевле, чем по суше, и зависела от груза и способа его упаковки (например, перевозка засыпанного в мешки зерна обходилась дешевле, чем рассыпного). В то же время и наземный транспорт был достаточно дешевым, чтобы его постоянно использовали даже в таких городах, как Бристоль. Так, сукно из города иногда отправлялось по суше в Бриджуотер и Саутгемптон, вино — в Лондон, а рыба привозилась в город на вьючных лошадях²⁴¹.

Какими же товарами торговал Бристоль внутри страны? Начать можно с того, что городу приходилось делать закупки продовольствия для нужд его жителей. Какую-то часть поставок обеспечивала ближайшая округа — не случайно была установлена определенная зона вокруг города радиусом в 12 лиг, в пределах которой запрещалось закупать продовольствие на экспорт²⁴². Рыба для домашнего потребления прибывала большей частью на лодках из Девона и Корнуэлла, но иногда и из более отдаленных мест — из Плимута на юге и острова Мэн на севере. Именно о таких поставках рыбы шла речь в записи от 1280 г. о получении пошлины с рыбы, и в «Обычаях города Бристоля», составленных в 1344 г.²⁴³ В таможенных отчетах за 30 марта 1379 г. отмечено прибытие корабля из Плимута, доставившего в Бристоль груз соленой рыбы²⁴⁴.

Жизненно необходимы были горожанам лес и лесоматериалы, и не только для бытовых нужд, но и для кораблестроения. Поставки, видимо, оказывались достаточно большими, поскольку, как уже отмечалось, в 1346 г. городской совет принял «Ордонанс относительно леса, находящегося на набережной и других общественных местах». Было установлено, что чужеземцы могли хранить лес в указанных местах не больше пяти дней под угрозой штрафа в полмарки. Для горожанина срок определялся в восемь дней, но наказанием за нарушение была конфискация всего товара²⁴⁵. Какая-то часть лесоматериалов, например корабельные доски и деревянные стенные панели, доставлялась из-за моря, о чем свидетельствуют торговые лицензии. Но значительное количество поступало из знаменитого Динского леса, располагавшегося к северу от города, леса, который давал не только дерево, но уже в XI—XII вв. славился как центр добычи железа и угля.

Хотя Бристоль никогда не экспортировал в больших количествах шерсть, потребность города в этом сырье была очень значительна в связи с увеличением производства сукна. Видимо, часть необходимой

²⁴¹The Overseas Trade of Bristol... P. 71, 271; LRB. V. II. P. 23.

²⁴²LRB. V. II. P. 64.

²⁴³The Overseas Trade of Bristol... V. I. P. 90, 39.

²⁴⁴Ibid. P. 188.

²⁴⁵LRB. V. II. P. 29.

шерсти давала ближайшая округа, т.к. в различных постановлениях Совета упоминаются люди, приносившие в город шерсть для продажи²⁴⁶. Но основные поставки были из довольно отдаленных мест. С запада шерсть поступала в лодках через Бристольский залив из Монмута и различных мест в Уэльсе — Кармартена, Милфорда, Ньюпорта, Хаверфоруэста, Тенби и других. Поставка шерсти для городских сукноделов осуществлялась и по суше на повозках из таких мест, как Бекингем и Ковентри, где производитель шерсти Уильям Мэрилл имел постоянные связи с Бристолем, а также, вероятно, из Херефорда, рядом с которым (в Леоминстере) была самая лучшая шерсть во всей Англии²⁴⁷.

Значительная часть товаров доставлялась в город не только для внутреннего потребления, но и с целью вывоза за пределы Англии. Уже упоминалось, что какую-то часть зерна бристольтцы получали из ближайшей округи, но основная масса поступала из других графств. Плоскодонки и лодки, плававшие по Северну, привозили пшеницу, рожь, ячмень, овес из Уорчестера, Тьюксбери, Глостера и других мест. В одной из записей XIV в. в «Малой Красной Книге» упоминаются закупки не только зерна, но и солода, гороха, бобов в графствах Глостер, Уорчестер, Сомерсет и Глэморган в Уэльсе²⁴⁸. Уэльс, в свою очередь, мог получать зерно из Бристоля и для местного населения, и для английских гарнизонов. В лицензиях на экспорт зерна и бобов, выданных в XIV—XV вв., обычно указывались те же графства и иногда Дорсет²⁴⁹. Власти города очень бдительно следили за тем, чтобы продукты, предназначенные для Бристоля, доходили до него, а не продавались где-то по пути следования. В 1449—50 гг. городской совет постановил, что лодки, корабли, плоскодонки и иные суда, нагружавшиеся в Тьюксбери, Глостере или других местах пшеницей, солодом и «другим зерном» для доставки их в Бристоль, не должны разгружаться нигде по пути в город. Иначе этим судам запрещалось чем-либо нагружаться в Бристоле для обратного пути²⁵⁰.

Из Девона и Корнуэлла в город поступало олово. Основной объем торговли оловом был сосредоточен в Лондоне и Саутгемптоне. Но некоторое его количество направлялось прямо в Бристоль частью для экспорта, в большей мере для отправки во внутренние районы, но основная масса для нужд городских ремесленников — оловянщиков и изготовителей поясов (“pewterers and girdlers”). Количество олова, использовавшегося в самом Бристоле, было достаточно большим. Ког-

²⁴⁶LRB. V. II. P. 9.

²⁴⁷Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol... P. 188.

²⁴⁸LRB. V. II. P. 64.

²⁴⁹The Overseas Trade of Bristol... P. 39, 41, 43, 57, 62.

²⁵⁰GRB. V. I. Text. P. 132.

да в 1327 г. лондонские изготовители поясов успешно ходатайствовали перед короной о запрещении провинциальным ремесленникам делать орнаменты из сплава на оловянной основе (“pewter”), олова или свинца на поясах, оловянщики Девона сочли, что их источники существования будут основательно подорваны. Они, в свою очередь, ходатайствовали о том, чтобы изготовителям поясов Бристоль и Ковентри, которые ранее прибывали в Девон закупать олово, разрешили использовать этот металл в их ремесле. Корона, всегда озабоченная стимулированием производства олова, охотно удовлетворила ходатайство²⁵¹.

Д. Хатчер, ссылаясь на архивные данные герцогства Корнуэльского, сообщает, что в 1341—42 гг. Пьетро де Пини, служащий известных итальянских финансистов Барди, отгрузил в Бристоль из Падстоу 20 тыс. фунтов олова²⁵². Думается, для итальянцев это была единичная отгрузка, поскольку обычно Барди вывозили олово через Лондон и Саутгемптон. А вот португальские купцы и в XV в. экспортировали оловянные сплавы и олово не только из указанных городов, но и из Бристоля²⁵³. Иногда этим занимались и сами бристольтцы, как, например, Роберт Стерми, получивший в 1446 г. лицензию на отгрузку в Пизу 100 кусков олова весом в 26 тыс. фунтов²⁵⁴.

Как уже отмечалось, основным экспортным товаром города со второй половины XIV в. становится сукно. Значительная часть его производилась в самом Бристоле, но также, оно стекалось сюда со всей Западной Англии. Соседние деревни, естественно, все работали на бристольтский рынок, об этом свидетельствуют цеховые статуты и постановления городского совета — в «Малой Красной Книге» даже есть запрещение городским ремесленникам использовать ткачей за пределами города²⁵⁵. Об организации суконного производства еще будет сказано. Помимо ближайших деревень многочисленные селения у подножия Котсволда и Мендипа, так же, как и деревни сомерсетского Эйвона, продавали много сукна в Бристоле, получая оттуда сырье (хотя шерстью они были в достаточной мере обеспечены). Э. Кэрус-Уилсон отмечает, что сукно, произведенное в поселениях Косволда, таких как Челфорд, Роурбэри, Эйвинг и другие, вывозившееся через Бристоль, за пределами Англии было известно как «бристольтское сукно»²⁵⁶.

²⁵¹Calendar of Patent Rolls... 1327—1330. P. 40, 367, 379.

²⁵²Hatcher J. English Tin Production and Trade before 1550. Oxford, 1973. P. 94.

²⁵³Ibid. P. 102.

²⁵⁴The Overseas Trade of Bristol... P. 84.

²⁵⁵LRB. V. II. P. 79.

²⁵⁶Carus-Wilson E.M. Evidences of Industrial Growth of some Fifteenth Century Manors // Essays in Economic History. L., 1962. Vol. II. P. 152.

Ссылаясь на лицензии XIV—XV вв., У. Чайлдз отмечает, что через Бристоль экспортировались сукна из Эксетера, Бриджуотера, Тонтона, Барнстапла и даже узкое белое сукно Саутгемптона²⁵⁷. Некоторые сукна, вывозившиеся бристольскими купцами, поступали от суконщиков Ладлоу, который пользовался торговыми привилегиями в Бристоле²⁵⁸. Кроме того, город экспортировал различные сукна из Уэльса — узкое сукно, фризское (с ворсом) и другое. В таможенных отчетах за XIV—XV вв. встречаются сведения об экспорте “welsh cloths” в Испанию, Гасконь, Ирландию²⁵⁹. Сукно доставлялось и из Ковентри, где многие бристольцы являлись членами гильдии Св. Троицы, и торговцы Ковентри освобождались от уплаты пошлин в Бристоле²⁶⁰.

Кроме сукна из Ковентри и Ноттингема поступал скульптурный (лепной) алебастр, которым были не только украшены многие здания в городе: благодаря ему английские ремесленники славились по всей Европе.

Бристоль не только собирал различные товары из многих мест, но и распределял то, что было произведено его ремесленниками или доставлено из-за моря. Прежде всего, это касалось вина, которое привозилось в город и помещалось в кладовые бюргеров и тех многочисленных гасконцев и испанцев, которые часто посещали порт. Оно покупалось королевскими дворецкими и отправлялось в Глостер, замки Беркли, Тьюксбери, Уорчестера, Херефорда, Ковентри и даже в Лондон, когда поставки в столицу были недостаточными. Например, еще в 1238 г. Генрих III, узнав, что в Бристоле есть большой запас вина, направил заказ на 100 бочек предпочтительно гасконского вина. В 1281—82 гг. 247 бочек было отправлено для Эдуарда I²⁶¹. Из-за начавшейся Столетней войны весной 1339 г. в Лондоне было так мало вина, что столица оказалась вынуждена снабжаться из Бристоля.

Ла-Манш был настолько опасен для плавания, что вино доставлялось из Бристоля по суше, способ транспортировки менее подходящий для благородного напитка и определенно более дорогостоящий. Несмотря на дополнительные бочарные клепки, обручи и крышки некоторые бочки разбивались, если телеги переворачивались²⁶².

Исследователи отмечают, что в отличие, например, от Саутгемптона почти нет свидетельств, которые могли бы иллюстрировать распреде-

²⁵⁷ Childs W.R. *Anglo-Castilian Trade...* P. 78—79.

²⁵⁸ LRB. V. I. P. 17.

²⁵⁹ *The Overseas Trade of Bristol...* P. 185, 205—207, 209—210, 213, 216, 220, 222—223, 238, 241, 265, 285.

²⁶⁰ GRB. V. I. Text. P. 93.

²⁶¹ Sherborne J.W. *The Port of Bristol...* P. 7.

²⁶² Crawford A. *Bristol and the Wine Trade*. Bristol, 1984. P. 5.

лительную торговлю Бристоля, но отдельные факты в XIV и XV вв. указывают на очень большую роль города во внутренней торговле. Если, как указывалось, доля Бристоля колебалась от 1/4 до 1/3 всего объема ввозимого в Англию вина, то естественно, что кому-то бристольские купцы это вино продавали. Например, в 1398 г. торговцы Бристоля составили список жалоб против королевского виночерпия в порту Джона Слейя, и одна из них заключалась в том, что он препятствовал торговым кораблям из Тьюксбери и Уорчестера входить в порт без уплаты ему фэйна²⁶³. Вино, доставленное по реке в Глостер и Уорчестер, отправлялось оттуда на телегах вверх по долине Эйвона в Уорвик и Ковентри.

Бристольская торговля вином внутри страны отражена в торговых спорах, которые решались в городских судах и суде лорда-канцлера. В 1351 г. мэр Лондона просил взыскать с душеприказчиков бристольского купца долг, который выражался в деньгах и бочках вина²⁶⁴. В 1471 г. лондонский гроссер Гарри Батлер жаловался на невыполнение соглашения, которое он заключил с Джоном Гробхамом, торговцем из Тонтонна, по поводу закупок красного гасконского вина в Бристоле. В первые годы правления Генриха VII возникла тяжба из-за вина, проданного Робертом Стронге, купцом из Бристоля, Ричарду Тайлеру, виноторговцу из Леоминстера²⁶⁵.

Кроме вина Бристоль снабжал английские города вайдой, квасцами, железом, воском и другими товарами. Естественно, что те торговцы, которые доставляли сукно в Бристоль, часть получали оплаты сырьем. Особенно это касается Ковентри, который мог приобретать в городе вайду для производства знаменитого сукна "Coventry blue". Также суконщики Сомерсета из Шерборна в возмещение за сукно, проданное бристольским торговцам, получали частично деньги, частично вайду²⁶⁶. Данная ситуация характерна и для других городов, из которых Бристоль получал сукно.

Большую роль играл город в снабжении Англии железом и изделиями из него. Уже отмечалось, что какая-то часть железа, импортировавшегося из Испании, использовалась бристольскими ремесленниками. Кроме традиционных ремесел Бристоль славился своими колоколами, которые можно было обнаружить в значительном количестве в Глостершире, Восточном Сомерсете, Северном Уилтшире, а также в Южном Уэльсе, Девоне и Корнуэлле. Но большую часть ввезенного железа

²⁶³James M.K. Studies in the Medieval Wine Trade. P. 186.

²⁶⁴Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London. 1350—1370. L., 1885. P. 22.

²⁶⁵James M.K. Studies in the Medieval Wine Trade. P. 187.

²⁶⁶Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol... P. 188—189.

бристольские купцы продавали для нужд правительства — строительства замков, создания осадного вооружения, для кораблестроения²⁶⁷.

Как уже отмечалось, Бристоль импортировал большое количество ирландских шкур и меха, частично для своих нужд, т.к. в городе было значительное число гильдий, работавших с этим сырьем, частично для продажи в другие английские города. Некоторые шкуры обрабатывались в Бристоле, прежде чем попасть в руки, например, лондонских меховщиков, иногда даже владевших недвижимостью в Бристоле²⁶⁸. В качестве примера можно упомянуть семью Сели, меховщиков в четырех поколениях, которые имели недвижимость в Бристоле²⁶⁹.

Естественно поставить вопрос о взаимоотношениях Бристоля с другими английскими городами в рамках внутренней торговли, поскольку, как и в случае с внешней торговлей в XIV—XV вв. внутренняя торговля была, прежде всего, ориентирована на сношения между отдельными городами. Нужно сказать, что будучи неофициальной региональной столицей на западе Англии, Бристоль включал в сферу своего влияния значительное число небольших городов. Во второй половине XV в. в пределы юрисдикции адмиралтейства Бристоля входило 20 городов²⁷⁰.

Бристоль, получая большие привилегии от королей в области внутренней торговли, например, освобождение от местных пошлин, в свою очередь тоже предоставлял привилегии купцам некоторых городов. В «Малой Красной Книге» записаны пожалования и подтверждения привилегий, освобождение от пошлин не менее чем 14 городам из разных графств — в 1237 и 1445 гг. Барнстаплу в Девоншире, 1378 г. — подтверждение привилегий Ньюкаслу-на-Лиме в Стаффордшире, 1382 г. — Ливерпулю, 1383 г. — освобождение от пошлин жителям Шефстбери в Дорсетшире, 1403 г. — Чичестеру в Глостершире, 1408 г. — Малборо в Уилтшире и другим²⁷¹. В «Большой Красной Книге» было зафиксировано освобождение от пошлин купцов Ковентри²⁷². Но Бристоль оказывал не только покровительство городам в своем регионе. Торговлю тех городов, которые могли составить конкуренцию, он стремился подавлять. В этом плане Бристоль — не оригинален. Например, в XV в. для подрыва торговли других городов, Лондон запрещал своим гражданам торговать на рынках и ярмарках за пределами города — иногородние купцы должны были приезжать в Лондон. Бри-

²⁶⁷Childs W.R. Anglo-Castilian Trade... P. 113.

²⁶⁸Veale E.M. The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966. P. 60.

²⁶⁹Thrupp S. The Merchant Class of Medieval London. Chicago, 1948. P. 365.

²⁷⁰LRB. V. I. P. 246—247.

²⁷¹Ibid. V. II. P. 214—215, 232, 234.

²⁷²GRB. V. I. Text. P. 93.

столь пытался осуществить подобное в отношении Бата — бристольский городской совет запрещал своим согражданам продавать товары на рынке Бата и учредил свой собственный в тот же день, в который он проводился в Бате²⁷³.

По таможенным отчетам XIV—XV вв. вырисовываются тесные связи Бристоля со многими городами. Налаживаться они начали задолго до XIV в., т.к. уже в 1292 г. в отчете о пошлине на шерсть, овчины и шкуры, экспортированные из Бристоля, названы корабли из Чепстоу и “Teignvouth”²⁷⁴. Иногда в один день в бристольский порт могло прийти несколько кораблей из одного города. Например, 20 мая 1461 г. из Чепстоу прибыло сразу 5 кораблей — «Кристофер», «Джулиан», две «Марии» и «Маргарет» доставили вино, мед, щелочную золу и смолу²⁷⁵.

Корабли разных городов участвовали в экспортной и импортной торговле через Бристоль. В январе 1379 г. в таможенных отчетах зафиксировано прибытие корабля «Эдмунд», приписанного к Йорку. Он доставил вайду и мед, и хотя в отчете не указано, откуда привезены товары, но для нас важен тот факт, что йоркские купцы импортировали их через Бристоль. 26 января 1391 г. корабль из Портсмута загрузился в Бристолье сукном для отправки в Ирландию. 14 февраля 1391 г. то же сделал корабль из Линна для отправки в Португалию. В отчетах часто встречаются корабли из Плимута — в ноябре 1390, мае и августе 1391 гг. корабли из этого города были нагружены сукном для отправки в Ирландию и Байонну, в апреле 1480 г. в отчетах упоминается плимутский корабль, доставивший из Бордо вино, вайду и железо²⁷⁶.

Не только корабли из других городов использовались в экспорте и импорте Бристоля, но и отдельные иногородние купцы были допущены к торговле через бристольский порт. Прежде всего, это касается торговли зерном — купцы тех мест, где закупалось зерно на экспорт, иногда сами участвовали в торговле. Например, 16 марта 1422 г. Годфри Фрир из Уорчестера получил лицензию на экспорт из Бристоля 200 кварталов пшеницы и 200 кварталов бобов в Бордо. В мае 1423 г. три купца из Тьюксбери — Джон Кодрингтон, Ричард Вил и Томас Фрик получили лицензию на два года для экспорта через Бристоль 100 кварталов пшеницы и бобов, закупленных в Глостершире²⁷⁷.

Иногда бристольские купцы вступали в соглашения с иногородними купцами для организации совместных торговых предприятий. В 1389 г. в петиции лорду-канцлеру от имени пяти купцов, которые

²⁷³ Lipson E. The Economic History of England. L., 1937. Vol. I. P. 240.

²⁷⁴ The Overseas Trade of Bristol... P. 30.

²⁷⁵ Ibid. P. 210—211.

²⁷⁶ Ibid. P. 183, 193, 194—195, 199—200, 203, 273.

²⁷⁷ Ibid. P. 54, 57.

вели торговлю с Данцигом, наряду с четырьмя бристольтцами — Томасом Боупином, Томасом Коулстоном, Джоном Барстаплом и Джоном Уилкинзом — назван был и Николас Бридлп из Глостера. В петиции указывалось, что они совместно зафрахтовали в Данциге судно и нагрузили его смолой, дегтем, досками, брусьями, воском и другими товарами²⁷⁸. В марте 1440 г. совместную лицензию на отправку корабля «Катерина» в Исландию за рыбой и иными товарами получили Томас Бартон (хозяин корабля), четверо купцов из Брутона, два купца из Тетбери и три купца из Бристоля. В декабре 1461 г. была выдана лицензия на торговлю в течение года Томасу Наптону, торговцу рыбой из Ковентри, и купцу из Бристоля Джону Хоксу для отправки двух кораблей в Исландию²⁷⁹. Подобные объединения купцов свидетельствуют не только о тесных связях между разными городами, но и между внутренней торговлей и внешней.

Помимо крупных внешнеторговых объединений типа Компании складчиков или купцов-авантюристов существовали и мелкие объединения, в которые входило от двух до нескольких человек, и которые создавались на определенный срок — одно-два плавания или один-два года. Причины заключения подобных договоров могли быть разные — опасность далекого путешествия и нежелание рисковать всем своим капиталом, необходимость покупать лицензию и, кроме того, желание привлечь дополнительные ресурсы в торговлю. Более чем вероятно, что купечество таких небольших городков как Брутон и Тетбери, не имевших выхода к морю, для участия в экспорте сукна должно было искать партнеров среди бристольтских купцов.

Правда, иногда и бристольтцы экспортировали свои товары через другие порты. Например, 31 марта 1480 г. в таможенных отчетах Бристоля зафиксирована уплата пошлины с Уильяма де ла Фаунта (натурализованного иностранца) за 10 кусков сукна, отправленных по суше в Бриджуотер для отгрузки за море на бриджуотерском корабле²⁸⁰. Еще чаще такие отправки осуществлялись в Саутгемптон и Лондон, поэтому на связях с этими городами нужно остановиться особо.

Список пошлин, уплаченных бристольтскими купцами в Саутгемптоне, занесенный на первую страницу «Большой Красной Книги», показывает, насколько тесными были связи между двумя городами²⁸¹. В отличие от Бристоля Саутгемптон не являлся значительным ремес-

²⁷⁸The Overseas Trade of Bristol... P. 42.

²⁷⁹Ibid. P. 73, 130. Брутон и Тетбери в XV в. были центрами суконного производства, а торговцы рыбой из Ковентри постоянно торговали с Исландией либо через Бристоль, либо через Бостон.

²⁸⁰The Overseas Trade of Bristol... P. 271.

²⁸¹GRB. V. I. Text. P. 90.

ленным центром и не имел ничего, что мог бы предложить другим городам для продажи. И если все-таки его отношения с Бристолем оказались довольно тесными, то это было связано с заокеанской торговлей, в которой участвовали оба порта. Иногда бристольские товары вывозились через Саутгемптон. Например, 14 марта 1439 г. в портовой книге Саутгемптона отмечена уплата таможенных пошлин за экспорт сукна двумя бристольскими купцами — Томасом Бертоном и Томасом Тейлором. А 31 марта 1480 г. в таможенных отчетах Бристоля зафиксирована уплата пошлин Джорджем Дентивасом и Энтони де Сарви (иностранцев) за сукно, отправленное по суше в Саутгемптон для отгрузки за море на любом корабле, на котором они пожелают²⁸².

Но гораздо чаще бристольские купцы участвовали в импорте товаров через Саутгемптон. В портовой книге города содержится запись от 11 ноября 1434 г. об уплате пошлин за вино и железо, доставленное из Байонны бристольским купцом Уильямом Уотре²⁸³. Вино и железо были обычным импортом из Байонны, и подобно другим бристольским купцам, связанным с южной Европой, Уотре иногда торговал через Саутгемптон. Об объеме торговли бристольцев через этот порт говорит список пошлин, уплаченных здесь.

Иногда бристольские купцы, видимо, пытались уклониться от уплаты пошлин. В «Брокерской книге» (“Brokage Book”) Саутгемптона за октябрь-декабрь 1445 г. была отмечена конфискация семи подвод, направлявшихся в Бристоль с мареной, квасцами, изюмом и мылом, принадлежавших бристольским купцам, а также 19 вьючных лошадей с изюмом, миндалем и воском²⁸⁴. Эта запись интересна не только тем, что уточняет состав импортировавшихся товаров и подтверждает факт торговли бристольцев через порт Саутгемптона, она также дает сведения о способах транспортировки товаров внутри страны. Указанный случай не был единичным. В «Брокерской книге» за октябрь-февраль 1448—49 гг. отмечена конфискация 6 подвод, направлявшихся в Бристоль с товарами, импортированными из Южной Европы, — вином, миндалем, изюмом, черным мылом и воском, принадлежавших Николасу Ланджу из Бристоля. Вместе с ними — две подводы с вином для Солсбери. Кроме того, был конфискован груз вайды на вьючных лошадях, который также принадлежал бристольским купцам²⁸⁵. В этой записи интересно упоминание о том, что две телеги с вином, принадлежавшие Николасу Ланджу, предназначались для Солсбери.

²⁸²The Overseas Trade of Bristol... P. 71, 271.

²⁸³Ibid. P. 64.

²⁸⁴Ibid. P. 83.

²⁸⁵Ibid. P. 86.

С ноября 1451 г. по июль 1452 г. в «Брокерской книге» Саутгемптона отмечены аресты по дороге из города различных грузов, отправлявшихся в Бристоль. Среди товаров значилось вино Роберта Стерми и Ричарда Малпаса, вайда и изюм Мозеса Контерина. Кроме этого были конфискованы различные товары Стивена Форстера из Лондона, а также вино и сушеная рыба, принадлежавшие Джону Джорджу из Бристоля и предназначенные для Солсбери²⁸⁶. В данном случае интересно упоминание о том, что лондонский купец или торговал вместе с бристольтцами, или поручал им доставлять для него определенные товары. Нужно отметить, что подобной контрабандной торговлей занимались и богатейшие купцы, пользовавшиеся большим авторитетом, такие как Стивен Форстер или Роберт Стерми.

Специалисты отмечают, что определить размер средневековой контрабанды в Бристоле невозможно, но очевидно он был достаточно большим, чтобы вызвать обеспокоенность короны. Королевские чиновники неоднократно отмечали в своих отчетах благоприятные возможности, существовавшие для контрабанды в Чепстоу, но можно видеть, что бристольтские контрабандисты использовали для своих целей и Саутгемптон²⁸⁷. Поэтому одной из важнейших функций таможенных чиновников и их помощников было следить за тем, чтобы товары доставлялись непосредственно на набережные города, где за них можно получить установленные сборы.

Поскольку итальянцы практически не торговали через Бристоль, то отдельные бристольтские купцы вели торговлю с итальянскими городами через Саутгемптон. Например, 8 марта 1455 г. в портовой книге Саутгемптона отмечена уплата пошлин за фрукты и вино из Милана, импортированные различными бристольтскими купцами на корабле «Кристофер»²⁸⁸. Нужно заметить, что отношения бристольтских и итальянских купцов были достаточно сложными. Генуэзцы и венецианцы стремились монополизировать внешнюю торговлю Англии не только с Италией, но и с другими странами Средиземноморья. Например, торговля Саутгемптона и Лондона с Испанией в значительной мере сосредотачивалась в руках итальянцев. В Бристоле положение было иным — здесь англичане и испанцы полностью контролировали торговлю, иногда даже действуя совместно.

Стремление итальянцев играть посредническую роль в торговле английских городов с другими государствами, особенно с Испанией, вызывало со стороны бристольтских купцов ответные действия, иногда

²⁸⁶The Overseas Trade of Bristol... P. 101.

²⁸⁷Sherborne J.W. The Port of Bristol... P. 15, 19.

²⁸⁸The Overseas Trade of Bristol... P. 104—105.

напоминавшие разбой. В петиции на имя лорда-канцлера генуэзский купец Николо де Бригнали жаловался, что корабль, который он с другими генуэзскими купцами нагрузил в Испании вином, маслом и другими товарами для Саутгемптона и Лондона, 22 марта 1476 г. был доставлен в Бристоль, где жалобщик не может добиться правосудия²⁸⁹. Думается, что подобные действия бристольских купцов осложняли их отношения не только с итальянцами, но и с купцами Лондона и Саутгемптона, которые ожидали указанные товары. Правда, нужно отметить, что итальянцы тоже не очень стесняли себя в действиях, когда стремились защитить свою монополию на торговлю в Средиземном море — достаточно вспомнить пиратский захват генуэзцами кораблей Роберта Стерми.

Еще теснее, чем с Саутгемптоном, была связь Бристоля с Лондоном. Путешествие туда верхом занимало меньше трех дней, поэтому купцы обоих городов или их посыльные постоянно курсировали по дороге на Чиппенем и Ньюбери. Как отмечалось, часть импортированного вина бристольцы отсылали в столицу. Кроме того, некоторые бристольские торговцы отправляли в Лондон сукно для продажи его ганзейцам. Например, в 80-е гг. XV в. Алиса Ричардс и красильщик Джон Хенлоу продавали широкое сукно в Лондоне купцам из стран, «лежащих к востоку от Англии». И это не были случайные поставки, т.к. Джон Хенлоу имел в Лондоне своего фактора²⁹⁰.

Часто бристольские купцы использовали лондонские корабли во внешней торговле. В июле 1391 г. корабль из Лондона был нагружен в Бристолье сукном для отправки в Ирландию, в сентябре 1461 г. два лондонских корабля — «Мария» и «Кристофер» — загрузились сукном для отправки в Бордо, в январе 1480 г. лондонский корабль «Джордж» доставил в Бристоль из Севильи 14 бочек белой пробки²⁹¹. Возможно, торговлю на этих кораблях вели лондонские купцы, но, вероятно, бристольцы их просто фрахтовали. Так, 5 февраля 1437 г. Ричард Форстер, купец из Бристоля, получил лицензию на корабль, который в тот момент находился в Лондоне²⁹².

Лондонские торговцы торговали через Бристоль, о чем свидетельствуют торговые лицензии. В декабре 1453 г. в «Большой Красной Книге» зарегистрирована лицензия, пожалованная Уильяму Керуиру для плавания в Аквитанию и обратно²⁹³. Иногда бристольские и лондонские купцы торговали совместно. Так, 21 июня 1434 г. совместное ох-

²⁸⁹The Overseas Trade of Bristol... P. 148.

²⁹⁰Ibid. P. 158—159.

²⁹¹Ibid. P. 201, 216, 236.

²⁹²Ibid. P. 69.

²⁹³GRB. V. I. Text. P. 188.

ранное свидетельство на испанский корабль получили Дэвид Селли, купец из Лондона, и Уолтер Пауэр, купец из Бристоля. В марте 1439 г. лицензию на отправку корабля «Катерина» в Исландию получили Стивен Форстер, Уильям Кэнинджес и Джордан Спринг²⁹⁴. Стивен Форстер, рыбороторговец из Лондона, по предположению Э. Кэрус-Уилсон владел совместно с Уильямом Кэнинджесом кораблями «Мэри Редклиф» и «Катерина». Примечательно, что он назвал Уильяма Кэнинджеса в числе своих душеприказчиков и оставил щедрые пожертвования различным бристольским церквям. В его доме в Лондоне умер один из сыновей Кэнинджеса²⁹⁵.

В 1479 г. Джон Банистер из Лондона совместно с бристольскими торговцами импортировал вино из Бордо²⁹⁶. М.М. Яброва пишет о двух купцах — Ричарде Хэдоне из Бристоля и Джоне Джейрстенте, лондонском бакалейщике, создавших торговое объединение по типу комменды²⁹⁷.

О тесных деловых связях между купцами двух городов говорит большое количество денежных обязательств и финансовых расчетов. В 1390 г. лондонские торговцы выдали заём с целью оплаты лоцманских сборов бристольским купцам, которые доставляли фиги из Сэндвича в Лондон²⁹⁸. Фиги в зимние месяцы постоянно привозились из Испании и Португалии, поэтому участие в этом деле бристольцев вполне естественно.

Большинство сведений о финансовых сделках дошло до нас благодаря судебным тяжбам, ибо если долг возвращался вовремя, то у нас мало надежды узнать о нем. Интересный материал о связях бристольских и лондонских купцов содержится в письмах лондонских мэров, адресованных мэрам и общинам разных городов. В ноябре 1350 г. мэр, олдермены и общины Лондона направили письмо мэру и общинам Бристоля в связи с жалобой Симона Франкиса. Названный Симон жаловался на то, что его товары и движимое имущество, а также шерсть Эндрю Обри, тоже жителя Лондона, были захвачены из-за тяжбы с Никласом Доббинсоном и Томасом Рестелейем, бюргерами Бристоля, по поводу 100 золотых крон²⁹⁹, отправленных Томасу Франкису, агенту Симона Франкиса. Мэр Лондона заверяет мэра Бристоля в том, что Томас не был агентом Симона ни во время займа, ни до того, поэтому несправед-

²⁹⁴The Overseas Trade of Bristol... P. 63, 71.

²⁹⁵Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol... P. 190.

²⁹⁶The Overseas Trade of Bristol... P. 222.

²⁹⁷Яброва М.М. Комменда и начало мелких компаний в английской торговле в XIV—XV вв. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984. С. 85.

²⁹⁸The Overseas Trade of Bristol... P. 45.

²⁹⁹1 крона равняется 5 шиллингам.

ливо, что отвечать за долг своими товарами должны Симон и Эндрю Обри³⁰⁰.

Во втором письме от 15 января 1351 г. по этому же поводу имеются интересные уточнения. Выясняется: шерсть Эндрю Обри была захвачена в Уэльсе, и мэр Лондона отмечает, что Уэльс находится в пределах юрисдикции бристольского мэра³⁰¹. Во-первых, это показывает границы территорий, на которые распространялось влияние Бристоля. Во-вторых, позволяет предположить, что из-за уэльской шерсти между лондонскими и бристольскими торговцами возникало соперничество. И, в-третьих, сам факт передачи 100 золотых крон мнимому агенту Симона Франкиса свидетельствует о каких-то совместных финансовых и торговых делах между лондонцами и бристольцами.

Из второго письма становится ясно, что в обеспечение долга были не только конфискованы шерсть и другие товары в Англии, но также захвачено на указанную сумму вино в Бордо. Мэр Лондона замечает, что таким образом Николас Доббисон и Томас Рестелей «намереваются получить сумму дважды, вопреки совести, закону и разуму». Поэтому можно сделать вывод, что одни и те же люди и в Лондоне, и в Бристолле занимались одновременно торговлей шерстью и вином, т.е. жесткого разделения между купцами по составу экспорта и импорта не было.

В рассматриваемом случае мы вновь сталкиваемся с практикой репрессалий. Бристольцы захватили товары не тех людей, кому передали деньги, хотя и мотивировали это заявление тем, что должник был агентом пострадавшего. Лондонский мэр просит своего коллегу «объявить всем вашим братьям бюргерам, чтобы они не одалживали свои товары и движимое имущество только на свой страх и риск, чтобы избежать каких-либо споров, относящихся к займам такого рода». В случае, если вопрос не будет решен положительно, мэр Лондона угрожает тем, что «возникнет необходимость докучать их людям, прибывающим в Лондон»³⁰².

Практика репрессалий в данном случае применяется не только в отношении купцов из других стран, но и к местным торговцам. Это показывает, что в середине XIV в. жители других городов еще воспринимались как «чужеземцы». Конечно, подобная практика мешала нормальной торговле, поэтому мэр Лондона говорит о ней, как о нежелательном способе решения возникающих споров.

Еще одно письмо, отправленное мэру и бейлифам Бристоля, свидетельствует о тесных связях между купцами двух городов. По просьбе

³⁰⁰Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London. P. 3—4.

³⁰¹Ibid. P. 7—8.

³⁰²Ibid. P. 7—8.

Джона де Уэстона, лондонского суконщика и душеприказчика Майкла Майнота, мэр Лондона просит взыскать с душеприказчиков покойного Роджера Тертла, бристольского купца, долг указанному Майклу в 52 ф. ст. и 13 больших бочек вина или их стоимость, т.к. Роджер Тертл умер, не уплатив долг³⁰³. Можно предположить, что или упомянутые купцы совместно занимались импортом вина, или Р. Тертл снабжал им М. Майнота, который организовывал розничную продажу.

От XV в. тоже сохранились документы о судебных тяжбах между лондонцами и бристольцами по поводу долгов. В середине XV в. (примерно в 1452—57 гг.) Джордж Айрленд, лондонский олдермен, подал прошение в бристольский стапельный суд мэру Уильяму Кодеру и другим судьям о взыскании долга с Алисы Саттон, душеприказчицы ее покойного мужа³⁰⁴. Размер долга, правда, не указан. Но хочется отметить интересную деталь — лондонский олдермен подал прошение не в городской суд, а в стапельный. Поэтому мы вправе предположить, что купец из Лондона был членом бристольского Стапля, иначе не понятно, почему он прибегает к услугам не мэра города, а мэра Стапля, не городских, а стапельных судей.

Кроме деловых связей между жителями двух городов существовали дружеские и родственные связи. Об этом свидетельствуют письма частных лиц, а также завещания. Например, 8 сентября 1352 г. лондонец Джон де Престон пишет своему другу Роберту де Оксенфорду, бристольскому бюргеру, чтобы тот помог ему вернуть различные вещи от своего прежнего арендатора, уехавшего в Бристоль³⁰⁵. В завещании Уильяма Иннинга, оруженосца (“*armiger*”) и бюргера Бристоля, оставлены на память Джону Дерему, галантерейщику и олдермену из Лондона, две серебряные чаши и пара кольчуг³⁰⁶.

Брат знаменитого бристольского купца Уильяма Кэнинджеса Томас Кэнинджес в последней четверти XV в. был гроссером и олдерменом Лондона³⁰⁷. Уильям Ноуллз, гроссер из Бристоля, — брат Томаса Ноуллза-младшего из Лондона, тоже гроссера и одного из самых богатых купцов³⁰⁸. Вполне вероятно, что упоминавшийся Стивен Форстер, лондонский рыборотговец, был родственником Джона и Ричарда Форстеров, бристольских купцов и в разное время мэров города. Тогда станут более понятными его тесные связи с Уильямом Кэнинджесом.

³⁰³Ibid. P. 22. Роджер Тертл был богатейшим купцом, мэром Бристоля в 1321 г., членом городского совета, получал на откуп сбор пошлин в городе.

³⁰⁴GRB. V. III. P. 20.

³⁰⁵Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London. P. 39.

³⁰⁶GRB. V. II. P. 205.

³⁰⁷Bourne H.R.F. English Merchants. L., 1886. P. 65.

³⁰⁸Thrupp S. The Merchant Class of Medieval London. App. A. P. 351.

Тем не менее, тесные деловые, дружеские и родственные связи купцов разных городов не снимали вопроса о торговой конкуренции между ними. Об этом говорят упоминавшиеся захваты и конфискации товаров. Иногда бристольские купцы перехватывали товары, предназначенные для купцов из других городов. Выше уже упоминалась жалоба генуэзца Николо де Бригнали на захват корабля с товарами, предназначенными для Саутгемптона и Лондона. В июле 1389 г. мэр, шериф и бейлифы Бристоля подали прошение лорду-канцлеру, касающееся еще одного генуэзского карака, нагруженного квасцами и другими товарами для Лондона. Этот карак был захвачен кораблем из Байонны и доставлен в Бристоль. Бристольцы просили разрешить им разгрузить корабль, «так как в настоящее время указанных товаров мало в порту, и на них большой спрос». Перед этим было получено предписание короля доставить корабль в Лондон, но в ответ на указанное прошение 29 июля пожаловали лицензию на его разгрузку в Бристоль³⁰⁹. Вряд ли данный факт мог понравиться лондонским купцам, которым предназначался этот груз.

Таким образом, источники показывают: будучи региональной столицей на западе Англии и занимая ведущее положение в региональной торговле, Бристоль играл важную роль в создании национального рынка. Наряду с Лондоном, который был экономическим и политическим центром страны, Бристоль способствовал складыванию в Англии единого экономического пространства.

К концу XV в. в связи с концентрацией все большей части внешней торговли в руках Лондона, падает роль Бристоля и во внутренней торговле, поскольку она была тесно связана с его экспортом и импортом. Вновь повышение значимости Бристоля в торговле начинается со времени регулярных плаваний в североамериканские колонии.

³⁰⁹The Overseas Trade of Bristol... P. 41.

Организация ремесла в городе и возникновение новых форм производства

§ 1. Ремесленные гильдии

В XIX в. У.Дж. Эшли отмечал практическое отсутствие исследований и опубликованных материалов по истории ремесленных гильдий провинциальных городов Англии¹. И хотя после этого появлялись отдельные научные труды и издания источников, положение почти не изменялось до конца XX в. В 1992 г. Джервейс Россер в рецензии на сборник «Английская средневековая промышленность: ремесленники, техника, изделия» писал, что «изучение развития промышленности в Средние века страдало от общего пренебрежения, которое историки только недавно начали преодолевать»². В 2016 г. К. Кассон в уже упоминавшейся рецензии на книгу Дж. Россера заметила: «Поскольку объем исследований возростал, они становились все более фрагментированными»³.

Не представляет исключения и изучение развития бристольской промышленности в Средние века. А ведь Бристоль и его округа на протяжении всего периода существования более чем какой-либо другой регион Англии (за исключением Лондона) проявляли постоянную промышленную активность, и поэтому город является одним из старейших ремесленных центров страны. С самого начала катализатором ремесленного развития Бристоля был его порт. Кроме ремесел, которые обеспечивали потребности жителей, наличие порта стимулировало большое количество вспомогательных производств, таких как парусное, канатное, производство цепей, бондарное (для производства бочонков и бочек, необходимых для кораблей, совершавших длительные плавания). Возможность вести широкую экспортную торговлю, кото-

¹ Эшли У.Дж. Экономическая история Англии... С. 325.

² (Rev.) English Medieval Industries: Craftsmen, Techniques, Products. L., 1991 // The English Historical Review. 1992. № 425. P. 958.

³ The Economic History Review. 2016. Vol. 69. P. 362.

рую предоставлял порт, способствовала расширению традиционных производств.

Одним из самых ранних в Бристоле и окрестностях было производство шерстяных тканей, которое сосредоточивалось в пригороде Рэдклиф на южном берегу Эйвона, вокруг церквей Темпл и Св. Томаса-мученика. Другим старейшим производством города было мыловарение, которое обслуживало в первую очередь нужды шерстяной промышленности. Оно же оказалось и первым ремесленным процессом, использовавшим местные запасы угля. Уголь сначала добывался из поверхностных разработок в окрестностях Кингсвуда, старинного Королевского леса у восточной границы Бристоля. Позднее его постоянно добывали во многих местах вокруг города, и далее на севере Сомерсета⁴. Кроме мыловарения большое количество угля использовалось в пивоварении, изготовлении стекла, гончарном деле и производстве металла. Наличие собственного угля наряду с существованием порт — наибольшее преимущество Бристоля.

Конечно, перечисленные отрасли производства не охватывают весь круг ремесленных профессий, существовавших в Бристоле, в котором, как и в любом средневековом городе, их был не один десяток. В списке плательщиков тальи 1313 г. в Бристоле перечислены лица 122 специальностей. Для сравнения можно отметить, что в этот же период документы городского суда Честера упоминают 50 ремесленных специальностей, такое же количество указывает список налогоплательщиков Кембриджа в 1314—1315 гг., фрименские списки Кентербери — около 70, список налогоплательщиков подушной подати 1381 г. в Оксфорде — более 80, в Йорке — 126, список фрименов, получивших лондонское гражданство в 1309—1312 гг. более 120 специальностей⁵.

По «Списку Бристольской книги учеников», начатому в середине XVI в., можно насчитать 75 специальностей (хотя, конечно, в этом документе были учтены не все профессии)⁶. Для XIV—XV вв. мы располагаем постановлениями, которые касаются по меньшей мере 30 специальностей, записанных в «Малую Красную Книгу».

Остановимся теперь на организации ремесла, поскольку вопрос этот в применении к английскому городу остается достаточно сложным. Как известно, основной формой объединения ремесленников в средневековых европейских городах были цехи. В английских документах мы встречаемся с термином «гильдия» (от древне-герм. “Gilda” — союз,

⁴ Buchanan R.A., Cossons N. The Industrial Archaeology of the Bristol Region. N.Y., 1969. P. 15. Добыча каменного угля в бристольском регионе продолжалась до XX в. и достигла своего максимального уровня перед Первой мировой войной.

⁵ Ретина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии... С. 35.

⁶ Calendar of the Bristol Apprentice Book. Bristol, 1949.

объединение), он был распространен достаточно широко: известны торговые гильдии (“*gilda mercatoria*”), гильдиями назывались религиозные общины, союзы защиты и прочие⁷. Помимо этого встречается понятие «ремесленная гильдия», что для Англии является равнозначным ремесленному цеху. Кроме того, в источниках для определения ассоциаций ремесленников часто употреблялись термины «мастерство» и «искусство».

В том, что ремесленные гильдии были основной формой объединения ремесленников в средневековых английских городах, согласны практически все исследователи, занимавшиеся этим вопросом. Но в оценке самостоятельности цеховых организаций по отношению к городским властям и государственным структурам, объема их прав, функций, роли в развитии производства существуют значительные разногласия. Если одни историки, такие как У.Дж. Эшли, Х. Хитон, У. Дж. Хоскинз и др. считали цеховую организацию ремесла с жесткой регламентацией, мешавшей в XIV—XV вв. прогрессивному развитию промышленности, вполне самостоятельной структурой, то Дж.Р. Грин, Э. Липсон, М. Добб и др. отводили гильдиям роль инструментов экономической политики городских советов. О том, что оценка роли ремесленных цехов в жизни средневековых английских городов до конца XX в. не устоялась, свидетельствуют работы Х. Суонсон и Дж. Россера⁸. Хедер Суонсон, обращаясь к материалам XIV—XV вв., отвергает мнение о том, что ремесло в английских провинциальных городах развивалось в рамках профессиональных объединений, и утверждает, что профессиональная структура этих городов была «мнимой». Она рассматривает цехи XIV—XV вв. как абсолютно несвязанные с ремесленными объединениями XII—XIII вв., как «нарочито и искусственно созданные городскими средневековыми властями»⁹. Кроме того, Х. Суонсон утверждает, что к XV в. «средневековые английские города не душились истощенными и неподвижными гильдиями; не будет большим преувеличением сказать, что экономика функционировала в значительной степени независимо от них»¹⁰. Дж. Россер также считает: «Подавляющее большинство гильдий, однако, не были привязаны к одному ремеслу, но собирали представителей различных профессий»¹¹. Имея в виду ис-

⁷ Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 261.

⁸ Swanson H. The Illusion of Economic Structure: Craft Guilds in Late Medieval English Towns // Past and Present. 1988. № 121. P. 29—48; Swanson H. Medieval Artisans: An Urban Class in Late Medieval England. N.Y., 1989; Rosser G. The Art of Solidarity in the Middle Ages: Guilds in England 1250—1550. Oxford, 2015. P. 3—14.

⁹ Swanson H. The Illusion... P. 31; Swanson H. Medieval Artisans... P. 9.

¹⁰ Swanson H. The Illusion... P. 48.

¹¹ Rosser G. The Art of Solidarity in the Middle Ages... P. 4.

следователей, он замечает: «Интерпретация гильдий всегда была политическим вопросом, и это так и продолжает оставаться»¹².

Опираясь на данные бристольских источников, попытаемся выяснить, какие позиции занимали ремесленные цехи в городском производстве, насколько жестко и в чьих интересах проводилась политика регламентации, каковы были судьбы гильдейской организации в позднее Средневековье и другие вопросы.

Мы не будем касаться раннего этапа возникновения ремесленных гильдий в английских городах, он основательно рассмотрен Я.А. Левицким¹³. Заметим только, что отдельные случаи появления ремесленных гильдий отмечаются в начале XII столетия, к концу его они становятся более многочисленными, а в XIII в. цехи возникают почти во всех отраслях производства. Если в «Казначейских свитках» за 1130 г. упомянуты 7 ремесленных гильдий в различных городах Англии, то к началу XIV в. их уже были десятки в каждом городе¹⁴.

Первыми в Бристоле, как и в других английских городах, появились гильдии ткачей и сукновалов. Это естественно, поскольку на ткани всегда существовал достаточно большой спрос для того, чтобы многие люди всецело посвятили себя данной работе. То, что гильдия сукновалов Бристоля в Ордонансе от 1346 г. упоминает 12 наиболее «почтенных» и 76 прочих членов, говорит о ее значительности¹⁵. В XIV в. кроме ткачей и сукновалов свои профессиональные организации в Бристоле имели красильщики, портные, изготовители кордовской кожи («cordwainers»)¹⁶, дубильщики, оловянщики, бондари, кузнецы, пивовары, пекари, цирюльники, суконщики, хотя последних нельзя отнести к собственно ремесленникам. Повара, видимо, не имели гильдии, хотя в других городах, например, в Лондоне и Йорке, она существовала. В «Малой Красной Книге» только указывается место, где повара собирались и торговали своей продукцией — «Cokyn Rew in the Hye Street»¹⁷. Трудно сказать что-то определенное о времени появления гильдии бондарей, хотя производство бочек для города, ведущего широкую внешнюю торговлю, было необычайно важным. В 1439 г. городской совет принял постановление для 22 мастеров «искусства» («arte») бондарей¹⁸.

¹² Rosser G. The Art of Solidarity in the Middle Ages... P. 7.

¹³ Левицкий Я.А. Город и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М.;Л., 1960.

¹⁴ Там же. С. 247.

¹⁵ LRB. V. II. P. 10—12.

¹⁶ В Средние века лучшие кожи назывались кордовскими потому, что при их изготовлении копировали технику выделки сыромятной кожи с помощью оливкового масла, применявшуюся первоначально в производстве высококачественных испанских кож.

¹⁷ LRB. V. II. P. 132.

¹⁸ Ibid. P. 159.

После инкорпорирования объединения ремесленников в официальных документах обычно упоминались как «ремесло» (“craft”) или «мастерство» (“mistry”). Поэтому сохранение за бондарями определения “arte” позволяет предположить, что они в указанное время вряд ли имели свою профессиональную организацию с определенными правами. Однако в 1479 г. изготовители луков (“bowyers”) и стрел (“fletchers”) обратились в городской совет с просьбой, чтобы их признали в качестве корпорации (“comburgeizez of a Craffte corporate”) с такими же свободами, как у гильдии бондарей¹⁹.

В XV в. все эти гильдии продолжали существовать и, более того, появился ряд новых. Возможно, некоторые из них возникли еще в XIV в., хотя правила, регулировавшие их деятельность, были записаны позже, т.е. в начале XV в. Не затрагивая пока других причин образования гильдий, отметим, что выделение новых профессий в отдельные гильдии свидетельствовало о все более углублявшемся разделении труда.

Интересные сведения дает ордонанс 1450 г. из «Большой Красной Книги» Бристоля. В нем приведен список ремесленных гильдий, которым бесплатно раздавалось вино в день Св. Иоанна и Св. Петра²⁰. Количество членов гильдий в списке не указано, но по числу галлонов вина можно понять, какие гильдии были наиболее многочисленными. На первом месте, как и в XIV в., стоят гильдии ткачей и сукновалов (получавших по 10 галлонов²¹), потом портные и сапожники (по 8 галлонов), мясники (6 галлонов) и т.д. Как самостоятельные упоминаются гильдии дубильщиков (“tanners”) и сыромятников (“whitawers”). Еще более дробное разделение труда наблюдалось в кузнечном деле: по 4 галлона вина выдавалось кузнецам (“smiths”), ковочным кузнецам (“farriers”), ножовщикам (“cutlers”), замочникам (“locksmiths”) и 3 галлона волочи́льщикам проволоки (“wire drawers”). Как отдельные гильдии записаны изготовители луков и стрел, которым полагалось по 2 галлона вина.

Гильдии лучников, изготовителей тетивы и стрел появились в английских городах, вероятно, с распространением большого лука как стандартного вооружения пехоты. Большие (или длинные) луки впервые были использованы англичанами во время уэльских войн Эдуарда I, и вновь с успехом в войне против шотландцев в 1290 г. Эдуард I не организовывал централизованного снабжения оружием своих армий: пехотинцы имели оружие, купленное в своей местности. До правления Эдуарда III правительство не несло никаких обязанностей по снабже-

¹⁹ GRB. V. I. Text. P. 150—155.

²⁰ Ibid. P. 125—126.

²¹ Галлон равен, примерно, 4,5 литров.

нию войск, и только при этом короле шерифам отдельных графств направлялись предписания, определявшие качество вооружения, которое должно было отправляться в крепость или, как это принято на севере, прямо к границе или в порт для погрузки на корабли. Результатом этих предписаний, видимо, стало создание специальных гильдий изготовителей луков, стрел и тетивы²².

Вопрос о причинах образования новых цехов нужно рассматривать не только в связи с углублением разделения труда. Еще У.Дж. Эшли отмечал, что в XIII в. гильдии возникали по инициативе ремесленников для защиты своих интересов, и муниципальные власти противились их созданию. Со времени правления Эдуарда I (1272—1307) отношение к возникавшим ремесленным гильдиям изменилось — им стали оказывать покровительство. Но не в интересах ремесленников, а с полицейскими и фискальными целями, чтобы удобнее было осуществлять надзор за ремеслом²³. Тем не менее, речь идет именно о покровительстве и контроле, а не об искусственном создании организаций ремесленников: инициатива, как и прежде, исходила от самих мастеров.

Каковы же были функции цехов? Как известно, первоначальная цель возникавших организаций заключалась в контроле за производством и сбытом. В рассматриваемое время эта задача сохранялась, а ее выполнение облегчалось тем, что в XIV—XV вв. цены на большинство потребительских товаров определялись не в масштабе всей страны, а в пределах одного города и его округи. Прежде всего, во всех цехах обращалось особое внимание на сырье, с которым работали ремесленники. Так, в гильдии ткачей следили за качеством нитей основы и самого сукна в середине и по краям, у красильщиков — за качеством вайды, а также технологией ее приготовления и хранения, у кожевников и дубильщиков — за качеством кожи и шкур²⁴.

Такое внимание к сырью вполне объяснимо: от него зависел конечный результат работы. Высокое качество изделий обеспечивалось и жесткими правилами технологии, контролем за формой орудий труда и пр. В мотивировочной части постановлений обычно на первое место выдвигается вопрос о престиже профессии и славе города. Например, ткачи в 60-е гг. XIV в. отмечали, что строгие правила нужны, «чтобы в городе производилось хорошее и правильное сукно, как для сохранения доброй славы города, так и для выгоды, которую можно получить от продажи сукна»²⁵, тогда как продажа некачественного сукна ведет

²² Swanson H. *Medieval Artisans...* P. 101.

²³ Эшли У.Дж. *Экономическая история Англии...* С. 97—98.

²⁴ LRB. V. II. P. 2, 17—21, 108, 114.

²⁵ Ibid. P. 40.

«к большому бесчестию и позору этого почтенного города»²⁶. Конечно, нужно учитывать, что жители средневековых городов всегда стремились сохранять и приумножать славу родного города, но вопрос выгоды играл не менее важную роль. Тех же ткачей очень беспокоило, что недобросовестные работники «опорочили названное производство мошенническими сукнами»²⁷, а это может подорвать доверие покупателей. Красильщики, не ссылаясь на престиж города, прямо указывают, что некачественная окраска сукна и шерсти ведет «к большому ущербу владельцев и бесчестию вышеназванной гильдии и тканей этого города»²⁸.

Попытки фальсифицировать сырье были характерны не только для Бристоля. В 1428 г. йоркские ремесленники встревожились деятельностью Джона Лиллинга, одного из ведущих купцов города, торговавшего «фальшивым» железом. На суде выяснилось, что он пригрозил двум кузнецам «телесными повреждениями, если они не откажутся свидетельствовать против него»²⁹. Подобное мошенничество было распространено и среди богатых кузнецов и волочильщиков проволоки Ковентри.

Интересно отметить, что большое количество дошедших до нас сведений об обманах и нарушениях дает представление об уровне нравственности в деловых отношениях в Средние века. Безусловно, ремесленники стремились сохранить высокий авторитет своей профессии, и они вовсе не лицемерили, когда писали о «доброй славе» города и своей гильдии или о позоре, который навлекают на них недобросовестные люди. Но приведенные постановления о нарушениях появлялись потому, что существовало стремление обманывать и мошенничать — недовешивать, обмеривать, подсовывать недоброкачественные изделия и т.п. Поэтому вряд ли стоит переоценивать профессиональную честность средневековых ремесленников, хотя несколько веков строгого контроля сделали свое дело: уровень ремесла был очень высок.

Кроме качества сырья и готовых изделий строго оговариваются время работы (например, у ткачей в 1346 г. была запрещена работа ночью), место расположения инструмента, размер оплаты труда подмастерьев и наемных работников, сроки найма на работу и пр. Во многих ординасах уточняются сроки ученичества, но нужно отметить, что записи эти появляются только в начале XV в. — у сукновалов между 1414 и 1425 гг., у цирюльников и бондарей в 1439 г.³⁰

В статутах явно прослеживается стремление гильдий сохранить за своими мастерами монополию на занятие тем или иным ремеслом.

²⁶ LRB. V. II. P. 123.

²⁷ Ibid. P. 40.

²⁸ Ibid. P. 82.

²⁹ Цит. по: Swanson H. Medieval Artisans... P. 130.

³⁰ LRB. V. II. P. 142, 152, 163.

Цехи охраняли своих членов от конкуренции пришлых ремесленников (отсюда, например, запрет заниматься ткачеством людям, не являющимся полноправными горожанами). В 1355 г. в ордонансе ткачей было записано, что «ни один ткач не останется в гильдии ткачей в городе Бристоле, если он не станет бюргером и не будет допущен к городским привилегиям (*recipiatur in ibertatem*)»³¹.

В XIV и XV вв. получение статуса полноправного горожанина связывалось с членством в какой-то гильдии. Это видно не только из приведенного постановления ткачей, но также из ордонанса красильщиков 1407 г. В нем принятие в цех одновременно означало допущение к свободам города. Правда, сделана оговорка, что мэр «имеет власть и право допустить [к привилегиям] и сделать бюргером любого человека, представленного ему, как он привык прежде, несмотря на эти постановления»³². В 1408 г. то же самое условие мы находим в постановлении для гильдии кожевников и сапожников, с такой же оговоркой.

Речь идет не о получении статуса бюргера вообще, о полноправии, а о том, чтобы внецеховые ремесленники не были полноправными горожанами. Это подтверждается еще одной оговоркой: чужеземцы-кожевники, прибывшие в город, чтобы отправиться за море, могут для своего пропитания работать в течение того времени, пока ждут отъезда. Такое же правило установили и сукновалы³³. Значит, в предыдущих постановлениях речь идет только о брестольцах — не членах цеха. Беспокойство мастеров вызывала и конкуренция сельских ремесленников, чем объясняется запрещение посылать в деревню шерсть для прядения и сукно для валяния. Подробнее об этом еще будет идти речь.

По своим функциям ремесленные гильдии в английских городах мало чем отличались от таковых в немецких или французских, но применительно к Бристолю нужно отметить одну особенность — в регламентах брестольских цехов в XIV—XV вв. намного меньше уравнительных требований, чем в постановлениях ремесленных цехов городов континентальной Европы. Так, ни в одном из ордонансов мы не находим определения количества учеников и подмастерьев, которых может иметь один мастер. Единственным исключением является гильдия сапожников, которая постановила в 1364 г., что мастер может иметь только одного подмастерья, работающего по соглашению сроком на 1 год. Также не оговаривается количество орудий труда в одной мастерской, сколько может покупать сырья и производить готовой продукции тот или иной ремесленник.

³¹ LRB. V. II. P. 4.

³² Ibid. P. 85.

³³ Ibid. P. 105, 143.

Это характерно и для других английских городов. Например, хотя большинство ткачей в Йорке в 1450—60 гг. имело по одному ученику, но были и такие, которые заключали договор сразу с 3—6 учениками³⁴. Для Бристоля данный факт, вероятно, объяснялся тем, что значительная часть ремесел ориентировалась на экспорт, и это смягчало в какой-то мере остроту вопроса о рынке сбыта. Правда, в XVI в. мы уже встречаемся с попытками ограничить число учеников и подмастерьев, но связаны они были с временной утратой Бристолем ведущих позиций во внешней торговле и конкуренцией со стороны новых форм организации производства — системы раздачи сырья, кооперации и мануфактуры.

Кроме контроля за производством и сбытом у цеховой организации были и другие функции. Очень важной причиной для объединения являлась необходимость оказывать в случае нужды помощь друг другу. Достаточно подробно об этом пишет Дж. Россер в третьей главе, которая называется «Содружество», своей последней монографии³⁵. Но в ордонансах гильдий именно эта сторона деятельности гильдий менее всего отражена. Возможно, факт объясняется тем, что городские власти данная проблема заботила мало, поэтому в официальных документах подобные вопросы не находили отражения. Тем более интересна запись от 1395 г., касающаяся гильдии цирюльников: часть денег, заработанных в определенные дни (шесть воскресений осенью и ближайшее воскресенье перед Рождеством), предписывалось раздать «среди нуждающихся и бедных мастеров вышеуказанной гильдии, которые будут в то время»³⁶. Несомненно, подобная практика существовала и в других цехах.

На профессиональных объединениях лежала еще одна обязанность — организация праздничных шествий и представлений³⁷. Не нужно думать, что это не было особенно важным. В Средние века зрелища и процессии считались делом религиозным, которое общественное мнение требовало поддерживать и исполнять. Наиболее богатые и влиятельные цехи должны были организовывать постановку одной из картин в серии театральных представлений во время праздника Тела Христова, а там, где представление не ставилось, устраивать торжественные процессии. Все это требовало значительных расходов, а значит взносов со стороны членов гильдии.

Поэтому понятно требование запретить заниматься ремеслом тем, кто не принимал участие в общих расходах. Например, ткачи Бристоля в ордонансе 1419 г. записали, что мастера и подмастерья должны идти в

³⁴ Swanson H. *Medieval Artisans...* P. 33.

³⁵ Rosser G. *The Art of Solidarity in the Middle Ages...* P. 89—118.

³⁶ LRB. VII. P. 70.

³⁷ Rosser G. *The Art of Solidarity in the Middle Ages...* P. 119.

праздничных процессиях. Те, кто будут уклоняться, обязаны заплатить штраф в 4 пенса в пользу общины и гильдии. В 1490 г. штраф за отказ от участия в процессии поднялся до 12 пенсов³⁸. Кроме того, отмечалось, что все мастера и подмастерья «должны быть участниками во всякого рода издержках и расходах, которые могут последовать в будущем на лампы и факелы на представлениях в праздники Тела Христова, Рождества Св. Иоанна Крестителя, апостолов Петра и Павла или на какие-либо другие дела, предписанные смотрителями этой гильдии»³⁹. Интересно отметить, что в данном случае мастера и подмастерья уравнивались в своих правах, а вернее сказать — в обязанностях.

Об этом же идет речь в ордонансе кожевников 1425 г., в котором мастера жалуются мэру и совету города на то, что в их гильдии находятся люди, не желающие нести общие расходы на «лампы и другие предметы» для праздничных процессий. Вопрос об этих расходах решается на общих собраниях, но указанные люди не желают на них приходить. За такое поведение кожевники просили установить штраф в 12 пенсов⁴⁰.

Какова же степень самостоятельности цеховых организаций по отношению к городским властям и насколько велик объем их прав? Были ли они совершенно независимыми организациями, издававшими постановления с целью регулирования цен, объема произведенной продукции, качества работы и т.п., имевшими над своими членами независимую юрисдикцию по вопросам ремесла? Или гильдии являлись фискальными и юридическими органами городских советов? Ответ не может быть однозначным ни в первом, ни во втором случаях, поскольку объем прав и функции менялся с течением времени и различался у гильдий.

Судя по текстам документов, большинство статуты и ордонансы XIV—XV вв., записанных в «Малой Красной Книге», составлялись самими ремесленниками, а одобрение городского совета было нужно для того, чтобы придать постановлениям обязательную силу. В этом отношении очень характерно постановление для гильдии сапожников от 1364 г. Мастера гильдии просят, «чтобы ордонансы, составленные среди них с их общего согласия, были утверждены и поддержаны мэром и добрыми людьми для сохранения навечно»⁴¹. В конце документа записано: «После чего вышеназванный мэр и добрые люди, обеспокоенные бедами, которые могут постичь названный город, если подходящие меры не будут приняты, все вышеперечисленные ордонансы поддержали и утвердили»⁴².

³⁸ LRB. V. II. P. 121, 125.

³⁹ Ibid. P. 122.

⁴⁰ Ibid. P. 145—146.

⁴¹ Ibid. P. 42.

⁴² Ibid. P. 44.

В мотивировочной части ордонанса для красильщиков от 1407 г. мастера просят: «Пожаловать вашим просителям нижеследующие постановления»⁴³. Иными словами, текст постановления был составлен заранее и только представлен мэру и городскому совету на утверждение. Завершается документ следующими словами: «И после просмотра названной петиции и вышеуказанных постановлений мэром и городским советом установлено, что все мастера названного ремесла крашения, проживающие в пределах привилегии Бристоля, должны предстать перед мэром, чтобы выслушать их постановления и решить, будут ли они согласны и дадут на них санкцию или нет»⁴⁴. А для «сохранения и поддержания их постановлений» была приложена печать мэра Бристоля. То же самое можно сказать об ордонансе сукновалов за 1406 г., в котором мастера просят «очень осмотрительный и честный совет подтвердить в отношении вышеуказанных просьб, что все их хорошие ордонансы, записанные в протокол, должны точно соблюдаться и охраняться, и должным образом приводиться в исполнение»⁴⁵.

Не стоит переоценивать самоуничжительную форму обращения к городскому совету. Например, в упоминавшемся постановлении для гильдии красильщиков записано, что к мэру и совету «обращаются названные мастера», но эта фраза переделана из «просят ваши бедные и скромные сограждане этого города»⁴⁶. А ведь гильдия красильщиков — одна из самых богатых и влиятельных в городе, многие ее члены были крупными оптовыми торговцами, членами того же самого городского совета. Подобострастные обороты в официальных обращениях были скорее традиционными формами, применявшимися средневековыми горожанами.

Приведенные документы показывают, что основная масса постановлений принималась по инициативе самих мелких производителей, объединенных в гильдии. Это позволяло им сохранять монополию в сфере производства и обеспечивать стабильный сбыт продукции. Но вовсе не значит, что муниципалитет вел себя совершенно пассивно в отношении ремесленных гильдий. Чаще всего мэру и городскому совету предоставлялось право вносить изменения в предложенные постановления. В ордонансе для ткачей 1490 г. мы читаем: «И поскольку, как мы полагаем, вышеперечисленные просьбы названных мастеров основаны на здравом смысле и чистой совести, то мы, названный мэр, шериф и городской совет с нашего общего согласия разрешили, постановили, утвердили и предписали соблюдать и сохранять в том виде и форме, как

⁴³ LRB. V. II. P. 82.

⁴⁴ Ibid. P. 87.

⁴⁵ Ibid. P. 76.

⁴⁶ Ibid. P. 81—82.

названными мастерами-ткачами выше требуется; сохраняя за собой и нашими преемниками право и власть перечисленные постановления и каждое из них отменять, дополнять или уменьшать в любое время в будущем, как нам будет удобно, во славу Бога, чести названного города и блага этой вышеназванной гильдии»⁴⁷.

Городское управление было заинтересовано в жестком контроле за ремеслом по разным причинам. От этого в значительной мере зависели поступления денег в городскую казну: все штрафы за нарушение регламентов обычно делились поровну между цехами и общиной города. Подобный контроль облегчал исполнение полицейских функций. Тем более что многие члены городского совета одновременно являлись членами ремесленных гильдий, поэтому было бы очень странно, если бы они безразлично относились к принимаемым постановлениям или не оказывали влияния при их составлении.

Конечно, реальность не всегда совпадала с постановлениями гильдий и городских советов, и не все ордонансы проводились в жизнь. Но трудно согласиться с Х. Суонсон в том, что приводимые документы не могут показать «экономическую структуру города», а скорее отражают тот порядок, «который власти желали видеть навязанным обществу»⁴⁸. Ведь принятие постановлений вызывалось какими-то определенными причинами со стороны гильдий и имело вполне определенную цель. Значит, нельзя сказать, что они не отражали экономическую реальность. Важнее разобраться, почему те или иные постановления не выполнялись, и чьи интересы при этом сталкивались.

Между различными гильдиями наблюдалась большая разница в степени самостоятельности и объеме прав. Чем многочисленнее и богаче была гильдия, тем большими правами в отношении своих членов она обладала. Ежегодно все мастера созывались на общие собрания, на которых обсуждались различные вопросы. Наиболее подробно это описано в Петиции бристольской гильдии ткачей от 1490 г., адресованной мэру и городскому совету. Из нее видно, что у ткачей было собственное помещение — “Weuers hall”, где они собирались для обсуждения «общих вопросов, касающихся добрых правил названной гильдии». Специальные люди (“wexmen”⁴⁹) отправлялись, чтобы вызвать нарушителей на общее собрание мастеров «для оправдания за их плохие дела». Гильдия имела определенные судебные права в отношении своих членов. И если какой-нибудь мастер или подмастерье «не пожелает предстать перед судом мастеров этой гильдии в их назван-

⁴⁷ LRB. V. II. P. 126.

⁴⁸ Swanson H. The Illusion of Economic Structure... P. 29.

⁴⁹ “Wexmen” — сборщики взносов на светильники в процессиях.

ном зале и дать показания в их присутствии», он должен был заплатить 12 пенсов⁵⁰.

Гильдия ткачей, как и большинство других ремесленных объединений, могла решать в своем суде мелкие споры, разбирать незначительные проступки, дела о нарушениях постановлений. В Лондоне, помимо этого, гильдия решала вопросы об «исках, вытекающих из долговых обязательств, договоров и соглашений»⁵¹. Но даже такая богатая и влиятельная гильдия не обладала независимой юрисдикцией. За городским советом и мэром признавалась вполне реальная власть, в силу которой они могли издавать постановления, обязательные для любой из гильдий. Арестованные нарушители после того, как они «оправдаются» перед судом мастеров, «забираются и представляются бейлифам названного города Бристоля и остаются у них до тех пор, пока каждый из указанных штрафов и конфискации не будут уплачены мэру города»⁵².

Некоторые ремесленные организации вовсе не имели судебной власти, и единственной их обязанностью был контроль за процессом производства и отправка нарушителей постановлений к бейлифам или мэру. Однако вряд ли всем ремесленным цехам предоставлялись лишь полицейские функции, а полнота власти над членами гильдии сосредотачивалась в руках городского управления.

На гильдейских собраниях обсуждались не только внутрицеховые, но и общегородские вопросы — организация праздников и шествий, благоустройство и охрана города, а кроме того, собирались взносы на общие нужды⁵³. На этих же собраниях выбирались должностные лица гильдии — Мастер (“Maistur”, “Meistre”), присяжные, смотрители, помощники смотрителей (в разных ремеслах должностные лица назывались по-разному). Именно они были наиболее влиятельными членами ремесленной организации. Правда, в особенно богатых цехах, в которых имущественное расслоение зашло достаточно далеко, должностных лиц выбирали уже не на общем собрании. Например, в 1389—90 гг. ткачи постановили, что «ежегодно четыре олдермена будут избираться двенадцатью наиболее достойными людьми названной гильдии» в качестве смотрителей за исполнением принятых ордонансов⁵⁴.

Во всех гильдиях должностные лица избирались из наиболее уважаемых людей, а затем их утверждал мэр. Очень подробно данная процедура записана у сукновалов и кожевников. В 1406 г. в Ордонансе сукновалов сказано: «Четыре прюдома (prodehommes) названного ремесла

⁵⁰ LRB. V. II. P. 124—125.

⁵¹ Эшли У.Дж. Экономическая история Англии... С. 96.

⁵² LRB. V. II. P. 125—126.

⁵³ Ibid. P. 115, 117, 144.

⁵⁴ Ibid. P. 56—60.

должны каждый год избираться из них и, присягнув перед мэром, обнаруживать все виды нарушений, которые в будущем могут быть совершены в названном ремесле»⁵⁵. А кожевники в 1408 г. записали: «Два мастера гильдии будут ежегодно избираться общим собранием мастеров названного ремесла в городе Бристоле, а их имена передаваться мэру Бристоля <...>, и после этого они должны присягнуть на Святом Евангелии...»⁵⁶.

Обязанности этих должностных лиц, которые они исполняли в течение года, были обширными и достаточно обременительными: они осуществляли контроль за производством и продажей, за наймом подмастерьев и учеников, решали споры между мастерами, следили за общественной нравственностью. О повседневных обязанностях смотрителей (присяжных) есть сведения во многих постановлениях: в 1406 г. сукновалы постановили, что их смотрители должны «дважды в неделю проверять каждый дом названного цеха»; в 1415 г. дубильщики записали: мастер и два смотрителя «должны делать проверки каждую неделю так часто, как будет нужно», такие же обязанности имелись у приставов цеха ткачей⁵⁷.

К концу XIV в. права присяжных были уже очень велики. Прежде всего, без их согласия ни один мастер не мог нанять подмастерье или работника, об этом почти в одних и тех же выражениях говорится в постановлениях красильщиков, кожевников, ткачей. В 1407 г. красильщики записали: «Никакой слуга или ученик названного ремесла отныне не будет допускаться к свободам Бристоля, чтобы стать полноправным бюргером и заниматься названным ремеслом, если только не будет засвидетельствовано в суде перед мэром названными двумя мастерами, что они являются умелыми и хорошо обученными указанному ремеслу»⁵⁸. В следующем году кожевники повторили это постановление⁵⁹. Ткачи в 1490 г. добавили к профессиональной проверке удостоверение в добропорядочности, которое должны давать присяжные: «Отныне ни один человек не будет допущен к работе ткачей узкого сукна или заниматься этим ремеслом до того, как он будет экзаменован мастерами названной гильдии ткачей, которые будут в то время, и он будет представлен мэру и казначею города <...> как обладающий навыками и [человек] доброго и законного состояния»⁶⁰.

Присяжные определяли и заработную плату, которая полагалась работникам. И хотя обычно этот вопрос оговаривался в ордонансах раз-

⁵⁵ LRB. V. II. P. 76.

⁵⁶ Ibid. P. 103.

⁵⁷ Ibid. P. 76—77, 114.

⁵⁸ Ibid. P. 84.

⁵⁹ Ibid. P. 104.

⁶⁰ Ibid. P. 125.

ных гильдий, сукновалы в 1381 г. постановили: «Если кто-либо, не являющийся членом этой гильдии, придет в город, чтобы работать в его пределах, то он должен получать свою плату по усмотрению инспекторов (*sougueiours*) гильдии»⁶¹. У тех же сукновалов смотрители имели право «наказывать слуг и работников (*seruantz et laborers*) этого ремесла в пределах привилегии Бристоля»⁶². В данном постановлении сделана оговорка, что если рабочие и слуги будут упорными, названные четыре мастера имеют право арестовать их и представить перед мэром для дачи показаний. Правом проводить аресты и конфискации имущества обладали и смотрители гильдии ткачей. В 1490 г. в постановлении гильдии, утвержденном мэром и советом, было записано, что смотрители имеют право «взимать указанные штрафы и производить конфискации в виде наложения ареста на имущество или же ареста каждого человека, виновного в этом»⁶³. За сопротивление указанным мастерам полагался штраф в 6 ш. 8 п., который делился между бейлифами города и гильдией.

Вероятно, смотрители иногда злоупотребляли своими правами. Так, ткачи в 1389/90 г. записали, что четыре олдермена должны передавать на рассмотрение мэру все нарушения «без какого-либо утаивания или изъятия...», а у дубильщиков в постановлении 1415 г. сделана оговорка, что «названные лица должны исполнять свои обязанности без какого-либо обмана, тайного сговора или присвоения чужого имущества»⁶⁴.

Судя по всему, выбранные смотрителями мастера не всегда добросовестно относились к делу. Так, в 1407 г. красильщики отмечали: «И в том случае, когда названные два мастера после их присяги окажутся не радивыми в исполнении своих обязанностей <...>, они будут наказаны и оштрафованы согласно приговору мэра...»⁶⁵. Дубильщики в 1415 г. также записали, что если их смотрители проявят «небрежность в исполнении своей службы и поиске», то заплатят штраф в 40 пенсов⁶⁶.

Как выясняется из ордонансов, далеко не все мастера желали, чтобы их избирали на какие-то должности. Например, у кожевников и сапожников в 1408 г. записано: «И если будет так, что названные мастера или один из них откажутся от своего избрания, тогда они или он должны подвернуться штрафу в 13 ш. 4 пенса». То же самое говорится в постановлении дубильщиков 1415 г. об избрании мастера и двух смотрителей⁶⁷. Кажется странным, что имея такие большие возможности влиять

⁶¹ LRB. V. II. P. 16.

⁶² Ibid. P. 76—78.

⁶³ Ibid. P. 125—126.

⁶⁴ Ibid. P. 61, 113.

⁶⁵ Ibid. P. 84.

⁶⁶ Ibid. P. 113.

⁶⁷ Ibid. P. 104, 113.

на дела в своей гильдии, мастера не очень охотно соглашались занимать выборные должности. Однако нужно учитывать, что эти должности были почетными, но достаточно обременительными; выполнение обязанностей отнимало много времени, а забрасывать свои дела на целый год мастера не могли, да и не желали. Тем более что в течение года, пока они находились на выборной должности, никакого постоянного жалования мастера не получали, им полагалась только часть штрафов за обнаруженные нарушения. Например, у красильщиков в 1407 г. было установлено, что «названные мастера должны иметь за их работу третью часть штрафа в 20 шиллингов»⁶⁸.

Доля штрафа, отходящая зрителям, в разное время и в разных гильдиях была неодинаковой. У ткачей в 1346 г. мэр получал 5 ш. 1 п., а олдермен — 40 п.; у сукновалов в 1381 г. 40 пенсов делились поровну между общиной и «контролерами сукна» (*sourqueours de drap*) или за другой проступок полмарки — общине и 40 п. зрителям и т.д.⁶⁹ Совмещать свои и общественные интересы — довольно трудно, поэтому, например, оловянщики в 1457 г. записали: «Будет правильным для каждого Мастера (*Maistur*) <...>, когда он покинет город по своим законным делам, оставить на время своего отсутствия заместителя, доброго человека названного ремесла...»⁷⁰. Постепенно главные должности в цеховом управлении перешли к богатым мастерам, которые сами не были заняты в производстве, а обеспечивали работой обедневших членов гильдии.

К XIV в. в английском ремесле складывается институт ученичества (упоминание об учениках можно встретить в ордонансах ткачей, сукновалов, красильщиков, дубильщиков, кожевников, парикмахеров, бондарей), но на протяжении двух столетий в нем не существовало каких-либо жестких правил. Большинство ордонансов XIV—XV вв. оговаривают в качестве замены ученичества удостоверение высокой квалификации подмастерья должностными лицами гильдий. Об этом говорится в цитированном выше ордонансе красильщиков от 1407 г., подтвержденном в 1439 г.⁷¹ В постановлении кожевников и сапожников 1408 г. почти в тех же словах повторяется распоряжение красильщиков. Как уже отмечалось, в 1490 г. ткачи тоже записали, что «ни один человек не будет допущен к работе ткачей узкого сукна или к занятию этим ремеслом до того, как его экзаменуют мастера названной гильдии ткачей, которые будут в то время»⁷².

⁶⁸ LRB. V. II. P. 86.

⁶⁹ Ibid. P. 2, 8, 16.

⁷⁰ Ibid. P. 185.

⁷¹ Ibid. P. 171—172.

⁷² Ibid. P. 104, 125.

Очень интересная оговорка содержится в постановлении дубильщиков, изданном после 1415 г.: «Если какой-нибудь человек, который не был учеником названного ремесла дубильщиков, занимается своим ремеслом, в котором он прошел ученичество, и в то же время занимается ремеслом дубильщика, смотря по тому, как соглашение это допускает, то тогда он не должен платить какой-либо сбор в пользу гильдии дубильщиков, а [лишь] гильдии, в которой он был обучен, но хозяин слуги гильдии дубильщиков пусть заплатит все вышеназванные пошлины и сборы»⁷³. Запись любопытна тем, что констатирует существование у дубильщиков института ученичества, но в то же время показывает, что без него вполне обходились. В XV в. у двух гильдий — парикмахеров и бондарей — появилось требование обязательности ученичества. Думается, это было связано с процессом замыкания цеха, о чем еще предстоит сказать.

Таким образом, можно поставить вопрос о том, насколько обязательным было прохождение ученичества в бристольских ремесленных гильдиях в XIV—XV вв. На него нельзя дать однозначный ответ. Вероятно, для получения звания мастера в ряде цехов следовало пройти стадию ученичества. Только обученный всем тонкостям ремесла ученик мог рассчитывать стать самостоятельным хозяином, занять руководящее положение в гильдии или даже в городском управлении.

Хотя во многих гильдиях звание мастера, видимо, покупалось. В 1366/67 г. городской совет Бристоля постановил, что люди, не являющиеся бюргерами, могут быть допущены к привилегиям города и получить право заниматься торговлей или ремеслом, если заплатят 10 фунтов. В этом же документе отмечено: тот, кто прошел ученичество и имеет хорошие рекомендации от своего мастера или других достойных доверия людей, будет допущен к свободам города без какой-либо платы⁷⁴.

Выше уже шла речь о том, что у ткачей, красильщиков и кожевников допущение к свободам города происходило одновременно с принятием в цех, и наоборот. Но не случайно отмечено, что мэр «имеет власть и право» сделать бюргером любого человека, следовательно, и звание мастера можно получить по решению городских властей. Вопрос о том, кто стремился стать мастером, не обладая в полном объеме навыками ремесла, требует особого рассмотрения. Сейчас мы касаемся лишь проблемы обязательности или необязательности ученичества. Тот факт, что большинство гильдий в XIV—XV вв. не требует от слуг и работников проходить стадию ученичества, говорит о многом. Замена

⁷³ LRB. V. II. P. 117.

⁷⁴ Ibid. P. 47—49.

ученичества проверкой профессионального уровня подмастерья свидетельствует о возникновении определенного слоя людей, которые были обречены всю жизнь работать по найму. Ни в одном из постановлений не сказано, что проверка «знаний и умений» производится для получения звания мастера, а лишь для предоставления права заниматься тем или иным ремеслом. Заранее допускается тот факт, что определенное количество ремесленников никогда не станет мастерами.

В документах XIV—XV вв., как правило, нигде не оговариваются условия приема учеников — не определяется плата за обучение, способность мастера предоставить ученику надлежащие условия жизни и учебы. Например, для статуты парижских ремесленных цехов XIII в. обычными являются положения, о которых договариваются изготовители железных пряжек: «Никто не должен брать учеников, если он недостаточно благоразумен и обеспечен, чтобы мог их обучить, воспитать и поддерживать в течение всего срока, иначе дети теряют зря время, а определяющие их [в учение] добрые люди — свои деньги <...> Никто не должен продавать своего ученика, если он не уходит за море, или не лежит больной, или не оставил ремесла совсем <...> Если кто-либо из изготовителей железных пряжек продает своего ученика по этой причине, он не может иметь [другого] ученика, пока первый не доработает до конца своего последнего года; а тот, кто покупает, если он имеет другого ученика не может купить до той поры, пока его ученик будет обучаться...»⁷⁵.

К бристольским мастерам, бравшим учеников, не предъявляли даже такого минимального требования, которое мы встречаем в XIV в. у лондонских изготовителей головных уборов: «Никто из ремесленников не должен брать ученика, если только этот ремесленник не является фрименом этого города»⁷⁶. Лишь у ткачей в Бристоле в 1490 г. находим такую запись: ни один ткач «не должен обучать какого-либо ученика или подмастерья какому-нибудь секрету, относящемуся к названному ремеслу ткачей, прежде чем этот самый ученик или подмастерье не будет связан с этим бюргером договором между ними, заключенным и зарегистрированным городским клерком»⁷⁷.

Срок пребывания в учениках в XIV в. определялся обычно в каждом случае особо. Ни в одном из ордонансов в рассматриваемое время об этом нет речи, и единственное замечание о сроках ученичества содержится в письме от 1350 г. мэра и олдерменов Лондона своим коллегам в Бристоле. Правда, в нем идет речь об ученике-бристольце у

⁷⁵ Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние века. М., 1957. Вып. X. С. 331.

⁷⁶ Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1949. Т. 59. Вып. 3. С. 60.

⁷⁷ LRB. V. II. P. 125.

мастера-лондонца, о профессии которого ничего не сказано. Мастер, к которому поступил ученик, умер, а его жена вновь вышла замуж, поэтому ученик бросил работу и ушел в Бристоль. Мэр и олдермены Лондона требуют, чтобы ученик вернулся, т.к. договор был заключен на 10 лет⁷⁸.

В упоминавшемся постановлении городского совета Бристоля от 1366—67 гг. записано, что получить доступ к городским свободам можно было либо уплатив 10 ф., либо пройдя ученичество в течение семи лет. В гильдейских статутах срок обучения начинает оговариваться лишь с XV в. Первое упоминание мы находим у сукновалов между 1414 и 1425 гг.: «Ни один мастер названной гильдии отныне не будет брать ученика в это ремесло меньше, чем на семь лет»⁷⁹. Штраф за нарушение определен очень большой — 26 ш. 8 п. У парикмахеров в 1439 г. существовало постановление, по которому нельзя было нанимать слугу, если он не прошел семилетнего обучения. Об этом же говорится в постановлении бондарей 1439 г. — заниматься ремеслом можно только тем, кто изучал его в течение семи лет⁸⁰.

В бристольских документах вовсе нет той скрупулезности и разнообразия при определении сроков ученичества, с которой мы встречаемся во французских или немецких цехах. Из регистров парижских цехов узнаем, что ювелиры требовали обучения в течение 10 лет, веревочники — 4 и больше, изготовители сундуков и замков к ним — от 7 до 8, изготовители железных пряжек — от 8 до 10, изготовители гвоздей — от 6 до 8 лет и т.д. В Бристоле, как и в других английских городах, в XV в. обычным сроком для прохождения ученичества в разных гильдиях независимо от сложности ремесла становятся семь лет. Конечно, обучиться многим профессиям можно было и за более короткое время, и такое единообразие говорит о том, что самостоятельные ремесленники, прежде всего, заботились об ограничении конкуренции, а уже потом о качестве обучения. Кроме того, в течение нескольких лет мастер мог пользоваться бесплатным трудом уже квалифицированного работника.

Такая категория, как подмастерье, в английских цехах тоже появляется к началу XIV в. Рассмотрение положения подмастерьев сталкивается с известными трудностями из-за его двойственности. С одной стороны, подмастерье может со временем стать мастером (или не стать), а с другой, — он работает за определенную плату на хозяина. И в этом качестве он — наемный работник. Грань между указанными категориями в XIV—XV вв. была достаточно размытой.

⁷⁸ Calendar of Letters... P. 11—12.

⁷⁹ LRB. V. II. P. 142.

⁸⁰ Ibid. P. 156, 163.

В ордонансах эта категория ремесленников имеет разные названия — “seruauntz”, “serviencium”, “yeomen”, “iornemen”, “covenanthyne”, “werkemen”, хотя чаще всего таких работников именуют «слугами» (“servaunt”). Правило, по которому обученный ученик должен был какое-то время работать подмастерьем, прежде чем стать мастером, не являлся обязательным. Но в XIV в. во всех гильдиях упоминаются люди, которые не были ни учениками, отданными мастеру в обучение на определенное время, ни самостоятельными мастерами, а чем-то средним между ними.

К концу XIV в. начинают выработываться правила, регулировавшие поступление подмастерья на работу. Они во многом напоминали правила, существовавшие у флорентийских сукноделов⁸¹. Во всех бристольских гильдиях мастера требуют, чтобы поступление на работу оформлялось договором — это гарантировало, что работник не уйдет от хозяина раньше срока. Проблема рабочей силы в ремесленном производстве стояла очень остро. В 1389/90 г. ткачи постановили, что «никто в названной гильдии не будет нанимать какого-нибудь слугу, если договор не заключен на целый год»⁸². У сукновалов подобное постановление появилось между 1414 и 1425 гг.: «Ни один мастер названной гильдии не возьмет подмастерья-чужеземца, обучавшегося этому ремеслу, служить ему по договору свыше 15 дней, кроме как на целый год»⁸³. Парикмахеры в 1439 г. тоже запрещают нанимать слугу меньше, чем на год, и требуют заключать при этом договор⁸⁴. Некоторую уступку делают мастера гильдии кузнецов — они запрещают нанимать слугу, «если он не заключит соглашения на год или полгода по крайней мере»⁸⁵.

С целью защитить интересы мастеров в ордонансах кроме сроков оговариваются и другие условия приема на работы. В 1346 г. сукновалы постановили, что если какой-либо работник (“ouerour”) нанесет материальный ущерб своему мастеру или совершит против него какой-то проступок, то он должен возместить убытки. И «никакой другой мастер не должен нанимать работника, который нанес ущерб своему мастеру таким способом, до тех пор, пока он не даст возмещения своему мастеру»⁸⁶.

Поскольку за нарушение постановления штраф налагается на мастера, то само появление такого документа свидетельствует, что меж-

⁸¹ Брагина Л.М. Флорентийское сукноделие в XV в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 107.

⁸² LRB. V. II. P. 59—60.

⁸³ Ibid. P. 143.

⁸⁴ Ibid. P. 154.

⁸⁵ Ibid. P. 183.

⁸⁶ Ibid. P. 13.

ду мастерами шла борьба за рабочие руки. Проблема была настолько острой, что нашла отражение в общегосударственном законодательстве. В 1376/77 г. палатой общин представлен в парламенте «Билль о рабочих», в котором говорилось: «И самая большая беда — это прием названных беглых рабочих и слуг; когда они убегают от службы у своих хозяев, их тотчас же принимают на службу в чужих местах за такую дорогую плату, что этот прием дает пример и поощрение всем слугам, как только им что-либо не понравится, бежать в чужие места от хозяина к хозяину, как сказано выше»⁸⁷.

Бристольские ткачи в самом конце XIV в. постановили, что «ни один мастер названной гильдии не будет нанимать или предоставлять работу какому-нибудь слуге, против которого возбужден иск или который состоит в соглашении с каким-нибудь другим лицом»⁸⁸. Эти правила существовали и в других городах. В 1389 г. лондонские литейщики записали в своем постановлении, что если подмастерье находится в ссоре со своим мастером по какой-то причине, то он не должен наниматься на работу другими мастерами до тех пор, пока спор не будет решен. В 1416 г. такую же позицию заняли лондонские медники⁸⁹.

В ордонансах гильдий иногда оговариваются и условия работы подмастерьев. Например, сукновалы в 1406 г. записали: «Слуги должны приступать к делу и подниматься к их названной работе так же хорошо ночью, как и днем в течение всего года, как было обычно в старое время»⁹⁰. Интересно отметить, что (судя по этому постановлению) ночная работа у сукновалов не была запрещена. Некоторые сведения о положении подмастерьев можно найти в постановлении кожевников и сапожников 1408 г.: «Поскольку до этого времени различные слуги названной гильдии оставляли работу у своих мастеров без их позволения или разрешения, развлекаясь на улицах в течение двух или трех дней в неделю к большому ущербу названных мастеров, поэтому ни один такой слуга не должен покидать свою работу с начала до конца недели без разрешения или разумной причины...»⁹¹.

Возможно, у мастеров были реальные основания для недовольства, т.к. сходные жалобы мы встречаем в разных городах. Лондонские булочники в 1441 г. утверждали, что слуги их гильдии имеют «помещение для пирушек (*reveling hall*) и пьют там, из-за чего многие из них на следую-

⁸⁷ Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера. М.;Л., 1935. С. 127.

⁸⁸ LRB. V. II. P. 60.

⁸⁹ *Riley Th. Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV centuries.* L., 1868. P. 514, 626.

⁹⁰ LRB. V. II. P. 78.

⁹¹ *Ibid.* P. 107.

ший день не способны хорошо работать»⁹². В 1490 г. башмачники Норича жаловались, что их подмастерья склонны к праздности и разгулу, и еженедельно в отдельные дни бросают работу ради развлечений⁹³.

В отличие от ученика, который помогал в работе своему мастеру бесплатно, подмастерье работал за плату. В большинстве гильдий она определялась королевскими ордонансами (т.н. рабочее законодательство) и должностными лицами цехов. В «Ордонансе о рабочих и слугах» 1349 г. ремесленникам (седельщикам, скорнякам, кожевникам, сапожникам, портным, кузнецам, плотникам, каменщикам, корабельным мастерам и другим) разрешалось получать плату не больше той, которую им давали в двадцатый год правления Эдуарда III. В 1350/51 г. в «Статуте о рабочих» расценки были конкретизированы: мастер-плотник мог получать 3, а его подручный — 2 пенса в день, мастер-каменщик — 4 пенса, кровельщик — 3 пенса⁹⁴. Опираясь на решения короля и парламента, ремесленные гильдии издавали свои постановления. Например, сукновалы Бристоля принимали решение по этому вопросу в 1346, 1381, 1406 гг. За разные операции работник мог получить от 3 до 6 пенсов в день. Причем, если с 1346 до 1381 гг. наблюдалось значительное увеличение — в одном случае с 3 до 6 пенсов, в другом с 2 до 3—4 пенсов, то с 1381 по 1406 гг. никакого увеличения не было⁹⁵. Вероятно, это связано с разгромом восстания Уота Тайлера, когда наниматели рабочих и в деревне, и в городе почувствовали себя намного увереннее. Сказывалось, видимо, и улучшение демографической ситуации по сравнению с серединой XIV в. — рабочих рук стало больше.

Очень подробно оговаривают размер оплаты кожевники и сапожники. В 1408 г. за изготовление дюжины ботинок и туфель полагалось 12 п., за шитье дюжины туфель “Courseware” — 7 п., за отделку дюжины туфель — 1,5 п., за раскрой дюжины туфель — 2 пенса⁹⁶. Подробные расценки встречаются и в ордонансах портных, пекарей и пр.

В других английских городах тоже существовали твердые расценки оплаты. В Колчестере в конце XIV в. за сотканый кусок ткани в 10 элей ткачу платили 4 ш.⁹⁷ Подмастерью, работавшему на станке вместе с мастером, платили 1/3 стоимости сотканного сукна, т.е. по расценкам Колчестера 16 пенсов. В Йорке существовал тот же тариф⁹⁸. За день

⁹² *Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 399.*

⁹³ Там же.

⁹⁴ Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера. С. 117, 120—121.

⁹⁵ LRB. V. II. P. 12, 15, 78.

⁹⁶ Ibid. P. 105.

⁹⁷ *Britnel R.H. Growth and Decline in Colchester, 1300—1525. Cambridge, 1986. P. 61.* Эль (“ell” — локоть) равен 45 дюймам.

⁹⁸ *Swanson H. Medieval Artisans... P. 34.*

ткач мог соткать 1—1,5 эля сукна, т.е. заработать 6,58 пенсов, из них подмастерье получал 2—2,5 пенса⁹⁹.

Иногда подмастерье часть платы получал ремесленными изделиями, о чем свидетельствует запись в ордонансе сапожников Бристоля от 1364 г. Мастера постановили, что кроме недельного содержания в конце года подмастерье должен получить 8 пар туфель¹⁰⁰. В конце года за добросовестную работу мастер мог дать слуге определенный «подарок», но это тоже оговаривалось заранее и официально. Например, кожевники и сапожники в конце года могли дать старшему слуге 20 п. и не больше¹⁰¹.

Установление строго определенной заработной платы подмастерьям необходимо было для того, чтобы предотвратить переманивание мастерами работников. То, что такое переманивание — достаточно распространено, можно понять из постановления кожевников. В 1408 г. они записали: «И поскольку указано, что жены мастеров вышеназванной гильдии тайно давали и обещали их слугам определенные любезности и подарки сверх договора, из-за чего названные мастера терпели значительный ущерб, по какой причине устанавливается, что ни названные мастера, ни их жены, ни кто-нибудь другой в их семьях отныне не будет обещать или не будет принуждать обещать или давать какому-либо слуге тайно или открыто больше, чем выше установлено»¹⁰².

Чтобы дать представление о том, насколько велика или мала была заработная плата подмастерьев, можно привести цены на некоторые предметы и продукты в XIV—XV вв. В первой половине XIV в. в Бристолле галлон лучшего пива стоил 3 полпенса, а слабого — 1 пенс, две булки продавались за 1 пенс, жареный гусь должен был продаваться не дороже 4 пенсов¹⁰³. В первый год «Черной смерти» (1348 г.) цены резко упали, но уже на следующий год они начали расти. В результате, если в 1348/49 г. курица стоила 1 п., то к 1390 г. цена ее поднялась до 1 ш. 1,5 п., цена овцы за это же время выросла с 2 п. до 8 ш. 0,5 пенса¹⁰⁴.

На заработную плату в 3—4 пенса подмастерье в лучшем случае мог прокормиться, но даже обычные предметы домашнего обихода были для него слишком дороги. Данный вывод следует из описи имущества горожан Колчестера, проведенной в 1301 г. по распоряжению парламента. Медный или латунный горшок оценивался от 1 до 3 ш., кровать — от

⁹⁹ Swanson H. Medieval Artisans... P. 34.

¹⁰⁰LRB. V. II. P. 43.

¹⁰¹Ibid. P. 105.

¹⁰²Ibid. P. 106.

¹⁰³Ibid. P. 222—227.

¹⁰⁴Кириллова А.А. Рабочее законодательство в английском городе XIV—XV вв. (1350—1450 гг.) // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1969. № 294. С. 124—125.

3 до 6 шиллингов¹⁰⁵. Вряд ли можно было рассчитывать, что подмастерье способен накопить достаточную сумму, чтобы приобрести орудия труда, сырье, нанять помещение и стать самостоятельным мастером. Ведь самые обычные орудия труда, например, у ткача обошлись бы довольно дорого — в 1413 г. два ткацких станка с инструментами к ним стоили 32 ш., даже инструменты оловянщика в XV в. — 30 шиллингов¹⁰⁶. Но еще дороже — сырье для производства. В завещании йоркского портного Джона Картера, умершего в 1485 г., записано, что оборудование в его мастерской стоило 11 ш., а запасы ткани оценивались в 28 ф. 8 ш. 9 пенсов¹⁰⁷. Учитывая это, «Рабочее законодательство» и цеховые статуты, устанавливавшие фиксированную заработную плату, закрывали для подмастерьев всякую перспективу улучшить свое положение — существовавшие расценки низводили их до уровня нищеты.

Думается, подобная практика не устраивала подмастерьев. Из запрещений принимать на работу слуг, связанных договором с другим мастером, можно понять, что они пытались искать более выгодные условия найма. Период после «Черной смерти» был наиболее благоприятным для улучшения положения подмастерьев, о чем свидетельствует повышение их оплаты у сукновалов в период с 1346 по 1381 г. Перед нами еще одна причина, по которой мастера стремились установить твердые тарифы оплаты.

Почти на протяжении ста лет вопрос о заработной плате оставался очень болезненным. В 1408 г. мастера-кожевники Бристоля жаловались в городской совет, что они «почти доведены до нищеты чрезмерными требованиями их слуг, которые не желают обслуживать названное ремесло, пока не получают слишком чрезмерную и излишнюю плату вопреки статуту нашего господина короля и обычаям названного города»¹⁰⁸. Определение заработной платы как «чрезмерной» и «излишней» является почти дословным воспроизведением текста «Статута о рабочих» 1388 г.: «...Слуги и рабочие не хотят и долгое время не хотели служить и работать без огромной и чрезмерной платы...»¹⁰⁹. Вряд ли это можно отнести к последствиям чумы, поскольку к началу XV в. демографическая ситуация в Англии уже стабилизировалась. Но цены на предметы первой необходимости неуклонно росли, а заработную плату пытались удержать на уровне 1347 г.

Иногда подмастерья открыто проявляли недовольство, в связи с чем сукновалы в 1406 г. отмечали: «Если названные работники бу-

¹⁰⁵Rotuli Parliamentorum ut et petitiones et placita in Parlamento... V. I. P. 228—259.

¹⁰⁶Swanson H. Medieval Artisans... P. 129.

¹⁰⁷Ibid.

¹⁰⁸LRB. V. II. P. 102.

¹⁰⁹Английская деревня XIII—XIV вв. С. 132.

дут мятежными или упорными (*are rebellious or factious*) и по злобе своей не захотят работать, тогда названные четыре мастера должны иметь власть арестовать их и представить перед мэром в суд Гилдхолла названного города, чтобы здесь объясниться согласно закону и справедливости»¹¹⁰. Поскольку это замечание сделано сразу после того, как определены расценки оплаты за работу, то ясно, в чем будут проявлять работники «мятежность и упорство».

В каждом конкретном случае достаточно трудно определить, чем были вызваны споры о заработной плате: тем ли, что подмастерья отказывались служить по старым расценкам, или тем, что мастера пытались заставить своих работников принимать меньшую плату, чем прежде. Э. Липсон приводит несколько свидетельств о борьбе мастеров и подмастерьев по данному вопросу. Два случая показывают, что подмастерья добились определенных успехов. В 1350 г. ворсовщики Лондона подали жалобу в городской совет, в которой указали, что были вынуждены поднять плату своим работникам. Раньше они имели обыкновение нанимать их по следующим расценкам (в добавление к питанию): от Рождества до Пасхи — 3 пенса в день; от Пасхи до праздника Св. Иоанна (24 июня) — 4 пенса; от дня Св. Иоанна до праздника Св. Варфоломея (14 августа) — 3 пенса; от дня Св. Варфоломея до Рождества — 4 пенса. Но, как отмечали мастера, работники теперь выступали за сотрудничество на условиях сдельной оплаты, «и поэтому исполняют работу так торопливо, что приносят большой ущерб людям, которым принадлежат эти сукна; по этой причине мастера в названном ремесле подвергаются большим упрекам и оскорблениям и получают меньше, чем они имели обыкновение»¹¹¹. Мастера даже просили постановить, чтобы их слуги работали «согласно старым обычаям» и довольствовались платой, которую они получали прежде.

Во втором случае шорники в 1396 г. жаловались, что их подмастерья подняли расценки за свою работу так высоко, что если раньше мастера могли нанимать работников за 40 ш. или 5 марок в год (с питанием), то теперь они вынуждены платить 10—12 марок или даже 10 ф. в год¹¹².

Но гораздо чаще в защите нуждались подмастерья. Например, в начале XV в. расценки оплаты, установленные мастерами-кожевниками в Йорке, были настолько низкими, а отношения между мастерами и подмастерьями — плохими, что в 20-е гг. городской совет оказался вынужден вмешаться на стороне подмастерьев и поднять их оплату вопреки сопротивлению мастеров¹¹³. Когда в 1424 г. жалобы ткачей Ковентри

¹¹⁰LRB. V. II. P. 78.

¹¹¹Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 395.

¹¹²Ibid.

¹¹³Swanson H. Medieval Artisans... P. 114.

были переданы третьей стороне, то выяснилось, что подмастерья получали лишь третью часть от принятой прежде платы. В Честере мастера строительных специальностей платили своим работникам такую заработную плату, «что они не могли жить на нее». Мастерам было предписано «давать по прошествии времени такую заработную плату, которая будет установлена мэром»¹¹⁴.

Чтобы отстаивать свои интересы и воздействовать на мастеров, подмастерья прибегали к такому способу, как забастовка. Мы встречаемся с этим явлением уже в XIV в. В 1350 г. мастера-«shearmen»¹¹⁵ в Лондоне жаловались, что если какой-нибудь спор возникал между мастером и его работником, то все другие работники этого ремесла в пределах города вступали в заговор, «что ни один из них не будет работать или служить своему собственному мастеру до тех пор, пока названный мастер, его слуга или работник не придут к соглашению; по какой причине мастера названного ремесла находятся в большой тревоге, и люди остаются не обслуженными»¹¹⁶. Сходную жалобу о настроениях, преобладавших среди их работников, подали ткачи Лондона в 1362 г.¹¹⁷

Вполне вероятно, что подмастерья бристольских сукновалов в 1406 г. прибегли к такой же форме борьбы, из-за чего мастера называли их «мятежными» и не желающими работать «по злобе своей». Те подмастерья, которые отказывались вступать в «заговор», подвергались не только осуждению со стороны других подмастерьев, но им грозила и физическая расправа. В 1387 г. один из лондонских подмастерьев-кожевников за отказ присоединиться к союзу был избит так, что «с трудом спас свою жизнь»¹¹⁸.

Для защиты своих интересов подмастерья создавали собственные профессиональные организации. Специалисты, изучавшие развитие ремесла в Германии и Франции, давно обратили внимание на «братства» и «компаньонажи» среди подмастерьев¹¹⁹. О существовании подобных объединений в английском средневековом городе в свое время писал У.Дж. Эшли. Для XIV—XV вв. по имеющимся в то время источникам он отмечал наличие семи братств подмастерьев в Лондоне (из них два — суконщиков и торговцев железом, образовавшихся в 90-е гг. XV в., собственно говоря, к ремесленникам нельзя отнести) и одно братство в Ковентри. Еще семь, которые он упоминает, возникли

¹¹⁴Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 395—396.

¹¹⁵«Shearman» — человек, обрабатывающий сукно, состригая ворс.

¹¹⁶Riley Th. Memorials of London... P. 247.

¹¹⁷Ibid. P. 307.

¹¹⁸Ibid. P. 495.

¹¹⁹Стоклицкая-Терешкович В.В. Основные проблемы истории средневекового города. С. 218—230.

в XVI в. В том числе У.Дж. Эшли отмечает братство подмастерьев-портных в Бристоле, появившееся в 1570 г.¹²⁰

Однако в источниках мы находим сведения о существовании организации подмастерьев кожевников, существовавшей уже в 1429 г. В этом году было составлено обращение гильдии слуг кожевников ("mestier dez seruauntz du Coruesours"). В своем обращении к мэру и совету города по поводу организации религиозных праздников смотрители и инспекторы гильдии слуг кожевников отмечают, что подмастерья «прежде пользовались правом иметь свою лампу на празднике Тела Христова, зажигавшуюся в общей процессии в честь причастия...»¹²¹. В обращении упоминаются собрания подмастерьев и взносы, которые они делают на общие нужды. Так же, как и у мастеров, отказ от участия в общих процессиях и расходах наказывался штрафом, только мастера в этом случае платили 12 п., а подмастерья — 8 пенсов. В обращении интересно замечание, что просители «прежде пользовались правом...», т.е. объединение возникло раньше 1429 г., когда был составлен документ.

По мнению Э. Липсона, гильдии подмастерьев в XV в. были широко распространены. Он находит следы их существования в Лондоне, Бристоле, Беверли, Ковентри, Эксетере, Херефорде, Гулле, Лейстере, Нортгемптоне, Оксфорде и Йорке¹²². Х. Суонсон отмечает, что к началу XV в. есть свидетельства о существовании братств подмастерьев у портных и башмачников Йорка. Подмастерьям портных разрешалось собираться только с позволения смотрителей гильдии. Ситуация с братством подмастерьев у башмачников была более драматичной. В начале XV в. мастера обвиняли своих подмастерьев в том, что они собираются на незаконные сборища и вовлекают в деятельность вновь прибывших работников. Подобные собрания оказались под запретом, и какие-либо представители от подмастерьев, которых могли избрать, должны были получать одобрение со стороны мастеров гильдии¹²³.

Официальным поводом для создания организации подмастерьев были религиозные дела и взаимопомощь. До тех пор, пока функции таких объединений оставались чисто социальными и религиозными и не вызывали тревогу у руководства ремесленных гильдий, они почти не находили отражения в источниках. Но, конечно, очень скоро эти братства стали бороться за улучшение экономического положения своих членов. Не случайно именно мастера гильдии кожевников Бристоля жаловались в 1408 г. в городской совет на то, что они «почти доведены

¹²⁰ Эшли У.Дж. Экономическая история Англии... С. 387.

¹²¹ LRB. V. II. P. 148—149.

¹²² Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 402.

¹²³ Swanson H. Medieval Artisans... P. 115.

до нищеты чрезмерными требованиями их слуг...»¹²⁴. Нельзя утверждать, что в это время братство подмастерьев данного ремесла уже существовало, однако очевидно — слуги кожевников были организованы лучше других, потому что больше ни одна гильдия не подавала в совет жалобы на своих подмастерьев. Чем дальше, тем больше мастера рассматривали гильдии подмастерьев как союзы, образованные для борьбы за повышение заработной платы. Так, в Йорке в 1430 г. мастера жаловались, что поскольку они платят работникам «согласно установившемуся обычаю и старинной норме», подмастерья организовали незаконный союз специально, чтобы устанавливать заработную плату. В 1441 г. лондонские пекари также заявляли, что их слуги имеют братство и ливрею, и требуют более высокую плату, «чем они желали иметь в старое время»¹²⁵.

Как же складывались отношения между ремесленными гильдиями и объединениями подмастерьев? Как правило, и руководство ремесленными гильдиями, и городские власти были настроены враждебно к организациям подмастерьев. То, что советы с подозрением относились к организациям подмастерьев, не удивительно. Ведь членами городских советов были те же мастера, чьи подмастерья стремились объединиться для защиты своих интересов. Негативное отношение к гильдиям подмастерьев особенно наглядно проявлялось в Лондоне. Здесь еще в 1303 г. подмастерьям и работникам кожевников и других ремесленников под угрозой тюремного заключения было запрещено устраивать какие-либо собрания для принятия постановлений, которые были бы в ущерб делу или во вред людям (вероятно клиентам)¹²⁶. Тем не менее, уже в 1304 г. обнаружили объединение среди подмастерьев меховщиков, в 1349 г. подмастерья булочников обвинялись в составлении заговора с целью повышения заработной платы, в этом же году в документах вновь появляется объединение подмастерьев кожевников¹²⁷. В результате в 1383 г. запрещение подмастерьям устраивать собрания было подтверждено в прокламации против создания «конгрегаций, конвентов и ассамблей» без разрешения мэра¹²⁸.

В 1387 г. подмастерья кожевников оправдывались за организацию незаконного собрания вопреки указанной прокламации. Интересно их объяснение по этому поводу. Они сознались в нарушении и заявили, что монах Уильям Бартон согласился за определенную сумму денег помочь им подать прошение в Рим для утверждения папой их братства,

¹²⁴LRB. V. II. P. 102.

¹²⁵Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 394.

¹²⁶Ibid. P. 403.

¹²⁷Ibid.

¹²⁸Riley Th. Memorials of London... P. 480.

чтобы ни один человек не осмелился препятствовать им¹²⁹. В 1396 г. лондонские шорники заявляли, что их подмастерья имели обыкновение раз в год наряжаться в некое подобие костюмов, а именно, костюм членов гильдии (“wear a livery”) и собирать собрание к большому ущербу гильдии. Подмастерья отвечали, что они собирались, дабы только слушать мессу, но мастера заявляли: под выдуманным предлогом священного долга они составляли тайные соглашения (“covins”) с целью чрезмерно увеличить свою заработную плату. Городские власти постановили, что подмастерья должны подчиняться уставу и мастерам гильдии, «как в других ремеслах», и не создавать братства; а если они потерпят какую-то обиду со стороны своих мастеров, то пусть жалуются мэру¹³⁰.

В первой четверти XV в. борьбу за создание собственной гильдии вели подмастерья лондонских портных, о которых говорили, как о «молодых и непостоянных людях», общавшихся между собой в различных жилых домах без согласия своих мастеров. Подмастерьям было предписано подчиняться власти мастеров и смотрителей гильдии, перестать носить ливрею или жить вместе. Через два года (в 1417 г.) подмастерья попытались добиться отмены предписания, но петиция была отклонена, и даже заявлено, что религиозные цели являются лишь «благочестивым предлогом»¹³¹.

На протяжении XV в. запретительная политика продолжала господствовать в Лондоне. В 1441 г. булочники высказались против братства своих работников, которые в ответ указали, что мастера сами в нем состояли в бытность подмастерьев («в период своей зависимости» — “servitude”). Мэр и олдермены постановили, что подмастерья должны отказаться от своей ливреи и подчиняться мастерам; им запретили создавать тайные братства «под видом благочестия или другой выдумки»¹³². Репрессивную политику можно проследить и в других городах, например, в Ковентри, Гулле, Честере. Не всегда мастера действовали через городские власти. Так, в Честере в 1358 г. мастера-ткачи напали на своих подмастерьев с «секирами, кинжалами и шестами с железными наконечниками»¹³³.

Однако не везде противостояние было таким острым. Иногда мастера и подмастерья шли на компромисс. В Нортгемптоне в 1448 г. мастера и подмастерья ткачей сумели договориться о совместном использовании общинной казны, организации совместных процессий и общих выпивок. В Беверли в 1496 г. братство подмастерьев гильдии ткачей

¹²⁹Riley Th. Memorials of London... P. 495.

¹³⁰Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 403.

¹³¹Riley Th. Memorials of London... P. 609, 653.

¹³²Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 404.

¹³³Ibid. P. 407.

было допущено к голосованию при выборе смотрителей. В Эксетере подмастерья были непосредственно представлены в управлении гильдией, так как в 1482 г. их четырех смотрителей двое избирались мастерами, двое — подмастерьями¹³⁴.

Нужно сказать, что отношение и мастеров, и городских властей к гильдиям подмастерьев оставалось негативным. Приведенные примеры показывают — противодействие мастеров гильдиям подмастерьев было вызвано, в первую очередь, убеждением, что они намереваются бороться за повышение заработной платы.

Деятельность английских братств подмастерьев являлась, думается, такой же, как и в других европейских странах. Но, вероятно, нужно согласиться с У.Дж. Эшли в том, что в Англии они не играли такой роли, как, например, в Германии, где братствам подмастерьев были посвящены и местные, и общеимперские постановления¹³⁵.

До тех пор, пока у широкого слоя подмастерьев сохранялась возможность со временем стать мастерами, они оставались промежуточным звеном в цеховой иерархии. Однако к середине XIV в. у значительной части подмастерьев такой надежды не осталось, им предстояло всю жизнь работать по найму.

Что дает нам основание говорить о середине XIV в. как о времени, когда определились перспективы положения подмастерьев. Уже отмечалось, что в рассматриваемое время в Англии не существовало обычая, по которому окончивший обучение ученик должен был какое-то время работать подмастерьем или странствовать. Значит, если у семьи ученика имелось достаточно средств, он мог сразу стать самостоятельным мастером. В противном случае ему не оставалось ничего другого, как идти работать по найму. Если слуга получал плату за произведенное изделие (пусть меньшую, чем у мастера), то своим трудолюбием и упорством он мог скопить определенную сумму для открытия мастерской. Хотя и это довольно сомнительно. Но если плата назначалась за день работы (а именно такие расценки предусматривало «Рабочее законодательство»), то от старания работника мало что зависело, т.к. она была достаточно низкой. При этих условиях перспектива выбиться в самостоятельные мастера оставалась лишь у небольшой части подмастерьев.

Ухудшение положения подмастерьев выражалось и во все большем отстранении их от решения каких-либо важных для всей гильдии вопросов. В 1444 г. лондонские подмастерья ткачей жаловались, что они привыкли участвовать в избрании смотрителей гильдии, хотя последние 6 лет мастера утверждают, будто выборы принадлежат им. Решение

¹³⁴Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 400, 402.

¹³⁵Эшли У.Дж. Экономическая история Англии... С. 387.

в этом споре вынесли в пользу мастеров. В 1466 г. по данному же поводу возник конфликт среди лондонских мясников, и результат был такой же. В 1490 г. ткачи Гулля отказали своим подмастерьям в праве голоса при выборах олдерменов и других должностных лиц¹³⁶. Справедливости ради нужно отметить, что в некоторых городах подмастерья принимали участие в избрании должностных лиц гильдии. Так, в Беверли подмастерья были допущены к голосованию, а в Эксетере двое из четырех смотрителей выбирались из их числа. Но тенденция наблюдалась во все большем сокращении их права на участие в управлении гильдией.

К середине XIV столетия в английском городе сложился еще один слой населения, достаточно значительный, чтобы на него обратило внимание общегосударственное законодательство — наемные рабочие. Известный «Ордонанс о рабочих и слугах» 1349 г. касается в первую очередь сельскохозяйственных рабочих, но ведь не случайно, что один из его разделов посвящен и наемным работникам в ремесле. В документе эта категория населения отделяется от самостоятельных ремесленников (*“artifices et operarii”*)¹³⁷.

Современники достаточно ясно видели отличие указанных работников от учеников или подмастерьев. Например, в 1406 г. сукновалы Бристоля, определяя заработную плату, записали: «...Названные слуги и работники (*seruauntz et laborers*) не будут брать большую плату, чем было принято в прежние времена»¹³⁸. Если слугами, как уже отмечалось, назывались подмастерья, то вторым термином явно обозначались наемные рабочие. Красильщики Бристоля в 1407 г. жаловались, что «часто различные люди, как те, которые не были учениками, слугами или мастерами (*apprentices, seruauntz ne maistres*) названной гильдии, так и другие, которые были другой профессии, не умеющие и не имеющие знаний вышеназванного ремесла крашения, берут на себя окраску сукна и шерсти вайдой»¹³⁹. Можно предположить, что речь идет или о предпринимателях, которые организовывали производство, или о наемных рабочих. Главное, что их четко отделяют от привычных категорий работников. Ткачи в 1490 г. прямо сравнивают их с подмастерьями, сетуя, что наемные рабочие «используются мастерами названной гильдии ткачей, как если бы они являлись их подмастерьями, связанными договором по обычаям этого названного достойного города»¹⁴⁰.

¹³⁶Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 401.

¹³⁷Statutes of the Realm... V. I. P. 307—308. Об отличиях в положении подмастерья и наемного рабочего см.: Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе. С. 79—81.

¹³⁸LRB. V. II. P. 76.

¹³⁹Ibid. P. 85.

¹⁴⁰Ibid. P. 123—124.

И в официальных городских документах появляются новые термины. В прокламациях, изданных городским советом Бристоля в XIV в. и касающихся торговли и благоустройства города, отмечается, что среди ремесленников строительных специальностей — плотников, кровельщиков, штукатуров и других — были как квалифицированные рабочие (“operator”), так и неквалифицированные (“laborator”)¹⁴¹.

В XV в. для определения категорий ремесленников одновременно применялось много терминов. В 1439 г. в постановлении только одной гильдии бондарей упоминаются “seruaunt”, “werkeman”, “iorneman” и “prentice”¹⁴². Если все они подразумевают подмастерьев и учеников, то для чего употреблять их одновременно? Поскольку первый и последний термины обозначают подмастерьев и учеников, то можно предположить, что другими понятиями определялись наемные рабочие. То же самое видно из постановления городского совета в 1450 г. для гильдий портных, золотых дел мастеров и кожевников, в котором упоминаются следующие категории работников: “apprenticez”, “couenautmen”, “journeumen and Taskers” (ученики, работники, заключившие договор, поденщики и сдельщики)¹⁴³.

Пестрота в терминах, видимо, объясняется тем, что очень трудно уловить момент, когда подмастерье превращается в «вечного подмастерье», т.е. в наемного рабочего. Поэтому вопрос о времени и источниках появления наемных рабочих остается достаточно сложным. Не случайно Ф. Бродель писал: «Правда, однако, в целом история наемного труда остается мало известной»¹⁴⁴. Он относит создание «рынка труда» по крайней мере к XIII в.: «Однако же сомнений нет: рынок труда — как реальность, если и не как понятие, не создание индустриальной эры. Рынок труда — это такой рынок, где человек, откуда бы он ни был, предстает лишенным своих традиционных “средств производства” (если предполагать, что он ими когда-либо обладал): земельного участка, ткацкого станка, лошади, двуколки <...> Он может предложить лишь свои кисти, свои руки, свою “рабочую силу”, и, разумеется, свое умение»¹⁴⁵.

А.А. Сванидзе отмечала, что в XIV—XV вв. наемный труд по числу занятых людей составлял незначительную долю отчуждаемого труда, и по-

¹⁴¹LRB. V. II. P. 227.

¹⁴²Ibid. P. 163—164.

¹⁴³GRB. V. I. Text. P. 129. По мнению Р. Райли, “journeuman” — это ремесленник, получавший заработную плату за день (поденщик), от “journee” — «день». С ним согласна М.М. Яброва. См.: Riley R. W. J. A Social and Economic History of England. L., 1965. P. 27; Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений... С. 66.

¹⁴⁴Бродель Ф. Игры обмена. М., 1988. С. 39.

¹⁴⁵Там же. С. 37.

этому не мог играть основную роль в процессе воспроизводства¹⁴⁶. Вероятно, именно так дела и обстояли, хотя, думается, число наемных рабочих не было незначительным, иначе непонятно, откуда в разных странах появилось «Рабочее законодательство». Тем более что оно касалось не только неквалифицированных работников (поденщиков, подсобников, чернорабочих). Среди ремесленников перечислялись башмачники и сапожники, дубильщики, шорники, скорняки, золотых дел мастера и другие. Видимо, для Швеции XIV—XV вв. нужно говорить о «феодалном характере или феодальной стадии наемного труда»¹⁴⁷, но к Англии данного периода это вряд ли применимо. В экспортных отраслях производства, там, где уже в XIV—XV вв. появились элементы раннекапиталистических отношений, наемный труд становится основой производства¹⁴⁸.

Одним из источников формирования слоя наемных рабочих были подмастерья. Кроме них нужно говорить о разорвавшихся самостоятельных мастерах, т.к. к середине XIV в. процесс расслоения внутри цеха зашел уже достаточно далеко.

Своеобразным показателем экономического неблагополучия большей части членов цеха стали сложности с организацией и проведением религиозных представлений и процессий. Члены ремесленных гильдий не выдерживали бремени расходов, необходимых для их организации, и на протяжении XV в. постоянно встречаются жалобы на то, что гильдии пытаются уклониться от своих обязанностей. В Беверли уже в 1390 г. городской совет грозил штрафом тем, кто не участвовал в организации постановки картины и процессии в праздник Тела Христова «в виде и форме старинного обычая города Беверли»¹⁴⁹. Поскольку ордонанс повторялся, то, очевидно, его игнорировали. В Бристоле штрафом за самоустранение в расходах на проведение указанных мероприятий грозили своим членам гильдии ткачей (1419 г.) и бондарей (1439 г.)¹⁵⁰. В Уорчестере в 1467 г. предписывалось, чтобы процессии стали «лучше и более подобающе организованы, чем они были до сих пор»; в Кентерберии в 1490 г. сетовали, что «теперь недавние дни заброшены и забыты к большому ущербу и разрушению города»; власти Ковентри в 1494 г. настаивали на том, что все гильдии обязаны участвовать в процессиях, и отмечали, что их члены не желают выполнять свои обязанности¹⁵¹.

¹⁴⁶Сванидзе А.А. Наемный труд и наемные работники средневековья: феодальные формы... С. 62.

¹⁴⁷Там же.

¹⁴⁸Кириллова А.А. Рабочее законодательство в английском городе XIV—XV вв. (1350—1450 гг.)... С. 134.

¹⁴⁹Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 411.

¹⁵⁰LRB. V. II. P. 121, 165.

¹⁵¹Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 412.

Тяжесть бремени организации процессий и постановок библейских картин ощущали даже наиболее богатые гильдии. В 1431 г. золотых дел мастера г. Йорка подали петицию, в которой отмечали, что в прежние времена должны были организовывать две постановки на празднике Тела Христова. «Но теперь мир изменился для них, и они стали беднее, чем желали бы быть, в деле, упомянутом выше. Они часто подавали прошение мэрам и совету с целью получить помощь в этом вопросе для облегчения их расходов, которые стали слишком тяжелыми, чтобы их выдерживать. Но если это невозможно, они просят, чтобы их освободили от одной их постановки с сопровождающими её расходами, которые продолжают увеличиваться, поскольку они не могут больше нести расходы на обе их постановки без чрезмерных усилий для них»¹⁵².

О разорении некоторых самостоятельных ремесленников свидетельствует тот факт, что часть средств, которые собирались с членов гильдии, предназначалась для раздачи обедневшим мастерам. Характерное подтверждение разорения части самостоятельных мастеров можно обнаружить в постановлении сукновалов Бристоля, составленном между 1414 и 1425 гг. В нем отмечалось, что некоторые члены гильдии, получив сукно для валяния, отдают его в заклад или продают без разрешения собственника¹⁵³. Логично предположить, что так поступать могли только обедневшие мастера. В статутах красильщиков, сукновалов, ткачей, кожевников и других мы встречаем одинаковые жалобы: «Мастера и подмастерья названной гильдии красильщиков становятся бродягами (*alount vagarantz*)»; «это причина множества бродяг (*many vagaraunts*) и праздных людей (*idul men*)» — пишут кожевники в 1443 г.; квалифицированные работники «бродяжничают (*gothe vagaraunt*) и не нанимаются, и не могут иметь работу, чтобы жить» — вторят ткачи в 1461 г.¹⁵⁴

Как видим, процесс экспроприации непосредственных производителей в ремесле начался задолго до XVI в., когда он распространился на английскую деревню. Разорившиеся мастера пополняли ряды наемных рабочих.

Значительную долю среди наемных работников составляли женщины, но говорить об их участии в ремесленном производстве (и торговле) очень трудно, т.к. средневековое городское законодательство касалось, в основном, людей, имевших общественный (коммунальный) статус, т.е. мужчин. Женщины получали свой статус от отцов или мужей и редко бывали допущены к городским свободам.

¹⁵² *Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 412.*

¹⁵³ *LRB. V. II. P. 142.*

¹⁵⁴ *Ibid. P. 85—86, 127, 177.*

Хотя в источниках иногда встречаются упоминания о женщинах-мастерах в разных отраслях производства. Например, в 1346/47 г. в постановлении портных Бристоля упоминаются мастера-мужчины и мастера-женщины, имевшие статус бюргеров. В 1407 г. среди красильщиков города были и мужчины, и женщины¹⁵⁵. В ордонансе красильщиков Йорка в 1380 г. среди 59 членов гильдии названы 4 женщины¹⁵⁶. Значительный процент пивоваров в английских городах всегда составляли женщины. В «Обычаях города Бристоля» 1344 г. подтверждено постановление 1331 г., в котором говорилось о женщинах-пивоварах, нарушавших ассизу о пиве¹⁵⁷. К середине XIV в. значительный процент пивоваров в Винчестере составляли женщины — одинокие, вдовы и замужние. То же самое можно сказать и об Йорке¹⁵⁸. В конце XIV в. в Йорке в списке мастеров-изготовителей пергамента указаны 4 женщины, а Эннис Кипвик была мастером-перчаточником¹⁵⁹.

Иногда в источниках можно встретить женщин очень неожиданных профессий, например, в 1348 г. в Вестминстере была женщина-кузнец, изготавливавшая инструменты для каменщиков. В 1379 г. в Шеффилде числились 2 женщины-кузнеца; йоркский кузнец Хью Лейфилд в 1485 г. оставил жене Элис 2 наковальни¹⁶⁰.

Как видим, женский труд использовался практически во всех отраслях производства и, несомненно, женщины составляли значительный процент наемных рабочих. Не случайно в 1461 г. бристольские ткачи жаловались в городской совет, что «различные люди» гильдии нанимают на работу их «жен, дочерей и девушек», вместо того, чтобы предоставлять работу мужчинам¹⁶¹. Но делать какие-то точные выводы о количестве женщин, занятых наемным трудом, источники не позволяют.

Кроме квалифицированных специалистов среди наемных работников присутствовало достаточное количество необученных всем секретам мастерства людей. Жалобы на то, что некоторые мастера нанимают подобных работников, встречаются в ордонансах постоянно. Конечно, ссылки на то, что нанятые люди оказывались «несведущими в ремесле», «не имеющими знаний ремесла» и т.п. в какой-то мере являлись преувеличением — какими-то навыками они наверняка обладали, иначе их не принял бы хозяин. Не будучи в свое время ни учениками, ни подмастерьями, все они вряд ли были специалистами высокой квалификации.

¹⁵⁵LRB. V. II. P. 27, 83.

¹⁵⁶Swanson H. Medieval Artisans... P. 42—43.

¹⁵⁷LRB. V. I. P. 43—44.

¹⁵⁸Swanson H. Medieval Artisans... P. 21—22.

¹⁵⁹Ibid. P. 60.

¹⁶⁰Salzman L.F. Building in England down to 1540. Oxford, 1952. P. 337; Swanson H. Medieval Artisans... P. 68.

¹⁶¹LRB. V. II. P. 127.

Особую тревогу у бристольских мастеров вызывало то, что принимались на работу иностранцы, прежде всего, ирландцы. В 1439 г. бондари постановили, что нельзя принимать на работу подмастерье, если он является «мятежником-ирландцем или другим иностранцем (he be no rebel of Irlond nor alyene)»¹⁶². Кожевники в 1443 г. отмечали, что «мастера названного ремесла, как англичане, так и другие (as welle Englyssch as other), принимают на работу людей из чужих стран и не находящихся под властью короля»¹⁶³.

Вероятно, какая-то часть этих иностранных ремесленников была квалифицированными работниками. Но, например, в 1462 г. ткачи Бристоля жаловались, что «различные и многие из гильдии и ремесла ткачей допускают к работе и нанимают в названной гильдии чужеземцев, иностранцев и других, не родившихся королевскими подданными; и для своей личной пользы различные торговцы и другие доставляют в этот город Бристоль людей из разных стран, не родившихся королевскими подданными, а бунтовщиков, которые продаются им, как это было у язычников»¹⁶⁴. Скорее всего, речь опять идет об ирландцах, которых англичане считали бунтовщиками, тем более что до X—XI вв. бристольцы вели с Ирландией торговлю рабами. Когда в 1490 г. ткачи указывали, что разные мастера используют в качестве слуг «детей и молодых людей, родившихся в областях Ирландии <...> и разных других, родившихся в чужих местах»¹⁶⁵, то трудно предположить, что указанные дети и юноши являются квалифицированными работниками.

Прием на работу иностранцев объяснялся не столько нехваткой рабочих рук, сколько соображениями выгоды. С подобными работниками не заключались договоры (о чем свидетельствует упоминавшийся ордонанс ткачей), использование их плохо поддавалось контролю со стороны цеха, поэтому мастера были более свободны в своих действиях. То, что появление иностранных рабочих диктовалось не отсутствием работников-англичан, свидетельствует постановление кожевников 1443 г. Они просят городской совет постановить, дабы ни один мастер названной гильдии не нанимал никакого человека, родившегося вне королевства, «но отказывал им, где есть достаточное количество обученных ремесленников (craftesmen), родившихся в пределах королевства, чтобы работать в вышеуказанном ремесле; не нанимать тех, кто не прошел ученичества, как подобает»¹⁶⁶.

¹⁶²LRB. V. II. P. 163—164.

¹⁶³Ibid. P. 177.

¹⁶⁴Ibid. P. 128.

¹⁶⁵Ibid. P. 123.

¹⁶⁶Ibid. P. 177—178.

Вопрос о применении неквалифицированных рабочих связан с таким явлением, как «совмещение» профессий. Совмещение наблюдалось, во-первых, между ремесленниками смежных специальностей и, во-вторых, между представителями разных отраслей производства. Видимо, когда кузнецы начинали заниматься работой ножовщиков или замочников, прядильщики «подрабатывали» как чесальщики, а ткачи как прядильщики, то это можно трактовать как пополнение семейного бюджета и свидетельство о том, что основная специальность перестала давать достаточные средства для существования ремесленников.

Второй вариант совмещения профессий отражает изменения в организации ремесленного производства. Например, красильщики в 1407 и 1439 гг. жаловались на то, что различные люди, «которые имеют другую профессию», занимаются окраской шерсти и сукна. Эта жалоба направлена или против наемных рабочих, использовавшихся в данном производстве, или, что вероятнее, против внецеховых предпринимателей, которые, не зная ремесла, только организовывали производство. Тем более что окраска тканей требовала дорогостоящего оборудования (печей, чанов, бассейнов с холодной и горячей водой) и красителей (бочка вайды в XIV в. стоила 12—13 ф.). Можно предположить, что в некоторых случаях имело место и соподчинение ремесел, когда более богатые и сильные цехи подчиняли более слабые.

Заинтересованность в сохранении цеховых ограничений проявляли, прежде всего, рядовые члены ремесленных объединений, которые не желали терять самостоятельность и не имели возможности расширить производство. Доказательством могут служить жалобы в городской совет Бристолья на то, что тем или иным ремеслом занимаются не члены цеха. Они поступали от портных, красильщиков, сукновалов, изготовителей кордовой кожи, дубильщиков, бондарей, кузнецов и других. Поскольку ремесленники жаловались как на тех, кто нанимается на работу, плохо владея ремеслом, так и на тех, кто принимает на работу «несведущих в ремесле» людей, можно заключить — жалобщиками являлись более мелкие самостоятельные производители. Для них сохранение цеховой монополии на производство было единственной возможностью выстоять в борьбе с поднимавшимися предпринимателями.

Иногда среди «жалобщиков» встречались и богатые мастера, как их называют в источниках «наиболее достойные люди» гильдии. Сами они мало были склонны считаться со стеснительными ограничениями цеховых уставов, но делиться доходами с чужаками не хотели. В любом случае инициатива в сохранении монопольных прав гильдии исходила от их членов, и строгие правила не навязывались им городскими вла-

стями. Хотя, конечно, это облегчало полицейский и финансовый контроль над городским ремеслом.

В первой половине XIV в. ремесленные гильдии достигли наивысшего развития. После этого они в течение еще двух столетий продолжали существовать как ведущая форма организации ремесленников в большинстве отраслей производства. Более того, они возникали даже в XVI в. — в тех отраслях, в которых раньше их не было. Но уже в XIV в. начали появляться некоторые признаки упадка цехового строя, а в отдельных отраслях промышленности наряду с цехом возникают новые формы организации производства. В чем конкретно это выражалось?

Уже с середины XIV в. мы встречаемся со свидетельствами о том, что ремесленные гильдии стремятся ограничить конкуренцию путем уменьшения притока новых членов. Они стали добиваться от городских властей постановлений, ставивших все более жесткие условия тем, кто желал заняться данным ремеслом. Если вначале для желавших работать в том или ином производстве существовало одно требование — чтобы производимые изделия отвечали установленным нормам, то в XIV в. появилось требование поручительства. Новичку следовало найти несколько человек в гильдии, которые могли его рекомендовать. Например, красильщики в 1407 г. записали, что за слугу или ученика должны поручиться два мастера. Такое же требование встречается в постановлении бондарей 1439 г.¹⁶⁷

Затем добавляется еще одно условие — никто не может заниматься ремеслом, не став полноправным гражданином города (бюргером, фрименом). Например, ткачи в 1355 г. записали: «Ни один ткач не будет заниматься ткацким ремеслом в городе Бристоле, если он не станет бюргером и не допущен к привилегиям»¹⁶⁸. Очень подробно изложили это условие скорняки, которые в 1408 г. постановили: «Ни один человек названной гильдии не будет владеть или арендовать какой-либо дом или мастерскую (*nulle maison ni schope*), чтобы заниматься каким-либо искусством (*pur vser nulle arte*) в пределах привилегии Бристоля, если он не является бюргером и хорошо обученным в своем искусстве, и если он не был представлен мэру города названным мастером и двумя зрителями, подтвердившими <...> его лояльность и осведомленность...»¹⁶⁹.

Круг лиц, которые могли быть допущены к городским привилегиям, а значит и получить право заниматься ремеслом, все более сужался.

¹⁶⁷LRB. V. II. P. 84, 165.

¹⁶⁸Ibid. P. 4.

¹⁶⁹Ibid. P. 96.

Ограничения касались «чужеземцев» (т.е. людей, не являвшихся жителями Бристоля) и иностранцев. Еще в 1344 г. гильдия пекарей добилась постановления, в котором было сказано: «Отныне ни один пекарь не будет допущен к свободам, даже если он женится на вдове или дочери какого-нибудь бюргера, без того, чтобы он сначала отказался от своего ремесла»¹⁷⁰. Поскольку речь идет о допущении к городским свободам, то ясно, что ограничение касается пришлых людей. Кожевники в 1443 г. уже совершенно определенно стремятся закрыть доступ к занятию ремеслом иностранцам: «Ни один мастер в названной гильдии <...> не наймет никакого человека, родившегося вне пределов королевской власти, чтобы работать в этом ремесле, но категорично будет отказывать им, где есть достаточное количество искусных ремесленников, родившихся под властью короля, <...> и не наймет никакого ученика подобным образом»¹⁷¹. Правда, ткачи в 1462 г., запретив нанимать на работу чужеземцев, оговорились: «Эти распоряжения не распространяются на какого-либо человека или людей, который или которые стали подмастерьями у какого-нибудь горожанина в пределах названного города Бристоля раньше последнего праздника Рождества, и в это время они были у него в обучении»¹⁷².

Но еще существеннее было то, что ограничения распространились на жителей деревни. В 1344 г. городской совет постановил: «Никто в будущем не будет допущен к свободам, если он не свободного состояния, хорошей и честной репутации, и для этого может представить двух надежных и законных бюргеров, чтобы подтвердить, что его положение и состояние являются хорошими и честными, как выше изложено»¹⁷³.

Более того, виллану не могла теперь помочь даже женитьба на женщине, являвшейся полноправной горожанкой, — в упомянутом постановлении 1344 г. было специально отмечено: «Если какая-нибудь женщина, допущенная к привилегиям, будет ли она дочерью бюргера или предварительно женой бюргера, выйдет замуж за чужеземца, который не будет свободного состояния, достойного положения и похвальной речи, пусть такая женщина, по своей собственной воле вышедшая замуж таким образом, станет такого же состояния, как ее муж, и не сможет наслаждаться свободами, но будет совершенно исключена и считаться чужеземкой в течение вышеуказанного замужества»¹⁷⁴. А ведь раньше переселение в город являлось для крестьян одной из возможностей получить свободу.

¹⁷⁰LRB. V. I. P. 36.

¹⁷¹Ibid. V. II. P. 177—178.

¹⁷²Ibid. P. 129.

¹⁷³Ibid. V. I. P. 36—37.

¹⁷⁴Ibid. P. 37.

Более жесткие правила были введены и в отношении учеников — ограничивался круг лиц, имевших возможность поступить в ученики, увеличивался срок ученичества и т.д. От учеников и подмастерьев теперь требовалось подтверждать свою «хорошую репутацию и происхождение»: «Никакой слуга или ученик какого-либо бюргера города отныне не будет допущен к свободам любым путем без того, чтобы его мастер, которому он прежде служил, засвидетельствовал, что его репутация и состояние хорошие», — записано в «Обычаях города Бристолья» 1344 г.¹⁷⁵

В этом плане цеховая верхушка могла опираться на общегосударственное законодательство, поскольку в 1388 г. парламентским статутом было запрещено лицам, до 12 лет занятым в сельском хозяйстве, поступать в ученики к мастерам ремесленникам¹⁷⁶. В статуте 1388 г. проявилась забота о том, чтобы сохранить дешевую рабочую силу в деревне, но одновременно с этим перекрывался ее приток в город. Постановления городских гильдий объяснялись желанием ограничить количество людей, имевших (в данном случае потенциально) право вступить в ремесленный цех. Результатом всех перечисленных ограничений было то, что в ученики и подмастерья теперь могли попадать только горожане.

Попытками ограничить конкуренцию были вызваны запрещения подмастерьям самостоятельно заниматься ремеслом и брать учеников. В 1401 г. такое постановление было принято в отношении бристольтских подмастерьев торговцев-портных¹⁷⁷. Шапочники Ковентри в 1496 г. запрещали состоявшим под их началом подмастерьям делать собственные шапки или для кого-нибудь, исключая своих мастеров¹⁷⁸.

Другим способом уменьшить конкуренцию было вымогательство у учеников обещания, что они не станут мастерами. Лондонские продавцы кож жаловались в 1482 г., что ученики, отслужившие свой срок, отказываются становиться слугами мастеров «за разумную плату, как их мастера делали до них», но берут учеников и заводят дом или мастерскую¹⁷⁹. С целью воспрепятствовать этому гильдия заставляла мастеров уплачивать файн в 5 шилл. за каждого ученика при его приеме.

Отслужившие срок ученики пытались избавиться от эксплуатации мастеров, находя себе компаньонов (партнеров) для организации са-

¹⁷⁵LRB. V. I. P. 38.

¹⁷⁶Английская деревня XIII—XIV вв. С. 131.

¹⁷⁷*Fox F.F. Some Account of the Ancient Fraternity of Merchant Taylors of Bristol with Manuscripts of Ordinances and other Documents // Archeological Journal. 1881. Vol. 38. P. 33, 49.*

¹⁷⁸*Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 398.*

¹⁷⁹*Ibid. P. 397.*

мостоятельного дела. В связи с этим лондонские ножовщики в 1485 г. выработали правило, по которому никто не будет брать компаньона (“*any parting fellow*”) без разрешения Мастера или смотрителей гильдии. Решение, вполне очевидно, направлено против учеников, прошедших обучение, но не имевших достаточно средств, и пытавшихся восполнить нехватку их с помощью объединения с другими такими же учениками. В мотивировочной части постановления мастера записали: «Многие ученики снимали и сейчас снимают помещения в секретных местах, и несколько их — двое, трое или четверо — вместе становятся партнерами, поскольку никто из них сам не в состоянии открыть мастерскую, и изготавливают лживо (*deceivably*) как днем, так и ночью режущие изделия ремесла, которые никоим образом не могут быть правильно и отлично изготовлены при свете свечи»¹⁸⁰.

В результате в 1536 г. появился парламентский статут, в котором отмечалось, что помимо больших взносов в некоторых ремеслах мастера стали требовать с учеников клятвы в том, что они после окончания срока ученичества не начнут собственного дела, не получив на это согласия мастеров¹⁸¹. В течение XV в. сложился обычай взимать сравнительно большие вступительные взносы с тех, кто желал стать членом той или иной гильдии. В ордонансах бристольских гильдий мы не встречаем упоминаний об этом, но, видимо, требования стали настолько распространенными и обременительными, что было вынуждено вмешаться общегосударственное законодательство.

Одновременно с процессом «замыкания» цеха происходило складывание новых форм организации производства. Возникновение указанных новых форм вовсе не связано с исчезновением гильдейской системы, то есть эти процессы нельзя рассматривать как два разных этапа в развитии промышленности. Наряду с упрочением цехов и распространением их на все новые отрасли ремесла, в отдельных отраслях, таких как сукноделие, производство шелка и льна, горное дело и кораблестроение, появляются новые формы организации труда.

§ 2. Возникновение новых форм производства в ремесле

Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе на примере Лондона подробно рассмотрено М.М. Ябровой, в какой-то мере на материале городов Восточной Англии этого вопроса касалась

¹⁸⁰Цит. по.: *Lipson E. The Economic History of England. V. I. P. 397.*

¹⁸¹*Statutes of the Realm... V. III. P. 654.*

А.А. Кириллова¹⁸². М.М. Яброва показала, как в Лондоне XIV—XVI вв. менялась организация промышленного производства — от скупки готовых изделий и раздачи сырья к простой кооперации и мануфактуре. Она проследила, как мануфактурное производство XVI в. было подготовлено постепенными изменениями в ремесле. А.А. Кириллова также отмечала возникновение новых явлений в английском сукноделии. Можно ли говорить, что процессы, наблюдавшиеся в столице, были характерны и для провинциальных городов?

Известно, что Англия издавна являлась поставщиком шерсти для суконной промышленности Нидерландов, но с середины XIV в. она начинает экспортировать сукно, а к началу 30-х гг. XV в. его вывоз уже преобладал над вывозом шерсти¹⁸³. Среди английских городов, экспортировавших сукно, Бристоль в середине XIV в. стоял на первом месте. В 1355—1360 гг. его доля в ежегодном экспорте английского сукна составляла 30% (в среднем 2550 кусков), а в 1365—1370 гг. выросла до 40% (в среднем 5151 кусок в год)¹⁸⁴.

Сукноделие очень рано становится важной отраслью хозяйства города. Уже в 1217 г. Генрих III передал бристольским купцам в счет долга 100 мешков ирландской шерсти (на 2 тыс. марок)¹⁸⁵. Еще до всеобщего подъема сукноделия в Англии во второй половине XIV в. ткачи Бристоля изготавливали сукно на экспорт, а значит, производили его больше, чем мог поглотить местный рынок. Таможенные отчеты за 1303—1309 гг. показывают, что некрашеное сукно являлось уже более важной статьёй бристольского экспорта, чем овчины или шерсть. За шесть лет из города было вывезено иностранцами 242,5 куска сукна, а шерсти только 9,5 мешков¹⁸⁶. Нужно учесть, что упомянутые отчеты за 1303—1309 гг. показывают доходы от «новой пошлины», которую Эдуард III установил для иностранных торговцев, поэтому неизвестно, какое количество сукна вывезли из Бристоля англичане. Для сравнения можно сказать, что Ньюкасл до 1357 г. вообще не экспортировал сукно, из Ярмута в 1353/54 г. было вывезено лишь 19 кусков, из Гулля — 163, из Бостона — 273, из Лондона 454, и из Саутгемптона — 785. Бристоль в этом году отправил за границу уже 1511 кусков¹⁸⁷.

¹⁸²Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI в.). Саратов, 1983; Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV—XVII вв. М., 1969.

¹⁸³Bridbury A.R. Economic Growth England in the Later Middle Ages. L., 1975. P. 33.

¹⁸⁴Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol in the Later Middle Ages. Bristol, 1937. P. 293—294.

¹⁸⁵Осинова Т.С. Ирландский город и экспансия Англии... С. 141.

¹⁸⁶The Staple Court Books of Bristol. P. 69, 73.

¹⁸⁷Gray H.L. The Production and Exportation of English Woolens in the Fourteenth Century // The English Historical Review. 1924. Vol. 39. № 153. P. 34.

Производство сукна росло настолько стремительно, что это едва ли было возможно при старой системе организации производства.

Уже в первой половине XIV в. в Бристоле можно обнаружить зарождение системы раздачи сырья и скупки готовых изделий (в сукноделии — полуфабрикатов), которая, как известно, являлась первой зачаточной формой капиталистического производства. Систему раздачи сырья довольно трудно отличить от работы на заказ. В сукноделии из-за очень значительного разделения труда (процесс изготовления сукна охватывал от 26 до 28 операций) прядильщики, ткачи, красильщики не только покупали полуфабрикаты, но и брали заказы. Когда это перерастает в экономическую зависимость и работу по найму уловить сложно.

Скупщик способствовал разорению не только зависимых от него ремесленников, но и мелких самостоятельных производителей, не имевших возможности конкурировать с ним на рынке. Поэтому борьба между ними нашла отражение в различных цеховых ограничениях и запретах, при помощи которых бристольские гильдии ткачей, сукновалов, красильщиков и других ремесленников пытались бороться с наступлением раздатчиков и скупщиков. Это можно проследить на протяжении многих десятилетий. В 1355 г. гильдия ткачей запрещает «получать шерстяную пряжу от кого-либо, кроме своих мужей и жен»¹⁸⁸, показывая тем самым, что ремесленники до этого постановления получали от посторонних лиц (а не покупали) сырье для работы. После 1360 г. данное решение конкретизируется: два человека, избравшиеся гильдией, должны были «следить за изготовлением законного (доброкачественного — *T.M.*) сукна без получения от кого-либо или передачи пряжи или шерсти кому-нибудь кроме бюргеров или их жен»¹⁸⁹. Таким образом, вопреки запрету кто-то по-прежнему продолжал раздавать пряжу для работы. Кроме того, можно сделать вывод, что недоброкачественное сукно (из обрывков и очёсов) изготавливалось не членами гильдии ткачей, т.к. речь идет о запрещении отдавать кому-либо или получать от кого-либо шерсть, кроме полноправных горожан.

В этом же постановлении отразилась и непоследовательность политики гильдии: предполагается, что бюргерам и их женам разрешено получать или раздавать пряжу для переработки. Прошло более ста лет, и ткачи Бристоля по-прежнему жалуются, что некие люди, пришедшие в город, «получают шерсть или шерстяную пряжу тайком (*stolen*) от ткачей и других изготовителей сукна названного города»¹⁹⁰. Из этого мож-

¹⁸⁸LRB, V. II. P. 5.

¹⁸⁹Ibid. P. 41.

¹⁹⁰Ibid. P. 123.

но понять — скупка и раздача в XIV в. не были случайными явлениями, а все более прочно укоренялись как система в сукноделии Бристолья.

Тем более что это было характерно не только для гильдии ткачей. В 1360 г. красильщики постановили, что «если какой-нибудь красильщик города возьмет в работу у себя дома вайду кого-нибудь другого, и после проверки вайда будет конфискована, красильщик будет обязан вернуть собственнику столько, сколько стоит вайда...»¹⁹¹. Совершенно очевидно, что часть красильщиков получала сырье для работы от кого-то. Вряд ли речь идет о работе на заказ, потому что ремесленник получал не полуфабрикат (в данном случае сукно), а краситель, который, если бы он был самостоятельным производителем, покупал бы сам.

Помимо мастеров, которые получали полуфабрикаты и сырье для работы, в гильдии были люди, занимавшиеся организацией крупного по меркам средневекового города производства. В упоминавшемся документе отмечалось, что ни один красильщик не должен «пускать в работу» сразу несколько бочек вайды, т.к. краситель может испортиться. Если учесть стоимость одной бочки этого красителя (12—13 ф.ст.), то задействовать в работе сразу несколько бочек (или даже две) обычный ремесленник вряд ли мог.

Гильдия красильщиков была наиболее богатой в городе, и верхушка ее мастеров не только эксплуатировала обедневших коллег своего ремесла, но и поставила под контроль другие операции по производству сукна. Иначе трудно объяснить, почему именно красильщики в 1381 г. постановили, что «ни один человек, проживающий в городе, не пошлет за пределы привилегии города шерстяную пряжу, спряденную где-нибудь в другом месте, под угрозой конфискации всего сукна без какого-либо прощения»¹⁹². Вероятно, красильщики не желали терять контроль над ткачами, а организовать его в сельской местности было довольно сложно.

О том, что часть мастеров-ремесленников превратилась в предпринимателей, свидетельствуют списки членов гильдии суконщиков, среди которых мы находим и красильщиков. Например, Томас из Хея, оставаясь членом ремесленной гильдии, занимался экспортом сукна. Являясь одновременно и членом городского совета, он, видимо, сам непосредственно не занимался окраской ткани, скорее эксплуатировал рядовых членов гильдии. Томас из Хея действовал в 80-е гг. XIV в., для XV в. можно назвать имена Джона Хоггза, тоже занимавшегося торговлей, и Джона Хенлова, который, являясь красильщиком, торговал сукном через Лондон с ганзейцами и имел своего постоянного фактора¹⁹³. Конеч-

¹⁹¹LRB. V. II. P. 39—40.

¹⁹²Ibid. P. 7.

¹⁹³The Overseas Trade of Bristol... P. 158—159.

но, подобные люди членство в ремесленной гильдии использовали не для занятия ремеслом, а для организации крупного для того времени производства и сбыта готовой продукции на внешних рынках.

Подобные факты наблюдались не только в сукноделии. В 1346/47 г. гильдия портных пожаловалась в городской совет на то, что «портные-горожане чувствуют себя обиженными и ущемленными из-за портменов и других, которые, используя хитрость, покупая и продавая новые сукна, разрезают и делят их на куски для штанов и шляп с тем, чтобы продать их вновь...»¹⁹⁴.

В результате деятельности скупщиков и раздатчиков ремесленники отрезались от рынка сырья. Примечательное постановление приняли дубильщики в 1415 г.: «Мастера названной гильдии могут продавать свою кожу между собой, как они делали в прежние времена, при условии, что их названная кожа будет хорошей и подобающе обработана, прежде чем она будет предложена для продажи»¹⁹⁵. Видимо, до этого постановления продажа сырья находилась под чьим-то контролем. Трудно сказать, насколько результативным был данный статут. Поскольку некоторые члены гильдии дубильщиков были экспортными торговцами, можно предположить, что они мало обращали внимания на жалобы простых ремесленников.

Рассматриваемые явления характерны не только для Лондона и Бристоля. Я.А. Левицкий указывал, что стремление купечества подчинить себе городских ремесленников наблюдалось уже в XIII в. в Винчестере, Оксфорде, Мальборо и других городах¹⁹⁶. Для Йорка XIV в. систему раздачи сырья не только купцами, но и богатыми ремесленниками как в суконной промышленности, так и среди изготовителей луков и стрел, шапочников, башмачников, скорняков отмечает Х. Суонсон. Подобные факты встречались и в ремесле Норича и Эксетера¹⁹⁷.

Наиболее выгодно было организовывать скупку и раздачу в сельской местности, где отсутствовал контроль со стороны гильдии. Поэтому ткачи, сукновалы, красильщики, кожевники стремились запретить предпринимателям использовать сельских ремесленников. Например, в 1381 г. городской совет постановил, что «никто не будет заставлять посылать или брать вне города пропитанную маслом шерсть (*leupe epoupte*), чтобы пряхать или чесать...»¹⁹⁸. Жители округа традиционно занимались прядением и ткачеством и сбывали часть произведенной продукции на городском рынке. Многочисленные поселения в Кот-

¹⁹⁴LRB. V. II. P. 26. О портменах см. гл. III.

¹⁹⁵Ibid. P. 115.

¹⁹⁶Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 229, 237.

¹⁹⁷Swanson H. Medieval Artisans... P. 129.

¹⁹⁸LRB. V. II. P. 8.

сволде, Мендипе и Сомерсете, жители которых продавали свои сукна в Бристоле, были в достаточной мере снабжены шерстью. Поэтому если речь идет о посылке шерсти в деревню, то ясно, что кто-то из горожан раздавал сырье для работы сельским ремесленникам.

В этом же постановлении записано: «Ни один человек, проживающий в городе, не пошлет за пределы привилегии города шерстяную пряжу, спряденную где-нибудь в другом месте, под угрозой конфискации всего сукна»¹⁹⁹. В данном случае совершенно очевидно присутствие скупщика, который одновременно оказывался и раздатчиком сырья. Если шерсть была спрядена где-то «в другом месте» и посылалась ткачам за пределы города, то речь идет об организации крупного производства сукна.

Конкуренция с сельской промышленностью продолжалась и в XV в.: в 1490 г. в петиции мастеров гильдии ткачей содержится просьба к городскому совету принять постановление, по которому сукно “Brodemedede” должно производиться только в городе: «Каждый такой кусок “Brodemedede” будет произведен в пределах названного города Бристоль, а не в округе»²⁰⁰. Конкуренция сельского ремесла беспокоила и красильщиков. В 1407 г. в постановлении гильдии есть замечание о том, что красильщики выполняют работу не только для горожан, но и для «различных людей округи». О том, что это было не случайное явление, говорит ордонанс 1439 г., в котором отмечается: некоторые городские ремесленники «договариваются об окрашивании сукон и шерсти для различных людей названного города и округи»²⁰¹.

Особую тревогу проявляли сукновалы. В 1346 г. гильдия постановила: «Никакой сукновал названного города не будет принимать сукно, сваленное в округе, для отпаривания (*rekker*), ворсования (*pleter*) или устранения дефектов (*namender*)»²⁰². Речь идет именно об улучшении, так сказать «исправлении», а не об отделке сукна, ибо в другом постановлении по этому же поводу сукновалы подробно обосновывают свое требование тем, что сваленные в округе сукна «без значительных исправлений не могут быть выставлены для продажи из-за недостатков, которые они имеют»²⁰³.

Что означает запрет устранять дефекты тканей, сваленных вне города? Если деревенский ремесленник являлся самостоятельным в процессе производства, то он едва ли мог послать сукно на исправление в

¹⁹⁹LRB. V. II. P. 7.

²⁰⁰Ibid. P. 124. “Brodemedede” — сукно, которое называлось, вероятно, от “Broadmead” в Бристоле, где оно производилось.

²⁰¹Ibid. P. 82, 172.

²⁰²Ibid. P. 14.

²⁰³Ibid. P. 79.

город. Логичнее предположить, что деревенский ткач или сукновал получил сырье или полуфабрикат от городского предпринимателя, который потом имел возможность отдать ткань на «исправление» городскому ремесленнику. Видимо, и городские ремесленники, которые брались «улучшать» ткани, произведенные в деревне, зависели от того же раздатчика. Иначе трудно объяснить, зачем самостоятельному ремесленнику переделывать чужую работу.

В этом же постановлении прямо запрещается посылать сукно в деревню для валяния. Запрет станет более понятным, если учесть, что там валяли сукно не вручную, а на мельницах, с которыми отдельный ремесленник конкурировать не мог: «Никакой человек не должен посылать какое-либо сукно, которое называется “Rauclothe” на мельницу, и потом получать указанное сукно от сукновала на отделку»²⁰⁴. Самостоятельные ремесленники валяли сукно руками или ногами в корыте или желобе (“in the trough”). На мельницах водяное колесо приводило в движение тяжелые деревянные песты, которые обрабатывали сукна. Использование только одной мельницы заменяло труд 24 сукновалов, поэтому городские ремесленники боялись разорения.

Опасения эти не были напрасными, потому что в течение XIII в. многие старые центры сукноделия из-за конкуренции с сельской промышленностью пришли в упадок. Например, в Винчестере в XII в. гильдии ткачей и сукновалов ежегодно уплачивали королю 6 ф. ст. Ко времени Эдуарда I они стали с трудом собирать деньги для уплаты. В Оксфорде в XII в. гильдия ткачей также уплачивала 6 ф. ст., а при Эдуарде I они просили снизить сумму до 42 шиллингов, поскольку вместо 60-ти или более ткачей в городе осталось только 15. Позднее они ходатайствовали о снижении суммы до 6 ш. 8 п., т.к. их осталось только 7 человек, и, наконец, в 1323 г. в городе не было ни одного ткача. В Линкольне во времена Генриха II трудилось более 200 ткачей, а к 1345 г. только несколько человек. Признаки упадка можно обнаружить в Нортгемптоне и Лейстере²⁰⁵.

Однако затухание промышленности в старых ремесленных центрах не означал ее упадка в целом — с распространением сукновальных мельниц производство сукна переместилось с востока на запад Англии. Здесь были не только источники превосходной шерсти, но и значительные водные ресурсы. К концу XIV в. половина производившегося в городах сукна приходилась на долю Солсбери, Бристоля, Йорка и Ковентри²⁰⁶. Говоря об Англии XIII—XV вв., Е.В. Гутнова отмечала: «Город

²⁰⁴LRB. V. II. P. 13.

²⁰⁵Carus-Wilson E.M. Medieval Merchant Venturers. P. 204—205.

²⁰⁶Gray H.L. The Production and Exportation of English Woolens... P. 30—32.

не стал здесь монополистом в развитии товарно-денежных отношений. Зато отношения между ним и деревней были более тесными, регулярными и равноправными, а формирование внутреннего рынка происходило более спонтанно, быстро и равномерно, чем в странах континентальной Европы»²⁰⁷.

Город всегда стремился ограничить ремесленное производство в деревне. Но какое-то количество сырья всегда поступало в город уже частично обработанным. Иногда это объяснялось очень большими затратами топлива при первоначальной обработке, например, фактически весь металл предварительно плавился рядом с рудниками, где его добывали, и только после этого привозился на городской рынок. Большое количество строительного материала также доставлялось в город наполовину отделанным или даже в готовом виде. Дерево пилилось там, где его рубили, известь обжигали там, где можно было найти подходящий материал, камень обрабатывался рядом с каменоломней²⁰⁸.

Да и совершенно запретить сукноделие в деревне было невозможно — запрещения и не направлялись против ремесла, ориентированного на удовлетворение потребностей сельских жителей. Меры противодействия со стороны города были направлены против сельского суконного производства, рассчитанного на рынок и составлявшего конкуренцию городскому ремеслу. Для Бристоля сельская промышленность не представляла опасности, т.к. росла под его контролем, и город обеспечивал ее рынками сбыта. Городские суконщики не только организовывали производство сукна в близлежащих деревнях и местечках, но и контролировали продажу его на городском рынке. Например, в 1381 г. они добились постановления, в котором сказано: «Если какая-то пряжа будет принесена собственником [в город] для продажи, то она должна быть принесена в пятницу и ни в какой другой день»²⁰⁹. Во времена Ричарда II (1377—1399) было предписано, что различные люди, «приносящие сукно в город, чтобы продавать, должны класть свои сукна в доме в пределах двора Томаса Даньелла на Болдуин-стрит, который отведен для продажи сукна; и что указанные сукна должны быть открыто выставлены для продажи дважды в неделю, а именно каждую среду и пятницу»²¹⁰.

Если мелким самостоятельным производителям в городе конкуренция сельских ремесленников, работавших по найму, грозила разо-

²⁰⁷ Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 56.

²⁰⁸ Salzman L.F. Building in England down to 1540. Oxford, 1952. P. 123.

²⁰⁹ LRB. V. II. P. 9.

²¹⁰ Ibid. P. 71—72.

рением, то предпринимателям было выгоднее организовывать производство в деревне, где не было обременительных пошлин и строгого контроля со стороны цеха. Тем городским центрам, которые поставили под контроль производство в округе, экономический упадок не грозил. Применительно к Германии XIV в. Ф. Ирзиглер отмечал, что система авансирования предоставляла текстильному ремеслу самую благоприятную возможность для «привлечения производственного потенциала округи, ремесленного производства мелких городов и деревень в экономику крупных промышленных и торговых центров»²¹¹. И хотя в XIV в. Бристоль экспортировал ткани, произведенные за пределами города, в нем самом производством сукна было занято по крайней мере 1500 человек²¹².

Ранней формой капиталистического производства являлась, как известно, простая капиталистическая кооперация. Перед мастерской ремесленника она имела то преимущество, что соединение сравнительно большого числа работников в одном месте во много раз увеличивало производительность труда. Представляется, что о существовании простой капиталистической кооперации в Бристолье можно говорить применительно уже к первой половине XIV в. В 1338/39 г. крупному предпринимателю Томасу Бланкету пришлось защищаться от нападков членов гильдии ткачей, когда он и несколько других предприимчивых горожан организовали крупномасштабное по тем временам производство сукна, сосредоточив в своих руках несколько мастерских, в которых разместили станки, и для работы на них нанимали ткачей²¹³. Король направил мэру и бейлифам Бристолья указ, коим запрещал притеснять Томаса Бланкета и других, оштрафованных на большую сумму за нарушение цеховых ограничений.

Возможно, Т. Бланкет был из иностранных ремесленников, т.к. в своем споре с муниципалитетом он ссылаясь на статут 1337 г., в котором Эдуард III предлагал покровительство всем иностранным изготовителям сукна, переселившимся в Англию. Король обещал им различные льготы и освобождение от контроля гильдий²¹⁴. Видимо, Бланкет был не единственным бристольтцем, поставившим производство сукна на новую основу.

Во второй половине XV в. сведения о существовании простой капиталистической кооперации в сукноделии города встречаются постоян-

²¹¹Irsigler F. Frühe Verlagsbeziehungen in der gewerblichen Produktion des westlichen Hanseraumes // Hansische Studien. Weimar, 1981. S. 181.

²¹²The Staple Court Books of Bristol. P. 74.

²¹³Ibid. P. 73.

²¹⁴Statutes of the Realm... V. I. P. 280; Calendar of close rolls of the reign of Edward III. L., 1896—1913. 1339—1341. P. 311.

но. В 1461 г. ткачи жаловались, что «различные люди гильдии ткачей <...> снабжают сырьем, привлекают к работе и нанимают (*puttyn, occupien and hiren*) их жен, дочерей и девушек; некоторых, чтобы ткать на их собственных станках, а иных, чтобы работать с другими лицами названной профессии»²¹⁵. Данные о том, что названные люди не просто получают сырье для работы, а нанимаются за плату, «чтобы работать с другими людьми», позволяют предположить — речь идет не только о системе раздачи сырья, но и о простой капиталистической кооперации.

Предпринимателям было выгодно нанимать женщин, поскольку их труд ценился дешевле. В 1346 г. плата женщине-ткачихе равнялась 1 пенсу, тогда как мужчина получал за ту же работу 4—6 пенсов в день²¹⁶. В ответ на жалобу ткачей Совет постановил: «...Ни один человек названной гильдии ткачей <...> не должен сажать за работу, снабжать сырьем или нанимать названных жен, дочерей или девушек для такого занятия ткачеством на станке вместе с собой или каким-либо другим лицом»²¹⁷. Городской совет явно противопоставляет «такое занятие ткачеством» традиционной работе мастера-ткача со своим подмастерьем. Тот факт, что члены семей самостоятельных мастеров вынуждены наниматься на работу, свидетельствует о неблагоприятном положении рядовых членов гильдии.

Существование простой капиталистической кооперации в суконной промышленности можно обнаружить и в других городах Англии. Во второй половине XV в. йоркский пивовар Уильям Коултман имел в городе особый прядильный дом, т.е. пивовар нанимал прядильщиц и сажал их за работу в особом помещении²¹⁸.

Есть основания говорить о том, что в рассматриваемое время в Бристоле зарождается и еще одна новая форма организации производства — мануфактура. Прямых данных об этом в источниках нет, но их и трудно ожидать, т.к. предприниматели на первых порах не старались афишировать расширение производства. В этом смысле очень интересна оговорка в упоминавшемся постановлении ткачей 1490 г. Члены цеха жаловались, что внецеховые ремесленники получали шерсть и шерстяную пряжу от ткачей и других изготовителей сукна *тайком*²¹⁹.

Однако неоднократные упоминания об использовании мастерами неквалифицированных работников позволяет предположить наличие разделения труда, которое невозможно в рамках простой капиталистической кооперации. Не исключено, что несколько мастерских, ко-

²¹⁵LRB. V. II. P. 127.

²¹⁶Ibid. P. 12—13.

²¹⁷Ibid. P. 127.

²¹⁸Swanson H. Medieval Artisans... P. 32.

²¹⁹LRB. V. II. P. 123.

торыми владел Томас Бланкет, представляли собой мануфактуру, а не кооперацию, т.к. между этими несколькими мастерскими легко было распределить отдельные операции по производству сукна.

В 1462 г. ткачи просили городской совет запретить предпринимателям нанимать людей для того, «чтобы заниматься ремеслом названной гильдии ткачей или каким-нибудь другим, относящимся и принадлежащим к этому делу»²²⁰. Иными словами, некоторые члены гильдии ткачей нанимали работников не только для того, чтобы ткать, но и выполнять другие операции в процессе изготовления сукна. В 1490 г. ткачи жаловались, что «различные люди неправильных наклонностей поселились в названном городе и здесь занимаются изготовлением узкого сукна, имея мало или совсем не имея опыта в этом занятии, каковые личности обычно получают шерсть или шерстяную пряжу украдкой от ткачей и других изготовителей сукна названного города»²²¹. Хотелось бы обратить внимание на то, что не только ткачи раздают шерсть и пряжу, но и «другие изготовители сукна» вмешиваются в сферу деятельности гильдии. Скорее всего, речь идет о сукновалах или красильщиках, а значит, эти предприниматели сосредоточили в своих руках несколько операций.

Остановить наступление предпринимателей на мелкое самостоятельное производство было очень трудно, и гильдиям не всегда удавалось отстоять свои интересы. В 1355 г. городской совет постановил, что «никакая шерстяная пряжа не будет посылаться из города ткачам без того, чтобы сначала олдермен осмотрел основу, каковая должна быть такой ширины, как выше сказано»²²². Таким образом, в том же самом году, когда гильдия ткачей запрещает заниматься в городе ткачеством тем людям, которые не являются бюргерами, предприниматели получили возможность использовать сельских ремесленников. Совершенно ясно, что запрет носил полуформальный характер: свидетельство олдермена развязывало руки суконщикам. Это и не удивительно, поскольку среди членов Совета были купцы и предприниматели, которые сами выступали в роли скупщиков и раздатчиков, поэтому они смогли добиться подобного решения.

Непоследовательность политики городского совета и гильдии отразилась и в постановлении 1360 г., в котором запрещается раздавать сырье кому-либо «кроме бюргеров или их жен». Хотя в предшествующих и последующих ордонансах ткачи пытались вообще запретить практику раздачи шерсти и пряжи кому бы то ни было.

В 1381 г. скупщики (скорее всего, они же и раздатчики) добились постановления, запрещавшего торговлю шерстью вразнос. Собствен-

²²⁰LRB. V. II. P. 128.

²²¹Ibid. P. 123.

²²²Ibid. P. 5.

ники пряжи могли продавать ее только в пятницу, и ни в какой другой день²²³. Видимо, мелкие торговцы пытались сбывать сырье мелким самостоятельным ремесленникам, но Совет принял решение в пользу раздатчиков.

Городские власти могли опереться в решении этого вопроса на общегосударственное законодательство. В 1363 г. Эдуард III издал статут, по которому каждому купцу предписывалось торговать лишь одним товаром, а ремесленнику заниматься лишь одним ремеслом²²⁴. Он закреплял монополию торговых и ремесленных гильдий. Но вместе с тем узаконил положение, по которому ремесленники не могли сами торговать своими изделиями, поэтому ткачи, прядильщики, сукновалы ставились в зависимость от торговцев сукном — суконщиков. В то время как крупные купцы, судя по таможенным отчетам, вовсе не ограничивали себя одним товаром.

Статуты ремесленных гильдий позволяют выяснить состав богатых и предприимчивых людей, расширявших производство. В постановлениях, относящихся к XIV в., редко точно определяется их статус, гораздо чаще употребляется глухой термин «кто-то» раздает, или от «кого-то» получают. Хотя можно встретить и более конкретные данные. В упоминавшемся постановлении 1360 г. городской совет запрещал красильщикам пускать в работу сразу несколько бочек вайды. Совершенно очевидно, что речь идет о предпринимателе, который обеспечивал сырьем других членов гильдии, или организовал крупное производство типа простой капиталистической кооперации.

Если в постановлении гильдии ткачей запрещается «ткачам и другим изготовителям сукна» раздавать сырье, то очевидно, что в роли раздатчиков выступали разбогатевшие ремесленники. Сукновалы, кожевники, портные, так же, как ткачи и красильщики, жалуются на мастеров своей гильдии и на чужеземцев (т.е. прибывших из других мест).

Косвенным доказательством того, что часть ремесленников превращается в скупщиков, служат таможенные отчеты и торговые лицензии. Среди экспортеров сукна можно было встретить красильщиков (Джон Хенлов, Джон Хоггз), портных (Роберт Скейлз) и других мастеров²²⁵. Подобные факты обнаруживаются и в других городах. В конце XIV в. экспортерами сукна в Йорке были ткач Адам де Хелперби и четверо изготовителей луков — Уильям Хиллам, Джон Паннал, Уильям де Ли, Роберт де Лейнфорд²²⁶. Конечно, можно предположить, что это были купцы, которые проникали в ремесленные гильдии с целью подчинить себе мелких ремесленников.

²²³LRB. V. II. P. 9.

²²⁴Statutes of the Realm... V. I. P. 379.

²²⁵The Overseas Trade of Bristol... P. 158—159, 212.

²²⁶Swanson H. Medieval Artisans... P. 141.

В документах встречаются жалобы и на купцов, которые не только сбывали готовую продукцию, но и начинали организовывать ее производство. В 1406 г. сукновалы города отмечали, что «некоторые купцы Бристоля прежде привыкли валять часть их сукон в различных местах сельской округи...»²²⁷. Замечание о «привычке» купцов свидетельствует о том, что явление это существовало давно и зародилось, видимо, еще в XIV в. Постановлением 1407 г. красильщики обязывались добросовестно окрашивать шерсть и сукно всех купцов и бюргеров Бристоля, из чего ясно, что они получали заказы не только от ремесленников²²⁸. Статут 1439 г. дает совершенно очевидное свидетельство проникновения купцов в производство: «Названные четыре мастера и их слуги все и в отдельности, занятые в указанном ремесле, должны быть готовы проверять всю такую вайду после ее приготовления для любого купца названного города, когда им будет нужно...»²²⁹. Поскольку краситель из вайды готовился непосредственно перед употреблением, ясно, что купцы не просто поставляли вайду, но и организовывали окраску тканей. Проникновение купцов в производство в XIV в. наблюдалось не только в Бристоле. Х. Суонсон упоминает йоркского купца Уолтера де Келстера, который в 1338 г. купил 10 мешков линкольнширской шерсти «и переправил их в Йорк, чтобы, как полагают, делать сукно»²³⁰.

Итак, материалы источников позволяют утверждать, что в некоторых отраслях ремесла Бристоля уже в первой половине XIV в. существовала раздача сырья обедневшим ремесленникам как в самом городе, так и в деревне. Видимо, в Бристоле XIV в. возникают и другие новые формы организации производства — простая капиталистическая кооперация и мануфактура.

Важно отметить, что эти явления зарождались не только в деревне. Из многих постановлений ясно, что в качестве предпринимателей выступали разбогатевшие мастера ремесленных гильдий. Многочисленные ордонансы наглядно показывают размах стихийного вытеснения предпринимателями мелкого производителя в ремесле, т.е. фактической экспроприации ремесленника. Процессы, происходившие в некоторых отраслях производства в Бристоле, позволяют утверждать, что массовому сгону крестьян с земли предшествовало возникновение раннекапиталистического производства в английском городе, и что вытеснение мелкого производства крупным было достаточно длительным, а не сводилось только к какому-то единовременному акту.

²²⁷LRB. V. II. P. 78—79.

²²⁸Ibid. P. 88.

²²⁹Ibid. P. 174.

²³⁰Swanson H. Medieval Artisans... P. 139—140.

Какое же влияние оказывало на развитие производства существование гильдейской системы с ее жесткими регламентами? Может быть, нет оснований приписывать гильдиям какую-либо способность влиять на экономические изменения или задерживать их? Или экономика функционировала в значительной степени независимо от них? Думается, если бы цеховые ограничения не влияли на развитие ремесла, то в XV в. вряд ли произошло бы перемещение производства главного экспортного товара королевства — сукна за пределы крупных городов.

Отметим, что жесткие регламенты, которые устанавливались в различных гильдиях, постоянно нарушались. Но подобные действия строго карались, и не все нарушители могли позволить себе откровенное пренебрежение к установленным порядкам. Цеховые постановления стремились не допустить появления новых форм организации ремесла. Борьба с попытками расширить производство нашла отражение в разных статутах. Конечно, эти постановления не могли остановить изменений в ремесле, но нельзя отрицать, что они им мешали и задерживали их.

Значит ли это, что есть основания однозначно определить значение существования гильдейской системы в ремесле? Думается, вопрос нужно рассматривать применительно к конкретному времени и обстановке. Примерно до середины XIV в. цеховая организация производства вполне соответствовала уровню развития производительных сил общества и стимулировала их развитие. И то, что цехи продолжали существовать и в XVI в., (а официально они были отменены в Англии только в XIX в.) и за сохранение их выступало большинство мелких самостоятельных производителей, означает главное — они со своими задачами успешно справлялись.

Однако уже в XIV в., когда рынок сбыта для основных товаров существенно расширился, насущной стала потребность расширять производство. И объективные потребности экономики вступили в противоречие с интересами мелких производителей. С этого момента цех стал тормозом развития производства, и на протяжении нескольких веков шло медленное, постепенное вытеснение новыми формами организации производства старой цеховой системы, пока промышленный переворот не завершил данный длительный процесс.

Социальное развитие Бристоля

§ 1. Городская община и самоуправление в английских городах XIV—XV вв.

Начало складывания сословия горожан в Англии относится к XI—XII вв., но окончательное оформление его с собственными органами власти, особыми судами и т.п. приходится на XIII век¹. В понятие «сословие горожан» включается не все городское население, а лишь та его часть, которая обладала сословными привилегиями (“franchise”), т.е. полноправные горожане. В документах XIV—XV вв., составленных городскими советами, жители города именуются не «сословием». Когда нужно было соотнести интересы города и отдельных корпораций, других городов и королевской администрации, то применялось определение «община» — штрафы собирались в пользу общины, постановления составлялись в интересах общины и т.п. Кто же включался в понятие «община» в рассматриваемое время?

Жители английских городов обычно обозначались термином “burghesses” от английского названия города — “borough”. Рассмотрение социального, экономического, правового положения бюргерства осложняется тем, что сами термины «бюргер» и «бюргерство» очень неоднозначны. А.А. Сванидзе отмечала, что они могут применяться 1) ко всем жителям города, занятым непосредственно «городским делом», в отличие от сельского населения; 2) к широкому среднему слою горожан, в отличие от патрициата и плебса; 3) к среднему и высшему слою городских жителей, которые обладали всей полнотой прав в городах (правами бюргера); 4) к городскому сословию в сословных учреждениях². Фактически, все зависит от того, какие критерии применяются при

¹ О процессе формирования населения английских городов см.: *Левицкий Я.А.* Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 257—261.

² *Сванидзе А.А.* Социальная характеристика шведского бюргерства XIV—XV веков // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 40—41; *Она же.* Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I. С. 34.

изучении — топографические, социальные, экономические, правовые или политические.

Кроме того, нельзя не учитывать, что в разные периоды времени эти термины определялись разные группы горожан. В XII в. понятие «бюргер» прилагалось ко всем постоянным жителям города, владевшим недвижимостью и имевшим право быть членами городского собрания, которые участвовали в уплате податей королю. В течение XIII в. статус бюргера все более связывался с членством в Торговой гильдии. Поскольку Торговая гильдия была широкой корпорацией, включавшей в себя и купцов, и ремесленников, членство в ней приравнивалось к допущению к привилегиям и свободам. Понятие «свобода» (“freedom”) развивалось постепенно и только к XIV в. было полностью детерминировано. В рассматриваемое время свобода города формально определялась в терминах гражданских прав и обязанностей, правового и экономического статуса (отсюда, полноправный горожанин — фримен).

С того времени, когда начали возникать ремесленные гильдии, прием в их члены одновременно означал и допущение к городским привилегиям и свободам. В XII—XIV вв. до начала «замыкания цехов» бюргерство включало в себя не только купцов, самостоятельных ремесленников, но и подмастерьев³. В городскую общину не допускались деклассированные элементы, т.е. городской плебс.

С чем мы сталкиваемся в XIV—XV вв.? Стать бюргером значило не только получить определенные права — заниматься ремеслом или торговлей в пределах территории, которую контролировал город, иметь юридическую и финансовую защиту в случае столкновения с жителями других городов, но принятие в общину города было связано и с большими обязанностями, в первую очередь, с денежными взносами на различные городские нужды, с уплатой фирмы (ежегодной подати королю в виде определенной суммы денег или продуктов), а также выполнением многочисленных общественных обязанностей, большинство из которых не оплачивалось.

Х. Суонсон отмечала, что в Йорке к началу XIV в. допущение к свободам можно было получить тремя путями: 1) по наследству, как сын фримена, 2) через ученичество, 3) через покупку⁴. В XIV в. в Бристоле сохранялось правило, по которому прохождение ученичества означало приобретение статуса фримена. Например, в 1366 г. городской совет Бристоля постановил, что те люди, которые прошли ученичество в каком-то из городских цехов в течение 7 лет и имеют хорошие реко-

³ Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 54.

⁴ Swanson H. Medieval Artisans... P. 108.

мендации от своего мастера или других достойных доверия людей, могут быть допущены к свободам города без какой-либо платы⁵. Правда, чтобы стать мастером в ремесленном цехе в XIV в. ученик должен был обладать суммой не меньше, чем 5 фунтов, поэтому этот «широкий жест» нужно оценивать осторожно.

Оставаясь в юридическом отношении равноправным, по своему социальному, а тем более экономическому положению торгово-ремесленное население подверглось значительному расслоению. Интересные сведения по данному вопросу приводит А.А. Кириллова. В конце XIV в. в городе Йорке в гильдии ткачей насчитывалось 800 человек, из которых наиболее зажиточными были 50, но даже из них в списки фрименов занесли только 8 человек⁶. Поэтому не будет странным, что в списках налогоплательщиков в Бристоле в 1313 г. числился всего 631 человек, хотя население города насчитывало примерно 10 тыс. жителей. В 1327 г. в уплате налога участвовало еще меньше — 300 человек. Подобная разница объяснялась тем, что в 1313 г. облагаемый налогом минимум составлял 1 ш. 4 п., а в 1327 г. имущество такой стоимости не учитывалось⁷. За пределами списков оставалось от 1/3 до 1/2 всех фрименов города, не говоря уже о тех людях, которые не имели статуса полноправного горожанина.

Итак, в XIV в., как и прежде, можно было стать фрименом, пройдя ученичество и получив звание мастера. Но в рассматриваемое время в Бристоле существовал и другой способ стать полноправным горожанином. В упоминавшемся постановлении городского совета Бристоля от 1366 г. отмечалось, что те люди, которые не являются бюргерами, могут быть допущены к привилегиям города и заниматься ремеслом, если уплатят 10 фунтов. То же касалось и купцов, желавших стать фрименами Бристоля⁸. Таким образом, в XIV в. получение полноправия все больше связывалось с имущественным положением горожанина. А к началу XIV в. имущественное расслоение бристольтцев было уже очень значительным, о чем свидетельствует тот факт, что в 1313 г. 5,2% (это всего 33 человека) внесли 34,7% городского налога⁹.

Наряду с тем, что зажиточным людям облегчался доступ к городским свободам, примерно с середины XIV в. законодательно начинает

⁵ LRB. V. II. P. 48—49.

⁶ Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // Вопросы социальной и классовой борьбы в английских городах XIV—XVII вв. М., 1969. С. 103. Каждый фримен в Йорке должен был иметь свой дом.

⁷ Fuller E.A. The Tallage of 6 Edward II and the Bristol Rebellion // Transactions of Bristol and Gloucestershire Archaeological Society. 1894—1895. Vol. XIX.

⁸ LRB. V. II. P. 47.

⁹ Fuller E.A. The Tallage of 6 Edward II...

сокращаться круг лиц, которые имели возможность стать полноправными горожанами. В 1344 г. городской совет Бристоля постановил, что «в будущем никто не будет допущен к городским привилегиям, если он не свободного состояния, хорошей и честной репутации, и для подтверждения этого может представить двух надежных и законных бюргеров»¹⁰. Более того, как уже отмечалось, теперь даже женитьба на женщине из бюргерской семьи не помогала изменить свой социальный статус.

Но эти ограничения, естественно, не касались людей зажиточных, о чем свидетельствует разрешение приобретать права полноправного горожанина за определенную сумму. Во второй половине XIV в. правительство, исходя из своих соображений (стремясь обеспечить сельских землевладельцев рабочими руками), подкрепило подобную политику городских корпораций законодательно — постановлением «Безжалостного парламента» 1388 г. запрещалось поступать в ученики к какому-нибудь городскому ремесленнику людям, которые до 12 лет были заняты в сельском хозяйстве. Если кто-то до этого времени успел поступить в ученики, соглашение аннулировалось. Но это распоряжение касалось лишь тех жителей деревни, которые не имели 20 ш. годового дохода с земли или ренты¹¹.

Правда, далеко не все запреты заниматься в городе ремеслом и торговлей людям, не являющимся бюргерами, реализовались на деле. Да в этом и не были заинтересованы все городские жители — богатые купцы и предприниматели охотно принимали на работу лиц, не связанных цеховыми ограничениями. Поэтому в экономической сфере такое социальное деление не было особенно существенным. Но оно позволяло отстранить от управления городом тех, у кого отсутствовали достаточные денежные средства.

Итак, среди городского населения четко выделялись два слоя — полноправные и неполноправные жители. Но в социальной градации горожан в XIV—XV вв. нужно отметить наличие и третьей категории — “portmen”. В 1346 г. в ордонансе для гильдии портных Бристоля мы встречаем упоминание о людях, которые не были ни чужеземцами, ни бюргерами, и занимались перепродажей сукна¹². В упоминавшемся уже постановлении городского совета от 1366 г. отмечалось, что «все те, кто не являются бюргерами, но желают торговать или заниматься своим ремеслом в пределах города и не имеют средств или не желают платить указанную сумму в 10 ф. для того, чтобы получить права, могут получить

¹⁰ LRB. V. I. P. 37.

¹¹ Statutes of the Realm... V. II. P. 57, 157.

¹² LRB. V. II. P. 26.

их в качестве “portmen” и уплатить фэйн общине по усмотрению мэра и стюардов, и согласно своему положению получать от этого выгоду»¹³.

Происхождение термина достаточно подробно рассмотрено Я.А. Левицким, который определял “portmen” как «людей порта», «жителей порта»¹⁴. Термин “port”, пришедший из англосаксонских документов, не обязательно обозначал морской порт, гавань или пристань. Портами именовались места, где осуществлялась торговля, существовал рынок; хотя из-за островного положения Англии именно морские гавани (“portus”) играли главную роль в торговле. В IX—XI вв. портами именовались такие «сухопутные» города — Кентербери, Вустер, Норгемптон, Герефорд, Винчестер. Хотя для Лондона, который назывался портом еще в VIII в., как и для Бристоля, понятие рыночного места и гавани совпадало.

Происхождение терминов “port” и “portmen” помогает понять, какое положение занимали “portmen” в городе XIV—XV вв. В постановлении городского совета Бристоля от 1366 г. их статус явно противопоставлялся статусу бюргеров. Они получали экономические права, т.е. могли заниматься ремеслом и вести торговлю, но это не означало полного обладания городскими привилегиями — к участию в общественной жизни города они не допускались. С течением времени права “portmen” все более ограничивались, и к XV в. стали ничтожными. В 1455 г. городской совет постановил, что «ни один мужчина или женщина, будучи “portmen”, не будут допущены торговать чем-либо, кроме хлеба и эля. И ежегодно они должны уплатить фэйн в 40 пенсов»¹⁵. Хлеб и эль были основными продуктами питания средних слоев горожан, поэтому городские власти не стремились ограничивать торговлю ими. Ежегодный взнос в 40 п. для богатого купца был мизерной суммой, но если вспомнить, что средний заработок подмастерья был 3—6 п. в день, то для мелкого торговца упомянутые деньги оказывались очень значительными.

Постепенно упоминание о “portmen” в городских документах XV в. исчезают. Вероятно, это происходило потому, что по своему социальному положению данная категория населения почти перестала отличаться от обедневших бюргеров, которые из-за своего имущественного положения также были отстранены от решения важных для города проблем. Степень полноправия горожан все более тесно связывалась с их благосостоянием.

Среди жителей города были не только купцы и ремесленники. В нем всегда находилось какое-то количество феодалов — светских или ду-

¹³ LRB. V. II. P. 48.

¹⁴ Левицкий Я.А. Город и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М., 1960. С. 85—95.

¹⁵ GRB. V. II. P. 50.

ховных — и их слуги, гарнизон замка, монахи и священники, различные чужаки (недавно пришедшие в город сельские жители и иностранцы) и прочие. Их нельзя включить в сословие горожан, но если говорить о социально-политической жизни города, то не учитывать эти элементы было бы неправильно.

Какими же правами, помимо экономических, располагали жители английских городов XIV—XV вв., точнее, в чем конкретно выразалось их участие в общественной жизни города?

Одной из особенностей развития английских средневековых городов было то, что наиболее значительные из них располагались на королевской земле. После нормандского завоевания королю принадлежала не только 1/7 часть всех обрабатываемых земель, но и 2/3 всех городов¹⁶. Это своеобразное положение наложило отпечаток на борьбу английских городов за освобождение от сеньориальной зависимости — с таким сеньором как король было очень трудно бороться. Поэтому Англия в отличие от Франции или Германии почти не знала антисеньориальной борьбы в виде вооруженных восстаний.

Конечно, из каждого правила есть исключения, но основным путем приобретения городских вольностей была многократная «покупка» хартий, предоставлявших статус «вольного города». Однако даже этот статус, достигнутый не всеми английскими городами, не предоставлял им права полного самоуправления типа французской коммуны. К началу XIV в. лишь 14 из 278 городов в стране имели право выбирать городской совет, 35% получили право фирмы, 31% мог избирать своих мэров и бейлифов, 48% имели свой городской суд, остальные были вынуждены довольствоваться более или менее значительными экономическими и политическими привилегиями¹⁷.

Ко времени составления «Книги Страшного суда» Бристоль обладал правом фирмы: в 1086 г. она оценивалась в 84 фунта. Больше платили только Лондон — 300 ф. (правда, это вместе с Мидлсексом) и Йорк — 100 фунтов. Честер платил 76 ф., Глостер 60, остальные города еще меньше¹⁸. Хартия Джона 1188 г., когда он был еще графом Муртоном и сеньором города, дала бристольцам довольно большие права — они получили свой городской суд, который заседал раз в неделю, подтвердила существование торговой гильдии, определила права на имущество и личный статус¹⁹. К нача-

¹⁶ Левицкий Я.А. Город и феодализм в Англии. М., 1987. С. 268.

¹⁷ Tait J. The Medieval English Borough. Manchester, 1936. P. 266—281; Гутнова Е.В. Город, бюргерство и феодальная монархия // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. 4. С. 13.

¹⁸ Ross S.D. Bristol in the Middle Ages // Bristol and Its Adjoining Counties. Bristol, 1955. P. 185.

¹⁹ Bristol Charters (1153—1373)... P. 2—13.

лу XIII в. Бристоль имел право избирать мэра (список мэров города ведет свое начало от 1214 г.), так что к XIV в. его ежегодное избрание стало уже давней традицией.

Но процесс складывания органов городского самоуправления продолжался и в XIV веке. В «Обычаях города Бристоля», записанных в «Малую Красную Книгу» под 1344 г., зафиксировано появление городского совета: «По просьбе Стивена ле Спайсера, избранного мэром в вышеуказанном году, для укрепления его положения и управления городом с общего согласия были избраны 48 наиболее влиятельных и благоразумных людей вышеупомянутого города как советники и консультанты для него, и для помощи и быстрого решения дел города»²⁰. Собираться для «обсуждения дел общины» они должны были по приглашению мэра. В «Обычаях» предусматривалось, что если не все члены Совета явятся по приглашению, то «дело должно исполняться 24-мя из указанных 48-ми». Если же не соберется и столько, дела следовало решать «12-ю по крайней мере», а все отсутствующие должны уплатить штраф в 6 пенсов²¹. Сама оговорка свидетельствует о том, что не все избранные члены Совета регулярно являлись на заседания. Возможно, это объяснялось тем, что жалования они не получали и считали невыгодным для себя отказываться от своих занятий. Купцы в связи с торговыми делами могли отсутствовать в городе, когда происходило заседание, а штраф в 6 п. был для них совсем необременительным.

Дэвид Сакс, изучавший социально-политическую историю Бристоля XVI—XVII вв., считал, что городской совет существовал уже в XIII в. и состоял, как и в других городах, «из 12 или 24 „probi homines“» (возможно, из 14 человек). В 1344 г. этот Совет был упразднен и избран новый в составе 48 человек²².

Кроме мэра и членов городского совета в «Обычаях города Бристоля» упоминаются и другие должностные лица — рикордер, бейлифы, «стражи мира», сержанты флота, сборщики пошлин. В прочих городских документах XIV в. встречаются упоминания о чемберлене, констеблях, стюардах, городском клерке и обязательно о шерифе.

По социальному статусу и богатству на первом месте из выборных должностных лиц стоял мэр. Он избирался только из числа олдерменов, а олдерменом можно было стать лишь имея собственный дом и ренту²³. Во времена Ричарда II все мэры Бристоля занимались внешней торговлей и половина из них владели кораблями.

²⁰ LRB. V. I. P. 24.

²¹ Ibid. P. 26—27.

²² Sacks D.H. Trade, Society and Politics in Bristol. 1500—1540. N.Y., 1985. Vol. I. P. 22, 772.

²³ LRB. V. I. P. 40.

Из упомянутых чиновников наиболее высокое положение после мэра занимал шериф, который был представителем королевской власти в графстве. С нормандского завоевания английские города никогда не были «предоставлены сами себе», они всегда подчинялись контролю центральной власти. Связь между городской администрацией и королевской имела постоянный характер, и отчетность перед короной — регулярной, поэтому присутствие в городе королевских должностных лиц было вполне обычным. Шериф защищал финансовые интересы короны, собирал третью часть судебных штрафов в пользу короля, наблюдал за тем, чтобы соблюдались общегосударственные законы, председательствовал на собрании и в суде графства. Поскольку должность шерифа в Средние века была неоплачиваемой, то на нее назначались местные крупные землевладельцы или зажиточные люди в городах. До 70-х гг. XIV в. упоминание о шерифе в городских документах было эпизодическим. Но в 1373 г. Бристоль по хартии Эдуарда III первым из английских городов получил статус отдельного графства и, соответственно, своего шерифа и графскую юрисдикцию²⁴. Судя по упоминавшимся в документах именам, шерифами в Бристоле избирались богатые горожане, главным образом купцы. Благодаря пожалованию Эдуарда III бристольтцы были изъяты из-под контроля графских судов и шерифов Глостера и Сомерсета.

Ступенькой ниже в должностной иерархии располагались бейлифы — чиновники, непосредственно подчиненные шерифу. Они назначались, чтобы собирать королевские пошлины в сотне, и часто брали на откуп их сбор, а также председательствовали в суде сотни. Поскольку традиционно город в Англии приравнивался к сотне, то там, где не существовало должности мэра, бейлиф являлся главой администрации. В Бристоле, получившем статус графства, было 4 бейлифа: два городских и два «портовых». Первые два ежегодно избирались городским советом и были «исполнительными агентами» городского управления — следили за порядком, собирали штрафы, вызывали присяжных, производили аресты и т.п. Так же, как и шерифы, они обычно избирались из людей богатых, и к концу XV в. поглотили власть шерифа в городе. Менее влиятельными были портовые бейлифы, одного из которых назначал город, другого — король. Бейлифы имели штат помощников, среди которых упоминались констебли, сержанты и пр.

В XIV в. судебная власть шерифа перешла к рикордеру — мировому судье (“justice of pease”). Это главное судебное должностное лицо городов и городков назначалось лордом-канцлером для решения некоторых дел в суде магистрата и передачи более серьезных в суды высшей инстан-

²⁴ Bristol Charters (1153—1373)... P. 119—123.

ции. Должность возникла в XIV в., когда в 1327 г. в графствах появились «стражи мира», которые затем превратились в мировых судей. Как шерифы и бейлифы рикордеры выполняли обязанности бесплатно, поэтому назначались из местной знати, в данном случае городской.

Прочие должностные лица — чемберлен (казначей), городской клерк, констебли, сержанты и другие получали за свою службу вознаграждение, которое определялось городским советом²⁵.

Постоянное присутствие в городе королевских должностных лиц приводило к возникновению напряженности между центральными и местными органами власти, тем более что королевские чиновники постоянно злоупотребляли своим положением. В 1344 г. городской совет Бристоля постановил: «Сержанты флота, бейлифы или какие-либо другие служащие не будут брать ввозных пошлин с зерна, соленой или свежей рыбы, сельди или какого-нибудь другого продовольствия или предметов, кроме как для нужд короля, и то по специальному приказу. И что сержанты флота и другие служащие не будут брать или требовать что-либо себе в качестве вознаграждения или за исполнение своей службы...»²⁶.

Вероятно, и злоупотребления королевских чиновников, и сопротивление этому со стороны горожан было делом обычным, потому что в том же 1344 г. городской совет вынужден предупредить: «Если кто-нибудь дурными словами будет оскорбительно поносить сборщика пошлины, констеблей или других служащих <...>, он должен заплатить общине 40 пенсов»²⁷.

Конечно, от действий королевских чиновников страдали не только бристольтцы. В 1323 г. правительству была подана жалоба купцов, вывозивших зерно, продовольствие и другие товары из Ирландии в Англию и Уэльс. В ответ на петицию издали ордонанс, в котором королевским чиновникам запрещалось производить аресты кораблей и товаров купцов, которые уплатили пошлины²⁸. На ноябрьском 1330 г. заседании парламента купцы подали 24 петиции с жалобами на конфискации товаров, произведенные в портах, и Палате шахматной доски было приказано выплатить купцам возмещение²⁹.

Наличие в городах представителей королевской администрации значительно ограничивало привилегии и свободы горожан. Само-

²⁵ GRB. V. I. Text. P. 119, 121; V. II. P. 49. Об обязанностях других должностных лиц см.: Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.;СПб., 2016. С. 95—102.

²⁶ LRB. V. I. P. 29—30.

²⁷ Ibid. P. 28.

²⁸ Statutes of the Realm... V. I. P. 193.

²⁹ Rotuli Parliamentorum Angliae hactenuinediti, 1279—1379. L., 1935. P. 205—207.

управление даже наиболее крупных английских городов, в том числе и Лондона, всегда оставалось неполным, и по любому поводу оно могло быть аннулировано, и горожане лишались привилегий, купленных ими очень недешево. В 1312 г. Йорк был взят в королевскую руку (т.е. лишен всех прав самоуправления) «за недостатки в охране города», в 1313 г. — Бристоль и Скарборо, 1321 г. — Лондон, 1330 г. — Нортгемптон, 1342 г. — Ньюкасл³⁰. На короткое время король брал в свои руки не только управление, но и доходы города. Назначенный им чиновник, заменявший или контролировавший обычную администрацию, получал право собирать все пошлины и городские налоги в пользу короля.

§ 2. Городская олигархия в XIV—XV вв.

Кому же из горожан принадлежала власть в органах городского самоуправления и в чьих интересах она использовалась?

Правящую верхушку средневековых городов в исторической литературе принято определять как патрициат. Для английских городов либо ставится под сомнение наличие патрициата в таком виде, как в городах континента, либо утверждается, что он не играл особой роли в жизни торгово-ремесленных центров. Так, еще У. Кённингем считал, что в XIII—XIV вв. патрициата в английских городах не было, т.к. в это время отсутствовали богатые английские купцы, появившиеся, согласно его точке зрения, лишь в XV в.³¹ По мнению Ч. Гросса, если патрициат и существовал в английских городах XIII—XIV вв., то он не оказывал никакого влияния на жизнь городов, поскольку в них в это время преобладала не олигархическая, а демократическая форма правления. Поэтому в Англии, в отличие от континентальных стран, не могла иметь место острая борьба между патрициатом и ремесленниками³². Такого же мнения придерживались Мереуэдер и Стивенз, которые утверждали, что в английских городах XIV в. существовала демократическая форма правления, и поэтому они отрицали роль и значение патрициата³³.

Этим утверждениям можно противопоставить мнение Ч. Коулби, А. Грин, Э. Хибберта. Ч. Коулби считал, что если в XIII в. в самоуправ-

³⁰ Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979. С. 95—98.

³¹ Кённингем У. Рост английской торговли и промышленности в Средние века. С. 290—294.

³² Gross Ch. *Gild Merchant*. Oxford, 1890. Vol. I. P. 107—108.

³³ Merewether and Stephens. *Of the Boroughs and Corporations*. L., 1835. Introd. P. XI, LXII.

лении английских городов господствовали демократические тенденции, то в XIV в. никакой демократии уже не было. Хотя он оговаривается, что узурпация прав основной части горожан еще не доказывает наличие олигархии, но говорит о переходе к ней. Ч. Коулби отмечает: постепенно должность мэра в ряде городов становится пожизненной, поскольку сроки переизбрания отодвигаются из года в год. Он ссылается при этом на факты из истории Бристоля, Линна, Беверли, Шрусбери и других городов³⁴.

Алиса Грин отмечала, что олигархическая система управления в английских городах была в полной силе уже в начале XIV в., и ее удастся проследить и пятьюдесятью годами ранее. Все значительные должности могли быть заняты только людьми с определенным доходом, и эти должности из поколения в поколение переходили представителям немногих семей, которые образовывали аристократию средневековых английских городов XIV в. По ее мнению, равных демократических выборов муниципалитета, единодушного согласия городской общины в XIV в. уже не существовало³⁵. Э. Хибберт на примере Линкольна утверждал, что в английских городах существовала олигархия богатых горожан, которую можно определить как патрициат. Представители этой группы были крупными землевладельцами и рантье, и в то же время занимали должности в городской администрации³⁶.

В отечественной историографии вопрос об английском патрициате также решается неоднозначно. Если исходить из определения патрициата В.В. Стоклицкой-Терешкович, которое подразумевает «полный отрыв от производства в связи с обладанием большими денежными средствами и участие во власти»³⁷, то в английских городах мы не обнаружим патрициата. Но что понимать под связью с производством — самому держать в руках молоток, заниматься ткачеством или валять сукно? Если же разбогатевший мастер или купец организуют производство, занимаются скупкой изделий и раздачей сырья, значит ли это, что они оторвались от производства? Видимо, определяющими критериями патрициата должны быть иные признаки.

Положительно решала вопрос о наличии в английских городах патрициата А.А. Кириллова. Она не дала четкого определения этой груп-

³⁴ Colby Ch. W. The Growth of Oligarchy in English Towns // The English Historical Review. 1890. № 20. P. 641—642, 649.

³⁵ Green A. S. Town Life in the Fifteenth Century. L.; N.Y., 1894. Vol. II. P. 243—244, 251—252, 255.

³⁶ Hibbert A. B. The Origins of Medieval Town Patriciat // Past and Present. 1953. № 3. P. 21.

³⁷ Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV веков. С. 237.

пе горожан, но говоря о Лондоне XIV—XV вв., отмечала, что там имела прослойка, «выделявшаяся своим богатством, владевшая домами, лавками, деньгами, поместьями, получившая дворянское звание, породнившаяся с семьями английского дворянства и превратившаяся в своего рода дворян-землевладельцев, получающих немалый доход со своих рыцарских держаний, т.е. уже в XIV в. сложился патрициат города Лондона. Это явление наблюдалось не только в Лондоне, но и в других городах Англии»³⁸. Более того, А.А. Кириллова говорит о наличии патрициата в английских городах уже в XIII в.³⁹

Другого мнения придерживается Л.П. Репина, которая ставит под сомнение правомерность применения термина «патрициат» в приложении к английским городам: «Выделившаяся внутри городского сословия в Англии высшая группа, которая состояла из представителей крупнейшего купечества, заняла прочные позиции в городском управлении и парламентском представительстве, имела значительные земельные владения, родственные связи с дворянством. Таким образом, этой купеческой верхушке был присущ ряд признаков, характерных для патрициата континентальных городов. Однако некоторые специфические особенности этого слоя горожан в Англии — его неустойчивость в ряде городов, особенно в Лондоне, мобильность социальной структуры в XIV в., не укладываются в устоявшийся в исторической литературе смысл термина “патрициат”»⁴⁰. Л.П. Репина отмечает, что те исследователи, которые используют этот термин применительно к английским городам, подчеркивают общие черты с патрициатом континентальных городов. Она считает, что в этом случае «пропадают те специфические черты, которые имеют существенное значение в рамках исследования городского сословия Англии и еще более — в региональных и локальных работах»⁴¹.

Думается, что исследование особенностей патрициата английских городов не обязательно связывать с отрицанием самого факта существования там патрициата. Так же, как значительные особенности английского дворянства по сравнению с французским, а тем более испанским, не означают отсутствия этого слоя в английском обществе.

Неустойчивость и мобильность социальной структуры, конечно, имели место в XIV—XV вв., но то же самое можно сказать о немецких и итальянских городах. К тому же, нужно учитывать, что наследственные фамилии медленно приживались в среде средневековых горожан,

³⁸ Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии... С. 95—96.

³⁹ Там же. С. 101.

⁴⁰ Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство... С. 80—81.

⁴¹ Репина Л.П. “Potentiores” и “meliores” Лондона в начале XIV в. // Средние века. М., 1981. Вып. 44. С. 227.

и даже использование фамилии двумя поколениями не могло помешать третьему поколению изменить ее. Например, фамилия Тертл часто встречается в официальных документах Бристоля в годы правления трех Эдуардов (Роджер Тертл был членом городского совета в 1344 г., Джон Тертл — в 1349 г.)⁴². Вероятно, она была французского происхождения, т.к. в акте 1284 г. один из участников соглашения подписался как «Стефан (Стивен) Парижский, известный как Тертл в Бристоле»⁴³.

Роберту Килмэнхему (родом из Ирландии) наследовал его сын под тем же именем, а его внук известен как Роберт Спайсер. Представители этой семьи были богатейшими купцами города и занимали видные посты в администрации — Стивен Спайсер был мэром города в 1339 и 1344 гг., Ричард Спайсер — мэр в 1354, 1360 и 1372 гг., Джон Спайсер был членом городского совета в 1344, 1349, 1350 гг. и мэром Стапля в 1353 году⁴⁴. В XIV—XV вв. очень распространены были в качестве фамилий географические прозвища — среди членов городского совета в разные годы мы встречаем Роберта из Бата, Томаса из Глостера, Т. Уилтшира, Джона Лейстера, Томаса из Ковентри и много подобных имен⁴⁵. Можно предположить, что через два-три поколения их наследники будут носить фамилии, связанные с их профессиональными занятиями или личными особенностями, как это произошло с внуком Роберта Килмэнхема («спайсер» в переводе означает «торговец пряностями», «бакалейщик»). Поэтому исчезновение фамилии еще не означало вымирание семьи из-за отсутствия наследника или выбывание из рядов торгового класса в связи с разорением. Может быть, имело место просто изменение фамилии.

Но даже при такой неустойчивости наследственных фамилий представители некоторых семей встречаются среди высших должностных лиц города на протяжении 100 лет и более. Например, Джон Стивенз числился среди членов городского совета 1381 г., а в 1490 г. мэром города был другой Джон Стивенз⁴⁶. В 1373 г. представитель одной из самых знатных и богатых семей Бристоля Уильям Кэнинджес был мэром города, а в 1468 г. этот пост занимал другой Уильям Кэнинджес⁴⁷.

Поэтому, думается, вполне правомерно применение термина «патрициат» в отношении правящей верхушки английских городов, не упуская из виду особенностей его состава и источников обогащения. В по-

⁴² LRB. V. I. P. 20, 25.

⁴³ Cartulary of St. Mark's Hospital Bristol. P. 37.

⁴⁴ LRB. V. I. P. 20, 21, 25; V. II. P. 22, 38, 39; The Staple Court Books of Bristol / Ed. by E.E. Rich. Bristol, 1934. P. 60. (Далее — SCB).

⁴⁵ LRB. V. I. P. 20, 21, 25, 114.

⁴⁶ Ibid. P. 114; V. II. P. 126.

⁴⁷ SCB. P. 60; GRB. V. III. P. 82.

следние годы вместо термина «патрициат» стали употреблять слово «элита», используя его как взаимозаменяемое понятие. Так, Х. Суонсон отмечает, что «правлящая элита и есть патрициат английских городов»⁴⁸. Вместе с тем, можно согласиться с мнением Л.Н. Черновой, что спор о возможности или невозможности использования термина «патрициат» при изучении социальной структуры английских средневековых городов в настоящее время уже не столь актуален⁴⁹.

Попытаемся рассмотреть, из кого формировалась правящая элита в Бристоле XIV—XV вв. Совершенно очевидно, что в городе, который являлся собирающим и распределяющим центром и крупнейшим портом страны, наиболее богатыми людьми были те, кто занимался торговлей. Из богатства отдельных купцов складывалось богатство города, благодаря этому, например, в середине XIII в. городская община смогла потратить 5 тыс. ф. на сооружение нового русла р. Фрома для строительства еще одной гавани. Нужно отметить, что строительство оказалось настолько значительным, что о нем проявил заботу Генрих III. Король приказал жителям пригорода Рэдклиф помочь бюргерам Бристоля, которые «для общей выгоды всего города Бристоля, так же, как и вашего пригорода, начали рыть канаву в болоте Св. Августина, чтобы корабли, приходящие в ваш порт Бристоль, могли входить и выходить более свободно и без препятствий»⁵⁰.

В первой половине XIV в. по богатству своих горожан Бристоль уступал только Лондону. По оценкам разных исследователей движимое имущество налогоплательщиков в 1334 г. оценивалось следующим образом: Лондон — 11000 ф., Бристоль — 2200, Йорк — 1620 фунтов. Даже в таких крупных городах как Глостер, Саутгемптон, Ковентри сумма оценки не превышала 549 фунтов⁵¹. В 1398 г. Ричард II в виде субсидии получил от многих городов различные суммы: от жителей Лондона — 6666 ф. 13 ш. 4 п., от Бристоля — 800 ф., Норича — 333 ф. 6 ш. 8 п., Линна — 266 ф. 13 ш. 4 п., Йорка — 200 ф., Гулля — 100 фунтов⁵². Концентрация богатства в Бристоле была во много раз выше, чем в большинстве крупных городов, исключая Лондон.

В первой половине XIV в. самыми богатыми купцами в городе были оптовые торговцы продовольствием (прежде всего, зерном и рыбой). Мэр города в 1321 г. Роджер Тертл был грузоотправителем зерна⁵³, пер-

⁴⁸ Swanson H. *Medieval British Towns*. N.Y., 1999. P. 91.

⁴⁹ Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XV вв. С. 17.

⁵⁰ Цит. по: *Sherborne J.W. The Port of Bristol*. P. 5.

⁵¹ Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии... С. 49.

⁵² *Cunningham W. The Growth of English Industry and Commerce During Early and Middle Ages*. Cambridge, 1927. P. 385.

⁵³ SCB. P. 71.

вым мэром Стапля в 1353 г. был Джон Спайсер, а его преемником на этом посту Джон де Кобингдон. Они оба занимались торговлей зерном оптом и в розницу (вопреки статуту, запрещавшему такое совмещение), а в 1344, 1349, 1350 гг. они входили в число членов городского совета⁵⁴. Конечно, упомянутые купцы не сами торговали «в разнос», они контролировали розничную торговлю.

Несмотря на попытки мелких торговцев бороться со стремлением богатых купцов монополизировать торговлю продовольствием, во времена Ричарда II (1377—1399) 6 человек добились постановления городского совета, предоставлявшего им преимущественное право в закупке рыбы⁵⁵. Все они были не только крупнейшими купцами, но трое из них — Уильям Уэрминстер, Джон Брит и Уильям Стивенз — состояли членами городского совета.

Торговля зерном и рыбой оставалась очень прибыльным делом и в XV в., и многие члены городского совета числились грузоотправителями зерна в Ирландию, Францию, Испанию и Португалию. Но начиная с середины XIV в. господствующее положение в городском управлении начинают занимать экспортеры сукна. Такие люди, как Эдмунд Бланкет, Ричард Бремдон или Уолтер Дарби, постоянно встречаются в документах второй половины XIV в. Это не значит, что крупные торговцы продовольствием оказались «не у дел». Например, Томас Бланкет, богатейший экспортер зерна в Ирландию, стал крупным суконщиком-мануфактуристом⁵⁶, Джон Барстепл, бывший мэром города в 1395/96 гг., импортировал из Ирландии рыбу, а экспортировал сукно⁵⁷. Представители богатейшей в городе семьи Кэнинджес не только экспортировали сукно, но и торговали рыбой⁵⁸.

Чтобы заниматься оптовой торговлей, нужно было иметь достаточно большие средства. Об этом можно судить по таможенным отчетам, в которых зафиксированы пошлины, уплачивавшиеся бристольскими купцами. Так, Уолтер Фромптон 6 декабря 1378 г. уплатил пошлину за 8 бочек вайды стоимостью 104 ф., доставленных на корабле «Магдален», и в этот же день за вайду и железо стоимостью 66 ф., привезенных на корабле «Seint Esprit». 13 декабря ему была доставлена вайда и смола на сумму в 121 ф., 16 декабря он сам отправлял сукно и соль на сумму 18 ф. 6 ш. 8 п.⁵⁹ И он не был исключением, поскольку в тех же отчетах мы встречаем постоянно повторяющиеся имена — Уильяма и Джона

⁵⁴ SCB. P. 60; LRB. V. I. P. 20, 21, 25.

⁵⁵ LRB. V. II. P. 73.

⁵⁶ SCB. P. 72—73.

⁵⁷ The Overseas Trade of Bristol... P. 44.

⁵⁸ Ibid. P. 34, 71, 72.

⁵⁹ The Overseas Trade of Bristol... P. 180—181.

Сомервеллов, Уильяма Кэнинджеса, Роберта и Ричарда Спайсеров и других купцов.

Дж. Шерборн, опираясь на таможенные отчеты, считает, что бристольские судовладельцы имели в 1378/79 г. минимум 30, а в 1390/91 г. 37 кораблей, что говорит о наличии очень больших средств. Правда, подсчет затрудняется тем, что названия кораблей часто повторялись. Например, в отчеты за 1390/91 г. встречаются 6 «Марий», 4 «Кэтрин» и 3 «Божьих милостей». И хотя они упоминаются с разными капитанами, нельзя быть уверенным, что капитан не поменялся между плаваниями⁶⁰. Но даже с учетом этого, нужно сказать, что бристольтцы имели солидный флот.

Строительство и содержание корабля обходилось очень дорого, и поэтому довольно часто одним кораблем владели несколько купцов. Столетняя война отрицательно сказалась на развитии торговли, и это привело к тому, что стимул вкладывать деньги в строительство судов стал сокращаться. Не случайно в 1450 г. Джон Мей, построив корабль, стоивший 500 ф., был вынужден «из-за недостатка выгоды» продать четверть доли другому купцу⁶¹. Тем не менее, некоторые купцы и в XV в. владели многими кораблями. Известный бристольский купец Уильям Кэнинджес был одновременно и крупнейшим судовладельцем — в 60—70 гг. XV в. он располагал 10-ю кораблями и получал прибыль от фрахта, уплачивавшегося купцами, чьи товары перевозились на его судах. О размахе его деятельности можно судить по числу людей, обслуживавших его корабли — 900 человек⁶². Строительство самого большого корабля Кэнинджеса «Мэри и Джон» водоизмещением 900 т. обошлось ему в 2665 ф.⁶³

Не все судовладельцы были крупными купцами, но многие наиболее богатые из них — судовладельцами — кроме упоминавшихся У. Фромптона, У. Сомервелла, У. Кэнинджеса можно назвать Томаса Нейпа, Роберта Стерми, Уолтера Дарби и других. К середине XV в. некоторые экспортные торговцы становятся главным образом судовладельцами, получавшими свои доходы преимущественно от фрахта кораблей. Это были не просто собственники одного корабля или даже доли в каком-то из них, с чем мы встречались в начале XV в. Речь идет об обособлении от экспортных торговцев группы людей, специализировавшихся на строительстве и эксплуатации кораблей, имевшими мало или совсем не имевшими дело с покупкой и продажей товаров. Об одном из них — Уильяме Кэнинджесе-младшем упоминалось выше. Общий тон-

⁶⁰ *Sherborne J.W. The Port of Bristol. P. 13.*

⁶¹ *Ibid. P. 13—14.*

⁶² *The Overseas Trade of Bristol... P. 139.*

⁶³ *Sherborne J.W. The Port of Bristol. P. 14.*

наж кораблей его флотилии достигал, вероятно, 3 тысяч тонн, и если исходить из фрахта, уплаченного за вино, то в течение года он мог получить свыше 10 тыс. фунтов. Хотя, конечно, часть средств тратилась на содержание кораблей, все же это был огромный доход. Кэнинджес контролировал около 1/4 всех перевозок в порту и владел примерно половиной бристольских кораблей. Он был выдающимся среди судовладельцев, но не единственным. Через 6 лет после его смерти в 1480 г. Томас Стрейндж имел около 20-ти кораблей, а у Джона Годмана было еще больше⁶⁴. Эти бристольские корабли обслуживали более чем половину всей торговли города.

Уже к началу XIV в. концентрация движимого имущества, облагаемого налогами, была в Бристоле очень значительна: в 1313 г. 5,2% налогоплательщиков (33 человека) внесли 34,7% городского налога. Это были люди, чье движимое имущество оценивалось в 20 ф. и выше⁶⁵. Для города XIV в. такой процент богатых людей — весьма высок: в Лондоне, население которого было во много раз больше, в 1319 г. таких жителей оказалось 111 человек. В Йорке в 1327 г. жителей с движимым имуществом от 20 ф. и выше было 3 человека (0,3%), в Глостере — 1 человек (0,4%), в Ковентри — 7 (3,5%), в Лейстере — ни одного⁶⁶.

Совершенно очевидно, что главную роль в управлении Бристолем начиная с XIV в. играли крупные купцы. Первый городской совет, избранный в 1344 г. в составе 48 «наиболее влиятельных и благоразумных людей» города, практически полностью состоял из оптовых торговцев. В «Обычаях города Бристоля», в котором зафиксировано первое избрание городского совета, отмечено и особое положение купцов: «И поскольку является вполне подобающим, чтобы такие обычаи и постановления были подтверждены королевской властью, наш вышеназванный высокочтимый король, приняв во внимание преданность и услуги, оказанные ему этой общиной, и для того, чтобы его торговцы данного города могли более успешно и без помех заниматься своим делом, пожаловал некоторые вольности и своей хартией подтвердил и подкрепил им другие свободы и обычаи...»⁶⁷.

Правда, во всех последующих составах Совета можно встретить изредка членов ремесленных гильдий — в 1344 г. это были сукновалы Джон Фишер и Роберт из Бата, в 1349/50 г. сукновал Роберт Прентис, в 1381 г. красильщик Томас из Хея (“*atte Hay*”). Но сохранить свои позиции в администрации города могли только те ремесленники, которые становились крупными купцами.

⁶⁴ *Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 239—240.*

⁶⁵ *Fuller E.A. The Tallage of 6 Edward II and the Bristol Rebellion...*

⁶⁶ *Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии... С. 52—62.*

⁶⁷ *LRB. V. I. P. 27.*

В качестве примера приведем упоминавшегося Томаса из Хея. В 1381 г. он встречается в документах как член городского совета, в этом же году упоминается в ордонансе красильщиков, как ответственный за его исполнение, а в ордонансе суконщиков 1370 г. перечислен среди купцов и суконщиков, которые названы «наиболее достойными людьми» Бристоля⁶⁸. Видимо, красильщик становится организатором производства и экспортером сукна, и благодаря этому получает доступ к управлению городом. Другим примером могут служить представители семьи Ньюлонд — в 1346 г. Джон Ньюлонд упомянут в «Малой Красной Книге» как богатый сукновал, а в 1370 г. Адам Ньюлонд числится среди купцов и суконщиков, и в 1381 г. мы встречаем его уже среди членов городского совета⁶⁹.

То, что богатые члены гильдии красильщиков становились купцами, вполне естественно — основное сырье (вайда) было достаточно дорогостоящим и привозилось из других стран. Поэтому богатые мастера превращались в организаторов производства и снабжали рядовых членов гильдии сырьем. Но занявшись торговлей, они не ограничивались только красителями, в круг своих интересов включали разнообразные товары. Поскольку красильщики контролировали конечные операции по производству сукна, вполне естественно, что они становились его экспортерами. Кроме упоминавшегося Томаса из Хея в таможенных отчетах за 1480—84 гг. встречается имя Джона Хенлова, который торговал с ганзейцами через Лондон и имел там постоянного фактора⁷⁰. Джон Хоггз в 60-е гг. XV в. торговал с Ирландией — он уплачивал таможенные пошлины за вывоз соли, а из Ирландии, очевидно, вывозил соленую рыбу, шкуры и грубое сукно⁷¹.

Интересно, что среди красильщиков-торговцев мы встречаем и женщин. Алиса Ричардс торговала сукном в Лондоне вместе с Джоном Хенловом, а Маргарет Роули сама доставляла в Бристоль марену⁷². Вероятно, это были вдовы красильщиков-купцов, продолжившие дело своих мужей. В этом отношении интересно завещание Джона Хенлова, который в 1498 г. оставил «все инструменты своего ремесла» жене, а вайду своей дочери, поэтому вполне допустимо ожидать, что они тоже будут организовывать производство сукна и торговать им⁷³.

Преобразование ремесленников в экспортных торговцев наблюдалось не только среди красильщиков и сукновалов. Например, в 1370 г. в

⁶⁸ Ibid. V. I. P. 114; V. II. P. 7, 51—52.

⁶⁹ Ibid. V. II. P. 10, 51—52; V. I. P. 114.

⁷⁰ The Overseas Trade of Bristol... P. 158—159.

⁷¹ Ibid. P. 212.

⁷² Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 189; The Overseas Trade of Bristol... P. 258.

⁷³ The Overseas Trade of Bristol... P. 158.

гильдии суконщиков числился Джон Стоук, одновременно являвшийся членом гильдии дубильщиков. В 1381 г. он заседал в городском совете⁷⁴. В 20—30-е гг. XV в. олдермен гильдии ткачей Ричард Кларк вел широкую торговлю с Францией и Испанией⁷⁵. В 1448 г. в прошении на имя лорда-канцлера по поводу плавания корабля «Кристофер» в Исландию владельцем корабля и груза рыбы кроме купца Джона Форстера был назван Роберт Скейлз, бристольский портной⁷⁶. В 1460 г. тоже в петиции на имя лорда-канцлера Джон Уилли, бристольский пивовар, отмечал, что он является одним из владельцев корабля «Джулиан»⁷⁷. Вероятно, такие члены ремесленных гильдий и могли избираться в городской совет.

После того, как в 1353 г. Бристоль был сделан одним из стапельных городов, наиболее богатые оптовые торговцы стали членами компании купцов-стапельщиков. Именно они были наиболее влиятельными людьми и в городском управлении. Редко можно было найти человека, который занимал бы господствующее положение в муниципальных органах, и не имел также должности в стапельной администрации в тот же период службы. Например, Реджинальд ле Френш был мэром Стапля и одновременно города в 1356 и 1358 гг.; Джон Стоукс в 1365, 1367, 1378 и 1379 гг. А с 1379 г. эти две должности постоянно находились в одних руках. Несмотря на то, что четкие различия между Стаплем и городом существовали в Бристолье до XVI в., совмещение должностей наблюдалось там с самого момента учреждения Стапля. В других городах (кроме еще Саутгемптона) должности мэров находились в разных руках. С 1353 по 1378 г. (т.е. 25 лет) только 5 мэров Бристоля не были за этот период мэрами Стапля. Но при этом будучи мэром города Томас Боупин торговал с Германией, Роберт Чедр, как и Элиас Спелли, был богатым суконщиком⁷⁸.

Хотелось бы подчеркнуть принципиальный факт — занятие какой-либо высокой должности в городском управлении не приводило к тому, что члены городского совета или мэры приостанавливали свои торговые операции. Сопоставляя данные таможенных отчетов и списки членов городского совета и мэров города, можно заметить, что подавляющее большинство высших должностных лиц продолжали свои торговые операции. Все мэры Бристоля во времена Ричарда II занимались внешней торговлей, и по крайней мере половина из них были судовладельцами. Такая же картина наблюдалась и в XV в. В качестве

⁷⁴ LRB. V. II. P. 51—53; V. I. P. 114.

⁷⁵ The Overseas Trade of Bristol... P. 62.

⁷⁶ Ibid. P. 87.

⁷⁷ Ibid. P. 122.

⁷⁸ SCB. P. 60; The Overseas Trade of Bristol... P. 42; LRB. V. II. P. 51.

примера сошлемся на Клементу Багота, который был мэром города в 1437/38 и 1442/43 гг., и в то же время — крупным купцом и судовладельцем, чьи корабли фрахтовали другие торговцы⁷⁹.

Вероятно, не всегда было легко совмещать свои коммерческие занятия с исполнением должности в городских органах управления. Об этом свидетельствует запись в «Обычаях города Бристоля» от 1344 г., в которой предусматривается случай, когда из 48 членов Совета в наличии окажется только 12 человек. Остальные за свое отсутствие должны были заплатить штраф в 6 пенсов. Интересное постановление приняли в 1366/67 г. «Против тех, кто отсутствует во время выборов мэра и других должностных лиц»: «Поскольку в течение длительного времени многие видные “vanetz” люди города удалялись и оставляли город, некоторые чтобы избежать избрания должностными лицами, а другие присутствия при избрании должностных лиц и служащих города, отчего город терпит большой ущерб и бедствие, то теперь для того, чтобы избежать такого рода опасности и ущерба, постановляется и утверждается мэром и всей общиной города, что если кто-нибудь покидает его или отлучается за 15 дней до праздника Св. Михаила, если он не имеет разрешения мэра и не укажет разумную причину, по которой будет дано ему разрешение, пусть будет подвергнут штрафу в 10 ф. в пользу общины...»⁸⁰. То, что распоряжение касается лишь богатых людей, можно определить по величине штрафа. По данным списков налогоплательщиков за 1327 г. в Бристоле жителей с движимым имуществом от 8 до 20 ф. (не считая членов их семей) было 45 человек⁸¹.

Хотелось бы обратить внимание на различие штрафов за отсутствие на заседании Совета и при его избрании. Логично предположить, что решение, принимаемое 24-мя членами Совета, мало отличалось от того, которое они могли принять совместно с остальными. А вот неявка на выборы грозила опасными последствиями — в Совет могли попасть нежелательные люди. Упомянутое постановление было принято во времена Джона Стоукса, который 4 раза был мэром города и 7 раз мэром Стапля. Вполне вероятно, что обеспокоенность Дж. Стоукса вызвана борьбой средних торгово-ремесленных слоев за участие в городском управлении.

Кроме богатства существовали и другие критерии при избрании на высшие должности. В 1344 г. городской совет Бристоля постановил, что «никто не будет избран на должность олдермена, если он не имеет собственного дома и ренты», а следующий пункт констатировал: «Ни-

⁷⁹ The Overseas Trade of Bristol. P. 106.

⁸⁰ LRB. V. I. P. 46—47.

⁸¹ Fuller E.A. The Tallage of 6 Edward II and the Bristol Rebellion...

кто не будет избран на должность мэра, если он предварительно не был олддерменом»⁸². Таким образом, круг людей, которые имели право занять место в городской администрации, существенно ограничивался. Это было характерно не только для Бристоля. Например, в Шрусбери в 1381 г. для того, чтобы стать бейлифом, нужно было владеть движимым имуществом на сумму не менее 100 ф. или рентой в 10 фунтов⁸³. В Лондоне в XIV в. 75% олддерменов владели землями, в XV в. эта цифра выросла до 85%⁸⁴. Иными словами — мэры, олддермены, бейлифы, члены городского совета должны были быть домовладельцами и получать ренту со своих арендаторов.

Какую же роль играла земельная собственность городской элиты и верхушки купечества в их экономической жизни и социальном положении? Патрициат крупного портового города, имевшего широкие внешние связи, значительно отличался от патрициата небольшого города, не имевшего выхода на далекий рынок. Поэтому земельная собственность патрициев-купцов нужна была не столько для повышения их социального статуса (хотя это, несомненно, имело место), сколько служила чисто экономическим целям: доход от земельной ренты в случае необходимости использовался для расширения торговых операций. М. Постан считал, что часто инвестиции в земельную собственность являлись лишь временным помещением свободного капитала, который в случае необходимости мог быть вновь мобилизован. Таким образом, осуществлялось финансирование торговых предприятий купца из его собственных материальных ресурсов⁸⁵.

Некоторые бристольтские купцы владели очень значительной недвижимой собственностью. Например, в середине XIV в. Эверард де Френш имел в городе 35 лавок и 27 земельных участков, получил закладную на поместье сэра Томаса де Гурни в “East Harptree” и купил десятину у местного священника. И при этом его движимое имущество включало 52 бочки вайды (это более 600 ф.), 32 тюка риса и 4700 подков с гвоздями, что свидетельствовало о его широких торговых операциях⁸⁶. Завещания XV в. показывают, что земельные владения бристольтских купцов располагались не только в самом городе: Уильям Уидифорд оставил своей жене земли, ренты, арендуемые помещения, право реверсии и т.п. в Бристоле, Шрусбери и Сомерсете; Ричард Фостер за-

⁸² LRB. V. I. P. 40.

⁸³ Colby Ch. W. The Growth of Oligarchy in English Towns // The English Historical Review. 1890. Vol. 5. № 20. P. 651.

⁸⁴ Thrupp S. Merchant Class of Medieval London, 1300—1500. Chicago, 1948. App. P. 321—378.

⁸⁵ Postan M. M. Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973. P. 14.

⁸⁶ SCB. P. 72.

вещал сыну и дочери земли, держания, ренты и право реверсии в Бристоле, Сомерсете, Глостере «или где-либо в Англии»; Джон Вайелл завещал детям свою недвижимость в Бристоле, Глостере и в других местах Англии⁸⁷.

Каким образом использовались многочисленные земельные владения купцов? Часть земли, несомненно, приобреталась с целью реализовать свободный капитал. Например, судя по грамоте о передаче недвижимости на правах наследственного фьефа в 1458 г. Уолтер Нортон отдавал трем бристольским купцам — Роберту Стронгу, Джону Шоппу и Ричарду Бартфилду все земли, держания, ренты, право реверсии, службы, луга, пастбища, леса, подлески в городе Уорчестере и его пригородах и во всех других поселениях Уорчестера, а также все держания, ренты, право реверсии и службы в Бристоле и его пригородах. Причины сделки в документе не указаны. Но 20 мая 1461 г. Джон Шопп и Ричард Бартфилд передали тому же Уолтеру Нортону и его жене Изабелле перечисленные в первом документе держания⁸⁸. Что послужило поводом для заключения сделок, мы можем только предполагать. Вероятно, Уолтер Нортон испытывал денежные затруднения, но интересно отметить другое — Джон Шопп и Ричард Бартфилд вложили свои средства в недвижимость менее чем на три года.

Чаще всего земельные держания приобретались для того, чтобы получать ренту, но не с крестьян, а с ремесленников и торговцев. Например, Уильям Йонг, богатый купец и член городского совета, в 1416 г. оставил по завещанию более 30 держаний, среди которых 4 мастерских и лавка на Рэдклиф-стрит (улица, где селились ткачи), 4 мастерских на других улицах, 10 лавок на различных улицах, в том числе на мосту через Эйвон⁸⁹. Уильям Повем в 1454 г. завещал жене 5 держаний, одно из них с садом, другое с тремя лавками, ежегодную ренту в 76 ш. 8 п. за аренду в течение 30 лет с правом реверсии держания с четырьмя прилегающими лавками (или мастерскими). Кроме этого на заупокойные службы, торжественные мессы, благотворительность он оставил своим душеприказчикам ренты с 14 держаний, среди которых были кроме садов, двух конюшен и голубятни участки, арендуемые волочильщиком проволоки и дубильщиком, а также две лавки⁹⁰. Джон Шарп в 1460 г. передал на правах наследственного фьефа дочери Элизабет и ее мужу

⁸⁷ GRB. V. II. P. 206—207, 212; V. III. P. 61—62. Право реверсии — право возврата. Имущество, временно подаренное (отданное) на определенных условиях и подлежащее возврату дарителю или его наследникам при несоблюдении оговоренных условий.

⁸⁸ GRB. V. III. P. 145—147.

⁸⁹ Ibid. V. II. P. 210.

⁹⁰ Ibid. V. III. P. 103—107.

Ричарду Миду 7 держаний, из которых 5 было с лавками и винными погребам⁹¹.

Одним из самых красноречивых в указанном плане является завешание купца и судовладельца Джона Бертона. В 1454 г. право реверсии на держания, усадьбы, лавки, винные погреба, сады и прочее получили Николас Питтес, Филипп Мид, Джон Гейвуд и Ричард Тингуал. Эти владения были прежде куплены у Агнес, жены Джона Спайсера, тоже богатейшего бристольского купца, до этого жены другого купца — Томаса Фиша, каковым имуществом Агнес владела от завещателя в течение своей жизни. Конкретно возвращенные держания включали следующее: держание на улице Св. Николая; мастерскую с принадлежностями, арендуемую кузнецом; три лавки с принадлежностями на Уинч-стрит; сад и сарай, расположенные на рынке Бристоля и арендуемые бондарем; сад и пустырь, арендуемые дубильщиком; держание за мостом через Эйвон, арендуемое Ричардом Wexmaker'ом ("wex" — воск); держание и два винных погреба на набережной Эйвона, включающее различные жилые помещения; две усадьбы; огороженное место с принадлежностями, арендуемое haulier'ом (перевозчиком?); мастерскую с принадлежностями на Рэдклиф-стрит; мастерскую с принадлежностями, арендуемую изготовителем шерстяных одеял; мастерскую с принадлежностями, арендуемую гончаром; мастерскую с принадлежностями на Рэдклиф-стрит; помещение с мастерской перед ним вместе с принадлежностями; лавку с принадлежностями в конце моста через Эйвон; держание с двумя лавками и садом позади; два держания с садами и инструментами. Помимо этого жене Изабелле Джон Бертон завещал все его оставшиеся земли, держания, ренты, право реверсии и службы, которые после ее смерти должны были перейти дочери Изабелле Йонг. Кроме перечисленных владений у завещателя было достаточно много другой недвижимости⁹².

Приобретая большое количество земельных держаний, крупные купцы вовсе не прекращали свою торговую деятельность. Тот же Джон Бертон помимо недвижимости оставил жене 100 ф. наличными деньгами, товаров на сумму в 200 ф., 8 мешков шерсти и четвертую часть собственности на корабль "le Maria de Bristollia"; брату — сукно стоимостью в 200 марок и 2 упряжи; кузену Роберту Джоунзу — сукно на 40 фунтов и бочку вайды; кузине Эдит Джоунз — 10 марок наличными. Торговые интересы Джона Бертона были достаточно разнообразными — шерсть, сукно, красители. Лодовико Морс в 1464 г. завещал

⁹¹ GRB. V. III. P. 171. Ричард Мид был сыном Филиппа Мида, одного из наиболее влиятельных бристольских купцов, трижды мэра города.

⁹² GRB. V. III. P. 61—65.

жене Иоанне держание на “Oldcorn-stret” и сыну Джону лавку на набережной, которую арендовал Робин Хоупер. Но кроме этого сыну Джону было завещано 6 бочек вайды, сыновьям Томасу и Уолтеру по 7 бочек вайды⁹³. Если учесть, что бочка вайды в это время стоила 12—13 ф., то отец оставил сыновьям красителей примерно на 250 фунтов. Уильям Берд в 1484 г. завещал жене кроме дома на набережной в Бристоле и сада в “Barthilmewys” 10 бочек вайды; сыну Генри — 2 дома и три склада на набережной Св. Августина, 5 бочек вайды и два куска сукна; дочери Элизабет — 5 бочек вайды и 4 больших бочки железа; дочери Джоане — 4 бочки вайды; дочери Кэтрин — 1 бочку вайды; сыну Ричарду — 2 бочки вайды и брату Роберту — 1 бочку вайды (т.е. только вайды более чем на 350 фунтов)⁹⁴. Точно так же Эверард ле Френш или многие члены семьи Кэнинджес, являясь представителями патрициата города, обладая значительной недвижимостью, продолжали вести широкую внешнюю торговлю.

Те же самые люди, которые монополизировали управление городом, представляли его и в парламенте. В повестках, которые направлялись мэрам или бейлифам, предписывалось избирать представителей в парламент «из наиболее порядочных и известных людей города» или «наиболее приличных людей», а в 1373 г. избранными должны были быть те лица, «которые лучше разбираются в мореплавании и торговле»⁹⁵. Для Бристоля это означало, что в парламент избирались те же крупные купцы, которые были членами городского совета, мэрами, бейлифами и пр.

Если сравнить списки мэров города и Стапля, членов городского совета и представителей в парламенте за XIV в., то можно обнаружить уже знакомые имена: Эверард ле Френш — член городского совета в 1344 и 1349 гг. и 7-ми парламентов; Реджинальд ле Френш — член Совета за эти же годы, трижды мэр Стапля, дважды мэр города, депутат трех парламентов; Роберт Гайен — член Совета в 1344 и 1349 гг. и 4-х парламентов; Эдмунд Бланкет — член Совета в 1349 и 1350 гг., мэр Стапля в 1357 г. и депутат парламента в 1362 и 1369 гг.; Джон Бланкет — член Совета 1349 г. и королевский сборщик пошлин; Томас Бланкет — член Совета 1344 г., а Эдуард Бланкет — парламента 1362 и 1369 гг.; Уолтер Дарби — член Совета, трижды мэр города и Стапля и представитель города в 2-х парламентах; Джон Стоукс — член Совета, трижды мэр города, восемь раз мэр Стапля, член 3-х парламентов; Уильям Кэнинджес — бейлиф в 1361 и 1369 гг., 6 раз мэр города, мэр Стапля, член городского совета и 3-х парламентов; Джон Кэнинджес (сын Уи-

⁹³ GRB. V. III. P. 60.

⁹⁴ Ibid. P. 152—154.

⁹⁵ *Ретина Л.П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии... С. 141—142.

льям) — бейлиф в 1380, шериф в 1382, депутат парламента в 1384, мэр города в 1392 и 1398 гг.⁹⁶

Очевидно, что уже в начале XIV в. в Бристоле ни о каких демократических принципах при выборах городских органов и парламентских представителей говорить не приходится, и мнение основной массы горожан никто не спрашивал. Хотя формально выборы проводились ежегодно, но требования при отборе были настолько жесткими, что из года в год выбирались одни и те же люди. Да и круг лиц, которые выбирали верхушку города, все более ограничивался. Чего стоит только постановление для гильдии ткачей, принятое в 1389/90 г., когда мэром города был Уильям Кэнинджес: «Ежегодно четыре олддермена будут выбираться двенадцатью наиболее достойными людьми названной гильдии»⁹⁷. Даже внутри гильдий никакой демократии при выборах не существовало, не говоря уж об избрании руководящих лиц города.

Как же реагировала основная масса горожан на узурпацию своих прав? И можем ли мы считать, что в Англии в отличие от континентальных стран не имела места острая борьба патрициата со средними слоями городской общины?

Достаточно подробно социальная борьба городских масс с олигархией в XIV в. на примере Йорка, Беверли, Скарборо и Бриджуотера рассмотрена А.А. Кирилловой⁹⁸. Она отмечала, что во многих городах Англии вспыхивали восстания, основной причиной которых было стремление восстановить демократические порядки при выборах в органы самоуправления. Как же обстояли дела в Бристоле? То, что торговая олигархия господствовала в городском управлении, совершенно очевидно. К началу XIV в. группа богатейших купцов количеством 14 человек контролировала все высшие должности. Наиболее авторитетными из них были три человека — Уильям Рэндольф (мэр в 1298, 1305 и 1309 гг.), Джон Сноу (мэр в 1306 г.) и Джон де Силер (мэр в 1310 г.). Им противостояли средние слои горожан во главе с Джоном ле Тавернером, который при поддержке демократических сил дважды избирался мэром города (в 1307 и 1308 гг.) и трижды депутатом парламента. В 1312 г., когда Джон ле Тавернер был вновь избран мэром, “*communitas*” произвела наступление на патрицианскую верхушку города.

События 1312—1316 гг. известны в исторической литературе под названием «Большой мятеж». Своеобразие их состоит в том, что внутригородские противоречия совпали с борьбой против королевского

⁹⁶ SCB. P. 60; LRB. V. I. P. 20, 21, 25—26, 114—115; Barrett W. The History and Antiquities of the City of Bristol. P. 149—152.

⁹⁷ LRB. V. II. P. 60.

⁹⁸ Кириллова А.А. Классовая борьба в городах Восточной Англии... С. 197—215.

произвола. Поводом для выступления горожан явился сбор пошлины, называвшейся “Cockett”. Она собиралась в пользу короля с кораблей, приходивших в порт, в дополнение к корабельной пошлине и была явным нарушением муниципальных привилегий. А поскольку сбор этой пошлины взяли на откуп представители патрицианской верхушки во главе с Рэндольфом и Сноу, то упомянутые четырнадцать человек лишились гражданских прав, а имущество их конфисковали⁹⁹.

Для расследования дела в Бристоль в качестве королевских судей были направлены четыре человека во главе с Томасом Баркли, они подтвердили права опальных “majors” и признали действия горожан противозаконными. Результатом такого решения стало восстание горожан, в ходе которого 20 человек было убито, а королевские судьи спасались бегством. На судебном заседании в Глостере зачинщиками беспорядков были признаны 80 человек, которые обязывались явиться в Глостер и дать объяснения. Поскольку вызванные не явились, они были объявлены вне закона, но и уцелевшие патриции оказались вынуждены покинуть город¹⁰⁰.

В дело вмешался непосредственно король, который приказал восстановить изгнанных патрициев в правах и вернуть им имущество. Однако мэр, бейлифы и община проявили «удивительное неуважение» и не подчинились королевскому приказу, а руководители восстания отказались явиться в Вестминстер, чтобы держать ответ перед королем. За такое открытое неповиновение город был взят в королевскую руку, а его охрана поручена констеблю королевского замка в Бристолле Бартоломью де Бэдлсмеру¹⁰¹. Его уполномочили собирать все ренты, пошлины и другие сборы, вершить суд и распоряжаться городской тюрьмой.

Горожане и в этом случае отказались повиноваться — Джон ле Тавернер, Уильям де Клиф и Гилберт Покерел продолжали исполнять обязанности мэра и бейлифов, а распоряжения Бэдлсмера просто игнорировали. Более того, представители констебля замка были избиты и ранены, в городе возвели баррикады, замок осадили и предприняли несколько попыток его захватить. Свыше двух лет горожане и гарнизон замка поддерживали нерегулярные отношения с помощью самострелов и других метательных орудий. Одновременно обе стороны отправляли

⁹⁹ Calendar of Charters, etc. of the City and County of Bristol / Ed. by J. Latimer. Bristol, 1909. P. 46—47; Rotuli Parliamentorum ut et petitiones et placita in Parlamento, 1278—1503. V. I. P. 359—362; Lucas S. Illustrations of Bristol History. Bristol, 1853. P. 171—179.

¹⁰⁰ Vita Edwardi Secundi monachi cuiusdam Malmesberiensis / Ed. by N. Denholm-Young. L., 1957. P. 219—221.

¹⁰¹ Calendar of Close Rolls. 1307—1313. P. 524, 578, 587.

жалобы королю, но королевское правительство действовало очень нерешительно.

Правда, в середине лета 1313 г. была предпринята попытка решить бристольскую проблему — шерифам Глостера, Сомерсета и Уилтшира отправили предписание набрать отряд в своих графствах и привести город Бристоль к повиновению. Упомянутые шерифы собрали 20 тыс. человек, которыми командовал граф Глостер. Однако горожане не проявили особого страха. Вполне вероятно, они знали, что граф получил секретное распоряжение не применять чрезвычайных мер против города, т.к. король нуждался во всех своих войсках для борьбы с шотландцами. В итоге граф снял осаду города, хотя ее предполагалось продолжать до весны 1314 г.

В 1316 г. король, учитывая предыдущую неудачу, приказал направить к нему в Вестминстер шестерых благоразумных граждан, чтобы они дали информацию о произошедшем. В результате расследования в Бристоль был направлен граф Пембрук, который сообщил горожанам, что король готов простить бристольцев, если они подчинятся закону и выдадут виновных лиц. Ответ, который дала община, показывает, что же было главной причиной мятежа: «Мы не были инициаторами этой несправедливости, и мы не совершали никакого проступка против нашего господина короля. Некоторые персоны стремились лишить нас наших прав, которые мы защищали, что сделать было нашей обязанностью. Поэтому, если наш господин король уменьшит те подати, которые были наложены на нас, если он пожалует нам жизнь, безопасность, ренты и земли, мы будем повиноваться ему, как нашему господину, и делать то, что он прикажет. Иначе мы продолжим то, что начали, и будем отстаивать наши свободы и привилегии даже под угрозой смерти»¹⁰². После такого ответа король решил, что пора принимать строгие меры. Город вновь осадили, Морис Баркли отрезал его от моря, в то время как Бартоломью Бэдлсмер атаковал по суше. В течение нескольких дней горожане сопротивлялись, но после того, как осадными орудиями были разрушены крепостные стены, 28 декабря 1316 г. восстание сломали.

Поразительно, но после подавления беспорядков не последовало серьезных репрессий, что говорит об особом отношении Эдуарда II к Бристолю. Кроме того, король, видимо, понимал, что основной причиной волнений был спор за власть внутри самого города. Джон ле Тазернер, его сын Томас и Роберт Мартин, признанные руководителями восстания, были объявлены вне закона. Но и они в октябре 1321 г. получили прощение¹⁰³. В феврале 1322 г. король распорядился вернуть им,

¹⁰²Lucas S. Illustrations of Bristol History. P. 176.

¹⁰³Calendar of Patent Rolls preserved in the Public Record Office. 1321—1324. P. 38.

по мере возможности, земли и имущество. На выборах 1322 г. Джон ле Тавернер и Дж. Франсес-младший, один из его сторонников, были избраны членами парламента от Бристоля¹⁰⁴.

Общине города прощение даровали сразу, поскольку «такое множество людей не может быть наказано», но за него была заплачена по тем временам огромная сумма — 4 тыс. фунтов¹⁰⁵. Представители семьи Тавернер в позднейших городских документах не встречаются (если только они не сменили фамилию), но в XV в. Джон Тавернер был в Гулле крупным купцом, которого по размаху деятельности сравнивают со знаменитым Уильямом де ла Полем. Возможно, после поражения восстания члены семьи Тавернер переселились в Гулль. А семья Мартин до конца XIV в. оставалась одной из наиболее богатых купеческих фамилий Бристоля. Вероятно, Роберт Мартин после подавления восстания обосновался в Бордо, с которым у Бристоля были очень тесные связи, т.к. в таможенных отчетах за 1325 г. среди купцов из Бордо, экспортировавших бристольское сукно, числится Джерард Мартин¹⁰⁶. А после 1321 г., когда предводителям восстания 1312—1316 гг. даровали прощение, мы встречаем Голфрида Мартина среди членов городского совета за 1349 г., а Уолтера Мартина — в 1381 г.¹⁰⁷ В постановлении для суконщиков от 1370 г. Уолтер Мартин перечислен среди «наиболее достойных людей» города, входивших в гильдию суконщиков¹⁰⁸.

Поэтому когда мы говорим о борьбе демократических слоев города с олигархией, то речь идет вовсе не о городских бедняках, которые боролись за власть с богатой купеческой верхушкой. Борьба, прежде всего, велась между состоятельными купеческими семьями за господство в городском управлении, поскольку это давало очень большие возможности для обогащения. Достаточно вспомнить, что во времена Ричарда II крупнейшие рыботорговцы, бывшие членами городского совета, монополизировали торговлю рыбой в городе, а купцы-суконщики добились контроля над продажей на городском рынке не только сукна и шерсти, но и других товаров, пользовавшихся большим спросом.

Более чем вероятно, что борьба за власть не завершилась после подавления восстания 1312—1316 гг. Можно предположить, что первая статья в «Обычаях города Бристоля», записанных в 1344 г., в которой речь идет о неповиновении городским чиновникам, в какой-то мере

¹⁰⁴ Fuller E.A. The Tallage of 6 Edward II and the Bristol Rebellion... P. 188.

¹⁰⁵ Vita Edwardi Secundi... P. 222; CPR, 1307—1313. P. 68—69, 289, 297, 489—490, 605; Rotuli Parliamentorum ut et petitiones et placita in Parlamento, 1278—1503. V. I. P. 362.

¹⁰⁶ The Overseas Trade... P. 169.

¹⁰⁷ LRB. V. I. P. 20, 114.

¹⁰⁸ Ibid. V. II. P. 51—53.

отражала сохранявшееся противостояние между демократическими и олигархическими слоями: «Если кто-нибудь будет дурными словами оскорбительно поносить сборщика пошлины, стражей мира или других служащих города, исполняющих свои обязанности по предписанию сотенного суда или суда мэра, или бедет преднамеренно чернить любого из них так, что они не смогут надлежащим образом исполнять свои обязанности, он должен заплатить общине 40 пенсов...»¹⁰⁹. С учетом этой борьбы становится понятной озабоченность городской верхушки тем, чтобы во время выборов мэра и других высших должностных лиц город не покидали «видные люди», «отчего город терпит большой ущерб и бедствия», как указывалось в постановлении 1366/67 г.¹¹⁰ Какие бедствия конкретно имелись в виду, в постановлении не конкретизируется, но можно предположить, что попытки нарушить монополию патрицианских семей на власть не прекращались.

Вероятно, в борьбе с городской верхушкой участвовали не только богатые купцы, но и ремесленники. Трудно предположить, что убийства в ходе восстания, строительство баррикад или осада замка — дело рук только богатых торговцев. Получив доступ к управлению городом (как это произошло с семьей Мартинов), зажиточные оппозиционеры превращались в уважаемых граждан.

Во второй половине XIV и в XV вв. ремесленники в борьбе с городской верхушкой выступают уже изолировано от купечества. В 1410 г. во времена мэра Уильяма Фрума 6 человек были лишены свобод как злоумышленники против «благополучия и свобод Бристоля»¹¹¹. Двое из них принадлежали к гильдии красильщиков, профессиональную принадлежность остальных определить не удалось, но более чем вероятно, что они были ремесленниками, т.к. не встречаются ни в списках членов купеческих гильдий, ни в городских документах, ни в таможенных отчетах и т.п. Богатые красильщики сами были крупными купцами и судовладельцами, они не занимались ремеслом, а эксплуатировали рядовых членов гильдии. Поскольку лишённые прав гражданства красильщики не фигурируют среди купцов, очевидно, они относились к тем членам гильдии, которые работали на организатора производства. Какие конкретно задачи ставили перед собой «злоумышленники» сказать трудно, но, видимо, они угрожали спокойствию правящей верхушки города, если подверглись такому серьезному наказанию.

Итак, документы показывают, что уже к началу XIV в. в Бристоле существовал узкий слой людей, монополизировавших все высшие должно-

¹⁰⁹LRB. V. I. P. 28.

¹¹⁰Ibid. V. II. P. 46.

¹¹¹Ibid. V. II. P. 74.

сти в городском управлении. В первой половине XIV в. господствующее положение занимали оптовые торговцы продовольствием, а со второй половины века лидерство перешло к экспортерам сукна, в число которых вошли и представители семей, торговавших зерном, рыбой или вином. Высокий имущественный ценз и определенные социальные ограничения при избрании на высшие административные должности способствовали превращению правящей элиты города в замкнутую группу, проникнуть в которую было достаточно трудно. Отстраненное от власти богатое купечество и ремесленники пытались изменить сложившиеся порядки, наиболее ярким свидетельством чего было восстание 1312—1316 г.

Однако социальная обстановка в городе осложнялась не только внутренними разногласиями, к этому добавлялись проблемы, возникавшие во взаимоотношениях с королевской властью и соседними феодалами.

§ 3. Взаимоотношения горожан с королевской властью и феодалами

Как уже отмечалось, наиболее крупные английские города располагались на территории обширного королевского домена. Некоторые принадлежали светским сеньорам, например, Ливерпуль и Лестер, другие — духовным, такие как Сент-Олбанс, Дерби, Абингдон, Линн. Бристоль и вся его округа со времени нормандского завоевания принадлежали королю, который для города в одном лице был и главой государства, и феодальным сеньором.

Но постепенно значительная часть земель вокруг города перешла в руки отдельных феодалов и религиозных учреждений, прежде всего, территории к западу и северо-западу от стен города и к югу от реки Эйвон. Сначала Роберт Глостерский передал земли, примыкавшие к манору Рэдклиф, рыцарям-тамплиерам, которые возвели на них храм (ныне кафедральный собор). Затем Рэдклиф вместе с королевским манором Бедминстер по пожалованию Генриха II отошли Роберту Фитцхардингу, ставшему основателем феодального рода Баркли в Глостершире. Затем Фитцхардинг на правом берегу Фромы приобрел земли пригорода Биллисвик, где основал аббатство Св. Августина¹¹².

Захватив в свои руки почти все пригороды Бристоля, Баркли, естественно, оказались втянутыми в различные конфликты с бристольтца-

¹¹²Ross C.D. Bristol in the Middle Ages // Bristol and Its Adjoining Counties. P. 186—187.

ми. Наиболее упорная борьба велась за юрисдикцию над пригородом Рэдклиф, который с раннего времени был местом поселения ткачей, и где многие горожане имели земельные держания. Кроме того, Баркли приходилось отстаивать свои права и на манор Бедминстер, на который тоже притязали горожане.

Строительство новой гавани, в котором по распоряжению Генриха III приняли участие и жители Рэдклифа, видимо, послужило основанием для присоединения этого манора к городу. В «Хронике Бристоля» У. Адама под 1247 г. записано: «В этом году начал сооружаться бристольский мост, и обитатели Рэдклифа, Храма и Томаса инкорпорированы и объединены с городом Бристолем»¹¹³. Вокруг новых пригородов — Рэдклифа и Храма — были возведены каменные стены. Однако это не решило всех проблем, потому что корона продолжала облагать налогами Рэдклиф отдельно от города: кроме того, до 1373 г. шериф Сомерсета претендовал на юрисдикцию над некоторыми пригородами Бристоля, хотя горожане предпочитали отвечать перед королевскими юстициариями в Глостере.

В августе 1373 г. Эдуард III пожаловал Бристолю хартию, по которой он приравнивался по своему статусу к графству. Помимо всего прочего, она устранила прежнее политическое и топографическое разделение города. Река Эйвон делила город на две части: до 1373 г. к северу от Эйвона город относился к графству Глостершир, а к югу — к Сомерсету. Хотя еще со времени грамоты принца Джона 1188 г. Рэдклиф и Темпл находились в пределах свобод Бристоля, в таких важных вопросах, как налогообложение, они, обычно, не объединялись со старым городом. И еще в 1326 г. бристольтцы могли перемещать свои товары из одного района города в другой, чтобы избежать, например, конфискаций по приказу шерифа Глостера¹¹⁴.

От своих судебных прав на Рэдклиф не желали отказываться и лорды Баркли, о чем свидетельствует серьезный конфликт, который произошел в 1303 г. Когда манориальные чиновники арестовали одного из бюргеров, то собравшиеся по зову общинного колокола горожане силой освободили арестованного. Морис Баркли подал королю жалобу, в которой обвинил горожан не только в том, что они мешают судопроизводству в его курии и нарушают его торговые права, но и в том, что они ограбили его, прихватив вместе с арестованным вещей на сумму в 500 марок серебром¹¹⁵. Горожане, в свою очередь, пожаловались на то, что лорд Баркли не признает право бристольтцев судиться толь-

¹¹³Adam's Chronicle of Bristol. P. 21.

¹¹⁴Sacks D.H. Trade, Society and Politics in Bristol. Vol. I. P. 22—23.

¹¹⁵Calendar of Patent Rolls. 1301—1307. P. 347—348.

ко в городском суде, и что его чиновники постоянно вмешиваются в их дела¹¹⁶. Специальная королевская комиссия, разбиравшая этот конфликт, решила дело в пользу горожан, но споры из-за прав на Рэдклиф продолжались и в последующие десятилетия.

В 1330 г. бристольтцы и лорд Баркли вновь затеяли тяжбу и обратились за решением к королю. За 40 ф. горожане купили хартию, вновь подтверждавшую их права на этот важный ремесленный пригород¹¹⁷. Окончательно все споры были разрешены хартией 1373 г., предоставившей Бристолу, первому из всех английских городов, статус графства со своим шерифом и графской юрисдикцией. В границы нового графства вошли Рэдклиф, Храм, русло Эйвона до эстуария Северна.

Как же складывались отношения Бристоля со своим непосредственным сеньором — королем? Город стал играть очень важную политическую роль с середины XII в., поскольку был административным центром владений Роберта Глостера, побочного сына Генриха I. Роберт являлся наиболее могущественным сторонником дочери Генриха Матильды Анжуйской в ее борьбе за трон против графа Блуа Стефана. Здесь в 1141 г. войсками Матильды был захвачен Стефан, и именно в Бристоле провел несколько детских лет будущий Генрих II. Поэтому у города были особые связи с Анжуйской династией¹¹⁸. Бристольтцы помогали Генриху II при завоевании Ирландии и оказались втянутыми в политическую борьбу при Эдуарде II. Понятно, что королевский замок долгое время являлся важным фактором в жизни города. Тем более что он часто использовался для тюремного заключения влиятельных политических узников, таких как потенциальная соперница Иоанна Безземельного Элеонора Бретонская или свергнутый Эдуард II.

Политическая обстановка в Англии в XIV—XV вв. была очень сложной, и королевская власть нуждалась в поддержке крупных городов. Т. Таут в исследовании, посвященном правлению Эдуарда II, отмечал, что наибольшее влияние на политику правительства в XIV в. оказывали два города — Лондон и Бристоль¹¹⁹. В начале XIV в. Эдуард II решил установить единоличный контроль над правительством, что привело к открытой войне с баронской оппозицией и государственному перевороту 1326—1327 гг. Столетняя война, начавшаяся в правление Эдуарда III, на время притушила политические страсти, но с конца 70-х гг. наметился новый политический кризис, прерванный восстанием 1381 г.

¹¹⁶Rotuli Parliamentorum; ut et petitiones... V. I. P. 168.

¹¹⁷Bristol Charters / Ed. by H.A. Cronne. Bristol, 1946. P. 78.

¹¹⁸Ross S.D. Bristol in the Middle Ages. P. 184.

¹¹⁹Tout T.F. The Place of the Reign of Edward II in English History. Manchester, 1914. P. 240—241.

спыхнувший вновь в 1384—1388 гг. В результате борьбы за власть установлен полный контроль баронов над королем. В 1399 г. сошел очередной государственный переворот, и на троне утвердилось новая династия — Ланкастеров. Но и после этого обстановка не билизировавшаяся: уже в конце 1399 г. бароны организовали заговор против нового короля — Генриха IV. Для Бристоля общая нестабильность усугублялась еще тем, что начиная с 1400 г. в течение десяти лет оседнем Уэльсе продолжалось восстание, в которое активно вмешивалась Франция. В 1405 г. французы вместе с восставшими валлийцами участвовали в походе на Глостер, а в 1403 г. ограбили Плимут и надолго захватили о. Уайт¹²⁰.

Позиция горожан во всех политических конфликтах зависела от того, какая из борющихся сторон могла полнее обеспечить их интересы. Обычно бюргерство поддерживало короля, поскольку королевская власть обеспечивала даже мелкие города самыми насущными экономическими привилегиями, способствовала нормализации торговли в масштабах всей страны, защищала своих купцов в спорах с иностранными торговцами. В этом плане особенно важным для горожан было установление единства мер и весов («Великая хартия вольностей»), упорядочение денежного обращения и кредитных операций (статут 1299 г. о неполноценной монете и статуты о купцах 1283 и 1285 гг.)¹, обеспечение безопасности торговых путей внутри страны (инчестерский статут 1285 г.), укрепление общегосударственного «общего права» (реформы Генриха II и законодательство Эдуарда I). Именно поэтому при Генрихе III во время его борьбы с баронами и в разгар гражданской войны 1263—1267 гг. некоторые города поддерживали короля из опасения потерять дарованные им привилегии или надеясь получить новые. Позиция горожан в том или ином политическом конфликте зависела еще и от того, кто господствовал в городском управлении — олигархия или представители средних торгово-ремесленных слоев.

Во второй половине XIV в. внутривнутриполитические конфликты осложнились начавшейся Столетней войной: «Следует отметить, что все, связанное со Столетней войной, было далеко не безразлично горожанам, особенно английскому купечеству: обеспечение рынка сбыта английской шерсти во Фландрии, свобода и безопасность судоходства в проливах, независимость английского владычества в Гаскони являлись жизненно важными условиями для развития двух основных направлений английской внешней торговли — экспорта шерсти и импорта вина, в которых

¹ *Javrin J. Recueil des Croniques / Ed. by W. Hardy. L., 1868. P. 89—92; Stow J. The Annals of England. L., 1601. P. 534.*

главным образом были заинтересованы члены Стапельной компании во главе с крупными лондонскими купцами и купеческая верхушка Бристоля»¹²¹, — отмечает Л.П. Репина. Поэтому и в силу своих связей с правящей династией, и из-за особых экономических интересов Бристоль всегда оказывался втянутым в политическую борьбу XIV—XV вв.

«Заигрывания» Эдуарда II с иностранными купцами привели к тому, что Бристоль, как и Лондон, в гражданской войне 1326—1327 г. поддержал противников короля. Поскольку пребывание в Лондоне для королевского фаворита Деспенсера-старшего становилось опасным, он укрылся в бристольском замке. Но когда войска королевы Изабеллы подошли к Бристолю, город открыл ворота и вынудил Деспенсера сдаться без сопротивления¹²².

Еще неоднократно в ходе политической борьбы выгодное местоположение города — удаленность от Лондона и выход к морю — способствовало вовлечению его в конфликты. Во время государственного переворота 1399 г., когда армия противников Ричарда II двинулась на Лондон, советники короля — Уильям Скроуп, Джон Бэши, Генри Грин и Уильям Бэгот — бежали в Бристоль (сам Ричард в это время был в Ирландии). Об этих событиях сообщает Т. Уолсингем: «Названные же никчемные советники Джон Бэши, Уильям Бэгот, Генри Грин с назначением Уильямом Скрупом, поняв, что общины желают присоединиться к герцогу Ланкастеру, оставив охрану и управление государством, поспешно бежали в крепость Бристоль»¹²³. Городской совет решил открыть ворота перед армией Генриха Болинброка — будущего Генриха IV. Скроуп, Бэши и Грин были выданы противникам короля, спастись удалось лишь Уильяму Бэготу. В конце 1399 г., когда бароны организовали заговор против нового короля — Генриха IV, бристольтцы оказали ему поддержку: в 1400 г. они захватили и казнили лорда Спенсера, одного из участников заговора, который пытался бежать из Англии¹²⁴.

Очень большую роль в позиции городов играли политические пристрастия влиятельных горожан. Например, один из самых выдающихся купцов XV в. Уильям Кэнинджес-младший был ярым ланкастерцем. Будучи в разные годы бейлифом, шерифом и мэром Бристоля, он использовал свое влияние на городской совет, чтобы оказать противодействие йоркской партии, имевшей прочные позиции на западе Англии. В результате в 1450 г. из городской казны потратили 15 ф. на укрепление стен и 40 ф. на приобретение вооружения и материалов, «необхо-

¹²¹Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство... С. 144.

¹²²Там же. С. 169.

¹²³Walsingham Th. Chronica Monasterii S'Albani. Historia Anglicana / Ed. by H.Th. Riley. L., 1864. Vol. II. 1381—1422. P. 233.

¹²⁴Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство... С. 195.

димых для обороны названного города»¹²⁵. Генрих VI высоко оценивал преданность У. Кэнинджеса. В 1449 г. в обращении к верховному магистру Пруссии и магистрату Данцига он просил оказать благосклонность некоторым английским купцам и особенно «его любимому и видному купцу из Бристоля» Уильяму Кэнинджесу¹²⁶. Безусловно, расположение, проявленное к Кэнинджесу, не было совершенно бескорыстным. Генрих VI, последний и не самый лучший из ланкастерских королей, был более расточительным и не менее нуждающимся, чем его предшественники, поэтому даровал особые привилегии богатым купцам в обмен на большие денежные суммы. В документах нет записей о том, сколько Кэнинджес уплатил королю, но то, что деньги уплачены, не вызывает сомнения.

В 1457 г., будучи вновь мэром Бристоля, У. Кэнинджес на свои средства построил и оснастил военный корабль, чтобы поддержать Генриха VI. Тем не менее, в 1461 г. трон перешел к Йоркам, и в этом году, вновь став мэром, Кэнинджес принимал в Бристоле нового короля Эдуарда IV. Эдуард прибыл в город не для того, чтобы присутствовать на блестящем празднике, устроенном в его честь, а выяснить, насколько богат город, и сколько можно получить денег с его крупных купцов. Самый богатый горожанин У. Кэнинджес был вынужден уплатить не меньше 3 тыс. марок, чтобы помириться с новым королем¹²⁷. Интересно вспомнить, что в первой четверти XIV в. весь город получил прощение за 4 тыс. марок.

Таким образом, позиция города в отношениях с королевской властью зависела от того, какая из борющихся политических группировок могла гарантировать наиболее благоприятные условия для жизни и деятельности горожан.

§ 4. Особенности самосознания горожан в XIV—XV вв.

Что за люди создавали богатство города, строили дома и церкви, представляли своих сограждан в парламенте и искали новые острова в океане? Ответы на многие вопросы можно было бы получить из писем и частных бумаг горожан, однако для Бристоля мы должны констатировать их отсутствие. Поэтому постараемся представить себе людей XIV—XV вв. с помощью тех документов, которые есть в нашем распоряжении.

¹²⁵GRB. V. I. Text. P. 131.

¹²⁶Bourne H.R.F. English Merchants. L., 1886. P. 66.

¹²⁷Ibid. P. 68.

Пока король и бароны изнуряли королевство и уничтожали себя в бесконечной династической борьбе, такие энергичные и уверенные в себе люди, как бристольские купцы, упорно накапливали собственное богатство и приумножали славу города. Используя особенности географического положения Бристоля, его моряки и торговцы прокладывали новые пути в океане, которыми позднее прошли и другие англичане. Именно такие люди, как Уильям Кэнинджес, вопреки всем трудностям налаживали первые торговые связи с Исландией. Более того, задолго до Колумба бристольские купцы получали лицензии на плаванья с целью открытия новых земель к западу от Ирландии¹²⁸. На протяжении 1480—1500 гг. в Бристоле было организовано несколько торгово-исследовательских экспедиций, наиболее известными из которых было две. В июле 1480 г. два корабля «Джордж» и «Троица» были снаряжены в порту «не только с целью торговли, но и для того, чтобы найти и открыть некий остров, называвшийся *lie of Brasile*». В этом рискованном предприятии объединили свои средства несколько бристольских купцов. Одним из них был Джон Джей, который, как считают, снарядил полностью один корабль, другим — Томас Крофт, имевший 1/8 долю в каждом судне. Руководство плаванием поручили некоему Ллойдю, «наиболее ученому моряку во всей Англии». После двух месяцев безуспешных поисков корабли отнесло бурей к берегам Ирландии¹²⁹. Самой известной из бристольских экспедиций было плавание Джона Кабота в 1497 г. Его высадка на побережье Северной Америки, откуда он надеялся найти проход в Азию с ее богатой торговлей, стала возможной благодаря финансовой поддержке и навигационному опыту бристольских купцов и моряков.

С отвагой, энергией и находчивостью эти люди часто соединяли беспринципность и эгоизм. Они не стеснялись себя в средствах, опускаясь иногда до простого разбоя. В 1294 г. некто Уолтер Хобб захватил корабль голландских купцов и присвоил его груз. После долгой тяжбы он был вынужден вернуть корабль и товары и уплатить значительную сумму (65 ф.) за ущерб, причиненный им¹³⁰. В этом не было бы ничего удивительного, если бы Хобб являлся обыкновенным пиратом, но он прослыл крупным торговцем. В разбое подозревался и Роджер Тертл, мэр города в 1321 г.¹³¹ В сговоре с пиратами обвинялся Генри Мей, представитель одной из богатейших семей в Бристоле¹³². Жадность и беззастенчивость купцов выражалась и в обмане королевских чинов-

¹²⁸The Overseas Trade of Bristol... P. 157—161.

¹²⁹Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 245—246.

¹³⁰Bourne H.R.F. English Merchants. L., 1886. P. 63.

¹³¹SCB. P. 71.

¹³²The Overseas Trade... P. 74.

ников. В 40-е гг. XV в. Джон Уинч, чтобы избежать конфискации своего товара королем, поскольку он торговал без лицензии, передал его в качестве уплаты долга мэру Бристоля, а корабль срочно продал, поставив, тем самым, в затруднительное положение королевского контролера¹³³.

Подобные действия были характерны не только для английских купцов. Ссылаясь на письма флорентийского купца Франческо Датины, И.А. Краснова отмечает, что итальянские купцы и их факторы часто вступали в сделки с пиратами, в результате чего «порой трудно было различить, где кончается “добрый купец” и начинается морской разбойник»¹³⁴. С развитием торговли и ростом конкуренции увеличилось и количество разного рода обманов и мошенничества, несмотря на все предосторожности купцов. И это можно было наблюдать не только в Бристоле XIV—XV вв., но и в других городах Англии и континента.

Жажда накопительства часто вступала в противоречие с нравственными догмами, которые на протяжении многих веков проповедовала церковь, поэтому психология этих энергичных людей отличалась раздвоенностью. Христианская мораль допускала, что торговля является необходимым занятием, но отнюдь не почтенным, поэтому долгое время наблюдалось завистливое, а с другой стороны, несколько пренебрежительное отношение к людям, занятым торговлей. Но с ростом богатства и влияния городов их обитатели начинали гордиться своими успехами, деловыми качествами и предприимчивостью. Торговля становится почтенным занятием не только для представителей городского сословия, в нее стало втягиваться и английское дворянство, это можно проследить по торговым лицензиям и таможенным отчетам. Например, 24 февраля 1456 г. была выдана лицензия на экспорт пшеницы во Фландрию сэру Николасу Уэрингсу, а в октябре 1470 г. совместную лицензию на торговлю с Исландией получили Джон Форстер, бристольский купец, и сэр Эдмунд Хангерфорд¹³⁵. Конечно, сказать точно, были ли это представители дворянства, приобщившиеся к торговле, или купцы, получившие дворянский титул, сейчас довольно сложно. Но тот факт, что младшие дети из дворянских семей стали поступать в ученики в торговые гильдии, говорит о повышении социального статуса купечества.

В чем же конкретно выражалось изменение самосознания английских горожан XIV—XV вв? У них появляется гордость за свои достижения, которая, прежде всего, выразилась в строительстве ка-

¹³³The Overseas Trade... P. 92.

¹³⁴Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. Ч. I. С. 77.

¹³⁵The Overseas Trade... P. 109, 137.

менных домов и настоящих дворцов с башнями. Дома бристольских купцов были вполне достойны, чтобы принимать в них королей. Они строились с учетом требований комфорта, со все увеличивавшимся применением стекла, что давало много света и воздуха. Особенно много таких домов было в менее тесном квартале Рэдклифа, где среди садов и лугов построили свои жилища самые богатые люди города. Среди них выделялся особняк Уильяма Кэнинджеса-младшего, в котором в 1461 г. он принимал Эдуарда IV, посетившего Бристоль. На более сдвинутых центральных улицах Старого Бристоля дома богатых бюргеров отличались, главным образом, высотой и украшениями. Особенно много таких домов было на Хай-стрит, с ее шумным рынком, лавками портных, ювелиров и суконщиков. Некоторые из этих домов высотой в 4 этажа, с лавками внизу и выступающими верхними этажами. Ниже уровня земли иногда на глубину в несколько этажей располагались подвалы для хранения вина, вайды, соли и других громоздких товаров. Часто такие подвалы сдавались отдельно от домов наверху.

При этом внутренняя обстановка даже самых роскошных домов в XIV—XV вв. была довольно скудной. Еще в XV в. профессионально сделанный стол редко вытеснял обычные козлы, и наиболее распространенной мебелью были обшитые мягкой обивкой скамьи, располагавшиеся вдоль стен и в амбразурах окон. Рост уровня комфорта можно проследить по тем вещам, которые перечислялись в завещаниях. Очень часто упоминаются спальные принадлежности — покрывала из гобелена или украшенного ярким узором сукна, занавеси и пологи для кровати, простыни и даже перины. Перьевые постели и подушки даже в XV в. стоили очень дорого, и многие люди вполне обходились постелью из шерсти и мешком сена, «чтобы класть на него голову»¹³⁶. Простыни тоже были достаточно дорогими, чтобы иногда специально упоминаться в завещаниях.

Обстановку в доме богатого бристольского купца XV в. можно представить по завещанию Уолтера Нортон. В 1466 г. он завещал своему старшему сыну Томасу «ткань, которая висит в холле, с гобеленовыми покрытиями для лавок и подушками к ним, постоянную кровать, которая установлена в большой комнате, с шелковым балдахинном и занавесками к ней»¹³⁷. Младшему сыну (тоже Томасу) Нортон оставил «одну скатерть из узорчатого полотна, одно полотенце из того же материала, 4 других полотенца из тонкого сукна, одну пару полосатых простыней, 3 пары простыней из тонкого сукна, одну пару фланелевых одеял, одну перину, один тюфяк с парой валиков и покрывало <...> Одну оставшу-

¹³⁶Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 233.

¹³⁷GRB. V. III. P. 112.

юся кровать с шелковым балдахинном и занавесками к ней; все оставшиеся гобелены из жизни государя Роберта Сесила, которые висят в моей гостиной, с гобеленовыми покрытиями для скамей и подушками к ним»¹³⁸. Это все завещалось помимо недвижимости, наличных денег и товаров.

Скудость мебели возмещалась яркостью обивочной ткани, а также дорогой посудой, которая была подлинным украшением дома. Например, бристольский купец Уильям Иннинг в 1447 г. завещал лондонскому галантерейщику Джону Дерему серебряную частично позолоченную чашу с крышкой и на подставке, весом 18 унций; такую же чашу — лондонскому олдермену Джону Хейдерли; позолоченную серебряную чашу — его жене Джоанне; бристольскому торговцу пряностями Джону Саттону — позолоченную серебряную чашу на подставке весом 17 унций; кузену Уолтеру Хенди — такую же чашу¹³⁹. В 1484 г. Уильям Берд завещал жене, дочерям и сыновьям пять чаш с крышками, две мелкие чаши, две позолоченные колоколообразные чаши, две позолоченные чаши на подставках, два блюда, одно из которых с крышкой предназначалось для дорогих пряностей, которыми приправляли пищу, две с половиной дюжины ложек, одну серебряную солонку и две позолоченные солонки¹⁴⁰.

В завещаниях Джона Брауна, Мориса Уайта, Джона Бертона, Уильяма Сеймора и других упоминались серебряные блюда для пряностей, солонки, серебряные столовые ложки, ложки для соли и имбиря, кубки и даже серебряный таз с кувшином к нему¹⁴¹. Хотя даже самые богатые люди не стеснялись упоминать в своих завещаниях обычные предметы домашней утвари. Уолтер Нортон, о котором уже шла речь, завещал младшему сыну Томасу 3 дюжины тарелок, 4 больших плоских блюда из олова, большой медный котел и 4 других медных котелка. Томас Франклин в 1448 г. помимо земель и рент завещал сыну Джону медный горшок, а дочери Элис — кувшин¹⁴². Э. Кэрус-Уилсон считает, что средний уровень комфорта купцов XV столетия должен был быть намного выше, чем у крестьян, и ниже, чем у ремесленников столетием позже¹⁴³. Но чтобы согласиться с подобным заключением или отвергнуть его, нужны более глубокие исследования условий жизни средневековых горожан.

Об уверенности в себе и чувстве гордости за принадлежность к городскому сословию говорит и одежда той эпохи. В Средние века во-

¹³⁸GRB. V. III. P. 113.

¹³⁹Ibid. V. II. P. 205.

¹⁴⁰Ibid. P. 152—154.

¹⁴¹Ibid. V. II. P. 211, 213; V. III. P. 60, 62, 64, 153.

¹⁴²Ibid. V. III. P. 112—113; V. II. P. 204.

¹⁴³Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 233.

прос о том, как одеваться, связан с проблемами морали и социального статуса. Каждый человек должен был носить одежду, соответствующую его положению и не оскорбляющую общественную нравственность. Платье показывало положение человека на социальной лестнице, а также степень его достатка, отсюда — стремление проявить себя в одежде, не считаясь с затратами. Из постановлений ремесленных гильдий, городских советов и завещаний горожан можно составить примерное представление о том, какую одежду и обувь носили жители городов. Сапожники в своих ордонансах упоминали башмаки различных фасонов, изготовленные из кожи разного качества, портные — капюшоны и шапки разных видов, штаны и плащи, изготовители поясов уточняли, как должны были украшаться пояса для одежды и т.д.

Одежда, видимо, была очень ярких цветов. Об этом можно судить хотя бы по цвету плащей. Джон Браун в 1476 г. завещал 5 плащей, и все разного цвета: Джону Честеру — голубой плащ, священнику Филиппу — длинный темно-красный плащ, брату Томасу — лиловый крашенный плащ и темно-красный капюшон, Джону Вайнеру — длинный зеленый плащ, брату Ричарду — короткий зеленый плащ¹⁴⁴. Плащи украшались по-разному: вышивали, подбивали различным мехом или другим сукном. Уильям Иннинг в 1447 г. среди прочих посмертных даров упоминает три плаща: один красный плащ, подбитый мехом, второй — подбитый мехом темной мерлушки, третий — темным сукном. Богатейший бюргер Бристоля Джон Бертон в 1454 г. наряду с недвижимостью и кораблем упоминает в завещании «два плаща, окаймленные мехом темного цвета, и другой льняной плащ с лучшими головными уборами завещателя, и красный плащ, отороченный мехом»¹⁴⁵.

Достаточно вспомнить, как Джеффри Чосер в Общем прологе к «Кентерберийских рассказах» описывал паломников из числа горожан:

«Купец с ним ехал, подбоченьясь фертом,
Напялив много пестрого добра.
Носил он шапку фландрского бобра
И сапоги с наборным ремешком».

Юрист «носил узорный камзол домашний с шитым пояском», красильщик, плотник, шапочник и ткач — одежду из добротного сукна и ножи в серебряной оправе; доктор медицины — «носил малиновый и синий цвет, и шелковый был плащ на нем надет»¹⁴⁶.

¹⁴⁴GRB. V. II. P. 205.

¹⁴⁵Ibid. P. 205; V. III. P. 60.

¹⁴⁶Чосер Джеффри. Кентерберийские рассказы. М., 1946. С. 38—39.

Еще более красочно описана внешность и одежда Батской ткачихи:

«Платков на голову могла навесить,
К обедне снаряжаясь, сразу десять,
И все из шелка иль из полотна;
Чулки носила красные она
И башмачки из мягкого сафьяна»¹⁴⁷.

Поскольку Чосер писал свои «Рассказы» в последней четверти XIV в., мы вполне можем представить себе, как выглядели бристольские горожане интересующего нас периода.

Жены знатных горожан имели право носить платье со шлейфом определенной длины. Это касалось только жен олдерменов, по своему положению приравнивавшихся к джентри. «Законы о роскоши» людям низших званий предписывали носить только грубое сукно стоимостью не выше 12 пенсов или полотно, и запрещали использовать серебро в отделке оправ ножен¹⁴⁸. Тем не менее, горожане стремились не отстать от феодалов в роскоши своей одежды, и украшали ее дорогими мехами, драгоценными камнями, золотом и серебром.

Страсть к роскоши дошла до того, что во времена Эдуарда IV в 1463 г. был принят закон, регулировавший расходы на одежду и позволявший мэрам, шерифам и олдерменам носить мех куницы и белки, а их слугам ливреи, подбитые мехом¹⁴⁹. Городской совет Бристоля тоже пытался сдержать расточительность своих должностных лиц и уменьшить их расходы на мех. Было установлено, что мэр не должен тратить в год более чем 6 ф. 13 ш. 4 п., шериф — 5 ф., каждый бейлиф, рикордер и городской клерк — 6 ш. 8 п., оруженосец мэра — 4 ш., каждый разъездной бейлиф и сержант мэра — 2 ш.¹⁵⁰

Оригинальный довод в пользу роста уровня жизни горожан в конце XV в. приводит Х. Суонсон: несмотря на сокращение численности жителей Йорка в конце XV в. перчаточное производство в городе процветало¹⁵¹. Для богатых ремесленников и горожан дорогая одежда была своеобразным вложением денежных средств, и поэтому она часто упоминалась в завещаниях.

Рост самосознания горожан особенно наглядно проявился в изменении воззрений на социальное место женщины. К XIV—XV вв. значительно выросла хозяйственная и правовая самостоятельность женщин-

¹⁴⁷Чосер Джеффри. Кентерберийские рассказы. С. 41.

¹⁴⁸Statutes of the Realm. V. I. P. 378.

¹⁴⁹Ibid. V. II. P. 40.

¹⁵⁰LRB. V. II. P. 65—66.

¹⁵¹Swanson H. Medieval Artisans. P. 60.

горожанок. В документах того времени довольно часто встречаются сведения не только о работавших по найму прядильщицах или ткачихах, но и о женщинах-мастерах различных специальностей. Женщины начинают заниматься торговлей наравне с мужчинами. Например, в 1344 г. в «Обычаях города Бристоля» особо оговаривалось, что «женщины-пивовары, которые продают эль вопреки ассизе, будут штрафовать в соответствии с их проступком»¹⁵².

Более того, в таможенных отчетах встречаются имена женщин, участвовавших во внешней торговле. Чаще всего это были вдовы купцов, которые продолжали или заканчивали дела своих мужей. Если Уильям Берд, имевший двух сыновей, завещал жене и трем дочерям кроме прочего наследства 20 бочек вайды и 5 бочек железа, то предполагается, что они будут их реализовать¹⁵³. Крупнейший купец и судовладелец Джон Бертон оставил своей жене Изабелле кроме недвижимости, наличных денег и утвари товаров на сумму в 200 ф., 8 мешков шерсти и 1/4 часть собственности на корабль “le Maria de Bristollia”¹⁵⁴.

Если купец умирал внезапно, то было вполне естественно, что жена заканчивала вместо него начатое дело. Так, Джоанна, вдова Уильяма Роули-старшего, в 1479 г. получила сахар, а в 1480 г. масло и воск из Лиссабона, а также вайду и вино из Испании. В этом же году на имя Маргарет, вдовы Томаса Роули, прибыло три груза вина из Бордо, один — масла из Севильи и из Фландрии марены на 82 фунта¹⁵⁵. Таможенные отчеты времен правления Эдуарда IV называют 7 женщин-торговцев, которые, вероятно, были вдовами купцов, и 8 других, участвовавших в импорте и экспорте товаров. Часто, когда муж отсутствовал, жена получала товары или деньги, причитавшиеся ему.

Женщины в рассматриваемое время в Бристолле владели недвижимостью — имели права собственности или арендовали землю и дома. В завещании Джона Бертона 1454 г. упоминается сад, принадлежавший Джоанне Эрли (вдове), который арендовал у нее Джон Ньютон. В этом же завещании есть сведения о Маргарет Пайк, которая арендовала участок с постройками у Уильяма Тавернера, джентльмена. Правда, с какой целью она арендовала держание, не сказано¹⁵⁶. Уильям Повем в 1454 г. большую часть недвижимости завещал жене, а после ее смерти она должна была перейти сестре завещателя Элис и его дочери Сесилии. Хотя у Уильяма Повема были сын и брат, которым тоже завещана недвижимость. В данном случае женщины наследовали недвижи-

¹⁵²LRB. V. I. P. 43—44.

¹⁵³GRB. V. III. P. 152—154.

¹⁵⁴Ibid. P. 56—61.

¹⁵⁵The Overseas Trade... P. 223, 227—228, 231—232, 234, 260—264.

¹⁵⁶GRB. V. III. P. 56.

мость наравне с мужчинами. В этом же завещании идет речь о земельном участке, принадлежавшем Маргарет Денем¹⁵⁷.

О росте правовой самостоятельности женщин говорит тот факт, что они часто упоминаются как душеприказчицы своих мужей. Обычно в завещаниях в качестве душеприказчиков упоминаются деловые партнеры или родственники-мужчины, и на их фоне особенно выделяются такие женщины, как Алиса Саттон, Агнес, вдова Томаса Фиша, а потом Джона Спайсера, Алиса Честер. В завещаниях иногда проявлялось разное отношение к женщинам. Например, купец Джон Браун в 1476 г. подробно расписал, кому и что он завещает, а затем распорядился, дабы оставшееся имущество передали его жене (свою долю она тоже получила по завещанию), и Кэтрин сама могла решать, как лучше употребить остаток на благо души завещателя, его родителей и благодетелей. Душеприказчицей также была назначена жена. Здесь проявилось явное доверие к здравому уму Кэтрин и уважение к ней. Томас Джоунз не только назначил свою жену душеприказчицей, но и записал, что она может использовать оставшееся имущество, «как сочтет подходящим». Так же поступил Морис Хейл — остаток имущества нужно было передать жене, «чтобы распорядилась им, как она сочтет подходящим». Она же назначена душеприказчицей. Джон Фланингем, имея брата и сына, доверяет распоряжение имуществом после своей смерти жене Анастасии. И Уильям Роули, имея братьев, назначил душеприказчицей жену Маргарет. Такое же отношение к жене продемонстрировали в XV в. Ричард Форстер, Уильям Сеймор, Лодовик Морс, Уильям Берд, Том Коуган¹⁵⁸.

А вот Морис Уайт в своем завещании от 1460 г. записал, что его жене (не упомянуто даже имя) должны быть переданы 11 ф. и домашняя утварь, которую выберут душеприказчики. Последними он назначил Джона Роуша и Патрика Пирза¹⁵⁹. Упоминавшиеся Джон Бертон, Уильям Повем, Джон Вайелл, Уильям Мерфилд и некоторые другие предпочитали назначать своими душеприказчиками чужих людей — своих друзей, партнеров, духовных лиц. Это было достаточно распространено, и могло объясняться личными качествами женщин, но являться и показателем традиционного отношения к ним. Но тем более интересно отметить возникновение новых черт в психологии бюргеров.

В судебных разбирательствах по торговым и финансовым делам в XV в. также встречаются женщины. Например, в 50-е гг. XV в. Джордж Айрленд, олдермен Лондона, подал прошение о возмещении долга в

¹⁵⁷GRB. V. III. P. 104—105, 106.

¹⁵⁸Ibid. V. II. P. 211, 213; V. III. P. 62, 63, 110, 112, 153, 154, 156—158.

¹⁵⁹Ibid. V. II. P. 213.

бристольский Стапельный суд против Алисы Саттон¹⁶⁰. Алиса Честер не только вела торговлю с Испанией, Португалией и Фландрией, но и давала деньги взаймы. Известно, что она ссудила 20 ф. приору Тонтон, когда он был в большой нужде и не мог отремонтировать свой дом и уплатить долги¹⁶¹.

Участие женщин во внешней торговле облегчалось тем, что к XIV в. изменились способы ее ведения, и на смену купцу-путешественнику, подвергавшемуся опасностям на суше и на море, пришел купец-предприниматель, который вел свои дела при помощи переписки и факторов. Богатые купцы обычно имели постоянного фактора в городах, с которыми имели налаженную торговлю. Положение фактора являлось следующей ступенью после ученика, которую молодой человек должен был пройти, прежде чем стать самостоятельным торговцем, жениться и осесть в Бристолье. Часто фактор — младший член семьи, подобно Джону Кэнинджесу, который, вероятно, был фактором своего отца Уильяма Кэнинджеса. Также и Роберт Хенлов, брат Джона Хенлова, бристольского красильщика и торговца сукном, был его фактором в Лондоне¹⁶².

Положение фактора означало жизнь за границей, и такие агенты вели дела почти бесконтрольно. Поэтому требование честности и надежности считалось основным в купеческой этике. Если фактор оказывался недостаточно порядочным, то купец мог понести большие убытки. Например, Роберт Расселл подал жалобу на своего фактора в Байонне Томаса Хоупера, поскольку сукно и другие товары, отправленные ему, он использовал для своей выгоды. Хоупер женился на женщине из Байонны, и оказался настолько «обременен содержанием кузенов и родственников указанной женщины», что Расселл не мог получить законного возмещения. Поскольку он человек занятой, и поездка за границу была для него делом утомительным и трудным, он поручил некоему Уильяму Роджеру, как своему поверенному, возбудить против Хоупера судебное дело¹⁶³. Поверенный был агентом, назначенным, чтобы вести какое-то отдельное дело, с большей властью, чем фактор. Но в XV в. термины «фактор» и «поверенный» (“factor and attorney”) использовались еще достаточно беспорядочно.

Несмотря на возрастающее богатство и престиж, средневековые купцы очень остро воспринимали непостоянство удачи и капризность судьбы. Риск и чувство неуверенности были оборотной стороной респектабельности и достатка. Показательна в этом отношении судьба

¹⁶⁰GRB. V. III. P. 20.

¹⁶¹Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 243.

¹⁶²The Overseas Trade... P. 159.

¹⁶³Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 236.

Роберта Стерми. Богатейший купец, мэр города в 1450 г., который жил в Бристоле с королевским блеском, держа дом открытым для купцов из всех стран, испытал на своем веку столько опасностей, сколько хватило бы на несколько человек. В молодости он отправился в Иерусалим, захватив с собой 160 паломников и некоторое количество товаров. На обратном пути его корабль «Анна» потерпел крушение у берегов Греции и 37 его спутников утонули. Сам Стерми выжил, чтобы в будущем подвергнуться новым опасностям. В 1446 г., решив обойтись без посредничества Венеции и Генуи, он отправил товары в Пизу, но во время бури его корабль был выброшен на скалы о. Модон и весь экипаж погиб. Тем не менее, в 1447 г. Стерми отправил уже 3 корабля в Левант. Сохранилось три отчета о плаваниях Роберта Стерми, из которых можно узнать, что генуэзцы, решив не допустить возвращения кораблей в Англию, устроили засаду у о. Мальта и захватили их¹⁶⁴. В 1458 г. во время очередного плавания в Левант корабли Стерми были вновь ограблены генуэзцами, после этого все генуэзские купцы, находившиеся в Лондоне, были арестованы и заключены в тюрьму до тех пор, пока не согласились дать возмещение за потерянное имущество, оцененное в 9 тыс. марок¹⁶⁵.

Жизнь и деятельность даже самых богатых людей была связана с постоянным риском. Хотя и существовали морские законы (морское право), но беззаконие стало обычаем. В документах того времени постоянно встречаются сведения о потерях кораблей от пиратских захватов, кораблекрушений и ограблений потерпевших крушение кораблей. В то время, когда еще не было постоянных дипломатов и консулов, купцы за границей могли полагаться только на взаимную поддержку и помощь. Так, Джон Пейви, который лежал умирающим в Байонне, поручил двум братьям-горожанам возвратить его имущество жене и детям в Бристол. Уже упоминавшийся Уильям Роули-младший, умерший в Бордо в 1478 г., поручил Джону Честеру возвратить в Бристоль корабль и товары, за которые он был ответственным¹⁶⁶.

Неудивительно, поэтому, что купцы искали небесной защиты против превратностей стихии и судьбы. Набожность и благочестие были так же присущи им, как беззастенчивость и рационализм. К XIV в. отношения между моралью и религией изменились таким образом, что набожность не служила препятствием всем формам накопительства, и забота о спасении души не мешала земным делам. Разлад между совестью и алчностью, страхом посмертного наказания и стремлением

¹⁶⁴The Overseas Trade... P. 117—118.

¹⁶⁵Jenks S. Robert Stumy's Commercial Expedition to the Mediterranean (1457/8)...; Bourne H.R.F. English Merchants. L., 1886. P. 68.

¹⁶⁶Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 242.

к обогащению нашел выражение во многих завещаниях и прижизненных дарах Церкви. Средневековые горожане отличались благочестием не только потому, что этого требовали нормы поведения. Это было связано с господствовавшими религиозными доктринами, в частности, учением о Чистилище. Стремлением заслужить вечное спасение объясняются многие благочестивые дела зажиточных граждан Бристоля. Они стремились смягчить суровость божьего суда, которого они ждали и боялись, путем получения высшего благоволения. К концу жизни они начинали заботиться о своих душах, демонстрируя, с одной стороны, раскаяние и «запасая», а с другой, — добрые дела.

В завещаниях можно выделить две категории набожных распоряжений. Первая предусматривала краткосрочные заупокойные службы, которые, обычно, имели место через три дня после смерти. Очень часто завещатель подробно оговаривал все ритуалы. Например, Джон Бейннбери в 1404 г. просил, чтобы на его похоронах и предшествующих им службах 24 бедняка несли факелы, получив за свои старания платье, шапку и 2 серебряных пенса. Пять священников, совершавших богослужение в своих приходских церквях и принявших участие в обрядах и мессе в день его похорон, должны получить по 1 шиллингу. Девятнадцать других священников, присутствовавших на службе и мессе, должны получить по 4 пенса¹⁶⁷.

Другая категория распоряжений предусматривала пожертвования, рассчитанные на долгий срок. Мужчины и женщины выделяя из своих средств так много, как они могли, предусматривали проведение торжественных служб в течение долгого времени после их смерти, или поминальные молитвы на неограниченный срок, для чего устанавливали «вечные стипендии» священникам (“stipendiaries”). Видимо, подобные выплаты бывали иногда очень большими, т.к. городской совет Бристоля в XIV в. вынужденно ограничил их 100 ш. в год¹⁶⁸. Это станет более понятным, если посмотреть, что завещали горожане для пользы своей души. Так, Уильям Повем кроме имущества, оставленного жене, на заупокойные службы, торжественные мессы и благотворительность передал своим поверенным, бристольским купцам, ежегодные ренты за дома, сады и лавки, две конюшни (одну из них с участком пастбищной земли), голубятню, три сада и два участка свободной земли. Вероятно, доход от этих владений должен был использоваться как «вечная стипендия», поскольку в завещании предусматривалось, что два держания должны быть проданы, а деньги потрачены на благо души за-

¹⁶⁷ Burgess C. “By Quick and by Dead”: Wills and Pious Provision in Late Medieval Bristol // The English Historical Review. 1987. № 405. P. 840.

¹⁶⁸LRB. V. II. P. 228.

вещателя. Предполагается, что все остальное будет расходоваться постепенно¹⁶⁹. Точно так же Агнес, вдова Джона Спайсера, завещала держания и лавки своим душеприказчикам, чтобы они по своему усмотрению использовали их для блага души завещательницы, ее бывшего мужа и всех умерших¹⁷⁰.

Необходимо отметить одну особенность набожных распоряжений в завещаниях. Несмотря на то, что бристольтцы завещали значительные дары приходским церквям (в каждом завещании есть упоминания о пожертвованиях), они передавали только движимое имущество, пожертвования недвижимости полностью отсутствуют. Возможно, это объясняется тем, что набожность в XIV—XV вв. становится, если так можно выразиться, рациональной. У богатых горожан появляется представление о том, что нужно не только уметь зарабатывать деньги, но и рационально их тратить. Клайв Берджесс, исследовавший взаимоотношения бристольтских горожан с Церковью, объясняет это по-другому. Он считает, что пожертвования недвижимости в пользу Церкви были, но не после смерти, а при жизни¹⁷¹. Отмечая, что проследить это очень трудно, он обращается к документам церковных приходов. Можно предположить, что пожертвования недвижимости обычно делали люди, не имевшие прямых наследников.

Гораздо чаще различные держания передавались душеприказчикам с целью продажи, и использования уже наличных денег на нужды Церкви. Так, Джон Бертон завещал 20 п. соборной церкви, 5 марок для запаса ткани церкви Св. Томаса и 20 ф. на благотворительность. Кроме этого, 21 держание он передал своим собратьям-купцам Николасу Питтсу, Филиппу Миду, Джону Гейвуду и Ричарду Тингуаллу, которые должны были построить часовню для постоянной заупокойной службы в церкви Св. Томаса¹⁷².

Кроме часовен богатые горожане на свои средства основывали богадельни, как это сделали Джон Фостер или Уильям Кэнинджес¹⁷³. В целом в Бристоле перед Реформацией было 20 богаделен и госпиталей, а также 17 приходских церквей, аббатство Св. Августина, 2 монастыря и 4 дома религиозных братств¹⁷⁴. Несмотря на такое обилие церковных

¹⁶⁹GRB. V. III. P. 103—107.

¹⁷⁰Ibid. V. II. P. 207.

¹⁷¹Burgess C. "By Quick and by Dead"... P. 843—844.

¹⁷²GRB. V. III. P. 56—61.

¹⁷³Ibid. P. 175—181.

¹⁷⁴Lobel M.D., Carus-Wilson E.M. Bristol // The Atlas of Historic Towns / Ed. by M.D. Lobel, W.H. Johns. L., 1975. Vol. II. Appendix II; Bristol and Its Adjoining Counties. P. 189; Pevsner N. The Buildings of England: North Somerset and Bristol. L., 1958. P. 355.

учреждений, в Бристоле никогда не было движения строгих религиозных братств или других суровых церковных организаций. Горожанам вполне хватало пастырского попечения приходских священников, тем более что приходы были достаточно малы — число прихожан колебалось в них от 100 до 800 человек.

Лишь одно братство пользовалось в Бристоле значительной популярностью — братство моряков. В 1445 г. капитаны и матросы ходатайствовали перед мэром и советом, чтобы им разрешили создать братство для содержания священника и 12 бедных моряков, которые будут молиться за тех, кто «плавает и работает в море». Оно было учреждено ордонансом совета как Госпиталь Св. Бартоломея. Позднее по соседству на Болотной улице (“Marsh Street”) построили часовню¹⁷⁵.

По размерам пожертвований в пользу Церкви можно судить о богатстве бристольских горожан и города в целом. Например, уже упоминавшаяся Алиса Честер заказала новое распятие для хоров в своей церкви лучшим резчиком по дереву, алтарь в южном приделе, позолоченный алтарь Богородицы и подарила искусно сработанную дарохранильницу. Помимо большого количества церковных облачений, алтарных тканей и украшений она дала «позолоченное серебряное распятие, покрытое эмалью с Марией и Иоанном», стоившее 20 фунтов¹⁷⁶.

Еще более щедрым дарителем был Уильям Кэнинджес-младший. Будучи одним из самых богатых людей в масштабах всей Англии, он большую часть своих средств потратил на сооружение замечательной церкви Мэри Редклиф, которая и сейчас является украшением города. Кроме этого, он основал два госпиталя, а также передал церковным смотрителям своего прихода драгоценности стоимостью 160 ф., и 340 ф. наличными деньгами¹⁷⁷. Но Кэнинджес распорядился так своим богатством лишь потому, что все его сыновья умерли молодыми, а в 1467 г. умерла и его жена. Он не хотел, чтобы его богатство перешло в руки короля-Йорка, воцарению которого он всячески препятствовал. Считают, что попытка Эдуарда IV найти ему вторую жену, и с помощью этого выманить большую сумму денег в честь свадьбы, заставила его в 1467 г. оставить свет и принять духовный сан. После окончания пятого срока мэрства он стал сначала священником, а затем настоятелем собора в Вестбери, где он и умер в 1474 г.¹⁷⁸

Богоугодные дела, милосердие и благотворительность были не только способом обеспечить небесное благоволение, но и средством завоевать авторитет и уважение в обществе. Почти во всех завещаниях

¹⁷⁵GRB. V. III. P. 113—114; LRB. V.II. P. 186—192.

¹⁷⁶Carus-Wilson E.M. The Overseas Trade of Bristol. P. 243.

¹⁷⁷GRB. V. IV. P. 35—49.

¹⁷⁸Bourne H.R.F. English Merchants. P. 69.

значительные суммы оставляются на благотворительные нужды. Завещания четко делят наследство на вдовью часть, наследство детей и наследство на благотворительные цели. Такое обязательное деление — обычно для завещаний рассматриваемого времени. Например, во Флоренции XIV в. при составлении завещания непременно должен был присутствовать представитель Церкви (иногда даже несколько), чтобы определить, какая часть имущества должна достаться Церкви¹⁷⁹. Возможно, такая обязательность деления наследства была пережитком еще феодальной психологии. Официальная идеология Средневековья не только не поощряла накопления, но и считала богатство помехой для спасения души в будущей жизни. Поэтому благотворительность использовалась как средство достижения этого спасения. Раннебуржуазная идеология, которая оправдывала богатство и накопление, не рассматривала благотворительность как обязательный элемент общественной жизни. Доказательством этого может служить отношение кальвинистов к нищим и бедным. Сочетание буржуазного накопительства и благотворительной деятельности — характерная черта новой психологии. Вероятно, в соединении благотворительности, как пережитке старой психологии, и жажды накопительства, как проявления нового образа жизни, отражалась противоречивость эпохи¹⁸⁰.

Психология английского купечества XIV—XV вв. имеет много общего с психологией итальянского купечества¹⁸¹. Речь идет не только об энергичности, находчивости и смелости наряду с беззащитностью и эгоизмом. Это еще и чувство гордости за свою принадлежность к кругу полноправных граждан города и к определенному социальному слою внутри него. В средневековом обществе каждый человек занимал определенное место, и без определенного статуса он не мог существовать. И себя он воспринимал через свою социальную роль, место в иерархии. Горожанин одновременно входил в несколько «корпораций» или общностей, и это порождало групповую солидарность, групповой патриотизм, а также определенные обязанности, традиции и поведение.

Преобладание группового детерминизма в менталитете бюргера во все не означало отсутствие возможности для развития личных способностей человека. Пример реализации индивидуальных возможностей и особенностей — деятельность Э. Бланкета, У. Кэнинджеса, Р. Стерми.

¹⁷⁹Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. Ч. I. С. 65.

¹⁸⁰Кириллова А.А. Социально-психологическая характеристика английского купечества в XV—XVI вв. // Генезис капитализма в позднее Средневековье в Англии и Германии. М., 1979. С. 30.

¹⁸¹Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. М.;Ставрополь, 1995. Ч. I—II.

Принадлежность к городской общине или какой-то более мелкой корпорации воспитывало чувство общественного долга, навыки демократизма и организационной инициативы¹⁸².

Гордость за свой город и стремление сделать его еще более красивым выражались не только в строительстве каменных домов и величественных церквей, но и в прозаичных бытовых делах. Та же Алиса Честер, которая потратила большие средства на перестройку своего дома и еще больше на богоугодные дела, заслужила благодарность горожан тем, что в 1475 г. установила в порту подъемный кран, которого там никогда не было, «для сбережения товаров как городских купцов, так и чужеземцев». Сооружение крана обошлось ей в 41 фунт¹⁸³. Алиса Честер не была единственной горожанкой, заботившейся о нуждах города. В июле 1450 г. Джон Клайв завещал деньги для починки и укрепления городских стен¹⁸⁴. А уже упоминавшийся много раз Роберт Стерми во время своего очередного плавания в Левант в 1458 г. приобрел некоторое количество зеленого перца и других пряностей, чтобы посадить их в Бристоле и распространить эти культуры в Англии¹⁸⁵.

В рассматриваемое время права не существовали без обязанностей, и горожане в течение столетий приучались к общественным делам, заботе о нуждах города. Муниципальные власти старались следить за порядком на улицах, хотя трудно сказать, как строго исполнялись их постановления. Поскольку подвергнуться разбойному нападению в Средние века было делом обычным, в «Прокламациях города Бристолья», изданных в XIV в., было сказано, что «никто, под угрозой тюремного заключения, не будет бродить по городу ночью после звона вечернего колокола, если только он не несет ночную стражу»¹⁸⁶.

Но жители охранялись не только от грабителей и разбойников — покой их не должен был нарушаться и добропорядочными гражданами. Поэтому, например, запрещалось под угрозой штрафа держать больших собак, «бродящих везде без цепи»¹⁸⁷, или заниматься в людных местах таким ремеслом, которое доставляет неудобство горожанам. Особенно это касалось дубильщиков, занятие которых было связано с неприятными запахами «к досаде людей»¹⁸⁸.

¹⁸²Сванидзе А.А. Микроструктуры и коммунализм средневекового города в Западной Европе // Социальная история: проблемы синтеза. М., 1994. С. 103—107.

¹⁸³Sherborne J.W. The Port of Bristol. P. 17.

¹⁸⁴GRB. V. I. Text. P. 129—131.

¹⁸⁵Bourne H.R.F. English Merchants. P. 68.

¹⁸⁶LRB. V. II. P. 226.

¹⁸⁷Ibid. P. 227.

¹⁸⁸Ibid. V. I. P. 34; V. II. P. 229.

В городе, связанном с широкой внутренней и внешней торговлей, очень важно было сохранить свободные подъездные пути к складам и набережным, поэтому в XIV в. появлялись постановления, подобные следующим: «...Скамьи, палатки, лотки и загоны не будут отныне размещаться на главной улице»; «никто не займет прямой путь или узкую улочку в городе или пригороде Бристоля мусором, бульжником или лесом»; «и <...> никто не осмелится выбросить такой мусор или другие помехи на набережные Quay or Back»¹⁸⁹. В этих постановлениях одинаково отразилась забота и об экономических нуждах деловых людей, и о том, чтобы город был чистым и опрятным.

В заботе о благоустройстве города муниципальные власти не делали никаких различий между жителями, ремесленником или зажиточным купцом, все они обязаны были быть заботливыми гражданами своего города. В «Прокламациях города Бристоля» записано: «Никто, какого бы он ни был состояния, не должен выливать мочу, вонючую или грязную воду на улицу из окна или двери...», и «чтобы каждый человек чистил дорогу перед фасадом своего дома»¹⁹⁰. Конечно, город XIV—XV вв. был более антисанитарен, чем деревня, поэтому часто страдал от чумы, но таких трупов, как в последующие века, в нем не было. Дома еще могли располагаться среди садов, огородов и лужаек.

Беспокойство о санитарном состоянии города приводило к тому, что в него запрещался доступ таким больным, как прокаженные. Отметим одну характерную черту психологии средневековых горожан: они соединяли беспокойство о физическом здоровье с представлениями о нравственной чистоте — один и тот же запрет касался прокаженных и продажных женщин: «...В будущем ни один прокаженный не будет находиться в пределах города, и никакая блудница не будет жить в пределах городских стен». Гарантии исполнения этого постановления были очень надежные: «И если такие женщины будут обнаружены проживающими здесь, то тогда двери и окна их домов будут сняты и унесены судебными приставами к дому “стража мира” этого городского района и держаться там до тех пор, пока такая женщина окончательно не переедет»¹⁹¹. А вот исполнение другого постановления, принятого тоже в XIV в., вызывает большие сомнения, поскольку оно предусматривало, что «никакая публичная женщина не будет бродить по городу без полосатого колпака»¹⁹², хотя вряд ли кто-то добровольно согласился бы на такое условие.

Будучи патриотами своего города, его жители во времена Чосера начали осознать свое национальное единство, а их чувство корпо-

¹⁸⁹LRB. V. I. P. 34—35, V.II. P. 228—229.

¹⁹⁰Ibid. V. II. P. 228—229.

¹⁹¹Ibid. V. I. P. 33—34.

¹⁹²Ibid. V. II. P. 229.

ративизма стало соединяться с национальным патриотизмом. Во многом этому способствовала Столетняя война, но даже до нее появилось вполне определенное деление на англичан и «чужих». Это можно заметить даже в постановлениях ремесленных гильдий, в которых противопоставляются не просто жители своего города и «чужеземцы», но англичане и люди, «не родившиеся под властью короля».

Однако и в XV в. национальное чувство не перевешивало городской патриотизм, и даже самые активные в политических делах граждане больше интересовались делами своего города, чем проблемами королевства. Да это и не удивительно, если вспомнить обстановку непрерывной династической борьбы XIV в., трудности, связанные со Столетней войной и бесчинства феодалов во время войны Алой и Белой розы. Мир и процветание города — единственный противовес беззаконию и беспорядку, царившему в целом в стране. Поэтому энергичные и предприимчивые люди, такие, например, как бристольские купцы столь много времени и средств уделяли возвеличиванию своего города. Без сомнения, они были людьми деловыми и практичными, *но вполне способными оценить что-то, не поддающееся измерению в деньгах.*

Часть II

Социально-политическая
жизнь английского города
на пороге
Нового времени

§ 1. Традиции самоуправления в городах Англии

Основные формы современного городского самоуправления в Англии сложились в XIX в., и до нашего времени в них мало что изменилось. Обычно, когда пишут о городском самоуправлении, акцент ставится на том, что изменилось в нем со Средних веков, в данном же случае речь пойдет о том, что современному самоуправлению в английских городах досталось в наследство от Средних веков.

Нужно отметить, что в Средние века общегосударственных муниципальных законов не существовало. Каждый город получал свою хартию, хотя бы по образцу и подобию другой. Поэтому для средневековых английских городов в целом можно говорить только об общих тенденциях.

Общеизвестным является тот факт, что полного самоуправления типа французских коммун английские города никогда не имели. Одной из особенностей развития английских средневековых городов было то, что наиболее значительные из них располагались на королевской земле. После нормандского завоевания королю принадлежала не только 1/7 часть всех обрабатываемых земель, но и 2/3 всех городов. Поэтому контроль государства (королевской власти) над ними всегда был достаточно силен. Это своеобразие положения наложило отпечаток на борьбу английских городов за освобождение от сеньориальной зависимости — с таким сеньором, как король, было очень трудно бороться. Англия, в отличие от Франции и Германии, почти не знала антисеньориальной борьбы в виде вооруженных восстаний. Конечно, из каждого правила есть исключения, но основным путем приобретения городских вольностей была многократная «покупка» хартий, предоставлявших статус «вольного города»¹. Однако даже этот статус, достигнутый не всеми английскими городами, не предоставлял им права полного самоуправления типа французской коммуны. К началу XIV в. лишь 14 го-

¹ *Хачатурян Н.А.* Политическая организация средневекового города // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы* / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I. С. 313—316, 323.

родов имели право выбирать городской совет, 35% получили право фирмы, 31% — избирать своих мэров и бейлифов, 48% имели свой городской суд, остальные вынуждены были довольствоваться только какими-то отдельными привилегиями².

Как представляется, можно выделить несколько этапов в развитии английского городского самоуправления: XII—XV вв. (даже внутри этих веков есть свои этапы); XVI—XVIII вв.; XIX—первая половина XX в.; вторая половина XX в. Ранние века были периодом наибольшего объема городских прав и свобод. С XVI в. начинается постепенное превращение городских органов в безвластные структуры, переход многих функций в руки частных обществ и назначаемых правительством или парламентом комитетов. С XIX в. актуализируется борьба городских корпораций и органов городского управления за возвращение прежних прав и расширение сфер деятельности в связи с усложнением экономической и социальной жизни города, своего рода ренессанс городского самоуправления.

Какие же органы самоуправления мы находим в средневековых английских городах? Прежде всего, нужно назвать собрание всех полноправных граждан (фрименов), городской совет и городской суд.

О статусе фрименов мы сейчас специально говорить не будем, отметим только, что понятие «свобода» (“freedom”) развивалось постепенно и только к XIV в. было полностью определено. В рассматриваемое время свобода города формально определялась в терминах гражданских прав и обязанностей, правового и экономического статуса, отсюда и название полноправного горожанина — фримен³. В списки фрименов заносились люди с определенным материальным достатком, и чем дальше, тем выше становился имущественный ценз⁴.

Формально все важнейшие мероприятия в городе должны были получать одобрение всех полноправных горожан. Например, Обычай Бристоля 1344 г., в которых определялись права и обязанности многих городских чиновников и членов общины, должны были ежегодно зачитываться перед собранием горожан и получать их одобрение⁵.

² Sacks D.H. Trade, Society and Politics in Bristol. 1500—1640. N.Y., 1985. Vol. I. P. 22; Tait J. The Medieval English Borough. Studies on Its Origins and Constitutional History. Manchester, 1936. P. 266—281; Гутнова Е.В. Роль бюргерства в формировании словных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XIV вв. М., 1979. С. 57; Репина Л.П. Английский средневековый город // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I. С. 95—96.

³ Отсылаем читателя к первой части настоящей монографии.

⁴ Swanson H. Medieval Artisans: An Urban Class in Late Medieval England. N.Y., 1989. P. 108; The Little Red Book of Bristol. Bristol, 1900. V. II. P. 47. (Далее — LRB).

⁵ LRB. V. I. P. 40.

Как уже отмечалось, право избирать городской совет к началу XIV в. имели лишь 14 английских городов. Совет создавался для решения различных дел и состоял из 12, 24 или 48 человек. Например, в Бристоле в 1344 г. в «Малой Красной Книге» был зафиксирован факт появления городского совета: «По просьбе Стивена ле Спайсера, избранного мэром в вышеуказанном году, для укрепления его положения и управления городом с общего согласия были избраны 48 наиболее влиятельных и благо-разумных людей вышеупомянутого города как советники и консультанты для него, и для помощи и быстрого решения дел города»⁶. Интересно отметить, что такое число советников было характерно не только для английских, но и континентальных городов. Так, в немецких городах членов совета обычно было 12 или «несколько раз по двенадцать»⁷.

Правящую верхушку средневековых городов в исторической литературе принято определять как патрициат, хотя сам термин является условным. В средневековых документах нет такого понятия, да и какого либо другого собирательного обозначения для городской верхушки⁸. В английских документах XIV—XV вв. влиятельные люди, которые руководили жизнью города, обозначались как «добрые люди», «почтенные люди» (“bonez gentz”, “prodez hommes”, “probi homines”, “worthi men”, “godde folke”). Для английских городов либо ставится под сомнение наличие патрициата в таком виде, как в городах континента, либо утверждается, что он не играл особой роли в жизни торгово-ремесленных центров. Не рассматривая подробно историографию вопроса, отметим только, что до настоящего времени отечественные историки решают его неоднозначно. Думается, что исследование особенностей патрициата английских городов не обязательно связывать с отрицанием самого факта существования в них патрициата. Так же, как значительные особенности английского дворянства по сравнению с французским, а тем более испанским, не означают отсутствия этого слоя в английском обществе.

Верхушку городской администрации во всех английских городах составляли олдермены («почтенные люди» — “Aldermanni”). Они появились довольно рано: по крайней мере, в документах Лондона мы встречаем их уже в первой четверти XII в., а к XIII столетию это уже была сложившаяся категория городского населения⁹. Олдермены изби-

⁶ LRB. V. I. P. 25.

⁷ Бойцов М.А. Города Германии до конца XV века // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I. С. 77.

⁸ Уваров П.Ю. Община горожан: структура и конфликты // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. III. С. 11.

⁹ Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.;СПб., 2016. С. 73.

рались, как правило, пожизненно из очень узкого круга людей. Например, в «Обычаях города Бристоля» в 1344 г. было записано: «...Никто не будет избран на должность олдермена, если он не имеет собственного дома и ренты». В Лондоне с конца XIV в. для претендентов на должность олдермена был установлен ценз в 1 тыс. ф.ст. «в товарах и кредитах». В 1525 г. этот ценз был повышен до 1500 ф.ст. «в товарах, кредитах и землях или усадьбах»¹⁰. В XIV в. 75% олдерменов Лондона владели землями, в XV в. эта цифра возросла до 85%¹¹.

Высшим должностным лицом города был мэр. Он избирался ежегодно, но очень часто на должность мэра избирались одни и те же люди. Например, в Бристоле список мэров ведет свое начало от 1214 г. В XIV в. в этом списке мы постоянно встречаем одних и тех же людей. Так, Реджинальд ле Френш был мэром города дважды, Уолтер Дарби, Джон Стоукс и Джон Кэнинджес — трижды, Уильям Кэнинджес — шесть раз¹². Мэры, как и члены городского совета, избирались из очень узкого круга людей. Английским городам, а равно и другим самоуправляющимся городам Западной Европы, была присуща олигархическая форма управления¹³. Существовали определенные ограничения при избрании мэра: человек на эту должность мог избираться лишь из числа олдерменов. Это правило — обязательно и для Лондона, и для провинциальных городов¹⁴.

Одним из высших должностных лиц в городе был шериф (речь идет о крупных городах, получивших статус графства). Формально, шериф был королевским чиновником, защищавшим общегосударственные интересы, но избирался он из местных жителей, обычно, из олдерменов. Должность шерифа в Средние века была неоплачиваемой, поэтому, естественно, бедного человека на эту должность не избирали.

Ступенькой ниже в должностной иерархии располагались бейлифы — чиновники, подчиненные шерифу. В тех городах, где не избирались мэры, и не было своего шерифа, они исполняли их функции. К концу XV в. бейлифы в английских городах «поглотили» власть шерифа. Точно так же, как мэры и шерифы, бейлифы избирались из людей за-

¹⁰ LRB. V. I. P. 40; *Beaven A.B.* The Aldermen of the City of London. Vol. II. P. XXXIX.

¹¹ *Thrupp S.* Merchant Class of Medieval London, 1300—1500. Chicago, 1948. App. P. 321—378. Об инвестициях в недвижимость лондонских олдерменов см.: *Чернова Л.Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. С. 192—248.

¹² *The Staple Court Books of Bristol / Ed. by E.E. Rich.* Bristol, 1934. P. 60; LRB. V. I. P. 20, 21, 25—26.

¹³ *Сванидзе А.А.* Стратегия удержания власти: к вопросу о «демократии» в средневековом городе XV века // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе.* М., 2000. Т. III. С. 80—86.

¹⁴ *Beaven A.B.* The Aldermen of the City of London. L., 1908. Vol. II. P. XXXIX; LRB. V. I. P. 40.

житочных. Например, в Шрусбери в 1381 г. для того, чтобы стать бейлифом, нужно было владеть движимым имуществом на сумму не менее 100 ф. или рентой в 10 ф.¹⁵ В какой-то мере это объяснялось объективными причинами: должностные лица должны были содержать помощников за свой счет, они ручались своим имуществом за займы и долги города, несли материальную ответственность за принимаемые решения.

Именно мэры, шерифы, бейлифы, олддермены и простые советники составляли средневековый городской совет¹⁶.

Кроме указанных должностных лиц в городе были рикордер ("recordour" — мировой судья), чемберлен ("Chamberlain" — городской казначей), городской клерк ("communis clericus" — в Средние века должность очень почетная), сборщики пошлин ("collectores tallagii"), констебли ("constabularii"), сержанты ("servientes"-приставы) и другие мелкие чиновники. Численность мелких чиновников, представлявших исполнительную власть и отвечавших за порядок в городе, — не слишком велика. Это было характерно не только для английских городов. В Венеции середины XIV в. в двух наиболее важных районах — Риальто и Св. Марка — имелось всего 8 стражников. Во Флоренции конца XIII в. насчитывалось всего 20 сбиров. Среднее число сержантов в городах Франции, Флоренции и Брабанта в XIV—XV вв. составляло 12 человек. Хотя, конечно, в зависимости от ситуации в городе их могло быть и больше¹⁷.

В отличие от высших должности мелких чиновников изначально были оплачиваемыми. Но суммы оплаты — очень малы. Так, сержанты в английских городах получали в 2—3 раза меньше квалифицированного ремесленника. Поэтому они старались пополнить свои доходы разными способами, иногда и противозаконными — грабили конфискованное имущество, забирали штрафы в свою пользу. Именно такие случаи имеются в виду в постановлении городского совета Бристоля, принятом в 1344 г.: «Постановили и утвердили, что сержанты флота, бейлифы или какие-либо другие служащие не будут брать ввозные пошлины с зерна, соленой или свежей рыбы, сельди или какого-либо другого продовольствия или предметов, кроме как для потребностей короля, и это по специальному приказу. И что сержанты флота и другие служащие не будут брать или требовать что-либо себе в вознагражде-

¹⁵ Colby Ch.W. The Growth of Oligarchy in English Towns // The English Historical Review. 1890. Vol. 5. № 20. P. 651.

¹⁶ Петрова С.П. Социальный состав магистрата Йорка в XIV—XVI вв. (По материалам йоркских городских регистров) // Средневековый город. Саратов, 1975. Вып. 3.

¹⁷ Уваров П.Ю. Социальное единство и социальный контроль внутри городских стен // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. III. С. 170.

ние или за исполнение своей службы...»¹⁸. В мотивировке другого пункта этого же постановления сказано, что «констебли, бейлифы и другие должностные лица, передающие жалобы в суд, имели обыкновение до этого времени получать до суда деньги по какому-нибудь долгу для возмещения жалобщику и задерживали их; и что такие констебли, бейлифы и другие должностные лица, когда их смещают со службы, забирают эти деньги, так что ответчик, когда он вновь приходит, чтобы оправдаться и удовлетворить жалобщика, не имеет никакой возможности вернуть деньги, таким образом захваченные»¹⁹.

Стоит ли удивляться, что горожане относились к этим «стражам порядка» очень недоброжелательно, приписывая им все известные грехи. Городским властям приходилось принимать специальные меры, чтобы защитить своих должностных лиц: «Если кто-нибудь, — сказано в «Обычаях города Бристоля», — будет дурными словами несправедливо оскорблять (видимо, были и справедливые оскорбления — Т.М.) сборщика пошлины, констеблей или других должностных лиц города, исполняющих свою службу по предписанию сотенного суда или суда мэра, или будет преднамеренно чернить любого из них так, что они не смогут исполнять свои обязанности надлежащим образом, он должен будет заплатить общине 40 пенсов...»²⁰.

К концу XV—началу XVI в. многое начинает меняться. В связи с тем, что утверждение бюджета все более переходит к парламенту, падает значение общего собрания горожан. Управление городом сосредоточивается в руках мэра и городского совета. При Генрихе VIII старые хартии городов стали аннулировать и вместо них даровались новые, по которым круг полноправных горожан резко сокращался, а городское управление передавалось в руки советов, которые первый раз назначались короной, а затем пополнялись путем выборов. Эта замена старых хартий новыми имела место и при следующих Тюдорах²¹.

В таком виде муниципальный строй в Англии продолжал существовать на протяжении нескольких столетий, пока в 1835 г. не была проведена муниципальная реформа. С этого года каждая городская община ведет список граждан. По закону 1835 г. получение права гражданства обуславливалось владением домом или частью дома. Городская недвижимость должна была приносить не меньше 10 ф. годового дохода. Чтобы считаться гражданином, нужно было прожить в городе 12 месяцев, платить городские налоги и налог в пользу бедных. Из числа граждан исключались лица, в течение года пользовавшиеся благотвори-

¹⁸ LRB. V. I. P. 29—30.

¹⁹ Ibid. P. 41—42.

²⁰ Ibid. P. 28.

²¹ Thomas J.H. Town Government in the Sixteenth Century. L., 1933. P. 16—26.

тельностью. С 1835 г. незамужние женщины стали вноситься в списки граждан наравне с мужчинами.

По закону 1835 г. городской совет состоял из мэра, олдерменов и простых советников. Избираться в совет могли лишь те, кто имел собственность на 1 тыс. фунтов. Членами совета не могли быть женщины и духовные лица. Не могли избираться в совет и те, кто заключили торговые сделки с советом. Городской совет должен был избираться на 3 года и каждый год обновляться на одну треть. Как и в Средние века, отказ от должности карался штрафом, только размер его стал значительно больше — от 50 до 100 фунтов. Совет должен был собираться на заседания 4 раза в год. В промежутках между сессиями все дела должны были решаться комиссиями и назначенными советом чиновниками-специалистами.

В 1882 г. был издан новый муниципальный закон, повторивший, в основном, положения закона 1835 г. В дополнение к отмеченному уставу, что совет должен избираться прямым и тайным голосованием. Теперь в совет мог быть избран любой гражданин, даже не обладавший имуществом на 1 тыс. фунтов. Право участвовать в выборах было предоставлено женщинам — главам семейств. Муниципальный закон 1882 г. расширил права городского совета в распоряжении городскими доходами. Как и в Средние века, для этого достаточно было постановления совета, в то время как в 1835 г. строго оговаривалось, на что совет может тратить деньги.

И первый, и второй законы не ставили перед собой цель создать что-то совершенно новое в городском управлении. Органы управления оставались те же, что и в Средние века.

В 1888 г. издали еще один муниципальный закон, по которому автономия больших городов была значительно увеличена, положение средних в области самоуправления осталось без изменений, а права мелких городов сокращены в пользу графств²².

В настоящее время на выборы муниципальных органов распространено всеобщее избирательное право. Хотя, как и в Средние века, на высшие городские должности избираются люди определенного достатка, поскольку организовать соответствующую кампанию под силу далеко не всем. Верховным органом городского управления продолжает оставаться выборный муниципальный совет, избираемый населением города, глава городской администрации — мэр, и подчиненные им департаменты, отделы, комиссии и другие службы.

Каковы же функции органов городского самоуправления в Средние века, и что изменилось в этом вопросе? Данные функции были очень

²² См. подробнее: *Гуго К.* Новейшие течения в английском городском самоуправлении. СПб., 1898.

разнообразными, и охватывали все сферы жизни горожан. Городской суд (точнее, целый ряд отдельных городских судов) решал имущественные и земельные споры горожан, осуществлял надзор за полицией, назначал судебных чиновников, контролировал законность всех сделок в пределах городской юрисдикции, оформлял завещания и частные контракты и прочее²³.

Закон 1835 г. подтвердил право инкорпорированных городов на отправление уголовного и гражданского судопроизводства, назначение на полицейские должности и надзор за полицией, право иметь своих мировых судей, которые могут проводить судебные сессии, назначать судебных клерков и прочее. Правда, в некоторые дела, подлежащие ведению местной полиции, очень часто вмешивалось (так же, как и в наше время) центральное законодательство. Иногда это создавало большие сложности. Кроме того, в город мог быть назначен рикордер, пользующийся правами мирового судьи. Он являлся уголовным и апелляционным судьей и разбирал административные, уголовные, гражданские и фискальные дела. И хотя он назначался правительством, жалование ему выплачивалось из городской казны.

Средневековый городской совет и отдельные чиновники осуществляли контроль за финансовой жизнью города — распоряжались городской казной, следили за сбором торговых пошлин, раскладкой фирмы и штрафов, регулировали цены на рынке²⁴. Устанавливали и изменяли внутреннюю организацию ремесленных и торговых гильдий, компаний и других корпораций, осуществляли контроль за качеством продовольствия и товаров. В ведении городских советов находились сооружение и содержание гаваней, доков, каналов, починка городских стен и прочее. Например, в середине XIII в. городская община Бристоль собрала 5 тыс. фунтов для строительства новой гавани, а в 1450 г. городской совет санкционировал использование определенной суммы из городской казны на ремонт стен города²⁵.

Большое место в деятельности городских органов самоуправления занимал контроль за санитарным состоянием и благоустройством города. Сохранились подробные предписания городских советов, касающиеся уборки и мощения улиц, обеспечения удобных подъездных путей, ремонта городских стен и прочее. Так, в Бристолье в середине XIV в. городской совет постановил, «чтобы каждый человек чистил мостовую перед фасадом своего дома под угрозой штрафа в 12 п.», запретил

²³ LRB. V. I. P. 28—42.

²⁴ LRB. V. I. P. 30—38; V. II. P. 225—229; *The Great Red Book of Bristol* / Ed. by E.W.W. Veale. Bristol, 1931. V. I. P. 127, 131, 132. (Далее — GRB)

²⁵ GRB. V. I. P. 127, 129; *Sherborne J.W. The Port of Bristol in the Middle Ages*. Bristol, 1965. P. 5.

продавать животных внутри городских стен, дубильщикам заниматься своим ремеслом на главных городских улицах, размещать там же торговые палатки, скамьи и лотки, загромождать набережную досками и лесом. В городе запрещалось находиться прокаженным, а блудницам проживать в пределах городских стен. В случае, если такая женщина будет обнаружена, предписывалось судебным приставам снимать двери и ставни с ее дома и уносить их к дому констебля этого городского района, до тех пор, пока подобная женщина не переедет²⁶.

С XVI в. многие сферы городского хозяйства постепенно перешли в ведение частных предпринимателей — снабжение водой, освещение улиц и прочее. Кроме того, для решения отдельных проблем парламент все чаще стал создавать специальные комиссии, не подчинявшиеся городским властям. Это сужало права советов в управлении городом.

Муниципальный закон 1835 г. практически полностью вернул перечисленные функции городским советам. Тем не менее, хотя потребности хозяйственной и социальной жизни вызвали известное расширение функций городских властей, особенно в вопросах коммунального обслуживания, образования, здравоохранения, дорожного строительства, над некоторыми сферами деятельности муниципалитеты утратили право контроля (за сбором общегосударственных налогов и пошлин, внутренней организацией ремесленных и торговых гильдий). По мере роста городов перед городскими советами все острее вставали вопросы контроля за санитарным состоянием и гигиеной (удалением нечистот и канализацией, постройкой и содержанием бань и прачечных). Муниципалитет должен был заниматься водоснабжением, снабжением газом и электричеством, пожарным делом и городским транспортом, телефоном, устройством рынков, городскими парками и кладбищами.

По законам XIX в. муниципалитеты рассматривались как публично-правовые корпорации, которые могли быть собственниками коммунальных предприятий, жилого фонда и другого имущества. Как и в наше время, они ведали библиотеками, государственными школами, музеями, галереями.

На все это нужны были средства. В период Средних веков городские власти располагали различными источниками дохода — от принадлежавшей городу недвижимости (мельниц, зданий, участков земли), разного вида пошлин (торговых, мостовых, дорожных, корабельных), штрафов, от продажи некоторых должностей. Кроме того, с горожан собирались местные налоги (с домовладения или подушные), налоги на отдельные предметы потребления (алкогольные напитки, соль). Особыми налогами обла-

²⁶ LRB. V. I. P. 33—35; V. II. P. 229—230.

гались бани и публичные дома²⁷. В XVIII—XXI вв., как и в Средние века, главным источником доходов были и остаются местные налоги. Местные бюджеты представляют собой годовые сметы вероятных доходов и расходов городских органов управления. Они утверждаются муниципальными органами и в состав государственных бюджетов не включаются.

Со второй половины XX в. вновь усиливаются централистские тенденции в государственной жизни, что приводит к усилению административной зависимости городских властей от центрального правительства. Тем не менее, современное городское самоуправление в Англии многое получило в наследство от Средних веков.

§ 2. Королевская власть и городское самоуправление в Англии второй половины XV в.

Нет нужды говорить о том, какую роль сыграли средневековые города в истории Западной Европы и мира в целом. Важным фактором развития средневековых городов являлся объем привилегий и взаимоотношения с центральной властью. Известно, что в Англии города не смогли добиться той степени свободы, которые характерны для городов Италии, Франции или Германии. Но как конкретно складывались взаимоотношения английских городов и короны в Средние века? Особенно интересно рассмотреть этот вопрос применительно ко второй половине XV в., когда происходило становление абсолютизма в Англии.

Если говорить о степени разработанности проблемы, то нужно констатировать, что в огромном количестве исследований по английскому городу вряд ли можно найти больше нескольких работ, специально посвященных вопросам взаимоотношений городов и королевской власти. И практически ни одной, касающейся XV в. В отечественной историографии есть статья Е.В. Гутновой 1958 г., но она рассматривает материал XIII—начала XIV вв. и отношение королевской власти к городам и городскому сословию в целом²⁸. В 2000 г. была опубликована ее статья «Город, бюргерство и феодальная монархия», но данное исследование затрагивает общие проблемы, касающиеся европейских городов²⁹.

²⁷ Уваров П.Ю. Община горожан: структура и конфликты // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. III. С. 23.

²⁸ Гутнова Е.В. Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII—начала XIV в. // Средние века. М., 1958. Вып. 12.

²⁹ Она же. Город, бюргерство и феодальная монархия // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. IV.

Конечно, в трудах, посвященных становлению и развитию городского самоуправления в английских городах, обязательно затрагивается указанный сюжет³⁰. Из последних работ, посвященных городскому самоуправлению в Англии XIV—XV вв., можно отметить кандидатскую диссертацию М.А. Гусевой, защищенную в 2005 г. в г. Иваново, ее статьи и монографию, вышедшую в 2011 г.³¹ Однако автор рассматривает только вопросы структуры и функций органов самоуправления. В зарубежной историографии солидное число работ обращено к различным аспектам истории отдельных городов Англии. С 30-х гг. XX в. вышло довольно много трудов, посвященных складыванию муниципального самоуправления в английских городах. Но главное внимание в этих работах уделялось структуре органов городской власти³². Вопросам функционирования органов городской власти посвящена книга Дж. Ферли, вышедшая еще в 1923 г. В ней затрагивается и проблема взаимоотношений городской власти и короны, но только на примере г. Винчестера³³. Специальных же исследований, посвященных взаимоотношениям городов и королевской власти, мы не находим.

³⁰ Кириллова А.А. Городское самоуправление в английских городах XIII в. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1957. Т. 104; Чернова Л.Н. Место и роль городской община в самоуправлении Лондона XIV—XV вв. // История. Общество. Личность. Саратов, 1998. Ч. II; Она же. Правящая элита Лондона XIV—XVI веков: механизм властвования, социальная идентичность, частная жизнь. Saarbrücken, 2011; Она же. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.;СПб., 2016; Макаров А.А. Складывание городских органов управления в Ковентри в XII—XIV вв. // Средневековый город. Саратов, 2002; Яблонская О.В. Развитие лондонского городского самоуправления // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое время. Арзамас, 2004. Вып. 3.

³¹ Гусева М.А. Становление муниципального самоуправления в английских городах в XIV—XV веках: структура и функции (на примере светских и церковных городов). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005; Она же. Функции муниципальных органов власти в Англии в XIV—XV веках (на примере Ковентри и Лестера) // Средневековый город: Межвузовский научный сборник. Саратов, 2008. Вып. 19; Она же. Становление муниципального самоуправления в средневековом Честере // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады междунауч. конф., посвященной 100-летию г. Ярославля. Ярославль, 2010. Ч. II; Она же. Структура и функции городских органов власти в Англии в XIV—XV веках, на примере светских и церковных городов. Saarbrücken, 2011.

³² Thomas J.H. Town Government in the Sixteenth Century L., 1933; Lobel M.D. The Borough of Bury St. Edmunds. A Study in Government and Development of Medieval Town. Oxford, 1935; Tait J. The Medieval English Borough. Studied on Its Origins and Constitutional History. Manchester, 1936; Weinbaum M. The Incorporation of Boroughs. Manchester, 1937; Local Administration and Justice // The English Government at Work, 1327—1336. Cambridge, 1950. Vol. 3.

³³ Furley J.S. City Government of Winchester from the Records of XIV and XV Centuries. Oxford, 1923.

Почему для рассмотрения взят материал г. Йорка? В свое время король Георг VI сказал, что «история Йорка — это история Англии». С одной стороны, Йорк не столица страны, а значит, на его примере можно изучать процессы, происходившие в других провинциальных городах. Конечно, учитывая и местную специфику. С другой, — Йорк не был мелким городком, на материале которого нельзя строить какие-то обобщения. Большую часть Средневековья Йорк сохранял статус второго по величине и значимости города Англии.

Что же представляли собой органы самоуправления Йорка, и как складывались их отношения с королями Англии?

Городские книги Йорка сообщают, что город управлялся мэром, которому помогали 12 олдерменов, группа выборщиков из 24-х человек, а также 2 шерифа³⁴. Положение мэра являлось самым высоким и авторитетным в структуре городской власти. Он был как бы олицетворением всех древних прав и привилегий, пожалованных городу и поэтому занимал прочные позиции, не допуская вмешательства со стороны других структур или лиц, несмотря на их положение или могущество. Например, когда лорд Клиффорд пытался указывать Совету, как лучше принять короля Генриха VII во время его визита, ему было сказано, что это не его дело, и что «мэр является наместником короля (*lieutenant*), обладающим полнотой власти и могуществом, и правом руководить и управлять городом»³⁵. Или когда Стаффорд решил направить фальшивомонетчика на допрос к графу Линкольну, мэр Йорка заявил, что эта процедура, являющаяся частью прав города, не будет нарушена, «поскольку привилегии, свободы, права и вольности этого города, прежде пожалованы ему королевской волей и его благороднейшими преемниками, должны быть сохранены и никоим образом не нарушены»³⁶. Даже Генрих VII должен был сдерживать себя — он снова и снова просил, чтобы его кандидата избрали рикордером, однако Совет отклонял его ставленников под разными предложениями до тех пор, пока не будет выдвинут их собственный кандидат. Когда Генрих назначил нового оруженосца, Совет отверг его назначение, и в протоколе записано, что король уже обещал горожанам сохранение их старинной привилегии свободного выбора их должностных лиц, и они напоминали древнее правило города, по которому любой, кто будет просить у короля или лорда городскую должность, не должен никогда иметь права занимать официальную должность. Поэтому они решили, что королевское выдвижение своего кандидата подпадает под это правило³⁷. Положение

³⁴ York Civic Records / Ed. by A. Raine. Wakefield, 1939—1978. V. I—IX. V. I. P. 8.

³⁵ Ibid. P. VI.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid. V. I. P. VI.

мэра как главы города само по себе было одним из наиболее значимых, но еще больше оно усиливалось, когда эту должность занимал человек с твердым характером, такой как сэр Ричард Йорк.

Материалы городских книг показывают, что выборы мэра часто были источником беспорядков в Йорке. До правления Эдуарда IV (1461—1483) мэр избирался собранием горожан из двух или трех олдерменов, выдвинутых уходящим мэром. Эдуард IV изменил этот порядок. Он передал организацию голосования в руки смотрителей гильдий, которые созывали всех работников в Гилдхолл, где выдвигались 2 олдермена, чьи имена в письменном виде передавались мэру, олдерменам и Совету, и они выбирали одного из двух³⁸. Если два выдвинутых олдермена оказывались соперниками, существовала опасность возникновения конфликта и волнений в городе. Так случилось в 1482 г., когда были отобраны два очень энергичных человека и соперника — Томас Рангвиш и Ричард Йорк. Соперничество протекало настолько бурно, что король приказал уходящему мэру Роберту Эймьясу некоторое время продолжать выполнять свои обязанности³⁹. В 1489 г. день выборов был, видимо, еще более напряженным. Мэр сообщил смотрителям гильдий, что возможно возникновение беспорядков, и они действительно имели место. События привлекли внимание короля, который распорядился, чтобы правонарушители были наказаны⁴⁰. Убийство графа Нортгумберленда отвлекло на время внимание от выборов мэра в Йорке, но 25 мая 1489 г. Совет с согласия общины города принял решение просить короля выдвигать в качестве кандидатов трех олдерменов вместо двух, надеясь этим способом уменьшить накал соперничества. В результате 12 декабря 1489 г. король утвердил новый порядок выборов мэра в Йорке⁴¹. Вероятно, этому способствовали бурные события 1489 г.

Дарственная грамота мэру и горожанам Йорка аннулировала хартию, датированную 20 декабря 13 года правления Эдуарда IV (1473/74 г.), и положила конец раздорам, которые могли в дальнейшем возникнуть при выборах мэра. Действующий мэр, согласно новой хартии, должен накануне праздника Св. Моры, т.е. 14 января, собрать всех смотрителей гильдий, чтобы они, в свою очередь, обязали всех ремесленников и других членов гильдий лично явиться в Гилдхолл на следующий день для избрания мэра. Собравшиеся члены гильдий избирали трех олдерменов, ни один из которых не был дважды мэром или один раз в течение

³⁸ York Civic Records. V. II. P. VI, note.

³⁹ Ibid. V. I. P. 48—49.

⁴⁰ Ibid. P. 43.

⁴¹ Calendar of the Patent Rolls Preserved in the Public Record Office. Prepared Under the Superintendence of the Deputy Keeper of the Records. Henry VII. In 2 vol. L., 1914. Vol. I. 1485—1494. P. 297.

шести лет. Имена трех кандидатов следовало в письменном виде представить шерифами и общинным клерком или кем-либо двумя из них мэру, олдерменам и советникам, которые на тот момент будут исполнять обязанности. Указанные шерифы и клерк или двое из них должны отправиться в подходящее место, назначенное мэром, олдерменами и Советом, где мэр, а также каждый олдермен и любой другой член совета могли сказать по секрету указанным шерифам и клерку или двум из них, кого из выдвинутых олдерменов они желают иметь в качестве мэра. Общинный клерк на глазах шерифов или одного из них должен составить прокол или сделать пометку поверх имени, в зависимости от того, как проголосовал выборщик. И тот, поверх чьего имени будет большее число проколов или пометок, должен быть провозглашен шерифами и клерком или двумя из них мэром на следующий год начиная с праздника Св. Блейза. Если голоса поделятся поровну, уходящий мэр должен выбрать одного, кого он пожелает. Если избранный мэр умрет, или уедет, или окажется отстранен от службы, тогда второй из трех олдерменов, отобранных, как выше сказано, должен быть назначен мэром на остаток года, или третий по указанию 12-ти олдерменов и Совета. Мэр, таким образом избранный, должен оставаться у власти до следующего праздника Св. Блейза. В этот день ровно в десять часов утра в Гилдхолле, тот, кто заново выдвинут и избран мэром, обязуется дать обычную клятву перед всеми горожанами, там присутствующими, и после этого стать мэром. Затем присутствующие олдермены и горожане должны поклясться, что будут помогать и поддерживать его в течение всего срока правления во всем, что связано с его службой к чести, пользе и процветанию города. Если какой-нибудь горожанин предпримет что-либо словом или делом против порядка избрания, он лишится всех своих свобод и привилегий в названном городе, и потом будет наказан по указанию мэра, а также уплатит штраф 10 ф. в пользу города. Если его имущество и средства это позволяют, если же нет, тогда согласно его средствам, как оценят мэр, олдермены и Совет⁴².

В дальнейшем выборы проходили практически без каких-либо происшествий. В 1490 г. выборы проводились по новым правилам, причем два кандидата — сэр Ричард Танстолл и Ричард Чомли — были выдвинуты от имени короля⁴³. Правда, в 1504 г. Община задержала выборы нового мэра до тех пор, пока не получила обещания о возмещении убытков, но это не было связано с нарушением процедуры выборов⁴⁴. В 1518 г. король приказал, чтобы выдвигались в каче-

⁴² York Civic Records. V. II. P. VII.

⁴³ Ibid. P. 63.

⁴⁴ Ibid. V. III. P. 1.

стве кандидатов 4 олдермена вместо трех, один из которых и будет избран мэром⁴⁵.

Кроме мэра важное положение занимали в городе олдермены, члены городского совета и группы «24-х». Их кандидатуры обсуждались на заседаниях Совета, и имена избранных записывались в городские книги. Правилom, которое было установлено очень давно, предусматривался штраф в 4 п. за отсутствие и 2 п. за опоздание на заседание. Опозданием считалось прибытие после того, как монастырские часы пробьют четверть часа, или после того, как перевернут песочные часы. Дела, обсуждавшиеся на заседании, держались в секрете, и для любого, нарушившего это правило, предусматривался штраф в 10 фунтов. Никто не мог покидать собрание без разрешения. Тяжелые штрафы налагались при отсутствии на заседаниях особой важности. За свою работу члены Совета получали вознаграждение в 20 ш. в год⁴⁶.

Взаимоотношения городских властей и королевской власти зависело от места города в политической жизни страны. Йорк занимал важное положение на севере страны. Не случайно будущий королевский Северный совет (или Совет по делам Севера) начинал свою деятельность именно в Йорке, и здесь же он впоследствии и заседал. Поэтому сохранение хороших отношений с городом было важным для королей, чтобы успешно управлять страной.

Кроме того, взаимоотношения городских властей и правителей королевства складывались по-разному в зависимости от личности правителя. Если в отношениях с Генрихом VII городские власти позволяли себе большие вольности, то с его предшественником они проявляли изрядную осторожность. Ричард III умел сохранять добрые отношения с руководством Йорка не только потому, что имел сильный характер и был умным человеком, но также благодаря знанию особенностей Севера. Хотя нельзя сказать, что его любили в городе. Скорее горожане больше симпатизировали Ланкастерам. Это выразилось хотя бы в том, что в 1461 г. в сражении при Таунтоне на стороне Эдуарда IV сражались ополчения из Лондона, Ковентри, Норгемптона, Ноттингема и Вустера, в то время как горожане Йорка вместе с жителями Беверли, Гулля, Ньюкасла, Экзетера — на стороне Ланкастеров⁴⁷. Во время правления Ричарда III городской совет по доброй воле или нет выполнял указания короля. И когда Ричард погиб при Босворте, правящая группа в Йорке оказалась в затруднительном положении. Но городские власти понимали, что не в интересах нового короля Генриха ссориться с ними. Прав-

⁴⁵ York Civic Records. V. II. P. VIII.

⁴⁶ Ibid. V. I. P. VII.

⁴⁷ Winston J.E. English Towns in the Wars of Roses. Princeton, 1921. P. 22—24, 27, 40, 42, 47, 59.

да, со своей стороны они постарались из городских документов изъять все, что могло указать на слишком тесную связь их с Ричардом. И наоборот были составлены пространные записи, показывающие, насколько лояльно городские власти Йорка относились к делу Красной Розы в гражданской войне.

Как уже отмечалось, документы показывают, что городской совет оценивал Ричарда III как человека решительного, поэтому власти города не пытались играть с ним. Они назначали его выдвигенцев на должности без лишних вопросов, выполняли монаршие повторяющиеся просьбы о военной помощи, т.е. реализовывали то, что он приказывал⁴⁸. Иногда можно встретить утверждения о том, городской совет Йорка любил Ричарда. Хотя в документах нет свидетельств об этом. Они подчинялись распоряжениям и дарили ему «подарки». Но при этом получали вполне адекватное возмещение в виде освобождения от обложения. Что касается общей массы йоркских горожан, есть свидетельства, показывающие, что определенная их часть не доверяла Ричарду. В документах сохранились отчеты «слухачей», которые собирали слухи и сплетни, сидя в тавернах. Так, например, городскому совету поступило донесение из таверны «Ягодный рай». Один из посетителей таверны сказал: «Я бы хотел, чтобы нашим мэром был Рангвиш, т.к. герцог Глостер желает этого». Его собеседник ответил: «Если герцог Глостер за Рангвиша, то мы не хотим его мэром». Другой источник как бы дополняет эту картину взаимоотношений короля и горожан. Один из собеседников спрашивает: «Что может герцог Глостер сделать нашему городу?» В ответ он услышал: «Ничего, только скалить зубы на нас»⁴⁹. Что имеется в виду — то, что Ричард смеется над горожанами, или речь идет о злобном оскале, трудно сказать. Но горожане чувствовали неискренность Ричарда. Через шесть лет после смерти Ричарда III некий школьный учитель госпиталя Св. Леонарда утверждал, что Ричард был негодяем, и он (учитель) никогда его не любил; что король был лицемером и горбуном (“crouchback”)⁵⁰. Конечно, легко пинать мертвого льва! Правда, для неприязни к Ричарду имелись реальные причины. Наиболее непопулярным делом Ричарда, когда-либо совершенном им в Йорке, было требование и получение от уступчивого Совета некоего общинного пастбища около госпиталя Св. Николая. Это было в марте 1483—1484 гг⁵¹. А в следующем октябре Общины совершили насильственное вторжение на территорию, переданную королю. Королевское послание, касающееся этого нарушения, было зачитано на собрании Общины. В нем король

⁴⁸ York Civic Records. V. I. P. 2—3, 15, 38, 41, 51, 53, 54, 60, 70.

⁴⁹ Ibid. P. VII—VIII.

⁵⁰ Ibid. P. VIII.

⁵¹ Ibid. P. 89.

заявил, что если горожане имеют жалобы по поводу их общинной земли, то вместо насильственных действий, с целью получить обратно их мнимые права «с помощью какого-либо пагубного, неподходящего, незаконного и бунтарского собрания или мятежа», они должны довести их требования до мэра⁵².

Как видим, неприязнь к Ричарду в Йорке проявлялась не только в сплетнях, но приводила к реальным волнениям. Так, в 1482 г., когда Ричард находился в августинском аббатстве в Лендале, зазвонил колокол, который использовали, чтобы созывать горожан на собрания в Гилдхолле. Гилдхолл располагался всего в 150 ярдах от августинского аббатства. Это был «мятежный» звон, и он наделал много шума, поэтому по распоряжению Ричарда правонарушители были на время посажены в тюрьму⁵³.

В свете имеющихся источников становится ясно, что среди жителей Йорка наблюдалась большая неприязнь к Ричарду. Несмотря на все слова о своей любви к городу, горожане чувствовали, что он играл с ними, а его поведение расценивали как лицемерное.

Таким образом, можно сказать, что во второй половине XV в. английские города в целом, и Йорк в частности, переживали довольно трудный период. Это было связано и с перестройкой в сфере экономики, и с бедствиями в период войны Роз. Отношения с центральной властью складывались по-разному. Это зависело и от конкретной политической обстановки, и от личности монарха, с которым приходилось иметь дело городским властям.

§ 3. Бристоль в политических событиях Англии XIV—XV вв.

В английской истории XIV и XV вв. были временем почти непрерывной политической борьбы. Какую роль в политических событиях играли города? Учитывая тот факт, что значительная часть крупных городов (к 1307 г. — 138) располагалась на королевской земле, можно ли говорить, что их линия поведения всегда совпадала с королевской политикой? Кто определял позицию городов в том или ином политическом конфликте?

Вначале кратко коснемся политической обстановки в Англии рассматриваемого периода. Пришедший к власти в 1307 г. Эдуард II видел основную цель своей внутренней политики в том, чтобы сломить оппозицию баронов и добиться независимости от магнатов. С этой целью во главе правительства он поставил Петера Гавестона, человека незнатно-

⁵² York Civic Records. V. I. P. 104—105.

⁵³ Ibid. P. 52—53.

го происхождения, во всем зависевшего от короля. Этим он еще больше настроил против себя баронов. Пользуясь денежными затруднениями Эдуарда из-за войны с Шотландией, бароны добились казни Гавестона. Положение в стране было исключительно тяжелым — борьба между баронами за власть, высокие поборы в связи с войной, голод. Злоупотребления королевского правительства и неудачи в Шотландии привели к мятежу баронов. Королева Изабелла поддержала заговорщиков и вместе с наследником престола уехала во Францию.

В 1326 г. Изабелла с наемным войском вернулась в Англию, где к ней присоединились мятежные бароны и архиепископ Кентерберийский. Был созван парламент, на котором бароны низложили короля как недостойного государя, угнетавшего Церковь и баронов и потерявшего Шотландию. Через несколько месяцев Эдуарда II убили. Королем был провозглашен Эдуард III, но фактически власть находилась в руках Изабеллы и ее фаворита Мортимера. Неудачи в Шотландии способствовали падению правительства Изабеллы и Мортимера. В 1330 г. Мортимер был арестован и казнен, а королеву заточили в одном из замков.

Начав самостоятельное правление, Эдуард III (1327—1377) поставил перед собой задачу укрепить центральную власть. В качестве противовеса баронам он решил использовать парламент. Но с 1337 г. внутриполитическая обстановка осложнилась разгоревшейся войной с Францией.

В первый период Столетней войны в Англии началось движение за реформу Церкви. Антипапские настроения подогревались тем, что папы находились в Авиньоне и во всем поддерживали французского короля. Реформационную партию в Англии возглавлял второй сын Эдуарда III — Джон Гонт, носивший титул герцога Ланкастерского. Старший сын Эдуарда III — Эдуард, Черный принц — был смертельно болен.

Из-за острой нужды в деньгах в апреле 1376 г. в Лондоне был созван «Добрый парламент», который не одобрил финансовую политику партии Джона Гонты и получил поддержку Черного принца. Но в том же 1376 г. старший сын короля умер, и позиция Джона Гонты вновь усилилась. До своего роспуска парламент объявил наследником престола сына Черного принца — Ричарда.

Обострение обстановки в стране из-за военных неудач, роста налогов и злоупотреблений правительства привело в 1381 г. к восстанию Уота Тайлера, которое на время притушило политические страсти. Но после его подавления вновь разгорелась борьба за власть.

В 1399 г. произошел новый политический переворот, в результате которого Ричарда II отстранили от власти. Королем был провозглашен двоюродный брат Ричарда — Генрих Болингброк, сын Джона Гонты, герцога Ланкастерского.

Против Генриха IV Ланкастера (1399—1413) уже в январе 1400 г. был поднят мятеж сторонниками свергнутого Ричарда. Мятеж подавили, но летом этого же года началась война с валлийцами, которая продолжалась 10 лет. В 1403 и 1405 гг. против Генриха на севере выступили представители рода Перси, недовольные малым вознаграждением за поддержку короля во время переворота 1399 г. Вся жизнь Генриха IV прошла в борьбе с различными группировками знати.

Во время правления Генриха V (1413—1422) возобновились военные действия во Франции. Генрих V, будучи талантливым полководцем и хорошим политиком, укрепил позиции королевской власти. Но в 1422 г. он неожиданно умер, а его сыну, объявленному королем Генрихом VI, исполнилось 9 месяцев. В стране опять начались баронские усобицы. Царствование Генриха VI стало прологом войны Роз (1455—1485). К концу этой войны многие знатные семьи были истреблены, во время усобиц погибли 80 баронов, связанных родством с королевскими семьями. Такова политическая обстановка в Англии на протяжении двух столетий⁵⁴.

В XIV в. наибольшее влияние на политику правительства оказывали два города — Лондон и Бристоль. Ведущая роль Лондона, как самого крупного города и столицы королевства сомнений не вызывает. Мы же попытаемся рассмотреть позицию Бристоля. Благодаря выгодному географическому расположению город занимал важное стратегическое, а потому и политическое положение в стране. По рекам Эйвону, Фроме и Северну он имел связи с 7 западными и центральными графствами, а расположение в устье Северна при выходе в Бристольский залив делало его западными морскими воротами Англии.

Город стал играть очень важную политическую роль с середины XII в., поскольку был административным центром владений Роберта Глостера, побочного сына Генриха I. Роберт являлся наиболее могущественным сторонником дочери Генриха Матильды Анжуйской в ее борьбе за трон против графа Блуа Стефана. Здесь в 1141 г. войсками Матильды был захвачен Стефан, и именно в Бристоле провел несколько детских лет будущий Генрих II. Поэтому у города имелись особые связи с Анжуйской династией⁵⁵. Бристольские купцы помогали Генриху II при завоевании Ирландии, предоставляя ему корабли и припасы, и оказались втянутыми в политическую борьбу при Эдуарде II. Королевский замок в Бристоле часто использовался для тюремного заключения влиятельных политических узников, таких, например, как потен-

⁵⁴ Подробнее о политических событиях в Англии XIV—XV вв. см.: Штокмар В.В. История Англии в Средние века. Л., 1973. С. 67—102.

⁵⁵ Ross S.D. Bristol in the Middle Ages // Bristol and Its Adjoining Counties. Bristol, 1955. P. 184.

циальная соперница Иоанна Безземельного Элеонора Бретонская или свергнутый Эдуард II.

Позиция горожан во всех политических конфликтах зависела от того, какая из борющихся сторон могла полнее обеспечить их интересы. Обычно бюргерство поддерживало государя, поскольку королевская власть обеспечивала даже мелкие города самыми насущными экономическими привилегиями, способствовала нормализации торговли в масштабах всей страны, защищала своих купцов в спорах с иностранными торговцами. В этом плане особенно важным для горожан было установление единства мер и весов (это восходит еще к «Великой хартии вольностей»), упорядочение денежного обращения и кредитных операций (статут 1299 г. о неполноценной монете и статуты о купцах 1283 и 1285 гг.)⁵⁶, обеспечение безопасности торговых путей внутри страны (Винчестерский статут 1285 г.), укрепление общегосударственного «общего права» (реформы Генриха II и законодательство Эдуарда I).

Иногда защита интересов отечественных купцов поднималась до уровня международной политики. Например, Эдуард II вел переговоры с графом Фландрским, герцогом Бретани, королем Норвегии о возмещении ущерба, причиненного английским купцам, накладывал аресты на имущество иностранных торговцев; позже Эдуард III тоже прибегал к практике репрессалий, чтобы возместить потери английских купцов⁵⁷.

Если же король начинал действовать в ущерб своим купцам, горожане отказывали ему в поддержке. Например, Эдуард II, постоянно нуждавшийся в деньгах, проводил непоследовательную политику в отношении иностранных купцов. Он то отменял привилегии иностранных торговцев в Англии, то за очередные субсидии вновь восстанавливал их. «Заигрывания» Эдуарда II с иностранными купцами привели к тому, что Бристоль, как и Лондон, в гражданской войне 1326—1327 гг. поддержал противников короля. Когда войска королевы Изабеллы подошли к Бристолю, город открыл ворота и вынудил укрывшегося в замке фаворита короля Деспенсера-старшего сдать без сопротивления⁵⁸. Еще неоднократно в ходе политической борьбы выгодное местоположение города — удаленность от Лондона и выход к морю — способствовало вовлечению его в конфликты.

Произвол Ричарда II, прежде всего, в финансовых вопросах привел к тому, что английские горожане активно поддерживали его противника — Генриха Болингброка. Когда лондонцы атаковали Вестминстер и захватили советников Ричарда II, некоторые из них — Уильям Скроуп, Джон Бэши, Генри Грин и Уильям Бэгот — бежали в Бристоль (сам Ричард в это время

⁵⁶ Statutes of the Realm. L., 1910. V. I. P. 131—134; 53—59; 98—100.

⁵⁷ Calendar of the Close Rolls. L., 1892—1896. 1318—1323. P. 9, 83—84; 1327—1330. P. 298.

⁵⁸ Calendar of the Close Rolls of Richard II. L., 1914. V. I. P. 169.

был в Ирландии). Об этих событиях сообщает Т. Уолсингем: «Названные же никчемные советники Джон Бэши, Уильям Бэгот, Генри Грин с казначеем Уильямом Скрупом, поняв, что общины желают присоединиться к герцогу Ланкастеру, оставив охрану и управление государством, поспешно бежали в крепость Бристоль»⁵⁹. Когда Генрих с армией, большей частью состоявшей из жителей Лондона, направился к Бристолу, то городской совет решил открыть перед ним ворота. Скроуп, Бэши и Грин были выданы противникам Ричарда II, и спастись удалось лишь Уильяму Бэготу. Захват членов королевского совета фактически означал ликвидацию власти Ричарда II. Вернувшийся из Ирландии король был вынужден сдаться у Флинт Касла.

В конце 1399 г., когда бароны организовали заговор уже против нового короля — Генриха IV, бристольцы опять оказали ему поддержку. В 1400 г. жители Лондона и Сиренчестера помогли разгромить «рождественский заговор» противников короля, задержав и разбив отряды Джона Монтегю и Голендов, а бристольцы захватили и казнили лорда Спенсера, одного из участников заговора, который пытался бежать из Англии⁶⁰.

Но уже в 1401 г. английские горожане стали выражать недовольство политикой Генриха IV, который для ведения постоянных войн (с валлийцами, шотландцами, французами, мятежными баронами) прибегал к займам даже чаще, чем Ричард II. С 1401 по 1411 гг. было собрано 8 обычных субсидий и 2 чрезвычайных⁶¹.

По многим вопросам внутренней политики городские власти не спешили подчиняться королевским постановлениям. Когда дело касалось королевского произвола (особенно в отношении финансов), города оказывали открытое сопротивление. Примером может служить восстание в Бристоле 1312—1316 гг., известное в исторической литературе под названием «Большой мятеж». Поводом для выступления горожан явился сбор пошлыны, называвшейся “Cockett”. Она собиралась в пользу короля с кораблей, приходивших в порт, в дополнение к уже существовавшей корабельной пошлыне, что было явным нарушением муниципальных привилегий. А поскольку сбор этой пошлыны взяли на откуп 14 представителей патрицианской верхушки во главе с Рэндольфом и Сноу, то откупщики были лишены гражданских прав, а имущество их конфисковано⁶².

⁵⁹ *Walsingham Th. Chronica Monasterii S'Albani. Historia Anglicana* / Ed. by H.Th. Riley. L., 1864. Vol. II. 1381—1422. P. 233.

⁶⁰ *Репина Л.П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века.* М., 1979. С. 195.

⁶¹ *Stow J. The Annales of England.* L., 1601. P. 534.

⁶² *Calendar of Charters, etc. of the City and County of Bristol* / Ed. by J. Latimer. Bristol, 1909. P. 46—47; *Rotuli Parliamentorum; ut et petitiones et placita in Parlamento, 1278—1503.* L., 1832. V. I—III. V. I. P. 359—362; *Lucas S. Illustrations of Bristol History.* Bristol, 1853. P. 171—179.

Для расследования дела в Бристоль были направлены четыре человека во главе с Томасом Баркли в качестве королевских судей, которые подтвердили права опальных “majores” и признали действия горожан противозаконными. Результатом такого решения стало восстание горожан, в ходе которого 20 человек было убито, а королевские судьи спасались бегством. На судебном заседании в Глостере зачинщиками беспорядков признали 80 человек, которые обязывались явиться в Глостер и дать объяснения. Поскольку вызванные не явились, они были объявлены вне закона, но и уцелевшие патриции вынужденно покинули город⁶³.

В дело вмешался непосредственно король, который приказал восстановить изгнанных патрициев в правах и вернуть им имущество. Однако мэр, бейлифы и община проявили «удивительное неуважение» и не подчинились королевскому приказу, а руководители восстания отказались явиться в Вестминстер, чтобы держать ответ перед королем. В ответ на такое открытое неповиновение город был взят в королевскую руку, а его охрану поручили констеблю замка Бартоломью де Бэдлмеру⁶⁴. Он был уполномочен собирать все ренты, пошлины и другие доходы, вершить суд и распоряжаться городской тюрьмой.

Горожане и в этом случае отказались повиноваться: Джон ле Тавернер, Уильям де Клиф и Гилберт Покерел продолжали исполнять обязанности мэра и бейлифов, а распоряжения Бэдлмера просто игнорировали. Более того, представители констебля замка были избиты и ранены, в городе возвели баррикады, замок осадили и предприняли несколько попыток его захватить. Свыше двух лет горожане и гарнизон замка поддерживали нерегулярные отношения с помощью самострелов и других метательных орудий.

В середине лета 1313 г. была предпринята попытка решить бристольскую проблему: шерифам Глостера, Сомерсета и Уилтшира отправили предписание набрать отряд в их графствах и привести город Бристоль к повиновению. Упомянутые шерифы собрали 20 тыс. человек, которыми командовал граф Глостер. Однако горожане не проявили особого страха. Вполне вероятно, они знали, что граф не будет применять чрезвычайных мер к городу, т.к. король нуждался во всех своих войсках для борьбы с шотландцами. В итоге граф снял осаду города, хотя ее предполагалось продолжать до весны 1314 г.

В 1316 г. король, учитывая предыдущую неудачу, приказал направить к нему в Вестминстер шестерых благоразумных граждан, чтобы они дали

⁶³ Vita Edwardi Secundi monachi cuiusdam Malmesberiensis / Ed. by N. Denholm-Young. L., 1957. P. 219—221.

⁶⁴ Calendar of Close Rolls. L., 1892—1927. V. 124. 1307—1313. P. 524, 578, 587.

информацию о происшедшем. В результате расследования в Бристоль был направлен граф Пембрук (бывший вместе с графами Ланкастером и Уориком лидером баронской оппозиции), который сообщил, что король готов простить бристольтцев, если они подчинятся закону и выдадут виновных лиц. Ответ, который дала община, показывает, что смирения у бристольтцев не прибавилось: «...Если наш господин король уменьшит те подати, которые были наложены на нас, если он пожалует нам жизнь, безопасность, ренты и земли, мы будем повиноваться ему, как нашему господину, и делать то, что он прикажет. Иначе мы продолжим то, что начали, и будем отстаивать наши свободы и привилегии даже под угрозой смерти (*libertates et privilegia nostra usque ad mortem defendemus*)»⁶⁵. После такого ответа король решил, что пора принимать строгие меры. Город вновь был осажден, Морис Баркли отрезал его от моря, в то время как констебль бристольтского замка делал попытки атаковать на суше. В течение нескольких дней горожане сопротивлялись, но после того, как осадными орудиями были разрушены крепостные стены, 28 декабря 1316 г. восстание пресекли.

Поразительно, но после подавления беспорядков не последовало серьезных репрессий. Джон ле Тавернер, его сын Томас и Роберт Мартин, признанные руководителями восстания, были объявлены вне закона. Но и они в октябре 1321 г. получили прощение⁶⁶. В феврале 1322 г. король распорядился вернуть им, по мере возможности, земли и имущество. Показательно, что на выборах 1322 г. Джон ле Тавернер и Дж. Франсес-младший, один из его сторонников, были избраны членами парламента от Бристоля⁶⁷.

Общине города прощение даровали сразу, поскольку «такое множество людей не может быть наказано», но за него пришлось заплатить по тем временам огромную сумму — 4 тыс. фунтов⁶⁸.

И позднее городские власти не всегда следовали королевским предписаниям. Например, нуждавшийся в деньгах Эдуард III, вопреки прежним ограничениям прав иностранных купцов в 1343 г. позволил им оставаться в Англии дольше 40 дней, в 1351 г. предоставил право вести розничную торговлю, а в 1355 г. разрешил торговать с любыми англичанами. Однако в Бристолье в 1346 г. городской совет запретил иностранцам заниматься розничной торговлей сукном, а в 1351 г. в противовес общеанглийскому постановлению подтвердил все прежние ограничения, налагавшиеся на торговлю иностранцев⁶⁹.

⁶⁵ Lucas S. *Illustration of Bristol History*. Bristol, 1853. P. 176.

⁶⁶ *Calendar of the Patent Rolls, Preserved in the Public Record Office*. L., 1891—1916. 1321—1324. P. 38.

⁶⁷ Fuller E.A. *The Tallage of 6 Edward II...* P. 188.

⁶⁸ *Vita Edwardi Secundi...* P. 222; CPR, 1307—1313. P. 68—69, 289, 297, 489—490, 605; *Rotuli Parliamentorum; ut et petitiones...* 1278—1503. L., 1832. V. I. P. 362.

⁶⁹ *The Little Red Book of Bristol / Ed. by F.B. Bickley*. Bristol, 1900. V. II. P. 26—27, 19—21.

Да и отдельные богатые купцы позволяли себе не обращать внимания на королевские предписания. Не касаясь в данном случае торговых нарушений, можно упомянуть отказы богатейших купцов являться на торговые ассамблеи, с помощью которых король пытался нарушить право парламента вотировать налоги, несмотря на поименные списки тех, кого Эдуард III желал видеть в указанных собраниях.

Политическая линия наиболее значительных городов определялась позицией крупного купечества, которое занимало господствующее положение в городской администрации. Эта же часть купечества представляла города в парламенте и на торговых ассамблеях. Очень большую роль в позиции городов играли политические пристрастия влиятельных горожан. Например, один из самых выдающихся купцов XV в. Уильям Кэнинджес-младший прослыл ярым ланкастерцем. Будучи в разные годы бейлифом, шерифом и мэром Бристоля, он использовал свое влияние на городской совет, чтобы оказать противодействие йоркской партии. В результате в 1450 г. по его инициативе из 15 фунтов из городской казны 15 ф. ушло на укрепление стен и 40 ф. — на приобретение вооружения и материалов, «необходимых для обороны названного города»⁷⁰, подразумевается — от войск Йорков. Генрих VI высоко оценивал преданность У. Кэнинджеса. В 1449 г. в обращении к верховному магистру Пруссии и магистрату Данцига он просил оказать благосклонность некоторым английским купцам и особенно «его любимому и видному купцу из Бристоля» Уильяму Кэнинджесу⁷¹. Безусловно, расположение, проявленное к Кэнинджесу, не было совершенно бескорыстным. Генрих VI, последний и не самый лучший из ланкастерских королей, был более расточительным и не менее нуждающимся, чем его предшественники, поэтому он даровал особые привилегии богатым купцам в обмен на большие денежные суммы. В документах нет записей о том, сколько Кэнинджес уплатил королю, но то, что деньги были уплачены, не вызывает сомнения.

В то же время другой крупнейший купец Бристоля Томас Янг (сводный брат У. Кэнинджеса), будучи сторонником Йорков, на Вестминстерском парламенте 1451 г. внес предложение объявить Ричарда, герцога Йоркского, наследником престола. Большинство палаты общин поддержало Янга, но палата лордов выступила против. После роспуска парламента Янг был посажен в Тауэр.⁷² Интересно заметить, что У. Кэнинджес в 1451 г. также был послан в Вестминстер как член парламента от Бристоля.

⁷⁰ The Great Red Book of Bristol / Ed. by E.W.W. Veal. Bristol, 1931. Part I. Text. P. 131.

⁷¹ Bourne H.R.F. English Merchants. L., 1886. P. 66.

⁷² См.: Штокмар В.В. История Англии в Средние века. С. 93.

В 1457 г., будучи вновь мэром Бристоля, У. Кэнинджес на свои средства построил и оснастил военный корабль, чтобы поддержать Генриха VI. Тем не менее, в 1461 г. трон перешел к Йоркам, и в этом году, вновь став мэром, Кэнинджес принимал в Бристоле нового короля Эдуарда IV. Эдуард прибыл в город не для того, чтобы присутствовать на блестящем празднике, устроенном в его честь, а выяснить, насколько богат город, и сколько можно получить денег с его крупных купцов. Самый богатый горожанин У. Кэнинджес был вынужден уплатить не меньше 3 тыс. марок, чтобы помириться с новым королем⁷³. (Напомним, что в первой четверти XIV в. весь город получил прощение за 4 тыс. фунтов.)

Одним из главных политических конфликтов XV в. была, как известно, война Роз. Она затронула, прежде всего, сельскую Англию и в меньшей степени города. Купеческая верхушка городов заставляла уважать свои интересы и ланкастерских, и Йоркских претендентов на престол, постоянно нуждавшихся в деньгах. За займы королям и подношения их приближенным города покупали себе мирную жизнь и соблюдали политику нейтралитета. И в XIV, и в XV вв. позиция английских городов в отношениях с королевской властью зависела от того, какая из политических группировок могла обеспечить наиболее благоприятные условия для жизни и деятельности горожан.

Пока короли и бароны разоряли себя и страну в бесконечных усобицах, города пытались отстаивать свои интересы. Можно сказать, что XV в. в Англии был последним этапом существования городских вольностей в средневековом смысле. С окончанием войны Роз в стране воцарилась новая династия — Тюдоров, и начался новый этап политического развития Англии. И взаимоотношения горожан с центральной властью перешли на другой уровень.

§ 4. Место Йорка в политических событиях в Англии второй половины XV в.

В истории Англии, да и всей Европы в целом, XV век представляется необычайно важным периодом. Это было время, когда происходили коренные изменения во всех сферах жизни — экономической, социальной, политической. Такие переходные периоды всегда интересно изучать, но связано это со значительными трудностями. Объясняется это тем, что многие явления не существуют в чистом виде, и не всегда ясно,

⁷³ Bourne H.R.F. English Merchants. P. 68.

то ли это остатки прежних отношений, подвергшиеся основательной трансформации, то ли новые явления, которые только еще зарождаются. В данном аспекте вторая половина XV в. представляется особенно интересной, поскольку перечисленные процессы в разных сферах жизни Англии протекали исключительно интенсивно.

Для историков Англии вторая половина XV в. — очень интересный период для изучения. Для современников же это было весьма трагичное время. Закончившаяся долгая война с Францией принесла одни разочарования, экономика страны испытывала мучительную перестройку, связанную с изменением методов хозяйствования. Причина же связана с внутривластной нестабильностью, вылившейся в войну за власть между Ланкастерами и Йорками.

Среди исследователей существует мнение, что политические события второй половины XV в. были всего лишь периодом «нестабильной ситуации с наследованием престола»⁷⁴, а вооруженные столкновения различных группировок знати мало влияли на простых людей, которые жили «в мирной и процветающей по меркам того времени стране»⁷⁵. Принято считать, что города предпочитали держаться в стороне от столкновений не только между аристократами, боровшимися за власть, но и между короной и знатью. Но всегда ли им это удавалось?

Попытаемся на документах города Йорка рассмотреть, какую позицию занимали города в происходивших событиях, и действительно ли они держались в стороне от политической борьбы, стараясь откупиться от представителей боровшихся сторон с помощью «займов» и «подарков»?

Пример Йорка является очень показательным, потому что на всем протяжении Средних веков он был северной столицей Англии, резиденцией архиепископа и второй после Лондона королевской резиденцией⁷⁶. Основные источники взяты из городских книг г. Йорка, в которые местный клерк заносил все документы, которые считал важными с его точки зрения⁷⁷. Благодаря такому отбору документов мы имеем сведения не только по истории Йорка, но и Англии в целом.

Одним из основных политических событий второй половины XV в. была война Алой и Белой Роз, которой посвящено значительное коли-

⁷⁴ Lander J.R. *Government and Community: England 1450—1509*. L., 1980. P. 388; Gillingham J. *The Wars of the Roses: Peace and Conflict in Fifteenth-Century England*. Baton-Rouge, 1981; Goodman A. *The Wars of the Roses: Military Activity and English Society (1452—1497)*. L., 1981; Pollard A.J. *The Wars of the Roses*. N.Y., 1988.

⁷⁵ Lander J.R. *Government and Community: England 1450—1509*. P. 387.

⁷⁶ Raine J. *York*. L., 1893; Swanson H. *Medieval British Towns*. N.Y., 1999; Nicolas D. *The Later Medieval City, 1300—1500*. L., 1997.

⁷⁷ *York Civic Records* / Ed. by A. Raine. Wakefield, 1939—1978. V. 1—9.

чество работ, прежде всего, в зарубежной историографии. Борьба за власть между Ланкастерами и Йорками перешла в военное противостояние в 1455 г., когда в битве при Сент-Олбансе победу одержали Йорки. Ричард Йорк был объявлен парламентом протектором королевства и наследником Генриха VI. Но в сражении при Уэйкфилде в 1460 г. Ричард Йорк погиб, и лидером йоркистов стал его сын Эдуард, который в 1461 г. был коронован как Эдуард IV⁷⁸. Уже с этого времени г. Йорк оказался в гуще событий. В 1460 г. противники Йорков во главе с графом Нортумберлендом выбрали именно город местом сбора войск. В ходе сражения, в котором погиб герцог Глостер, город сильно пострадал. А головы погибших и казненных йоркистов, в том числе и герцога, были вывешены на стенах города⁷⁹. После битвы при Таунтоне 29 марта 1461 г. Эдуард IV отправился в Йорк. Город открыл перед ним ворота без сопротивления и принес клятву верности. Эдуард приказал снять с городской стены голову отца и выставить головы казненных ланкастерцев⁸⁰. И хотя Эдуард оставался в Йорке три недели и даже праздновал там Пасху, но его отношение к городу было довольно прохладным, что сохранилось и в будущем. Впрочем, это вполне объяснимо, если учесть, что в битве при Таунтоне на стороне Эдуарда IV сражались не только отряды лордов, но и ополчения из Лондона, Ковентри, Норгемптона, Тоттингема и Вустера, в то время как горожане Йорка, Беверли, Гуллы, Ньюкасла, Экзетера — на стороне Ланкастеров. Хитрее всех поступили власти Норича. Они послали один отряд на помощь Генриху VI, а другой — Эдуарду IV⁸¹.

Военные действия возобновились в 1470 г., когда на сторону Ланкастеров перешли младший брат Эдуарда IV герцог Кларенс и граф Уорик. Они восстановили на престоле Генриха VI, а Эдуарду IV и другому его брату герцогу Глостеру (будущему Эдуарду III) пришлось бежать в Бургундию. Весной 1471 г. Эдуард IV решил вернуться в Англию и 4 марта высадился в устье р. Хамбер. 18 марта он подошел к г. Йорку, но здесь его ждало разочарование — город отказался впустить Эдуарда вместе с отрядом. Только самому королю и 15-ти его воинам в качестве охраны разрешили пройти за ворота. Часть горожан кричала здравницы королю Генриху, другая — благородному герцогу Йоркскому. На следующий день Эдуард IV был вынужден покинуть город⁸². Такая встреча не могла прибавить доброго отношения Эдуарда к городу. После смер-

⁷⁸ Lander J.R. Wars of Roses. Sutton Publishing, 2007.

⁷⁹ Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012. С. 203.

⁸⁰ Там же. С. 221.

⁸¹ Winston J.E. English Towns in the Wars of Roses. Princeton, 1921. P. 22—24, 27, 40, 42, 47, 59.

⁸² Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 257.

ти наследника Генриха VI в битве при Тьюксбери ланкастерская династия пресеклась, и Эдуард IV Йорк правил до 1483 г.

Период правления Эдуарда IV не был для Йорка мирным временем. Исполняя роль северной столицы королевства, Йорк постоянно оказывался втянут не только во внутривнутриполитические, но и внешнеполитические события и, прежде всего, в борьбу с Шотландией. Еще в 1463 и 1464 гг. в Йорке происходили встречи представителей Англии и Шотландии, связанные с подписанием договоров между двумя государствами. Так, в декабре 1463 г. именно в Йорке было подписано перемирие между Англией и Шотландией сроком на один год. Весной 1464 г. в Йорк прибыли представители Эдуарда IV для проведения мирных переговоров и заключения мира на 15 лет⁸³.

К концу правления Эдуарда IV отношения с Шотландией вновь обострились. 13 октября 1480 г. граф Нортумберленд послал письмо мэру г. Йорка, в котором сообщал о вторжении шотландцев в Нортумберленд. И ссылаясь на распоряжение короля, предложил направить людей ему на помощь⁸⁴. 19 октября король в своем письме поблагодарил йоркцев за помощь, оказанную в борьбе с шотландцами⁸⁵. В феврале 1480/81 г. король вновь направил письмо мэру и совету города с благодарностью за присланных солдат⁸⁶.

В 1482 г. Эдуард IV поддержал притязания на трон брата шотландского короля герцога Олбани. За оказанную помощь герцог Олбани обещал передать Англии Бервик. Во главе английской армии был поставлен герцог Глостер, который сделал г. Йорк местом сбора войск⁸⁷. В середине июля 1482 г. именно из Йорка Ричард двинулся к шотландской границе. В августе Глостер и Олбани вошли в Эдинбург и заключили мир. Это очень повысило престиж герцога Йоркского.

Во время борьбы претендентов за трон и в ходе войны с Шотландией английским городам приходилось тратить значительные суммы денег на т.н. «займы» и «подарки» как Ланкастерам, так и Йоркам. Например, 31 декабря 1476 г. мэр и совет г. Йорка обсуждали вопрос о «подарке» герцогу Глостеру⁸⁸. 12 марта 1480/81 г. и 6 марта 1482/83 г. городской клерк опять сделал подобные записи в городской книге⁸⁹. В марте 1481 г. в инструкции короля герцогу Глостеру и графу Нортумберленду в связи с шотландской экспедицией указывалось, что г. Йорк

⁸³ Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 233—235.

⁸⁴ York Civic Records. V. I. P. 36.

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Ibid. P. 38.

⁸⁷ Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 282.

⁸⁸ York Civic Records. V. I. P. 15.

⁸⁹ Ibid. P. 15, 70.

наряду с Даремом и Ньюкаслем должны предоставить английской армии продовольствие и снаряжение, за которые нужно будет заплатить⁹⁰. Правда, срок оплаты не указан.

После смерти Эдуарда IV именно в Йорке Ричард Глостер привел местную знать к присяге сыну умершего короля Эдуарду V. И именно к Йорку он обратился за помощью в борьбе против королевы. 15 июня 1483 г. Ричард Рэтклифф передал Мэру Джону Ньютону письмо от «милорда Глостера». В нем герцог Йоркский писал: «Если вы любите нас, то <...> мы сердечно просим вас прибыть в Лондон со всем возможным усердием как можно скорее после получения этого письма с как можно большим отрядом, чтобы помочь и поддержать нас против королевы, ее кровавых (blode) приверженцев и родственников, которые намеревались и ежедневно намереваются убить и полностью истребить нас и нашего кузена герцога Бэкингема и древнюю королевскую кровь этого королевства...»⁹¹.

После провозглашения Ричарда Глостера королем, именно в Йорке он праздновал свою коронацию и возведение сына Эдуарда в принцы Уэльские⁹². В начале осени 1483 г. на юге Англии начались мятежи против Ричарда III. И вновь Ричард обращается с письмом к йоркцам. В городской книге под датой 13 октября 1483 г. помещено письмо с просьбой о помощи против герцога Бэкингема⁹³. Как известно, отряд из Йорка содействовал подавлению выступления против короля⁹⁴.

В конце XV в. г. Йорк еще не раз оказывался втянут в политические конфликты. Весной 1486 г. против нового короля Генриха VII было поднято восстание под руководством виконта Ловела, а также Хамфри и Томаса Стаффордов. Сэр Хамфри Стаффорд, чтобы набрать войска, распустил слух, будто король помиловал его после битвы на Босуортском поле, и даже предъявил фальшивую королевскую грамоту. Когда начали распространяться указанные слухи, Генрих VII находился с визитом в Йорке. Правда, до серьезного сражения дело не дошло, поскольку король обещал помилование тем, кто перейдет на его сторону⁹⁵.

Во время мятежа Ламберта Симнела Йорк вновь оказался в гуще событий. Городской клерк Йорка подробно описал то, что произошло

⁹⁰ York Civic Records. V. I. P. 41.

⁹¹ Ibid. P. 73.

⁹² Ibid. P. 82.

⁹³ Ibid. P. 83.

⁹⁴ Праздников А.Г. Участие английских горожан в народных движениях периода Войн Роз // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст. Доклады межд. науч. конф., посвященной 100-летию г. Ярославля. Ярославль, 2010. С. 109.

⁹⁵ Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. С. 312.

в начале лета 1487 г. В начале июня Ламберт Симнел, которого граф Линкольн (племянник Ричарда III) выдавал за сына герцога Кларенса Эдуарда, высадился в Англии с небольшим отрядом. Слухи об этом основывались на рассказе Джеймса Тейта, который встретил по пути в Донкастер семерых людей верхом на лошадях с предводителем на белой лошади, которую он опознал как принадлежащую графу Линкольну. От этих людей он узнал, что называют беспорядки. Мэр Йорка Уильям Тодд немедленно информировал короля и графа Нортумберленда. Йорк был не в состоянии самостоятельно защищаться, поскольку замок напоминал руины, а стены города полуразрушены. 8 июня граф Нортумберленд сообщил, что мятежники высадились в Фернессе (графство Ланкашир). Мэр и совет Йорка в тот же день в полном составе собрались в Гилдхолле и решили, «что они будут защищать этот город своими телами и имуществом с максимальными усилиями»⁹⁶. В этот же день отряд Ламберта Симнела достиг Машема (графство Йоркшир), и оттуда Симнел под именем короля направил письмо мэру Йорка, спрашивая разрешения войти в город, чтобы отдохнуть, поскольку он «сильно устал и измучен»⁹⁷. Кроме того, граф Линкольн рассчитывал получить продовольствие, обещая заплатить за него. Мэр отправил ответ, в котором заявил, что народ Йорка не допустит мятежников в город. В субботу 9 июня посланные с ответом вернулись с благоприятным известием о том, что никаких действий против Йорка мятежники предпринимать не будут. На следующий день в воскресенье граф Нортумберленд и лорд Клиффорд со своими отрядами вошли в Йорк и оставались там до вторника, когда в 11 часов утра покинули город. Немедленно после этого начался штурм Бутамских ворот (“Bootham Bar”). Горожане мужественно сопротивлялись, и штурм не удался. Граф Нортумберленд, который недалеко отошел от города, узнав о штурме, тотчас вернулся в город и оставался там до четверга. В субботу мятежников разбили возле Ньюарка, и угроза городу была снята⁹⁸.

30 июля 1487 г. король Генрих VII нанес второй визит в Йорк. Поскольку город продемонстрировал свою лояльность королю, то Генрих выразил признательность горожанам за поддержку. Хотя зная о многолетней приверженности Йорка своим противникам, вряд ли король был твердо уверен в лояльности местных жителей.

Таким образом, мнение о том, что политическая борьба второй половины XV в. мало сказывалась на жизни английских городов, которые предпочитали откупаться от враждовавших партий, плохо согласовы-

⁹⁶ York Civic Records. V. II. P. 6.

⁹⁷ The Reign of Henry VII from Contemporary Sources / Ed. by F. Pollard. L., 1913. V. I. P. 50.

⁹⁸ York Civic Records. V. II. P. 6.

вается с данными источников. Они показывают, что города постоянно оказывались втянутыми в конфликты, мало связанные с нуждами самих городов. Города несли материальные потери не только из-за вымогательства денег, но и в результате разрушений городских сооружений, а также препятствий для занятия ремеслом и торговлей.

§ 5. Город Йорк и англо-шотландские противоречия во второй половине XV в.

В начале мая 2007 г. исполнилось 300 лет англо-шотландской унии, и данный юбилей способствовал появлению исследований истории отношений между Англией и Шотландией. Свидетельством того могут служить, например, диссертация и монография С.В. Игнатьева и диссертация И.А. Зверевой⁹⁹. История англо-шотландских отношений в XV в. — наименее изученная тема в плане международных отношений в период позднего Средневековья. Во многом эта ситуация объясняется тем, что медиевисты традиционно концентрируют свое внимание на изучении событий 100-летней войны, либо сосредоточиваются на анализе военной стороны конфликтов. Кроме того, если и рассматриваются отношения между Англией и Шотландией, то особый интерес историков вызывают события борьбы последней за независимость в XIII—XIV вв. или англо-шотландские отношения накануне заключения Унии в начале XVII в., когда английская королева Елизавета I назначила своим преемником шотландского короля Якова I. Вопрос же о месте и роли английских городов в англо-шотландских конфликтах вообще не рассматривается.

Город Йорк в этом плане занимал особое место. Географическое расположение в пограничном субрегионе естественным образом предопределило исполнение им роли северной столицы английского королевства. И то, что город располагался в пограничной зоне, а также переплетение государственных и локальных интересов приводили к обязательному его участию в конфликтах с Шотландией. Столкновения между шотландцами и англичанами велись с переменным успехом. В 1377 г. англичане во главе с Генри Перси проникли на территорию Шотландии, однако им нанесли поражение в сражении при Дунсе. В 1388 г. уже шотландцы вторглись в английские владения и разбили

⁹⁹ Игнатьев С.В. Англо-шотландские отношения в первой половине XV в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; Он же. Шотландия и Англия в первой половине XV века. СПб., 2011; Зверева И.А. Шотландия в системе международных отношений в конце XV—80-е гг. XVI в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

англичан в битве при Оттерберне. После этого на некоторое время военные действия прекратились. Но XV в. весь заполнен столкновениями шотландцев и англичан. Только в первой половине столетия пограничные конфликты происходили в 1402, 1409—1411, 1415, 1436, 1448 гг.¹⁰⁰

Ключевым моментом в англо-шотландских отношениях в XV в. стало назначение в мае 1454 г. Ричарда Йорка регентом при короле Генрихе VI. После этого был арестован герцог Соммерсет (Эдмунд Бофор), который был дядей шотландского короля Якова II, поскольку его мать приходилась герцогу сестрой. В результате Шотландия оказалась втянута в борьбу между Йорками и Ланкастерами.

Летом 1454 г. Яков II отправил в Англию посольство во главе с Джеймсом Стюартом по прозвищу Черный рыцарь из Лорна (своего отчима), чтобы добиться помилования герцога Соммерсета. Однако миссия Джеймса Стюарта не увенчалась успехом. Вследствие этого шотландский король открыто встал на сторону Ланкастеров, в то время как его политические противники в Шотландии Черные Дугласы приняли сторону Йорков.

Ланкастеры за поддержку Шотландии в борьбе против герцога Йорка обещали передать Якову II Нортумберленд, Дарэм и Камберленд¹⁰¹. Видимо, Яков II не слишком доверял обещаниям своих английских союзников. Поэтому в 1460 г. под предлогом защиты «законного» короля Генриха VI вторгся в пограничные владения Англии — на территорию графов Уэстморленд (Невиллов), которые были сторонниками Йорков.

Действия шотландской армии оказались достаточно успешными, в ходе их удалось захватить южно-шотландские земли и крепости, но военные действия пришлось приостановить из-за смерти шотландского короля. Смерть его была случайной — 3 марта 1460/61 г. при осаде замка Роксбург из-за разорвавшейся пушки, рядом с которой он стоял, Яков II погиб.

Еще до своей смерти в июле 1460 г. Яков II отправил к герцогу Йорку, который в тот момент находился в Ирландии, Эндрю Эгню из Уигтауна. Предполагают, что шотландский король хотел предложить герцогу одновременное вторжение на север Англии войск Йорков из Ирландии и шотландцев¹⁰². Кроме того, Яков хотел выдать свою дочь за сына герцога Йорка. Но в тот момент Йорки не слишком нуждались в поддержке шотландцев, поскольку в июле 1460 г. армия Ланкастеров была разбита, а Генрих VI попал в плен.

¹⁰⁰ MacDonald A.J. *Border Bloodshed. Scotland, England and France at War, 1396—1403*. East Linton, 2000; Nicholson R. *The Later Middle Ages: Scotland*. Edinburgh, 1974; Sadler J. *Border Fury: England and Scotland at War, 1296—1568*. Longman, 2004.

¹⁰¹ Jacob E.F. *The XV-th Century*. Oxford, 1968. P. 514.

¹⁰² Tanner R. *The Late Medieval Scottish Parliament. Politics and the Three Estates, 1424—1488*. East Linton, 2001. P. 167.

Уже с этого времени г. Йорк оказался вовлечен во внешнеполитические дела. В 1460 г. сторонники Ланкастеров во главе с графом Нортумберлендом выбрали именно Йорк местом сбора своих войск. В сентябре 1460 г. герцог Йоркский, назначенный протектором королевства, получил от Генриха VI Ланкастера согласие на наследование после смерти короля трона для себя и своих детей. Но королева Маргарита Анжуйская не желала потери трона для ее сына Эдуарда и собрала большую армию на севере Англии. В сражении при Уэйкфилде недалеко от своего замка в Сандале 30 декабря 1460 г. Ричард Йорк погиб, а лидером йоркистов стал его сын Эдуард, коронованный в следующем году как Эдуард IV. В ходе военных столкновений между Ланкастерами и Йорками город Йорк сильно пострадал. На полуразрушенных стенах города были вывешены головы погибших и казненных йоркистов, в том числе и голова герцога¹⁰³.

29 марта 1461 г. недалеко от Йорка произошло одно из самых кровопролитных сражений войны Алой и Белой Роз — битва при Таунтоне. Хронисты сообщают о 28 тыс. погибших, а некоторые считают, что погибло и скончалось от ран больше 30 тысяч. Среди них был и Генри Перси, граф Нортумберленд. После битвы при Таунтоне в Йорк прибыл Эдуард IV и оставался в городе три недели. В Йорке оставались больные лорды-ланкастерцы. Согласно хронике Грегори Томас Куртене, граф Девон и трое других лордов были казнены. Теперь в свою очередь на стенах города выставили головы казненных ланкастерцев¹⁰⁴. Их головы заменили на стенах Йорка головы Ричарда Йорка и графа Ратленда (брата Эдуарда)¹⁰⁵. Именно после битвы при Таунтоне Эдуард 28 июня 1461 г. был коронован в Вестминстерском аббатстве. Не удивительно, что отношения жителей Йорка и представителей йоркской династии складывались довольно прохладными (ирония судьбы в том, что сеньором города был герцог Йоркский). Хотя отсутствие взаимного доверия не мешало королям-Йоркам высоко оценивать выгодное стратегическое положение города.

Приостановка военных действий с Шотландией после смерти Якова II была недолгой. Войну возобновила королева Мария. В это время захватили Роксбург, при осаде которого погиб Яков II. В 1461 г. шотландцам была передана ланкастерами крепость Бервик в благодарность за прием Генриха VI и его сторонников, бежавших из Англии¹⁰⁶.

До конца 60-х гг. XV в. шотландцы играли на противоречиях между Ланкастерами и Йорками с целью вернуть себе Нортумберленд, Камберленд и Уэстморленд¹⁰⁷.

¹⁰³Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012. С. 208.

¹⁰⁴Там же. С. 221.

¹⁰⁵Garvett C. Towton 1461. England's Bloodiest Battle. Osprey Publishing. 2003. P. 96.

¹⁰⁶Mitchison R. History of Scotland. York, 2002. P. 76.

¹⁰⁷Ibid. P. 78.

В 1463 и 1464 гг. в Йорке происходили встречи представителей Англии и Шотландии с целью подготовки договора между двумя государствами. В декабре 1463 г. здесь было заключено перемирие между Англией и Шотландией сроком на один год. По этому договору Англия признала потерю своих владений в Лоулэнде с городами Бервик и Роксбург. И хотя через несколько месяцев после возобновившихся военных столкновений перемирие было нарушено, переданные территории остались за шотландцами. Весной 1464 г. в Йорк прибыли представители Эдуарда IV для проведения переговоров и заключения мира сроком на 15 лет¹⁰⁸.

Новое обострение отношений с Шотландией, которое было тесно связано с судьбой г. Йорка, приходится на конец правления Эдуарда IV. В городских книгах г. Йорка сохранился очень богатый материал для восстановления событий того времени. Так, 13 октября 1480 г. граф Нортумберленд направил письмо мэру г. Йорка, в котором сообщал о вторжении шотландцев в Нортумберленд, и от имени короля предложил мэру «без задержки или промедления» выделить ему столько людей, сколько мэр сможет¹⁰⁹. 19 октября Эдуард IV в своем письме мэру и олдерменам г. Йорка поблагодарил горожан за готовность послужить ему в военной кампании вместе с герцогом Глостером против «наших врагов и мятежников шотландцев»¹¹⁰. Городской клерк записал, что с общего согласия членов Совета было решено предоставить королю 60 человек сроком на 2 месяца¹¹¹. Нужно вспомнить, что согласно «Ассизе о вооружении» 1181 г., которая была затем подтверждена Генрихом III в 1252 г. и «Винчестерским статутом» 1285 г., все горожане, как и другие свободные люди, должны были иметь оружие, и во время войны нести военную службу¹¹². Хотя это не являлось обычной практикой, но когда нужно короли вспоминали о существующих законах. Наиболее крупные города по традиции должны были выставлять отряды определенной численности. Как правило, они несли службу в гарнизоне местной крепости, но иногда отправлялись и в действующую армию. Кроме того, горожанам следовало предоставлять для обслуживания армии плотников, кузнецов, седельщиков и других ремесленников.

В городской книге за 13 марта 1480/81 год содержится поименный список олдерменов и членов Совета, присутствовавших на собрании и

¹⁰⁸Устинов В.Г. Войны Роз. С. 233—235.

¹⁰⁹York Civic Records / Ed. by A. Raine. Wakefield, 1939—1978. V. 1—9. V. I. P. 36.

¹¹⁰Ibid.

¹¹¹Ibid. P. 38.

¹¹²Гутнова Е.В. Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII—начала XIV в. // Средние века. М., 1958. Вып. XII. С. 69.

согласившихся оказать помощь королю в борьбе с шотландцами. Видимо, эта запись появилась не случайно. Поскольку расходы на поставки королю редко возмещались, они вызывали недовольство горожан, особенно зажиточных, на которых и приходилась основная доля расходов. В I томе городской книги г. Йорка представлена королевская инструкция для шотландской экспедиции (она была предпринята в 1482 г.), направленная герцогу Глостеру и графу Нортумберленду. Среди прочих предписаний содержится указание, чтобы пекари Йорка, Дарема и Ньюкасла снабжали армию мукой и другими продуктами, за которые предполагалось заплатить. Правда, срок оплаты не указан¹¹³. Это была обычная практика. Традиционно города должны были приобретать на свои деньги самые разные товары — хлеб, вино, солод, сено, сукно и прочее. Закупки делались и для королевского двора, и для армии. Горожанам Йорка тоже приходилось это делать. Так, во второй половине XIII в. Йорк на Сент-Айвской ярмарке закупил для нужд короны сукна на 130 фунтов¹¹⁴. Интересно, что незадолго до этого Йорк уже купил разных товаров для королевского гардероба на сумму 640 марок и 66 шилл.¹¹⁵ Для XIII в. это очень значительная сумма. В начале XIV в. во времена Эдуарда I корона была должна Йорку 20 ф. за вино для королевского двора¹¹⁶. Во время войны список товаров значительно расширялся и включал в себя лес для плотов, веревки, кожу и железо, лопаты, осадные машины и прочее.

Городские документы дают представление о том, откуда брались средства на организацию военных экспедиций. Часто поборы с городов оформлялись в виде «подарков» как Ланкастерам, так и Йоркам. Например, 31 декабря 1476 г. мэр и Совет города Йорка обсуждали вопрос о «подарке» герцогу Глостеру¹¹⁷. 12 марта 1480/81 г. Совет решил сделать очередной «подарок» герцогу за «его большую работу, доброе и милосердное правление к чести и общей пользе города»¹¹⁸. 29 марта 1482 года и 6 марта 1482/83 года городской клерк опять сделал подобные записи в городской книге¹¹⁹.

Но часто в документах содержатся сведения о прямом финансировании городами военных действий против Шотландии. Выше уже упоминалась инструкция Эдуарда IV о снабжении его армии жителями

¹¹³York Civic Records. V. I. P. 40—41.

¹¹⁴Гутнова Е.В. Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII—начала XIV в.... С. 69 (прим.).

¹¹⁵Там же.

¹¹⁶Там же.

¹¹⁷York Civic Records. V. I. P. 15.

¹¹⁸Ibid. P. 51—52.

¹¹⁹Ibid. P. 53, 70.

северных городов. Помимо того, что города должны были предоставлять какое-то количество солдат, те же города обязывались выделять деньги на их содержание. Так, 14 мая 1482 г. городской клерк в одной из записей поименно перечислил «благородных и уважаемых людей города», которые должны были каждый пожаловать деньги на содержание 2-х человек¹²⁰. Эти расходы оказались весьма значительными. В XIII в. стандартный отряд в 20 пеших воинов в течение 40 дней требовал для своего содержания 11 фунтов¹²¹. К XV в. расходы существенно выросли.

Указанные в источниках приготовления делались в связи с очередной планировавшейся экспедицией в Шотландию. Дело в том, что в 1482 г. Эдуард IV, вмешавшись в борьбу шотландских баронов, поддержал притязания на трон брата шотландского короля герцога Олбани. За оказанную поддержку герцог Олбани обещал передать, точнее, вернуть англичанам Бервик. Во главе английской армии вновь был поставлен герцог Глостер, который сделал г. Йорк местом сбора войск¹²². В середине июля 1482 г. именно из Йорка Ричард двинулся к шотландской границе. В августе Глостер и Олбани вошли в Эдинбург и заключили мир. Однако в начале 1483 г. герцог Олбани был вынужден бежать из Шотландии, поскольку при поддержке шотландского парламента Яков III вернул себе трон¹²³.

Все детали подготовки экспедиции англичан 1482 г. нашли отражение в городских книгах Йорка. Не все горожане согласились оплачивать расходы на военные предприятия. 7 сентября 1482 г. мэром, шерифом и городским советом было принято решение заключить в тюрьму 5 человек, выступавших против выделения денег. Осужденным полагалось за свое освобождение выплатить королю 100 марок¹²⁴.

9 октября 1482 г. Джон Брекенбери и Томас Дэвисон, назначенные капитанами над городскими солдатами, были вызваны на заседание Совета, чтобы отчитаться о расходовании выделенных денег. Правда, Джон Брекенбери заявил, что он охотно даст отчет, но в данный момент он занят, поэтому просит перенести рассмотрение этого вопроса на следующий понедельник¹²⁵. 13 октября отчет капитанов был заслушан¹²⁶. 23 октября мэр и Совет назначили «жалованье и содержание» Джону Брекенбери сроком на 17 дней в сумме 20 п. на каждый день,

¹²⁰York Civic Records. V. I. P. 54.

¹²¹Гутнова Е.В. Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII—начала XIV в.... С. 69.

¹²²Устинов В.Г. Войны Роз. С. 282.

¹²³Sadler J. Border Fury: England and Scotland at War, 1296—1568. Longman, 2004.

¹²⁴York Civic Records. V. I. P. 62.

¹²⁵Ibid. P. 63.

¹²⁶Ibid. P. 64.

Томасу Дэвисону соответственно 18 пенсов. Кроме того, им выделили деньги на содержание слуги 8 п. в день, 2 ш. на двух кучеров на срок 25 дней и 2 п. на лошадь¹²⁷. Уже упоминалось, что расходы на содержание воинов в XV в. по сравнению с предшествующим временем значительно увеличились. Если в XIII в. обычная оплата воина-пехотинца составляла 3—3,5 п. в день, то теперь для нужд даже обслуги требовалось не менее 8 пенсов. 20 сентября 1482 г. Джону Брекенбери и Томасу Дэвисону по решению мэра, рикордера, шерифа и Совета было назначено вознаграждение «за их усердную службу» в размере суммы, полученной для экспедиции¹²⁸.

Активные военные действия между Англией и Шотландией прекратились после смерти Эдуарда IV, поскольку новому королю Ричарду III Йорку стало уже не до Шотландии.

Таким образом, пример г. Йорка показывает, что английские города во второй половине XV в. не только играли важную роль во внутренней жизни королевства, но и выступали в качестве серьезного фактора во внешней политике страны.

§ 6. Франко-бургундский конфликт последней трети XV в. и позиция Англии

К последней трети XV в. отношения между Францией и Бургундией настолько обострились, что военное столкновение стало неизбежным. Из Столетней войны Франция вышла победительницей и стала стремиться к захвату бургундских земель. По Аррасскому мирному договору, заключенному в 1435 г., Бургундия должна была разорвать союзные отношения с Англией, а в обмен на эту уступку Франция передала Бургундии важные в стратегическом отношении города и земли на Сомме. По условиям договора Франция имела право их выкупить, что и сделал в 1463 г. Людовик XI. Но наследник бургундского герцога Филиппа Доброго Карл Смелый считал возврат этих земель Франции несправедливым и решил вернуть утраченные владения силой. Какую позицию в данной ситуации заняла Англия? Английский король Эдуард IV в надежде вернуть утраченное положение во Франции заключил союз с герцогом Бургундским летом 1468 г.

Последняя треть XV в. была очень напряженной для Англии: война Алой и Белой Роз, постоянные пограничные конфликты с Шотлан-

¹²⁷York Civic Records. V. I. P. 64.

¹²⁸Ibid. P. 66.

дией, сложности в англо-французских отношениях. Почему же в такой непростой ситуации франко-бургундские отношения привлекали пристальное внимание правительства и деловых людей Англии?

Объяснялось это тем, что Фландрия, входившая в состав владений герцогов Бургундских, была одним из главных торговых партнеров Англии. Поэтому политическая нестабильность в регионе очень тревожила английских купцов. Речь идет, прежде всего, о купцах-стапельщиках, монополизировавших почти весь экспорт шерсти из Англии. Но к середине XV в. торговля сырой шерстью была отодвинута на второй план — к этому времени вывоз сукна уже вдвое превышал экспорт шерсти¹²⁹. И в дальнейшем преобладание все увеличивалось. Компания купцов-стапельщиков стала испытывать серьезную конкуренцию со стороны возникшей в 1453 г. компании купцов-авантюристов. Под нажимом торговцев сукном в 1464 г. Эдуард IV утвердил билль, предложенный палатой общин, по которому в течение 3-х лет (1464—1467) в графствах, производивших наиболее тонкую и дорогую шерсть, могли закупать сырье лишь те, «кто будет изготовлять из этой шерсти пряжу или сукна в пределах этого королевства»¹³⁰. Через три года палата общин предложила продлить статут еще на три года, но Эдуард IV отказался сделать это¹³¹. Вероятно, купцы-стапельщики смогли предложить большую сумму, да и доходы от таможенных пошлин с шерсти, поступавших в казну, были велики. Например, с 1472 по 1482 гг. среднегодовой доход от таможенных пошлин равнялся 35 тыс. ф. ст., т.е. 42,7 % общей суммы доходов казначейства¹³². Сохранив возможность экспортировать сырую шерсть во Фландрию, купцы-стапельщики были чрезвычайно заинтересованы в стабильной обстановке в этом регионе, ибо любые беспорядки дестабилизировали торговлю, которая и так испытывала большие затруднения.

Взаимоотношения бургундского герцога и английского короля были довольно сложными. По своим родственным связям Карл Смелый связан с Ланкастерами, т.к. его бабка по матери — дочь герцога Ланкастерского Джона Гонта, третьего сына Эдуарда III и родоначальника династии Ланкастеров. Но по дипломатическим соображениям в 1468 г. он женился на Маргарите Йоркской, сестре Эдуарда IV¹³³.

¹²⁹ Gray H.T. English Foreign Trade from 1446 to 1482 // Studies in English Trade in the Fifteenth Century / Ed. by E. Power and M.M. Postan. L., 1933. P. 1—39.

¹³⁰ Statutes of the Realm. L., 1816. V. II. P. 410.

¹³¹ Rotuli Parliamentorum. L., 1832. V. V. P. 630.

¹³² Ramsay J. Lancaster and York. L., 1892. Vol. II. P. 462—472.

¹³³ Это третий брак Карла. Интересно отметить, что первым браком Карл Смелый был женат на сестре французского короля Екатерине Французской, а единственная наследница Карла — Мария Бургундская являлась дочерью от второго брака с Изабеллой Бурбонской.

Зимой 1469 г. из-за экономического спада в Англии вновь начался рост популярности Ланкастеров. В сентябре 1470 г. Ланкастеры подняли мятеж, и Эдуарду IV пришлось бежать в Гаагу, где он встретился с Карлом Бургундским. В этих условиях Карл и Эдуард оказались заинтересованы в экономической блокаде Англии со стороны Ганзы. Именно позиция Карла Смелого и действия ганзейского флота помогли Эдуарду IV вернуть корону¹³⁴. Но династические интересы английского короля в данном вопросе совсем не совпадали с интересами купцов. Это нашло отражение в парламентском акте от 6 октября 1473 г., в котором говорилось: «Большие неудобства, потери и убытки имеют место не только из-за ведения открытой войны, но также из-за исчезновения необходимых предметов потребления, которые они всегда доставляли и которые мы привозили им при свободном обмене»¹³⁵. Еще не раз политика короля будет идти вразрез с интересами английских купцов.

Летом 1475 г. Эдуард IV в союзе с герцогом Бургундским решил начать войну с Францией. В Дувре была собрана значительная по тем временам армия (1,5 тыс. рыцарей, 15 тыс. конных лучников, пехота и вспомогательные части). Эта армия должна была переправиться в Кале, а 3 тыс. человек король распорядился направить в Бретань¹³⁶. Однако герцог Бургундский, который несколько лет добивался от Англии активных действий против Франции, именно в этот момент со своей армией завяз под Нейсом (недалеко от Кёльна). Связано это было с тем, что в борьбе двух претендентов на епископский престол в Кёльне Карл принял сторону одного из претендентов и попытался силой посадить его на престол, надеясь получить за помощь некоторые крепости. Несмотря на то, что Эдуард настойчиво побуждал Карла уйти из-под Нейса и начать военные действия во Франции, герцог не трогался с места. Воспользовавшись ситуацией, Людовик XI, герцог Лотарингский и швейцарцы одновременно начали войну против Бургундии.

Побуждая Эдуарда вступить в войну, Карл Смелый обещал начать войну с Францией за 3 месяца до высадки английских войск, привести на соединение с ними не менее 2,5 тыс. кавалеристов и пехоту¹³⁷. Затратив три недели на переправу в Кале, английская армия оказалась без поддержки бургундцев. Результатом недальновидной политики герцога Бургундского стало то, что Эдуард IV согласился заключить с Францией мир. К большому недовольству Карла Смелого 29 августа 1475 г. в

¹³⁴Сергеева Л.П. Англо-ганзейская морская война 1468—1473 гг. // Вестник ЛГУ. 1981. № 14. С. 106.

¹³⁵Rymer Th. Foedera, conventiones, Litterae at cuiuscunque generis acta publica... L., 1704—1735. Vol. II. P. 793.

¹³⁶Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986. С. 135.

¹³⁷Там же. С. 137.

Пикийни (город в Пикардии) подписали мирный договор между Англией и Францией.

5 января 1477 г. в битве при Нанси герцог Бургундии Карл Смелый был убит. Этот факт необычайно встревожил англичан, которые опасались присоединения Фландрии к Франции. Например, один из членов компании стапельщиков Ричард Сели 26 января писал из Лондона своему сыну Джорджу, находившемуся в Кале: «Я очень удивлен, что ты не написал мне о делах в Кале, о которых так много разговоров в Лондоне. Поэтому я ничего не могу написать¹³⁸ из-за отсутствия сведений о делах в землях герцога Бургундского и короля Франции, откуда приходят странные известия. В связи с этим прошу тебя быть мудрым и не действовать опрометчиво при торговле и доставке товаров во Фландрию, поскольку я опасюсь большой войны. Как говорят, герцог убит, и король Франции вошел в Пикардию»¹³⁹. После гибели Карла Смелого его владения наследовала дочь Мария, и Людовик XI сразу предъявил свои права на герцогство, т.к. оно было апанажем и не могло передаваться по женской линии. На созванных Генеральных штатах дворянство герцогства 30 января 1477 г. принесло королю присягу верности¹⁴⁰. Нужно отметить, что большинство бургундских феодалов поддержало французского короля. Дворяне, оставшиеся верными дочери Карла, образовали «бургундскую партию», которая в начале марта 1477 г. подняла мятеж, охвативший значительную часть бургундского герцогства и графство Бургундия (Франш-Конте). Графство Франш-Конте являлось имперским леном, поэтому большинство дворянства здесь не было связано вассальными узами с королем Франции.

Итак, французские войска вошли в Пикардию и заняли некоторые города Артуа: Аррас, Булонь, Эден, Ардр и др. Французы дошли до города Сент-Омер, который расположен совсем близко от Кале. После окончания Столетней войны Кале оставался единственным городом, принадлежавшим Англии, он был складочным местом для английских купцов, торговавших с Нидерландами и другими соседними странами. Поэтому английские купцы необычайно встревожились. Вполне логично было ожидать, что английский король отреагирует на действия французов, чтобы защитить свои интересы во Фландрии. Советник французского короля Филипп де Коммин в своих мемуарах писал:

¹³⁸То есть дать указания о торговле.

¹³⁹The Celes Letters, 1472—1488 / Ed. by A. Hanham. Oxford, 1975. P. 10—11. Семейное объединение купцов Сели, которое включало отца, Ричарда-старшего, и сыновей — Ричарда-младшего и Джорджа, входило в более крупную компанию купцов-стапельщиков.

¹⁴⁰Маслов Р.А. Отношение бургундских феодалов к борьбе королевской власти за присоединение герцогства Бургундского к Франции // Ученые записки Башкирского ун-та. Уфа. 1972. Вып. 64. Сер. ист. наук. № 11. Вып. 4. С. 57.

«Ведь совет Англии несколько раз предупреждал, когда наш король завоевал Пикардию, которая лежит рядом с Кале, что, захватив ее, он может попытаться взять также Кале и Гин. То же самое говорили постоянно находившиеся в Англии послы герцога и герцогини Австрийских, бретонцы и другие, но король Английский ничему не верил, по моему, не столько по недомыслию, сколько из-за алчности, ибо он не хотел потерять тех 50 тысяч экю, что выплачивал ему наш король, как не хотел и расставаться с удобствами и удовольствиями своей мирной жизни»¹⁴¹. Пенсии и подарки от французского короля получали многие влиятельные лица из королевского окружения — Томас Ротерхем, епископ Линкольнский, Джон Мортон, архиепископ Кентерберийский (оба последовательно были канцлерами королевства), лорд Говард, герцог Норфолкский, Томас Грей, маркиз Дорсет и др.¹⁴²

Помимо материальной выгоды у Эдуарда IV имелись соображения и политического характера — он надеялся на брак своей дочери с наследником французского престола. Этот брак был одним из пунктов в договоре, подписанном в Пикиньи. Однако Людовик XI не спешил выполнять данный пункт. После смерти Карла Смелого у него появился план женить своего сына на дочери погибшего герцога (и не важно, что дофину было 6 лет, а Марии — 19). Без этого брачного союза французский король не имел права претендовать на те бургундские земли, которые входили в состав империи.

Многие дальновидные люди из королевского совета и парламента Англии предупреждали Эдуарда, что французский король и не думает выполнять обещание. Вот как об этом пишет Филипп де Коммин: «Среди тех, кто входил в его совет, и особенно среди членов парламента (это вроде наших штатов) оказалось несколько мудрых людей, которые были весьма прозорливы и не получали пенсий от нас, как другие. Они-то совместно с палатой общин и настаивали на том, чтобы король Английский открыто помог упомянутой барышне»¹⁴³, утверждая, что мы его обманываем, и что брак никогда не состоится, ибо по договору, заключенному обоими королями в Пикиньи, клятвенно обещано, что за дочью короля Английского, которую уже титуловали мадам дофиной, пришлют через год, а срок этот давно истек»¹⁴⁴.

Таким образом, представители городов в парламенте настаивали на том, чтобы помочь дочери Карла Смелого защитить ее владения. Для

¹⁴¹Филипп де Коммин. Мемуары. С. 247. По договору в Пикиньи Людовик XI за отказ от прав на французский престол обязывался ежегодно выплачивать Эдуарду IV 50 тыс. экю (10 тыс. ф. ст.).

¹⁴²Там же. С. 221.

¹⁴³Марии Бургундской.

¹⁴⁴Филипп де Коммин. Мемуары. С. 223.

них это было жизненно необходимо. 23 мая 1477 г. Ричард Сели писал сыну в Кале: «Мне стало известно, что в Кале не прибыли купцы для закупки шерсти и овчин. Это очень плохо для купцов Стапля»¹⁴⁵. Побуждаемый палатой общин, Эдуард IV периодически направлял к Людовику XI послов с протестом по поводу захвата бургундских земель и предложением заключить мир с наследницей герцога Бургундского. Как отмечает Филипп де Коммин, французский король сдерживал активность Эдуарда «посольствами, подарками и прекраснотушными речами»¹⁴⁶. Тем временем армия Марии Бургундской таяла. Из того небольшого числа военных, которые остались у нее после смерти отца, многие предпочли перейти на сторону французского короля. Одни сделали это вынужденно, т.к. их владения находились в областях, уже захваченных Людовиком XI, другие — в надежде на щедрое вознаграждение. Кроме того, в больших городах, прежде всего в Генте, нарастала смута¹⁴⁷. Воспользовавшись смертью Карла Смелого, фландрские города, озлобленные нарушением их традиционных вольностей и привилегий, подняли восстание. Они заставили Марию Бургундскую подписать т.н. «Великую привилегию». Эта хартия, помимо подтверждения их прежних вольностей, давала им право на восстание в случае нарушения подписанной «привилегии».

Чтобы уберечь свои земли от поглощения Францией, Мария Бургундская предпочла выйти замуж за Максимилиана Габсбурга, теперь войну против Людовика XI вел именно он, и англичанам пришлось иметь дело с новым герцогом Бургундским. После того, как Мария вышла замуж за Максимилиана, Людовик XI решил присоединить бургундские земли насильно.

Осенью 1477 г. Эдуард IV начал переговоры с послами Максимилиана Габсбурга об улучшении условий торговли между Англией и Нидерландами¹⁴⁸. Видимо, переговоры были трудными, т.к. 26 марта 1478 г. Ричард Сели-младший писал своему брату в Кале: «Сэр, наш отец хочет, чтобы ты сообщил ему, как обстоят дела с нашими послами и какой ответ они получили от герцога. Наш отец сказал, что не может написать тебе, пока не узнает, что ими сделано»¹⁴⁹. Купцы очень

¹⁴⁵The Celes Letters. P. 11.

¹⁴⁶Филипп де Коммин. Мемуары. С. 221.

¹⁴⁷Для гентцев бургундцы были иностранцами, которые приобрели власть над ними после того, как графство Фландрия вошло в состав владений бургундских герцогов. Фландрия находилась под сюзеренитетом Франции, и графы Фландрии должны были приносить оммаж французскому королю.

¹⁴⁸The Act of Court of the Mercer's Company. 1453—1527. Cambridge, 1936. P. 100—101. В этих переговорах принимали участие и представители купечества.

¹⁴⁹The Celes Letters. P. 18.

надеялись на то, что условия торговли будут улучшаться. Тем не менее, из-за военных действий фламандские деньги падали в цене. 10 октября 1478 г. Ричард Сели-старший писал из Лондона: «...Здесь говорят, что деньги во Фландрии вскоре упадут в цене, из-за чего нужно остерегаться остаться там без денег; поэтому ожидаются большие потери для всех, у кого на руках много фламандских денег...»¹⁵⁰. В следующем письме он опять возвращается к этому вопросу: «Принадлежащие мне шерсть и овчины желательно не продавать, поскольку мне будет очень трудно избавиться от фламандских денег»¹⁵¹. У компании не осталось в запасе никаких наличных средств, чтобы вносить в казну таможенные пошлины, содержать гарнизон в Кале, не говоря уже о том, чтобы давать субсидии королю. В начале ноября 1478 г. мэры Стапля и сообщество купцов-стапельщиков направили в королевский совет делегацию, просившую предпринять какие-либо действия, чтобы нормализовать торговлю с Фландрией.

В Бургундии война продолжалась, хотя велась она не столько силами подданных нового бургундского герцога, сколько наемниками. «Бургундская партия» и Максимилиан Габсбург в основном использовали швейцарских наемников (хотя было и некоторое количество немецких). Именно благодаря использованию бургундским герцогом наемников, Людовіку XI в 1477—1478 гг. не удалось подчинить Бургундию¹⁵². Однако в начале 1478 г. французский король заключил со швейцарскими кантонами договор, по которому получил право найма солдат и согласие кантонов не оказывать помощи врагам Франции¹⁵³. К концу 70-х гг. «бургундская партия» потерпела поражение и в графстве, и в герцогстве Бургундия и сохранила поддержку только во владениях Максимилиана Габсбурга.

Любое изменение в расстановке сил вызывало пристальное внимание англичан. От этого зависели условия торговли: побеждает герцог бургундский — фламандские деньги растут в цене, побеждает французский король — стоимость фламандских денег падает. 7 августа 1479 г. Максимилиан нарушил мир, заключенный с Людовиком XI в июле 1478 г., и напал на замок недалеко от Камбрэ. Уже 12 августа Ричард Сели-старший, находившийся в Лондоне, сообщал своей семье в Эссекс не только о сражении, но и о таких подробностях, которые свидетельствуют о необычайном интересе к происходившему во Фландрии. Ричард Сели не сомневается, что остальные члены семьи по достоинству оценят сведения: «Томас Блайхом получил письмо из Кале,

¹⁵⁰The Celes Letters. P. 32.

¹⁵¹Ibid. P. 33.

¹⁵²Филипп де Коммин. Мемуары. С. 229.

¹⁵³Маслов Р.А. Отношение бургундских феодалов... С. 62.

в котором сказано о сражении, происходившем в прошлую субботу между герцогом Бургундским и королем Франции близ местечка Теруан. Битва началась в субботу в 4 часа после полудня и продолжалась до ночи. Она была кровопролитной для обеих сторон, но герцог Бургундский выиграл сражение и стяжал славу. Герцог Бургундский захватил много артиллерии французского короля, 5 или 6 тыс. французов было убито. Написано сразу в пятницу в большой спешке»¹⁵⁴. Хочется обратить внимание на дату письма — Ричард Сели пишет через 5 дней после сражения, т.е. известие о нем сразу отправили в Англию. Необходимость в быстроте передачи новостей хорошо понималась всеми, но особенно теми, кто желал сохранить свое богатство и безопасность.

Хотя нужно отметить, что сообщения соперников о конфликтных событиях вносили изрядную путаницу в реальную картину. О том же сражении у Теруана Филипп де Коммин пишет более сдержанно: «Кавалерия короля была гораздо более многочисленной, чем у противника, и она смяла герцогскую кавалерию, которую вел монсеньор Филипп де Равенштейн, и стала преследовать ее вплоть до Эра. Герцог присоединился к своим пехотинцам <...> Королевские вольные лучники принялись грабить обоз герцога и сопровождавших его маркитантов и прочих. На них напали герцогские пехотинцы и перебили некоторых. Герцог потерял убитыми и взятыми в плен больше, чем мы, но поле боя осталось за ним...»¹⁵⁵. Недостаток точности характерен для всей информации рассматриваемого времени. Это касается и дат, и точных цифр. Новости содержали только отдельные фрагменты событий, и полная картина складывалась лишь постепенно¹⁵⁶. Можно лишь заметить, что в своих сообщениях купцы стремились быть максимально точными, насколько возможно в то время, ведь информация проходила через многие руки.

После сражения 7 августа 1479 г. Людовик решил начать мирные переговоры с Максимилианом. При поддержке гентцев французский король намеревался женить дофина на дочери Максимилиана и Марии, связав, тем самым, герцогу руки. Условием этого брака было сохранение за Францией графства Бургундского, Осерау, Маконне и Шароле и возврат Артуа (за исключением Арраса)¹⁵⁷. По дипломатическим соображениям Людовик XI на словах продолжал поддерживать проект брака дофина с английской принцессой, чтобы не допустить открытых

¹⁵⁴The Celes Letters. P. 55.

¹⁵⁵Филипп де Коммин. Мемуары. С. 237.

¹⁵⁶Armstrong С.А. J. Some Examples of the Distribution and Speed of News in England at the Time of the Wars of the Roses // England, France and Burgundy in the Fifteenth Century. L., 1983. P. 98.

¹⁵⁷Филипп де Коммин. Мемуары. С. 238.

военных действий со стороны Англии. И оба короля продолжали обмениваться послами, хотя угроза войны становилась все более реальной.

Английское купечество в Кале и Лондоне с тревогой следило за развитием событий. В ноябре 1480 г. Джордж Сели сообщал отцу из Кале: «Герцогиня Маргарита¹⁵⁸ прибыла из Бона в Сент-Омер, туда же прибыли послы, как английские, так и французские. Трудно сказать, какой мир нас ожидает: некоторые лица из герцогского Совета будут за мир, другие — за войну. Согласие зависит от Англии, французский король поставил свои гарнизоны вдоль границы и держит их в полной готовности». Интересно, что после рассуждений на высокие политические темы Джордж Сели лаконично замечает: «В Кале теперь мало купцов»¹⁵⁹.

Переписка английских купцов за 1480—1481 гг. полна сообщений об обстановке во Фландрии. Все чаще встречаются упоминания о возможности войны между Англией и Францией¹⁶⁰. Появляются сведения о столкновениях англичан и французов на море. 13 мая 1481 г. Уильям Сели, находившийся в Кале, писал в Брюгге Джорджу Сели: «Извещаю Вас, что 12 мая здесь были два француза, преследовавшие английский корабль напротив Кале. Федерстон, Джон Дейв, Томас Оувертон следовали дорогой в Кале, но они находились на суше. И как только они увидели это, то достали бот и сели в него; и это же сделали капитан Маршалл, сэр Томас Эверингем, капитан Нессфилд с другими солдатами Кале. Они выручили английский корабль, захватили французов и доставили их в гавань Кале»¹⁶¹.

Казалось, сама судьба помогала Людовику XI реализовывать его планы. В 1482 г. после несчастного случая умерла Мария Бургундская. Её дети, Филипп и Маргарита, оказались во власти гентцев, склонных к мятежу против Бургундского дома и союзу с Францией. По традиции дети должны были находиться под совместной опекой Фландрии, Брабанта и Геннегау, но жители Гента, представлявшие Фландрию, когда истекли положенные четыре месяца, отказались передать детей другим областям. В 1483 г. Маргарита, вопреки воле своего отца Максимилиана Габсбурга, под усиленной охраной гентцев была увезена во Францию¹⁶².

Переговоры Людовика XI с Максимилианом не могли улучшить англо-французские отношения, поскольку Эдуард IV оказался обманутым

¹⁵⁸Вдова Карла Смелого, мачеха Марии Бургундской, официально представляла интересы наследницы герцога.

¹⁵⁹The Celes Letters. P. 97—98.

¹⁶⁰Ibid. P. 98—99, 100—101, 103, 104.

¹⁶¹Ibid. P. 104—105.

¹⁶²Этот брак так и не был заключен. Маргарита считалась невестой Карла VIII до 1493 г., когда помолвка была расторгнута, и французский король женился на Анне Бретонской, чтобы присоединить к Франции Бретань.

в надежде на брак своей дочери с дофином. Тем более что Людовик XI, сломив сопротивление бургундских вассалов и подписав 23 декабря 1482 г. в Аррасе мирный договор, отказался выполнять договор в Пикиньи и платить Эдуарду IV установленную сумму.

Купцы-стапельщики с тревогой следили за развитием отношений между Людовиком XI и Эдуардом IV и сообщали друг другу о прибытии послов из Франции и ходе переговоров. Смерть Марии Бургундской была воспринята ими как трагедия. В связи с этим событием Ричард Сели-младший писал из Лондона брату в Кале: «Извещаю, что получил твое письмо, из которого узнал о смерти молодой Леди Бургундской и об измене у Сент-Омера. Я молю бога поддержать и спасти фламандцев»¹⁶³. Эта реакция особенно впечатляет на фоне полного равнодушия к судьбам английской знати, многие представители которой гибли во внутренних конфликтах.

Отказ Людовика XI выплачивать английскому королю установленную в Пикиньи сумму привел к тому, что Эдуард IV усилил нажим на своих купцов. В начале мая 1482 г. Компания купцов-стапельщиков после сложных переговоров была вынуждена пожаловать королю 6 тыс. марок, «оставшихся после уплаты таможенных пошлин и субсидий»¹⁶⁴.

После начала переговоров о помолвке между дофином и Маргаритой Бургундской активных военных действий во Фландрии не велось, хотя некоторые города из-за предательства бургундских военачальников переходили в руки французов. 31 июля 1482 г. Уильям Сели сообщал в Лондон о сдаче французам города Эйр в Артуа и еще одного замка в миле от Сент-Омера¹⁶⁵. Теперь английское правительство было настроено более воинственно, нежели раньше. В этом же письме английский купец сообщает: «Французы намерены взять Гравенинг, и им никто не препятствовал в течение двух дней <...> Каждый день из Сент-Омера к лорду-чемберлену прибывает гонец с просьбой о помощи со стороны Англии. Лорд заверил их, что они не будут испытывать недостатка ни в людях, ни в провианте, поскольку мы ждем в ближайшее время прибытия пополнения из Англии». И вновь следующая фраза объясняет столь пристальное внимание купцов к военным действиям: «Если французы получают Гравенинг, будет прерван путь на осеннюю ярмарку»¹⁶⁶.

¹⁶³The Celes Letters. P. 137.

¹⁶⁴Ibid. P. 149.

¹⁶⁵Ibid. P. 163. Английские купцы внимательно следили за судьбой Сент-Омера, который наряду с Гентом, Брюгге, Ипром и Дуэ был важнейшим торговым партнером купцов-стапельщиков.

¹⁶⁶The Celes Letters. P. 170.

В 1482 г. Людовик XI был уже серьезно болен и не мог вести такую активную деятельность, как прежде. А у Максимилиана не осталось ни войск, ни средств, чтобы отвоевывать захваченные французами территории. Попытки получить деньги у фландрских городов не увенчались успехом, т.к. Гент и Брюгге отказали герцогу в поддержке. Максимилиану пришлось уйти в Зеландию¹⁶⁷.

Отсутствием герцога и его войск решили воспользоваться давние противники Бургундского дома — льежцы. Льежская область была частью Священной Римской империи и не принадлежала Бургундии. Но бургундские герцоги постоянно вмешивались в дела льежцев и стремились включить епископство в состав своих владений. Вражда особенно обострилась, когда при помощи Филиппа Доброго епископом Льежа в 1456 г. был назначен Людовик Бурбон, во всем подчинявшийся герцогу. Воспользовавшись борьбой Максимилиана с Людовиком XI, льежцы в августе 1482 г. подняли мятеж и убили епископа¹⁶⁸. Это было выгодно французскому королю, т.к. льежцы при поддержке брабантцев разрушили все укрепленные пункты, расположенные между ними и Францией, но чрезвычайно обеспокоило представителей английского купечества, которое, вероятно, готово было вмешаться в эту борьбу. Сообщая об упомянутых событиях, Уильям Сели отмечал, что гентцы «обратились к компании английских купцов и к каждой компании купцов в Брюгге и приказали им вести свою торговлю, не вмешиваясь ни в какие распри, иначе последует наказание»¹⁶⁹.

1483 г. был ознаменован важными событиями в политической жизни Англии и Франции. 19 апреля 1483 г. скончался английский король Эдуард IV. Захвативший трон Ричард Глостер рассчитывал на дружбу с Людовиком XI и на получение пенсии, которую французский король выплачивал Эдуарду. Людовик не ответил на письмо Ричарда и даже не стал слушать его посланника. Филипп де Коммин пишет, что Людовик поступил так, «считая герцога Глостерского жестоким злодеем»¹⁷⁰. Однако Людовик XI никогда не отличался сентиментальностью, напротив, прослыл очень практичным человеком. Думается, для Франции это был весьма удобный случай ликвидировать свои обязательства перед Англией.

30 августа 1483 г. умер король Франции Людовик XI. Его сыну, будущему Карлу VIII, исполнилось 13 лет. Образование его было поверхностным, да и большим умом он не отличался. Последующие 7 лет вместо него правила его сестра Анна Бурбон. В эти годы отношения между

¹⁶⁷The Celes Letters. P. 171.

¹⁶⁸Ibid. P. 176.

¹⁶⁹Ibid.

¹⁷⁰Филипп де Коммин. Мемуары. С. 249.

Англией и Францией продолжали ухудшаться, тем более что Франция вместе с Бретанью поддержала притязания на английский престол графа Ричмонда, Генриха Тюдора. Когда в сентябре 1483 г. герцог Бэкингем организовал заговор против короля Ричарда III и предложил Генриху Тюдору присоединиться к нему, герцог Бретани Франциск дал Генриху воинов и корабли. После провала заговора Ричард III потребовал выдачи Генриха, которому пришлось бежать из Бретани к Карлу VIII¹⁷¹.

Эти события неизбежно отражались на состоянии английской торговли с Фландрией. В начале января 1484 г. Ричард Сели писал из Кале: «Также, сэр, извещаю, что в воскресенье перед Крещением бретонский и французский флот совместно прибыли в Кале из Слейса, и в ту же ночь некоторые [английские] корабли, которые вышли из Кале <...> вклинились в них и захватили 30 кораблей французов, но все бретонцы сбежали...»¹⁷². Из текста письма ясно, что перед этим французы захватили английские суда. О захватах английских кораблей французами сообщается и в других письмах англичан. Нападению подвергались не только корабли рядовых купцов, но и самого Лейтенанта Кале¹⁷³. Как для английских, так и для фламандских купцов династические споры и борьба несли разорение. Купцы обеих стран стремились сохранить мир. Уильям Сели писал: «Англичане, прибывшие из Фландрии, говорят, что фламандцы не хотят войны. Они отправили, как сами говорят, посольство к милостивому королю Англии»¹⁷⁴. Из последующих писем видно, что основным вопросом, который намеревались поставить посланцы герцога Филиппа (сына Максимилиана и Марии Бургундской) перед английским королем, было возмещение убытков за захваченные англичанами товары. Кроме того, вопрос о возмещении убытков был поднят герцогом Филиппом и Советом Фландрии перед мэром Стапля и Компанией стапельщиков¹⁷⁵.

Противоречия между Англией (точнее, Ричардом III) и Францией и возобновившиеся военные действия Максимилиана Габсбурга дестабилизировали торговлю. В феврале 1484 г. Уильям Сели сообщал из Кале, что герцог Максимилиан с большим числом людей вновь находится во Фландрии и подчинил себе некоторые города. В этом же письме сообщается, что пассажирское судно, вышедшее из Дувра в Кале, было захвачено французами и отправлено в Дюнкерк¹⁷⁶. В конце письма Уильям

¹⁷¹ Vergil P. Three Books of English History comprising the Reigns of Henry VI, Edward IV and Richard III. L., 1844. P. 195—199.

¹⁷² The Celes Letters. P. 192—193.

¹⁷³ Ibid. P. 203.

¹⁷⁴ Ibid. P. 194.

¹⁷⁵ Ibid. P. 195—196.

¹⁷⁶ Ibid. P. 200.

Сели отмечал, что голландские купцы, прибывшие в Кале из Дельфты, привезли с собой мало денег, потому что боятся солдат Максимилиана.

Ситуация осложнялась тем, что некоторые фландрские города открыто выступили против Максимилиана. В их число входили Брюгге и Гент. Странников герцога преследовали и даже подвергали казни. Герцог Максимилиан силой подчинил себе некоторые города, но Брюгге, Гент и Ипр продолжали сопротивление¹⁷⁷. Такое положение дел было очень выгодно Франции, но наносило большой ущерб англичанам. Фламандские и английские купцы начали в разных местах захватывать друг у друга товары. В марте 1484 г. компания стапельщиков Кале поставила вопрос о возобновлении практики репрессалий¹⁷⁸. Одновременно с этим в марте 1484 г. начались переговоры между английским королем и герцогом Филиппом о предоставлении английским и фламандским купцам гарантий безопасности. В этих переговорах участвовали, с одной стороны, купцы Стапля, а с другой, — Совет Фландрии¹⁷⁹. Фламандцы были настроены очень решительно. В апреле 1484 г. Уильям Сели сообщал в Лондон: «...Никакой ясности по поводу договоренностей с Фландрией нет. Я опасаясь, что они могут порвать с нами, т.к. люди, посланные Стаплем к Управлению Гента для переговоров о гарантиях безопасности членам Компании стапельщиков, вернулись ни с чем»¹⁸⁰. В мае положение продолжало оставаться неопределенным. В нарастании враждебности были виноваты не только фламандцы. Уильям Сели в мае 1484 г. сообщал братьям о некоем капитане Джоне Дэви, которого приговорили в Миддлбурге к смерти за грабежи на побережье Зеландии. «Но его друзья, которые грабили зеландский флот <...> захватили заложников из этих мест и увезли с собой на кораблях, заявив, что как поступят с Джоном Дэви, так и они поступят с этими людьми...»¹⁸¹.

В августе 1485 г. в битве при Босворте погиб Ричард III, и королем Англии стал Генрих Тюдор. Можно предположить, это должно было улучшить отношения Англии с Францией и Фландрией, учитывая то, что Ричарда III не поддерживала ни та, ни другая сторона. И действительно, в январе 1486 г. был заключен мирный договор между Англией и Францией¹⁸². С Фландрией же все обстояло сложнее.

Максимилиан Габсбург вернулся в свои бургундские владения в июне 1486 г., получив титул короля Римского. Переговоры нового ан-

¹⁷⁷The Celes Letters. P. 200, 203.

¹⁷⁸Ibid. P. 204—205.

¹⁷⁹Ibid. P. 205—206, 207—208.

¹⁸⁰Ibid. P. 210.

¹⁸¹Ibid. P. 216.

¹⁸²Ивонин Ю.В. Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989. С. 18—19.

глийского короля с Максимилианом об улучшении условий торговли проходили очень трудно. Как отмечалось, они велись еще в 1484 г. с герцогом Филиппом и Советом Фландрии, но взаимных обид накопилось так много, что рассчитывать на быстрый успех переговоров не приходилось. В феврале 1487 г. Уильям Сели сообщал брату в Лондон: «Также довожу до вашего сведения, что посланники короля Римского и представители нашего короля не могут прийти к соглашению. Видимо, оно состоится не раньше середины следующего лета, т.к. представители короля Римского заявили со всей определенностью, что их господин дал им указание не заключать мира раньше середины лета»¹⁸³.

Тем временем англичане и фламандцы продолжали захватывать товары друг друга. Интересно заметить, что английские купцы вполне объективно оценивали ситуацию и не винили во всем одних фламандцев. В сентябре указанного года Уильям Сели писал: «...Что касается поездки во Фландрию, то пока туда можно добраться благополучно, но возвращение домой может осложниться, т.к. если наши вооруженные люди захватят фландрские рыболовные суда, что, как я слышал, они собираются сделать, то тогда многих англичан задержат во Фландрии»¹⁸⁴. Как выясняется из следующего письма, то, чего опасался Уильям Сели, действительно произошло — англичане захватили фландрских рыбаков. В ответ в Остенде и других местах были захвачены английские суда с товарами, и английское мореплавание у берегов Нидерландов оказалось под запретом¹⁸⁵. Налаживавшиеся десятилетиями торговые связи между купцами были разрушены. В декабре 1487 г. тот же Уильям Сели отмечал: «...Во Фландрии теперь неспокойно, мира нет, все гарантии безопасности, которые давались до этого дня, отменены <...> Теперь нет человека, который осмелился бы рисковать во Фландрии...»¹⁸⁶. Общие гарантии мира давались лишь тем купцам, которые привозили продовольствие, причем независимо от того, из какой страны они прибывали.

Положение осложнялось тем, что в 1487 г. возобновились открытые военные действия между французскими войсками и Максимилианом. Борьба шла с переменным успехом — то римскому королю удавалось освободить некоторые свои города, то французская армия одерживала победы. Дело доходило до того, что под угрозой захвата оказался Гент. В октябре 1487 г. Уильям Сели писал брату: «Сэр, большая тревога в Генте; руководство города бежало в Брюгге. Опасаюсь, что Гент вскоре

¹⁸³The Celes Letters. P. 227.

¹⁸⁴Ibid. P. 235.

¹⁸⁵Ibid. P. 237.

¹⁸⁶Ibid. P. 239.

будет французским»¹⁸⁷. Передвигаться по стране было очень опасно — неизвестно, с какой стороны следовало ждать нападения. Эта тревога и неопределенность отразилась в словах Уильяма Сели: «Я впервые с такой опасностью для жизни проезжал через Фландрию»¹⁸⁸.

Воспользовавшись благоприятным моментом, Гент и некоторые другие города решили вернуть себе средневековые вольности, отнятые у них еще герцогом Филиппом Добрым. Первыми восстание против Максимилиана подняли гентцы, которым французский король предложил провозгласить республику под патронажем Франции. Руководители повстанцев намеревались направить в Брабант, Голландию и Зеландию послов с предложением прислать в Брюгге своих представителей для выработки общего решения. Уильям Сели, сообщая об этом, отметил: «И они заявили, что снова сбросят цепи»¹⁸⁹. Английский купец выражает надежду, что Максимилиан сможет покорить восставшую Фландрию и пожалует английскому королю то, о чем так долго шли переговоры. Это было жизненно важно для купцов — обстановка в стране была совершенно неподходящей для торговли: «Здесь идет большая война между Гентом и королем Римским, — писал Уильям Сели из Кале, — и отсюда никто не может отправиться на ярмарку, поскольку по пути из Гента их захватят в плен, как уже случалось прежде с некоторыми ганзейцами и кёльнцами. Посему никто не решается посещать эти места, и даже теперь, в хороший сезон, сюда не прибывают иноземные купцы»¹⁹⁰.

Нуждаясь в деньгах для войны с Францией, Максимилиан в начале 1488 г. созвал в Брюгге Генеральные Штаты. Однако не только не получил денег, но оказался в плену у горожан. Как это могло сказаться на англо-фламандской торговле? Уильям Сели в феврале 1488 г. писал: «Сезон ныне в Брюгге такой, что ни у кого нет товаров на продажу. В течение 8 дней ворота Брюгге были закрыты, и ни один человек не входил в город и не выходил из него, и даже после [2 февраля] все жители Брюгге оставались при оружии и держали под охраной рыночное место. Они задержали короля Римского, отогнав от него всех его людей, и заключили его под стражу»¹⁹¹. Положением Максимилиана был обеспокоен и английский король Генрих VII, опасавшийся потерять связи с фландрскими городами, если они попадут под контроль Франции. Пленение законного монарха вызвало тревогу и у римского папы, королей Испании и Португалии. С помощью войск Швабского союза

¹⁸⁷The Celes Letters. P. 227, 237.

¹⁸⁸Ibid. P. 237.

¹⁸⁹Ibid. P. 244.

¹⁹⁰Ibid. P. 239.

¹⁹¹Ibid. P. 243.

восстание фландрских городов против короля Римского подавили. В феврале 1489 г. Генрих VII заключил с Максимилианом мир¹⁹². Но до нормализации отношений между Англией и Бургундией было еще далеко.

Несмотря на то, что между английским королем и Максимилианом Габсбургом был подписан мирный договор, почти все враги Генриха VII находили самый теплый прием и поддержку у вдовы Карла Смелого (и сестры Эдуарда IV) Маргариты Йоркской. Например, пользуясь финансовой поддержкой бургундцев и французского короля Карла VIII, Перкин Уорбек, присвоивший себе имя младшего сына Эдуарда IV — Ричарда, несколько раз пытался вторгаться в Англию. После того как Генрих VII заключил в ноябре 1492 г. мирный договор с Карлом VIII, Перкин Уорбек перебрался ко двору Маргариты Йоркской. Генрих VII ответил тем, что изгнал фламандцев из Англии и запретил торговлю с Фландрией. Эрцгерцог Филипп отреагировал изгнанием английских купцов из Фландрии¹⁹³. И торговля между Англией и Фландрией почти прекратилась.

Правда, под давлением своих купцов Филипп Красивый и Генрих VII в феврале 1496 г. заключили договор, предусматривавший восстановление торговых отношений между Англией и Фландрией. По этому договору английские купцы могли беспрепятственно ввозить сукно в Нидерланды. К слову сказать, это стало одной из причин упадка фламандского сукноделия, ускоренного в XVI в. борьбой с Испанией. Но и для английских купцов, специализировавшихся на торговле шерстью с Нидерландами, дни процветания ушли в прошлое.

Несмотря на изменившуюся обстановку, нидерландские провинции и в последующие десятилетия активно участвовали в европейской политике. В XVI в., входя в состав владений Габсбургов, бывшие земли бургундских герцогов неоднократно становились плацдармом для нападения на Францию. И хотя торговый обмен между Фландрией и Англией не был таким активным, как в XV в., Нидерланды и в XVI в. продолжали оставаться объектом экономических и политических интересов Англии.

¹⁹²См.: *Ивонин Ю.Е.* Указ. соч. С. 20.

¹⁹³Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to the English Affairs, existing in the Archives of Venice and in the other Libraries of Northern Italy. L., 1864. V. I. 1202—1509. P. 220—221, 232—233, 237—238, 241—242, 247, 260.

§ 7. Преступность в английском средневековом городе в последней трети XV в. (на материалах города Йорка)

Преступность существовала на всех этапах развития человечества, хотя представление о том, что является преступлением, менялось от эпохи к эпохе, от региона к региону, и от страны к стране¹⁹⁴. Оговоримся сразу, в Средние века понятия «преступление» не существовало, оно появилось только в период Нового времени¹⁹⁵. Уровень и характер преступности, несомненно, сопряжен с уровнем социально-экономического развития, но чем дальше, тем сильнее прослеживается связь с политической обстановкой в той или иной стране. В любом обществе всегда найдутся люди, недовольные своим материальным положением, социальным статусом, объемом власти и желающие улучшить их. К этому добавляется эмоциональная составляющая — любовь, ненависть, вспыльчивость и прочее.

Противоправные действия в Средние века можно разделить на три большие группы — преступления против государства и Церкви, преступления против личности, и преступления против собственности. Источники показывают, что в рассматриваемый период политическая обстановка, сложившаяся в Англии, оказывала существенное влияние на рост преступности.

Чтобы понять, в каких документах последней трети XV в. речь идет о проступках, требующих наказания, необходимо знать какие деяния в это время квалифицировались как преступные. Если рассматривать преступления против государства, то под это понятие с XIII в. подпадала, прежде всего, «измена». Из-за размытости формулировки в измене можно было обвинить любого неудобного монарху человека, чем короли часто пользовались¹⁹⁶. Кроме измены преступлениями против государственного устройства признавались собрания с целью организации беспорядков, сговор, призывы к мятежу и свержению правящего монарха.

Поскольку Христианство являлось официальной идеологией, преступлениями признавались такие деяния, как неверие, святотатство, ересь, кощунство, колдовство. Преступлениями против личности считались убийства, нанесение увечий разной тяжести, побои, похищение людей.

Юристы считают, что самыми многочисленными были преступления против собственности. И это не удивительно — в условиях почти непре-

¹⁹⁴ Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества. М., 2012.

¹⁹⁵ Курс уголовного права / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. Учение о преступлении. С. 118.

¹⁹⁶ Звизжова О.Ю. Эволюция преступности на различных этапах развития общества. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 12.

крашающихся войн и набегов грабежи стали почти обыденным явлением. Кроме грабежей выделялось воровство (обычное, кража со взломом, воровство во время пожара, перепродажа ворованного имущества и пр.)¹⁹⁷

Попытаемся рассмотреть, был ли уровень преступности и состав преступлений в английском городе последней трети XV в. обычным явлением, не отличавшимся от более раннего и позднего времени, или можно говорить о каких-то особенностях, присущих именно этому периоду?

В качестве источников использовались городские книги г. Йорка, записи в которых начинаются с марта 1474/75 г., чем и объясняется указанная в названии хронология¹⁹⁸. Записи не являются протоколами заседания городского совета. Городской клерк заносил в книги то, что сам считал достойным внимания. Но именно благодаря этой особенности городских книг Йорка мы имеем богатейший материал не только по всем вопросам городской жизни, но и по истории Англии в целом.

Для рассмотрения поставленного вопроса пример Йорка является очень подходящим. С одной стороны, Йорк можно рассматривать как типичный английский средневековый город со всеми присущими ему атрибутами. С другой, — на протяжении большей части Средневековья Йорк был вторым после Лондона городом Англии. У Йорка очень древняя история. Он основан в 71 г. н.э. Во времена римлян Эборакум (такое название носил в то время Йорк) был важным военным центром и столицей провинции Нижняя Британия. В VII в. он стал столицей короля Нортумбрии, и именно здесь король Эдвин принял крещение от епископа Паулинуса. В IX в. город захватили викинги, после чего он стал крупным речным портом и центром торговли Британии с североевропейскими странами. В середине X в. викинги были изгнаны, и город вошел в англо-саксонское королевство. Йорк стал административным центром графства Йоркшир и резиденцией архиепископа. Первый архиепископ Йоркский — Эгберт, возведенный в сан еще в 732 г. Он основал библиотеку и школу, превратив тем самым Йорк в центр науки и образования Нортумбрии. С конца XIII—начала XIV в. Йорк стал второй после Лондона королевской резиденцией. На протяжении всего средневековья город занимал важное стратегическое положение — через него пролегал путь, соединявший Лондон и Эдинбург¹⁹⁹.

Если же говорить о второй половине XV в., то значение Йорка в королевстве стало снижаться. И это не удивительно — Эдуард IV про-

¹⁹⁷Звизжова О.Ю. Эволюция преступности на различных этапах развития общества. С.25.

¹⁹⁸York Civic Records / Ed. by A. Raine. Wakefield, 1939—1978. V. 1—9. Новый год в Англии в XV в. начинался в начале марта, поэтому приходится указывать двойную дату.

¹⁹⁹Raine J. York. L., 1893; Swanson H. Medieval British Towns. N.Y., 1999.

водил довольно жесткую политику по отношению к Йорку, он не мог забыть, что в конфликте Алой и Белой Роз симпатии горожан были на стороне Ланкастеров. Позднее Ричард III стремился сохранить хорошие отношения с руководством города, поскольку он вырос в Йоркшире и прекрасно знал расстановку сил на севере Англии²⁰⁰.

После смерти Ричарда III в битве при Босворте правящая верхушка города, видимо, оказалась в затруднительном положении. Ссориться с новым королем мэру и городскому совету не хотелось, поэтому те документы, которые могли слишком явно продемонстрировать приверженность горожан Ричарду, были изъяты из официального реестра дел, а вместо них составлены длинные отчеты, показывавшие, как лояльно настроен Йорк к представителю новой династии.

Поэтому в городских книгах Йорка мы не обнаруживаем документов, связанных с преступлениями против короны. Много материала можно найти об участии города в политических событиях последней трети XV в., но это несколько другой вопрос.

О каких же правонарушениях содержатся сведения в документах, и что показывают эти тексты? Судя по записям в городских книгах, атмосфера в городе в рассматриваемый период была очень напряженной — убийства, поджоги, грабежи, драки, волнения были обычным явлением. Многие горожане запугивались, чтобы они отказались от своих прав на общинные земли. Именно в это время возникают споры с аббатством Св. Марии по поводу земельных владений, каковые споры были связаны с огораживанием общинных угодий²⁰¹.

В марте 1490/91 гг. мэр Йорка (в письме не указано имя, но 26 марта 1491 г. городской клерк записал, что Джон Фереби, мэр города, умер)²⁰² получил послание от короля Генриха VII по поводу беспорядков и преступлений в городе. В письме короля говорится: «Убийства, преступления, беспорядки и другие вопиющие правонарушения совершались в пределах привилегий Йорка, которого вы являетесь нашим лейтенантом»²⁰³. Король предупредил мэра, что если он не предпримет решительных шагов, чтобы поддержать надлежащий порядок в городе, то граф Суррей получил распоряжение доставить мэра Йорка к королю²⁰⁴. В апреле 1491 г. новый мэр Уильям Уайт отправил ответ королю, и в нем содержится удивительное утверждение, «что в течение тринадцати предшествующих лет в этом городе Йорке не совершалось ни

²⁰⁰Lander J.R. The Wars of the Roses. Sutton Publishing, 2007; Ross Ch. Richard III. L., 1981.

²⁰¹York Civic Records. V. I. P. 32—33, 62—63.

²⁰²Ibid. V. II. P. 67.

²⁰³Ibid. P. 65.

²⁰⁴Ibid. P. 66.

убийства, ни беспорядков»²⁰⁵. Это заявление представляется более чем странным, потому что документы говорят об обратном.

Можно перечислять события в порядке хронологии, но я постараюсь отбирать материал по степени тяжести правонарушений. Несмотря на то, что Уильям Уайт заверял короля, будто в городе не произошло ни одного убийства, но в пятницу 11 мая 1487 г. городской клерк оставил запись — мэр и совет решили составить документ, «показывающий ужасную смерть Уильяма Уэллза, бывшего мэра и олдермена этого города» (У. Уэллз был мэром Йорка в 1479 г.)²⁰⁶. Уэллз убит трактирщиком (“milner”) Джоном Робсоном, когда бывший мэр находился в ночном дозоре в качестве его начальника. Составители письма отмечают, что после осады замка городские стены пострадали, и им приходится «охранять этот ваш названный город как днем, так и ночью»²⁰⁷. Робсон был арестован, и его «в надежной тюремной камере допросили согласно вашим законам и наказали за его дурные черты в назидание всем остальным»²⁰⁸. Мэр и члены совета просят короля поручить мировому судье провести судебный процесс, чтобы назначить наказание указанному Джону Робсону. Конечно, не каждый день убивают бывших мэров, но судя по источникам, убийства в городе не были исключительно редким событием. Незадолго до отправления ответа королю в связи с разгулом преступлений в городе в январе 1491/92 гг. в совершении убийства обвинялся известный в городе старшина монастырских каменщиков Уильям Хайндли²⁰⁹.

Таким образом, жертвами убийств становились не только бродяги и нищие, об убийствах которых городской клерк не считал нужным упоминать, и которым запрещалось оставаться в городе, но и весьма уважаемые люди.

Не всегда дело доходило до убийства. Иногда ссора заканчивалась нанесением побоев и увечий. В марте 1481 г. в присутствии мэра, членов совета и двух шерифов рассматривалось дело о «нанесении телесного вреда». Интересно, что среди участников драки фигурирует Ричард Йорк, олдермен и мэр города в 1468 и 1481 гг.²¹⁰ Сведения о драках иногда с применением оружия очень часто встречаются в записях городских книг. Вероятно, туда попадали случаи, выходящие за границы бытовых ссор между соседями. В сентябре 1482 г. разбирались ссора между бывшими шерифами Джоном Хаггом и Майклом Уайтом, с од-

²⁰⁵York Civic Records. V. II. P. 68—69.

²⁰⁶Ibid. P. 14.

²⁰⁷Ibid. V. I. P. 15.

²⁰⁸Ibid.

²⁰⁹Ibid. P. 77.

²¹⁰Ibid. P. 41.

ной стороны, и сэром Робертом Гиллоу, викарием кафедрального собора Св. Петра в Йорке, с другой. Из записи суть ссоры не ясна, но важно, что свои разногласия вполне уважаемые люди решают публично²¹¹.

В документы попадали записи о драках и простых горожан, если в ходе них каким-то образом проявлялось неуважение к властям города. 28 марта 1489 г. некто красильщик Брайан и кожевник Джон Бэревдейл повздорили на улице. Видимо, ссора была очень бурной, поскольку вмешался сержант Роланд Арморер, посланный мэром. Джон Бэревдейл, который, вероятно, был зачинщиком, после ссоры отправился в таверну Митфорда, куда явился сержант, чтобы препроводить Бэревдейла к мэру. Поскольку смутьян отказался повиноваться, проявив тем самым непокорность и неуважение к властям города, он был арестован и посажен в тюрьму²¹².

В августе 1490 г. произошла драка с применением ножей между служащими шерифа города Йорка и джентльменом (“gentilman”) Томасом де ла Ривером у дверей кафедрального собора Йорка²¹³.

Помимо ссор и драк между отдельными горожанами документы содержат сведения о массовых беспорядках и волнениях. Так, в марте 1488/89 гг. было сделано несколько записей о волнениях горожан при избрании мэра²¹⁴.

В 1494 г. во время спора между городом и аббатством Св. Марии по поводу общинной земли в Тенджхолле (записей о разбирательствах между городом и аббатством в конце XV в. содержится более десятка) смотрители городских гильдий отказались следовать распоряжениям, сделанным мэром и советом. Мэр неблагоразумно отдал приказ привратнику закрыть двери Гилдхолла и не выпускать смотрителей до тех пор, пока он не выступит с речью перед ними. Смотрители оттолкнули привратника в сторону и покинули помещение, употребляя при этом непристойные слова. На улице некоторые из них заявили, что если кто-нибудь будет арестован в связи с этим делом, остальные придут и освободят их. Дерзкие слова были доведены до сведения мэра, рикордера и двух олдерменов, которых вызвали к королю в Гринвич. Король, «говоря своими собственными устами», напомнил им об унаследованном авторитете и власти, которые они должны поддерживать и использовать. «Сэры (Sirs), — сказал он, — я хорошо знаю, что другие пользуются властью в пределах ваших привилегий, но я не могу видеть мой город впавшим в полное разорение и упадок, происходящие от

²¹¹York Civic Records. V. I. P. 61.

²¹²Ibid. V. II. P. 44.

²¹³Ibid. P. 59.

²¹⁴Ibid. V. I. P. 43.

отсутствия вашего правления и, если необходимо, я поставлю других правителей»²¹⁵.

Интересно отметить, что в городских книгах Йорка содержится очень большое количество эпистол к королю и его писем, адресованных мэру и совету города. Причем содержание посланий часто совершенно не связано с какими-либо политическими проблемами. Это свидетельствует о том, что Генрих VII вникал в — казалось бы — мелкие внутренние вопросы городской жизни.

Помимо указанных правонарушений в документах имеются сведения о мелких кражах. Например, в октябре 1484 г. каменщик Джон Тинли подал в городской совет жалобу на кражу кошелька в харчевне (“Tapster house”)²¹⁶.

В городских книгах содержатся странные на первый взгляд записи, касающиеся удостоверения хорошей репутации жителей города. Так, в марте 1486/87 гг. городской клерк сделал следующую запись: «Заявление о хорошей репутации Элизабет Рикардби, жены Томаса Пенирмена. Указанная Элизабет всегда считалась честной девицей, чистой телом, правильной в поступках и словах, и во всех делах, относящихся к ее женским обязанностям, честная речью и доброго нрава, никогда не замеченная в каком-либо преступлении или другом скверном деле»²¹⁷.

Логично предположить, что указанную Элизабет обвинили в прелюбодеянии или развратном поведении, а после разбирательства было вынесено решение о ее хорошей репутации. Но еще раньше в присутствии мэра удостоверялись хорошее поведение и добрый нрав Роберта Симма, слуги шорника Томаса Милнера²¹⁸. И в том, и в другом случае причины такого официального подтверждения хорошего поведения и «доброго нрава» не указаны. Видимо, они всем были понятны. Мы можем предположить два варианта объяснения. Либо указанные мужчины и женщины подозревались в каких-то противоправных действиях, либо это было связано с обвинениями со стороны Церкви в неподобающем поведении или словах. Вероятно, Роберт и Элизабет обвинялись в ереси или ведовстве, и городским властям пришлось официально подтвердить их «благонадежность».

К сожалению, городской клерк часто не указывал причину появления той или иной записи, а просто вносил в городские книги решение мэра и совета по тому или иному вопросу. Поэтому нам остается только гадать, что стало поводом для принятия конкретного постановления.

²¹⁵York Civic Records. V. I. P. 108.

²¹⁶Ibid. P. 105—106.

²¹⁷Ibid. V. II. P. 3.

²¹⁸Ibid. P. 24—25.

Тем не менее, на основании имеющихся документов можно сделать определенные выводы. Во-первых, противоправные действия в средневековом английском городе были обычным явлением. Случалось все — от убийства до мелких краж. Хотя в источниках больше всего записей касается преступлений против личности. Документов, относящихся к преступлениям против собственности гораздо меньше. Во-вторых, несомненно, что напряженная политическая обстановка второй половины XV в., когда борьба за власть в стране приводила к вооруженным столкновениям, вызывала значительное ухудшение криминогенной обстановки в городе. То, что в мирное время было чрезвычайным происшествием, становилось обыденным явлением. И Генрих VII прилагал большие усилия не только для того, чтобы подчинить себе непокорную аристократию, но и нормализовать обстановку в городах, даже если приходилось вмешиваться в дела очень далекие от общегосударственных проблем.

§ 8. Власть в городе: город как орган и организм (Бристоль в первые десятилетия XVII в.)

За исключением периода Античности, когда существовали города-государства, и средневековой Италии положение города на протяжении разных эпох было двойственным. С одной стороны, город является частью большого государства, а с другой, — обладает собственной коммунальной целостностью. В свое время Фредерик Метлэнд, имея в виду средневековый английский город, писал, что это «одновременно орган и организм»²¹⁹. Если рассматривать город с точки зрения государства, или, более точно, центральной власти, то он — организация с важнейшими государственными функциями, которые обязан исполнять. Если же рассматривать его с точки зрения обитателей, это организм, в котором есть голова и тело, работающие вместе для общей пользы.

Это двойственное положение города и видения городской жизни порождает серьезные споры среди членов каждого городского сообщества по поводу их официальных прав и обязанностей, а также моральной ответственности перед городом и государством. История Бристоля первой трети XVII в. может служить примером того, как строились взаимоотношения между городскими и государственными органами вла-

²¹⁹Pollock F., Maitland F.W. The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge, 1968. Vol. I. P. 635.

сти, и насколько запутанными они были, как соотносились городские и государственные интересы в рассматриваемый период.

Основным законом, управлявшим Бристолем в XVII в., была хартия Генриха VII от 1499 г. Эта жалованная грамота подтверждала свободы и иммунитеты, уступленные городу еще в 1373 г. и дававшие ему корпоративный статус²²⁰. Но хартия 1499 г. кое в чем изменяла структуру управления городом, усилив позицию олдерменов внутри корпорации. Управление городом сосредоточивалось в руках группы из 43 человек, состоявшей из мэра, рикордера, олдерменов, шерифов и членов городского совета, избиравшихся за исключением рикордера путем кооптации из фрименов города, которых было не более 1,5—2 тысяч.

Эта, если так можно выразиться, корпорация внутри корпорации формулировала и проводила в жизнь постановления, управлявшие городом и особенно его экономикой. Чтобы облегчить городскому правительству выполнение его задач, мэр и олдермены получили статус мировых судей и освобождение от тюремного заключения, что привело городскую администрацию в соответствие со складывавшейся тогда в стране национальной системой управления. С этого времени мэр города также выполнял обязанности одного из двух судей суда присяжных, благодаря чему городская корпорация была официально включена в юридическую и административную структуру государства²²¹. Это означало, что статус и власть руководящих людей в городском управлении возросли. И не важно, действовали ли они в данный момент как королевские чиновники или только как городские. Это также означало, что корона (или государство) в лице мэра и олдерменов имела собственное постоянное звено в городском управлении, на которое в равной мере полагались как городской, так и тайный совет королевства.

Итак, в начале XVII в. члены муниципальных корпораций считали себя королевскими чиновниками, выполняющими служебные обязанности королевского правительства в своем городе. По выражению Дэвида Сакса: «Они были одновременно горожанами и королевскими служащими, отцами города и усыновленными агентами государства в своей общине»²²².

Эта связь между городскими и национальными институтами власти только усиливалась, когда король созывал парламент. Бристоль был одним из городов со статусом графства и соответственно с привилегиями графства. Он мог посылать в парламент двух представителей. Но в городе 40-шиллинговые фригольдеры, которые имели право избирать парламентских представителей, были редкими особями, поскольку большая часть

²²⁰Bristol Charters, 1155—1373 / Ed. by N.D. Harding. Bristol, 1930. P. 118—141.

²²¹Bristol Charters, 1378—1499 / Ed. by Cronne. P. 163—191; Bristol Charters, 1508—1899 / Ed. by Latham. Introduction. P. 1—19.

²²²Sacks D.H. The Corporate Town and the English State... P. 98.

городского имущества не держалась лично как фригольд. В начале XVII в. (да и задолго до этого) голосование осуществлялось мэром, олдерменами и городскими советниками, которые держали от лица общины фригольд парламентского города, и небольшим количеством других людей схожего социального положения, которые держали фригольды, попавшие в частные руки в ходе закрытия монастырей в период Реформации²²³. В отличие от многих парламентских местечек, бристольские избиратели предпочитали иметь членов парламента, привязанных к городской корпорации. В начале XVII в. они были почти неизменно либо олдремениами, либо городскими советниками. Только дважды, в парламенте 1625 г. и в Коротком парламенте, город вернулся к практике XVI в., когда одним из двух парламентских представителей избирался рикордер²²⁴.

Как уже отмечалось, управление город едва ли уместно считать демократическим. Люди, которые в городских органах власти имели широкие полномочия и обязанности, символизировали общину, но они были далеки от ее типичных представителей. Приобретение гражданской должности было прямым результатом экономического и социального успеха. Если человек скопил богатство (в 1635 г. в качестве минимума была установлена сумма в 1,5 тыс. ф. ст.), то он допускался к избранию в органы городского управления. Но это предполагало подключение его к расходам городского управления, которые в случае необходимости производились из его собственных денежных средств.

Избирательная процедура требовала двух кандидатов на каждую вакансию — один выдвигался мэром, другой — Советом в целом. Но из-за того, что существовало достаточно ограниченное число горожан, которые могли позволить себе, а точнее, имели средства, чтобы служить, одни и те же кандидаты вновь и вновь появлялись от выборов к выборам, пока большая их часть, в конечном итоге, не обретала желаемое положение.

Правда, нужно заметить, что не каждый охотно принимал эту честь. Некоторые предпочитали скорее уплатить тяжелый штраф, чем нести обременительные и неопределенные расходы в период службы. Время от времени даже применялось насилие, чтобы принудить сопротивляющихся индивидуумов к службе. Так, например, гроссеру Л. Ходжезу за его отказ пригрозили штрафом в 200 ф.²²⁵ Но членство в городском совете имело и свои плюсы, поскольку оно повышало статус и приво-

²²³Hirst D. *The Representative of the People? Votes and Voting and the Early Stuarts.* Cambridge, 1975. P. 195.

²²⁴Sacks D.H. *The Corporate Town and the English State: Bristol's "Little Business" 1625—1641 // Past and Present.* 1986. № 110. P. 87.

²²⁵Об отказах от службы см.: *Bristol Charters, 1508—1899 / Ed. by Latham. Introduction.* P. 14—16; *Latimer J. Annals of Bristol in the Seventeenth Century.* Bristol, 1900. P. 33, 35, 136; *Sacks D.H. Trade, Society and Politics in Bristol, 1500—1640.* N.Y., 1985. Vol. I. P. 65—69.

дило к увеличению политической власти, особенно в плане регулирования экономики. Члены Совета стремились поддерживать своих родственников и друзей, на чью помощь они, в свою очередь, надеялись, несмотря на то, что при избрании гарантировали — ни один из тех, кто должен исполнять службу, не будет этого делать.

Иногда конфликты в сфере торговли отражались и на избирательной политике в городе. Обычно выборы на такие должности как мэры или шериф обходились без острых разногласий. Объяснялось это тем, что указанные должности были дорогостоящими, поэтому на них могло претендовать немного людей. Кроме того, в городском совете настолько сильно было преобладание купцов-авантюристов, что их соперничество с розничными торговцами и ремесленниками редко всплывало на поверхность. Но когда на высшие должности в городе претендовали представители разных группировок крупных купцов, соперничество могло проявиться, как это наблюдалось, например, в Бристоле в 1626 г. при выборе мэра, и в 1639 г. — чемберлена.

Это общее применение экономических и политических критериев в гражданской службе приводило к тому, что состав городского совета в преобразованном виде отражал распределение богатства внутри социальной группы. Хотя не каждый, кто имел право быть избранным, непременно избирался, главные должности в городской администрации занимали представители самых престижных профессий. Когда экономическая мобильность приводила к изменению социальной иерархии в городе, менялась и социальная структура городской администрации. Это очень наглядно можно проследить на примере тесно сплоченной группы купцов-авантюристов, которые в XVII в. заняли ключевое положение в городском управлении.

Еще в XVI в. в Бристоле происходили социальные изменения, связанные с общими изменениями в сфере торговли. Перемещение торговой активности в сферу торговли предметами роскоши с Испанией и странами Средиземноморья и возникновение новой формы торгового сообщества (Компании купцов-авантюристов) привели к расхождению интересов и возникновению постоянных конфликтов между оптовыми и розничными торговцами. Конечно, отношения между теми и другими всегда были сложными. Но в условиях нестабильности рынка дорогостоящих товаров, доставлявшихся в широком масштабе с Пиренейского полуострова, Средиземноморья, с Канарских островов и Мадейры, купцы-авантюристы пытались контролировать цены на эти товары путем исключения розничных торговцев и ремесленников из внешней торговли. Кроме того, деятельность крупных торговцев, занятых внешней торговлей, напрямую зависела от национальной экономической политики. Поэтому Компания купцов-авантюристов в

значительной степени была политической «группой давления»²²⁶ на правительство, действовавшей в интересах своих членов, о чем свидетельствует поток петиций и посланий королю и его чиновникам по тому или иному вопросу.

Что делало эту политическую функцию компании особенно эффективной, так это тесная связь купцов-авантюристов с городским управлением. Из 123 человек, избранных в Совет между 1605 и 1642 гг., когда события Гражданской войны нарушили избирательную процедуру, 71 человек (или около 60%) были связаны с Компанией. 62 человека одновременно занимали какие-то должности и в городской администрации, и в Компании. На протяжении первых десятилетий XVII в. преобладание купцов-авантюристов в бристольской администрации постоянно увеличивалось. Если с 1605 до 1623 гг. чуть больше половины Совета были членами Компании, то с 1623 г. до начала Гражданской войны цифра возросла до 75%. Сходная ситуация наблюдалась и с должностью мэра. Между 1605 и 1623 гг. чуть больше половины мэров были купцами-авантюристами. В последующие 19 лет пропорция выросла до 4/5. Эти изменения показывают возрастание веса и роли оптовых торговцев в городском сообществе. После 1605 г. как только появлялись вакансии в городском совете, они все чаще заполнялись купцами-авантюристами²²⁷. На протяжении 30-х гг. XVII в. это преобладание оптовых торговцев в городском управлении привело к такому тесному союзу, что дважды за одно десятилетие мэр города был одновременно старшиной (директором) бристольского отделения Компании.

О тесном слиянии интересов городской администрации, купечества и государственных органов говорит тот факт, что когда созывался парламент, то его членами избирались те же самые руководители компании. Например, олдермен Хамфри Хук, между 1630 и 1639 гг. бывший 6 раз старшиной компании, заседал и в Коротком, и в Долгом парламентах. Ричард Лонг, дважды старшина за этот же период, заседал с ним в Долгом парламенте²²⁸.

Контроль над городским управлением со стороны купцов-авантюристов давал компании огромные преимущества и дома, и в Вестминстере. В 30-е гг. городская администрация была главным бастионом компании, защищавшим ее от грабежа королевских чиновников.

²²⁶Выражение принадлежит Патрику Маргару. См.: Record Relating to the Society of Merchant Venturers of the City of Bristol /Ed. by McGrath. Bristol, 1952. Introduction. P. XXXVII; McGrath P. The Merchant Venturers of Bristol: A History of the Society of Merchant Venturers of the City of Bristol from its Origin to the Present Day. Bristol, 1975. P. 62—70.

²²⁷Sacks D.H. Trade, Society and Politics... Vol. II. P. 692—706.

²²⁸Sacks D.H. The Corporate Town and the English State... P. 91.

В 1621 и 1624 гг. суд олдерменов (подавляющее большинство которого состояло из купцов-авантюристов) и бристольские члены парламента, которые были членами муниципалитета и одновременно купцами-авантюристами, поддержали попытку компании добиться узаконенного исключения розничных торговцев и ремесленников из внешней торговли²²⁹. Такая структура административных органов приводила к тесной взаимосвязи местных проблем и национальной политики, влиятельных горожан и королевских служащих, коммунальных структур и центральных учреждений. Конечно, каждый город имел свою собственную историю, но она не отделяла город от королевства в целом. Это наглядно проявилось во время составления Петиции о праве. Данный документ, знаменитый в общей истории английского государства, занимает важное место и в локальной истории Бристоля. В августе 1628 г. два члена парламента от города — олдермены Джон Даути и Джон Баркер, бывший мэром города в 1625—26 гг., принесли в помещение городского совета «шесть книг», содержащих записи дебатов в парламенте 1628 г., поскольку совет «полагал подобающим» внести их в городские книги записей (“register books”)²³⁰.

Почему члены городского совета Бристоля так интересовались этими дебатами? В какой-то мере это можно объяснить событиями, которые предшествовали принятию Петиции о праве. С того времени, как войны с Испанией и Францией стали зависеть от морского могущества, Бристоль, будучи вторым портом королевства, неизбежно оказывался в гуще событий. Члены магистрата считали, что город несет непропорциональную долю расходов на содержание королевского флота. От них требовали выкладывать деньги для снабжения королевских кораблей и предоставлять для службы королю их собственные корабли без своевременной оплаты или определенной перспективы ее получить. Им приходилось постоянно отвечать на запросы Тайного совета о насильственной вербовке моряков и содержании кораблей, сталкиваясь с административной неразберихой и проволочками. Как купцы-судовладельцы, лишённые войной их важнейших рынков и не имевшие возможности заниматься ничем, кроме пиратства, они очень часто сталкивались с продажностью чиновников лорда-адмирала Бэкингема²³¹. С начала царствования Карла I и до созыва парламента в 1628 г. трудности военного времени усугублялись действиями пиратов, завербованных капитанов, чиновников адмиралтейства и т.п.

Но высший пик событий пришелся на зиму 1628 г., когда капитан Уильям Бакстон, прикрываясь распоряжениями из адмиралтейства, попытал-

²²⁹Records Relating... / Ed. by McGrath. P. 9—14.

²³⁰См. об этом: Sacks D.H. The Corporate Town and the English State... P. 97.

²³¹См., например: Powell J.W.D. Bristol Privateers and Ships of War. Bristol, 1930. P. 69—85.

ся насильно завербовать на королевскую службу 7 лучших бристольских кораблей и 8 барок, несущих в общей сложности 444 человек и 106 орудий²³². Собственники двух самых больших кораблей отказались выполнять его требования, что послужило примером и для других судовладельцев. У. Бакстон обнаружил, что не может выполнить возложенное на него поручение без предварительной оплаты расходов. Д. Сакс объясняет причину упорства бристольтцев тем, что Бакстон действовал по поручению лорда-адмирала Бэкингема, а не Тайного совета. Уже с весны 1628 г. Бристоль выражал недовольство политикой герцога Бэкингема²³³. В августе мэр города писал Тайному совету: «До тех пор, пока не будет возвращен долг, ни один человек не будет жертвовать никакие дополнительные суммы»²³⁴.

Можно ли говорить, что уже с 1628 г. Бристоль вступил на путь, приведший к гражданской войне? Думается, что это не так. В противостоянии 1628 г. участвовали, в основном, крупные торговцы, которые желали лишь облегчить тяжесть налогового гнета во время войны. Хотя бристольские купцы были готовы брать на себя некоторые дополнительные расходы, связанные, например, с охраной побережья от пиратов. Правда, при условии, что их расходы покроет корона. Не удивительно, что «отцы города» придавали такое значение Петиции о праве. Но когда в 1642 и 1643 гг. гражданская война пришла в Бристоль, большая часть членов городского совета и богатых купцов стали на сторону короля против парламента. Конечно, это не совсем бескорыстная преданность, т.к. она была куплена королем за пожалование очередной хартии городу. (В этом отношении бристольтцы, можно сказать, брали пример с лондонцев²³⁵). Но городской совет и городская община, в целом, достаточно трезво относились к королевским обещаниям. Об этом свидетельствует возникновение процедуры регистрации королевских уступок и пожалований, касающихся корпоративных привилегий²³⁶.

Если вернуться к Петиции о праве, то горожане рассматривали свои частные проблемы как часть «общего кризиса свободы», который затрагивал каждого²³⁷.

²³²Sacks D.H. The Corporate Town and the English State... P. 98.

²³³Ibid. P. 98.

²³⁴Цит. по: Sacks D.H. The Corporate Town and the English State... P. 99.

²³⁵Brenner R. The Civil War Politics of London's Merchant Community // Past and Present. 1973. № 58. P. 53—107.

²³⁶Примером могут служить записи в: The Little Red Book of Bristol / Ed. by F.B. Bickley. Bristol, 1900; The Great Red Book of Bristol / Ed. by E.W.W. Veale. Bristol, 1931—1953; The Great White Book of Bristol / Ed. by E. Ralph. Bristol, 1979.

²³⁷Hexter J.H. Power, Parliament and Liberty in Early Stuart England // Hexter J.H. Reappraisals in History: New Views on History and Society in Early Modern Europe. Chicago, 1979. P. 198.

Чувство причастности к национальному экономическому сообществу у бристольских членов магистрата сформировалось уже к началу 1620-х гг., если не раньше. Участие бристольцев в военных действиях на море в конце 20-х гг. только укрепило у них уверенность в том, что они участвуют в решении общегосударственных проблем. По этой причине они считали, что те экстраординарные расходы, которые им приходится нести, следует разделить с жителями, не вовлеченными в военные операции. Прежде всего, они надеялись на обитателей двух соседних графств, ссылаясь как на прецедент на схожие выплаты в царствование королевы Елизаветы. Но графства отказались содействовать, и не только потому, что отрицали наличие прецедента, но и потому, что не находили какой-либо пользы от соседства с Бристолем²³⁸. Этот ответ показывает — несмотря на близость Бристоля к Глостерширу и Сомерсету между ними не возникло общности интересов. Кроме того, он выявляет разницу в позициях бристольцев и жителей соседних графств: первые считали, что каждое графство в равной степени вовлечено в общегосударственные проблемы, вторые были убеждены, что каждое графство самостоятельно определяет степень своей вовлеченности в эти проблемы. В какой-то мере это разногласие объяснялось тем, что если война угрожала островной Англии, то угроза портам и прибрежным графствам была больше, чем внутренним. Кроме того, порты, подобные Бристолю, пользовались возможностью заниматься пиратством, от которого внутренние графства не могли получать прямую выгоду. Справедливости ради нужно отметить, что и в Сомерсете были люди, равные сэру Роберту Фелипсу, которые считали, что война не приносит особой пользы какой-либо отдельной местности, а только экстраординарные расходы, и их должны нести все сообща²³⁹.

Городские власти рассматривали себя как равноправных партнеров в отношениях с центральным правительством, вместе с которым они должны поддерживать порядок и защищать подданных. Они были готовы признавать власть государства до тех пор, пока оно помогало выполнять эти жизненно необходимые функции. Когда защищали свои властные позиции, они не противопоставляли себя королевскому правительству, поскольку рассматривали себя как неотъемлемую часть правительства королевства. Порядок в государстве для них означал союз власти с собственностью, что находило отражение в руководстве их собственным городским сообществом. И они опасались любого зло-

²³⁸ Willcox W.B. Gloucestershire: A Study in Local Government, 1590—1640. New Haven, 1940. P. 105.

²³⁹ Ruigh R. The Parliament of 1624: Politics and Foreign Policy. Cambridge, Mass. 1971. P. 253—54.

употребления государственной властью, которое могло разрушить этот союз. Препятствуя вторжению королевских чиновников в политику городской корпорации, бристольский магистрат не предполагал полного разрыва с монархом, а еще меньше участия в гражданской войне. Однако в конце 20-х гг. многие из членов городского совета опасались, что неумеренное использование королевской власти может закончиться социальными беспорядками, и поэтому были озабочены поисками способа лучшего распределения власти между местными и центральными органами для охраны порядка и собственности. Бристольские члены магистрата рассматривали вопрос о политическом выборе не как противопоставление местной лояльности национальной, а как поддержку того, что будет лучше для национального государства, как они его понимали. Для большинства из них это было государство, граждане которого включены в определенное сообщество, а не какие-то чужестранцы, не понимающие местных условий, но осуществляющие власть от имени короля. Другими словами, бристольские члены городского совета выступали сторонниками политического порядка, при котором городская община и государство были связаны друг с другом как части единого целого, а не как противники²⁴⁰.

Однако нужно иметь в виду, что отношения между городскими властями и короной строились исходя из интересов не всей городской общины. Должности в городском управлении давали преимущества мэру, олдерменам, городским советникам в отношениях с государством в защите их частных интересов. Городская администрация отстаивала интересы оптовых купцов часто в ущерб основной массе горожан. Так, розничные торговцы и ремесленники рассматривали свободу торговли как неотъемлемый признак статуса бюргера. Монополия купцов-авантюристов, поддерживаемая городской администрацией, узурпировала старинные права горожан. Тем не менее, в 1612 г. городской совет предпринял попытку своим распоряжением оградить интересы оптовых торговцев в сфере внешней торговли. Это вызвало резкие протесты со стороны основной массы горожан. После юридического опротестования постановление пересмотрели, отдельным розничным торговцам и производителям было разрешено вступать в компанию купцов-авантюристов. Именно по этой причине Компания начала в 1621 г. попытки с помощью правительства восстановить свою монополию, которые завершились приобретением новой хартии в 1639 г.²⁴¹ Поэтому, думается, городской организм вряд ли уместно назвать гармоничным сою-

²⁴⁰Stone L. *The Causes of the English Revolution, 1529—1642*. L., 1972. P. 105—108.

²⁴¹Records Relating... / Ed. by McGrath. P. 6—8; *Latimer J. Merchant Venturers...* P. 67—80; *McGrath P. Merchant Venturers*. P. 39—41; *Sacks D.H. Trade, Society and Politics...* P. 626—31, 639—42.

зом «головой и тела». Очень наглядно это можно проследить на судьбе бристольской компании мыловаров. В 1631 г. Карл I пожаловал Вестминстерской компании исключительное право на производства мыла из отечественного сырья. Он также дал право ее членам разрушать мастерские других людей, которые посягали на их привилегию. Торговцы и производители мыла в Бристоле оказались под угрозой разорения. К концу 30-х гг. только 4 из 11 мыловаренных мастерских уцелели в Бристоле, остальные изготовители мыла оказались в тюрьме Флитстрит за неуплату пошлин. Один из современников-роялистов, не заинтересованный в сгущении красок, сообщал, что однажды около 30-ти бристольских производителей мыла были захвачены в Лондоне, посажены в тюрьму, и освобождены лишь после уплаты 20 тыс. ф.ст.²⁴² Поскольку после 1634 г. городские мыловары не имели ни одного члена в городском совете, то бристольский магистрат и не подумал прийти им на помощь. Наиболее видные члены бристольской компании заключили частные сделки с Вестминстерской компанией и короной, бросив остальных своих собратьев на произвол судьбы²⁴³. Таким образом, взаимоотношения городских властей и городской общины с государством не были однозначными.

Выборы в Долгий парламент также показали, что перед Гражданской войной в городской общине Бристоля отсутствовало единство. В октябре 1640 г., когда Долгий парламент был почти избран, фримены города подали ходатайство в городской совет, прося допустить их к голосованию на парламентских выборах. Это было возобновленное требование, выдвигавшееся еще в 1625 г. Как и в 1625 г., в 1640 г. муниципальный совет отверг ходатайство и сохранил за собой контроль над выборами. В результате члены городского совета и некоторые близкие к ним по социальному статусу люди избрали представителями от города двух купцов-авантюристов — олдерменов Хука и Лонга. В январе 1641 г. эти люди представили парламенту жалобы бристольского совета, которые выражали интересы узкой группы купцов, господствовавших в городе²⁴⁴.

Подводя итог, можно сказать, что в XVII в. горожане еще четко видели различие между «ними» и «нами». Но если городское сообщество существовало внутри централизованного государства, как, например, английский город, демаркационная линия часто была размытой.

²⁴²*Brown H.G., Harris P.J.* Bristol England. Bristol, 1964. P. 86.

²⁴³*Adams W.* Chronicle of Bristol / Ed. by F.F. Fox. Bristol, 1910. P. 256—257; *Latimer J.* The Annals of Bristol in the Seventeenth Century. Bristol, 1900. P. 121—122.

²⁴⁴Д. Херст утверждает, что в 1640 г. фримены одержали победу. Но Д. Сакс с ним не согласен, считая, что Д. Херст неверно истолковывает источники. См.: *Hirst D.* The Representative of the People?: Voters and Voting and the Early Stuarts. Cambridge, 1975. P. 195; *Sacks D.H.* The Corporate Town and the English State... P. 104.

Объясняется это тем, что существовали взаимно перекрывающиеся уровни власти. Кроме того, деятельность города как органа, обслуживающего государство, осуществлялась, как правило, ограниченной группой людей, а не общиной в целом. И если проводить аналогию между городом и организмом, то между его головой и телом не было гармонии, и его управление никогда нельзя было назвать в полном смысле демократическим. Это облегчало вторжение государства в городскую жизнь через своих чиновников, включенных в городскую администрацию.

Но несмотря на разногласия в городской общине Бристоля и купеческая элита, и мелкие торговцы имели общие политические устремления. И те, и другие хотели получить доступ к национальному институту власти, который долгое время крупнейшие купцы использовали в своих целях. Политические горизонты мелких торговцев, видимо, были такими же широкими, как и у крупных. Местный конфликт не вел их к провинциализму.

§ 9. Английский город в период гражданских войн XVII в. (на примере Бристоля)

Города играли ключевую роль в конфликте между королем и парламентом в Англии XVII в. В значительной мере это объяснялось тем, что Лондон и крупные морские порты контролировали поступления от таможенных пошлин. Да и собирать пожертвования, займы и налоги было гораздо легче с горожан, располагавших наличными деньгами, чем с сельских жителей.

Общеизвестным является положение о том, что в период гражданских войн в Англии западные области оказались на стороне короля. В то время как крупные западные города, такие как Глостер и Бристоль поддержали парламент.

Интересно посмотреть, как представляли свою позицию сами горожане? Отделяли они интересы короля от интересов парламента? Кто для них олицетворял власть? И хотя все специалисты сходятся на том, что в начавшемся военном конфликте крупные города поддержали парламент, можно ли говорить о единой позиции горожан?

Почему и король, и парламент придавали такое большое значение Бристолю? Город занимал доминирующее положение на Западе Англии. Поскольку к началу войны влияние короля самым сильным было на севере и западе, то от того, в чьих руках окажется город, зависело, смогут

ли соединиться сторонники короля на Севере и в Уэльсе с роялистами из Корнуолла.

Достаточно много написано о том, почему города были недовольны политикой короля. Доходы короны уменьшались, в то время как расходы увеличивались. Из-за революции цен фиксированные ренты с коронных земель стоили все меньше, и поступлений от налогов, пожалованных парламентом, было недостаточно, чтобы соединить мостом расширяющуюся пропасть между доходами и расходами. В этих условиях монарх искал дополнительные источники дохода. Сразу после воцарения Яков без согласия парламента начал облагать налогами многие виды товаров. Затем он возродил древнее преимущественное право короля приобретать товары по льготным ценам ("purveyance"). В Средние века, когда король путешествовал по стране, округ или город, в котором он находился, должны были снабжать его и двор едой, напитками и жильем. Яков возродил это старое требование в виде денежного налога, который он требовал с торговцев в городах. Те, кто отказывались платить, обнаруживали, что взамен конфискованы их товары. В 1604 г. палата общин попыталась отменить данную привилегию в обмен на уплату 50 тыс. ф. в год, но это предложение было отвергнуто королем²⁴⁵.

Бристольцы были очень возмущены требованием короля, и в 1604 г. мэр города отказался допустить королевского уполномоченного для сбора налога на поставки ("Purveyance"), объявив его противозаконным. Палата Зеленого Сукна ("Board of Green Cloth"), занимавшаяся такими вопросами, направила мэру угрожающее письмо. Депутат парламента от Бристоля зачитал его перед палатой общин, которая в свою очередь выразила протест королю. Однако сопротивление оказалось бесплодным, и в 1605 г. поставщики двора захватили у бристольских торговцев 51 большую бочку кларета и 10 больших бочек сухого вина ("sack"), пообещав заплатить за них гораздо меньше, чем можно было получить на рынке. Никаких денег не последовало, и счет был оплачен не раньше чем через 10 лет, когда соответствующим торговцам выдали расписка на сумму 350 ф., гарантировавшая им получение налога на торговлю порта²⁴⁶.

В 1608 г. Бристоль опять был взбудоражен, поскольку король обложил налогом сладкие вина, прибывавшие в порт, несмотря на тот факт, что налог, называемый "prisage"²⁴⁷, в размере 1/10 стоимости каждой бочки уже был уплачен бристольскими купцами. После долгих сборов

²⁴⁵Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. СПб., 2001. С. 20.

²⁴⁶Brown H.G., Harris P. J. Bristol England. Bristol, 1964. P. 85.

²⁴⁷Пошлина на ввозимое вино.

и подходящих взяток соответствующим чиновникам плату снизили при условии, что торговцы города будут уплачивать налог на поставки ("purveyance") вином и бакалейными товарами, когда двор окажется в пределах 20 миль от города. И когда в 1613 г. королева посетила Бат, то из Бристоля доставили 5200 галлонов вина помимо сахара и других бакалейных товаров. Было выдано расписок больше чем на 1 тыс. ф. соответствующим торговцам, счета которых оплатил город²⁴⁸. Эти обременительные и раздражающие требования перешли и в царствование Карла I.

Другим способом, использовавшимся королем для увеличения доходов, было возобновление практики продажи «монополий». В начале царствования Яков I отменил все монополии, пожалованные Елизаветой, но привилегированные компании продолжали существовать. Нуждаясь в деньгах, король вновь вернулся к методам, испытанным еще во времена его предшественников.

Но зададимся вопросом — разве патенты получали или покупали только представители знати? Монопольные патенты получали горожане, правда, как правило, столичные купцы, из-за чего разорялись купцы провинциальных городов. Так, в 1620 г. две лондонские компании получили исключительное право производить табачные трубки и крахмал. Бристоль производил оба этих товара и был вынужден отказаться от торговли ими под угрозой большого штрафа. Карл I следовал по стопам Якова и в 1631 г. пожаловал лондонской компании из 17-ти человек исключительное право на производство мыла из местного сырья. Он также дозволил разрушать мастерские других людей, кто посягает на их привилегию. Теперь торговцы мылом в Бристолье, который прежде занимал важное место в этой торговле, оказались под угрозой разорения. Они убедили Лондонскую компанию позволить им производить 600 тонн в год, с которых король потребовал специальный налог в 14 ф. ст. с тонны.

Продажа монополий разоряла представителей средних слоев купечества. Но справедливости ради нужно отметить, что богатейшие купцы Бристоля иногда извлекали пользу из монопольной системы. Так, в 1618 г. один лондонский купец получил патент на монопольный экспорт масла из Южного Уэльса на 21 год с условием уплаты короне 1 ш. с килдеркина²⁴⁹. Бристольские торговцы приобрели 2/3 доли патента с обязательством уплачивать короне больше, чем владелец монополии. Торговцы Бристоля компенсировали свои потери за счет производителей Южного Уэльса, которые отрезались от рынка.

²⁴⁸Brown H.G., Harris P.J. Bristol England. P. 86.

²⁴⁹Килдеркин — небольшой бочонок емкостью 18 галлонов.

Примерно в это же время другие местные торговцы раздобыли исключительное право на ежегодный экспорт 120 тыс. телячьих шкур сроком на 40 лет при условии уплаты ежегодной ренты владельцу патента²⁵⁰. В приведенных примерах речь идет о предпринимательских слоях, о тех людях, которых принято называть буржуазией. Уже это заставляет предполагать, что взаимоотношения различных слоев городского населения и власти — очень сложные, и позиция городов во вспыхнувшем конфликте между королем и парламентом не могла быть однозначной.

Чувство причастности к национальным проблемам у Бристоля сформировалось уже к началу 1620-х гг., если не раньше. Участие жителей города в военных действиях на море в конце 20-х гг. только укрепило у них уверенность в том, что они участвуют в решении общегосударственных проблем. По этой причине они считали, что те экстраординарные расходы, которые им приходится нести, необходимо разделить с жителями, непосредственно не вовлеченными в военные операции. Прежде всего, они надеялись на обитателей двух соседних графств, ссылаясь как на прецедент на схожие выплаты в царствование королевы Елизаветы. Но графства отказались содействовать, и не только потому, что отрицали наличие прецедента, но и потому, что не находили какой-либо пользы от соседства с Бристолем²⁵¹. Этот ответ показывает — несмотря на близость Бристоля к Глостерширу и Сомерсету между ними не возникло общности интересов. Кроме того, он выявляет разницу в позициях бристольтцев и жителей соседних графств: первые считали, что каждое графство в равной степени вовлечено в общегосударственные проблемы, вторые — будто каждое графство самостоятельно определяет степень своей вовлеченности в эти проблемы. В какой-то мере это разногласие объяснялось тем, что если война угрожала островной Англии, то угроза портам и прибрежным графствам была больше, чем внутренним. Кроме того, порты, подобные Бристолю, пользовались возможностью заниматься пиратством, от которого внутренние графства не могли получать прямую выгоду. Правда, нужно отметить, что и в Сомерсете встречались люди, подобные сэру Роберту Фелипсу, которые считали, что война не приносит особой пользы какой-либо отдельной местности, а только экстраординарные расходы, и их должны нести все сообща²⁵². Возможно, это еще одна причина, поче-

²⁵⁰ Brown H.G., Harris P.J. Bristol England. P. 87.

²⁵¹ Willcox W.B. Gloucestershire: A Study in Local Government, 1590—1640. New Haven, 1940. P. 105.

²⁵² Ruigh R. The Parliament of 1624: Politics and Foreign Policy. Cambridge, Mass. 1971. P. 253—54.

му в период гражданской войны западные графства поддержали короля, а города — парламент.

Городские власти рассматривали себя как равноправных партнеров в отношениях с центральным правительством, вместе с которым они должны поддерживать порядок и защищать подданных. Они были готовы признавать власть короля до тех пор, пока он помогал выполнять эти жизненно необходимые функции. Когда они защищали властные позиции, то не противопоставляли себя королевскому правительству, поскольку рассматривали себя как его неотъемлемую часть. Препятствуя вторжению королевских чиновников в политику городской корпорации, бристольский магистрат не предполагал полного разрыва с монархом, а еще меньше участия в гражданской войне. Однако в конце 20-х гг. многие из членов городского совета опасались, что неумеренное использование королевской власти может закончиться социальными беспорядками, и поэтому были озабочены поисками способа лучшего распределения власти между местными и центральными органами для охраны порядка и собственности. Бристольский магистрат рассматривали вопрос о политическом выборе не как противопоставление местной лояльности национальной, а как поддержку того, что будет лучше для национального государства, как они его понимали. Для большинства из них это было государство, граждане которого включены в определенное сообщество, а не какие-то чужестранцы, не понимающие местных условий, но осуществляющие власть от имени короля. Другими словами, бристольские члены городского совета были сторонниками политического порядка, при котором городская община и государство оказывались связаны друг с другом как части единого целого, а не как противники²⁵³.

Как уже отмечалось, и парламент, и король придавали большое значение позиции Бристоля в разраставшемся конфликте. В феврале 1642 г. депутаты парламента от Бристоля по указанию палаты общин заключили соглашение с двумя местными торговцами — «круглоголовыми», чтобы укомплектовать, экипировать и снабдить продовольствием 3 корабля для плавания в течение 8 месяцев. Затраты на это парламент обещал возместить. Примерно в это же время король в письме к мэру города распорядился не допускать никаких войск, как находящихся на его стороне, так и на стороне парламента, но сохранять город для использования государем²⁵⁴. И хотя симпатии большей части горожан были на стороне парламента, отношение к насилию — категорически отрицательным.

²⁵³Stone L. *The Causes of the English Revolution, 1529—1642*. L., 1972. P. 105—108.

²⁵⁴Latimer J. *The Annals of Bristol in the Seventeenth Century*. Bristol, 1900. P. 155.

Нужно сказать, что города иногда сознательно не обозначали четко свою позицию. Зачем сжигать мосты, когда не очень ясно, кто одержит победу? И в этом нет ничего нового — осторожные и осмотрительные горожане всегда предпочитали договориться, а не идти на открытый конфликт. В мае 1642 г. городской совет после бурных споров принял резолюцию о составлении петиции о примирении, адресованной как королю, так и парламенту. Задача оказалась невыполнимой, и после двух месяцев споров составление петиции было отложено. Хотя городская община фактически продемонстрировала верность парламенту. В июне 1642 г. спикер палаты общин направил письмо мэру и олдерменам Бристоля, требуя содействия от города виде займа для защиты королевства и содержания армии в Ирландии. Подписка дала 2625 фунтов. Но одновременно с этим в городе произошло событие, которое может вызвать недоумение.

В мае 1642 г. палата общин после долгого обсуждения вопроса о лицензиях наряду с другими приняла решение лишить членства в парламенте двух депутатов от Бристоля, которые — несмотря на осуждение палаты общин — имели монопольные права на торговлю вином. Недоумение вызывает не то, что они были лишены членства, а то, что бристольцы на их место избрали сэра Джона Гранвилла и олдермена Джона Тейлора. Поскольку новые члены парламента были известны как ревностные роялисты, их избрание кажется поразительным противоречием действиям городского совета. Возможным объяснением является то, что мнения многих богатых горожан в этот период были запутанными и неопределенными, а в личном плане упомянутые персоны — весьма уважаемые люди. Более того, после начала Гражданской войны Джон Тейлор участвовал в займе в пользу парламента²⁵⁵.

Сражение при Эджхилле в октябре 1642 г. стало началом военных действий, хотя на Западе стычки между отрядами роялистов и сторонников парламента имели место уже в июле. Маркиз Гертфорд, один из самых уважаемых сторонников короля, был назначен главнокомандующим в западных графствах. Понимая важность Бристоля, он направил обращение к мэру с предложением разместить в городе несколько отрядов кавалерии. Но мэр отверг это предложение, выступив, таким образом, против короля. Когда лорд Гертфорд двинулся к Бристолю с явно недружественными намерениями, его силы были рассеяны отрядами, собранными джентри-пуританами. Палата общин выразила благодарность джентльменам Сомерсета за их храбрость, и член парламента Джон Тейлор был направлен в Бристоль, чтобы поблагодарить горожан, которые «проявили решительность» в указанном деле²⁵⁶.

²⁵⁵ Latimer J. The Annals of Bristol... P. 157.

²⁵⁶ Ibid. P. 158.

Для характеристики позиции горожан в начавшейся гражданской войне представляет интерес тот факт, что в то время, когда уже лилась кровь, бристольтцы устроили себе праздник и два дня веселились, потратив на организацию утиной охоты и спортивной рыбной ловли на Фроме больше средств, чем обычно.

Бристолю удалось сохранять позицию нейтралитета до декабря 1642 г., когда он все же открыл ворота парламентской армии под командованием полковника Эссекса. Эссекс оказался плохим комендантом, проводя время в пирах, попойках и азартных играх. Солдаты не получали денежного содержания, и когда выразили ему недовольство, он застрелил одного из них. Поэтому полковник Эссекс был арестован, а вместо него начальником гарнизона парламент назначил полковника Финнза, сына лорда Сэя.

Как уже отмечалось, в городе были сторонники и парламента, и короля. В феврале 1643 г. под руководством Роберта Йиманза, купца, занимавшего должность шерифа в 1641—42 гг., был организован заговор с целью передачи города в руки королевской армии под командованием принца Руперта. Йиманз — один из тех фанатиков, чей безоглядный энтузиазм был гораздо опаснее для друзей, нежели для врагов. В заговор были вовлечены многие богатые и влиятельные люди города, помощь ожидалась от отряда мясников и моряков. Отметим лишь, что заговор раскрыли и около 60 человек было арестовано (хотя некоторые исследователи считают, что в него оказалось втянуто до 2 тыс. человек). Два главных зачинщика были приговорены к смерти, остальным позволили выкупить себя — деньги потратили на возведение оборонительных сооружений. 14 марта 1643 г. в парламенте зачитали письмо мэра Бристоля, в котором излагались подробности заговора, и приняли решение о конфискации имущества заговорщиков, суде над зачинщиками и национальном благодарственном молебне в честь замечательного избавления.

Казалось бы, событие можно трактовать однозначно — победили противники короля. Как же оценивали свою позицию горожане? Это становится ясным из переговоров, которые вел полковник Финнз с лордом Фордом; ему король приказал спасти приговоренных к смерти. По поручению короля лорд Форд предупредил Финнза, что если приговор приведут в исполнение, то некоторые Круглоголовые, захваченные в Чичестере, будут также преданы смерти. Финнз ответил, что закон природы, как и войны, различает врагов, захваченных в открытом бою, и тайных заговорщиков, добавив, что если лорд Форд приведет в исполнение свою угрозу, равное число рыцарей и сквайров, захваченных в ходе восстания против «короля и королевства», не получат никакого прощения²⁵⁷.

²⁵⁷Latimer J. The Annals of Bristol... P. 175.

Конечно, утверждение о том, что казнь сторонников короля проводится для его «пользы», и они действуют в интересах «короля и королевства» может вызвать у нас недоумение, недоверие, улыбку или что-то подобное. Против кого или в чью пользу был составлен заговор? Факты свидетельствуют, что заговорщики действовали как сторонники короля. Но обоснование, которое дали городские власти казни зачинщиков, говорит о противоположном.

Исследователям, которые изучают то или иное событие или проблему много времени спустя, гораздо легче обобщать, анализировать, систематизировать, нежели современникам. Несомненно, какая-то часть горожан достаточно четко определяла свою позицию. Но основная масса чаще всего действовала неосознанно, и если навешивала ярлыки, то, как правило, на противников, а не на себя. Судя по источникам, в Бристоле мы находим и сторонников короля, и сторонников парламента. Священник-пуританин Джон Корбет, опубликовавший в 1645 г. отчет об осаде Глостера, упоминал и Бристоль, отмечая, что дело короля поддерживалось в городе двумя противоположными группами населения — «богатыми и могущественными людьми и подлого и низкого сорта». А полковник Финнз после капитуляции писал: «Большие люди этого города были хорошо знакомы с монополиями и монополизацией торговли». Хотя средние слои населения были на стороне парламента.

Но можно ли сказать, что они выступали против института королевской власти? Конечно, нет. Поэтому, думается, нельзя говорить, что они поставили себя в оппозицию королю. Их действия были направлены, прежде всего, против политики Карла I. Не случайно горожане всегда отмечали, что поступают исключительно в интересах «короля и королевства». Властью они, несомненно, признавали парламент, а король был символом королевства.

Часть III

Культура, повседневность
и «границы городского
менталитета»
в Англии XV—XVII вв.

§ 1. Отражение войны Алой и Белой Роз в семейной переписке английских горожан (по письмам купеческой семьи Сели)

Среди некоторых исследователей существует мнение, что политические события второй половины XV в. были всего лишь периодом «нестабильной ситуации с наследованием престола», а вооруженные столкновения различных группировок знати мало влияли на жизнь простых людей, которые жили «в мирной и процветающей по меркам того времени стране»¹. Во второй половине XV в. политическая борьба в Англии вылилась в многолетнюю междоусобную войну, получившую название войны Алой и Белой Роз. Крупные феодалы, старое и новое дворянство, а также буржуазия оказались разделены на две партии — приверженцев Ланкастеров и Йорков. Битвой у Сент-Олбанса 21 мая 1455 г. началась тридцатилетняя война, в ходе которой погибли многие представители старой знати.

За Ланкастеров выступало большинство старой знати, особенно привыкшие к политической самостоятельности северные бароны, за Йорков — часть крупных феодалов юга, большинство «нового» дворянства и буржуазия, стремившиеся к установлению сильной королевской власти. Однако для многих феодалов война была предлогом для разбоя, грабежа и усиления своей политической самостоятельности, поэтому они переходили из одной партии в другую в зависимости от предполагаемой выгоды, личных связей, неудовольствий и обид. Окончание Столетней войны пополнило отряды феодалов оставшимися без дела наемниками. Наиболее напряженной стала борьба перед воцарением в 1461 г. Эдуарда IV Йорка, а затем после его смерти в 1483 г., когда королем был провозглашен двенадцатилетний Эдуард V, а регентом — его дядя, Ричард Глостер².

Gillingham J. The Wars of the Roses: Peace and Conflict in Fifteenth-Century England. Baton-Rouge, 1981; *Goodman A.* The Wars of Roses: Military Activity and English Society (1452—1497). L., 1981. P. 7; *Lander J.R.* Government and Community: England 1450—1509. L., 1980. P. 387—388.

Подробнее об этом см.: *Lander J.R.* Wars of Roses. Sutton Publishing, 2007; *Pollard A.J.* The Wars of the Roses. N.Y., 1988; *Winston J.E.* English Towns in the Wars of Roses. Princeton, 1921.

Иногда утверждают, что война Алой и Белой Роз затронула города в гораздо меньшей степени, нежели сельскую Англию. Попытаемся посмотреть, как отражались события войны в письмах современников, в данном случае — в семейной переписке купеческой семьи Сели, относящейся к последней четверти XV в.³

Прежде всего, в письмах Сели, наполненных сведениями не только о торговле шерстью и овчинами, но и семейных отношениях, положении женщины, одежде и утвари, развлечениях и многом другом, бросается в глаза крайняя скудость данных о внутрианглийских событиях. Это кажется тем более странным на фоне необычайно подробных замечаний о различных аспектах международной политики. Достаточно привести в пример обстоятельное описание главой семьи Ричардом Сели-старшим результатов сражения между Максимилианом Габсбургом и Людовиком XI, произошедшего в августе 1479 г.: «Томас Блайхом получил письмо из Кале, в котором сказано о сражении, происшедшем в прошлую субботу между герцогом Бургундским⁴ и королем Франции близ местечка Тирвин. Битва началась в субботу в 4 часа после полудня и продолжалась до ночи. Она была кровопролитной для обеих сторон, но герцог Бургундский выиграл сражение и стяжал славу. Герцог Бургундский захватил много артиллерии французского короля, 5 или 6 тысяч французов было убито»⁵. Нельзя не обратить внимания на то, что в письме не просто констатируется факт победы герцога Бургундского, но и приводятся разного рода мелкие детали, свидетельствующие о большом внимании членов семьи к международным отношениям. При этом информация попадает в их руки очень быстро: битва произошла 7 августа, а уже 12-го Сели-старший, находившийся в Лондоне, получил о ней сведения и пишет письмо Агнес, Ричарду и Джону Сели, которые в этот момент были в Эссексе.

При таком пристальном внимании к внешнеполитическим проблемам слабый интерес к событиям внутри страны кажется странным. Тем более что благодаря Ричарду Сели-младшему члены семьи были прекрасно информированы и о внутренних, и о внешних обстоятельствах. Дело в том, что Ричард-младший состоял в свите лорда Уэстона, одного из ближайших сторонников Эдуарда IV Йорка⁶. Сент-Джон, лорд Уэстон, возглавлял английское отделение ордена иоаннитов. Орден имел земли в Эссексе, где было расположено поместье Сели. За свои земельные владения Сели, видимо, несли какие-то обязательства

³ The Celes Letters, 1472—1488 / Ed. by A. Hanham. Oxford, 1975.

⁴ После женитьбы на дочери Карла Смелого Марии Бургундской Максимилиан Габсбург получил титул герцога Бургундского.

⁵ The Celes Letters... P. 55.

⁶ Ibid. P. 126.

перед графом Эссексом. В одном из писем в 1481 г. Ричард Сели-младший сообщал Джорджу Сели: «Лорд Эссекс познакомился с некоторыми бумагами и подписал их — те, которые мой лорд Сенд-Джон дал мне»⁷. После смерти Ричарда Сели-старшего у семьи возникли трудности с передачей земельных владений по наследству. Речь шла о том, на каком основании они должны владеть землей. Королевские чиновники доказывали, что это держание от короля, и на основании этого должно быть выморочным имуществом, пока наследники не определят отношения с королем. Сели-младшие доказывали, что их земли — фьеф⁸.

Казалось бы, к предмету исследования эти факты не имеют отношения. Но в рассматриваемое время во многих областях Англии существовал обычай, по которому мелкие землевладельцы давали своим могущественным сеньорам скрепленные печатью письменные обязательства оказывать им поддержку в любое время, мирное или военное. Сели, будучи представителями лондонского купечества, как землевладельцы оказались втянутыми в дела своих патронов. Не удивительно, например, что в 1480 г. Ричард Сели вместе с лордом Уэстоном входил в состав делегации, отправленной во Францию для переговоров о браке дофина с дочерью Эдуарда IV Елизаветой⁹. А 5 июля 1480 г. Ричард писал брату Джорджу, что на следующий день должен быть представлен вдове герцога Бургундского Маргарите, сестре Эдуарда IV¹⁰.

У членов семьи была возможность получать достаточно достоверную информацию. Так, 16 ноября 1480 г. Джордж Сели в своем письме отцу писал: «Герцогиня Маргарита прибыла <...> в Сент-Омер, туда же прибыли послы, как английские, так и французские. Трудно сказать, какой мир нас ожидает: некоторые лица из герцогского Совета будут за мир, другие за войну. Согласие зависит от Англии <...> Я полагаю, что понял письмо, где речь идет о размышлениях короля — заключать или нет мир с Францией. Брат Ричард может узнать это у Милорда [Уэстона]»¹¹.

Все письма полны подробнейшими сведениями о различных аспектах европейской политики. Но как же английское купечество относилось к событиям, происходившим на родине? Можно ли сказать, что кроме торговли (а франко-бургундский конфликт имел к этому непосредственное отношение), цен и прибыли купцов ничего больше не волновало?

Думается, Сели, как и других английских купцов, нельзя упрекнуть в отсутствии патриотизма. Достаточно прочитать следующие строки из

⁷ The Celes Letters... P. 126.

⁸ Ibid. P. 134.

⁹ Ibid. P. 87.

¹⁰ Ibid. P. 86.

¹¹ Ibid. P. 97—98.

письма Ричарда-младшего брату Джорджу в Кале от 26 января 1481 г.: «Сэр, у меня есть пара прекрасного вооружения, какое бывает только в Лондоне. Купи мне еще хорошую пику, пару нарукавников, как у тебя, и шлем, и я с помощью Иисуса буду способен защищать Лондон»¹². Вероятно, Ричард-младший собирался защищать Лондон от французов, возможность войны с которыми обсуждалась в начале 1480-х гг. в письмах членов семьи.

Но, может быть, война Роз совсем не коснулась английского купечества? В этом плане очень интересен фрагмент письма Ричарда-младшего Джорджу Сели от 18 июня 1478 г.: «Кстати, наш брат Роберт, ты и я должны быть в Вестминстере на разборе дела о драке между Фоулборном, Петитом, Мендслеем и джентльменом с его людьми. Драка произошла в Майзенде на Пасхальной неделе. И, похоже, с Божьей помощью будет решено, что нас там не было, и мы не будем связаны с этим»¹³. О каком джентльмене идет речь не ясно, но, видимо, число участников столкновения было достаточно велико, если три человека могли рассчитывать затеряться среди них. Вероятно, это было одно из столкновений сторонников разных политических партий, тем более что разбор дела происходил в Вестминстере. Примечательно — Ричард откровенно не желает быть втянутым в конфликт.

Вполне возможно, что многочисленные просьбы, адресованные членам семьи относительно закупки вооружения, были вызваны не столько страхом перед французами, сколько внутренними проблемами. В сентябре 1480 г. Эдмонд Бедингфельд писал Джорджу Сели: «Кроме того, купите мне связку задвижек для арбалета с хорошим квадратным верхом ценой в 14 ф. и винты для арбалета для обеих рук ценой в 6 или 7 ф. Прошу Вас отправить задвижки в Линн или Бостон...»¹⁴. Судя по письму, Бедингфельд — не лондонец, а значит, забота о хорошем вооружении была свойственна купцам разных городов.

О том, что хорошее военное снаряжение пользовалось большим спросом, свидетельствует приписка к уже упоминавшемуся письму Ричарда Сели-младшего от 26 января 1481 г.: «Сэр, советую тебе не привозить с собой больше 2 или 3 лошадей, но было бы хорошо, если ты сможешь привезти бочонок или большую бочку, наполненную различными шлемами, кольчугами и некоторыми образцами подставок (mayll)»¹⁵.

Это и не удивительно, потому что обстановка в стране — весьма сложная. Король был болен, его сыновья еще малы, Эдуард, получивший титул принца Уэльского в июне 1471 г., а в июле объявленный наследни-

¹² The Celes Letters... P. 103.

¹³ Ibid. P. 24.

¹⁴ Ibid. P. 90.

¹⁵ Ibid. P. 104.

ком престола, находился в Ладлоу (Уэльс), а придворные открыто враждовали между собой. Стоит назвать лидеров враждующих партий, поскольку их имена с начала 1480-х гг. стали упоминаться в письмах Сели. Одну из партий возглавляли Томас и Ричард Грей (сыновья королевы Елизаветы от первого брака) и ее брат Эдуард Вудвиль, командующий флотом и наставник принца Уэльского. Во главе второй партии были лорд-чемберлен Гастингс, с 1471 г. комендант Кале, епископ Эли Джон Мортон и лорд-канцлер Томас Роттерхем, архиепископ Йоркский¹⁶.

Можно предположить, что Сели были на стороне второй партии, т.к. в одном из писем Уильяма Дальтона, написанном, видимо, в декабре 1481 г., сказано: «Брат Джордж, я обращаюсь к Вам с просьбой вручить это письмо лорду [Гастингсу]. Сэр, я написал, что Вы вручите ему это письмо, когда поедете в Виндзор»¹⁷.

По письмам Сели можно также выявить, как нарастала внутриполитическая напряженность. В них нет рассуждений по поводу событий внутри страны, но информация присутствует. Она и показывает, что именно приковывает внимание купцов. Их интересуют решения парламента, местопребывание короля и наследника престола, взаимоотношения короля со знатью и пр. Например, 14 ноября 1481 г. Ричард Сели-младший пишет Джорджу Сели в Кале: «Что касается дел, я ничего не знаю, но говорят, что через некоторое время должен быть Совет или парламент...». 8 апреля 1482 г. он коротко сообщает: «Король, королева и принц находятся в Ильтэне»¹⁸. В июле этого же года Джордж Сели пишет лорду Уэстону: «Сообщаю Вашей милости, что герцог Олбани прибыл в Англию и отдался под покровительство короля»¹⁹. Александр Стюарт (1454—1485), герцог Олбани и граф Марч, граф Мара и Гариоха был одним из лидеров баронской оппозиции королю Шотландии Якову III и одним из претендентов на престол. Яков III по примеру Эдуарда IV, расправившегося с братом герцогом Кларенсом, в 1479 г. обвинил Олбани и их младшего брата графа Мара в колдовстве и захватил герцогскую резиденцию Данбар. По приказу короля граф Мар был убит, а его сын Александр Стюарт бежал во Францию. Попытки французского короля добиться примирения Якова III с братом оказались неудачными, и Александр Стюарт отправился в Англию. Здесь 10 июня 1482 г. в замке Фотерингей герцог Олбани заключил с Эдуардом IV соглашение, по которому Англия обязалась оказать поддержку Александру в борьбе за престол Шотландии, в обмен на это Олбани обещал после прихода к власти принести оммаж

¹⁶ См.: Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012.

¹⁷ The Celes Letters... P. 126.

¹⁸ Ibid. P. 122, 137.

¹⁹ Ibid. P. 164.

английскому королю, разорвать франко-шотландский союз и передать Англии Берик.

Лондонские купцы пристально следили за изменением политической обстановки в стране. Так, об усилении позиций герцога Глостера свидетельствуют строки из письма Уильяма Дальтона из Кале Джорджу Сели в Брюгге от 26 мая 1482 г.: «Копия письма была отправлена милорду Глостеру и милорду Нортумберленду, которая (копия) затем была отправлена королю. Посыльный, который доставил ее, я слышал, сказал, что он оставил короля в Тауэре Лондона в прошлую среду»²⁰. Хочется отметить, что сначала сведения были отправлены Глостеру, и лишь затем — королю.

Осенью 1482 г. силы враждующих партий начали консолидироваться. Лорд-чемберлен Гастингс оставил Кале и поспешил в Англию. Уильям Сели 19 октября сообщал Джорджу Сели: «Сэр, лорд-чемберлен отбыл в Англию, он в Дувре, и с ним 500 человек <...>, чтобы сопровождать его домой»²¹. А двумя днями раньше Джорджу написал письмо Ричард Сели-младший. Среди прочего он сообщал: «Наша мать в Биртисе, выглядит хорошо, слава Богу. Король в Тауэре, и его лорды ежедневно [заседают] в Совете»²². Интересно, что наравне со сведениями, касающимися непосредственно семьи, вдруг упоминаются король и его Совет. На подобные особенности изложения информации стоит обратить внимание. Ни одно письмо не посвящено специально политическим событиям. И ни одно из посланий не начинается с описания важных моментов внутривластных политических событий. Сведения о них сообщаются как бы между прочим, теряясь среди рассуждений о ходе торговых операций, ценах на овчины и шерсть, колебаниях денежных курсов и прочего. Совершенно очевидно, что даже в условиях самой напряженной борьбы за политическую власть купечество беспокоилось в первую очередь о состоянии торговли.

Король Англии Эдуард IV умер 9 апреля 1483 г. Наследник престола сразу же выехал из Ладлоу в Лондон. В столицу он прибыл 4 мая. За время его поездки схвачены и убиты сводный брат принца Ричард Грей и его дядя лорд Риверс, Энтони Вудвиль. Таким образом, лидеры одной из партий умерли. Во время заседания Совета в Тауэре 13 июня 1483 г. были арестованы Мортон, Роттерхем и Гастингс. Лорду-чемберлену Гастингсу сразу же без судебного разбирательства отрубили голову.

Эти события нашли отражение в письмах Сели. Среди них обнаружилась памятная записка, в которой помечено: «Большое беспокойство в Королевстве. Шотландцы демонстрируют большое военное

²⁰ The Celes Letters... P. 159.

²¹ Ibid. P. 183.

²² Ibid. P. 182.

искусство в Англии. Чемберлен умер от болезни. Канцлер изобличен во лжи и не согласен. Епископ Эли умер. Король, да хранит Бог его душу, умер. Герцог Глостер находится в опасности. Милорд Принц, которого да хранит Господь, в опасности. Лорд Нортумберленд то ли умер, то ли в большой опасности. Лорд Говард убит»²³.

Это самая подробная информация о внутрисполитических событиях, которая встречается в письмах Сели. Не удивительно: события мая—июня 1483 г. никого не могли оставить равнодушными. Конечно, до Джорджа Сели, представителя городского сословия, доходили не все сведения — отсюда и неточность в информации. Но даже более сведущие люди — Доменико Манчини и Полидор Вергилий — описывают события 13 июня 1483 г. по-разному. Тем не менее, в письмах горожан обстановка в целом оценена достаточно точно.

После событий весны—лета 1483 г. до конца февраля 1484 г. Сели ничего не пишут о положении внутри страны. Возможно, это было небезопасно, поскольку отмечалось, что, предположительно, Сели находились на стороне одной из проигравших политических партий. Только 24 февраля Уильям Сели сообщал из Кале Ричарду и Джорджу Сели в Лондон: «...Здесь находятся некоторые изгнанные англичане, они прибыли морем, захватив 5 или 6 груженных вином судов испанцев, направлявшихся во Фландрию»²⁴. Возможно, речь шла об Эдуарде Вудвиле, брате королевы и командующем английским флотом, который после ареста членов совета принца Уэльского 30 апреля или 1 мая со своими судами ушел в море, чтобы избежать ареста. За море бежали также Томас Грей, маркиз Дорсет, и его дядя Эдуард Грей. Это последняя запись, в которой нашла отражение политическая борьба второй половины XV в. От октября 1484 г. до января 1487 г. писем вообще не сохранилось. Возможно, в переписке того времени упоминалась и битва при Босворте, и воцарение Генриха Тюдора.

Итак, как же можно расценить реакцию английского купечества на события войны Роз? Поскольку эта война оказалась крайним выражением борьбы различных групп феодалов за политическую власть, она затрагивала купцов лишь в том случае, когда действия велись в местности, с которой были связаны их деловые интересы. Или когда внутрисполитические проблемы грозили осложнить отношения со странами — торговыми партнерами. Конечно, если дело доходило до государственных переворотов, это не могло не тревожить английских горожан. Но в остальное время они предоставляли дворянству самим решать свои проблемы и по мере возможности избегали вмешиваться в политическую борьбу.

²³ The Celes Letters... P. 184—185.

²⁴ Ibid. P. 197.

§ 2. Семья и индивид в английском городе XV в.

Нет необходимости доказывать, что изучение истории семьи заслуживает большого внимания. Достаточно сказать, что уже давно эта проблематика исследований постоянно включается в программы международных конференций, конгрессов и коллоквиумов. Однако наибольшее внимание ученых привлекала крестьянская семья и семья феодалной знати. Если же говорить о городской семье, то больше всего «повезло» итальянским городским семьям²⁵. Во второй половине XX в. появились работы, посвященные английской городской семье, хотя основное внимание в них уделяется XVI—XVIII вв.²⁶ Это объясняется тем, что по сравнению с предшествующим периодом они лучше обеспечены источниками. Но подобное богатство информации создает опасность того, что исследователи будут ходить по следам друг друга.

Преобладающее внимание к истории именно итальянской семьи также объясняется состоянием источников. Итальянские купцы оставили исследователям изобилие частноправовых актов, дневники, наставления детям и женам²⁷. Те же, кто изучают семью в английском городе, не располагают таким богатством документов. Им приходится воссоздавать структуру семьи, брачные связи, отношение к детям, хозяйственный распорядок и прочее, обращаясь к таким документам, как налоговые списки, постановления городских советов, таможенные отчеты, деловые письма и завещания. Ни в одном из перечисленных видов источников не содержится исчерпывающей информации хотя бы об одной семье, материал приходится комбинировать, дополняя его из разных источников.

Начать можно с вопроса о том, что представляла собой английская городская семья в XV в. В отличие от итальянских купцов английские горожане меньше придавали значения широким родовым связям. Логично утверждать, что в английских городах XV в. отсутствуют линияжи, большие родственные группы с совместными деловыми опе-

²⁵ Ястребицкая А.Л. Семья в средневековом городе // Вопросы истории. 1985. № 8. С. 70.

²⁶ Coster W. Family and Kinship in England, 1450—1800. Harlow, 2001; Stone L. The Family, Sex and Marriage in England, 1500—1800. L., 1977; Houlbrooke R. The English Family 1450—1700. L., 1984; Slater M. Family Life in the Seventeenth Century: The Verneys of Claydon House. L., 1984; Gillis J. For Better, for Worse: British Marriages 1600 to the Present. Oxford, 1985; Macfarlane A. Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300—1840. Oxford—N.Y., 1986; Pinchbecks, Hewitt M. Children in English Society. L.; Toronto, 1969. V. 1; Hunt D. Parents and Children in History. N.Y., 1970; Demos J. A Little Commonwealth. N.Y., 1970.

²⁷ Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. М.; Ставрополь, 1995. Ч. 1—2.

рациями и совместным распоряжением недвижимостью. Родственная солидарность, без сомнения, имела место во всех европейских средневековых городах. Она стимулировалась не только экономической необходимостью, но и политическим фактором — монополизацией отдельными семьями важнейших должностей в городском управлении.

Насколько жестко регламентировала жизнь семьи родственная солидарность? В английских городах она имела четкие границы. Она не делала контроль родственной группы над малой семьей и даже индивидом всеобъемлющим. Английская городская семья XV в. ближе стоит к современной малой семье, чем итальянская “*familia*” того же времени. И это относится не только к ремесленным, но и купеческим семьям.

Своеобразным доказательством этого положения служит отношение к родовым именам. Наследственные имена медленно приживались среди английских средневековых горожан, и даже использование фамилии двумя поколениями не гарантировало, что представитель третьего не сменит имя. Например, в Бристоле Роберту Килменхэму (родом из Ирландии) наследовал сын под тем же именем, а его внук уже известен как Роберт Спайсер. Представители этой семьи были богатейшими купцами города и занимали видные посты в администрации²⁸. В XV в. все еще очень распространены в качестве фамилий географические прозвища — среди членов городского совета Бристоля в разные годы мы встречаем Роберта из Бата, Томаса из Глостера, Томаса Уилтшира, Джона Лейстера, Томаса из Ковентри и много других²⁹. Можно предположить, что через два-три поколения их наследники будут носить фамилии, связанные с их профессиональными занятиями или личными особенностями, как это произошло с наследниками Роберта Килменхэма.

Конечно, и в английских городских семьях придавалось большое значение родственным связям. В деловых письмах и завещаниях постоянно упоминаются кузены и кузины, тети и дяди. Но во всех документах несомненно преобладание личных интересов или интересов малой семьи. Примером может служить деловая переписка семьи Сели. Отец и три сына вели общие торговые операции, в которые тем или иным образом были втянуты и другие родственники. Первоначально деньгами и товарами распоряжался только отец, но по достижении совершеннолетия дети получили каждый свою долю и вкладывали деньги в семейную торговлю каждый от себя. Интересно упоминание в одном из писем, что братья давали деньги друг другу в долг³⁰.

²⁸ The Little Red Book of Bristol / Ed. by F.B. Bickley. Bristol, 1900. V. I. P. 20, 21, 25; V. II. P. 22, 38, 39; The Staple Court Books of Bristol / Ed. by E.E. Rich. Bristol, 1934. P. 60.

²⁹ Ibid. P. 20—21, 25, 114.

³⁰ The Celes Letters, 1472—1488 / Ed. by A. Hanham. Oxford, 1975. P. 46.

Как же строились отношения в английской городской семье? Как заключались браки? Филипп Арьес отмечал, что у семьи в период Средневековья и раннего Нового времени отсутствовала эмоциональная функция. Чувства между членами семьи не были необходимыми ни для существования семьи, ни для гармонии в ней. Если любовь появлялась после свадьбы, это — дополнительный плюс³¹. Не все исследователи согласны с такой точкой зрения. Так, Ф. и Дж. Гис со ссылкой на Д. Херлихи отмечают: «Средневековая семья никогда не была эмоционально глуха; чем она действительно бедна — так это источниками»³². Резонно отметить, что к браку в городской среде относились очень серьезно и чисто утилитарно — как к способу увеличить состояние, повысить социальный статус, продолжить род³³. В значительной мере это было связано с признанием Церковью греховности половых отношений. Интимная близость, узаконенная венчанием, переставала быть смертным грехом, но все равно воспринималась как греховная. Однако можно ли категорично утверждать, что брак не предполагал любовь или каких-то нежных чувств, и все мужчины и женщины так относились к браку? Несомненно, материальные вопросы при заключении брака для английских горожан были очень важны. И мнение родителей, безусловно, имело большое значение. Но и чувства молодых людей играли не последнюю роль. Примером могут служить браки в семье лондонских купцов Сели. Средний брат пишет младшему брату Джорджу о предполагаемой невесте для него: «Она интересная молодая женщина: красивая, с хорошей фигурой, серьезная <...> Дай Бог, чтобы это отложилось в твоей голове и затронуло сердце». Сам Ричард некоторое время спустя тоже решил жениться. Причем сначала он несколько раз встретился с девушкой (конечно, не наедине), чтобы выяснить, понравится ли она ему, и, что интересно, понравится ли он ей. И лишь потом он решил встретиться с ее отцом и узнать, подойдет ли он в качестве жениха, поскольку отец девушки был богатейшим человеком в Котсволде³⁴.

Какое положение занимали женщины в английской городской семье? Как относились мужья, отцы, братья к женам, матерям, сестрам, дочерям?

В отличие от Италии дочерям в английских городских семьях не обязательно заранее выделялось приданое («брачный дар»), и они не

³¹ См.: Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 9—10.

³² Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века / Пер. с англ. Е.А. Мельниковой. М., 2002. С. 309.

³³ См.: Краснова И.А. Брак и семья в городе: Флоренция XIV—XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I. С. 214—216.

³⁴ The Celes Letters. С. 80,102.

исключались из общего числа наследников. Причем приданое выражалось не только в денежной форме. Английские горожанки наследовали недвижимость и товары наравне с мужчинами. Это относится не только к вдовам, но и сестрам, дочерям, что говорит о более широком участии английских женщин в деловой жизни. Если, например, бристольтских горожан Уильям Берд, имевший двух сыновей, завещал жене и трем дочерям кроме прочего наследства 20 бочек вайды и 5 бочек железа, то предполагается, что они будут их реализовывать³⁵. Тем более что в отличие от железа вайда быстро портится и ее нельзя долго хранить.

В деловых письмах английских купцов часто упоминаются женщины, занимавшиеся торговыми и финансовыми операциями. И речь идет не только о вдовах. В 1476 г. Томас Кестен в своем письме Джорджу Сели сообщает: «Я написал, как Вы советовали, жене и попросил ее взять официальное прошение к Томасу Адаму-старшему о сроке уплаты 50 фламандских фунтов. Я прошу также передать ей 40 ш., которые пересылаю Вам». Суммы, которые указаны, довольно большие, если учесть, что годовой доход даже крупных купцов составлял около 100 фунтов. В ноябре того же года Уильям Марион писал из Лондона Джорджу Сели в Кале: «Передайте ему (отцу Джорджа. — Т.М.), что моя госпожа, Ваша мать, должна забрать у Джона Сели 8 сэрплей шерсти и 5 сэрплей он пошлет сверх этого»³⁶. Делами занимается, как видим, не одинокая женщина — у нее есть муж и трое взрослых сыновей. То же самое можно сказать о жене купца Коулдейла или о тетке братьев Сели, которая самостоятельно вела финансовые дела. Она упоминается в нескольких письмах, в одном из которых сообщается: «Извещаю Вас, что моя сестра, Ваша тетья, заключила сделку с Джоном Мэтью, мерсером из Лондона, и должна получить от него в срок, о котором они договорились, 75 ф. 16 ш. 8 п.»³⁷.

В семье Сели вообще очень уважительно относились к женщинам, причем не просто как к хозяйкам дома и матерям. Свекровь и ее невестки были помощницами своих мужей во всех делах, даже далеко не «женских». Показателем социального статуса женщины и отношения к ней со стороны мужчин могут служить завещания. Например, Ричард Фостер, Уильям Сеймор, Джон Бейли, Джон Браун и многие другие подробно расписали, кому и что они завещают, а затем распорядились оставшееся имущество передать их женам, чтобы они сами решили, как его лучше употребить. Причем свою 1/3 часть наследства они и без этого получили. Любопытно и то, что жены назначаются душеприказчицами при наличии родственников мужского пола. Конечно, тради-

³⁵ The Great Red Book of Bristol / Ed. by E.W.W. Veal. Bristol, 1931—1953. V. 3. P. 152—154.

³⁶ Ibid. С. 25. Сэрпль — большой тюк шерсти, содержащий 2240 ф.

³⁷ The Celes Letters. С. 79.

ционным было назначение душеприказчиками родственников, друзей, партнеров, духовных лиц. Тем более интересно, когда встречается такое явное проявление уважения и доверия к здравому уму женщин.

Безусловно, отношения в семьях были далеко не идеальными, и в источниках можно, как само собой разумеющееся, встретить упоминание о побоях, которым мужья подвергали жен и детей, или просто пренебрежение к ним. Тем более что физические наказания в период Средних веков были делом обычным. И если некоторые мужья проявляли очевидное уважение к женщинам, то другие даже не утруждали себя указать имя жены или дочери в завещании.

Но нельзя согласиться с тем, что в семейных отношениях в рассматриваемый период не было места чувству любви и нежности между мужьями и женами, родителями и детьми, братьями и сестрами. Достаточно прочесть, в каких словах Уильям Сели сообщает о смерти дочери: «Сэр, сообщаю Вам с прискорбием, что моя дочь Марджерри скончалась; это случилось в день Воскресения Христова. Сэр, это такой большой и внезапный удар и такая боль, которую трудно выразить словами»³⁸. Интересно то, что речь идет не о сыне, пережившем период детства. Трогательным является письмо жены Джорджа Сели мужу в Кале: «Достопочтенный и милостивый сэр, я обращаюсь к Вам со всем почтением, с каким супруга должна обращаться к супругу, и со всей сердечностью, на какую способна, всегда желая Вам процветания, да хранит Вас Иисус. И если сочтете возможным написать мне о ваших делах, я буду очень рада. Прошу Вас, сэр, не беспокоиться, все ваши товары, слава Богу, в безопасности. И как только Вы сможете завершить ваши дела, прошу Вас поторопиться домой»³⁹. С такой же любовью обращаются в письмах друг к другу братья. Один из самых богатых людей Бристоля Уильям Кэнинджес, похоронив жену и исполнив все свои обязанности по отношению к городу (он в пятый раз был мэром Бристоля), ушел в монастырь. Считают, что попытка Эдуарда IV найти ему новую жену заставила его оставить свет и принять духовный сан.

Семья играла очень важную роль в формировании системы ценностей и кодекса поведения индивида. Поскольку основу благополучия купца составляли его деловые качества, надежность, достойное поведение, то воспитанию таковых придавалось важное значение. Это прекрасно можно проследить по тем наставлениям, которые давали своим детям итальянские купцы. Но насколько отдельные представители семьи вписывались в общую картину, в сложившиеся стереотипы поведения? Как правило, о «паршивых овцах» в купеческих семьях не много

³⁸ The Celes Letters. C. 113.

³⁹ Ibid. C. 140.

известно. Сам характер источников (деловые бумаги) не предрасполагает к этому. Тем более интересно, когда встречаешь в них примеры нетрадиционного поведения, выпадения отдельных членов семьи из общих стандартов. Ярким примером в этом отношении является старший из братьев Сели — Роберт. По традиции, как старший сын именно Роберт должен был унаследовать дело отца. Но, судя по письмам, ситуация сложилась нестандартная. Старший брат из-за своей страсти к игре в кости постоянно находился в долгах. Видимо, образ жизни его был довольно беспорядочный, поскольку он не всегда мог даже вспомнить, где оставил свои вещи. Иногда он приносил вред деловым связям семьи, когда из-за собственной нужды в деньгах ставил торговых партнеров в сложное положение. Первая жена Роберта требовала у него денег, рассчитывая на помощь его братьев. Сам же Роберт беззастенчиво тратил общие деньги, занимая у братьев и не думая их отдавать. Похоронив умершую во время эпидемии жену, Роберт решил вновь жениться. В результате Джоана Харт, его новая избранница, обобрала его до нитки и уехала. Роберту даже нечем было уплатить за жилье и не на что жить. Средний брат Ричард просил младшего Джорджа уплатить за жилье Роберта и дать ему немного денег на расходы⁴⁰. Как видим, Роберт Сели вовсе не был ни образцовым купцом, ни благопристойным семьянином. Общепринятые нормы и представления оказывали влияние на людей, но конечно, каждый индивид проживал свою жизнь, отличную от других.

Рассмотренный материал позволяет прийти к заключению, что XV в. преобладала малая супружеская семья, а положение женщин в семье было более самостоятельным. Очевидно, более яркой и насыщенной, чем принято считать, были и эмоциональная атмосфера в семье, отношения между супругами, родственниками и детьми, братьями и сестрами. Они близки к тем, что формируются в Новое время.

§ 3. Семейный уклад в английском городе эпохи Реставрации (на примере семьи С. Пипса)

История семьи и брака в западной историографии давно стала одной из самых популярных областей исследования. Больше всего работ посвящено средневековой семье — дворянской, крестьянской и городской. Но достаточно много написано и о семье Нового времени. В исследованиях, посвященных истории английской семьи, затронуты

⁴⁰ The Celes Letters. С. 29, 33, 40, 46, 62. 162

различные аспекты — условия заключения браков, эмоциональная сторона семейной жизни, положение женщины в семье, отличие средневековой семьи от семьи Нового времени и пр.⁴¹ Подробный обзор историографии истории семьи дала Л.Н. Чернова⁴². Тем не менее, до сих пор справедливо замечание Барри Кауарда, которое он сделал в 1988 г.: «Много работы все еще нужно проделать, прежде чем станет ясной природа семейных отношений и положение женщин»⁴³.

Изучение семьи дает возможность уточнить важные аспекты таких проблем, как духовная жизнь горожан, отношения собственности, социальные конфликты внутри города и пр. Однако внутрисемейные отношения трудно анализировать, потому что основные источники по этой проблеме — дневники, автобиографии, письма (в XVII в. их появилось достаточно много), нуждаются в очень осторожной интерпретации. Было бы неверно предполагать, например, что официальный тон в письмах между мужьями и женами означал прохладные отношения между ними. И не обязательно авторы писем, дневников и автобиографий являлись типичными представителями населения Англии XVII в. Причины для ведения дневников или написания автобиографии менялись в разное время, но в раннее Новое время особенно сильны были религиозные мотивы. Конечно, не все авторы дневников действовали на основании этих мотивов. Сэмюэль Пипс, несомненно, не относится к указанной категории авторов. Именно поэтому его взгляды и представления более адекватно отражают взгляды представителей средних слоев общества.

В данном случае речь пойдет об отношениях между мужем и женой, а также между хозяевами и слугами в семье английского чиновника второй половины XVII в.

В XVII в., как, впрочем, и веком позднее термином «семья» в Англии обозначались не только муж, жена, дети и родственники. В это понятие включались чужие по крови, но жившие в доме постоянно люди, а также слуги⁴⁴.

⁴¹ Coster W. *Family and Kinship in England, 1450—1800*. Harlow, 2001; Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500—1800*. L., 1977; Houlbrooke R. *The English Family 1450—1700*. L., 1984; Slater M. *Family Life in the Seventeenth Century: The Verneys of Claydon House*. L., 1984; Gillis J. *For Better, for Worse: British Marriages 1600 to the Present*. Oxford, 1985; Macfarlane A. *Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300—1840*. Oxford—N.Y., 1986.

⁴² Чернова Л.Н. *Правящая элита Лондона XIV—XVI веков: олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики*. Саратов, 2005. С. 367—370.

⁴³ Coward B. *Social Change and Continuity in Early Modern England 1550—1750*. L.;N.Y., 1988. P. 24.

⁴⁴ Coward B. *Op. cit.* P. 18.

Материалом для рассуждения являются дневники Сэмюэля Пипса, крупного чиновника Адмиралтейства⁴⁵. Пять лет (с 1655 по 1660 г.) он служил мелким клерком Казначейства, а после благодаря способностям и трудолюбию (равно как и поддержке своего двоюродного дяди Эдварда Монтегю, графа Сандвича) занимал ответственный пост в Военно-морской коллегии (до 1673 г.). Затем он был Секретарем Адмиралтейства, секретарем короля (т.е. министром) по военно-морским делам (до 1689 г.). Дважды избирался в парламент, был президентом Королевского научного общества. Среди его друзей — Исаак Ньютон, Роберт Бойль, писатель Джон Драйден и архитектор Кристофер Рен. Будучи представителем среднего социального слоя, С. Пипс — личность яркая и незаурядная.

И одновременно с этим он часто проявляет такие черты характера, которые, кажется, не должны быть присущи человеку серьезному и ответственному. Он много пьет и волочится за женщинами, играет в карты и тратит деньги на модные наряды.

Пипс женился на пятнадцатилетней Элизабет Маршан де Сен-Мишель, дочери бежавшего в Англию француза-гугенота. Причем женился он по страстной любви, вопреки широко распространенным представлениям об отсутствии тесных эмоциональных связей между мужем и женой, родителями и детьми в семье раннего Нового времени, ибо о том, что любовь опиралась не на сексуальное влечение⁴⁶. Правда, наряду с этой точкой зрения высказывались и другие. Например, Р. Хоулбрук отмечал, что в рассматриваемый период «идеал романтической любви был глубоко внедрен в народную культуру»⁴⁷.

Начать можно с того, что С. Пипс жену любил. Будем учитывать этот факт, когда речь пойдет о каких-то его поступках, но всю жизнь постоянно изменял жене как со знатными дамами, так и с собственными служанками. Это было постоянным поводом для крупных скандалов с супругой.

Как же складывались у Пипса отношения с женой, или лучше сказать, как он относился к ней?

Мы привыкли, что в семье нарядами увлекается, в первую очередь, женщина. И основные расходы на одежду и украшения приходятся на долю именно женщины. Однако жене Пипса в этом плане не повезло — муж считал, что наряды нужно покупать для него, а жена может обойтись чем-нибудь попроще. Видимо, это замечали близкие к семье

⁴⁵ Pepys S. *The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription* Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I—III; Пипс С. *Домой, ужинать и в постель*. Из дневника / Вступ. ст., сост., пер. с англ., именной указатель и прим. А. Ливерганта. М., 2001.

⁴⁶ Powell C.L. *English Domestic Relation 1487—1653*. N.Y., 1917; Slater M. *Op. cit.*; Gillis J. *Op. cit.*

⁴⁷ Houlbrooke R. *Op. cit.* P. 78.

люди. В ноябре 1660 г. после беседы с женой своего двоюродного дяди графа Сандвича Пипс записал: «Среди прочего миледи очень меня уговаривала не экономить на жене, и мне показалось, что говорилось это серьезнее обычного. Мне ее слова пришлись по душе, и я решил подарить жене кружевной воротник...»⁴⁸. Через два дня в «Дневнике» появилась запись: «В Уордроб, где миледи, как оказалось, уже подыскала моей жене кружевной воротник за 6 фунтов. Очень рад, что обойдется он мне не дороже, хотя про себя подумал, что и это не так уж мало»⁴⁹.

Пипс вовсе не был озабочен тем, чтобы его жена имела если не богатый, то хотя бы приличный гардероб. В декабре 1662 г. Пипс записывает: «Очень сожалею, что у жены моей так по сей день и нет сносной зимней одежды; стыдно, что она ходит в тафте, тогда как весь свет щеголяет в муаре. Засим помолились и в постель. Но ни к какому решению так и не пришли — придется ей и впредь ходить в том же, в чем и теперь»⁵⁰.

Это можно было бы понять, если бы денег на новые наряды в семье вовсе не было. Однако на себя Пипс не жалел расходов. В июле 1660 г. он пишет: «Сегодня утром принесли мой камлотовый плащ с золотыми пуговицами и шелковый камзол, каковой обошелся мне очень дорого — дай Бог, чтобы я сумел за него расплатиться»⁵¹. В октябре 1663 г. он подвел итог своим месячным тратам «и, к превеликому огорчению, обнаружил, что в этом месяце потратил на 43 фунта больше, чем в предыдущем; тогда было 717, а теперь 760 — в основном из-за расходов на платье для себя и для жены; на нее ушло 12 фунтов, а на меня 55 или около того: я пошил себе бархатный плащ, два новых камзола, один черный, оба одноцветных, новую бархатную мантию с ворсом, золотыми пуговицами и петлями, новую шляпу, высокие сапоги на шелку и много чего еще, вознамерившись впредь следить за своим видом. А также два парика, один обошелся мне в 3 фунта, а другой в 40 шиллингов»⁵².

А когда в июле 1664 г. жена осмелилась купить себе не очень дорогие сережки, это вызвало скандал: «Вернувшись домой, обнаружил, что жена, по собственному разумению, выложила 25 шиллингов на пару серег, от чего пришел в ярость; кончилось все размолвкой, наговорили друг другу невесть что; я и помыслить не мог, что жена моя способна отпускать подобные словечки <...> Пригрозил, что поломаю их (серьги — Т.М.), если она не отнесет их обратно и не получит назад свои деньги, с чем и ушел. Спустя некоторое время бедняжка послала слу-

⁴⁸ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 98.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 99—100.

⁵¹ Pepys S. The Diary. Vol. I. P. 190.

⁵² Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 141.

жанку обменять серьги, однако я последовал за ней и отправил домой: мне довольно было и того, что жена подчинилась»⁵³.

И это не единственный случай, когда Пипс возмущается желанием жены приобрести какую-нибудь недорогую вещь. В сентябре 1664 г. он записал: «Вернувшись сегодня вечером домой, принялся изучать счета моей жены; обнаружил, что концы с концами не сходятся, и рассердился; тогда только негодница призналась, что, когда нужная сумма не набирается, она, дабы получить искомое, добавляет что-то к другим покупкам. Заявила также, что из домашних денег откладывает на свои нужды, хочет, к примеру, купить себе бусы, чем привела меня в бешенство. Больше же всего меня тревожит, что таким образом она постепенно забудет, что такое экономная, бережливая жизнь»⁵⁴.

Но требуя от жены бережливости и экономии, Пипс уже в октябре этого же года приобрел себе новый камзол: «Сегодня утром надел свой новый плисовый камзол; вещь дорогая и благородная; обошлась мне в 17 гиней»⁵⁵.

Можно сделать вывод — в семье С. Пипса модником был муж, а не жена. Чего стоит только ирония в его словах, когда он описывает наряд жены: «В полдень — домой, обедать; жена — необычайно хороша в своем муаровом платье в цветах, которое она пошила два года назад; вся в кружевах — красotka да и только!»⁵⁶. Жена, по мнению Пипса, должна была заниматься домом, а не красоваться в нарядах. Он пишет в «Дневнике»: «Утренняя беседа с женой, в целом приятная, немного все же меня огорчила; вижу, что во всех моих действиях она усматривает умысел; будто я неряшлив специально, чтобы ей было чем заняться, чтобы она целыми днями сидела дома и о развлечениях не помышляла. Жаль, что это ее заботит, однако в ее словах есть доля истины, и немалая»⁵⁷.

Кроме скупости по отношению к жене С. Пипс иногда позволял себе и поколачивать ее. Справедливости ради нужно сказать, что в рассматриваемое время побои были обычным явлением в семьях любого социального статуса.

Как замечает Барри Кауард: «Избиение жены и жестокость действительно имели место...»⁵⁸. В декабре 1664 г. Пипс пишет: «Вчера вечером легли рано и разбужены были под утро слугами, которые искали в нашей комнате ключ от комода, где лежали свечи. Я рассвирепел и обвинил жену в том, что она распустила прислугу. Когда же она в ответ на

⁵³ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 101.

⁵⁴ Там же. С. 102.

⁵⁵ Там же. С. 142.

⁵⁶ Там же. С. 110.

⁵⁷ Там же. С. 101.

⁵⁸ Coward B. Op. cit. P. 24.

это огрызнулась, я ударил ее в левый глаз, причем настолько сильно, что несчастная принялась голосить на весь дом; <...> на душе у меня после этого было тяжело, ведь жене пришлось весь день прикладывать к глазу припарки; глаз почернел, и прислуга заметила это»⁵⁹.

Познакомившись с тем, какую роль отводил Пипс «любимой» жене, посмотрим, теперь, как относились в семье к слугам. С одной стороны, они действительно рассматривались как члены семьи. Слуги вместе с хозяевами спят, моются, играют в карты, их свадьбы празднуются как семейный праздник. С другой, — обычай колотить слуг был распространен еще шире, чем побои жен.

В январе 1660 г. Пипс записывает: «...И затем домой, где обнаружил, жену и прачку. Сидел у себя до тех пор, пока не появился под моим окном ночной сторож со своим колокольчиком, как раз когда я писал эти строки, и не прокричал: “Половина второго ночи, и холодное, морозное, ветренное утро”. Я тогда отправился спать, а жена и служанка все еще стирали»⁶⁰. Из всех домашних дел стирка — самая тяжелая работа, поскольку нужно было натаскать воды, нагреть ее, а после стирки и полокания белья всю использованную воду вынести. Даже не очень богатые семьи, в которых не было прислуги, нанимали проходящих прачек. По этой же причине белье стирали не чаще одного раза в месяц.

В ноябре 1660 г. Пипс отправился к сэру Уильяму Баттену, инспектору Королевского флота, своему соседу и приятелю. В «Дневнике» он записал: «Сегодня свадьба его слуги и служанки. Позвано очень много купцов и прочих знатных гостей, с тем чтобы собрать молодым денег, что мы, когда обед кончился, и сделали». Интересно, что и в этом случае Пипс умудрился проявить свою скупость: «Я дал 10 шиллингов и ни пенса больше, хотя, думаю, остальные дали больше и посчитали, что и я дал столько же»⁶¹.

Жена Пипса не гнушается играть со своей прислугой в карты, и сам Пипс не видит в этом ничего плохого: «Дома жена играла с прислугой в карты, все очень веселы. Я — в постель, они же допоздна сидели за картами и играли в жмурки»⁶². Очень интересное замечание делает Пипс по поводу наряда и украшений дочери сэра Уильяма Пенна, адмирала, специального уполномоченного Морского управления, в день ее свадьбы: «Одета в заграпезное платье, на руке дешевый браслет — подарок служанки...»⁶³. Отношения со слугами напоминают, скорее, отношения с домочадцами. Но при этом слуг постоянно колотят. В декабре 1660 г. Пипс записал: «Сегодня утром, обнаружив, что некоторые вещи лежат

⁵⁹ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 102.

⁶⁰ Pepys S. The Diary. Vol. I. P. 19.

⁶¹ Ibid. P. 293.

⁶² Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 93.

⁶³ Там же. С. 94.

не там, где им надлежит, схватил метлу и стал колотить горничную до тех пор, пока она не закричала на весь дом, чем крайне мне досадила»⁶⁴. Или в «Дневнике» есть следующая запись: «Поскольку жена и горничные жаловались на мальчишку, я вызвал его наверх и отделявал плеткой до тех пор, пока не заболела рука, и, однако ж, мне так и не удалось заставить его признаться во лжи, в которой его обвиняют. В конце концов, не желая отпускать его победителем, я вновь взялся за дело, сорвал с него рубаху и сек до тех пор, пока он не признался, что и в самом деле выпил виски, от чего все это время отрекался. А также сорвал гвоздику, главное же, уронил на пол подсвечник, от чего отпирался добрых полчаса. Надо сказать, я был совершенно потрясен, наблюдая за тем, как такой маленький мальчик терпит такую сильную боль, лишь бы не признаться во лжи. И все же, боюсь, придется с ним расстаться. Засим в постель; рука ноет»⁶⁵. Трудно сказать, был ли виноват мальчик, поскольку одна из служанок в доме, Люси, часто пила. Возможно, мальчик признался лишь затем, чтобы избавиться от побоев. Вероятно, все-таки, что не все постоянно били своих слуг. Поскольку Пипс не хотел, чтобы соседи знали, что он это делает. Однажды вернувшись домой, он обнаружил, что кухарка Люси «по недосмотру, оставила входную дверь открытой, что привело меня в такое бешенство, что я, пинком ноги в зад, загнал ее на крыльцо, где отвесил ей солидную оплеуху, свидетелем чего стал мальчишка-посыльный сэра У. Пенна; это привело меня в еще большее бешенство, ибо не сомневаюсь: он доведет увиденное до сведения хозяев, а потому улыбнулся сорванцу самым ласковым образом и обратился к нему совершенно спокойно, дабы он не подумал, что я сержусь; и все же история эта не идет у меня из головы»⁶⁶.

Видимо, Люси не очень нравилось, как с ней обращается хозяин дома, потому что она предпочла покинуть семью Пипса: «...Люси напилась и, когда хозяйка указала ей на это, собрала свои вещи и ушла, хотя никто ее не гнал. По правде сказать, хоть у меня никогда не было более нерадивой и грубой служанки, уход ее меня огорчил: отчасти из-за той любви, какую я всегда питаю к своим слугам (вернее было бы сказать служанкам — Т.М.), а отчасти потому, что девушка она усердная и старательная — вот только пьет»⁶⁷. Хотя трудно сказать, насколько искренним был Пипс, поскольку одновременно называет Люси «нерадивой» и «усердной и старательной».

Любовь к слугам, о которой говорит Пипс, выражалась вполне банально. Все служанки в семье, если они были мало-мальски привле-

⁶⁴ Pepys S. The Diary. Vol. I. P. 307.

⁶⁵ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 92—93.

⁶⁶ Там же. С. 95.

⁶⁷ Там же.

кательными, побывали в постели хозяина. Хотя, это могла быть и не постель, поскольку Пипс использовал любой удобный момент, чтобы залезть под юбку к «крошке Джейн» или Деб Уиллет. Если привести только краткий список любовниц Пипса, не являвшихся служанками в доме, то можно понять чувства его жены: жена адмирала сэра Уильяма Пенна, служанка в магазине Бетти Мартин, ее сестра Долл Лейн, жена трактирщика Бетти Митчелл, актриса Королевского театра Элизабет Непп и др. Вызывает улыбку озабоченность Пипса тем, что жена хочет взять компаньонку приятной наружности: «И хоть девушка не столь красива, как описывала жена, она все же весьма хороша собой, настолько, что мне она должна понравиться, а потому, исходя из здравого смысла, а не из чувства, было бы лучше, если бы она у нас не осталась, дабы я, к неудовольствию жены, ею не увлекся...»⁶⁸. Поскольку Деб Уиллет, о которой шла речь выше, все же осталась в доме, то вскоре она стала любовницей Пипса. И это явилось в будущем причиной грандиозного скандала с женой. Через год Деб вынуждена была уйти со службы. Это весьма огорчило Пипса: «Ушел в присутствие с тяжелым сердцем; чувствую, что не могу забыть девушку, и испытываю досаду из-за того, что не знаю, где ее отыскать; Более же всего гнетет меня мысль о том, что после случившегося жена возьмет надо мной власть и я навсегда останусь ее рабом...»⁶⁹. Если учесть, что жена Пипса умерла в 29 лет в 1669 г, а он сам прожил до 1703 г, постоянно беспокоясь о своем здоровье, резонно отметить — его опасения оказались напрасными.

Можно сказать, что не было каких-то специфических семейных отношений в среде дворянства, чиновничества или купечества. Каждая семья, к какому бы слою она не принадлежала, строила свои взаимоотношения. Например, трудно предположить, что Джон Эвелин, современник и приятель Пипса, оставивший потомкам свой «Дневник», мог так вести себя с женой и прислугой, как вел себя С. Пипс. Да и сэр У. Пенн, видимо, придерживался иной поведенческой стратегии. В противном случае С. Пипс не беспокоился бы, что до Пенна дойдут слухи, будто он бьет своих слуг. На семейные отношения накладывали отпечаток воспитание, образование, господствующие обычаи, но главную роль, видимо, играли личные качества человека.

⁶⁸ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 104.

⁶⁹ Там же. С. 107.

§ 4. Отношение к католикам в Англии в период Реставрации

В Англии в отличие от континентальной Европы процесс размежевания между католиками и протестантами проходил намного медленнее. Несмотря на законодательные постановления в отношении Церкви, принятые в первой половине XVI в., англиканская Церковь окончательно сложилась лишь во второй половине XVI в., да и после этого долгое время она представляла собой объединение различных течений от крайне радикальных протестантских до очень близких Католицизму. Лишь Гражданская война середины XVII в. стала временем окончательного размежевания в лагере английских протестантов.

В этих условиях религиозного брожения судьба английских католиков, которые стали религиозным меньшинством, значительно отличалась от судеб их собратьев на континенте.

В плане изучения постреформационного католицизма в Англии вплоть до середины XX в. история католиков связывалась в политической историей. Более того, для историков-протестантов история английских католиков не представляла интереса. И если к этой истории обращались, то только с политических позиций. Ситуация начала меняться лишь со второй половины XX в., когда в английской историографии проявился интерес к новой социальной истории, что привело к появлению ряда работ по истории локальных групп и сообществ. Правда, большая часть этих работ посвящена XVI в. или первым десятилетиям XVII столетия⁷⁰. В конце XX—начале XXI в. больше внимания стало уделяться проблемам взаимоотношений между католиками, протестантами и правительством, а также формированию образа католиков в английском обществе⁷¹. Нельзя сказать, что положение католиков во второй половине XVII в. не рассматривалось зарубежными исследователями, но специальных работ все же не слишком много, укажем лишь монографии Д. Миллера и Д. Босса и статью К. Хейли⁷².

⁷⁰ *Clancy T.H.* Papist Pamphleteers: the Allen-Persons Party and the Political Thought of the Counter-Reformation in England, 1572—1615. Chicago, 1964; *Holmes P.* Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics. Cambridge, 1982; *Pritchard A.* Catholic Loyalty in Elizabethan England. Chapel Hill, North Carolina, 1979.

⁷¹ *Hopfl H.* Jesuit Political Thought: the Society of Jesus and the State, c. 1540—1630. Cambridge, 2004; *Lake P.* The King (the Queen) and the Jesuit: James and It's "Trew Law of Free Monarchies" in Context's // Transactions of the Royal Historical Society. 6th series. 2004. Issue 14; *Sommerville J. P.* Papalist Political Thought and the Controversy over the Oath of Allegiance // Catholics and the "Protestant Nation" / Ed. by E. Shagan. Manchester, 2005.

⁷² *Bossy J.* The English Catholic Community, 1570—1850. L., 1975; *Miller J.* Popery and Politics in England. 1660—1688. L., 1973; *Haley K.* No Popery in the Reign of Charles II // Britain and the Netherlands. The Hague, 1975. Vol. V. P. 102—119.

В отечественной историографии внимание к изучению положения католиков в Англии XVII в. стало уделяться только в конце XX в. Примером могут служить работы А.Ю. Серегинной, однако они посвящены концу XVI—первой половине XVII в.⁷³ Необходимо также отметить статью Т.Л. Лабутинной, освещающую конфессиональную ситуацию XVII—XVIII вв.⁷⁴ Учитывая это, достаточно сложно анализировать положение католиков и отношение к ним в рассматриваемый период. Хотя вторая половина XVII в. в истории английского Католицизма необычайно интересна — никогда после Реформации, за исключением времени правления Марии Тюдор, для католиков не складывалось более благоприятной обстановки, чем в период правления поздних Стюартов.

В течение долгого времени в историографии вопрос о католиках в ранней новой Англии сводился к спорам о том, были ли они традиционными католиками в старом стиле или результатом деятельности посттридентских миссионеров. Основная тенденция состояла в том, чтобы показать, как английские протестанты и католики после Реформации создавали свои собственные формы личной веры. Данный процесс был общим для всех англичан. Английские католики видели себя наследниками и защитниками истинной веры, возводя ее к ранней церкви. Но и английские протестанты настаивали на том, что они восстанавливают первоначальную церковь. Причем английские католики уже давно значительно отличались от континентальных единоверцев. Они искали свой путь выражения духовности и поклонения независимо от присутствия назначенного из Рима духовенства или официальных мест отправления обрядов.

У английских католиков было много проблем — как поклоняться Господу без священника, если нельзя совершить причащение? Как проводить богослужение и обряды вне священных мест? Как отдельному человеку поддерживать духовную жизнь в «сообществе святых», когда нет никакого видимого сообщества? Можно ли оставаться верным подданным английского монарха, или нужно во всем быть послушным папе римскому? Отказ понтификов понять специфические проблемы английских католиков вынудили верующих дистанцироваться от Рима, полагаясь на свое понимание того, что значит быть преданным католиком.

Ниже я хотела бы рассмотреть только один вопрос — послужило ли возвращение на престол Англии Стюартов, Карла II и Якова II, склоняв-

⁷³ Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI—начала XVII вв. СПб., 2006; *Она же*. Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI—начала XVII в. в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34.

⁷⁴ Лабутинина Т.Л. Антикатолицизм в Англии в правление последних Стюартов. 1660—1714 // Религиозная политика в Европе в XVI—XX вв. Смоленск, 1998.

шихся к Католицизму (Яков II даже открыто принял Католичество), во благо английским «папистам» или во вред? При рассмотрении указанного вопроса я опиралась на дневники двух англичан, принадлежавших к англиканскому вероисповеданию, — Сэмюэля Пипса и Джона Эвелина⁷⁵.

Возвращение Стюартов к власти в 1660 г. пробудило у английских католиков надежды на улучшение их положения. За свою поддержку Карла I, защиту от смерти его детей, и учитывая склонность матери будущих Карла II и Якова II к Католицизму, они надеялись получить материальное возмещение и свободу совести.

Возвращение Карла II в Англию было встречено с радостью. С. Пипс 11 февраля 1660 г. записал: «Когда мы шли домой, на улицах жгли праздничные костры, слышен был звон колоколов церкви Сент Мэри-ле-Боу, да и других церквей тоже. Весь город, несмотря на поздний час — было без малого десять — ликовал. Только между церковью святого Дунстана и Темпл-баром насчитал я четырнадцать костров. А на Стрэнд-бридж — еще тридцать один!»⁷⁶. 5 марта Пипс пишет: «Мы все возлагаем большие надежды на скорое возвращение государя»⁷⁷. Как чиновник Морского ведомства, Пипс, находясь на борту корабля, поинтересовался, «что думают по этому поводу моряки, и все они в один голос закричали “Да хранит Бог короля Карла!” с величайшим воодушевлением»⁷⁸. Дж. Эвелин 29 мая 1660 г. наблюдал за въездом Карла II в Лондон: «В этот день его величество Карл II прибыл в Лондон после печального и долгого изгнания и бедственного страдания и короля, и церкви, продолжавшихся 17 лет. Это был также день его рождения. И его сопровождали с триумфом 20 тысяч конницы и пехоты, размахивающие своими саблями и кричащими с невыразимой радостью. Путь был усыпан цветами, звонили колокола, улицы увешаны гобеленами, фонтаны изливали вино. Мэр, олдермены и все компании в своих ливреях, золотых цепях и флагами; члены палаты лордов и пэры, одетые в одежды с серебром, золотом и бархат; окна и балконы основательно заполнены дамами; трубы, музыка и бесчисленные толпы людей, даже пришедшие настолько издалека, как из Рочестера, так что они проходили по городу 7 часов — с 2 часов пополудни до 9 часов вечера»⁷⁹. В день коронации 23 апреля 1661 г. Пипс отметил: «Теперь, после всего, что было, могу засвидетельствовать: если повидать то, что

⁷⁵ Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. With Memoir. L., 1890; Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I—III.

⁷⁶ Pepys S. The Diary... Vol. I. P. 52.

⁷⁷ Ibid. P. 77.

⁷⁸ Ibid. P. 124.

⁷⁹ Evelyn J. The Diary... P. 264—265.

повидал в тот славный день я, можно смело закрыть глаза и не смотреть ни на что более, ибо в этом мире ничего столь же замечательного мне все равно не увидеть»⁸⁰.

В 1662 г. Карл издал «Декларацию веротерпимости», но парламент отказался ее поддержать. Карл, хотя и симпатизировал католикам, не готов был рисковать тронем, настраивая против себя своих подданных-протестантов. Этот документ вызвал подозрение, что король и его брат Яков были если и не папистами, то симпатизирующими им. Тем более что в 1662 г. Карл II женился на португальской принцессе Екатерине, которая была католичкой. Хотя в начале правления Карла II отношение к католикам на бытовом уровне не было особо нетерпимым. Об этом свидетельствуют записи в дневнике С. Пипса.

Враждебное отношение к католикам подогревалось событиями сентября 1666 г., когда в течение 5 дней в Лондоне бушевал страшный пожар, подробно описанный в дневнике Дж. Эвелина. Без каких-либо доказательств причина пожара была приписана проискам папистов. Это нашло отражение в надписи на монументе, установленном в память о пожаре. Надпись сохранилась до 1830 г. Обвинения сопровождалось сожжением изображений папы и его кардиналов. Как это все отличалось от праздничных костров в честь реставрации Стюартов! Но нужно заметить, что отмеченные акты сожжения изображений папы и кардиналов вряд ли были непосредственным проявлением народных чувств. Поскольку организация подобных действий — дело довольно дорогостоящее, то оплачивалась она политическими деятелями. Еще раз политика и религия переплелись, нанеся серьезный вред английским католикам.

После смерти младшего брата Генриха от оспы единственным наследником Карла остался Яков, т.к. жена Карла не смогла родить ему наследника. Два брата имели много различий. Карл был веселым, ленивым, но умным человеком, а Яков добросовестным, но фанатично строгим и упрямым. Еще во время пребывания Якова в эмиграции во Франции он проявил склонность к католическому учению и обрядам. Яков принял причащение в Римско-католической церкви в 1668 или 1669 гг., хотя его обращение и держалось в секрете, и он до 1676 г. продолжал посещать англиканские службы.

Рост влияния католиков в судебных инстанциях вынудил парламент в 1673 г. принять новый «Испытательный закон» (“Test act”), или как его иногда называют «Акт о присяге»⁸¹. Все гражданские и военные чиновники, согласно этому закону, обязывались давать клятву, в которой

⁸⁰ Evelyn J. The Diary... Vol. II. P. 87.

⁸¹ An Act for Preventing Dangers which may happen from Popish Recusants // Statutes of the Realm. 1628—1680. L., 1819. V. 5. P. 782—785.

они не только должны были отрицать учение, но и осуждать обряды Католицизма как «суеверные и идолопоклоннические», и получать причастие по обрядам англиканской Церкви. Яков отказался от всех этих действий, и таким образом его обращение в Католицизм было обнародовано.

Карл II выступил против обращения Якова и приказал, чтобы его дочери Мария и Анна воспитывались в протестантской вере. Хотя он позволил Якову в 1673 г. жениться второй раз на католичке, пятнадцатилетней итальянской принцессе Марии Моденской. Многие из англичан очень неодобрительно отнеслись к этому браку наследника престола. Д. Эвелин 5 ноября 1673 г. записал в дневнике: «Этой ночью молодежь Сити сожгла портрет папы, после чего организовала процессию с большим триумфом. Они были недовольны герцогом за перемену религии и женитьбу на итальянке»⁸². Англичане расценивали новую герцогиню Йоркскую как агента папы римского.

Недоброжелательность подданных подогревалась слухами о заговоре папистов. Некто Титус Оутс утверждал, что по согласию понтифика и иезуитов король должен был быть убит, а протестантская Церковь уничтожена⁸³. Его обвинения были настолько противоречивы и нелепы, что непредубежденные люди типа Д. Эвелина считали их сомнительными. Но суды сделали все, чтобы убедить англичан в существовании «омерзительного и адского заговора». Для католиков по всей стране настало время террора. Опять запылали костры, но теперь протестанты не ограничивались сожжением изображением папы и кардиналов. Начались аресты и казни католиков. Точные цифры сложно получить, но между 1678 и 1681 гг. примерно 2 тыс. человек были заключены в тюрьму, 7 священников и 5 мирян — казнены как предатели. Казнены были лорд Стаффорд и архиепископ Армы в Ирландии Оливер Планкетт. Вскоре преследования стали стихать. Причины тому разные — в ходе расправ над католиками активизировались все разбойные элементы в обществе, что не могло не беспокоить местные власти. Кроме того, преследования католиков, среди которых были купцы и ремесленники, а не только представители дворянства, дезорганизовывали экономику.

Беспорядки в стране сыграли на руку Якову II, воцарение которого было встречено довольно спокойно. После своей коронации Яков II стал открыто посещать католические мессы и придерживаться католических обрядов. Д. Эвелин, убежденный роялист, 29 декабря присутствовал на «папистской» службе и с горечью отмечал: «Я не мог поверить, что смогу когда-нибудь увидеть подобные вещи во дворце английского короля...».

⁸² Evelyn J. The Diary... P. 377.

⁸³ Lane J. Titus Oates. L., 1949.

Заговор папистов был последним организованным преследованием англичан по религиозным причинам. В апреле 1687 г. была издана «Декларация о религиозной терпимости», которая предоставляла свободу вероисповедания всем инакомыслящим, в том числе и католикам. Назначение нескольких лордов-католиков на высшие должности в государстве, теплый прием, оказанный папскому посланнику, и некоторые другие действия короля усилили чувство неудовлетворенности. Пока у Якова II не появилось наследника мужского пола, многие протестанты вели себя спокойно, поскольку были уверены, что восприемницами станут его дочери-протестантки. Но после того, как королева родила сына, были начаты переговоры с Вильгельмом Оранским, мужем Марии. Яков слишком поздно понял серьезность ситуации, когда от него отвернулись некоторые из родственников, в том числе собственная дочь, он решил в декабре 1688 г. бежать из Англии.

Вильгельм III лично не был настроен проводить жесткую политику религиозных преследований. Но антикатолические настроения были настолько сильны, что в 1689 г. католиков исключили из «Декларации о веротерпимости». В «Билле о правах» 1689 г. было оговорено условие, что никто правящей семьи, будучи католиком или заключивший брак с католиками, не мог претендовать на трон. Католикам запрещалось проживать в пределах 10 миль от Лондона, держать в доме оружие, боеприпасы или лошадей стоимостью больше 10 фунтов. Они не могли быть адвокатами или поверенными, голосовать на парламентских выборах, посылать детей для образования за границу и пр.

Таким образом, правление в Англии королей, доброжелательно настроенных к католикам и даже принявших Католицизм не принесло пользы приверженцам католической церкви. Наоборот, действия Карла II и Якова II, направленные на облегчение их участи, только настроили против католиков протестантское большинство.

§ 5. Город как среда обитания человека: Лондон во второй половине XVII в.

В XXI в. города — среда обитания постоянно возрастающего числа людей и место концентрации разнообразных видов деятельности. Города продемонстрировали удивительную живучесть и умение приспосабливаться к изменяющемуся миру, одновременно, город — модель общества, его породившего. Он создается совместными действиями многих сил. Это результат развития промышленности и торговли, культуры,

нужд обороны и замыслов политиков. Он возникает в связи с освоением новых районов и углублением международного разделения труда. Города обладают большими арсеналами информации, соединяют различные сферы деятельности, на пересечении которых возникают новые явления в культуре, науке, технике, политике. Городам присуща особая атмосфера общения, многоконтактная среда. Выступая олицетворением цивилизованного мира, передовых достижений технического и научного процесса, города, в то же время, превращаются в среду обитания, опасную для человека своей непредсказуемостью и губительными последствиями техногенных катастроф. Городской образ жизни оказывает негативное воздействие на психику людей, которым непрерывно приходится жить в состоянии стресса.

Вот почему интересно проследить, какие условия жизни людей существовали в городах прошлого. Тем более что в современной историографии еще недостаточно изучены проблемы, связанные с осмыслением пространственной среды города, «жизненного мира» личности, урбанизма, как формы социальной организации, которая выводит людей за пределы семьи в другие социальные институты, как среду формирования особой личности городского жителя, в которой сочетаются крайний индивидуализм и особого рода коллективизм.

Объектом рассмотрения взят Лондон второй половины XVII в., а если точнее, — эпохи Реставрации. И это не случайно. Именно в указанное время появляются документы личного происхождения, позволяющие заглянуть в личную жизнь человека, познакомиться с историей не как экономическим или политическим развитием, а как жизнью конкретных людей с реальными именами и судьбами. Записки, дневники, воспоминания появились в Англии, конечно, раньше эпохи Реставрации. Тем не менее, не раньше XVII в. И подобного рода документы, написанные на несколько десятилетий раньше возвращения Стюартов, посвящены преимущественно политическим событиям. Дневники Сэмюэля Пипса (1633—1703) и Джона Эвелина (1620—1706)⁸⁴ с этой точки зрения представляют особый интерес, поскольку наряду с событиями политической, религиозной, культурной действительности страны главное внимание в них уделено личной сфере и жизни семьи. Конечно, можно усомниться в том, возможно ли на основании одного или двух дневников делать какие-то обобщения о жизни целого города или даже городов вообще. Говоря о себе, о своих чувствах, семейных проблемах, мемуаристы сообщают и общие сведения, дающие возможность представить жизнь ули-

⁸⁴ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I—II; Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I—III; Punc C. Домой, ужинать и в постель. Из Дневника / Вступ. ст., сост., пер. с англ., именной указатель и прим. А. Ливерганта. М., 2001.

цы, уровень благоустройства города, виды развлечений, болезни и состояние медицины в рассматриваемый период, и многое другое.

Пространство города, в котором обитали жители XVII в., можно разделить на несколько ареалов. Прежде всего, это дом, где проходила семейная жизнь человека, затем улица, места работы, отдыха и развлечений; для Лондона особым ареалом обитания горожан была Темза. Ниже речь пойдет о доме, улице и реке как особых элементах, составлявших жизненное пространство горожан в рассматриваемый период.

Начать следует с жилища, в котором обитал горожанин второй половины XVII в. Сразу нужно сказать, что большинство горожан имели не собственное жилье (дом или квартиру), а предпочитали арендовать помещения для проживания. И это касается не только бедняков, у которых не было средств для покупки жилья, но даже и для представителей аристократии⁸⁵. Богатые люди предпочитали приобретать дома в собственности за пределами города⁸⁶. Мало кто мог позволить себе содержать собственные дома и в городе, и за его пределами. Хотя, конечно, такие люди были, но число их являлось довольно ограниченным. Одним из них был лорд Саутгемптон, хозяин Блумсбери. На своей территории он занимал одну из усадеб, все остальные земли сдавал подрядчикам, которые строили дома для арендаторов⁸⁷. Поскольку большинство лондонцев снимало жилье, это накладывало отпечаток на семейный уклад, на отношение к дому. Если говорить о мужчинах, то они, как правило, редко появлялись дома до того, как нужно было отправляться спать. Это касается не только низших слоев горожан, но и чиновников, и аристократии. Работа или служба занимали не весь день, но после трудового дня мужчины предпочитали отправиться не домой, а в кофейню, таверну, прогуляться в парк или в гости к друзьям. Во второй половине XVII в. такие заведения как кофейни стали появляться во все большем количестве. Исследователи считают, что только в одном Лондоне ко времени правления королевы Анны их было 12 тысяч⁸⁸. Кофейни и таверны — места встреч, споров, обмена мнениями, своего рода политические клубы. В феврале 1664 г. С. Пипс записал в дневнике: «В кофейню с капитаном Коком, который с жаром рассуждал о положительных сторонах голландской компании (я же до сего момента рассматривал, напротив, лишь отрицательные ее стороны), то бишь: торговать с выгодой мы вместе не можем, а стало быть, кто-то

⁸⁵ Уоллер М. Лондон. 1700 год. Смоленск, 2003. С. 152.

⁸⁶ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 38, 96, 105, 124; Clieffe J.T. The World of the Country House in Seventeenth-Century England. New Haven, 1999.

⁸⁷ Акройд П. Лондон. Биография. М., 2005. С. 280.

⁸⁸ Covard B. Social Change and Continuity in Early Modern England. 1550—1750. N.Y., 1988. P. 76.

один должен отступить»⁸⁹. В мае 1661 г. С. Пипс с несколькими знакомыми в «Рейнской кофейне» обсуждал вопрос о том, была ли когда-то Англия одним континентом с Францией⁹⁰. В то время, когда еще не существовало других способов получать информацию, в кофейнях можно было обмениваться новостями или сплетнями, обсудить деловое предложение. Большинство представителей высших и средних классов встречались там ежедневно и проводили почти все вечера⁹¹. Хотя иногда могли и по-другому провести время. Примером служат записи в дневнике С. Пипса. Почти все они заканчиваются однотипно: «И, наконец, в постель» (“And so to bed”). А до этого Пипс мог находиться где угодно, только не дома: «К сэру У. Баттену, где были мистер Ковентри, а также сэр Р. Форд с семьями. Пировали отлично — болтали и веселились. Пробыл там всю вторую половину дня до позднего вечера. Затем ненадолго на службу — неотложные дела, после чего домой и спать. Дома жена играла с прислугой в карты, все очень весело»⁹². Случаи, когда приходится оставаться дома, удостоиваются особой записи: «Сегодня, по случаю окончания чумы, — пишет Пипс 7 февраля 1666 г., — постный день, и я дома...»⁹³.

Да и женщины стали больше времени проводить в общественных местах. Нельзя сказать, что поголовно все мужчины, а особенно женщины, старались больше времени проводить вне дома. Но то, что во второй половине XVII в. женщины стали больше времени находиться за пределами домашних стен — очевидно. Особенно это бросалось в глаза иностранцам, которые отмечали, что значительная часть времени состоятельных женщин тратится на посещение друзей, таверн или парков, игру в карты. Заботу о домашних делах они оставляют служанкам⁹⁴. Конечно, это было поверхностное суждение, но, несомненно, «приличные» женщины стали появляться в таких заведениях, как таверны и кофейни. Доказательством данного наблюдения служат записи С. Пипса, на сведения которого можно вполне полагаться, потому что в силу своей скупости он предпочитал, чтобы его жена сидела дома и занималась домашними делами. Он предпочитал развлекаться с другими женщинами (от служанок до знатных дам). Но даже при этом в дневнике постоянно встречаются такие записи: «Велел жене побыстрее собираться, повез ее в экипаже на Варфоломеевскую ярмарку...»; «Посадил жену в карету

⁸⁹ *Punc С.* Домой, ужинать и в постель. С. 36.

⁹⁰ Там же. С. 71.

⁹¹ *Saunders В.* The Age of Candlelight. The English Social Scene in the 17th Century. L., 1959. P. 43.

⁹² *Punc С.* Домой, ужинать и в постель. С. 93.

⁹³ Там же. С. 94.

⁹⁴ *Saunders В.* The Age of Candlelight. P. 37.

и повез в Сити; обсуждали, как провести вечер...»; «Встал очень рано, жена тоже, собрались и около восьми, захватив несколько бутылок вина и пива и говяжьих языки, — к нашей барке возле Тауэра, откуда вместе с мистером Пирсом, его женой и сестрой, а также миссис Кларк, ее сестрой и кузиной — в Хоуп...»; «После обеда с женой и Мерсером — в Медвежий садок...»⁹⁵. Даже серьезный и совершенно не склонный к праздности Д. Эвелин в июле 1670 г. записал в дневнике: «Отправился с друзьями в Барроу-Грин в Кембриджшире. Мы выехали в карете с шестеркой лошадей, и с нами их леди. Обедали примерно на полпути у некоего м-ра Тернера, где обнаружили превосходный обед, оленину, музыку и круг провинциальных дам и их поклонников»⁹⁶.

То, что мужчины практически весь день находились вне дома, объясняется не только их занятостью на работе или разгульным образом жизни. Поскольку большинство лондонцев арендовало жилье, то они редко обедали дома — готовить пищу дома было довольно накладно. Это объяснялось нехваткой топлива. Единственным средством поддержания тепла был камин; его топили дровами или углем. Дрова для камина — большая роскошь. В конце января 1660 г. С. Пипс записал в дневнике: «Вновь на квартиру к милорду (Эдварду Монтегю, графу Сандвичу — Т.М.), и сидел около большого бревна, которое дает очень хороший огонь...»⁹⁷. Если учесть, что в этом же месяце, только в начале его, Пипс отмечал, что «мы не имели угля для разведения огня в доме, и погода была сильно морозная»⁹⁸, понятно, почему лондонцы предпочитали проводить время в тавернах, где можно было не только поесть, но и согреться. Д. Эвелин сообщает — Лондон снабжается углем из Ньюкасла⁹⁹. Но даже если учесть, что уголь был дешевле дров, его все равно не хватало. Так что готовить еду дома было довольно сложно. Поэтому не удивительно, что в записях Пипса постоянно встречаются такие фразы «Обедал с Кридом в «Голове короля»...»; «В полдень обедал в Тринити-Хаус...»; «...пообедал в таверне вместе с доктором (Чайльдом)...»; «В полдень — на обед в «Папскую голову»...»¹⁰⁰. В тавернах и в продовольственных лавках на набережной можно было купить горячую еду не только, чтобы съесть ее сразу, но взять домой. Там всегда были горячие пироги, жареные гуси или свинина. Причем еда была относительно недорогой, поскольку, например, в 1619 г. пятьдесят яиц стоили 2 ш, баранья нога — 10 п., шесть голубей 4 ш. 4 п., корзина (“pottle”) больших

⁹⁵ Punc С. Домой, ужинать и в постель. С. 56—59.

⁹⁶ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 55.

⁹⁷ Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 30.

⁹⁸ Ibid. P. 11.

⁹⁹ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 116.

¹⁰⁰ Punc С. Домой, ужинать и в постель. С. 25, 72, 73.

устриц — 3 ш. Лосось и осетр тоже были дешевы, потому что Темза в те времена изобиловала рыбой¹⁰¹. Как правило, обед был самой обильной трапезой, завтрак и ужин — легкая закуска (эль, хлеб и сыр). Даже когда лондонцы устраивали угощение для друзей, они приглашали их не домой: «Сегодня мистер Гудмен, — записывает Пипс 1 сентября 1660 г., — пригласил своего друга мистера Мура, а также меня и еще несколько человек к себе на обед, каковой проходил в “Бычьей голове” и состоял из пирога с олениной, лучшего, который только я ел в своей жизни»¹⁰². Пирог с олениной был традиционным блюдом во время обеда. В июле 1666 г. Пипс записал: «В полдень — на обед в “Папскую голову”, где лорда Браункера, а также уполномоченного Петта, доктора Чарлтона и меня угощал пирогом с олениной сэр У. Уоррен»¹⁰³. Сам Пипс тоже приглашает друзей на пирог с олениной¹⁰⁴. Правда, иногда обед бывает более обильным: 30 декабря 1661 г. Пипс записал «Пригласил в “Тюрбан” старых своих знакомых по Казначейству и накормил их отличным говяжьим филеом, каковой вместе с тремя бочонками устриц, тремя цыплятами, большим количеством вина и веселья, и составил наш обед. Собралось нас в общей сложности человек двенадцать»¹⁰⁵. Хочется еще раз обратить внимание на тот факт, что, устраивая угощение для друзей, лондонцы не приглашают их домой. Конечно, семейные люди предпочитали все же обедать дома, о чем неоднократно упоминают и Д. Эвелин, и С. Пипс. Хотя еду иногда заказывали в тех же тавернах. 24 декабря 1662 г. Пипс записал: «Обедал у постели жены с большим аппетитом; ели жареного цыпленка с рисом, после чего послал за сладким пирогом, поскольку из-за болезни жена сама испечь его не смогла»¹⁰⁶. Опять хочу повторить — у разных семей уклад жизни мог быть разный. Но большое количество пивных, таверн, кофейнь свидетельствует о том, что посетителей в них было достаточно, а это значит, лондонцы предпочитали проводить свой досуг вне дома.

Как уже отмечалось, улицы для горожан были еще одним местом, где они проводили значительную часть жизни. Несмотря на нездоровый климат Лондона, улицы города занимали важное место в качестве среды обитания горожан. Значительная часть Вестминстера и соседних районов построена на месте древних болот, поэтому вначале туман возникал по естественным причинам, но вскоре город сам стал создавать свою атмосферу. Уже в XVI в. Елизавета I испытывала раздражение от

¹⁰¹Saunders B. The Age of Candlelight. P. 43.

¹⁰²Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 236.

¹⁰³Punc C. Домой, ужинать и в постель. С. 73.

¹⁰⁴Там же. С. 59.

¹⁰⁵Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. II. P. 241.

¹⁰⁶Punc C. Домой, ужинать и в постель. С. 138.

запаха каменноугольного дыма, который висел над столицей сплошной пеленой¹⁰⁷. В дневнике Д. Эвелина постоянно встречаются записи о ненастной погоде. В январе 1671 г. он сообщает: «В этом году погода была настолько дождливой, ненастной и несоответствующей времени года, какой не знали много лет»¹⁰⁸. В октябре 1679 г. он опять отмечает: «Очень дождливый и нездоровый сезон»¹⁰⁹. И такие записи есть за каждый год. При этом зима с ее холодами была более здоровым сезоном, чем сырое лето. Хотя сырость и туман — обычные явления в Лондоне, для некоторых лондонцев улицы стали домом, ибо у них не было средств, чтобы снять даже самое дешевое жилье. Но и те горожане, у которых имелось жилье, много времени проводили на улицах. Прежде всего, нужно сказать, что в XVII в. уже четко можно было различить жилье как место обитания семьи, и помещения, в которых люди работали. И очень часто дом и работа пространственно значительно удалены друг от друга. Чтобы добраться до места работы или службы, горожане тратили много времени. Даже в результате перестройки Лондона после Великого пожара улицы города не стали намного свободнее для проезда транспорта. Город был переполнен толпами людей, повозками и лотками торговцев. Чтобы доставлять товары к дверям зданий торговцев, требовались крепкие и длинные телеги и четыре, а то и шесть лошадей при восьми проводниках. В источниках сохранились сведения о том, что эти телеги становились причиной смерти пешеходов¹¹⁰. Тем более что никаких правил движения еще не существовало, особенно по какой-то определенной стороне дороги. Если возчик видел пустую часть дороги, то он старался занять ее, не обращая внимания на то, что повозка станет поперек пути. Лоточники выставляли свой товар прямо на проезжей части, что затрудняло передвижение по улицам, и часто приводило к конфликтам между продавцами и теми, кто в силу разных причин передвигался по городу не пешком, а в повозках или каретах. С. Пипс пишет: «Ехал сегодня по Нью-Гейт-Маркет, и моя карета сбросила в грязь два куска говядины, из-за чего мясники остановили лошадей, и на улицу высыпала толпа...»¹¹¹. Заплатив шиллинг, Пипс умиротворил обиженных, хотя по началу речь шла об ущербе на 5 фунтов 40 шиллингов. По этой причине даже зажиточные люди часто предпочитали передвигаться по городу пешком.

Улицы Лондона в рассматриваемый период были не только транспортными артериями, центрами торговли, но и местами развлечения.

¹⁰⁷ *Акройд П.* Лондон. Биография. С. 495.

¹⁰⁸ *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 62.

¹⁰⁹ *Ibid.* P. 137.

¹¹⁰ *Saunders B.* The Age of Candlelight. P. 37.

¹¹¹ *Punc C.* Домой, ужинать и в постель. С. 53.

Хотя часто развлечения, с нашей точки зрения, — сомнительные. Одним из самых любимых зрелищ была процедура повешения преступников. Наблюдать за ней любили не только простые люди, но и представители всех слоев горожан. Уже будучи ответственным чиновником Военно-морской коллегии, С. Пипс в 1664 г. наблюдал за казнью некоего Тернера: «...Заплатив шиллинг, забрался на колесо подводы и стал ждать, когда его вздернут»¹¹². Надо сказать, что до казни оставался еще целый час. Пипс пишет, что за казнью следило от 12 до 14 тысяч человек. На Тауэр-хилл он наблюдает за въездом в Лондон русского посольства Петра Прозоровского и Ивана Желябужского (1662 г.)¹¹³. В другой раз описывает, какие старания прилагал, чтобы наблюдать въезд шведского посольства: «Из свойственного мне любопытства добрался до реки и отправился на веслах в Вестминстерский дворец, рассчитывая, что увижу, как вся процессия въезжает туда в каретах; увы, оказалось, что послы уже во дворце побывали и вернулись, и я вместе со своим слугой пустился за ними вдогонку по колено в грязи, по запруженным людьми улицам, пока наконец, неподалеку от королевских конюшен, не попалась мне на глаза испанская карета в окружении нескольких десятков всадников со шпагами наголо...». Заканчивает он эту запись следующим замечанием: «В грязи с ног до головы, сел в карету и отправился домой...»¹¹⁴. Хочу отметить, что запись относится к 30 сентября 1661 г., а на улицах Лондона, по словам Пипса, грязь по колено. Грязь появлялась не только в связи с непогодой, но и оттого, что горожане выбрасывали мусор прямо на улицы. Главными уборщиками мусора были собаки, нищие и вороны. Начиная со Средних веков, в Лондоне запрещалось убивать ворон, поскольку они склевывали мусор из уличных канав¹¹⁵. Особенно грязно на улицах было зимой. В январе 1660 г. Пипс пишет: «...Из-за жаркого солнца была сильная оттепель и грязно»¹¹⁶. Хотя нужно отметить, что во второй половине XVII в. зимой в Лондоне было довольно холодно. В декабре 1676 г. Д. Эвелин пишет: «Выпал такой глубокий снег, что мешал нам возвращаться из церкви»¹¹⁷. Через два дня — новая запись: «В Лондоне такой сильный снегопад, что я не помню, чтобы видел подобные»¹¹⁸. Через пять дней он записывает: «Снег еще идет, я не смог добраться до церкви»¹¹⁹. В дневнике Д. Эвели-

¹¹² *Pipps S.* Домой, ужинать и в постель. С.53.

¹¹³ Там же. С.23.

¹¹⁴ *Pepys S.* The Diary of Samuel Pepys. Vol. II. P. 189.

¹¹⁵ *Saunders B.* The Age of Candlelight. С. 42.

¹¹⁶ *Pepys S.* The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 14.

¹¹⁷ *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn. Vol. II. P.113.

¹¹⁸ *Ibid.*

¹¹⁹ *Ibid.* P. 114.

на в январе 1683, 1684, 1688 гг. отмечается, что Темза замерзла. По улицам во время дождя или в мороз было опасно ходить. Д. Эвелин 9 октября 1676 г. записал: «Отправился с женой к мисс. Годолфин посмотреть индийские диковинки в Блэкуолле. Улицы были скользкими, я упал на деревяшку с такой силой, что не мог ни говорить, ни перевести дыхание в течение некоторого времени»¹²⁰. А если учесть, что улицы были плохо освещены, то это добавляло опасностей для пешеходов. С. Пипс в январе 1660 г записал: «...Проходя через каменную галерею, я упал в канаву, так как было очень темно»¹²¹. Как и в Средние века, отправляясь в путь в темную пору, горожанам приходилось полагаться или на сияние луны, или на свет факела. В декабре 1665 г. Пипс пишет: «Шел полем домой и при свете факела, который держал передо мной один из моих лодочников, читал книгу...»¹²².

Учитывая все вышесказанное о лондонских улицах, не удивительно, что местные жители старались больше передвигаться в пределах города по воде. Темза была транспортной артерией не только для торговых кораблей, но и для пассажирских и прогулочных лодок. С. Пипс сообщает, что в его время существовало не менее 10 тысяч лодочников, обслуживавших горожан. Он упоминает об ожесточенной конкуренции между владельцами лодок и наемных карет, о чем свидетельствует петиция, поданная от имени лодочников в парламент в начале февраля 1660 года¹²³. Движение по Темзе было очень оживленным. Лодочники составляли сплоченную корпорацию во главе со старшинами и мастером, назначаемым мэром Сити. Чтобы работать лодочником, нужно было пройти обучение в течение двух лет, а затем продемонстрировать свое мастерство перед старшинами и получить свидетельство. Мэр Сити и олдермены должны были устанавливать плату за проезд. Например, в 1559 г. проезд на двухвесельной лодке от Лондона до Гринвича стоил 8 пенсов¹²⁴. Передвижение по реке было гораздо более комфортным, чем в экипаже по городским улицам. С. Пипс постоянно упоминает о том, что во время поездки на лодке читает книги. В мае 1663 г. он записал: «По воде в Уатхолл — туда и обратно; всю дорогу не выпускал из рук небольшую книжку...»¹²⁵. В мае 1667 г. отмечает: «Сел в лодку и поплыл в Барн-Элмс, читая по пути только что вышедшую книгу мистера Эвелина об одиночестве»¹²⁶.

¹²⁰*Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P.113.*

¹²¹*Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 26.*

¹²²*Punc C. Домой, ужинать и в постель. С. 123.*

¹²³*Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 37.*

¹²⁴*Picard L. Elizabeth's London. Everyday Life in Elizabethan London. L., 2004. P. 15.*

¹²⁵*Punc C. Домой, ужинать и в постель. С. 121.*

¹²⁶Там же. С. 123.

Зимой, когда Темза замерзала, по ней можно было передвигаться и в каретах. Об этом часто пишет Д. Эвелин, который жил в Саутуорке, на южном берегу Темзы. И поскольку во второй половине XVII в. в пределах города был только один мост через Темзу, то переправа в карете всегда представлялась хлопотным делом. В начале января 1684 г. Д. Эвелин пишет в дневнике: «Я отправился через Темзу по льду, теперь ставшему настолько толстым, чтобы выдерживать не только уличные лотки, на которых жарится мясо, и различные лавки товаров по всей ширине реки, как в городе, но и кареты, повозки и лошадей, проезжающих через нее»¹²⁷. В конце января Д. Эвелин делает еще одну интересную запись: «Мороз продолжается более и более суровый. Темза перед Лондоном все еще заполнена лотками всех видов торговли в виде улиц и лавок, наполненных товарами. Вплоть до печатного станка, где мужчинам и женщинам нравится получить напечатанными свои имена, а также ниже день и год, когда это печаталось на Темзе. Это баловство стало настолько всеобщим, что было приблизительно подсчитано, что печатник зарабатывал 5 ф. в день за напечатание только строки, 6 п. за имя, сверх того, что он получал за баллады и пр. Кареты курсировали из Вестминстера в Темпль, и от различных других причалов туда и обратно, как по улицам. Сани, катание на коньках, травля быков, лошадиные и каретные гонки, кукольные театры и интермедии, таверны и другие непристойные места (*lewd places*), так что казалось это триумф вакханалии или карнавал на воде...»¹²⁸. Так что для лондонцев Темза была в буквальном смысле средой обитания. Она давала средства к существованию значительной части горожан, сосредотачивала вокруг себя жизнь всех жителей города.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что Лондон второй половины XVII в. еще сохранял многие черты средневекового города. Но уже были заметны и явные изменения. Применение каменного угля, с одной стороны, было благом, с другой, — увеличивало загрязнение воздуха в городе, улицы которого и так никогда не были избавлены от зловония сточных канав, выгребных ям и других продуктов жизнедеятельности местных жителей. Увеличение транспортных средств не столько облегчало передвижение по городу, сколько замедляло его. Сырая погода и постоянные туманы, многолюдность и неизменный шум на улицах плохо сказывались на психическом состоянии людей, что объясняет рост количества самоубийств, о чем пишет Д. Эвелин¹²⁹. Не случайно, что по числу самоубийц Лондон занимал первое место среди европейских столиц¹³⁰. Так что Лондон второй половины XVII в. притягивал в себе лю-

¹²⁷ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 192.

¹²⁸ Ibid. P. 193.

¹²⁹ Уоллер М. Лондон. 1700 год. С. 139.

¹³⁰ Акройд П. Лондон. Биография. С. 299.

дей, но жить в нем становилось все сложнее. Те горожане, которые имели средства, покупали дома за пределами города, а те, кто не мог себе этого позволить, просто стремились почаще бывать на природе.

§ 6. Строительная «горячка» в Англии эпохи Реставрации: проблема социальной самоидентификации

Во многих работах по архитектуре Англии можно встретить утверждение, что только в XVIII в. в стране появился самостоятельный архитектурный стиль, а XVII в. был для английской архитектуры ученическим периодом или эпохой ученичества. Если подходить к этому вопросу формально, то многие известные английские архитекторы XVIII были учениками знаменитых зодчих XVII в. Достаточно назвать имена Иниго Джонса для первой половины века и Кристофера Рена — для второй. Тем более что своеобразие английской архитектуры второй половины XVII и первой половины XVIII вв. состоит в том, что практически ни одно строение нельзя отнести к чисто барочному или палладианскому классицизму. Все они в той или иной мере носят черты классицизма. Кроме того, специалисты отмечают, в истории английской архитектуры XVII—XVIII вв. трудно выделить четкие периоды. В одно и то же время сосуществовали различные архитектурные стили.

Однако ниже не ставится задача проследить историю английской архитектуры. Я хочу поднять вопрос о том, чем был вызван огромный размах строительства жилых зданий во второй половине XVII в., а если точнее, то после Реставрации Стюартов. Конечно, могут сказать, что Лондонский пожар, уничтоживший практически весь центр города, естественно потребовал восстановления сгоревших зданий. Но ведь массовое строительство наблюдалось не только в Лондоне, и не только после пожара 1666 г.

Доказательством этого могут служить сами строения или их изображения, а также «Дневник» Джона Эвелина¹³¹. Почему именно Джона Эвелина? Во многих энциклопедиях он именуется не только знаменитым мемуаристом XVII в., но и садоводом (точнее лесоводом), написавшим книгу, посвященную английским лесам, которая несколько раз переиздавалась¹³². Находясь в эмиграции вместе со Стюартами, Эвелин много путешествовал по Европе и везде, где бывал, обращал внимание

¹³¹ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I—II.

¹³² Evelyn J. Sylva, or A Discourse of Forest Trees. L., 1664.

на планировку парковых ансамблей. Вернувшись в Англию после Реставрации, он постоянно привлекался в качестве советчика по планировке не только садово-парковых ансамблей, но и самих зданий. Иногда его приглашали, чтобы показать, что уже сделано, и получить его оценку. Или просто похвалиться новым домом и садом. Поэтому в его «Дневнике» очень много записей, касающихся размаха строительных работ в Англии рассматриваемого периода, а также достоинств или недостатков построенных жилых зданий.

Высказывается мнение, что во второй половине XVII в. нормальному развитию архитектуры в Англии мешали последствия Гражданской войны, чума 1665 г., Великий пожар 1666 г. и события Славной революции 1688 г., а вот в XVIII в. в стране начинается интенсивное строительство. Факты говорят об обратном. Именно упомянутые события стимулировали рост строительства жилых зданий во второй половине XVII в. как представителями аристократии, так и разбогатевшей буржуазией. Причем, не только в Лондоне, но и по всей стране, и не столько в городе, сколько в сельской местности. Нужно отметить одну особенность менталитета английского дворянства и буржуазии: в отличие от Франции или Германии — высокий социальный статус или престиж не обязательно были связаны со степенью близости ко двору. Именно поэтому так много особняков строилось в сельской местности.

Итак, с чем было связано такое широкое строительство в Англии именно в рассматриваемый период? Причин несколько. Начать можно с того, что многим вернувшимся со Стюартами аристократам-эмигрантам, собственно говоря, возвращаться было некуда — их владения конфисковали. Карл II не имел возможности вознаградить своих сторонников, которые во время Гражданской войны потеряли все. Ярким примером служит история семьи Черчилль, представители которой в указанный период лишились своего имения. В итоге Джон Черчилль стал сначала пажом при дворе, потом гвардейским офицером, потом генералом, знаменитым полководцем и получил титул герцога Мальборо. К слову сказать, и его сестра Арабелла смогла устроить свою жизнь, став любовницей будущего Якова II, и ее сын от него стал герцогом Бервиком. Правда, не у всех сторонников Стюартов судьба была столь драматичной.

Но даже те, кто оставался в стране, но были лояльными к королю, из-за высокого налогообложения, штрафов, конфискаций закладывали или продавали свою недвижимость. Чтобы вернуть себе былой социальный престиж, потерявшие все аристократы должны были вновь обзавестись недвижимостью.

Некоторые аристократы покупали готовые здания, а потом перестраивали их по своему вкусу. Например, Уильям Терзби в 1669 г. купил имение Абингтон в Норгемптоншире и не только перестроил дом,

но и соорудил водонапорную башню¹³³. В 1671 г. Д. Эвелин посетил лорда Арлингтона и записал в «Дневнике»: «Его дом является весьма величественным зданием, состоящим из четырех павильонов во французском стиле рядом со зданием большого дома. И хотя не возведенные целиком, но составляющие дополнение к старому дому (купленному его светлостью у некоего сэра Т. Роквуда)»¹³⁴. В этой записи интересно не только упоминание о покупке герцогом Арлингтоном готового здания, но последующее замечание Эвелина об окружающем дом саде: «Сад красив, канал прекрасен, однако земля сухая, бесплодная и сильно песчаная, которая летает по ветру, как только он появится...»¹³⁵.

Для Эвелина поместье без парка было неполноценным. Когда в августе 1678 г. он посетил дом и сад герцога Лодердейла, то особняк удостоился высокой, но краткой похвалы — «не хуже некоторых лучших вилл самой Италии»¹³⁶. А вот сад описан более подробно: «Цветники, цветочные сады, оранжереи, рощи, аллеи, дворики, статуи, перспективы, фонтаны, вольеры — и все это на берегах приятнейшей реки в мире...»¹³⁷. Посетив дом или дворец, как пишет сам Эвелин, лорда Джона Беркли, он с похвалой отзывается о самом доме, но довольно кратко, отмечая, что он очень хорошо построен. Гораздо больше внимания он уделяет тому, что находится за пределами дома: «Что касается остального, передний двор великолепен, также и конюшни; и более всего парк, который является бесподобным по причине неровности местности и наличия прелестного рыбного пруда»¹³⁸.

В сентябре 1667 г. Эвелин сопровождал м-ра Говарда на его виллу («villa»), где он составил для него (Говарда) «план канала и сада с подземной криптой под холмом»¹³⁹. В XVII в. многие сельские поместья имели семейные часовни, хотя не все из них использовались по назначению. Некоторые из них были построены еще в Средние века, однако многие сооружались в XVII в. Это могло быть и отдельно стоящее строение, и комната, помещавшаяся внутри дома. Так, Д. Эвелин описывая дом лорда Сандерленда, отмечает его недостатки: кухня находится внутри дома и «часовня слишком мала»¹⁴⁰. Явно, что в доме лорда Сандерленда часовня была действующей. Причем, как отмечает Эвелин, дом

¹³³Cliffe J.T. The World of the Country House in Seventeenth-Century England. New Haven, 1999. P. 37.

¹³⁴Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 84.

¹³⁵Ibid.

¹³⁶Ibid. P. 125.

¹³⁷Ibid.

¹³⁸Ibid. P. 84.

¹³⁹Ibid. P. 38.

¹⁴⁰Ibid. P. 105.

является «современным строением», а значит и часовня строилась одновременно с ним. Во времена Карла I получить разрешение на строительство частной часовни — сложно, поскольку нужно было получить одобрение епископа диоцеза, в то время как архиепископ Лод и некоторые из его сторонников-епископов относились к частным часовням с подозрением. После Реставрации получить разрешение стало проще, но все же оно могло включать некоторые условия и ограничения¹⁴¹. Известно, например, что Питер Лейстер в графстве Чешир в своем имении в 1675—1678 гг. построил в саду часовню для своей семьи. Строительство обошлось ему в 795 ф.¹⁴²

В рассматриваемый период понятие «вилла» включало в себя не только жилое помещение, но и сад. Поэтому дворцы и «кантри-хаус» обязательно вписывались в определенный пейзаж. И хотя считается, что пейзажный парк характерен уже для XVIII в., а в XVII в. преобладали регулярные парки, но то, что описывает Д. Эвелин скорее напоминает именно пейзажный парк, где можно не только любоваться красивыми видами, но и найти уединение. В XVII в. в сельских поместьях стали обращать большое внимание на снабжение дома, сада и парка водой. Источником воды могли служить протекающие рядом реки, фонтаны, искусственные пруды, рвы. Так, Д. Эвелин упоминает, что дом его старого друга м-ра Пакера «построен внутри рва с водой». Фонтаны были сооружены в саду герцога Лодердейла и в усадьбе графа Нортумберленда. А в парке лорда Беркли был вырыт пруд¹⁴³. Во второй половине XVII в. стали сооружать более эффективные приспособления для снабжения водой цветников, оранжерей, садов и обеспечения нужд дома. Речь идет о водонапорных башнях, подобных той, которую построил в купленном поместье Уильям Терзби. Такие же башни стали строиться и в других поместьях.

Многие представители знати предпочитали строить дома по своему плану. Примером может служить уже описанный дом лорда Арлингтона или дом лорда Сандерленда в 4-х милях от Нортгемптона. Причем Эвелин замечает, что дом лорда Сандерленда представляет собой «тип современного строения из песчаника»¹⁴⁴. В октябре 1671 г. Эвелин был приглашен в Норич сэром Томасом Брауном, который хотел посоветоваться с Эвелином по поводу плана перестройки своего дома¹⁴⁵.

В старых домах первой комнатой, в которую входил посетитель, был большой холл, обычно высотой в два этажа. Во многих домах он использовался как обеденная комната для слуг и тех посетителей, ко-

¹⁴¹ Cliffe J. T. The World of the Country House in Seventeenth-Century England. P. 35.

¹⁴² Ibid. P. 34.

¹⁴³ Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 96, 7—8, 125. 84.

¹⁴⁴ Ibid. Vol. II. P. 105.

¹⁴⁵ Ibid. P. 73.

торые по положению были слишком низки, чтобы разделить трапезу с семьей хозяина. В тех домах, которые построены во второй половине XVII столетия, и вид, и назначение холла подверглись радикальной трансформации: его высота часто была снижена до одного этажа, здесь же размещалась элегантная лестница, и холл становился, в основном, вестибюлем, который предназначался для того, чтобы производить впечатление. Так, ранним примером нового строительного подхода является холл в Коулшилл-хаусе в Беркшире, который был закончен в 1662 г.¹⁴⁶

После Реставрации появилась мода превращения длинных галерей, ранее использовавшихся для физических упражнений, в спальные апартаменты или хранилища разных вещей, в картинные галереи. Среди домов, где имела место подобная трансформация, можно назвать Ройдон-холл в Кенте, Шадлос в Букингемшире, Янтон-мэнор в Оксфордшире и другие¹⁴⁷. Джон Эвелин также упоминает подобные галереи в доме лорда Сандерленда и во дворце Одли Энд¹⁴⁸.

Кроме представителей аристократии и дворянства собственными особняками в сельской местности стали обзаводиться и богатая часть буржуазии. Этому способствовал и тот факт, что многие аристократы, не говоря уж о дворянах более низкого ранга, стремились повысить свой материальный достаток (в том числе и для содержания поместий) за счет женитьбы на дочерях богатых купцов. В результате в английской провинции появилась масса прекрасных особняков, принадлежащих буржуазии, которая хотела повысить свой социальный престиж и приобщиться к образу жизни знати. Тот же Эвелин пишет в «Дневнике», что в августе 1674 г. отправился в Грумбридж повидать своего старого друга м-ра Пакера, дом которого был построен в лесистой долине и окружен рвом с водой¹⁴⁹.

Таким образом, уже с середины XVII века образцы столичной архитектуры стали проникать в провинцию¹⁵⁰. И если дома бедняков почти не изменились, то особняки богатых простолюдинов преобразились разительным образом. Но при всех трансформациях главное то, что дом англичанина, каким бы роскошным он ни был, сохраняет именно жилой, частный характер¹⁵¹. Д. Эвелин, описывая дом лорда Арлингтона, отмечает, что не только очень величественный, состоящий из четырех пави-

¹⁴⁶Cliffe J.T. The World of the Country House in Seventeenth-Century England. P. 24.

¹⁴⁷Ibid. P.31.

¹⁴⁸Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 56—57, 105.

¹⁴⁹Ibid. P. 96.

¹⁵⁰Girouard M. The English Town. A History of Urban Life. New Haven—L., 1990. P. 120—121.

¹⁵¹Cliffe J.T. The World of the Country House in Seventeenth-Century England. P. 30—32.

льонов и основного корпуса, пышный, вместительный и просторный, но и удобный¹⁵². Англичане стремились создать в своих поместьях условия для уединения, по мере возможности сохраняя первозданную природу. Для англичанина главным было благоустроить наследственное поместье. И это важнее, чем блистать при дворе.

Еще одним мощнейшим стимулом для широкого строительства жилых зданий стал Лондонский пожар 1666 г. Причем, хотелось бы отметить, что не все горожане, которые жили в Лондоне до пожара, вернулись в город на прежние места жительства. Часть людей эмигрировала в Америку в поисках лучшей доли, а многие перебрались в провинцию¹⁵³. Так что Великий пожар не только привел к масштабному строительству в самом городе, но способствовал и увеличению его в сельской местности. Многие богатые люди предпочитали обзавестись домами одновременно и в городе, и в деревне. Те, кто имел собственные средства передвижения предпочитали селиться подальше от шумного Сити. В 1670 г. граф Саутгемптон предложил облагородить Блумсбери-Сквер, построив там его личный особняк и добротные дома для богатых торговцев, а также обновить прилегающие улицы и рынок. Д. Эвелин отмечал, что здесь появился настоящий «маленький город»¹⁵⁴.

Интересно заметить, из многочисленных планов реконструкции Лондона специалисты выделяют два — К. Рена и Д. Эвелина. Правда, ни один из этих планов не был полностью претворен в жизнь. Руководить восстановительными работами должна была комиссия из 6 человек, в которую включили Рена и Эвелина. Восстановление Лондона хотя и было стремительным, но не мгновенным, ведь сгорело более 13 тысяч зданий. Но уже за два первых года после пожара построили 1200 домов, а на следующий — еще 1600¹⁵⁵. Деятельность К. Рена чаще всего связывают с восстановлением собора Св. Павла и других церковных строений, а также общественных зданий. Но его творчество повлияло и на строительство жилых домов. Благодаря ему в Англии появился «дом в стиле королевы Анны» — не дворец, а красивый и практичный дом для джентльмена. И в городе, и в сельской местности появился тип кирпичных домов с отделкой из белого камня, которые стали образцом для более позднего английского зодчества. Примерами могут служить приписываемые Рену поместья Грумбридж-Плейс в Кенте и «Дом с лебедями» (Суон-хауз) в Чичестере¹⁵⁶.

¹⁵²*Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 71.*

¹⁵³*Акройд П. Лондон. Биография. М., 2005. С. 278.*

¹⁵⁴*Клаут Х. История Лондона. М., 2002. С. 59—60.*

¹⁵⁵*Акройд П. Лондон. Биография. С. 279.*

¹⁵⁶*Dutton R. The Age of Christopher Wren. L., 1932; Lindsey J. Christopher Wren, His Work and Times. N.Y., 1952.*

Таким образом, можно сделать вывод, что период с 1660 г. стал в Англии временем бурного строительства жилых зданий. Этому способствовало несколько обстоятельств. Оставляя в стороне последствия Великого пожара, который с неизбежностью вел к развертыванию массового строительства для восстановления города, отметим два других обстоятельства. После Реставрации аристократии, которая за свою преданность Стюартам заплатила потерей наследственных владений, потребовалось восстановить свой социальный престиж, для чего нужны были зримые признаки высокого положения — вызывающие восхищение жилые особняки. С другой стороны, английская буржуазия достаточно разбогатела, чтобы стремиться повысить свой социальный престиж и приблизиться по уровню жизни к дворянству.

§ 7. Климатические аномалии второй половины XVII в. и их влияние на повседневную жизнь Англии

Влияние окружающей среды на развитие человека и общества является неоспоримым. Неблагоприятные природные условия, несомненно, тормозят общественное развитие, особенно в те периоды, когда уровень развития науки и техники был еще не слишком высок. Человек как биологический вид тесно связан с различными компонентами окружающей среды, и его организм подчиняется ее законам, он реагирует на изменения температуры, суточные или сезонные ритмы¹⁵⁷.

Одним из таких «неблагоприятных» в климатическом отношении временных отрезков был «Малый ледниковый период», продолжавшийся примерно 500 лет — с XIV до XIX в. За прошедшие 2 тыс. лет этот период был самым холодным. В XIV в. снег часто выпадал даже в Италии. Исследователи выделяют три фазы похолодания. Первая приходится на XIV—XV вв. С 1310 г. в Европе началась эпоха дождливого лета и холодной зимы. В указанное время постоянными стали гибель урожаев, замерзание садов и виноградников, замерзание рек, которые ранее никогда не замерзали. Это привело в первой половине XIV в. к постоянным голодовкам и уменьшению населения. Вторая фаза приходится на XVI в., когда отмечалось временное повышение среднегодовых температур. Но с 1560 г. температура вновь начала понижаться из-за падения солнечной

¹⁵⁷ Koepeke N., Baten J. Climate and Its Impact on the Biological Standard of Living in North-East, Centre-West and South Europe during the Last 2000 Years // History of Meteorology. 2005. № 2. P. 147.

активности. Особенно холодным был 1665 г., когда даже птицы замерзли на лету, и отмечался значительный рост смертности населения.

Третья фаза (XVII—начало XIX в.) стала наиболее холодным периодом «Малого ледникового периода», причем временной отрезок с 1641 по 1711 гг. определяется как «минимум Маундера», и был связан с замедлением течения Гольфстрима и самой низкой после V в. до н.э. солнечной активностью¹⁵⁸.

Вопрос, связанный с периодическими изменениями климата, уже с середины XX в. привлекал внимание многих исследователей, но до сих пор однозначного объяснения подобных явлений нет¹⁵⁹.

Ниже на материале записок современников рассматриваются проявления «Малого ледникового периода» в Англии во второй половине XVII в., который, как уже отмечалось, характеризовалась максимальным похолоданием. Дневники современников позволяют представить, как влияли изменения климата на хозяйственную деятельность, быт, здоровье, труд и отдых людей, и как воспринимали англичане в рассматриваемое время погодные аномалии¹⁶⁰. Главным источником сведений является дневник Джона Эвелина (1620—1706), человека образованного, питавшего интерес к разным наукам, стоявшего у истоков Лондонского королевского научного общества¹⁶¹.

Нужно заметить, что колебания погоды в Англии проявлялись по-разному. На протяжении всей второй половины XVII в. в стране стояли чрезвычайно суровые зимы, холодные и дождливые весна и осень, и к этому добавлялись летние засухи. Конечно, и в XVI в. отмечались очень холодные зимы или ненастные весна и лето. Например, в 1537 и в 1564 гг. Темза замерзала, и по ней ездили верхом или в каретах, а также устраивались зимние ярмарки¹⁶². Однако с 60-х гг. XVI в. началось очередное значительное похолодание. Особенно несчастливым для англичан стал 1665 г. Он был не только самым холодным в XVII в., но к этому добавилась необычайно свирепая эпидемия чумы, которая унесла жизни 80 тыс. человек¹⁶³, а также война с Голландией. Из дневников

¹⁵⁸Eddy J.A. The Maunder Minimum // *Science*. 1976. Vol. 192; Legrand J.P., Le Goff M., Mazaudier C., Schröder W. Solar and Auroral Activities during the Seventeenth Century // *Acta Geodaetica et Geophysica Hungarica*. 1992. Vol. 27. P. 251—282.

¹⁵⁹Crowley T.J. Causes of Climate Change over the past 1000 years. // *Science*. 2000. Vol. 289. P. 270—277; Будыко М.И. Изменения климата. Л., 1974.

¹⁶⁰Behringer W. Climatic Change and Witch-Hunting: The Impact of the Little Ice Age on Mentalities // *Climatic Variability in Sixteenth-Century Europe and Its Social Dimension Special Issue of Climatic Change*. 1999. Vol. 43. № 1.

¹⁶¹Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. With Memoir. L., 1890; Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I—II.

¹⁶²Picard L. Elizabeth's London. Everyday Life in Elizabethan London. L., 2004. P. 10—11.

¹⁶³Клаут Х. История Лондона. М., 2002. С. 54.

современников мы узнаем, что несмотря на тревогу, вызванную чумой и войной, необычные колебания погоды не оставались незамеченными. Так, 4 января 1665 г. Д.Эвелин отмечал: «Я отправился в карете (к берегам Ла Манша — Т.В.), был чрезвычайно сильный мороз и снег по направлению Дувра и других частей Кента...»¹⁶⁴. Не только мороз был необычайно сильным, но помимо этого зимы — исключительно снежными. Осадки мешали даже передвигаться по улицам. В декабре 1676 г. Эвелин сделал три следующие записи: «Выпал такой глубокий снег, что мешал нам возвращаться из церкви»; «В Лондон, в такой сильный снег, что я не помню, чтобы видел подобный»; «Снег еще падает, я не смог добраться до церкви»¹⁶⁵.

Много раз в течение всей второй половины XVII в. замерзала Темза. В те времена река была намного шире и текла медленнее, поскольку старый Лондонский мост служил своеобразной дамбой.

В научной литературе 1683/84 гг. именуется годом «Великого мороза». Зимой 1684 и 1685 гг. Дж. Эвелин сделал в дневнике семь записей о замерзшей Темзе. 1 января 1683/84 гг. отмечено: «Погода остается невыносимо суровая, на Темзе были поставлены уличные лотки»¹⁶⁶. 6, 9, 16, 24 января, 5 и 8 февраля повторяются описания замерзшей Темзы. 9 января Дж. Эвелин записал: «Я отправился через Темзу по льду, теперь ставшему настолько толстым, чтобы выдерживать не только уличные лотки (на которых жарилось мясо и имелись различные лавки товаров, полностью по всей ширине как в городе), но и кареты, повозки и лошадей, проезжающих через нее»¹⁶⁷. 1 января 1684/85 гг. опять отмечено то же явление: «Стоит такая суровая погода и такой долгий и жестокий мороз, что Темза замерзла во всю ширину»¹⁶⁸. Но даже такие суровые погодные условия не отбили у лондонцев желание развлекаться. 24 января Эвелин описывает, во что превратилась замерзшая Темза: «... Сани, катание на коньках, травля быков, лошадиные и каретные гонки, кукольные театры и интермедии, таверны и другие непристойные места, так что казалось это триумф вакханалии или карнавал на воде»¹⁶⁹. В феврале начало постепенно теплеть, хотя морозы периодически повторялись: «Палатки были почти все снесены, но сначала была вырезана на пивной бочке карта или план, представлявший все виды стоянок и раз-

¹⁶⁴ Evelyn J. The Diary...L., 1890. P. 303.

¹⁶⁵ Ibid. P. 113—114.

¹⁶⁶ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 192. До 1752 г. новый год в Англии начинался 25 марта. Поэтому в публикациях документов даты с 1 января до 24 марта указываются двойные.

¹⁶⁷ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 192.

¹⁶⁸ Ibid. P. 203.

¹⁶⁹ Ibid. P. 193.

личные действия, спортивные состязания и игры на ней (Темзе — Т.М.) в память о выдающемся морозе»¹⁷⁰. Один из предприимчивых типографов установил на льду реки печатные станок и предлагал желающим напечатать листок с их именами и датой, когда это было отпечатано на Темзе¹⁷¹. Некоторые из таких листов сохранились до наших дней.

Однако погодные аномалии приносили гораздо больше бед, чем развлечений. Эвелин пишет о людях и крупном рогатом скоте, погибших в разных местах, о моряках, которые были заперты льдом, так что ни один корабль не мог войти в порт. «Дикая и домашняя птица, рыба и все наши экзотические растения и овощи полностью погибли»¹⁷². Холод мешал хозяйственной деятельности людей. Из-за морозов в городе «не было воды, чтобы взять из трубопроводов и хранилищ, и не могли пивовары и разные другие лавочники работать, и каждый момент был полон бедственными несчастными случаями»¹⁷³. Особенно страдали от холода низшие слои населения. Эвелин отмечал, что все виды топлива настолько дороги, что понадобились большие жертвования, дабы «сохранить в живых бедняков»¹⁷⁴. От нехватки топлива испытывали неудобства даже зажиточные люди. Например, современник и приятель Дж. Эвелина С. Пипс, который был чиновником Адмиралтейства, в своем дневнике в конце января 1660 г. записал: «Вновь на квартиру к милорду (Эдварду Монтегю, графу Сандвичу — Т.М.), и сидел около большого бревна, которое дает очень хороший огонь...»¹⁷⁵. В этом же месяце, только в начале его, Пипс отмечал, что «мы не имели угля для разведения огня в доме, и погода была сильно морозная»¹⁷⁶. Становится понятно, почему так популярны были таверны и кофейни, где можно было не только поесть, выпить, но и согреться. Дж.М. Тревельян пишет, что в XVII в., когда лесов в Англии почти не осталось, а каменный уголь еще не стал общедоступным, городские бедняки практически обходились без горячей пищи¹⁷⁷.

Интересно заметить, что Дж. Эвелин в своем дневнике пишет о климатических аномалиях не только в Англии. Судя по его записям, «малый ледниковый период» был явлением общеевропейским: «И эта суровая погода не была менее сильной в большинстве частей Европы, даже до Испании и большей части южных территорий»¹⁷⁸.

¹⁷⁰ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 194.

¹⁷¹ Ibid. P. 193.

¹⁷² Ibid.

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I. P. 30.

¹⁷⁶ Ibid. P. 11.

¹⁷⁷ Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959. С. 305.

¹⁷⁸ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 193.

Переохлаждение приводило к различным заболеваниям людей — простуде, гриппу, пневмонии и пр. Многие болезни обозначались одним словом — лихорадка. Вероятнее всего, речь шла о какой-то разновидности гриппа. Причем, часто подобные вирусные заболевания заканчивались смертью. В январе 1672/73 г. Эвелин похоронил своего слугу Адамса, умершего от плеврита¹⁷⁹. В сентябре 1678 г. жена приятеля Дж. Эвелина м-ра Годолфина заболела «лихорадкой». Через день после того, как Эвелин узнал об этом, женщина умерла. Сам Эвелин также переболел гриппом в 1675 году. Он пишет: «Я похватил жестокую простуду, такую, какая была позже настолько эпидемичной, что не только причинила страдания нам на этом острове, но распространилась по всей Европе, подобно чуме»¹⁸⁰. Лондонцы ко всему прочему в холодное время года страдали от смога: «Лондон, — пишет Эвелин, — из-за чрезмерного переохлаждения воздуха, затруднявшего подъем дыма, был настолько заполнен дымом с сажей от морского угля¹⁸¹, что трудно что-либо увидеть через улицу; и это заполняет легкие грязными частицами, чрезвычайно затрудняет грудь, так что человек едва может дышать»¹⁸².

Другими проявлениями климатических аномалий были чрезмерно дождливые весна и осень, а также необыкновенная жара летом. Для жизнедеятельности растений конечно необходима влага. Но ее избыток приводит к их гибели. В апреле 1681 г. Эвелин отмечал: «Весь этот месяц — сплошной поток дождя»¹⁸³. В апреле следующего года повторяется то же самое: «Сезон был необычайно сырым с дождями и грозами»¹⁸⁴. Во второй половине XVII в. из-за понижения среднегодовых температур вегетационный период растений сократился примерно на 3 недели, из-за чего урожай не успевал вызревать. 4 апреля 1667 г. Эвелин пишет: «Холод настолько сильный, что листья едва появились на дереве»¹⁸⁵. И такая погода повторялась не одно десятилетие — в 1681, 1682, 1688 гг. Эвелин в апреле отмечает те же явления¹⁸⁶.

Дождливая и холодная весна сменялась сухим и жарким летом. Так, в июне 1681 г. Эвелин пишет: «Все еще продолжается такая сильная засуха, какой никогда не знали в Англии; и она, говорят, всеобщая»¹⁸⁷. Интересно замечание Эвелина о том, что засуха не является каким-то локальным яв-

¹⁷⁹ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 86.

¹⁸⁰ Ibid. P. 106—107.

¹⁸¹ Каменный уголь, доставлявшийся с севера Англии по морю.

¹⁸² Ibid. P. 193.

¹⁸³ Ibid. P. 158.

¹⁸⁴ Ibid. P. 168.

¹⁸⁵ Ibid. P. 31.

¹⁸⁶ Ibid. P. 158, 168, 270.

¹⁸⁷ Ibid. P. 160.

лением. В записях за разные годы второй половины XVII в. мы встречаем повторяющиеся сведения. В июле 1684 г. Эвелин сообщает, что «листья опадают с деревьев как осенью»; в августе этого же года он пишет: «Чрезмерно жарко. Мы не имели больше одного или двух значительных ливней и таких же штормов в течение восьми или девяти месяцев. Многие деревья погибли из-за недостатка влаги»¹⁸⁸. В засушливые годы урожай погибал и из-за нашествия гусениц. В мае 1685 г. в дневнике Эвелина записано: «Мы до сих пор в течение нескольких месяцев не имели никакого дождя, так что гусеницы уже уничтожили все зимние фрукты по всей стране и даже погубили некоторые большие старые деревья. Таких две зимы и лета никогда не знал»¹⁸⁹. Фразы о том, что подобной погоды «никогда не было на моей памяти», «ни один человек в Англии не знал» встречаются постоянно.

Следствием неблагоприятных погодных условий были неурожаи и голод. Т. Роджерс приводит данные о неурожайных годах, когда цена на хлеб была необычайно высока. В первой половине XVI в. пшеница стоила относительно дешево по сравнению с последующими десятилетиями, но все же в два раза дороже, чем в прежние времена. После 1573 г. обычная цена была уже в три раза выше. С 1594 г. было пять неурожайных лет, и 1797 г. был голодным годом, поскольку пшеница стоила в десять раз дороже, чем раньше. В 1648 г. средняя цена пшеницы была в 5—7 раз выше той цены, которая была в предыдущие два столетия. Такие же цены держались всю вторую половину XVII и до конца XVIII в.¹⁹⁰ Конечно, можно говорить о влиянии «революции цен» после Великих географических открытий. Но как объяснить то, что цены на продовольствие выросли на 300—400%, тогда как стоимости ремесленных изделий лишь на 20%? Современники связывали это с неблагоприятными погодными условиями. В июне 1685 г. Дж. Эвелин писал: «Такой нехватки продуктов из-за отсутствия дождя никогда не было на моей памяти»¹⁹¹.

Таким образом, указанные аномальные погодные явления оказывали влияние практически на все стороны жизни людей. Наиболее очевидными были трудности в быту и хозяйственной деятельности — проблемы с транспортом, отоплением жилищ, простудами, нехватка сырья для ремесленных занятий и гибель сельскохозяйственных культур. Но дефицит продовольствия вел к голоду и, как следствие, к росту социальной напряженности, которая влияла на внутрисполитическое положение в стране, и это отчетливо прослеживается во время правления поздних Стюартов.

¹⁸⁸ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 198, 199.

¹⁸⁹ Ibid. P. 224.

¹⁹⁰ Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1899. С. 320.

¹⁹¹ Evelyn J. The Diary... L., 1901. Vol. II. P. 224.

§ 8. Культурная и интеллектуальная жизнь английского города эпохи Реставрации в восприятии современников

В истории Европы XVII в. занимает особое место. С одной стороны, он был «Смутным временем», поскольку до середины века продолжались религиозные войны и разгул инквизиции. Люди теряли уверенность в завтрашнем дне; религия, которая раньше давала утешение и надежду, превратилась в источник раздоров и нестабильности. С другой, — это было время первой научной революции, которую историки считают самой значительной из всех последующих.

Научная революция XVII в. была подготовлена событиями Реформации, которая коренным образом изменила и духовную, и хозяйственную жизнь Европы. В связи с этим важно отметить, что произошли глубокие изменения в мировоззрении людей. Протестанты, разделив области веры и знания, ориентировали науку на познание «земных вещей», т.е. природы. Уважение к любой деятельности придавало особую ценность тем изобретениям в области науки и техники, которые могли облегчить труд. На базе этого возникает экспериментально-математическое естествознание, и именно в таких условиях формируется новое понятие науки, основанное на убеждении, что все природные явления подчинены законам механики.

Конечно, научная революция XVII в. — интернациональное явление. Выдающиеся открытия в разных областях знания делались в Италии, Франции, Нидерландах. Но особый интерес к достижениям науки и техники отмечается в Англии, поскольку в XVII в. уровень развития промышленности и капитализма здесь был более высоким, чем на континенте.

После смерти О. Кромвеля в 1658 г. перед Англией встал вопрос: как жить дальше? Протектор не оставил после себя в стране прочного режима и стабильной ситуации. Недовольство испытывали все — из-за упадка промышленности, отчасти связанного с войной с Испанией, из-за неурожая и голода ими вызванного. Растущие налоги добавляли недовольства. Ни буржуазия, ни дворянство не могли полностью контролировать страну, в результате чего реальная власть оказалась в руках верхушки армии¹⁹². Поэтому не удивительно, что именно генерал Монк, командующий английскими войсками в Шотландии, в начале 1660 г. распускает парламент и начинает переговоры с принцем Карлом, сыном казненного короля Карла I.

¹⁹² Hutton R. The Restoration: A Political and Religious History of England and Wales, 1658—1667. Oxford, N.Y., 1987.

Чтобы получить назад престол принц Карл вынужден был подписать «Бредскую декларацию», обещая стать «добрым» королем — даровать амнистию участникам мятежа (кроме тех, кто приговорил к смерти его отца) и провозгласить веротерпимость и неприкосновенность сложившихся имущественных отношений. В итоге в Англии была восстановлена монархия, и новый король Карл II вместе со своим двором вернулся из Франции, где пребывал в изгнании¹⁹³. Вместе с ним вернулись привыкшие к паразитическому образу жизни его сторонники-роялисты. После возвращения на престол Карла II Стюарта власть в стране перешла из рук бережливых и набожных пуритан в руки бездельников и мотов. Лондон — по свидетельству современников — превратился в центр безудержных развлечений, безнравственных и весьма расточительных. Прежде всего, это относится к новому королю и его придворным, для которых главным смыслом жизни стали жажда наслаждений и развлечения. Это очень хорошо прослеживается по свидетельствам мемуаристов, например, Дж. Эвелина и С. Пипса. В их дневниках мы находим любопытные замечания об уровне культурных запросов англичан второй половины XVII в., об эмоциональном климате в городе, интересах и пристрастиях своих современников¹⁹⁴.

Создается впечатление, что для лондонцев стремление к развлечениям превращается в манию, и при дворе только тем и занимаются, что танцуют, смотрят и ставят пьесы, слушают музыку. Джон Эвелин, который был убежденным сторонником монархии, и даже уехал из Англии в период господства Кромвеля, в своих дневниках рисует впечатляющую картину. Прочитируем лишь несколько записей, сделанных в разные годы: «Я смотрел “Маски”, представлявшиеся при дворе шестью джентльменами и шестью леди, <...> это было Сретенье Господне» (1665)¹⁹⁵; «Этим вечером я слушал замечательные итальянские голоса двух евнухов и одной женщины в зеленой спальне его величества, рядом с его кабинетом» (1667)¹⁹⁶; почти сразу после этого он записывает: «Я смотрел комедию, разыгрывавшуюся при дворе» 1667)¹⁹⁷. В феврале 1668 г. записывает: «Я смотрел трагедию “Гораций” (написанную целомудренной миссис Филипс), игравшуюся перед их величествами. Между

¹⁹³Seaward P. The Cavalier Parliament and the Reconstruction of the Old Regime, 1661—1667. Cambridge, 1989.

¹⁹⁴Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I—II; Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. With Memoir. L., 1890; Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I—III; Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из Дневника / Вступ. ст., сост., пер. с англ., именной указатель и прим. А. Ливерганта. М., 2001.

¹⁹⁵Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 2.

¹⁹⁶Ibid. P. 29—30.

¹⁹⁷Ibid. P. 30.

каждым актом — маски и античные танцы»¹⁹⁸. Потом следует запись: «Я смотрел большой бал, который танцевали королева и знатные леди в Театре Уайтхолла. На следующий день здесь была разыграна знаменитая пьеса, называвшаяся “Осада Гранады”¹⁹⁹; играли два дня подряд»²⁰⁰. Часто в театральных постановках принимали участие и члены королевской семьи. В декабре 1674 г. Эвелин пишет: «Смотрел ночью комедию при дворе, исполнявшуюся только леди, среди них леди Мэри и Энн, две дочери их королевских высочеств»²⁰¹. Уровень придворных постановок часто был очень невысок: «Отправился посмотреть нелепый фарс и рапсод герцога Бекингема под названием “Концерт”, фиглярствовавшего всю пьесу, еще непристойно вдобавок», — пишет Эвелин²⁰². В итоге в 1671 г., Эвелин, сам человек спокойный и уравновешенный, записывает: «Этой ночью я остановился в Ньюмаркете, где нашел веселых соревнующихся, танцующих, празднующих и пирующих, более похожих на блестящую и распущенную пирушку, чем на христианский двор»²⁰³.

Театр стал любимым развлечением верхушки общества. Правильнее сказать, снова стал, поскольку во времена Кромвеля специальным указом парламента театральные постановки были запрещены, ибо считались рассадниками порока и безнравственности. Горожане перестали посещать театр, что было немислимо во времена Шекспира. После возвращения Стюартов стал восстанавливаться и театр. Правда, за большой промежуток времени был открыт лишь один — Королевский театр на Друрилейн, да это и не удивительно, т.к. посетителями театра были, прежде всего, аристократия и придворные. Благочестивые горожане театр избегали из-за репертуара, который отличался пошлостью и извращенным вкусом. Не случайно наибольшим успехом пользовалась пьеса Уичерли «Деревенская женщина», в которой представлены различные уловки для соблазнения женщин. Трудно было ожидать, что приверженцы Англиканства (не говоря уж о пуританах) найдут подобные пьесы достойным развлечением. И хотя постепенно пошлые пьесы Уичерли вышли из моды, но на это понадобилась жизнь целого поколения. Даже после того, как возобновились пьесы Шекспира и Бена Джонсона, появились поэтические драмы Драйдена, настороженное отношение к театру у англичан осталось²⁰⁴.

¹⁹⁸ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 99. P. 41.

¹⁹⁹ Эвелин имеет в виду пьесу Драйдена «Завоевание Гранады».

²⁰⁰ Ibid. P. 62.

²⁰¹ Ibid. P. 99. Речь идет о дочерях Якова, брата Карла II, будущих королевах Англии.

²⁰² Ibid. P. 74.

²⁰³ Ibid. P. 74.

²⁰⁴ Мокульский С. История западноевропейского театра. М., 1936; Ступников И. Английский театр. Конец XVII—начало XVIII века. Л., 1986.

Гораздо сильнее театра широкие слои англичан привлекали другие формы проведения досуга. Например, среди прочих развлечений особый интерес и азарт вызывала такая жестокая забава, как травля зверей. Конечно, к «культурным» развлечениям это трудно отнести. Но в рассматриваемое время популярность подобных зрелищ была весьма велика. В специально отведенных местах организовывались петушиные и собачьи бои, травля медведей и быков. Зрелища, которыми наслаждались зрители, несомненно, были очень жестокие и кровавые. 16 июня 1670 г. Д. Эвелин записывает: «Я отправился с некоторыми друзьями в Медвежий парк (Bear Garden), где проводились петушиный бой, собачий бой, травля медведя и быка. Это был знаменитый день для всех этих жестоких развлечений или скорее варварской безжалостности. Быки исполняли роль чрезвычайно хорошо, однако ирландские волкодавы, которые были необычайно быстроходны, превосходили их; действительно величественное животное, которое побеждало безжалостного мастифа. Один из быков швырнул собаку прямо на колени леди, хотя она сидела в одной из лож на значительной высоте от арены. Две бедные собаки были убиты, и, наконец, все закончилось обезьяной верхом на лошади. И я совершенно устал от грубого и низменного развлечения, которого я не наблюдал, думаю, уже в течение двадцати лет»²⁰⁵.

О характере эпохи говорит и страсть англичан к азартным играм — игре в карты, кости, бильярд. Это было не просто способом провести досуг — во время игр большие деньги переходили из рук в руки, иногда просаживались целые состояния. В январе 1668 г. Д. Эвелин наблюдал при дворе «грандиозную игру» и «груды золота, промотанные в тщеславной и расточительной манере»²⁰⁶. Редко игра в карты или кости обходилась «без шума, ругани, ссор или беспорядков какого-нибудь сорта»²⁰⁷, это было чем-то необычным, вызывавшим удивление.

Ужасы Гражданской войны приучили людей спокойно наблюдать за страданиями других существ, и даже получать от этого удовольствие. В октябре 1660 г. С. Пипс отправился на Чаринг-Кросс посмотреть казнь члена Верховного судебного трибунала, судившего Карла I, генерал-майора парламентской армии Томаса Гarrisона. Его должны были повесить, распять и четвертовать. Когда после казни зрителям продемонстрировали его голову и сердце, «толпа издала радостный вопль»²⁰⁸. Сам факт мучительной казни такого известного человека ни у кого не вызывал удивления — в «Бредской декларации» Карл II специально оговорил это условие. Интересно то, что после столь ужасного зрели-

²⁰⁵ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 53—54.

²⁰⁶ Ibid. P. 41.

²⁰⁷ Ibid. P. 71.

²⁰⁸ Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 265.

ща С. Пипс с друзьями спокойно отправился в таверну, чтобы поесть устриц²⁰⁹.

Кроме жажды развлечений страну обуяла строительная лихорадка. Стремление перестраивать и возводить здания можно было бы объяснить тем, что в 1666 г. Лондон пострадал от страшного пожара. Но строительный бум отмечался по всей стране. Причем все дома перестраивались и возводились с необычайной роскошью. Д. Эвелин описывает дома своих приятелей, знакомых и знатных лиц в разных городах Англии. И повсюду отмечает стремление к роскоши: комнаты дворца герцога Норфолка обшиты деревянными панелями из кедра, тиса, кипариса; кедровая столовая шерифа Лондона Роберта Клейтона в его новом доме расписана фресками из истории Войны Титанов²¹⁰. Навестив графиню Арлингтон, одну из придворных дам королевы, Эвелин пишет: «Она провела нас наверх в свою новую уборную, где была кровать, два зеркала, серебряные кувшины и вазы, шкатулки и другие такие же богатые предметы, какие я редко видел; в этом обилии излишества мы теперь пребываем, и это не только при дворе, но почти повсеместно, даже до распутства и расточительности»²¹¹.

Культурная атмосфера эпохи Реставрации не отличалась особой тонченностью. Но рассматриваемое время характеризовалось и другими тенденциями. Как было отмечено, это было время первой научной революции, которую историки рассматривают как наиболее значительную и основополагающую. Так, Джеймс Джейкоб считает ее самым важным преобразованием в современной истории, призванным «создать новый материальный и моральный порядок»²¹². Такого же мнения придерживается и Гельмут Кёнигсбергер: «По силе интеллектуального и эмоционального воздействия научная революция XVII в. представляла собой уникальное явление, с которым не может соперничать ни одна последующая “научная революция”...»²¹³.

В рассматриваемый период в различных отраслях промышленности Англии — горнодобывающей, металлургической, текстильной — стали появляться новые механизмы и устройства. А быстро развивающаяся техника стимулировала научные исследования. Особое внимание привлекала механика, как наиболее тесно связанная с техникой. Кроме того, образованные люди, которые до Реформации занялись бы штудированием теологии, теперь предпочитали изучать естественные науки, не грозившие нарушить мир и спокойствие, как религиозные споры.

²⁰⁹ Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 265.

²¹⁰ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 85, 124.

²¹¹ Ibid. P. 88.

²¹² Jacob J.R. The Scientific Revolution: Aspirations and Achievements, 1500—1700. N.Y., 1998. P. XVII.

²¹³ Кёнигсбергер Г. Европа раннего Нового времени. 1500—1789. М., 2006. С. 226.

В первый год Реставрации в Англии было основано научное общество для развития знаний о природе. Петиция о преобразовании общества в корпорацию со своим уставом была подана еще в сентябре 1661 г.²¹⁴ В 1662 г. Карл II присвоил ему наименование «Королевское общество»²¹⁵. В первые годы Реставрации в Англии новое научное общество было преобразовано в «Лондонское королевское общество для развития знаний о природе» (“Royal Society of London for improving Natural Knowledge”). Очень подробно процесс создания, а точнее оформления Научного общества изложен в дневнике Дж. Эвелина, который с самого начала входил в инициативную группу. Хотя все этапы этого процесса в данном случае рассматриваться не будут, отметим, что в 60-е гг. XVII в. в его состав входило примерно 100 человек²¹⁶. Сначала их было всего 40 человек, и они организовывали свою работу на собственные средства. Члены Общества ежегодно должны были платить взносы в размере 40 шиллингов. Сведения об этом можно найти в дневнике С. Пипса. В начале марта 1665 г. С. Пипс записал: «Затем — на собрание, где двух сыновей сэра Дж. Картерета и сэра Н. Слэни должны были принять в Общество. Сегодня заплатил вступительный взнос — 40 шиллингов»²¹⁷. В материальном плане это создавало трудности, но зато в отличие от континентальных ученых (например, Французской Академии) члены английского Научного общества были независимы от государства и свободны в выборе тем исследований. Как уже отмечалось выше, в 1662 г. Карл II присвоил ему наименование «Королевское общество». Э. Мендельсон, известный историк науки, считает, что королевское покровительство было просто формой контроля за деятельностью нового сообщества, членам которого запрещалось на своих собраниях затрагивать политические и религиозные вопросы²¹⁸.

Деятельность Общества привлекала внимание не только ученых, но и людей весьма далеких от науки. Вопросы механики, астрономии, медицины и прочее обсуждались за обедом или выпивкой в кофейнях, тавернах или дома с друзьями. В мае 1661 г. С. Пипс отмечает, что из Уайтхолла он с мистером Шепли, мистером Муром и Джоном Боулсом отправился в «Рейнскую пивную» (“wine-house”), куда зашел и Джонас Мур, математик. «И здесь он в беседе достаточно убедительно изложил

²¹⁴*Evelyn J.* The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. With Memoir. L., 1890. P. 278.

²¹⁵*Ibid.* P. 286, 287. Уже в 1667 г. была опубликована «История Королевского общества», написанная Томасом Спрэтом: *Sprat T.* The History of the Royal Society. St. Louis, 1957.

²¹⁶*Кирсанов В.С.* Научная революция XVII в. М., 1987. С. 253—254.

²¹⁷*Пипс С.* Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М., 2001. С. 72.

²¹⁸*Mendelson E.* The Social Construction of Scientific Knowledge // The Social Production of Scientific Knowledge. Boston, 1977. P. 3—26.

нам, что Англия и Франция некогда были одним континентом, с очень хорошей аргументацией»²¹⁹. Этот самый Джонас Мур на свои средства заказал для основанной Гринвичской обсерватории 2-х метровый секстант с телескопическим визиром. Нужно иметь в виду, что Карл II, издав указ о создании обсерватории, совершенно не озаботился вопросом о средствах на приобретение инструментов, поэтому первому директору Джону Флемстиду пришлось заказывать и покупать их на свои средства.

В это время в Англии очень успешно развивается оптика и механика. Тогда же в английских лабораториях работали Роберт Гук, Исаак Ньютон, Роберт Бойль. Их исследования привлекали широкое внимание образованных людей. Так, Д. Эвелин гордится знакомством с Робертом Бойлем и интересуется изысканиями, которые проводили члены Королевского общества²²⁰.

В XVII в. происходят изменения в мировоззрении англичан. Представления о природе и человеке все более опираются «на зрение, а не на умозрение»²²¹. Поэтому такой популярностью стали пользоваться эксперименты, и в том числе публичные, на которых присутствовало много людей, которые могли подтвердить результаты эксперимента. Самое большое количество зрителей собирали анатомические театры. Люди приходили на вскрытия в прямом смысле как на спектакли. В феврале 1663 г. С. Пипс сделал запись в «Дневнике»: «Часов в одиннадцать утра специальный уполномоченный Петт и я — в “Клуб хирургов” (нас туда пригласили, пообещав накормить обедом), где нас провели в зал, куда вскоре явился лектор, доктор Терн, в окружении учителей и студентов. Когда все сели, приступил к своей лекции, второй по счету, о почках, мочеточнике и половых органах. По окончании этой весьма поучительной лекции направились в здание клуба, где был накрыт превосходный ужин; <...> После ужина доктор Скарборо повел нескольких своих друзей (а с ними и меня) посмотреть на покойника, здоровенного малого, моряка, которого повесили за грабеж. Из покойницей — в отдельную комнату, где, насколько я понял, препарируют тела; там: почки, мочеточники, половые органы, камни, семенные канатики, — все то, о чем читалась сегодняшняя лекция»²²². Д. Эвелин, также очень далекий от медицины человек, с любопытством наблюдает за работой хирургов. В марте 1672 г. он пишет: «Я смотрел, как хирург отрезал ногу раненому моряку, отважному и храброму человеку, переносившему это с невероятным терпением, без привязывания его к креслу, как обычно в таких мучительных случаях. У меня едва хватило мужества присутствовать.

²¹⁹ *Pepys S. The Diary... Vol. II. P. 105.*

²²⁰ *Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. P. 247.*

²²¹ *Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1981. С. 81.*

²²² *Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 71.*

Не отрезали достаточно высоко, чтобы одолеть гангрену, и вторая операция стоила бедному человеку жизни»²²³. Опыты проводились самые разнообразные. В 1665 г. С. Пипс после беседы со знаменитым Уильямом Петти, который считается родоначальником политической экономики, отправился в Грешем-колледж, «где видел, как чуть было не умертвили котенка (умертвлять его, собственно, никто не собирался), выкачав воздух из сосуда, куда его посадили; когда же сосуд вновь наполнили воздухом, котенок тут же ожил»²²⁴.

Тем не менее, нужно отметить, что в результате таких жестоких на взгляд современного человека опытов на животных и проверки их на людях были сделаны важные открытия в области медицины. Так, Уильям Гарвей открыл, что кровь в теле человека циркулирует по замкнутому кругу благодаря работе сердца, а не печени, как предполагали раньше. Подобный эксперимент наблюдал С. Пипс: «Кровь одной собаки переливали (пока она не издохла) другой, лежавшей рядом, собственную же кровь второй собаки слили тем временем на землю. Первая собака умерла на месте, другая же чувствует себя отлично и, по всей вероятности, будет чувствовать себя так же хорошо и в дальнейшем»²²⁵. С присущим ему юмором он замечает: «Этот эксперимент навел меня на мысль о том, что не худо было бы перелить кровь квакера архиепископу и так далее. Как замечает доктор Крун, плохую кровь можно улучшить, позаимствовав здоровую, что является огромным подспорьем для поддержания человеческой жизни»²²⁶.

Далеким от ремесла и промышленности люди проявляли интерес к техническим изобретениям. Д. Эвелин в мае 1661 г. пишет, что осматривал «превосходную машину для вязания шелковых чулок»²²⁷, в июле этого же года появляется запись в дневнике: «Мы испытывали наш водолазный колокол (Diving Bell) в доке Дептфорда, в котором наш член правления (Curator) продержался полчаса под водой»²²⁸, в сентябре 1668 г. он с энтузиазмом «отправился посмотреть проект сэра Элиаса Лайтона повозки с железной осью»²²⁹. Такой интерес не был случайным. Во второй половине XVII в. в Англии происходило интенсивное накопление капиталов. Экономист и статистик конца XVII в. Чарлз Девенант подсчитал, что за время 1660—1688 гг. английская промышленность и торговля, а также тоннаж морского флота выросли более чем

²²³ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 78.

²²⁴ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 73.

²²⁵ Там же. С. 75.

²²⁶ Там же.

²²⁷ Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. P. 275.

²²⁸ Ibid. P. 277.

²²⁹ Ibid. Vol. II. P. 43.

двое. Такого быстрого экономического развития Англия ранее никогда еще не знала.

Популярность научных исследований в рассматриваемый период объясняется и тем, что научные знания были еще не настолько специализированными, чтобы любой образованный и интересующийся человек не мог повторить эксперимент, который он наблюдал на публичной демонстрации. Так, в августе 1666 г. С. Пипс записал: «Вскоре, как мы и договаривались, явился мистер Ривз, а за ним мистер Спонг; провел с ними целый день, до и после обеда, до 10 часов вечера; говорили об оптике, он принес раму с закрытыми ставнями, чтобы показать, как пересекаются лучи света — в темной комнате это очень красиво. Принес также фонарь с рисунками на стекле, и на стене появились причудливые очертания — красиво. Когда стемнело, видели в мою двенадцатифутовую подзорную трубу Юпитер с его кольцом и спутниками — но не Сатурн: он очень темный»²³⁰.

Несмотря на энтузиазм исследователей и интерес образованных людей к науке и техническим изобретениям научные занятия не могли обеспечить материальное благосостояние даже самых выдающихся ученых. Средства для существования они должны были изыскивать другими способами. Поэтому вовсе не удивительно, что Уильям Петти, прославившийся своими трудами в области экономики и статистики, во времена Кромвеля стал крупнейшим ирландским землевладельцем. И понятно, почему он, по сообщению С. Пипса, «в завещании отписывает часть имущества тому, кто смог бы изобрести то-то и то-то <...> Заявил, что тому, кто изобретет золото, не даст ничего, ибо, говорит он, “те, кто нашел золото, сами смогут себя содержать”»²³¹.

Хотя поздние Стюарты и их сторонники вынуждены были приспособиться к капиталистическому развитию страны и считаться с интересами буржуазии, но они все же недостаточно учитывали особенности послереволюционной Англии. Королевская политика не обеспечивала в полной мере защиты экономических интересов английской буржуазии и нового дворянства. Стремление Стюартов править помимо парламента, опираясь на поддержку внешних сил — Франции и Католической церкви, к которой они всегда были ближе, чем к Протестантизму, в конце концов привело к новому конфликту правительства с буржуазией и джентри.

Таким образом, можно заметить, что период Реставрации был очень противоречивым эпизодом в истории Англии. Хотя правление поздних Стюартов длилось 28 лет, оно не могло вернуть страну к старым порядкам.

²³⁰ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. С. 74.

²³¹ Там же. С. 72—73.

§ 9. Частное коллекционирование в Англии во второй половине XVII в. как форма исторической памяти

«Историческая память» — понятие очень многозначное. В одном из ее проявлений историческую память можно рассматривать как способ соединения прошлого, настоящего и будущего. Национальная и социальная идентичность определяется уважением к истории и ее различным проявлениям. Л.П. Репина отмечает, что историческая память — это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особое значение для конституирования и интеграции социальной группы в настоящем»²³².

Попытаемся рассмотреть частное коллекционирование как одну из форм хранения культурного и духовного опыта. В XIX в. в эпоху романтизма сформировалось представление о музее как «резервуаре», где покоится «непреходящее наследие», «культурные ценности». В основу всех крупнейших мировых музеев, в том числе и Великобритании, положены коллекции, собранные частными лицами. Поэтому интересно познакомиться с периодом «предмузейного» коллекционирования, когда создавались не случайные подборки редкостей, а систематизированные по какому-то принципу.

Тем более что в последнее время высказываются очень противоречивые мнения по поводу будущего музейных собраний и на Западе, и в России. В этом отношении очень показательным суждением директора Государственного музея «Останкино» Г. Вдовина: «Музеи всего мира, равно как музейное сообщество в целом, переживают кризис, причину которого все мы охотно видим в экономике и юриспруденции. Не пора ли признаться, что причины этого кризиса глубже. И, похоже, он — кризис — мировоззренческий. <...> Первопричиной кризиса является повсеместная утрата чувства подлинника. Давайте, наконец, увидим и признаемся, что для большинства наших и не наших граждан давно нет разницы между подлинным живописным полотном и разворотной глянцевой иллюстрацией в дорогом альбоме. Нужды нет рассматривать произведение скульптуры в реальном круговом обходе, ежели эту возможность предоставляет музейный сайт»²³³. Английский музейвед А. Хаттон пишет: «В своей основе современные существующие на

²³²Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006. С. 23—24.

²³³Вдовин Г. Кризис музея как мировоззрения // Мир музея. 2002. №5. С. 29—30.

“развитом” Западе музеи мало отличаются от тех, которые создавались одно-два столетия назад. В действительности музеи все еще являются новым феноменом, не изжившим своих эмбриональных черт, а именно — это все еще собрания, в значительной степени сформированные отдельными людьми»²³⁴.

Рассмотрение частного коллекционирования в Англии эпохи Реставрации представляет интерес по нескольким причинам. В сравнении с континентальными собирателями английские коллекционеры отличались по своему социальному составу. Кроме того, частные коллекции в Англии были своеобразными по принципу отбора предметов коллекционирования.

В ряде исследований причины возникновения коллекций объясняются с точки зрения индивидуальной психологии, опираясь на такие понятия, как «вкусы» или «интересы». Конечно, социальный престиж или мода имели место, но в Англии очень важную роль играли еще и причины, связанные с потребностями общества, с развитием науки, техники, культуры²³⁵. Хотя, конечно, нельзя отрицать, что частные собрания отражали интересы и вкусы коллекционеров. Отбор предметов был способом самовыражения владельца.

Коллекционирование разных предметов возникло в Англии задолго до XVII в. Уже во второй половине XVI в. в Англии существовало немало образованных людей, которые собирали документы, предметы старины, монеты, карты и пр. Они достаточно четко представляли огромную историческую ценность письменных и материальных памятников. Эти люди называли себя антикварами. Такими коллекционерами были Р. Хаклюйт, Т. Бодлей, Р. Коттон, Дж. Стоу, У. Кемден. Еще в 1572 г. по инициативе М. Паркера было создано общество антикваров для изучения английской истории и древностей, в деятельности которого принимали участие У. Кемден и Ф. Бэкон.

В первой половине XVII в. в Англии были созданы очень богатые по содержанию и высокому художественному уровню коллекции произведений античной и ренессансной культуры, которые вполне могли соперничать с континентальными аналогами. Мода на коллекционирование произведений античного искусства в Англии появилась у аристократии под влиянием ренессансных идей и придворной культуры, сформировавшейся в континентальных странах Европы, прежде всего в Италии. Художественное коллекционирование носило элитарный характер, оно стало отличительным признаком наибо-

²³⁴Хаттон А. Музеи и наследие: есть ли между ними реальное противоречие? // Музееведение. Музеи мира. Сб. науч. трудов НИИ культуры. М., 1991. С. 81.

²³⁵The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe. Oxford, 1985.

лее образованных и интеллектуально развитых представителей английской аристократии.

Но поскольку коллекционирование этого периода рассматривалось как проявление аристократического снобизма, то в ходе Гражданской войны и некоторого времени после нее традиции собирательства были прерваны, а многие экспонаты были распроданы или утрачены вовсе. Так, одним из богатейших собраний была коллекция Карла I, которая возникла на основе полученного им в наследство собрания своего брата Генри, умершего в 1612 г., а также последующих покупок за границей. Даже до вступления на престол в 1625 г. коллекция Карла I была очень богатой. До 1642 г. король продолжал тратить огромные деньги на пополнение коллекции. После казни Карла I в январе 1649 г. Палата Общин приняла решение о распродаже имущества последнего короля, известное под названием «Общественная распродажа»²³⁶. В результате чего многие экспонаты оказались в частных коллекциях и музеях на континенте. Только после Реставрации возобновилось частное коллекционирование, прерванное Гражданской войной. Именно в это время были созданы частные коллекции, составившие впоследствии основу первых публичных музеев Англии.

В Англии и в эпоху Реставрации преобладало аристократическое коллекционирование, в то время как на континенте собирателями были и богатые представители среднего сословия. Во второй половине XVII в. создание коллекций становится модным занятием для людей образованных, признаком хорошего вкуса, аристократизмом. Это нашло отражение в дневниках современников, например, Д. Эвелина. Описывая посещения своих друзей и знакомых, он очень часто упоминает различного рода коллекции, которые хранились либо в саду, если речь идет о скульптурах, либо в помещениях.

Элитарность художественного коллекционирования выливалась, прежде всего, в интерес к античному наследию. Путешествия по Греции и Италии давали возможность собирать произведения античной культуры — скульптуры, барельефы, «надписи», рукописи и прочее. Примером такой разнообразной коллекции может служить знаменитое собрание редкостей Томаса Хауарда, графа Арундела. Судьба данного собрания широко известна и является весьма драматичной. Граф Арундел начал пополнять его еще до трагических событий Гражданской войны. Войны и затем период протектората Кромвеля привели к значительному сокращению коллекции, ее распылению и даже уничтожению части экспонатов. В результате передачи коллекции в руки различных

²³⁶ Nuttall W.L.F. King Charles I Pictures and the Commonwealth Sale // Apollo. 1965. Vol. 82. P. 302—309.

наследников, оставшаяся часть ее оказалась в пользовании внука графа Арундела Генри Говарда (Хауарда), который совершенно не интересовался коллекционированием и относился с доставшемся ему наследием с полным безразличием. Судьба собрания могла быть еще более печальной, если бы в дело не вмешался Д. Эвелин: «Когда я увидел эти драгоценные монументы ужасно запущенными и разбросанными по саду и другим местам Арундел-Хауса, и то, как чрезвычайно разъедающий воздух Лондона портит их, я посоветовал ему передать их в Оксфордский университет. Он согласился доверить это мне»²³⁷. В 1678 г. Эвелин уговорил Генри Говарда, который был уже герцогом Норфолком, передать Лондонскому Королевскому обществу библиотеку своего деда. В своем дневнике Эвелин пишет: «Я не мог из-за уважения, которое я испытываю к семье, не уговорить герцога расстаться с ними (рукописями и книгами — Т.М.), поскольку не мог видеть, насколько он безразличен к ним, терпя священников и каждого, кто уносил их и распоряжался ими, как пожелает, так что множество редких вещей безвозвратно утрачены»²³⁸. В библиотеке графа Арундела было много греческих рукописей, а кроме того, средневековых редких книг: «Я доставил нашему Обществу помимо печатных книг примерно 100 рукописей, некоторые главным образом касаются Греции. Печатные книги, являющиеся старейшими изданиями, не менее ценны; я считаю их почти равными рукописям. Среди них больше всего авторов, напечатанных в Базеле до того, как иезуиты извратили их своим Индексом запрещенных книг»²³⁹.

Библиотека графа Арундела демонстрирует еще одну характерную черту собирательства рассматриваемого времени, то, что предметом коллекционирования были не только памятники античной истории, но и произведения ренессансной культуры — живопись, предметы прикладного искусства, медали, монеты и многое другое. Для людей второй половины XVII в. события и культура XV—XVI вв. уже были историей и вызывали живой интерес.

Другим примером элитарного характера коллекционирования может служить собрание Дж. Коттона, с которым ознакомился в 1668 г. Д. Эвелин. Он пишет: «Отправился с визитом к сэру Джону Коттону, который принял меня в своей библиотеке, полной MMS [манускриптов?], греческих и латинских, однако более знаменитой теми саксонскими и английскими древностями, собранными его дедом»²⁴⁰.

²³⁷ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. II. P. 38.

²³⁸ Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. With Memoir. L., 1890. P. 402.

²³⁹ Ibid.

²⁴⁰ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. II. P. 41.

Но даже в конце XVII в. большая часть коллекций в Англии представляло собой кабинеты редкостей, подобные тому, который создал Джон Трейдескант-старший²⁴¹; именно его Элиас Ашмол²⁴² подарил Оксфордскому университету. Коллекцию начал собирать Джон-старший, а продолжил — его сын. И отец, и сын были садовниками, которые, занимаясь разбивкой садов для короля Карла I и английских аристократов, ездили за редкими растениями в дальние страны, такие как Россия, Турция, Алжир и др. Помимо растений они привозили с собой оружие, медали, монеты, картины и прочие раритеты, поэтому их дом прозвали «Ковчегом Трейдескантов».

Как уже отмечалось, коллекционирование в Англии второй половины XVII в. носило комплексный характер. В одной коллекции могли быть собраны книги, рукописи, рисунки, а также геологические, зоологические и медицинские экспонаты. В XVII столетии сосуществовали различные формы знания — старые и новые, профессиональные и любительские. Этот симбиоз накладывал отпечаток и на частные коллекции.

Так, Д. Эвелин, познакомившись с библиотекой мистера Элиаса Ашмола, отметил, что она содержит кроме различных редких рукописей еще и коллекцию редкостей, например «гадов» (как пишет Эвелин), заключенных в янтарь²⁴³. Интерес к естественнонаучному коллекционированию не был случайным явлением, он стал следствием бурного развития науки в Англии, которая перестала быть занятием лишь академических кабинетных ученых. В научных центрах наряду с лабораториями, обсерваториями, мастерскими и библиотеками появились и естественнонаучные коллекции, размещенные в специальных помещениях. Но, как показывают источники, такие коллекции собирали и частные лица.

П. Файндлин отмечает, что «музей был одновременно предшественником новых экспериментальных подходов <...> и вотчиной аристотелевских изречений и магов, создающих секреты в своих лабораториях. Стоя на перекрестке между этими двумя несхожими научными культурами, музей обеспечивал общее для всех пространство»²⁴⁴.

Первые собрания редкостей еще мало напоминали современный музей. В рассматриваемый период экспонаты размещались либо на открытом воздухе, либо в галереях и кабинетах. Галерея — помещение,

²⁴¹Осиновский И.Н. Гуманизм и Реформация в Англии в первой трети XVI века // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 221.

²⁴²Findlen P. Possessing Nature: Museums, Collecting and Scientific Culture in Early Modern Italy. Berkley, 1994. P. 10.

²⁴³Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. P. 400.

²⁴⁴Findlen P. Possessing Nature: Museums, Collecting and Scientific Culture in Early Modern Italy. P. 10.

одна сторона которого представляла собой сплошные окна, а вдоль другой размещались экспонаты. Когда Д. Эвелин осматривал коллекцию «гипсовых изваяний и барельефов, помещенных среди деревьев» в летнем дворце королевы Елизаветы, он замечает: «Жаль, что они не взяты отсюда и не хранятся в более сухом месте; галерея была бы для них более подходящей»²⁴⁵.

Другим вариантом размещения коллекции был кабинет. Кабинет не был вытянутым в длину помещением и не имел большого количества окон. Такое название помещения для коллекции, возможно, происходило от шкафчика с множеством маленьких ящичков для хранения бумаг, карт, украшений и прочих мелких вещей. Эта форма шкафчика очень подходила для хранения античных предметов — монет, ювелирных изделий, гемм, а также естественнонаучных образцов. Позднее и само помещение, где располагалась коллекция, стало называться кабинетом²⁴⁶.

Подбор экспонатов в кабинетах — различный. Существовали специализированные кабинеты, где выставлялись произведения искусства, или естественнонаучные кабинеты, но чаще всего кабинет представлял собой сборную коллекцию уникальных и необычных предметов, которые должны были показать все многообразие мира. Именно поэтому среди экспонатов часто имелись вещи, доставленные из стран Азии, Африки и Америки. В конце декабря 1665 г. Д. Эвелин присутствовал на ужине у леди Мордант, в доме которой «была комната, полная изображений больших и малых, представляющих различные ремесла и занятия индийцев, а также их обычаи»²⁴⁷. В 1682 г. Д. Эвелин пишет: «Отправился навестить нашего доброго соседа м-ра Бохуна (Bohun), чей дом целиком является кабинетом всего изящного, особенно индийского; в холле имеются японские ширмы, приспособленные взамен панелей»²⁴⁸. Часто в состав такого собрания «редкостей» входили чучела диких животных для англичан птиц и животных, бивни слонов, яйца страусов, зубы акулы и прочее²⁴⁹.

²⁴⁵ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. II. P. 11—12.

²⁴⁶ О размещении коллекций см., например: Pevsner S.N. A History of Building Types. N.Y., 1976. P. 111—132; Bazin G. The Museum Age. Brussels, 1967. P. 129—130.

²⁴⁷ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. II. P. 11.

²⁴⁸ Ibid. P. 170.

²⁴⁹ Подробнее о принципе подбора экспонатов кабинетов редкостей см.: Menzhausen J. Elector Augustus's Kunstkammer: An Analysis of the Inventory of 1587 // The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe / Ed. by O. Impey and A. MacGregor. Oxford, 1985. P. 8; Fucikova E. The Collection of Rudolf II at Prague: Cabinet of Curiosity or Scientific Museum? // The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe / Ed. by O. Impey and A. MacGregor. Oxford, 1985. P. 51.

Время существования частных коллекций обычно было недолгим, и после смерти их владельцев предметы любовного собирания чаще всего оказывались рассеянными по другим коллекциям. Примером этому может служить самая известная частная коллекция графа Арундела. Поэтому неудивительно, что многие собиратели еще при жизни завещали свои фонды либо научным обществам, либо университетам, надеясь таким образом сохранить коллекции. И если на континенте появление общедоступных музеев было связано с собиранием монархов, то в Англии первые публичные музеи создавались на основе коллекций частных лиц. Так, в 1683 г. в Оксфордском университете появился первый в Европе публичный естественнонаучный музей. В основу его было положено собрание Трейдескантов, завещанное другу Джона Трейдесканта-младшего юристу и коллекционеру Элиасу Ашмолу, о коллекции которого уже упоминалось выше. В 1667 г. Э. Ашмол, добавив к этой коллекции свое собрание книг и нумизматики, передал экспонаты Оксфордскому университету на условиях размещения их в отдельном помещении. Университет присоединил к коллекции химическую лабораторию и библиотеку и в 1683 г. в построенном Кристофером Реном здании открыл музей, получивший позднее название «Ашмолеанского музея» (или «Музея Ашмола»)²⁵⁰. Хотя справедливее было бы назвать его «Музеем Трейдескантов».

Хотя в Англии рассматриваемого периода частное коллекционирование носило аристократический характер, плодами собирательства в конечном итоге пользовались представители всех сословий. Комплексный характер коллекций позволял не только сохранить память об ушедших временах, но и открыть для себя что-то новое в современном мире, и связать, таким образом, прошлое и настоящее.

§ 10. Досуг и развлечения английского горожанина второй половины XVII в.

Человеческая жизнь во все времена была нелегкой и редко безопасной. Но также верно и то, что она состояла не только из тревог и забот. Люди, к какому бы слою они не принадлежали, любили и умели веселиться, ибо только работа или религия не могли помочь справиться с неприятностями и испытаниями судьбы. То, как люди отдыхали,

²⁵⁰ Alexander E.P. *Museums in Motion: an Introduction to the History and Functions of Museums*. Nashville, 1979. P. 42—44.

зависело от уровня развития общества, социального и материального положения, личных вкусов и привычек человека. Досуг и развлечения — не только и не столько праздное времяпрепровождение. Для людей физического труда и тех, кто связан со строго организованным рабочим днем, отдых и развлечения помогают восстановить затраченную энергию, снять накопившуюся усталость и напряжение. Но, кроме того, различные формы досуга и развлечения являются одной из возможностей членам общества почувствовать себя единым целым. И с этой точки зрения у развлечений, игр, праздников есть важная социальная роль.

Каждая эпоха предлагает свои формы проведения досуга, хотя какие-то развлечения можно назвать практически вневременными, особенно это относится к азартным играм.

Попытаемся рассмотреть, как проводили досуг и развлекались английские горожане во второй половине XVII в. XVII столетие выбрано не случайно, оно не только очень богато важными событиями, но и мемуарами современников, отразившими действительность. Это был век дневников. Правда, нужно иметь в виду, что значительное количество свидетельств современников безвозвратно утрачено. Большой пожар Лондона 1666 г. уничтожил вместе с библиотеками и книжными магазинами бесчисленное количество рукописей. Другие города тоже страдали от пожаров, некоторые много раз. Огромное число ценных документов — писем, записных книжек, завещаний, мемуаров, исповедей, регистров церковных приходов — погибли вместе с ними. Даже если не было пожаров, время не щадило документы — их уничтожали крысы, сжигали слуги и родственники. Поэтому так дороги сохранившиеся документы, ибо они дают нам возможность составить представление о мотивах действий людей, о том, что они любили и за что боролись.

Основными источниками являются «Дневники» Джона Эвелина (1620—1706) и Сэмюэля Пипса (1633—1703)²⁵¹. Оба они были людьми образованными, зажиточными, вращавшимися в кругах знати и при дворе, и многие их развлечения были недоступны простому горожанину. Но в работе такого объема определенная доля обобщения неизбежна, поскольку человеческие характеры настолько сложны, что было бы совершенно невозможно описать все разновидности человеческого поведения и чувств. Нужно иметь в виду, также, что большинство людей всегда следуют «за модой» не только в одежде, но и в общепринятых

²⁵¹ Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I—II; Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I—III.

представлениях, в том числе и в развлечениях. Кроме того, очень часто авторы дневников описывают развлечения, в которых в равной мере могли участвовать и королевские особы, и простые обыватели. Это стоит учитывать при описании того, как люди отдыхали и развлекались.

Начать можно с вопроса, что считали развлечением люди XVII в. Многое из того, что они находили увлекательным, нам сейчас не покажется таковым.

Люди XVII в. с большим удовольствием наблюдали за страданиями других существ, не важно, людей или животных. Возможно, это объяснялось тем, что в обстановке нестабильности, когда окружающая человека действительность, по выражению Ф. Броделя, предоставляла равные права жизни и смерти, в условиях частных и мощных эпидемий, типа чумы 1665 года, когда в Лондоне умерло 80 тыс. человек²⁵², страдания других давали ощущение собственного благополучия. Кроме того, публичные наказания должны были служить предостережением людям. Если законы страны и Бога будут нарушаться, это приведет к анархии и страданиям для всех. Это особенно было важно, если преступник был знатным человеком, имевшим власть и влияние на многих людей. Когда его казнили публично, простой народ верил в твердое исполнение правосудия и в то, что даже богатый и знатный должен соблюдать порядок и подчиняться правилам. И все же публичные наказания были именно зрелищами, собиравшими толпы народа. В октябре 1660 г. С. Пипс отправился на Чаринг-Кросс посмотреть казнь члена Верховного судебного трибунала, судившего Карла I, генерал-майора парламентской армии Томаса Гэрисона. Его должны были повесить, распять и четвертовать. Когда после казни зрителям продемонстрировали его голову и сердце, «толпа издала радостный вопль»²⁵³. Как было отмечено выше, после казни С. Пипс с друзьями спокойно отправился в таверну, чтобы поесть устриц²⁵⁴.

Даже просвещенные люди, такие как Д. Эвелин, который путешествовал по Франции, Германии, Италии, вместе с графом Арунделом изучал античные древности, находили интересным зрелище выставленного к позорному столбу человека. Д. Эвелин записывает в дневнике за 21 декабря 1667 г.: «Я смотрел на некоего Карра, выставленного к столбу на Чаринг-Кросс за клевету...»²⁵⁵.

Особый интерес и азарт вызывала такая жестокая забава, как травля зверей. В специально отведенных местах организовывались петушиные и собачьи бои, травля медведей и быков. Как правило, эти места

²⁵²Клаут Х. История Лондона. М., 2002. С. 54.

²⁵³Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 265.

²⁵⁴Ibid.

²⁵⁵Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 41.

располагались на южном берегу Темзы, болотистом и поэтому мало застроенном. Их легло достигали по воде или через Лондонский мост, но зато они были удалены от контроля городских властей. Хотя арены для травли зверей имелись и в самом городе. Еще во времена королевы Елизаветы в Уайтхолле устраивали травлю медведей и быков на арене для турниров, где зрители могли наблюдать бой с галереи²⁵⁶. Конечно, травля медведей устраивалась не только в Лондоне, но и в пригородах. Ни одна ярмарка или церковный праздник не обходились без нее, хотя травлю устраивали и в другие дни. Чаще всего травлю медведя (или быка) проводили в воскресный полдень, когда организаторы могли ожидать большого наплыва зрителей. Хороший бойцовый медведь был гордостью округа. Когда его вели по улицам перед боем, его украшали венком и дружно приветствовали. О нем тщательно заботились и щедро кормили. Травля проводилась в яме, огороженной прочными железными шипами, в центре которой и привязывался медведь. Зубы медведя были коротко обломаны, чтобы он не мог сильно укусить собак, а собакам трудно было прокусить толстую шкуру медведя. Медведь отбивался, главным образом, своими огромными лапами. Бойцовые медведи имели собственные имена, и аудитория подбадривала их громкими криками. Публика на этих развлечениях бывала очень пестрой — от послов иностранных держав до бродяг²⁵⁷. Травля быков проходила, примерно, так же, как и травля медведей. Хотя иногда в качестве «развлечения» быка направляли на арену свободно по улицам, закрепив на его спине фейерверк. Все ворота города закрывались на засов. Затем наиболее смелый должен был приблизиться к быку с факелом и попытаться зажечь фейерверк, в то время как остальная часть толпы визжала, кричала и бегала вокруг. Такое развлечение часто заканчивалось спорами, ссорами и беспорядками, так что мэру приходилось применять силу, чтобы восстановить покой²⁵⁸.

Зрелища, которыми наслаждались зрители, несомненно, были очень жестокие и кровавые. 16 июня 1670 г. Д. Эвелин записывает: «Я отправился с некоторыми друзьями в Медвежий Парк (Bear Garden), где проводились петушиный бой, собачий бой, травля медведя и быка. Это был знаменитый день для всех этих жестоких развлечений или скорее варварской безжалостности. Быки исполняли роль чрезвычайно хорошо, однако ирландские волкодавы, которые были необычайно быстроходны, превосходили их; действительно величественное животное, которое побеждало безжалостного мастифа. Один из быков швырнул

²⁵⁶ Picard L. Elizabeth's London. Everyday Life in Elizabethan London. L., 2004. P. 246.

²⁵⁷ Saunders B. The Age of Candlelight. The English Social Scene in the 17th Century. L., 1959. P. 173—174.

²⁵⁸ Ibid. P. 174.

собаку прямо на колени леди, хотя она сидела в одной из лож на значительной высоте от арены. Две бедные собаки были убиты, и, наконец, все закончилось обезьяной верхом на лошади. И я совершенно устал от грубого и низменного развлечения, которого я не наблюдал, думаю, уже в течение двадцати лет»²⁵⁹.

В приведенной записи Д. Эвелин упоминает петушинные бои. Это был старинный вид развлечения, известный еще древним грекам и римлянам. Он был популярен среди всех слоев населения. Б. Сандерс описывает случай, когда один старый сквайр был настолько привязан к этому развлечению, что ему принесли петухов в комнату, где он лежал больной и умирал. Наблюдая за их сражением, он забыл на время о своих болях и в таком состоянии и умер²⁶⁰. Настоящие бойцовые петухи специально разводились, обучались и кормились так же тщательно, как скаковые лошади. Они тренировались каждый день с маленькими боксерскими перчатками, привязанными к их пяткам. Для них изготавливали специальные шпоры, что являлось старинным ремеслом. Арена для петушинных боев была просто кругом, который устраивался в любом замкнутом месте — учебной комнате, гостиничном дворе или конюшне большого дома. Хотя в Лондоне существовали и специально построенные арены для петушинных боев, включая одну во дворце Уайтхолла, построенную во времена Генриха VIII (одновременно с теннисными кортами и лужайками для игры в шары)²⁶¹. Простые лондонцы посещали арены для петушинных боев около Смитфилда, где за пенни они могли наблюдать состязания с галереи. Если же они намеревались держать пари, то платили дороже за места рядом с рингом. Ставки на петуха часто составляли многие тысячи крон. Если владельцы петухов, чтобы сделать схватку более яростной, покрывали клювы петухов чесноком или давали перед боем бренди, то каждый, кто обнаруживал это, мог убить таких птиц²⁶². Петухи от природы драчливы, и они боролись с яростью и до смерти. В конце боя победитель вскакивал на спину противника и восторженно кукарекал под громовые аплодисменты своих владельцев и сторонников. Графства выставляли своих петухов против друг друга, и школьники состязались своими петухами за призы (обычно за молитвенники с назидательными надписями)²⁶³. К XVII в. петушинные бои превратились в жестокое зрелище, поскольку петухам надевали стальные шпоры. Это сильно отличалось от старых времен, когда петухи дрались «необутыми».

²⁵⁹ Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 53—54.

²⁶⁰ Saunders B. The Age of Candlelight. P. 171.

²⁶¹ Picard L. Elizabeth's London. Everyday Life in Elizabethan London. P. 248.

²⁶² Ibid.

²⁶³ Saunders B. The Age of Candlelight. P. 172.

Справедливости ради нужно сказать, что, судя по словам Д. Эвелина, не все получали удовольствие от подобных жестоких развлечений. Но большинство англичан находило эти зрелища очень увлекательными.

Иногда травле подвергались не только медведи и быки. Д. Эвелин записал в «Дневнике», что во время похорон родственника жены «очень красивая лошадь была затравлена насмерть собаками; но она сражалась со всеми ними так, что свирепейшая из них не могла ухватиться за нее до тех пор, пока люди не окружили ее со своими шпагами»²⁶⁴. Д. Эвелин называет это безнравственным и варварским спортом и замечает, что его не уговорили быть зрителем. Если уж речь зашла о лошадях, то нужно отметить, что чаще устраивали конные состязания, которые были известны еще со времен англо-саксов. В Средние века — особенно на Пасху и Троицын день — дворянство имело обыкновение участвовать в гонках на лошадях.

Правда, лошадиные гонки не рассматривались как спорт до начала XVII в., когда его популярность начала постепенно расти. Сначала не было строгих правил, имеющих место в современных конных состязаниях. В гонках, как правило, участвовали владельцы лошадей. Фактически, это скорее было развлечением, чтобы получить удовольствие, а не прибыль²⁶⁵.

Очень популярным развлечением была охота. Причем именно как развлечение, а не как способ добывания пищи. Правда, Д. Эвелин и С. Пипс, описывая обеды с друзьями, часто упоминает дичь, но все же в XVII в. не охота доставляла основное количество мяса к столу. В своих дневниках они упоминают псовую и соколиную охоту, в которых им доводилось участвовать²⁶⁶. Возможно, это просто было данью тому образу жизни, который присущ их окружению — в охоте они участвовали то с лордом-казначеем, то с королем. В Средние века охота была наиболее популярным развлечением знатных особ, тем более что страна изобиловала животными и птицами различных видов. Охота превратилась в особый ритуал с определенным набором действий. Сначала устраивались сборы охотников, потом охотничий завтрак где-нибудь на лесной поляне и только затем компания отправлялась на охоту.

Старинным развлечением была соколиная охота, которая иногда становилась страстью для мужчин и женщин. Ястребы и соколы настолько высоко ценились, что нередко служили в качестве королевских подарков тем, кого они желали отличить. Обучение ястреба было большим искусством и требовало много месяцев работы, а также особого

²⁶⁴Saunders B. The Age of Candlelight. P. 36.

²⁶⁵Ibid. P. 174—175.

²⁶⁶Ibid. P. 71, 115 (в августе и октябре).

питания и ухода. Иногда владелец заболевшего ястреба совершал паломничество к святым местам, чтобы вылечить больную птицу. Правительство издавало строгие законы, предусматривавшие тяжелые наказания за кражу ястребов и их яиц. Правда, в XVII в. эти законы уже не были такими жесткими, как в Средние века, когда кража ястреба каралась смертью.

Лучшие ястребы были очень дорогими и продавались за сотню марок, что для того времени составляло весьма значительную сумму. Сохранились сведения, что некий сэръ Томас Монсон в правление Якова I отдал за двух ястребов тысячу фунтов²⁶⁷. Тем не менее, к концу XVII в. соколиная охота приходила в упадок. Это было связано с совершенствованием огнестрельного оружия, а также с тем, что оставалось все меньше открытых полей, где можно было охотиться с ястребами. После Реставрации стала постепенно увеличиваться популярность охоты на лис с охотничьими собаками. К XVII в. охота была развлечением очень узкого круга людей, которые могли охотиться в частных и королевских парках.

Более демократичным способом развлечься являлись спортивные состязания. Но это скорее было развлечением для зрителей, нежели для участников. Если не считать футбола и крикета, в который в XVII в. играли представители всех сословий, то, например, бокс, называвшийся в том время просто боем, или состязание в беге доставляли удовольствие только зрителям. Причем зрителям приходилось платить за возможность наслаждаться этими зрелищами. Чтобы возместить свои затраты и просто в силу азарта, присущего всем сословиям, заключались пари и делались ставки. Зевак собиралось много, иногда несколько тысяч. В октябре 1671 г. Д. Эвелин записал: «На следующий день после обеда я был на вересковой равнине, где наблюдал большое состязание в беге между Вудкоком и Флетфутом, принадлежащими королю и м-не Элиоту, постельничему; зрителей было много тысяч. Более блестящего состязания в беге не было в течение многих лет»²⁶⁸. Это уже не средневековые состязания всех желающих во время больших праздников, а практически профессиональная борьба.

Азарт англичане проявляли и при игре в карты, кости, бильярд. Это было не просто способом провести досуг — во время этих игр большие деньги переходили из рук в руки, иногда проигрывались целые состояния. В январе 1668 г. Д. Эвелин наблюдал при дворе «грандиозную игру» и «груды золота, промотанные в тщеславной и расточительной манере»²⁶⁹. И если игра в карты или кости обходилась «без шума, ругани, ссор или

²⁶⁷Saunders B. The Age of Candlelight. P. 170.

²⁶⁸Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 70.

²⁶⁹Ibid. P. 41.

беспорядков какого-нибудь сорта»²⁷⁰, то это было чем-то необычным, заслуживающим быть отмеченным в «Дневниках» или «Записках». Игра в бильярд тоже вызывала необычайный азарт. Обедая у португальского посла, Д. Эвелин увидел бильярдный стол, который позволял вести игру с большим азартом, «чем наш обычный»²⁷¹. В чем конкретно были его особенности, Д. Эвелин не указывает, возможно, в расположении лунок.

Чаще всего массовые развлечения были связаны с ярмарками, которые очень тревожили городские власти из-за беспорядков, сопутствовавших этим мероприятиям. Ярмарки притягивали людей не только возможностью купить что-то нужное. Это было зрелище, которое привлекало праздных людей, желавших посмотреть на диковинки, поиграть в азартные игры, вволю напиться. Особое беспокойство вызывала майская ярмарка, которую неоднократно собирались закрыть. Д. Эвелин 1 мая 1683 г. отправился в Блэкхиз посмотреть Новую ярмарку. Крупной организованной торговли он не заметил, зато отметил бесчисленное множество пьяных людей из Лондона²⁷². Беспокоились власти и из-за Варфоломеевской ярмарки, которая ежегодно 24 августа собирала в Смитфилде разношерстную толпу. На ярмарках можно было полюбоваться на различных уродцев или просто необыкновенных людей — слишком маленьких, слишком больших, худых, как скелеты, или необычайно толстых и пр. Например, Д. Эвелин в январе 1669 г. «отправился посмотреть высокую громадную женщину, рост которой 6 футов 10 дюймов (примерно, 2 м. 10 см.) в возрасте 21 года, родившуюся в Нидерландах»²⁷³. Исключительным развлечением бывала зимняя ярмарка в те годы, Темзу сковывал лед. А замерзала река неоднократно. Например, в 1537 г. Генрих VIII со своей тогдашней женой Джейн Сеймур и целой кавалькадой придворных пересекли реку верхом, направляясь в Гринвичский дворец. А в 1564 г. была знаменитая Морозная ярмарка, когда на льду устраивали состязания по стрельбе из лука, танцы, и даже играли в футбол. Современники отмечали, что людей на реке было больше, чем на улицах Лондона²⁷⁴.

Иногда ярмарочные или «цирковые» представления организовывались в домах знатных людей, которые не желали смешиваться с толпой во время общих развлечений. В октябре 1672 г. Д. Эвелин у леди Сандерленд смотрел представление известного глотателя огня Ричардсона и подробно описал все его трюки²⁷⁵.

²⁷⁰*Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 71.*

²⁷¹*Ibid. P. 141.*

²⁷²*Ibid. P.176.*

²⁷³*Ibid. P. 45.*

²⁷⁴*Picard L. Elizabeth's London. P. 10—11.*

²⁷⁵*Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 85.*

Благодаря тому, что Лондон был главным портом Англии, туда привозили множество диких животных со всего света. Лондонцы очень любили рассматривать необычных животных и птиц. Так, в октябре 1684 г. Д. Эвелин записал: «Я отправился с сэром Уильямом Годолфином посмотреть носорога, который, я полагаю, является первым, которого доставили в Англию. В то же самое время я отправился посмотреть крокодила, доставленного с тех же островов Вест-Индии, напоминающего египетского крокодила»²⁷⁶.

Многие необычные животные и птицы были сосредоточены в Сент-Джеймском парке, в котором имелось несколько прудов и канал, а также липовые и вязовые насаждения, где можно было встретить оленей из разных стран — белых, красных, пятнистых, антилоп, «гвинейских коз», «арабских овец» и многих других²⁷⁷. Интересно то, что указанные виды животных и птиц показывают, насколько расширились географические представления англичан, и с какими странами они торговали. В Сент-Джемском парке Д. Эвелин видел «грустную водяную птицу, доставленную из Астрахани русским послом; <...> здесь была также маленькая водяная птичка, не больше куропатки, которая ходила почти совершенно прямо, подобно пингвину Америки»²⁷⁸. Я уже упоминала крокодила из Вест-Индии, напоминающего египетского, т.е. нильского крокодила.

В моде было все восточное. Это отражалось и на убранстве домов. Д. Эвелин упоминал ужин с одной дамой в доме, где стены были завешаны картинками, изображавшими «различные ремесла и занятия индийцев, с их обычаями»²⁷⁹.

Одним из любимых развлечений англичан был театр. В настоящем параграфе не ставится задача изучить историю английского театра — это тема специальных исследований. В данном случае театр рассматривается как один из способов провести досуг и развлечься.

Когда мы говорим о театре в Англии XVII в., то нужно различать отдельные периоды в его истории. Гражданская война прервала бурную театральную жизнь Англии, т.к. пуритане крайне негативно относились к театру. Решительные мероприятия против театров начались с декрета парламента от 2 сентября 1642 г. о закрытии всех театров. За ним последовал декрет от 17 июля 1647 г. об аресте любого человека, на которого два свидетеля укажут как на актера. Попытки после этих постановлений играть спектакли привели к тому, что новые власти решили снести театральные здания. Еще в 1644 г. был снесен шекспировский

²⁷⁶ Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 199.

²⁷⁷ Ibid. P. 3.

²⁷⁸ Ibid. P. 2.

²⁷⁹ Ibid. P. 11.

«Глобус», в 1649 г. — театры «Фортуна» и «Феникс», в 1655 г. — «Театр Блекфрайар»²⁸⁰. Поэтому возрождение театральной жизни в Англии начинается только после Реставрации. Строились новые здания театров, ставились старые пьесы, которые давно не игрались. 19 декабря 1668 г. Д. Эвелин записал в «Дневнике»: «Я отправился посмотреть старую пьесу “Каталина”, забытую почти на 40 лет»²⁸¹.

В Лондоне существовало три вида театров, значительно отличавшихся друг от друга по репертуару, составу зрителей, актеров и устройству. Были Королевский театр, городские публичные театры и городские частные театры.

Самым закрытым театром, естественно, был Королевский театр. Он обслуживал исключительно королевскую семью и приближенных, и хотя был бесплатным, но для простых горожан недоступным. В смысле репертуара он находился под явным влиянием итальянского театра. Авторами пьес и исполнителями чаще всего являлись члены королевской семьи и придворная знать. В феврале 1665 г. Д. Эвелин присутствовал на придворном спектакле (Масках), в котором играли шесть джентльменов и шесть леди»²⁸². Иногда в качестве актрис выступали принцессы. В начале апреля 1665 г. Д. Эвелин записал: «После обеда я смотрел разыгрывавшегося «Мустафу», трагедию, написанную графом Оррери»²⁸³. Лишь для исполнения комических ролей приглашались профессиональные актеры, так что Королевский театр в значительной мере носил любительский характер.

Городские публичные театры имели коммерческий характер, т.к. нужно было платить актерам, зарабатывать деньги на содержание театра, поэтому со зрителей взималась плата. Здесь играли профессиональные актеры, и поскольку плата за вход была не слишком высока, то публика собиралась очень пестрая — от аристократов и почтенных дам до мелких торговцев, моряков и проституток. Состав публики влиял на репертуар театров — в основном в публичных театрах ставили комедии (фарсы) и драмы. Музыкальных спектаклей было мало. Люди просвещенные иногда с пренебрежением относились к тем спектаклям, которые ставились в публичных театрах. Д. Эвелин замечает: «Смотрел знаменитый итальянский спектакль марионеток, поскольку не было ничего другого»²⁸⁴.

Частные театры ориентировались на более «приличную» публику. Это обеспечивалось сначала ограничением доступа в театр зрителям

²⁸⁰ Мокульский С. История западноевропейского театра. М., 1936. С. 420.

²⁸¹ Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 45.

²⁸² Ibid. P. 2.

²⁸³ Ibid. P. 4.

²⁸⁴ Ibid. P. 36.

низших социальных слоев, а потом просто большей стоимостью билетов, чем в публичных театрах. Однако уровень театральных постановок в частных театрах был не выше, чем в публичных, а иногда и ниже. Так, в декабре 1671 г. Д. Эвелин пишет: «Отправился посмотреть нелепый фарс и рапсод под названием “Концерт” герцога Бекингема, фиглярствовавшего всю пьесу, еще непристойно вдобавок»²⁸⁵. Правда, по этой записи трудно понять, идет ли речь о Дворцовом театре или театре герцога Бекингема.

Интересно отметить, что форма спектакля в рассматриваемое время была смесью драмы, оперы и балета. Между драматическими сценами вставляли танцы, часто не имевшие никакого отношения к тексту пьесы. В феврале 1668 г. Д. Эвелин пишет: «Я смотрел трагедию “Тораций” (написанную целомудренной миссис Филипс), игравшуюся перед их величествами. Между каждым актом — маски и старинные танцы»²⁸⁶. Оперу ходили смотреть, а не слушать: «Я смотрел Итальянскую оперу в музыке, первую, которая была в Англии этого рода»²⁸⁷. Д. Эвелин отмечает момент, когда опера стала отделяться от драматической пьесы.

Другим очень распространенным способом провести досуг и получить удовольствие были занятия музыкой и концерты. Посещение концертов, так же, как поход в театр, было обычным в среде знати и зажиточных людей. В музыке, как и в театре, заметно сильное влияние Италии. И не только в том смысле, что исполнялась итальянская музыка, но и в том, что большинство профессиональных исполнителей были итальянцами. В ноябре 1674 г. Д. Эвелин «слушал эту выдающуюся скрипку, сеньора Nickolao (с другими замечательными музыкантами)». Эвелин отмечает, что он «никогда не слышал, чтобы какой-нибудь смертный человек превзошел его на этом инструменте»²⁸⁸. В декабре этого же года Эвелин записал, что у своего друга мистера Слингсби слушал сеньора Франческо, который играл на клавикордах. Затем к ним присоединился сеньор Nickolao со своей скрипкой²⁸⁹. За 24 января 1667 г. в «Дневнике» Эвелина имеется запись: «Этим вечером я слушал замечательные итальянские голоса, двух евнухов и одну женщину, в зеленом зале его величества, рядом с его кабинетом»²⁹⁰.

²⁸⁵*Evelyn J. The Diary. Vol. II. P. 74.*

²⁸⁶*Ibid. P. 41.*

²⁸⁷*Ibid. P. 95.*

²⁸⁸*Ibid. P. 99.*

²⁸⁹*Ibid.*

²⁹⁰*Ibid. P. 29—30.*

§ 11. Дороги и транспорт в доиндустриальной Англии

У современных историков наблюдается тенденция пересмотра негативной оценки состояния дорог и транспорта в доиндустриальной Англии. В последние десятилетия исследователи акцентируют внимание на положительных моментах, дабы доказать, что не все было так плохо, как представлялось раньше: «Если транспорт до железных дорог был плохой, логично следует, что транспорт до каналов и дорог с заставами должен был быть ужасным, и нет недостатка в анекдотичных свидетельствах, чтобы доказать, что это было так. Но было ли это в реальности?»²⁹¹. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Большинство благоустроенных дорог Англия — как и вся Западная Европа — получила в наследство от Римской империи. И на протяжении многих столетий рисунок дорог практически не менялся: «Каково бы ни было их происхождение, доисторическое ли, римское или «темного века», наша современная система дорог была, в сущности, завершена [к XI веку], и не говоря о современных автострадах и некоторых новых дорогах в отдельных областях наш рисунок дорог тот же, что был 900 лет назад»²⁹².

Если говорить о периоде Средних веков, то даже во времена Карла Великого, старавшегося следить за состоянием путей сообщения, население давно утратило традиции римской техники строительства и ремонта дорог. Было забыто искусство цементирования, умение изготавливать кирпич. В этом отношении Англия мало отличалась от других стран Европы. Сухопутные дороги были одинаково плохими, что в Англии, что в Германии. Они настолько узки, что не только две повозки, но часто и две лошади, двигавшиеся навстречу друг другу, не могли разъехаться. На дорогах, как и в наши дни, образовывались заторы, поскольку никто не желал уступать другому, а объехать по обочине часто было невозможно, поскольку путешественники могли увязнуть в болоте. В Англии, где это было возможно, дороги прокладывали по меловым и другим твердым породам почвы. Там, где это было невозможно, в болотистых и глинистых местностях настилали гати. Обгон затруднялся еще и тем, что на дорогах образовывались глубокие колеи и рытвины, так что выехать на обочину повозка самостоятельно не могла. Иногда приходилось добывать в окрестностях дополнительных лошадей, чтобы вытащить воз или коляску. По этой же причине в карету обычно впрягали шестерку лошадей, что являлось вовсе не ро-

²⁹¹ *Masschaele J. Transport Costs in Medieval England // The Economic History Review. 1993. Vol. 46. P. 266.*

²⁹² *Harrison D.F. Bridges and Economic Development, 1300—1800 // The Economic History Review. 1992. Vol. 45. № 2. P. 254.*

ошью, а необходимостью. Даниэль Дефо, совершивший путешествие Англии в период правления королевы Анны (1702—1714), так описывал главную дорогу в графстве Ланкашир: «Сейчас мы находимся в какой местности, где дороги вымощены мелким булыжником, так что краям мостовой, ширина которой достигает обычно около полутора ярдов²⁹³, можно идти или ехать верхом. Но средняя часть дороги, где лжны ездить повозки, очень скверная»²⁹⁴.

В XVII—XVIII вв., так же, как в Средние века, зимой и в плохую погоду по дорогам можно было передвигаться только верхом. Даже если всти отправлялись женщины, они ехали не в коляске, а часто на одной шади с мужчинами, сидя позади них. Если кому-то необходимо было вершить поездку верхом, то всадникам приходилось выезжать в путь но утром, чтобы опередить вереницы вьючных лошадей, обогнать торых на узкой дороге было невозможно. Торговцы путешествовали рхом, везя образцы товаров и поклажу в мешках на спинах лошадей. и перевозка небольшого количества товара производилась с помощью вьючных лошадей.

И в XVII в., когда мобильность населения была уже достаточно высокой, на дальние поездки смотрели как на печальную необходимость,пряженную с большим риском. Риск этот был связан не только сасностью опрокинуться и сломать себе шею, но и разбойниками, наднявшими дороги Англии. У Шекспира в пьесе «Король Генрих IV»екрасно изобразил опасности путешествия, когда слуги, конюхи, аюгда и сами хозяева гостиниц сообщали разбойникам маршрут пушества своих постояльцев и содержание их багажа, а иногда и коельков. Если путешественники не отправлялись в дорогу большоймпанией и хорошо вооруженными, то они рисковали быть ограбленми. Описывая Англию 1685 г., Томас Маколей отмечал, что верховыезбойники имелись на всех больших дорогах Англии. Чтобы спратья с ними, власти иногда прибегали к необычным мерам: «Однажг было издано объявление, что некоторые лица, которых подозревав таких грабежах, но против которых не имелось достаточных улик,лжны явиться в Ньюгет в одежде для верховой езды; будут показанылошади, и все, кто был ограблен, приглашаются явиться на эту свообразную выставку». В другой прокламации отмечалось, что все соржататели таверн и гостиниц находятся под контролем, поскольку прательству известно, что благодаря их укрывательству бандиты имеютзможность безнаказанно грабить на дорогах. Эти разбойники часто

²⁹³ 1 ярд = 91,44 сантиметра. Таким образом, проезжая часть дороги была менее 1,5 метров в ширину. Естественно, что на такой дороге двум повозкам разьяхаться было затруднительно.

Дит. по: Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959. С. 337.

были знатными людьми, они устанавливали дань за проезд по своим дорогам, и в случае ее неуплаты грабили путников. Тех, кто платил дань, они защищали от других разбойников²⁹⁵.

На протяжении многих столетий плохое состояние дорог вызывалось отсутствием административных органов, которые бы следили за их восстановлением и строительством. Конечно, отдельные короли как-то пытались решить эту задачу, хотя чаще всего перекладывали заботу о состоянии дорог на местные власти. Долгое время дороги в Англии должны были поддерживаться в хорошем состоянии приходом, через который они проходили. Для дорожных работ использовался бесплатный труд крестьян в течение определенных дней в году. Естественно, надежды на то, что о дорогах будут бесплатно заботиться не те, кто по ним ездит, а те, через чьи земли они случайно проходят, не оправдывались. В некоторых городах стали вводиться обязательные налоги на поддержание дорог. Эти налоги собирались в виде пошлины на транспорт — размер пошлины зависел от размера и тяжести транспортного средства.

В результате, лишь немногие дороги поддерживались в хорошем состоянии. В конце XVII в. в некоторых районах Англии, где дороги были особенно плохи, ввели систему дорожных застав для того, чтобы собирать деньги на поддержание дорог. К началу царствования королевы Анны забота об охране дорожных застав лежала на мировых судьях. К концу ее правления были образованы частные компании хранителей застав. Но до начала царствования Ганноверов в Англии мало что изменилось в деле строительства и починки дорог²⁹⁶.

Как уже отмечалось, самым надежным транспортным средством была верховая лошадь. При этом верхом на лошади совершались не только короткие поездки, но и путешествия из одного конца страны в другой. Например, купцы Бристоля и Лондона добирались верхом из одного города в другой меньше чем за три дня. На верховых лошадях перевозились и грузы. До появления железных дорог даже уголь в некоторые местности доставляли на вьючных лошадях. Так, в XVII в. баржи с углем шли вверх во Северну от Бристоля через Бриджуотер до Тонтона, где уголь выгружали из барж, засыпали в мешки и на лошадях доставляли в окрестные городки и деревни. За один раз лошадь могла перевезти 2 бушеля угля²⁹⁷. Это объясняет, почему уголь всего на расстоянии 20—30 миль от места добычи стоил в 5—10 раз дороже. Доро-

²⁹⁵ *Macaulay Th.* The History of England from the Accession of James the Second. L., 1889. Vol. I. Ch. III.

²⁹⁶ Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. С. 336—337.

²⁹⁷ Там же. С. 305. Бушель — мера сыпучих тел, равная примерно 35 литрам.

говизна транспортировки позволяла перевозить тяжелые и громоздкие товары по суше лишь на небольшие расстояния.

В сухую погоду для транспортировки грузов использовались и повозки. В XIII в. быков в упряжке заменили лошади. Обычно в телегу на конной тяге впрягалось 4 лошади. Но количество лошадей зависело от величины и веса груза. Как правило, 4 лошади тащили груз весом в 4 квартера пшеницы. В Эссексе и Херефордшире, где использовались телеги с 3 лошадьми, норма на одну телегу была 3 квартера пшеницы. Для сравнения можно сказать, что каждая вьючная лошадь, перевозившая зерно, была нагружена 4 бушелями. Таким образом, использование телег удваивало тягловую силу лошади²⁹⁸. Но до конца Средних веков повозки были очень примитивными. Конечно, уже появились колеса с железным ободом, а затем передние колеса стали крепиться на шарнирах, давая возможность поворачивать повозку под более крутым углом, но это не делало данный вид транспорта более надежным. Даже шесть лошадей тащили фургон со скоростью пешехода, поэтому за день повозка могла преодолеть от 10 до 20 миль. Расстояние, покрывавшееся за день, зависело не только от тяжести груза, но и от местной топографии, состояния дорог и времени года. Из-за плохих дорог телеги с грузом переворачивались, товар вываливался на землю к большому ущербу владельцев. Особенно сложно было перевозить на повозках вино. Бочки, несмотря на дополнительные бочарные клепки, обручи и крышки разбивались²⁹⁹. Тем не менее, купцы часто шли на такой риск, особенно если речь шла о контрабандном товаре. Чтобы избежать уплаты в порту таможенных пошлин, иногда товары между английскими морскими портами (например, между Бристолем и Саутгемптоном) перевозились не на кораблях, а на телегах³⁰⁰.

Стоимость перевозки зависела не только от веса товара, но и от вида. Например, стоимость перевозки квартера овса была ниже, чем при транспортировке пшеницы. Применялся и другой принцип оплаты за перевозки — установление тарифа за день использования определенного средства. Обычная норма была 14 п. в день, хотя иногда платили и 18 пенсов. Так, в отчете шерифа Кента в 1342 г. об отправке зерна в качестве королевских поставок записано: «Для перевозки 100 кварталов пшеницы из Элама в Сандвич на 25 телегах, каждая с 4 лошадьми, по 18 п. За телегу в день, 37 ш. 6 п.»³⁰¹. Специалисты считают, что транспортные расходы на суше в средневековой Англии были довольно низкими. Такие же расценки обычны и для последующих веков. По

²⁹⁸Masschaele J. Transport Costs in Medieval England. P. 269.

²⁹⁹Crawford A. Bristol and the Wine Trade. Bristol, 1984. P. 5.

³⁰⁰The Overseas Trade of Bristol. In the Later Middle Ages / Sel. and ed. E.M. Carus-Wilson. Bristol, 1937. P. 83, 86.

³⁰¹Цит. по: Masschaele J. Transport Costs in Medieval England. P. 268.

крайней мере так считает Джеймс Мэшел: «В равной степени примечательно, что относительная стоимость транспортировки — по крайней мере наземным транспортом — изменилась очень мало за период в 400 лет, с XIV в. до середины XVIII века»³⁰².

В повозках путешествовали и люди. Хотя в полном смысле слова путешествием в коляске это нельзя назвать, поскольку основную часть пути люди предпочитали проделать верхом и лишь перед прибытием на место пересаживались в экипаж. Объяснялось это тем, что из-за отсутствия рессор в колясках и каретах очень сильно трясло. Хотя в XV в. появилось новшество — корпус экипажа стали подвешивать к осям колес на кожаных ремнях, что в некоторой степени смягчало тряску.

До XVIII в. лучшие экипажи изготавливались на континенте. В письмах, дошедших от XV в., есть сведения о покупках английскими купцами колясок в Нидерландах. Так, в 1478 г. купец Роберт Рэдклиф просил Джорджа Сели, находившегося в Нидерландах, купить для него экипаж: «И также убедительно прошу Вас купить экипаж, самый лучший из тех, что прибывали сюда раньше»³⁰³. В письме Ричарда Сели-старшего можно не только найти упоминание о том, что англичане покупали экипажи в Нидерландах, но и сведения о технических особенностях повозок того времени. В июне 1479 г. он писал сыну Джорджу в Кале о том, что просил другого купца, Джона Роуза, «поговорить с тобой относительно покупки для меня в Кале повозки на одну лошадь. Повозка должна быть небольшой, колеса без ободов, как на моей старой повозке в Кале. Повозка должна быть из хорошего ясеня, с готовыми осями, ибо у меня большая нужда в этом. Я предполагаю, что вместе с крепежными зажимами, чеками и всем остальным она будет стоить 6 или 7 ш.»³⁰⁴.

В XVI в. появились кареты, которые тоже сначала покупались на континенте. Так, первая карета королевы Елизаветы I была сделана в 1565 г. в Голландии. Но с развитием техники центр производства первоклассных карет переместился в Англию. Здесь существовали прекрасные и для своего времени точные инструменты для обработки дерева, металла и других материалов.

Самыми быстрыми из больших экипажей были почтовые кареты. С XVI в. почтовые перевозки берутся под контроль государства. К середине XVIII в. в Англии не было сколько-нибудь значительного торгового местечка, которое не имело бы почтовой станции. Помимо отправки корреспонденции почта организовывала и транспортировку пассажиров. На почтовых станциях можно было нанять верховую лошадь, либо

³⁰² *Masschaele J. Transport Costs in Medieval England. P. 266.*

³⁰³ *The Cely Letters, 1472—1488 / Ed. by A. Hanham. Oxford, 1975. P. 40.*

³⁰⁴ *Ibid. P. 52—53.*

купить место в почтовой карете, которая брала 6—8 пассажиров. Почта держала и лошадей для экипажей, которых разрешалось поменять на следующей почтовой станции. Уже в середине XVII в. зрители почтовых станций давали объявления, что трижды в неделю они предоставляют верховых лошадей, и просили желающих заранее делать заказы, чтобы можно было приготовить необходимое количество лошадей³⁰⁵.

С течением времени перевозки пассажиров становятся регулярными. Во всех крупных городах несколько раз в неделю отправлялись дилижансы, перевозившие всех желающих. В 1469 г. Оксфордский университет принял решение регулярно отправлять до Лондона дилижансы, который должен был совершать весь путь за один день — с 6 утра до 7 вечера. Наряду с теми, кто восторгался такой скоростью передвижения, нашлись и утверждавшие, что распространение дилижансов уничтожит верховую езду и даже коневодство, а мастера-седельники и изготовители шпор лишатся работы. Критики заявляли, что летом в дилижансах жарко, а зимой холодно; больные и дети беспокоят других пассажиров; экипажи отправляются слишком рано, а приезжают слишком поздно, поэтому люди не успевают позавтракать или поужинать и пр. В петициях, подававшихся властям, выдвигалось требование, чтобы дилижансы отправлялись не чаще одного раза в неделю, в упряжках использовалось не более 4-х лошадей, и проезжали они не более 30 миль в день³⁰⁶. Кое-что из перечисленных выше упреков было справедливо. Даже в середине XIX в. герой очерка Ч. Диккенса, вспоминая времена до возникновения железных дорог, замечал: «В то время Северная железная дорога еще не была построена, и ходили почтовые кареты, о которых я вместе с иными людьми теперь притворно грущу, но которых в те годы все боялись как огня». Пассажира, путешествовавшего зимой, чтобы он не замерз до смерти, укрывали соломой: «Меня до пояса завалили соломой, и, сознавая, что вид у меня довольно нелепый, я тронулся в путь»³⁰⁷. Герой вспоминает, что когда на скользкой дороге лошади падали, то ему приходилось вылезать из повозки и помогать поднимать лошадей, и с юмором добавляет, что это позволяло ему немного согреться. Интересно, что когда в Англии появились железные дороги, то владельцы дилижансов, опасаясь конкуренции, использовали похожие доводы. Многие утверждали, что из-за паровозов пассажиры могут задохнуться в туннелях, поля будут сожжены искрами от паровозов, скот на расположенных близко пастбищах погибнет от страха из-за шума и резких свистков локомотива, а куры перестанут нестись.

³⁰⁵ Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. М.;Л., 1931. Т. 2. С. 319.

³⁰⁶ Там же. С. 321.

³⁰⁷ Диккенс Ч. Остролист // Он же. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 19. С. 610.

До конца XVII в. путешественникам на дальние расстояния приходилось останавливаться на ночевку на почтовых станциях. Современники жаловались на неудобные помещения, холод и плохое питание. Затем поездки стали совершаться и днем, и ночью: после смены лошадей дилижанс двигался дальше. К XVIII в. скорость передвижения почтовых карет значительно возросла. Если раньше за день они проезжали 40—50 километров, то теперь эти цифры могли достигать 100—150 километров в день. Это был необычайный прогресс, если учесть, что повозка с грузом, как отмечалось, способна проехать не более 10, в лучшем случае 20 миль в день.

В условиях плохих сухопутных дорог морское и речное сообщение, хотя и более медленное, имело значительное преимущество, особенно при перевозке тяжелых и громоздких грузов. Если сравнить грузоподъемность, то лодка или баржа могла перевозить до 50 кварталов зерна. До появления железных дорог реки были важнейшими путями сообщения внутри страны. В 1699 г. жители Уисбича подали петицию в палату общин, в которой содержалась просьба сделать судоходной реку Ларк, т.к. сухопутные дороги являются непроходимыми, а их район, специализирующийся на производстве только масла, сыра и овса, должен получать недостающие продукты из Суффолка³⁰⁸.

Города внутри страны — Йорк, Глостер, Норидж, Оксфорд, Кембридж — были речными портами. Правда, проходимость многих рек была довольно низка из-за недостаточной глубины русла, а также потому, что они оказывались загромождены камнями и деревьями, которые часто скрывались под водой. Иногда лодочникам приходилось останавливать движение и расчищать себе путь. При транспортировке товаров в глубь страны купцам и перевозчикам часто приходилось перегружать их с одного типа лодки на другой, который был более пригоден для плавания на определенном участке реки. Поэтому для передвижения по рекам использовались разные средства — небольшие плоскодонки (“boats”, “trows”, “cobles”, “shouts”), малые каботажные суда и бечёвочники. Бечёвочниками назывались лодки, приводившиеся в движение бечевой, которую тянули лошади или люди. Лошадей впрягалось в среднем 10—12, если же их заменяли люди, то требовалось от 80 до 90 человек. Видимо, этот способ передвижения лодок был широко распространен, поскольку в 1464 г. в палате общин парламента разбирались жалобы купцов на то, что все возрастающее число бечёвочников на реке Северн мешает торговле семи графств³⁰⁹. Учитывая все отмеченное выше нужно сказать, что скорость речного транспорта была крайне

³⁰⁸Тревелиян Дж.М. Социальная история Англии. С. 315.

³⁰⁹Sherborne J.W. The Port of Bristol in the Middle Ages. Bristol, 1965. P. 14.

низка. Перевозка грузов по рекам обходилась в 2—3 раза дешевле, чем гужевым транспортом.

В XVII—XVIII вв. речное сообщение наладилось благодаря соединению бассейнов рек между собой с помощью каналов. Хотя широкое строительство каналов в Англии приходится уже на конец XVIII в.

Итак, нужно сказать, что к XVIII в. по сравнению со Средними веками дороги и средства сообщения в Англии, несомненно, улучшились. И хотя качественные преобразования не были повсеместными, и сухопутные дороги продолжали оставаться менее удобными, чем морские и речные, но появились новые средства транспорта, возросла регулярность связей, появилась почтовая служба. Увеличившиеся запросы пассажиров, несомненно, заставляли повышать качество дорог и перевозок.

§ 12. Болезни и медицина в английском городе XVII в.

То участь всех: все жившее умрет
И сквозь природу в вечность перейдет.
У. Шекспир. Гамлет. Акт I. Сцена 2.

С начала XVI до начала XVIII вв. большинство английских городов демонстрирует устойчивый демографический рост. Специалисты считают, что с 1500 до 1700 г. население Англии примерно удвоилось, причем доля городских жителей возрастала в два раза быстрее, чем сельских. Так, если в 1520 г. в Лондоне было 60 тыс. жителей, то к 1695 г. уже 575 тысяч. В Нориче — 12 тыс. и более 29 тыс., в Бристоле — 10 тыс. и, примерно, 19,5 тысяч³¹⁰. Правда, точные подсчеты роста населения весьма затруднительны из-за отсутствия надежных статистических данных — постоянные переписи стали проводиться только с конца XVIII в., и их методика была весьма несовершенна. Для рассматриваемого периода исследователи располагают лишь сведениями из приходских регистров, списков налогообложения, записями о крещениях и отпеваниях. Все эти документы составлялись с разными целями, и поэтому содержат несовпадающие данные³¹¹.

Тем не менее, городское население в XVII в. непрерывно увеличивалось. Означает ли это, что демографическая ситуация в городе была

³¹⁰Clark P., Slack P. *English Towns in Transition. 1500—1700.* Oxford, 1976. P. 83.

³¹¹Wrigley E., Schofield R. *The Population History of England 1541—1871: A Reconstruction.* L., 1981.

вполне благополучной? Для ответа на поставленный вопрос интересно познакомиться с дневниками, мемуарами и письмами современников, которые можно назвать зеркалом своей эпохи. Они позволяют понять, насколько стабильна была жизнь в английском городе в рассматриваемый период, как люди воспринимали обрушивавшиеся на них болезни и невзгоды, как относились к медицине и врачам, которые пытались бороться с болезнями, и многое другое³¹².

Хотя в 1518 г. в Англии был основан Медицинский Колледж, но медицинская наука долгое время продолжала оставаться на уровне Средневековья. Она базировалась на учениях Аристотеля и Гиппократов, а также дополнениях, сделанных к ним во II в. н.э. Галеном. Медицина была смесью философии, астрологии, магии и опыта. Опираясь на античные авторитеты, врачи делили всех людей на сангвиников, флегматиков, холериков и меланхоликов. Подобная градация зависела от того, какой природный элемент (воздух, огонь, вода или земля) оказывал большее воздействие на человека. Если связанные с природными элементами холод, жар, влага и сухость находятся в равновесии, то человек здоров. Если же по неизвестной причине равновесие нарушалось, человек заболел.

XVI век — время значительных успехов в медицине. И связано это было не только с развитием медицинской науки, но также искусства и путешествий. Благодаря изысканиям Леонардо да Винчи продвинулось изучение анатомии. И знаменитого Андреаса Везалия, написавшего в 1534 г. работу «О строении человеческого тела», можно считать научным последователем Леонардо. Для развития хирургии много сделали Амбруаз Паре, Томас Гейл, Уильям Клауз, Джон Вудвол и другие ученые³¹³. Благодаря развитию путешествий научные достижения становились известными в разных странах. Путешествия сделали известными европейцам ипекакуану (рвотный корень), хинин, а также табак, который вначале использовали как наркотик (вместо анестезии).

Однако несмотря на достигнутые успехи, медицинская наука была еще сравнительно неразвита, хирурги совсем недавно отделились от парикмахеров, а аптекари от бакалейщиков. Кроме того, было так много конкурирующих научных школ, что обыватель находился в полной растерянности — кому верить? Кроме того, люди принимали почти без возражений учение Церкви о том, что болезнь и боль — только наказа-

³¹²*Evelyn J.* The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I—II; *Pepys S.* The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I—III; *Пунс С.* Домой, ужинать и в постель. Из Дневника / Вступ. ст., сост., пер. с англ., именной указатель и прим. А. Ливерганта. М., 2001; *They Saw it Happen. An Anthology of Eye-Witnesses' Accounts of Events in British History 1485—1688* / Comp. by C.R.N. Routh. Oxford, 1956.

³¹³*Cook H.J.* The Decline of the Old Medical Regime in Stuart London. N.Y., 1986.

ние за грехи, посланное Господом. И если болезнь была по воле Божьей, то зачем пользоваться услугами врача?

Другим популярным суеверием, которое являлось большой помехой для врачей, было то, что некоторые болезни (особенно психические) приписывались козням дьявола, овладевавшего человеком. И для излечения больного требовалась процедура изгнания нечистого духа³¹⁴.

Какие же болезни получили наибольшее распространение в рассматриваемый период? Самыми смертоносными были чума, оспа и туберкулез. В сельской Англии эпидемии чумы перестали быть привычным бедствием уже к XVI в. Но в городах они продолжали оставаться повторяющейся причиной высокой смертности, экономической разрухи и социальных беспорядков. Мелкие городки на протяжении XVI—XVII вв. переживали обычно одну серьезную вспышку болезни. Большие города между 1479 г., когда чума опустошила многие провинциальные центры, и мощной вспышкой 1665 г. испытали несколько эпидемий. Так, в Лондоне в течение последовательных эпидемий 1563, 1593, 1603, 1625 гг. погибла четверть населения, а затем 1665 год унес пятую часть жителей столицы. Норич между 1579 и 1665 г. пережил 6 больших эпидемий, Бристоль за три эпидемии между 1565 и 1603 г. потерял шестую часть своего населения. Во время эпидемий чумы уровень смертности обычно достигал 10%, но в худших случаях он подскакивал до 30%, как было в Нориче в 1579 г., в Ньюкасле в 1636—1637 гг., Личфилде в 1645—1646 гг. Самые тяжелые последствия эпидемии чумы зафиксированы в Колчестере в 1665—1666 гг., когда погибла почти половина населения³¹⁵.

После Черной смерти XIV в. чума обычно принимала вялотекущие формы, обостряясь летом и в начале осени. Но Великая чума 1665 г. была необычайно смертоносной — за лето в Лондоне умерло около 80 тыс. человек, что равнялось населению пяти крупнейших провинциальных городов — Норича, Бристоля, Ньюкасла, Йорка и Эксетера³¹⁶.

Страшную хронику смертей дают «Дневники» Д. Эвелина и С. Пипса. С 16 июля 1665 г. Д. Эвелин начал приводить цифры об умерших в городе. Эти записи невозможно читать равнодушно. Запись за 16 июля гласит: «От чумы на этой неделе в Лондоне умерла 1 тысяча человек; а на следующей неделе свыше 2 тысяч»³¹⁷. 8 августа Эвелин записал: «На этой неделе в Лондоне умерло 4 тыс. человек». 15 августа в «Дневнике» новая запись: «На этой неделе умерло 5 тысяч»³¹⁸. 7 сентября, после того, как Эвелин навестил семью, которую вместе со слугами отправил к брату за

³¹⁴Saunders B. *The Age of Candlelight*. L., 1959. P. 104—105.

³¹⁵Clark P., Slack P. *English Towns in Transition*. P. 89.

³¹⁶Клаум Х. *История Лондона*. М., 2002. С. 54.

³¹⁷Evelyn J. *The Diary of John Evelyn*. Vol. II. P. 8.

³¹⁸Ibid.

пределы Лондона, он записал: «Прибыл домой, где за неделю умерло около 10 тысяч бедных созданий; тем не менее, я проехал полностью из конца в конец город и пригороды от Кент-стрит до Сент-Джайлза, унылая поездка и опасная для того только, чтобы увидеть так много гробов, выставленных на улицах. Теперь людей мало, лавки заперты, и все в мрачном молчании, не зная, чья очередь может быть следующей»³¹⁹. Такие цифры приводит и С. Пипс в записи от 31 августа 1665 года: «Сегодня заканчивается этот печальный месяц — печальный, ибо чума распространилась уже почти по всему королевству. Каждый день приносит все более грустные новости. В Сити на этой неделе умерло 7496 человек, из них от чумы — 6102. Боюсь, однако, что истинное число погибших на этой неделе приближается к 10 000 — отчасти из-за бедняков, которые умирают в таком количестве, что подсчитать число покойников невозможно, а отчасти из-за квакеров и прочих, не желающих, чтобы по ним звонил колокол»³²⁰. Почти ту же картину рисует в своем письме студент из Кембриджа С. Херн, который сообщал своему тьютору Сэмюэлю Блайду. В его письме от 18 июля 1665 г. мы читаем: «Я проходил мимо многих домов в Лондоне, которые были заперты — почти все по всему городу <...> здесь умерло так много, что колокола должны звонить не прекращая, и поэтому они вообще не звонят. Горожане начали быстро запираяться...»³²¹. Жителям зараженных домов не разрешалось выходить из дома в течение 40 дней, в течение которых они либо умирали, либо выздоравливали. Да и сами горожане предпочитали не появляться на улицах и не общаться ни с кем. Правда, не все были такими благоразумными. Тот же С. Пипс 11 июня записал в «Дневнике»: «Вышел ненадолго пройтись — по чести сказать, чтобы пощеголять в новом своем камзоле; и на обратном пути заметил, что дверь дома несчастного доктора Бернетта заколочена»³²². Даже в такие смертельно опасные времена люди рассматривали смерть, а точнее похороны, как зрелище. С. Пипс, который сам вел себя не очень осмотрительно, тем не менее, поражается: «Боже, сколь же безумны те горожане, что сбегаются (хотя им это строго запрещено) поглазеть, как мертвецов предадут земле»³²³. Зимой эпидемия пошла на убыль, но весной 1666 г. она вспыхнула с новой силой. Д. Эвелин 15 апреля 1666 г. записал: «Наш приход теперь более заражен чумой, чем когда-либо»³²⁴.

Но даже небольшие вспышки чумы, регулярно повторяясь, приводили к огромным потерям населения. Особенно это относится к перенасе-

³¹⁹ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 9.

³²⁰ Punc С. Домой, ужинать и в постель. С. 50.

³²¹ They saw it happen. P. 177.

³²² Punc С. Домой, ужинать и в постель. С. 49.

³²³ Там же. С. 51.

³²⁴ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 14.

ленному Лондону. Согласно статистике, собранной Джоном Грантом из списков умерших за 1604—1643 гг., похороны превышали рождаемость в городе на 100 тысяч, и почти $\frac{3}{4}$ превышения было приписано чуме³²⁵. Население городов не уменьшалось только за счет постоянной иммиграции.

К этому нужно добавить, что чума полностью нарушала жизнь города, вызывая безработицу и прекращая всякую торговлю. Когда Д. Эвелин пишет, что заперты не только дома, но и лавки, это означает одно — торговая жизнь города замерла. Результатом становилась нехватка продовольствия и голод, добавлявшие жертвы к тем, кого унесла болезнь. Этот факт отмечен в упоминавшемся письме Сэмюэля Херна, который пришел к выводу, что «больше всего умирали от голода, так сильно проник этот страх в народ»³²⁶.

Эпидемии чумы были наиболее смертоносными в жизни доиндустриальных городов. Но они не являлись единственными причинами высокой смертности. Большой урожай смертей собирала оспа, с которой не удавалось справиться вплоть до конца XVIII в. 23 декабря 1683 г. Джон Эвелин записал в «Дневнике»: «Оспа очень распространилась и смертоносна»³²⁷. 7 марта 1685 г. в его «Дневнике» появилась запись: «Моя дочь Мэри заразилась оспой, и вскоре не осталось надежд на ее выздоровление»³²⁸. Мэри умерла 14 марта в возрасте 19 лет. Эвелин очень горевал, и посвятил дочери несколько страниц «Дневника». Через 6 месяцев после смерти Мэри от оспы умерла другая дочь Эвелина — Элизабет³²⁹. Если человек выживал после заболевания оспой, то это была большая удача. В начале болезни человек страдал от сильной лихорадки и боли во всем теле. Некоторые умирали от внутреннего кровотечения еще до появления сыпи. Когда появлялась сыпь, то она постепенно превращалась в язвы, покрытые струпьями. В случае выздоровления струпья отпадали через несколько недель. Но после них оставались шрамы и рубцы, обезображивавшие внешность человека. Красивая молодая девушка, выжившая после заболевания оспой, теряла всю свою красоту и надежду выйти замуж с той внешностью, которой ее наградила болезнь. В менее сложных случаях шрамов было не очень много, и их можно было прикрыть мушками, которые английские женщины наклеивали на лицо в больших количествах³³⁰.

Интересно, что при лечении оспы рекомендовалось надевать одежду красного цвета и завешивать окна красной тканью, поскольку счи-

³²⁵Clark P., Slack P. *English Towns in Transition*. P. 86.

³²⁶They saw it happen. P. 177.

³²⁷Evelyn J. *The Diary of John Evelyn*. Vol. II. P. 191.

³²⁸Ibid. P. 212.

³²⁹Ibid. P. 230.

³³⁰Уоллер М. Лондон. 1700 год. Смоленск, 2003. С. 117—118.

талось, что этот цвет не подпускает к человеку дьявола³³¹. И лишь в XX в. было доказано, что это средство действительно помогает, поскольку красная ткань (так же, как стекло, слюда и бумага) отфильтровывает актинические лучи солнца, вызывающие образование рубцов³³².

Существовало множество других заболеваний, которые получали свою дань жизнями горожан. Например, чрезвычайно распространена была малярия, проявлявшая себя в форме различных «лихорадок». За этим названием скрывались сотни инфекций, вызывавших высокую температуру. Настоящая малярия возникала из-за укусов mosquitos, которых было много в заболоченных местностях, вокруг сточных канав и стоячих вод. Лихорадка лечилась хинной корой, но это лекарство было дорогим и не всем доступным. Болезнь, которую определяли как «лихорадка», могла за несколько часов привести человека к смерти. Джон Эвелин 8 сентября 1678 г. записал в «Дневнике»: «Жена м-ра Годолфина заболела. Я обнаружил ее прикованной к постели новой лихорадкой <...>, которая была настолько сильной, что не думается, что она сможет продержаться много часов»³³³. Не совсем понятно, что имел в виду Эвелин, когда писал, что она не сможет продержаться много часов — то ли женщина, то ли лихорадка. Но 9 сентября миссис Годолфин умерла в возрасте 26 лет³³⁴. Поэтому англичане очень серьезно относились даже к небольшой простуде, которую легко было подхватить в сыром климате Англии: «Это было необычайно дождливое утро, — пишет в ноябре 1685 г. Д. Эвелин, — и, чувствуя себя нездоровым из-за очень сильного насморка, я не пошел в церковь...»³³⁵.

В рассматриваемое время Англия, вероятно, знала и эпидемии гриппа, хотя до XVIII в. специального названия для него не существовало. Об этом можно судить по записям современников. 15 октября 1675 г. Д. Эвелин отмечает: «Я подхватил жестокую простуду, такую, которая была позже настолько эпидемичной, что причиняла не только нам страдания на этом острове, но и распространилась по всей Европе, подобно чуме»³³⁶.

Чрезвычайно распространенными были легочные заболевания (от туберкулеза умерли брат и сын короля Генриха VIII), болезни кожи, возникавшие из-за употребления большого количества соленого мяса, дизентерия, от которой особенно страдали маленькие дети. Кроме того, англичане рассматриваемого периода были хорошо знакомы с подагрой, астмой, скарлатиной, варикозным расширением вен (от ко-

³³¹Saunders B. The Age of Candlelight. P. 110.

³³²Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М., 2005. С. 159.

³³³Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 126.

³³⁴Ibid.

³³⁵Ibid. P. 243.

³³⁶Ibid. P. 106—107.

того страдала Елизавета I), сифилисом (Мария Тюдор получила его в наследство от отца), нервными болезнями и прочим. К смерти часто приводили такие обычные для нашего времени недуги, как заболевания зубов. Маленькие дети при появлении первых зубов часто получали заражение крови, поскольку тянули в рот все, что попадет под руку. Но и взрослые часто мучались от зубной боли и абсцессов. Страдающим людям легче было вырвать зуб, чем лечить его, тем не менее, удалять зубы боялись все. Достаточно было взглянуть на инструменты хирурга, похожие на орудия пыток, чтобы понять этот страх. К этому следует добавить отсутствие обезболивающих средств.

Большие страдания причиняли желче-каменная и почечно-каменная болезни. Причем, если желчный пузырь удалять не умели, то камни из почек удаляли часто. Хотя исход таких операций успешным был только наполовину. Так, 26 марта 1658 г. Сэмюэлю Пипсу удалили камень из почки, и в начале следующего года он записал: «Благодарение Богу, к концу прошедшего года я чувствовал себя очень хорошо, без какого-либо ощущения моей старой боли, лишь потом подхватил простуду»³³⁷. Но, видимо, камни появились опять, поскольку в июне 1669 г. Д. Эвелин записал в «Дневнике»: «Я отправился этим вечером в Лондон, чтобы проводить м-ра Пипса к моему брату Ричарду, теперь чрезвычайно страдающему из-за камня, который был удачно вырезан; он носил камень настолько большой, как теннисный мяч; чтобы показать ему (Пипсу — Т.М.) и поддержать его решение пойти на операцию»³³⁸. Хотя есть сведения, что брат Эвелина Ричард скончался после мучений, длившихся около года³³⁹.

Как же лечились от всех перечисленных и множества других болезней англичане XVII в.? Уже отмечалось, что еще в 1518 г. был основан Медицинский Колледж (или Королевский Колледж врачей), в котором проходили экзамен люди, желавшие получить звание врача. Кроме дипломированных специалистов довольно часто медициной занимались пасторы прихода, которым лицензию на это занятие предоставлял епископ. Обычной практикой было обращение к цирюльнику, который по старинному обычаю выполнял операцию кровопускания. Эта процедура в рассматриваемое время была очень распространенной, так же, как использование пиявок и банок. С. Пипс как о привычном деле пишет: «Затем пришел м-р Холлиард и отворил мне кровь, около 16 унций; я был переполнен кровью. Очень хорошо»³⁴⁰. Парикмахеры благодаря долгой практике часто бывали очень квалифицированными в таких де-

³³⁷ Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. I. P. 1.

³³⁸ Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 46.

³³⁹ Уоллер М. Лондон. 1700 год. С. 103.

³⁴⁰ Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. III. P. 76—77.

лах. Они могли также перевязать рану, удалить зуб или дать совет по поводу какой-то болезни.

Самой тяжелой работой в медицине была хирургия. Совершать серьезные операции без обезболивающих средств было тяжелым испытанием для нервов даже самых смелых людей. Современники отмечали, что после операции хирурги возвращались пепельно-бледными и дрожащими не только от физической усталости. Если же говорить о пациентах хирургов, то страдания, которые они переносили, были поистине ужасными. Тем не менее, находились люди, которые из научного или праздного любопытства бывали зрителями на таких операциях. Так, С. Пипс часто описывает посещение разных операций, возможно потому, что сам он был не очень здоровым человеком. Например, страдая от болезней глаз, он наблюдал, как разрезали глаза у овец и быков. Д. Эвелин, который был попечителем госпиталя Св. Варфоломея, подробно описал свои наблюдения за ампутацией ноги у одного из пациентов: «Я смотрел, как хирург отрезал ногу раненому моряку, отважному и храброму человеку, переносившему это с невероятным терпением, без привязывания его к креслу, как бывает обычно в таких мучительных случаях. У меня едва хватило мужества присутствовать. Не отрезали достаточно высоко, чтобы одолеть гангрену, и вторая операция стоила бедному человеку жизни»³⁴¹. В этот период морские сражения с французами и голландцами доставляли много работы хирургам, и госпиталь Св. Варфоломея в Смитфилде был переполнен ранеными.

Доктору XVII в. приходилось сталкиваться с таким количеством трудностей, что можно только удивляться его смелости в выборе профессии. Лучшие доктора были очень добросовестными, и упорно трудились, поэтому к ним относились с большим уважением. Многие из них одевались как дворяне в шелка и бархат, носили на поясе кинжал или меч, имели при себе слугу. Менее преуспевающие практикующие врачи выполняли наиболее трудную задачу. Они должны были отправляться к своим пациентам в любую погоду и в любое время суток. Кроме того, их пациенты оказывались настолько суеверны и невежественны, что часто услуги врачей были бесполезны. Иногда после их ухода больные сами определяли дозы лекарств часто с ядовитыми ингредиентами. Главным утешением для врачей было то, что природа оставалась главным целителем, и большинство их пациентов поправятся без каких-либо лекарств вообще.

Значительное число заболевших людей не спешили обращаться к врачам, а пытались лечиться сами. Это объяснялось не только недоверием к врачам, но и достаточно высокой платой за их услуги. Офици-

³⁴¹ *Evelyn J. The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 78.*

ально установленных тарифов не существовало, но обычно дипломированному специалисту платили 10 ш. за визит, хотя он мог потребовать и 20 ш. Врачи, которые работали по лицензии, должны были брать только 6 ш. 8 п., но получали часто 10 ш. За «кровопускание» платили 1 ш., а за ампутацию какого-либо члена могли потребовать 5 фунтов³⁴². Естественно, услуги квалифицированных врачей были доступны только состоятельным людям. Учитывая, что к концу XVII в. реальная заработная плата наемных работников составляла не более половины того, что получали рабочие в конце Средних веков, и что практически весь их годовой заработок уходил на приобретение хлеба, не приходится удивляться, если простые люди не спешили обращаться к врачам. Знанием лекарственных свойств многих растений и простейших способов лечения должна была обладать любая рачительная хозяйка.

Если же речь шла о серьезном заболевании, то часто лекарства приобретались не у аптекарей, а у различных шарлатанов. Большую услугу разного рода жуликам оказывала реклама. В газетах постоянно появлялись объявления, расхваливавшие те или иные чудодейственные средства. Д. Ог в книге «Англия в правление Карла II» приводит пример некоторых рекламных объявлений, хранящихся в Бодлеанской библиотеке. Так, «Новое забытое сердечное средство» Т. Хайнда рекомендовалось для лечения не только сердечных болезней. В рекламе говорилось, что оно избавляло от подагры, камней в мочевом пузыре, «меланхолии, оставленной спиртом», последствий переедания, газов, кашля, простуды и хрипов³⁴³. Прежде чем пациенты обнаруживали, что приобретенные средства были бесполезны и в лучшем случае безвредны, шарлатаны перебирались в какой-нибудь другой город.

Англичане XVII в. были достаточно выносливыми, чтобы переносить не только болезни, но и их лечение. Они часто умирали молодыми, но некоторые из них доживали до глубокой старости. Например, Елизавета Хардвикская, современница Елизаветы I, умерла в 90 лет от пневмонии, которую получила во время длительной поездки в холодную погоду³⁴⁴. Инженер Уильям Грейторекс прожил 87 лет (1625—1712), сэр Денис Годен, поставщик продовольствия для флота — 88 лет (1600—1688), знаменитый архитектор Кристофер Рен — 91 год (1632—1723), Яков II — 98 лет (1603—1701)³⁴⁵. Да и автор цитируемого «Дневника» Д. Эвелин прожил немало — 86 лет³⁴⁶.

³⁴²Saunders B. The Age of Candlelight. P. 107.

³⁴³Ogg D. England in the Reign of Charles II. Oxford, 1956. Vol. I. P. 109.

³⁴⁴Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. С. 169.

³⁴⁵Пунс С. Домой, ужинать и в постель. С. 151, 154.

³⁴⁶Higham F. John Evelyn Esquire. An Anglican Layman of the Seventeenth Century. L., 1968. P. 7, 125.

Во второй половине XVII в. еще одним способом поправить здоровье стали считаться минеральные источники, среди которых наиболее посещаемыми были в Бате, Эпсоме и Танбридже. Правда, не все ехали в эти места, чтобы лечиться — значительная часть гостей рассматривала подобные путешествия как развлечение. Большую роль играла и мода. Так, воды Бата, считалось, улучшают фигуру, поэтому были в чести у придворных дам. Воды Эпсома обладали послабляющими свойствами. Популярность минеральных источников помогла изменить отношение к купанию в холодной воде, как и к купанию вообще. Церковь, а вслед за ней и общественное мнение, считали, что, начиная с языческих времен, ванны, бани и купания были рассадниками безнравственности. Даже Медицинский Колледж рекомендовал относиться к купаниям с предосторожностью и не злоупотреблять ими. К морской воде относились с еще большим предубеждением, поскольку считалось, что ее испарения вызывают лихорадку, водянку, ревматизм и чахотку. Поэтому англичане в рассматриваемое время не купались в море, как, впрочем, избегали вообще полного погружения в воду, за исключением особых обстоятельств. Тем не менее, постепенно отношение к купанию начало меняться, пока, наконец, Георг III не открыл эру морских курортов³⁴⁷.

В конце XVII в. медицина, как и наука в целом, делает значительные успехи, чему в большой мере способствовали увеличение выпуска печатных книг и распространение образования. Был изобретен термометр, усовершенствован микроскоп, благодаря чему удалось обнаружить существование микроорганизмов. Это позволило по-новому взглянуть на происхождение болезней³⁴⁸.

§ 13. Влияние стран Востока на быт англичан в XVII в.

В исследованиях, посвященных связям Англии со странами Востока, традиционно акцент ставится либо на экономических выгодах торговли, либо на колониальной экспансии Англии. Мы же немного сместим акценты и посмотрим, как торговые и колониальные связи вносили что-то новое в повседневную жизнь англичан.

Р. Хаклюйт в посвящении к изданию «Путешествий», которое он адресовал Фрэнсису Уолсингему, еще в конце XVI в. перечислял те страны Востока, с которыми торговала Англия — Персия, Турция, Си-

³⁴⁷ *Ogg D.* England in the Rreign of Charles II. Vol. I. P. 108.

³⁴⁸ *Cook H.J.* The Decline of the Old Medical Regime in Stuart London. N.Y., 1986. P. 108—110, 117, 118—120.

рия, Индия, Молуккские острова, остров Ява и даже Китай. Товары, которые поступали оттуда, многое меняли в привычном укладе жизни — питании, одежде, оформлении жилищ и даже развлечениях.

Начать можно с кухни. Значительную долю, и самую прибыльную, среди восточных товаров составляли пряности. Уже в первой четверти XVII в. ежегодно только перца потреблялось в Англии около 200 тыс. фунтов из 2,5 млн. импортированных³⁴⁹. Кроме перца ввозились гвоздика, корица, мускатный орех. Т. Мен, взывая к здравому смыслу англичан, писал: «...Кто же так мало сведущ, что не согласится с умеренным потреблением полезных лекарств и приятных пряностей?»³⁵⁰ И чуть ниже добавляет, что они необходимы «для сохранения здоровья или лечения болезней»³⁵¹.

Действительно, из-за невозможности долгого хранения свежего мяса, пряности были жизненно необходимы. По свидетельству иностранцев, англичане потребляли много мяса, преимущественно в отварном или жареном виде. Если почитать дневники англичан, то можно обнаружить, что обед практически постоянно состоит из мяса, а еще чаще ограничивается пирогом с олениной. Например, С. Пипс в сентябре 1660 г. записал: «Сегодня мистер Гудмен пригласил своего друга мистера Мура, а также меня и еще несколько человек к себе на обед, каковой имел место в “Бычьей голове” и состоял из пирога с олениной, лучшего, какой только я ел в своей жизни»³⁵². Интересно отметить, что практически никогда англичанин XVII в. не приглашал гостей «к себе» на обед домой — все шли в одну из таверн. Скорее всего, этот обычай возник в связи с тем, что в XVII в. приготовить обед дома было очень затруднительно из-за нехватки топлива. В любом случае, мяса потреблялось много. Поскольку продавалось оно большими кусками, иногда даже «тушами», то хозяйки после покупки засаливали мясо, и в таком виде оно хранилось несколько дней до употребления. И даже зажиточные слои зимой питались солониной. Тот же С. Пипс в дневнике отмечал, что вернувшись домой ему достался от жены «кусочек солонины», которую он получил в подарок от супруги его покровителя лорда Монтегю³⁵³. Обычным делом было есть отваренный или жареный кусок мяса в течение целой недели. Поэтому понятно, что без аромати-

³⁴⁹ Кудрявцев А.Е. Ост-Индская проблема в Англии XVII в. // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1938. Т. XI. С. 33.

³⁵⁰ Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes. Glasgow, 1905—1907. Vol. V. P. 265. Далее — Purchas his Pilgrimes...

³⁵¹ Ibid.

³⁵² Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М., 2001. С. 137—138.

³⁵³ Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I. P. 5.

ческих добавок такое мясо было трудно есть. В самом начале XVIII в. Д. Дефо писал, что «в особенно жаркую погоду, когда продукты не могли храниться от воскресенья до субботы, нам приходилось выбрасывать большое количество протухшего мяса, и обеды бывали довольно скудными, поскольку торговцы не продавали маленькие куски»³⁵⁴.

Помимо пряностей страны Востока «подарили» Англии некоторые растения — фрукты и деревья. Д. Эвелин угощал своих гостей «китайскими апельсинами», снятыми с его собственного дерева³⁵⁵, а его сосед м-р Бохун показал ему чинару или платан и сказал, что такие деревья растут вокруг города Испахан в Персии³⁵⁶.

В XVII в. в Англии появились новые напитки кофе, шоколад и чай. Хотя мы привыкли к тому, что англичане предпочитают чай, но он стал популярен в стране не раньше XVIII в. Объяснялось это тем, что стоимость чая долгое время была очень высокой — даже в 1700 г. фунт чая стоил не меньше 1 фунта стерлингов. Если учесть, что годовой доход семьи из средних классов составлял от 15 до 50 фунтов, то понятно, что новый напиток в это время большинству англичан был недоступен³⁵⁷. Этим же объяснялся и размах контрабандной торговли чаем. Если вспомнить произведения художественной литературы XVIII—XIX вв., то многие хозяйки прятали от прислуги баночки с чаем в закрытых на ключ шкафах.

Кофе появился в Англии примерно с середины XVII в. Д. Эвелин писал о некоем Натаниэле Конопбусе, который в 30-е гг. «был первым, кого я видел пьющим кофе, какой обычай придет в Англию только спустя 30 лет»³⁵⁸. Первая кофейня появилась в Лондоне в 1652 г. недалеко от Корнхилла³⁵⁹. Во времена Реставрации кофейни стали центрами общественной жизни. В одном только Лондоне их насчитывалось несколько сотен. Интересно, что в кофейнях пили не только кофе, но и шоколад, хотя он и не был широко распространенным напитком. Появление кофе в Англии изменило повседневную жизнь тысяч английских горожан. Посещение кофейни организовывало распорядок дня людей разных профессий — в них не только завтракали, но и узнавали деловые новости, отдыхали, читая газеты у камина. Тем более что дома у многих горожан было холодно. Поэтому женщины жаловались — мужчины большую часть дня проводят на работу и в кофейнях, а домой приходят только ночевать.

Несмотря на то, что кофейни, в отличие от более поздних клубов, были вполне демократическими заведениями, у представителей разных

³⁵⁴Цит. по: Уоллер М. Лондон. 1700 год. Смоленск, 2003. С. 211.

³⁵⁵*Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. II. P. 137.*

³⁵⁶*Ibid.* P. 185.

³⁵⁷См.: Уоллер М. Лондон. 1700 год. С. 226.

³⁵⁸*Evelyn J. The Diary...* P. 21.

³⁵⁹Акройд П. Лондон. Биография. М., 2005. С. 370.

слоев населения имелись свои излюбленные места. Так, знатные персоны предпочитали «Дерево какао», литераторы чаще собирались в кофейне рядом с Ковент-гарденом «У Уилла», духовные лица — в кофейне «Треби», ученые — в «Греческой кофейне» и т.п.³⁶⁰

Помимо перечисленных товаров с Востока в Англию привозили очень большое количество разнообразных тканей — шелковых и более 60 видов х/б тканей. Наибольший объем ввоза пришелся на 1684 г. — 1 млн. 760 тыс. кусков индийских тканей ввезла только Ост-Индская компания³⁶¹. Благодаря их дешевизне, яркости красок и узоров они быстро нашли распространение и составили серьезную конкуренцию английским шерстяным тканям. Это было одной из причин для критики Ост-Индской компании. Т. Мен, напротив, утверждал: «Эти товары также чрезвычайно полезны, в особенности для нашего государства»³⁶². Один из доводов в пользу этого утверждения был очень оригинальным: они «...снижают чрезмерно высокие цены на батист, голландское полотно и другие льняные ткани, которые ежегодно ввозятся в Англию на очень большие суммы»³⁶³. Из восточных тканей шили дамские платья, занавеси, они служили для обивки мебели, комнат. В 1682 г. Д. Эвелин отправился навестить своего соседа м-ра Бохуна, «чей дом является шкатулкой всего изящного, особенно индийского»³⁶⁴, а в холле японские ширмы заменяют традиционные панели.

В 1708 г. Д. Дефо в статье в «Еженедельном обозрении» с иронией писал: «Мы видим знатных господ, обряжающихся в индийские ткани, кои незадолго до того находили для себя вульгарными их горничные. Индийские ткани возвысились, они поднялись с пола на женские спины; из ковриков они сделались юбками, и сама королева в эти времена любила показаться одетой в Китай и Японию — я хочу сказать, в китайские шелка и ситцы. И это не все, ибо наши дома, наш кабинет, наша спальня оказались наводнены этими тканями: занавеси, подушки, стулья — вплоть до самого постельного белья — это только ситцы и индийский хлопок»³⁶⁵.

В XVII в. появилась мода на домашние халаты из хлопка или шелка, которые носили мужчины и женщины поверх платья или рубашки и панталон. С. Пипс, следивший за модой и тративший на свою одежду

³⁶⁰ Акройд П. Лондон. Биография. С. 371.

³⁶¹ Chaudhury K.N. The Trading World of Asia and the English East-India Company, 1660—1760. Camb., 1978. P. 512.

³⁶² Purchas his Pilgrimes... Vol. XIX. P. 265.

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ Evelyn J. The Diary... Vol. II. P. 170.

³⁶⁵ Цит. по: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. М., 1988. Т. 2. Игры обмена. С. 168.

гораздо больше денег, чем на наряды для жены, упоминает и о такой детали своего гардероба как халат. Известный поэт Джон Драйден изображен на портрете 1698 г. в домашнем халате. Эти халаты, или как их по-другому называли «мантии» (“undress”), как уже отмечалось, шили из хлопка или шелка, поэтому именовались «индийскими» мантиями. Под давлением английских сукноделов парламент стал издавать постановления, запрещающие носить х/б набивные ткани, привозившиеся из Ост-Индии, Персии или Китая. Во второй половине XVII в. парламентом был принят акт, который предписывал, чтобы умерших англичан хоронили только в английском сукне³⁶⁶. После чего Александр Поуп в «Моральных посланиях» написал:

«Как! Лечь в сукне? Святой бы возмутился! —
Сказал Нарцисс — и с жизнью распростился»³⁶⁷.

В 1700 г. в Англии был установлен запрет на любое использование привозных тканей, после чего начался долгий период борьбы с контрабандой и изъятием тканей у их обладателей. Запрет был отменен только во второй половине XVIII в.

Торговля с Востоком внесла много нового и в оформление жилищ англичан. Модным стало украшать городские дворцы и сельские усадьбы китайскими, японскими и персидскими изделиями — посудой, коврами, шкатулками, ширмами и прочим. Особенно много упоминаний об этом встречается в «Дневнике» Д. Эвелина, который часто описывал дома знакомых и дворцы знати. Выше уже приводилась характеристика дома м-ра Бохуна, который Эвелин сравнивал со шкатулкой; в ней хранится много изящных вещей из Индии и японские ширмы. В доме миледи Мордаунт была комната, «полная изображений, больших и малых, хорошо представляющих различные ремесла и занятия индийцев (Indians), а также их обычаи»³⁶⁸. Обстановку в доме лорда Вуттона Эвелин оценивает как специфическую «из-за индийских шкатулок, фарфора и других более крупных предметов»³⁶⁹.

Мода на соби́рание восточных редкостей распространялась не только среди отдельных людей. Описывая свое посещение Оксфордского университета, Эвелин сообщает: «В кабинете башни (Tower) они показали некоторое индийское оружие, урны (возможно, кофейники или чайники — urns), лампы и др., но самым замечательным является пол-

³⁶⁶См.: Тревельян Дж. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959. С. 291.

³⁶⁷Там же.

³⁶⁸Evelyn J. The Diary... Vol. II. P. 11.

³⁶⁹Ibid. P. 111.

ный Коран, написанный на длинном куске х/б ткани (calico)...»³⁷⁰. В мае 1664 г. он записал: «Некто Томсон, иезуит, показал мне коллекцию редкостей, отправленных иезуитами Японии и Китая в их орден в Париже, но доставленных в Лондон на кораблях Ост-Индской компании <...> Главные из них — рога носорога. Прекрасные церемониальные облачения из золотой ткани, пояса, ножи, веера, подобные тем, которые используют наши леди, но намного больше и с длинными ручками, оригинально расписанные в китайской манере, бумага и желтый янтарь, печатные пейзажи с изображением их идолов, святых, пагод, зарисовками людей и местностей, напечатанные на полосках х/б ткани...»³⁷¹.

Интерес к Востоку проявлялся и в подборе книг для чтения. С. Пипс который не только любил читать, но и собрал довольно большую библиотеку, для которой заказывал специальные полки, в марте 1667 г. писал: «В экипаже — в Темпл, где купил пару книг; забавно, что книгу Райкотта о Турции, которую до пожара мне предлагали за 8 шиллингов, сегодня я готов купить за 20, с меня же просят 50; и я, пожалуй, эту сумму выложу — потому хотя бы, что она будет служить мне напоминанием о пожаре»³⁷². Такой рост цен, несомненно, был связан с последствиями пожара 1666 г., когда сгорели практически все книжные лавки и склады. Но можно предположить, что на книгу, которая не пользовалась спросом, вряд ли бы настолько подняли цену. Даже в театре ставили пьесы, посвященные Востоку. Так, Дж. Эвелин упоминает трагедию «Индийская королева», которую он смотрел в декабре 1664 г., и считал, что она хорошо написана и прекрасно поставлена³⁷³.

Таким образом, можно заключить, что установление прочных торговых связей со странами Востока принесло не только большие экономические выгоды Англии, но и существенные изменения в повседневную жизнь и быт англичан второй половины XVII века.

³⁷⁰ Evelyn J. The Diary... P. 231.

³⁷¹ Ibid. P. 296—297.

³⁷² Punc С. Домой, ужинать и в постель. С. 123.

³⁷³ Evelyn J. The Diary... P. 295.

Заключение

Изученные документы показывают, что XIV—XVII вв. были для Англии временем, когда многое начало меняться и в экономике, и в социальных отношениях, и в психологии горожан. Рассмотренные материалы позволяют заключить, что в XIV—XV вв. не только в столице, но и в провинциальных городах начали появляться новые формы организации производства — система скупки и раздачи, простая капиталистическая кооперация и в ряде случаев мануфактура.

Ремесленные гильдии, сохраняя старую оболочку, начали перестраиваться изнутри. Это наблюдалось, в первую очередь, в экспортных отраслях производства — сукноделии, металлообработке и кожевенном деле. Например, среди красильщиков Бристоля значительная часть мастеров работала на небольшое число членов цеха, которые занимались только экспортом сукна.

Возникновение новых форм производства в XIV—XV вв. не было связано с исчезновением гильдейской системы, долгое время они сосуществовали во многих отраслях промышленности.

Необходимо отметить, что возникновение новых явлений характерно как для городов, так и для сельской местности. Раннекапиталистическое производство в деревне создавалось благодаря накоплению капиталов городскими предпринимателями, которые организовывали и контролировали не только городское производство, но и сельских ремесленников.

История Бристоля подтверждает, что ранний капитализм в итальянских городах XIV в. не был уникальным явлением, сам этот век — период, когда в различных европейских странах происходили сходные процессы в экономике. Появление новых, капиталистических форм производства наблюдалось в текстильной промышленности Англии, Нидерландов, Германии. В XV в. это становится характерным и для других отраслей промышленности — горнодобывающей, книгопечатания, мыло и сахароварения. И хотя в Англии раннекапиталистические отношения развивались медленнее, чем, например, в Италии, они оказались более жизнеспособными благодаря ранней экономической консолидации и политической централизации страны, более сбалан-

сированному развитию сельской и городской экономики. Отношения между городом и его округой в Англии были более тесными, что привело к быстрому складыванию внутреннего рынка, чем в странах континентальной Европы.

Успешному развитию ремесла в городе способствовало наличие в нем порта. Внешняя торговля оказалась важнейшим фактором увеличения производства, поскольку обеспечивала широкий рынок сбыта. В этой торговле английские купцы все более теснили иностранных, что особенно заметно было в Лондоне, Бристоле, Саутгемптоне. Начал меняться и характер внешней торговли — так, Бристоль первым из английских городов вместо вывоза шерсти начал вывозить готовую продукцию. Именно потому, что шерсть никогда не была для города важной статьёй экспорта, существенных различий между бристольскими купцами-стапельщиками и купцами-авантюристами не наблюдалось, и принадлежность к стапельной общине давала, прежде всего, юридические преимущества.

До конца XIII в. основной торговый оборот внутри страны осуществлялся на ярмарках. Но к XIV в. их значение падает по мере того, как сами города становились постоянными рынками. В XIV—XV вв. внутригородская торговля отличалась значительным объемом и сложностью. В рассматриваемое время торговля разнообразными товарами осуществлялась отдельными гильдиями — рыботорговцев, суконщиков, мерсеров и др., возникших вместо Торговой гильдии, объединявшей некогда всех полноправных жителей города. Об увеличении и усложнении торговых и финансовых операций на рынке свидетельствует появление должности брокера (маклера). Источники показывают стремление оптовых торговцев подчинить себе мелкую розничную торговлю.

Объединяя многие графства Англии торговыми связями, такие города как Лондон и Бристоль играли очень большую роль в складывании национального рынка, ибо до XIV—XV вв. внутренняя торговля в значительной степени оставалась региональной, организованной в пределах узких границ. Для складывания такого рынка в Англии были достаточно благоприятные условия — ранняя централизация страны, относительный баланс между развитием земледелия, промышленности и торговли, наличие единого экономического центра. К концу XV в. в связи с тем, что Лондон сосредоточил в своих руках большую часть внешней торговли, падает роль Бристоля и во внутренней торговле, поскольку она была тесно связана с его экспортом и импортом. Новый подъем Бристоля как региональной столицы на западе Англии начинается со времени установления постоянных связей с северо-американскими колониями.

Существенные изменения произошли в XIV—XVII вв. и в социальной сфере. Бурный рост промышленности и торговли выдвинули на первый план наиболее богатых и предприимчивых людей. Мы сталкиваемся с тем, что иногда купец и организатор производства совмещались в одном лице. Документы показывают, как переплетались два пути возникновения капиталистических предпринимателей: не только купец становился промышленником, но и, в свою очередь, производитель превращался в купца. Сдвиги в социальных отношениях выразились и в изменении облика патрициата, появлении «новых» патрициев, тесно связанных с предпринимательской деятельностью и стремившихся вытеснить старый патрициат из городского управления.

Процессы, происходившие в ремесленных гильдиях, показывают, что экспроприация непосредственного производителя и складывание рынка наемного труда в городе начались задолго до массового обезземливания крестьян в XVI в. Жалобы мастеров различных гильдий на то, что они разоряются, превращаются в бродяг и нищих, свидетельствует о глубоком раслоении внутри цеха уже в XIV в. Думается, что огораживания в английской деревне XVI в. были связаны не столько с развитием фландрской мануфактуры, сколько с возникновением новых форм производства сукна в самой Англии, тем более что уже в конце XIV в. запрещалось вывозить из страны незавершенные сукна. Преобладание вывоза сукна над вывозом шерсти к середине XV в. подтверждает рост потребности в сырье в самой Англии, а это и вызвало массовые огораживания с конца XV в.

Бурное развитие предпринимательства не могло не сказаться на социальной психологии средневековых горожан. Особенно наглядно это проявлялось в городах с широкими международными связями. Купцы и ремесленники, ежедневно встречаясь с людьми из других стран, учились воспринимать себя не только как жителей данного города (этого они никогда не забывали), но уже как англичан, в отличие от иностранцев. С расширением торговли и производства росли их уверенность в себе и чувство гордости за собственные успехи. Это выразилось в строительстве каменных домов, стремлении не отстать от феодалов в роскоши своей одежды, в пышных надгробных памятниках и т.п. В рассматриваемый период начали меняться представления о социальном месте женщины. Участие горожанок во внешнеторговой деятельности, финансовых операциях, свобода в распоряжении наследством говорят о росте их хозяйственной и правовой самостоятельности. Конечно, нельзя сравнивать бюргерство маленького города где-нибудь в глубине страны и крупного порта вроде Лондона, Бристоля или Саутгемптона. Имущественное и социальное раслоение внутри городской общины, естественно, происходило быстрее там, где в торговлю вовлекались крупные капиталы.

Завещание Джона Бертона, бюргера Бристоля

[1 марта 1454 г.]

1. Распоряжения для похорон в приходской церкви Св. Томаса—мученика в диоцезе Бата и Уэльса, рядом с алтарем Св. Иоанна Крестителя.

Завещательные отказы (legacies)

2. Наследство для благочестивого использования.

а) Соборной церкви Св. Андрея, Уэльс — 20 п.

б) Для запаса ткани Св. Томасу — 5 марок.

в) Для погребальных расходов и раздачу среди бедных в день его похорон согласно усмотрению его душеприказчиков — 20 ф.

3. Завещательный отказ недвижимости.

1. Николасу Питтсу, Филипу Меду, Джону Гейвуду и Ричарду Тингуалу, бристольтцам, возвращение имущества в долях (reversion to a moiety) держаний, усадеб, лавок, подвалов, садов и огороженных мест (closes) с их принадлежностями, прежде купленных у Агнес, жены бристольца Джона Спайсера, бывшей жены бюргера Бристоля Томаса Фиша и его душеприказчицы, и которые Агнес держала от завещателя в течение ее жизни, отдельные части которого суть следующие:

а) Держание (tenement) на ул. Св. Николая в Бристоле, лежащее между колокольной церкви Св. Николая с его восточной стороны и известным подвалом, недавно принадлежавшим Томасу Чедеру. эсквайру, и затем арендованным Робертом Брейси, с его западной стороны, напротив церкви Св. Николая и простирающееся до старой городской стены.

б) Держание с его принадлежностями на Винч-стрит в Бристоле, арендованное Томасом Гриффитом — кузнецом, и лежащее между держанием, принадлежащим мэру и общине, арендованным Томасом Хербертом на западе и держанием, принадлежащим часовне Роберта Чипа, недавно построенной в церкви Св. Томаса, и арендованным Ричардом Уэббом — поваром на востоке и простирающееся назад от названной улицы до держания, принадлежащего названной часовне.

в) Три лавки с их принадлежностями, арендуемые Ричардом Форбером, Томасом Котиллером и Уильямом Стейпом в указанном порядке, также расположенные на Винч-стрит и лежащие между держанием, принадлежащим Джону Кук-

- су — пивовару, арендуемым Томасом Спенсером, на западе, и держанием, принадлежащим Джону Тидрингтону и его жене Эдит, арендуемым Джоном Клерком — *pointmaker*¹ на востоке, и простирающееся назад от Винч-стрит до названного держания, принадлежащего Джону Тидрингтону и его жене.
- г) Сад и сарай², арендуемые Джоном Симондзом — бочаром, расположенное на рынке Бристоля между садом богадельни в *Laffordesyate*, затем занятый бедными, на востоке, и садом, принадлежащим Джоанне Эрли — вдове, и арендуемым Джоном Ньютоном, на западе, и простирающееся назад от большой дороги до переулка, называемого переулком Св. Филиппа.
- е) Садовый или свободный участок, арендуемый Джоном Райдером — дубильщиком и лежащий на плотине Бристоля (*on the Were*), на дороге, ведущей от плотины к *Erlesmede*, между держанием, принадлежащим настоятельнице и сестрам монастыря Св. Марии Магдалины в Бристоле и арендуемым Джоном Райдером — дубильщиком, на востоке, и садом, принадлежащим Филиппу Меду и арендуемым Джоном Клерком — *pointmaker*, на западе, и простирающийся назад от названной дороги до вод Фромы.
- ё) Держание, арендованное Ричардом Уэйксмекером и расположенное на мосту через Эйвон между держанием, принадлежащим завещателю и арендованным Уолтером Бенетом — торговцем чулками (*hosier*), на юге, и держанием, принадлежащим Уильяму Тавернеру, джентльмену, и арендованным Маргарет Пайк, на севере, и простирающееся от большой дороги до вод Эйвона.
- ж) Держание и два подвала, расположенные на набережной Эйвона (*Avon Back*), включающие различные жилища³, арендованные Эдвардом Уилльямом и другими, и лежащие между тропинкой, ведущей с набережной Эйвона к Бейст-стрит на север, и держанием, принадлежащим Уильяму Уонстеру и арендованным Томасом Джоном, на юге, и простирающееся назад от большой дороги до Бейст-стрит.
- з) Два жилых дома с хозяйственными постройками и земельными участками⁴, арендованные Эдвардом Мейсоном и Николасом Стоуком, на Матч-стрит, и лежащие между держа-

¹ “Point” — шнурок с металлическими наконечниками, заменявший пуговицы.

² В рукописи — “logge” — ср.-англ. домик, сторожка, палатка.

³ В тексте “mansiones” — большой дом, многоквартирный дом.

⁴ В тексте — “Two messuages”.

- нием, принадлежащим Братству Св. Иоанна Крестителя в Бристоле, на юге, и землей, принадлежащей Джону Шерпу, на востоке, и простирающиеся от названной улицы назад до сада, принадлежащего названному Джону Шерпу.
- и) Огороженный участок с принадлежностями на холме Св. Михаила (St. Michaels Hill), арендуемый Ричардом Юином — haulier (?) и расположенный между огороженным участком, принадлежащим аббату и монастырю Св. Августина в Бристоле и арендованным названным Ричардом Юином, на западе, и землей, принадлежащей Общине Бристоля, на востоке, и простирающийся назад от большой дороги, которая ведет в Клифтон, до сада, принадлежащего Джону Шерпу-старшему.
- к) Держание с его принадлежностями, арендованное Джоном Элиотом, на Рэдклиф-стрит, и лежащее между держанием, принадлежащим Джону Хамптону из Бата, на юге, и лавкой, недавно принадлежавшей Томасу Фишу, на севере, и простирающееся назад от названной улицы до держания, последнее время принадлежавшего Томасу Паркхаусу.
- л) Держание с его принадлежностями, которое Оливер Мик, chalon⁵, арендует на Рэдклиф-стрит, лежащее между держанием, принадлежащим Джону Сеймору — рыцарю, и арендованным Лодевикусом — chalon⁶ом, на севере, и пустым местом, принадлежащим госпиталю Св. Иоанна в Бристоле, арендованным Джоном Миком и другими, на юге, и простирающееся назад от названной улицы до вод Эйвона.
- м) Держание с его принадлежностями на Рэдклиф-стрит, арендованное Уильямом Таннером — гончаром, лежащее между держанием, принадлежащим Томасу Вайелу — джентльмену, арендованным Томасом Тейлором, на юге, и держанием, принадлежащим Джону Хамптону из Бата и арендованным Уильямом Хоуном — ткачем, на севере, и простирающееся назад от названной улицы до держания, до недавнего времени принадлежавшего Томасу Паркхаусу, арендованного Николасом Хилом.
- н) Лавка с ее принадлежностями на Рэдклиф—стрит, арендованная Джоном Элиотом и лежащая между лавкой, до недавнего времени принадлежавшей Томасу Паркхаусу и арендованной Томасом Тедитоном — latimer (?), на севере, и названным держанием, арендованным Джоном Элиотом (см. пункт «к»),

⁵ “Chalon” — ср.-англ. шерстяной материал; покрывало; стеганое одеяло.

на юге, и простирающееся назад от названной улицы до названного держания, арендованного Николасом Хилом.

- о) Держание с лавкой перед ним с его принадлежностями на Левенсמיד, лежащее между держанием капеллана часовни Томаса Халлеуэя и его жены Джоанны, недавно построенной в приходской церкви Всех Святых, на востоке, и известной общественной сточной канавой, ведущей от Левенсמיד до реки Фромы, на западе, и простирающееся назад от Левенсמיד до реки Фромы.
  - п) Держание с его принадлежностями, расположенное на северном конце моста через Эйвон и лежащее между держанием, принадлежащим Джону Торпу и арендованным Джоном Комптоном — купцом, на юге, и держанием, до недавнего времени принадлежавшим Томасу Фишу и арендованным Ричардом Уэйксмеркером, на севере, и простирающееся назад от большой дороги до вод реки Эйвон.
  - р) Держание с двумя лавками на его южной стороне и садом позади, расположенное на западной стороне Темпл-стрит непосредственно напротив перекрестка, называемого Stalegecrosse, и лежащее между держанием капеллана часовни Роберта Чепса, недавно построенной в церкви Св. Фомы-мученика, на севере, и держанием, принадлежащим леди Маргарет Салоуп, на юге, и простирающееся назад от названной улицы до Lawedyche.
- II. Тем же самым наследникам два держания с садами и принадлежностями, расположенные в переулке, называемом переулком Св. Томаса, напротив южной двери церкви Св. Томаса между держанием, принадлежащим приору и братству House of Kalendars в Бристоле, на юге, и держанием, принадлежащим церковным смотрителям Св. Мэри Рэдклиф, на западе, и простирающиеся назад от названного переулка до дорожки, ведущей к частным владениям (to privies) на Лодиче.

Во владение вышеупомянутым, им самим и их наследникам, при условии, что по совету и усмотрению душеприказчиков завещателя они должны основать вклад [фонд] для одного священника, чтобы совершать различные службы навеки у алтаря Св. Иоанна Крестителя в церкви Св. Томаса на благо короля, королевы Маргарет и Эдуарда, принца Уэльского, завещателя и Изабеллы, его жены, и их душ после их смерти, и душ их родителей и всех праведных. Вклад должен называться: «Вечный вклад Джона Бертона, купца города Бристолья», и капеллан должен называться «капеллан вечного вклада Джона

Бертон, купца города Бристоля», и на это имя должен поступать доход из пожертвованного вклада. Наследники должны получить разрешение и лицензию, необходимые по закону для учреждения вклада за счет имущества. В случае, если наследники будут лишены унаследованных земель или какой-либо их части по верховному праву собственности (*by title paramount*), душеприказчики пожалуют им имущество равноценной стоимости в неограниченную собственность (*in fee simple*).

III. Его жене Изабелле все оставшиеся земли, держания, ренты, право реверсий⁶ и службы в Бристоле с их принадлежностями (*appurtenances*) на срок ее жизни, с передачей потом его дочери Изабелле Йонг, жене Томаса Йонга, и ее наследникам навсегда.

Прочее наследство.

а) Изабелле, его жене:

1. 100 фунтов серебром; товары стоимостью 200 ф. и 8 мешков шерсти, в то время бывшие в его доме.
2. Его чаши, ложки для соли, серебряный кубок и другие дорогие его предметы⁷ из серебра и вся другая домашняя утварь для ее доли, при условии, что она не будет пытаться никогда в будущем рассматривать как свою долю другие вещи завещателя.
3. Его четвертая доля в корабле, называемым “*le Marie de Britolia*”, находившегося в то время в Исландии, капитаном которого был Роберт Готхем, вместе с оснасткой и товарами завещателя на нем.

б) Николасу Бертону, его брату:

1. Сукно стоимостью 200 марок по себестоимости и лучший плащ завещателя.
2. Два комплекта белых доспехов “*cum pertinenciis de plate*”⁸ для двух человек.

в) Роберту Джоунзу, его кузену:

1. Сукно на 40 фунтов, бочку вайды, набор доспехов, как выше, два щита, два комплекта вооружения (*armour*), две пары шерстяных одеял и две пары льняных простыней, два бердыша, два плаща, окаймленных мехом темного цвета, и льняной плащ с лучшими головными уборами завещателя, и красный плащ, отороченный мехом.

⁶ Право реверсии (“*reversion*”) — право возврата. Имущество, временно подаренное (отданное) на определенных условиях и подлежащее возврату дарителю или его наследникам при несоблюдении оговоренных условий.

⁷ В тексте — “*jocalia mea*”.

⁸ То есть тонкие куски железа или стали, составляющие пластины панциря (лат).

- г) Эдит Джоунз, его кузине — 10 марок.
- д) Четырем орденам нищенствующих монахов в Бристоле — по 10 шиллингов каждому, чтобы молились о душе завещателя.

Остаток:

Подлежащие уплате его долги и похоронные расходы должны быть уплачены его душеприказчиками на благо души завещателя.

Душеприказчики: Томас Йонг и Джон Фортескью — рыцарь, которые должны получить по 20 ф. каждый.

Скреплено печатью завещателя в присутствии старшины (Master) Николаса Питтса, Уильяма Кэнинджеса, Филипа Меда, Джона Джоунза, Уильяма Мора, Николаса Паркера, Ричарда Хиккза, Джона Эдуардза.

Завещание утверждено в Ламбете названными душеприказчиками 28 июля 1455 г. и трижды оглашено в сотенном суде и Гилдхолле Бристоля перед Томасом Кодером, мэром, и Джоном Уикемом, шерифом, 6 февраля 1458 г., в присутствии Роберта Боула и Джона Кларка⁹, бейлифов, Томаса Озnea, клерка, и Роберта Тодда, Томаса Коккса и других достойных людей.

Завещание Уильяма Повема, иначе Бонема, бюргера Бристоля.

Составлено в субботу в праздник

Св. Андрея апостола 1454 г.

1. Распоряжение для похорон в приходской церкви Св. Якова близ алтаря Св. Томаса-мученика с его северной стороны.
2. Завещательные отказы.
  - а) Кафедральному собору Уорчестера — 20 п.
  - б) Церкви Св. Якова на его похороны — 6 ш. 8 п.
  - в) Церкви Св. Стивена — 6 ш. 8 п.
  - г) Приходскому священнику Св. Стивена — 6 ш. 8 п.
  - д) Каждому из четырех нищенствующих орденов в Бристоле, принявших участие в обряде погребения — 2 ш. 6 п.
  - е) Джулиане, сестре Сесилии, упоминаемой ниже, — 40 ш., уплачиваемых частями, как укажут душеприказчики.
  - ж) На сооружение башни церкви Св. Матфея Клифтона лучший медный котел завещателя, чтобы ее прихожане могли помянуть его в своих молитвах.

⁹ Согласно Календарю Рикарта, Джордж и Роберт Буль были в этом году бейлифами.

- з) Каждому из 20-ти бедняков, несущих факелы в день похорон завещателя плащ из красно-коричневого фриза¹⁰.
- и) Его жене все его домашние вещи и дорогие предметы, исключая серебряную чашу около 18 унций, которая должна использоваться как потир священником, упомянутым ниже.
3. Завещательный отказ недвижимости.
- а) Во-первых, держание с его принадлежностями на Маш-стрит между держанием, принадлежащим Джону Шипуарду, в котором жил Ричард Фулвуд, и Лодичем на севере, и держанием, принадлежащим Джону Коксу, на юге, и простирающееся от Маш-стрит назад до держания, принадлежащего Джону Кингтону из Бристльтона: во-вторых, два держания, расположенных рядом в предместье на улице, называемой Хор-стрит между держанием, принадлежащим Джону Шарпу, на востоке, и держанием, принадлежащим Джону Сеймору — рыцарю и Изабелле, его жене, на западе, и простирающиеся назад от Хор-стрит до вод Фромы. В-третьих, держание с садом, прилегающим к нему, арендуемое Томасом Дигном, расположенное в предместье на южном конце Стип-стрит и лежащее между Стип-стрит на западе и землей, принадлежащей магистру госпиталя Св. Варфоломея, на востоке, и простирающееся от главной дороги назад до сада названного магистра. В-четвертых, держание с тремя лавками, пристроенными к нему, расположенное на Левенсמיד на ее южной стороне между тропинкой, ведущей к общественной уборной (*common latrines*), на западе, и лавками, принадлежащими Джону Спайсеру и его жене Агнес, арендованными завещателем сроком на один год, на севере, и простирающееся от Левенсמיד назад до вод Фромы. В-пятых, ежегодную ренту в 76 ш. 8 п., уплачиваемую Уильямом Ноублом и его женой Анной по арендному договору на 30 лет с правом реверсии на это держание с четырьмя прилегающими лавками, расположенное на Левенсמיד на ее северной стороне между кладбищем монахов-миноритов, на востоке, и лавками, принадлежащими магистру госпиталя Св. Варфоломея, на западе, и простирающееся назад от Левенсמיד до земли, принадлежащей названному магистру.

Все вышеуказанное было пожаловано его жене на срок ее жизни без обвинений в нанесении ущерба с передачей а) что касается помещений, описанных во-первых и во-вторых, — Томасу Повему (иначе Бонему), брату завещателя, в заповед-

¹⁰ Грубая ворсистая шерстяная ткань.

- ное имущество (in fee tail)¹¹ с передачей его сестре Элис в заповедное имущество с передачей Сесилии Повем. его дочери, в заповедное имущество с окончательной передачей законным наследникам завещателя.
- б) Что касается имущества, записанного в-пятых, — сестре завещателя Элис в заповедное имущество с передачей названному Томасу Повему в заповедное имущество с передачей названной Сесилии Повем в заповедное имущество с окончательной передачей законным наследникам завещателя.
- в) Что касается имущества, записанного в-третьих, — названному Томасу, сыну Джона, в заповедное имущество с передачей Томасу, брату завещателя, в заповедное имущество с передачей названной Элис в заповедное имущество с передачей названной Сесилии в заповедное имущество с окончательной передачей законным наследникам завещателя.
- г) Что касается помещений, описанных в-четвертых, — названной Сесилии в заповедное имущество с передачей брату завещателя Томасу в заповедное имущество с передачей названной Элис в заповедное имущество с передачей названному Томасу, сыну Джона, в заповедное имущество с окончательной передачей законным наследникам завещателя.
- г) Во-первых, ренту в 100 шилл. в год, уплачиваемую Томасом Уоткином и его женой Джулианой в качестве арендаторов на 30 лет, вместе с правом реверсии на держание с домами и прилегающим садом позади [церкви] Св. Иакова апостола между улицей, называемой Кинг-стрит, на севере, и держанием, принадлежащим Джону Сеймору — рыцарю и Изабелле, его жене, и другим держанием, принадлежащим Джону Гриффиту, на юге, и простирающееся назад до лавок, принадлежащих Джону Сеймору и его жене. Во-вторых, ренту в 13 ш. 4 п., подлежащую уплате Уильямом Селвером, волочильщиком проволочки, в качестве арендатора на 30 лет сада на Кинг— стрит напротив кладбища Св. Иакова и лежащего между садом, принадлежащим Томасу Уайксу, на западе, и садом, принадлежащим Ричарду Хаддону, на востоке, и простирающегося назад от Кинг-стрит до земли, принадлежащей Томасу Уайксу. В-третьих, конюшню с двумя участками пастбищной земли, прилегающими к конюшне и огороженными, расположенные на Кинг-стрит напротив источника, называемого Seynte Mary Well. В-четвертых, сад на Маркет-стрит в приходе Св. Филиппа

¹¹ Ограниченное в порядке наследования и отчуждения.

и Якова на южной стороне названной улицы и лежащий между держанием, принадлежащим Ричарду Иду, на юге, и тропинкой, ведущей от Маркет-стрит к церкви Св. Филиппа и Якова, на западе, и простирающийся назад от названной улицы до указанной тропинки. В-пятых, ежегодная рента “of a rose”, уплачиваемая Джоном Лоренсом и его женой Маргарет за держание и сад, арендуемые ими пожизненно и расположенные на Матчал-стрит между держанием, принадлежащим Томасу Йонгу, на юге, и садом, некогда принадлежащим Джону Мортону, на севере, и простирающиеся назад от названной улицы до земли, принадлежащей Маргарет Денем, с правом реверсии. В-шестых, рента по Ассизе (rent of assise)¹² в 6 шилл. в год, получаемая с участка, прилегающего к дому, расположенному на Le Wer на углу рядом с замковой мельницей (Castle Mill) между улицей, называемой Матчал-стрит, на западе, и держанием, недавно принадлежавшим Томасу Вуллингтону, на востоке, и простирающегося назад от главной дороги до вод Фромы, каковой участок был тогда арендован Джоном Багпетом — дубильщиком. В-седьмых, участок, прилегающий к дому, и сад на Маркет-стрит между улицей около “le Castell diche”, на западе, и лавками, недавно принадлежавшими Джону Парси, на востоке, и простирающиеся назад от Маркет-стрит до сада, принадлежащего Уильяму Берну — эсквайру¹³. В-восьмых, акр земли на Кинг-стрит рядом с землей Томаса Бейтмана и Маргарет, его жены, и лежащий между землей, принадлежащей Ричарду Артуру — эсквайру, на востоке, и землей, принадлежащей Томасу Бейтману и его жене, на западе, и простирающийся назад от Кинг-стрит до земли, принадлежащей Ричарду Артуру. В-девятых, ежегодную ренту в 3 шилл., уплачиваемую Уолтером Мейем и его женой Джоанной в качестве арендаторов на 40 лет сада на Кинг-стрит, лежащего между садом, принадлежащим Уильяму Хейлуэу, на востоке, и садом, принадлежащим церкви Св. Николая, на западе, и простирающийся назад от Кинг-стрит до земли, принадлежащей Джону Сеймору — рыцарю и Изабелле, его жене, с правом реверсии на аренду. В-десятых, конюшню, голубятню, фруктовый сад (orchard) и кусок свободной земли, расположенные на холме Св. Михаила между землей, принадлежащей Уильяму Мортону, на юге, и известной общей тропинкой, на севере, и простирающиеся назад от

¹² Ассиза — твердо установленная цена.

¹³ В тексте — “armiger” — человек, имеющий право носить герб.

главной дороги до земли королевской усадьбы (King's barton). В-одинадцатых, ренту в 13 ш. 4 п., подлежащую уплате Уильямом Смитом и Маргарет, его женой, в качестве арендаторов на 7 лет двух лавок, расположенных на холме Св. Михаила между держанием, принадлежащим настоятельнице [монастыря] Св. Марии Магдалины в Бристоле, на севере и юге, и простирающиеся назад от главной дороги до земли названной настоятельницы, с правом реверсии на аренду.

Все эти держания завещаны Томасу Миду, Джону Гриффиту, Уолтеру Примстеду, Уильяму Ноублу, Томасу Ашу, Уильяму Хайнду, Роберту Дейви, Уильяму Йонгу, Томасу Скидмору и Уильяму Корнишу в полную собственность (in fee simple) на следующих условиях:

1. Они должны найти подходящего священника, живущего в миру, чтобы ежегодно совершать божественные службы в приходской церкви Св. Иакова у алтаря Блаженной Марии о душе завещателя, его жены Эдит, их родителей и о душах Джона Стоуна, Джона Сейета, Агнес, матери Джона и Джоаны Хипуэрдов, и о душах всех праведных умерших, и чтобы он [священник], когда здоров, будет присутствовать на обычных заутренях, мессах, вечернях и других божественных службах, проходящих в названной церкви.
2. Они должны проследить, чтобы плацебо¹⁴ и панихида были прочитаны 9-го февраля каждого года в канун годовщины завещателя, и что торжественная месса будет отслужена в саму годовщину в любом случае в названной церкви.
3. Они должны уплатить 4 п. каждому из пяти живущих в миру священников, указанных священником прихода Св. Иакова (или церковными старостами в его отсутствие), принявшим участие в панихиде и торжественной мессе, и причетнику церкви для колокольного звона 2 шилл., и служителю¹⁵, объявляющему годовщину — 4 п., и за 2 свечи, которые должны зажигаться в названную годовщину — 1 ш. 6 пенсов.
4. Они должны раздавать бедным ежегодно в годовщину завещателя хлеб на 10 шилл. из расчета 0,5 пенни на каждого бедного человека.

Предусмотрено восстановление владения недвижимостью наследниками завещателя [по крови], если наследники недвижимости по завещанию забудут выполнить свои обязательства, и что имущество должно быть возвращено им [наследникам по крови].

¹⁴ "Placebo" — «я буду угоден», первое песнопение заупокойной вечерни.

¹⁵ В тексте — "bedesman" = "beadsman" — молящийся за благодетеля; призываемый в богадельне.

д) Что касается двух помещений на Вестукер-стрит, недавно отремонтированных, и держания на Стайп-стрит, то они должны быть проданы душеприказчиками завещателя, и выручка потрачена душеприказчиками на благо души завещателя.

Остаток после уплаты долгов и похоронных расходов должен быть потрачен на благо души завещателя.

Душеприказчики — Джон Сейнт, пивовар, и Томас Уоткин.

Утверждено:

а) В Ламбете 2 февраля 1455 года.

б) Перед мэром Бристоля Ричардом Хаттером и Филипом Мидом, шерифом, в Гилдхолле в сотенном суде в среду перед праздником Св. Давида в 33 год [царствования] Генриха VI.

Завешание Уолтера Нортон, джентльмена

Во имя Господа, аминь. Шестой день месяца июня в год от Рождества Христова 1466 и в 6-й год царствования короля Эдуарда IV. Я, Уолтер Нортон, бристольский джентльмен, находясь благодаря Всемогущему Богу в полной памяти, составил и распределил это мое настоящее завещание в том виде, как следует. Во-первых, я завещаю и поручаю мою душу Всемогущему Богу, Создателю всего сущего, и Его блаженной матери святой деве Марии и всем их святым. И мое тело должно быть похоронено в церкви Св. Петра в Бристоле. Также я завещаю моему кафедральному собору Уорчестера 20 п. Также я завещаю той же церкви Св. Петра 6 ш. 8 п. Также, я завещаю священнику названной церкви Св. Петра 6 ш. 8 п. Также я завещаю церкви Богоматери Belhows 3 ш. 4 п. Также я завещаю Томасу, моему старшему сыну, чашу на подставке, покрытую серебром, и всю оставшуюся ткань, которая висит в холле, с гобеленовыми покрытиями для сидений и подушками к ним, с постоянной кроватью, которая установлена в большой комнате, с шелковым балдахином и занавесками к ней. Также я завещаю Томасу, моему младшему сыну, две солонки — серебряную и позолоченную, одна из которых с крышкой. Одну чашу на подставке, покрытую серебром и позолотой, 2 серебряные чаши с крышками на подставках, одну чашу на подставке с крышкой, называемую “a Grypeis Eye” («глаз грифона»), плоский кусок серебра и серебряное блюдо. Также, я завещаю тому же Томасу, моему младшему сыну, 1 скатерть из узорчатого полотна, 1 полотенце из того же материала, 4 других полотенца из тонкого сукна, 1 пару простыней “of Raynes” (полосатых?), 3 пары простыней из тонкого сукна, 1 пару фланелевых одеял, 1 перину, 1 тюфяк с парой вали-

ков и покрывало arrasской работы. Также я завещаю тому же Томасу, моему младшему сыну, одну оставшуюся кровать с шелковым балдахинном и занавесками к ней, и все оставшиеся гобелены из жизни короля Роберта Сесила, которые висят в моей гостиной, с гобеленовыми покрытиями для сидений и подушками, относящимися к названной гостиной. Также я завещаю тому же Томасу, моему младшему сыну, одну дюжину Sawcers¹⁶, 1 дюжину суповых мисок, 1 дюжину тарелок, 4 больших плоских блюда из олова с большим медным котлом и 4 других медных котелка. Также я завещаю и отдаю тому же Томасу, моему младшему сыну, все мои держания и дом, в котором сейчас живет Роберт Стрендж, торговец. И всю мою собственную землю (all my ffee symple londe) в пределах города Бристоля и в других местах.

Остаток от всех моих вещей и ценного личного движимого имущества и все другие предметы, не завещанные мною, после моей смерти не потраченные на мои похороны и исполнение этого моего настоящего завещания, я отдаю и завещаю полностью тому же Томасу, моему младшему сыну, в его полное распоряжение, как его собственные вещи и имущество, и чтобы он распорядился ими по своему усмотрению на благо моей души во славу всемогущего господина и спасения моей души. И этим моим завещанием назначается и утверждается моим душеприказчиком этот же Томас, мой младший сын. Для заверения этого моего завещания я поставил мою печать, находясь в Бристолле в день и год указанные выше.

Завещание Уильяма Берда 1484 г.

Во имя Господа, Аминь. Год от Рождества Христова 1484, 20-й день апреля. Я, Уильям Берд, находясь в полной памяти, составил мою волю и завещание в этом виде. Во-первых, я завещаю мою душу Всемогущему Богу, мое тело [должно] быть похоронено в [церкви] Св. Николая в Бристолле, рядом с женой мастера Спенсера. Также, кафедральному собору Уорчестера — 12 п., и Джону Бертону, викарию, в качестве неуплаченной десятины — 6 ш. 8 п. Также, to the high auter (?) — 3 ш. 4 п. Также, к выгоде и использованию названной церкви Св. Николая красный чехол¹⁷ из ткани с золотом, который названная церковь будет иметь впредь с таким условием, что он не будет ссужаться из церкви без подобающей выгоды для названной церкви по усмотрению поверенных (proctours). Также я завещаю 36 марок английской полновесной монеты для добродетельно-

¹⁶ Возможно, "Sawcer" = "saucer" — чайное блюдце, поддонник, соусник.

¹⁷ "Bank" — вероятно, "Banker", что означает чехол, покрытие для скамьи или стула.

го священника, который 4 года постоянно будет находиться здесь внутри названной церкви Св. Николая, а также для моего викария и 20-ти священников на моих похоронах. И в месяц поминовения на 24 факела и 24 бедняка, которые будут нести их, и для каждого из указанных бедняков платье из фризского сукна. Также священнику церкви — 12 п., каждому другому священнику на каждой панихиде — 8 п., и каждому священнику, присутствующему не на каждой из указанных панихид и месс — 4 п. Также представителям четырех монашествующих орденов, [присутствующим] на моих похоронах, — 3 ш. 4 п. Таким образом, в месяц моего поминовения в целом — 6 ш. 8 п. Также я завещаю моей жене мой дом на набережной Бристоля со всей мебелью на срок ее жизни при том условии, что она до конца жизни останется вдовой и не иначе. И после ее смерти или нарушения названного условия я завещаю его (дом — Т.М.) моему сыну Генри и его законнорожденным наследникам по крови; и если он или они умрут без потомства, тогда я завещаю названный дом старшей из моих дочерей и ее наследникам, за неимением их — следующему родственнику. Также я завещаю моей названной жене 10 бочек вайды; также, 2 моих лучших позолоченных солонки, 2 дюжины ложек. Также 2 лучших чаши на подставках с крышками. Также плоскую чашу с крышкой. Также одно блюдо для пряностей с крышкой и две плоских чаши без крышек. Также третью часть всей моей домашней утвари, исключая посуду, которую я завещал здесь. Также я завещаю моему сыну Генри помимо доходов от моего дома, указанного выше, 2 огороженных участка, лежащих in red-land (?). Также названному Генри, моему сыну, я завещаю 2 дома, расположенные на набережной Св. Августина. Также я даю и завещаю названному Генри 3 моих склада на набережной на срок моей аренды (during my terme of theym). Также названному Генри я завещаю 5 бочек вайды; также, я завещаю ему 2 позолоченные колоколообразные чаши. Также две белых чаши на подставках и с крышками. Также я завещаю моей дочери Элизабет 5 бочек вайды и 2 позолоченные чаши на подставках. Также полдюжины ложек и солонку, покрытую серебром. Также 2 бочки железа. Также я завещаю ей 4 пары простыней. Также я завещаю моей дочери Джоанне 4 бочки вайды. Также я завещаю моей дочери Кэтрин 1 бочку вайды, а ее мужу мое лучшее алое платье, отделанное мехом. Также я завещаю Джону Уидингтону мое льняное алое платье и 1 блюдо для пряностей. Также я завещаю моему сыну Ричарду 2 бочки вайды, чтобы помочь ему стать священником, и мое лучшее льняное голубое платье. Также я завещаю мой сад в barthilmewys (?) моей жене, и после ее смерти моей названной дочери Элизабет в течение оставшегося срока аренды¹⁸. Также я завещаю Роберту, моему брату, 1 бочку вайды и темно-зеленое платье. Также священ-

¹⁸ В тексте — “durvng my yeres”.

нику of Barthylmewys я завещаю льняное алое платье. Также я завещаю церкви Св. Лаврентия мой серебряный таз с 1 кувшином к нему. Также, я завещаю 6 ш. 8 п. на флаг (a banner) названной церкви Св. Николая. Все другие мои не завещанные вещи я передаю полностью в распоряжение мастера Эдмунда Уэскота и моей названной жены, которых я назначаю моими душеприказчиками, надеясь, что они должным образом будут исполнять эту мою волю, удовлетворят и уплатят все мои долги. И мое тело по милости господина и города Бристоля должно быть похоронено, как завещано, и названному мастеру Эдмунду Уэскоту за его усердную работу — 5 марок. В подтверждение этого и всего здесь содержащегося я распорядился это записать и прочесть в присутствии мастера Уильяма Спенсера, которого я просил быть наблюдателем (overseas), и в присутствии мастера Джона Бертона, моего священника, в день и год выше указанные.

Утверждено 25 июня 1484 г.

Оглашено в сотенном суде в Гилдхолле Бристоля 27 сентября 1485 г.

Библиография

Источники

Законодательные памятники

- An Act for preventing Dangers which may happen from Popish Recusants // Statutes of the Realm. 1628—1680. L., 1819. Vol. 5.
- Bristol Charters, 1155—1373 / Ed. by N.D. Harding. Bristol, 1930.
- Bristol Charters / Ed. by H.A. Croime. Bristol, 1946.
- Bristol Charters, 1508—1899 / Ed. by Latham. Bristol, 1946.
- Calendar of Charters, etc. of the City and Comity of Bristol / Ed. by J. Latimer. Bristol, 1909.
- Rotuli Parliamentorum: ut et petitiones et placita in Parlamento, 1278—1503. L., 1832. Vol. I—III, V.
- Rotuli Parliamentorum Angliae hactenus inediti, 1279—1373. L., 1935.
- Statutes of the Realm, 1101—1713 / Ed. by A. Luders, T. Tomlins. L., 1810—1816. Vol. I—II.

Документальные источники

- Calendar of the Close Rolls of Richard II. L., 1914. Vol. I.
- Calendar of the Patent Rolls, Preserved in the Public Record Office. 1321—1324. L., 1891—1916.
- Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to the English Affairs, existing in the Archives of Venice and in the other Libraries of Northern Italy. L., 1864. Vol. I. 1202—1509.
- Calendar of Letters from the Mayor and Corporation of the City of London. 1350—1370 / Ed. by R. Sharpe. L., 1885.
- Calendar of the Bristol Apprentice Book. Bristol, 1949.
- Calendar of the Close Rolls of the Reign of Edward II. L., 1892—1896. Vol. I—IV.
- Calendar of the Patent Rolls, Preserved in the Public Record Office, of the Reign of Edward II. L., 1894—1904. Vol. I—V.
- Calendar of the Patent Rolls Preserved in the Public Record Office. Prepared Under the Superintendence of the Deputy Keeper of the Records. Henry VII. L., 1914. Vol. I. 1485—1494.
- Cartulary of St. Mark's Hospital Bristol / Ed. by C.D. Ross. Bristol, 1959.
- Fuller E.A. The Tallage of 6 Edward II and the Bristol Rebellion // Transactions of Bristol and Gloucestershire Archaeological Society. 1894—1895. Vol. XIX.
- Record Relating to the Society of Merchant Venturers of the City of Bristol / Ed. by McGrath. Bristol, 1952.
- Ricart R. The Maire of Bristowe is Kalendar / Ed. by L.T. Smith. L., 1872.
- The Act of Court of the Mercers Company. 1453—1527. Cambridge, 1936.
- The Great Red Book of Bristol / Ed. by E.W.W. Veale. Bristol, 1931—1953. Vol. I—V.
- The Great White Book of Bristol / Ed. by E. Ralph. Bristol, 1979.

- The Little Red Book of Bristol / Ed. by F.B. Bickley. Bristol, 1900. Vol. 1—2.
 The Overseas Trade of Bristol in the Later Middle Ages / Sel. and ed. E.M. Carus-Wilson. Bristol, 1937.
 The Records of the Borough of Leister / Ed. M. Bateson. L., 1899. Vol. I—II.
 The Record of the City of Norwich / Ed. W. Hudson, J.C. Tingey. Norwich, 1906—1910. Vol. I—II.
 The Reign of Henry VII from Contemporary Sources / Ed. by F. Pollard. L., 1913.
 The Staple Court Books of Bristol / Ed. by E.E. Rich. Bristol, 1934.
 York Civic Records / Ed. by A. Raine. Wakefield, 1939—1978. Vol. I—IX.
 Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера. М.;Л., 1935.
 Купеческая хартия 1303 г. / Пер. Ю.В. Баранова // Средние века. М., 1992. Вып. 55.
 Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л. И. Киселевой, под ред. и с предисл. А. Д. Люблинской // Средние века. М., 1957. Вып. X.

Нарративные источники

- Adams W.* Chronicle of Bristol / Ed. by F.F. Fox. Bristol, 1910.
Evelyn J. Sylva, or A Discourse of Forest Trees. L., 1664.
Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705—6. With Memoir. L., 1890.
Evelyn J. The Diary of John Evelyn / Ed. by W. Bray. L., 1901. Vol. I—II;
Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A New and Complete Transcription Edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I—III.
Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes. Glasgow, 1905—1907. Vol. V, XIX.
Stow J. The Annales of England. L., 1601.
 The Celes Letters, 1472—1488 / Ed. by A. Hanham. Oxford, 1975.
 An Anthology of Eye-witnesses' Accounts of Events in British History 1485—1688 / Comp. by C.R.N. Routh. Oxford, 1956.
Walsingham Th. Historia Anglicana / Ed. by H.T. Riley. L., 1863—1864. Vol. I—II.
Vita Edwardi Secundi monachi cuiusdam Malmesberiensis / Ed. by N. Denholm-Young. L., 1957.
 Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII / Пер. с англ.; общ. ред. М.А. Барга. М., 1990.
 Диккенс Ч. Остролист // Он же. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 19.
 Купцы — складчики Кале. Деловая переписка семейной компании Сели (XV в.) / Пер. со староангл., прим. и вступ. ст. М.М. Ябровой. Саратов, 1998.
 Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из Дневника / Вступ. ст., сост., пер. с англ., именной указатель и прим. А. Ливерганта. М., 2001.
 Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986.
 Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1980.

Литература

- Акройд П. Лондон. Биография. М., 2005.
 Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М., 1951. Т. I.
 Антонян Ю.М., Звизжова. О.Ю. Преступность в истории человечества. М., 2012.
 Аррес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.
 Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира. М., 2005.
 Брагина Л.М. Флорентийское сукноделие в XV в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970.
 Бойцов М.А. Города Германии до конца XV в. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I.

- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. М., 1988. Т. 2. Игры обмена.
- Будыко М.И.* Изменения климата. Л., 1974.
- Варьяш О.И.* Кастильско-португальские отношения в XV в. // Становление капитализма в Европе. М., 1987.
- Вдовин Г.* Кризис музея как мировоззрения // Мир музея. 2002. № 5. С. 29—30.
- Гис Ф., Гис Дж.* Брак и семья в Средние века / Пер. с англ. Е.А. Мельниковой. М., 2002.
- Грабарь В.Э.* Репрессалии в Англии при Эдуарде II // Ученые записки Института истории. М., 1929. Т. 3.
- Гусева М.А.* Становление муниципального самоуправления в английских городах в XIV—XV веках: структура и функции (на примере светских и церковных городов). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005.
- Гусева М.А.* Функции муниципальных органов власти в Англии в XIV—XV веках (на примере Ковентри и Лестера) // Средневековый город: Межвузовский научный сборник. Саратов, 2008. Вып. 19.
- Гусева М.А.* Становление муниципального самоуправления в средневековом Честере // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля. Ярославль, 2010. Ч. II.
- Гусева М.А.* Структура и функции городских органов власти в Англии в XIV—XV веках, на примере светских и церковных городов. Saarbrücken, 2011.
- Гутнова Е.В.* Политика королевской власти по отношению к городам и городскому сословию в Англии XIII—начала XIV в. // Средние века. М., 1958. Вып. 12.
- Гутнова Е.В.* Т. Роджерс и возникновение историко-экономического направления в английской медиэвистике второй половины XIX в. (60—90 годы) // Средние века. 1960. Вып. 17.
- Гутнова Е.В.* Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства в XIII в.). М., 1960.
- Гутнова Е.В.* Историография истории Средних веков. М., 1974.
- Гутнова Е.В.* Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М., 1979.
- Гутнова Е.В.* Город, бюргерство и феодальная монархия // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. IV.
- Евсеев В.А.* Компания торговцев углем Ньюкасла-на-Тайне в конце XVI—начале XVII вв. // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5.
- Евсеев В.А.* Компания купцов-авантюристов Ньюкасла-на-Тайне в XVI—начале XVII века // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980.
- Евсеев В.А.* Социально-политическое развитие Ньюкасла-на-Тайне в XVI—первой половине XVII вв. // Англия XV—XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма. Горький, 1981.
- Евсеев В.А.* Английский город в Тюдоровскую эпоху: Регионы и города. Иваново, 1995.
- Евсеев В.А.* Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010.
- Зверева И.А.* Шотландия в системе международных отношений в конце XV—80-е гг. XVI в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2008.
- Звизжова О.Ю.* Эволюция преступности на различных этапах развития общества. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
- Золотов В.И.* Общество и власть в позднесредневековой Англии XV в. Брянск, 2010.
- Ивонин Ю.В.* Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989.

- Игнатъев С.В.* Англо-шотландские отношения в первой половине XV в. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
- Игнатъев С.В.* Шотландия и Англия в первой половине XV в. СПб., 2011.
- Кеннингем У.* Рост английской торговли и промышленности. Ранний период и Средние века. М., 1903.
- Кёнигсбергер Г.* Европа раннего Нового времени. 1500—1789. М., 2006.
- Ким О.В.* К вопросу о ранней модернизации в Европе и России (мир-системная парадигма) // Средние века. 2009. Вып. 70 (1—2).
- Кириллова А.А.* Городское самоуправление в английских городах XIII в. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1957. Т. 104.
- Кириллова А.А.* Классовая борьба в городах Восточной Англии в XIV в. // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1969. Т. 321.
- Кириллова А.А.* Рабочее законодательство в английском городе XIV—XV вв. (1350—1450 гг.) // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1969. Т. 294.
- Кириллова А.А.* Ученичество в торговых и ремесленных гильдиях английских городов XIV—XV вв. // Средние века. М., 1969. Вып. 32; М., 1971. Вып. 33.
- Кириллова А.А.* Социально-психологическая характеристика английского купечества в XV—XVI вв. // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979.
- Кириллова А.А.* Завещания как источник по истории средневекового английского города XIV—XV вв. // Из истории западноевропейского Средневековья. М., 1982.
- Кирсанов В.С.* Научная революция XVII в. М., 1987.
- Клаут Х.* История Лондона. М., 2002.
- Косминский Е.А.* Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? // Средние века. М., 1957. Вып. 10.
- Котельникова Л.А.* Феодализм и город в Италии в VIII—XV вв. М., 1987.
- Краснова И.А.* Деловые люди Флоренции XIV—XV вв. М.; Ставрополь, 1995. Ч. I—II.
- Краснова И.А.* Брак и семья в городе: Флоренция XIV—XV вв // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I.
- Кудрявцев А.Е.* Ост-Индская проблема в Англии XVII в. // Ленинградского педагогического института. 1938. Т. XI.
- Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. М.; Л., 1931.
- Курс уголовного права / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. Учение о преступлении.*
- Лабутина Т.Л.* Антикатолицизм в Англии в правление последних Стюартов. 1660—1714 // Религиозная политика в Европе в XVI—XX вв. Смоленск, 1998.
- Левицкий Я.А.* Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв. М., 1960.
- Левицкий Я.А.* К вопросу о характере так называемой "gilda mercatoria" в Англии XI—XIII вв. // *Левицкий Я.А.* Город и феодализм в Англии. М., 1987.
- Левицкий Я.А.* Некоторые проблемы истории западноевропейского города периода развитого феодализма // Там же.
- Левицкий Я.А.* Проблема взаимоотношений города и деревни в средневековой Англии (XI—XIII вв.) и историко-экономическое направление в английской историографии // Там же.
- Левицкий Я.А.* Ранний этап развития сукноделия в английских городах (XII—XIII вв.) // Там же.
- Макаров А.А.* Складывание городских органов управления в Ковентри в XII—XIV вв. // Средневековый город. Саратов, 2002. Вып. 15.
- Маркова С.П.* Английские купцы-авантюристы. СПб., 2011.
- Маркс К.* Капитал // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23, 25.
- Маслов Р.А.* Отношение бургундских феодалов к борьбе королевской власти за при-

- соединение герцогства Бургундского к Франции // Ученые записки Башкирского университета. Уфа. 1972. Вып. 64. Сер. ист. наук. № 11. Вып. 4.
- Мещерякова Н.М.* Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI—первой половины XVII в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.
- Мокульский С.* История западноевропейского театра. М., 1936;
- Ступников И.* Английский театр. Конец XVII—начало XVIII в. Л., 1986.
- Некрасов Ю.К.* К социально-экономической истории Аугсбурга в XV в. // Проблемы германской истории. Вологда, 1973. Вып. 2.
- Некрасов Ю.К.* Цеховое ремесло и ранний капитализм // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6.
- Осиновский И.Н.* Гуманизм и Реформация в Англии в первой трети XVI в. // Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.
- Осипова Т.С.* Ирландский город и экспансия Англии XII—XV вв. М., 1973.
- Петрова-Маркова С.П.* Некоторые моменты истории Йоркской компании мерсеров и купцов-авантюристов (структура компании в XV в.) // Вестник Ленинградского государственного университета. 1973. № 20. Вып. 4.
- Петрова-Маркова С.П.* Социальный состав магистрата Йорка в XIV—XVI вв. (По материалам Йоркских городских регистров) // Средневековый город. Саратов, 1975. Вып. 3.
- Петрова-Маркова С.П.* Йоркская компания купцов-авантюристов и купцы-авантюристы Лондона в XV—начале XVI в. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980.
- Петрова-Маркова С.П.* Йоркская компания мерсеров и купцов-авантюристов в XV—XVI вв. (К истории торгового капитала в Англии) // Средние века. М., 1981. Вып. 44.
- Побережников И.В., Редин Д.А.* Исследование феномена исторической переходности: в поисках «методико-методологического консенсуса» // Проблемы истории России. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2011. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени.
- Праздников А.Г.* Участие английских горожан в народных движениях периода Войн Роз // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст. Доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля. Ярославль, 2010.
- Репина Л.П.* Взаимоотношения государства и купечества в области торговли и финансов в Англии XIV в. // Средние века. 1973. Вып. 37.
- Репина Л.П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV в. М., 1979.
- Репина Л.П.* “Potentiores” и “meliores” Лондона в начале XIV в. // Средние века. 1981. Вып. 44.
- Репина Л.П.* Английский средневековый город // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I.
- Репина Л.П.* Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания. Сб. обзоров и рефератов: в 2 ч. / Отв. ред. А.Л. Ястребицкая. М., 2001. Ч. 1.
- Репина Л.П.* Историческая культура как предмет исследования // История и память / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.
- Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
- Роджерс Дж.Э.Т.* История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. СПб., 1899.
- Россер Дж.* Ремесленные гильдии и организация труда // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А. А. Сванидзе. М., 1999. Т. II.

- Рутенбург В.И.* Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М.;Л., 1951.
- Сванидзе А.А.* Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV). М., 1967.
- Сванидзе А.А.* Средневековый город и рынок в Швеции XIII—XV вв. М., 1980.
- Сванидзе А.А.* Социальная характеристика шведского бюргерства XIV—XV веков // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6.
- Сванидзе А.А.* Наемный труд и наемные работники средневековья: феодальные формы (Городское ремесло. Швеция. XIV—XV вв.) // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии. М., 1993.
- Сванидзе А.А.* Микроструктуры и коммунизм средневекового города в Западной Европе // Социальная история: проблемы синтеза. М., 1994.
- Сванидзе А.А.* Наемный труд и трудовая этика в ремесленных цехах Швеции: уставные принципы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. II.
- Сванидзе А.А.* Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I.
- Сванидзе А.А.* Стратегия удержания власти: к вопросу о «демократии» в средневековом городе XV в. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. III.
- Сванидзе А.А., Анисимова А.А.* Город в Средние века // Всемирная история: в 6 т. / Гл. ред. А.О. Чубарьян. М., 2012. Т. II.
- Сванидзе А.А.* Грани Средневековья. Калейдоскоп. М., 2013.
- Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI—начала XVII вв. СПб., 2006.
- Серегина А.Ю.* Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI—начала XVII века в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 34.
- Сергеева Л.П.* Англо-ганзейская морская война 1468—1473 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1981. № 14.
- Стам С.М.* Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XIII вв.). Саратов, 1969.
- Стам С.М.* К проблеме генезиса капитализма в Западной Европе // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 13.
- Стоклицкая-Терешкович В.В.* Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960.
- Тремельян Дж.М.* Социальная история Англии. М., 1959.
- Трубников Н.Н.* Время человеческого бытия. М., 1981.
- Уваров П.Ю.* Община горожан: структура и конфликты // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. 3.
- Уваров П.Ю.* Социальное единство и социальный контроль внутри городских стен // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2000. Т. III.
- Уоллер М.* Лондон. 1700 год. Смоленск, 2003.
- Устинов В.Г.* Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. М., 2012.
- Хаттон А.* Музеи и наследие: есть ли между ними реальное противоречие? // Музееведение. Музеи мира. Сборник научных трудов НИИ культуры. М., 1991.
- Хачатурян Н.А.* Политическая организация средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999. Т. I.
- Чернова Л.Н.* Место и роль городской общины в самоуправлении Лондона XIV—XV вв. // История. Общество. Личность. Саратов, 1998. Ч. II.

- Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV—XVI вв.: олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов, 2005.
- Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV—XVI вв.: механизм властвования, социальная идентичность, частная жизнь. Saarbrücken, 2011.
- Чернова Л.Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.;СПб., 2016.
- Чистозвонов А.Н., Барг М.А. Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV—XV вв. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978.
- Штокмар В.В. Берик-на-Твиде в конце XVI—начале XVII в. // Средневековый город. Саратов. 1978. Вып. 5.
- Штокмар В.В. История Англии в Средние века. Л., 1973.
- Эшли У.Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897.
- Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. СПб., 2001.
- Яблонская О.В. Развитие лондонского городского самоуправления // Политическая жизнь Западной Европы: Античность, Средние века, Новое время. Арзамас, 2004. Вып. 3.
- Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV—начала XVI в.). Саратов, 1983.
- Яброва М.М. Комменда и начало мелких компаний в английской торговле в XIV—XV вв. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1984.
- Ястребицкая А.Л. Семья в средневековом городе // Вопросы истории. 1985. № 8.
- Alexander E.P. Museums in Motion: an Introduction to the History and Functions of Museums. Nashville, 1979.
- Armstrong C.A.J. Some Examples of the Distribution and Speed of News in England at the Time of the Wars of the Roses // England, France and Burgundy in the Fifteenth Century. L., 1983.
- Barrett W. The History and Antiquities of the City of Bristol. Bristol, 1789.
- Beaven A.B. The Aldermen of the City of London. L., 1908.
- Behringer W. Climatic Change and Witch-Hunting: The Impact of the Little Ice Age on Mentalities // Climatic Variability in Sixteenth-Century Europe and Its Social Dimension. Special Issue of Climatic Change. 1999. Vol. 43. № 1.
- Bazin G. The Museum Age. Brussels, 1967.
- Bereford M.W. Lay Subsidies and Poll Taxes. Canterbury, 1963.
- Bolton J.L. The Medieval English Economy, 1150—1500. L., 1980.
- Bossy J. The English Catholic Community, 1570—1850. L., 1975.
- Bourne H.R.F. English merchants. L., 1886.
- Brenner R. The Civil War Politics of London's Merchant Community // Past and Present. 1973. № 58.
- Bridbury A.R. Economic Growth England in the Later Middle Ages. L., 1975.
- Bridbury A. England and the Salt Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1955.
- Bridbuiy A.R. Medieval English Clothmaking. L., 1982.
- Bristol and Its Adjoining Countries. Brisrol, 1955.
- Britnel R.H. Growth and Decline in Colchester, 1300—1525. Cambridge, 1986.
- Brown H.G., Harris P.J. Bristol England. Bristol, 1964.
- Bryman A. Social Research Methods. Oxford, 2001.
- Buchanan R.A., Cossons N. The Industrial Archaeology of the Bristol Region. N.Y., 1969.
- Burgess C. "By Quick and by Dead": Wills and Pious Provision in Late Medieval Bristol // The English Historical Review. 1987. Vol. 102. № 405.
- Campbell-Kease J. A Companion to Local History Research. Sherborne, 1989.
- Carus-Wilson E.M. The Iceland Trade // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. N.Y., 1933.

- Carus-Wilson E.M.* The Overseas Trade of Bristol // *Ibid.*
- Carus-Wilson E.M.* An Industrial Revolution of the Thirteenth Century // *The Economic History Review*. 1st ser. 1941. Vol. XI.
- Carus-Wilson E.M.* Evidences of Industrial Growth of Some Fifteenth Century Manors // *Essays in Economic History*. L., 1962. Vol. II.
- Carus-Wilson E.M.* Merchant Adventurers of Bristol in the Fifteenth Century. Bristol, 1962.
- Carus-Wilson E.M.* Medieval Merchant Venturers. L., 1967.
- Casson C.* (Rev.) Gervare Rosser. The Art of Solidarity in the Middle Ages: Guilds in England 1250—1550. Oxford, 2015 // *The Economic History Review*. 2016. Vol. 69.
- Chaudhury K.N.* The Trading World of Asia and the English East-India Company, 1660—1760. Cambridge, 1978.
- Childs W.R.* Anglo-Castilian Trade in the Later Middle Ages. Manchester, 1978.
- Childs W.R.* England's Iron Trade in the Fifteenth Century // *The Economic History Review*. 1981. Vol. 34. № 1.
- Clancy T.H.* Papist Pamphleteers: the Allen-Persons Party and the Political Thought of the Counter-Reformation in England, 1572—1615. Chicago, 1964.
- Clark P., Slack P.* English Towns in Transition. 1500—1700. Oxford, 1976.
- Clieffe J.T.* The World of the Country House in Seventeenth-Century England. New Haven, 1999.
- Colby Ch.W.* The Growth of Oligarchy in English Towns // *The English Historical Review*. 1890. Vol. 20.
- Coleman D.C.* The Economy of England, 1450—1750. Oxford, 1977.
- Cook H.J.* The Decline of the Old Medical Regime in Stuart London. N.Y., 1986.
- Coster W.* Family and Kinship in England, 1450—1800. Harlow, 2001.
- Coward B.* Social Change and Continuity in Early Modern England 1550—1750. L.;N.Y., 1988.
- Crawford A.* Bristol and the Wine Trade. Bristol, 1984.
- Crowley T.J.* Causes of Climate Change over the past 1000 years // *Science*. 2000. Vol. 289.
- Cunningham W.* The Growth of English Industry and Commerce during the Early and Middle Ages. Cambridge, 1927.
- Day J.* The Medieval Market Economy. Oxford—New York, 1987.
- Demos J.* A Little Commonwealth. N.Y., 1970.
- Dobson R.B.* Urban Decline in Late Medieval England // *Transactions of the Royal Historical Society*. 5th ser. 1977. Vol. 27.
- Dobson M.* Contours of Death and Disease in Early Modern England. Cambridge, 1997.
- Dutton R.* The Age of Christopher Wren. L., 1932.
- Dyer Ch.* Were There Any Capitalists in Fifteenth-Century England // *Enterprise and Individuals in Fifteenth-Century England*. 1991.
- Eddy J.A.* The Maunder Minimum // *Science*. 1976. Vol. 192.
- England's Export Trade, 1275—1547 / Ed. by E.M. Carus-Wilson, O. Coleman. Oxford, 1963.
- English Local History at Leicester, 1948—1978. A Bibliography of Writings by Members of the Department of English Local History, University of Leicester / Comp. by A. Everitt and M. Tranter. Leicester, 1981.
- English Medieval Industries: Craftsmen, Techniques, Products / Ed. by J. Blair, N. Ramsay. L., 1991.
- English Medieval Industries: Craftsmen, Techniques, Products. L., 1991 // *The English Historical Review*. 1992. Vol. 425.
- Essays in Economic History / Ed. by E.M. Carus-Wilson. N.Y., 1966.
- Fairburn M.* Social History. Problems, Strategies and Methods. L.;N.Y., 1999.

- Finance and Trade in the Reign of Edward III / Ed. by G. Unwin. Manchester, 1918.
- Findlen P.* Possessing Nature: Museums, Collecting and Scientific Culture in Early Modern Italy. California, 1996.
- Flavin S., Jones E.T.* Bristol's Trade with Ireland and the Continent: The Evidence of the Exchequer Customes Accounts. Dublin, 2009.
- Fox F.F.* Some Account of the Ancient Fraternity of Merchant Taylors of Bristol with Manuscripts of Ordinances and other Documents // *Archaeological Journal*. 1881. Vol. 38.
- Furley J.S.* City Government of Winchester from the Records of XIV and XV Centuries. Oxford, 1923.
- Fucikova E.* The Collection of Rudolf II at Prague: Cabinet of Curiosity or Scientific Museum? // *The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe* / Ed. by O. Impey and A. MacGregor. Oxford, 1985.
- Garvett C.* Towton 1461. England's Bloodiest Battle. Osprey Publishing, 2003.
- Gillingham J.* The Wars of the Roses: Peace and Conflict in Fifteenth-Century England. Baton-Rouge, 1981.
- Gillis J.* For Better, for Worse: British Marriages 1600 to the Present. Oxford, 1985.
- Girouard M.* The English Town. A History of Urban Life. London—New Haven, 1990.
- Goldberg P.J.P.* Medieval England: a Social History. Bloomsbury Academic, 2005.
- Goodman A.* The Wars of Roses: Military Activity and English Society (1452—1497). L., 1981.
- Gras N.S.B.* The Evolution of the English Com Market from the Twelfth to the Early Eighteenth Century. Cambridge, 1926.
- Gray H.T.* English Foreign Trade from 1446 to 1482 // *Studies in English Trade in the Fifteenth Century* / Ed. by E. Power and M.M. Postan. L., 1933.
- Gray H.L.* The Production and Exportation of English Woollens in the XIVth century // *The Economic History Review*. 1924. Vol. 39. № 153.
- Green A.S.* Town Life in the Fifteenth Century. L., 1894.
- Gross Ch.* The Guild of Merchant. A Contribution to British Municipal History. Oxford, 1890. Vol. 1—2.
- Haley K.* No Popery in the Reign of Charles II // *Britain and the Netherlands*. The Hague, 1975. Vol. 5.
- Harrison D.F.* Bridges and Economic Development, 1300 — 1800 // *The Economic History Review*. 1992. Vol. 45. № 2.
- Hatcher J.* English Tin Production and Trade before 1550. Oxford, 1973.
- Hibbert A.B.* The Origins of Medieval Town Patriciat // *Past and Present*. 1953. Vol. 3.
- Hexter J.H.* Power, Parliament and Liberty in Early Stuart England // *Hexter J.H.* Reappraisals in History: New Views on History and Society in Early Modern Europe. Chicago, 1979.
- Higham F.* John Evelyn Esquire. An Anglican layman of the Seventeenth Century. L., 1968.
- Hirst D.* The Representative of the People? Votes and Voting and the Early Stuarts. Cambridge, 1975.
- Holmes P.* Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics. Cambridge, 1982.
- Hopfl H.* Jesuit Political Thought: the Society of Jesus and the State, c. 1540—1630. Cambridge, 2004.
- Hoskins W.G.* Provincial England. Essay in Social and Economic History. L., 1963.
- Houlbrooke R.* The English Family 1450—1700. L., 1984.
- Hunt D.* Parents and Children in History. N.Y., 1970;
- Hutton R.* The Restoration: A Political and Religious History of England and Wales, 1658—1667. Oxford, N.Y., 1987.

- Irsigler F.* Frühe Verlagsbeziehungen in der gewerblichen Produktion des westlichen Hanseraumes // *Hansische Studien*. Weimar, 1981.
- Jacob E.F.* The Fifteenth Century (1399—1485) in the Oxford History of England / Ed. by G. Clark. Oxford, 1961.
- Jacob J.R.* The Scientific Revolution: Aspirations and Achievements, 1500—1700. N.Y., 1998.
- James M.K.* Fluctuations of the Anglo-Gascon Wine Trade during the XIVth Century // *The Economic History Review*. 2nd ser. 1951. Vol. IV.
- James M.K.* Studies in the Medieval Wine Trade. Oxford, 1971.
- Jenks S.* Robert Stumy's Commercial Expedition to the Mediterranean (1457/8) // *Bristol Record Society Publications*. 2006. Vol. 58.
- Koepke N., Baten J.* Climate and Its Impact on the Biological Standard of Living in North-East, Centre-West and South Europe during the Last 2000 Years // *History of Meteorology*. 2005. № 2.
- Lake P.* The King (the Queen) and the Jesuit: James and I's "Trew Law of Free Monarchies" in Context's // *Transactions of the Royal Historical Society*. 6th series. 2004. № 14.
- Lander J.R.* Government and Community: England 1450—1509. L., 1980.
- Lander J.R.* Wars of Roses. Sutton Publishing. 2007.
- Lane J.* Titus Oates. L., 1949.
- Latimer J.* Annals of Bristol in the Seventeenth Century. Bristol, 1900.
- Latimer J.* The History of the Society of Merchant Venturers of the City of Bristol, with Some Account of the Anterior Merchant Guilds. Bristol, 1903.
- Leech R.* The Topography of Medieval and Early Modern Bristol. Bristol, 1997.
- Legrand J.P., Le Goff M., Mazaudier C., Schröder W.* Solar and Auroral Activities during the Seventeenth Century // *Acta Geodaetica et Geophysica Hungarica*. 1992. Vol. 27.
- Lindsey J.* Christopher Wren, His Work and Times. N.Y., 1952.
- Lipson E.* The Economic History of England. L., 1937. Vol. I.
- Lipson E.* A Short History of Wool and Its Manufacture (mainly in England). L., 1953.
- Little B.* The City and County of Bristol. L., 1954.
- Lloyd T.* The English Wool Trade in the Middle Ages. Cambridge, 1977.
- Lobel M.D.* The Borough of Bury St. Edmunds. A Study in Government and Development of Medieval Town. Oxford, 1935.
- Lobel M.D., Carus-Wilson E.M.* Bristol // *The Atlas of Historic Towns* / Ed. by M.D. Lobel, W.H. Johns. L., 1975.
- Local Administration and Justice // *The English Government at Work, 1327—1336*. Cambridge, 1950. Vol. 3.
- Lucas S.* Illustration of Bristol history. Bristol, 1853.
- Maps and History in South-West England / Ed. by K. Barker and R. Cain. Exeter, 1991.
- Masschael J.* Transport Cost in Medieval England // *The Economic History Review*. 1993. Vol. 46. № 2.
- Macfarlane A.* Marriage and Love in England: Modes of Reproduction, 1300—1840. Oxford—N.Y., 1986.
- McFarlane K.B.* The Nobility of Later Medieval England. Oxford, 1973.
- MacDonald A.J.* Border Bloodshed. Scotland, England and France at War, 1396—1403. East Linton, 2000.
- McGrath P.* John Whitson and the Merchant Community of Bristol. Bristol, 1970.
- McGrath P.* The Merchant Venturers of Bristol: A History of the Society of Merchant Venturers of the City of Bristol from its Origin to the Present Day. Bristol, 1975.
- McKisack M.* The Fourteenth Century. 1307—1399. Oxford, 1959.
- Mendelson E.* The Social Construction of Scientific Knowledge // *The Social Production of Scientific Knowledge*. Boston, 1977.
- Menzhausen J.* Elector Augustus's Kunstkammer: An Analysis of the Inventory of 1587 //

- The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe / Ed. by O. Impey and A. MacGregor. Oxford, 1985.
- Merewether and Stephens*. Of the Boroughs and Corporations. L., 1835.
- Miller J.* Popery and Politics in England. 1660—1688. L., 1973.
- Mitchison R.* History of Scotland. York, 2002.
- Miskimin H.A.* The Legacies of London: 1259—1330 // *The Medieval City*. New Haven, 1977.
- Munro J.* Industrial protectionism in Flanders // *The Medieval City*. New Haven, 1977.
- Neuman W.L.* Basics of Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Boston, 2004.
- Nicolas D.* The Later Medieval City, 1300—1500. L., 1997.
- Nicholson R.* The Later Middle Ages: Scotland. Edinburgh, 1974.
- Nuttall W.L.F.* King Charles I Pictures and the Commonwealth Sale // *Apollo*. 1965. Vol. 82.
- Ogg D.* England in the Reign of Charles II. Oxford, 1956. Vol. I.
- Pevsner N.* The Buildings of England: North Somerset and Bristol. L., 1958.
- Pevsner S.N.* A History of Building Types. N.Y., 1976.
- Phythian-Adams Ch.* Re-thinking English Local History. Leicester, 1991.
- Pinchbecks., Hewitt M.* Children in English Society. L.; Toronto, 1969.
- Picard L.* Elizabeth's London. Everyday Life in Elizabethan London. L., 2004.
- Platt C.* The English Medieval Town. L., 1979.
- Pollard A.J.* The Wars of the Roses. N.Y., 1988.
- Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge, 1968.
- Ponting K.G.* The Woolen Industry of South-West England. N.Y., 1971.
- Porter R.* Disease, Medicine and Society in England, 1550—1860. Cambridge, 1993.
- Postan M.M.* Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973.
- Postan M.* The Fifteenth Century // *The Economic History Review*. 1939. Vol. 9. № 2.
- Powell C.L.* English Domestic Relation 1487—1653. N.Y., 1917.
- Powell J.W.D.* Bristol Privateers and Ships of War. Bristol, 1930.
- Pritchard A.* Catholic Loyatism in Elizabethan England. Chapel Hill, North Carolina, 1979.
- Pryce G.A.* Popular History of Bristol. Bristol, 1861.
- Raine J.* York. L., 1893.
- Ramsay G.D.* English Overseas Trade During the Centuries of Emergence. L., 1957.
- Ramsay J.* Lancaster and York. L., 1892.
- Reynolds S.* An Introduction to the History of English Medieval Towns. Oxford, 1977.
- Riley R.W.J.* A Social and Economic History of England. L., 1965.
- Riley Th.* Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV Centuries. L., 1868.
- Rogers J.E.Th.* The Industrial and Commercial History of England. L., 1891.
- Ross C.D.* Bristol in the Middle Ages // *Bristol and Its Adjoining Counties*. Bristol, 1955.
- Ross Ch.* Richard III. L., 1981.
- Rosser G.* The Art of Solidarity in the Middle Ages: Guilds in England 1250—1550. Oxford, 2015.
- Ruigh R.* The Parliament of 1624: Politics and Foreign Policy. Cambridge, Mass. 1971.
- Rymer Th.* Foedera, conventiones, littearae at cuiuscunque generis acta publica. L., 1704—1735.
- Sacks D.H.* Trade, Society and Politics in Bristol, 1500—1640. N. Y., 1985. Vol. I—II.
- Sacks D.H.* The Corporate Town and the English State: Bristol's "Little Business" 1625—1641 // *Past and Present*. 1986. № 110.
- Sadler J.* Border Fury: England and Scotland at War, 1296—1568. Longman, 2004.

- Salzman L.F.* English Trade in the Middle Ages. Oxford, 1931.
- Salzman L.F.* Building in England down to 1540. Oxford, 1952.
- Salzman L.F.* English Industries of the Middle Ages. Oxford, 1964.
- Saunders B.* The Age of Candlelight. The English Social Scene in the 17th Century. L., 1959.
- Seaward P.* The Cavalier Parliament and the Reconstruction of the Old Regime, 1661—1667. Cambridge, 1989.
- Sherborne J.* The Port of Bristol in the Middle Ages. Bristol, 1965.
- Shillington V.M., Chapman A.B.W.* The Commercial Relations of England and Portugal. N.Y., 1970.
- Slater M.* Family Life in the Seventeenth Century: The Verneys of Claydon House. L., 1984.
- Social History of England 1200—1500. / Ed. by R. Horrox, W.M. Ormrod. Cambridge, 2006.
- Sommerville J.P.* Papalist Political Thought and the Controversy over the Oath of Allegiance // Catholics and the “Protestant Nation” / Ed. by E. Shagan. Manchester, 2005.
- Sprat T.* The History of the Royal Society. St. Louis, 1957.
- Stone L.* The Causes of the English Revolution, 1529—1642. L., 1972.
- Stone L.* The Family, Sex and Marriage in England, 1500—1800. L., 1977.
- Studies in English Trade in the Fifteenth Century / Ed. by E. Power and M. Postan. N.Y., 1933.
- Swanson H.* Medieval Artisans. An Urban Class in Late Medieval England. Oxford, 1989.
- Swanson H.* Medieval British Towns. N.Y., 1999.
- Tait J.* The Medieval English Borough. Studies on Its Origins and Constitutional History. Manchester, 1936.
- Tanner R.* The Late Medieval Scottish Parliament. Politics and the Three Estates, 1424—1488. East Linton, 2001.
- The English Medieval Town. A Reader in English Urban History 1200—1540 / Ed. by R. Holt and G. Rosser. L.;N.Y., 1990.
- The Origins of Museums. The Cabinet of Curiosities in the Sixteenth and Seventeenth Century Europe. Oxford, 1985.
- The Oxford Companion to Local and Family History / Ed. by D. Hey. Oxford, 2002.
- Thomas J.H.* Town Government in the Sixteenth Century. L., 1933.
- Thrupp S.* The Merchant Class of Medieval London, 1300—1500. Chicago, 1948.
- Tout T.F.* The Place of the Reign of Edward II in English History. Manchester, 1914.
- Towns and Townspeople in the Fifteenth Century / Ed. by J.A.F. Thomson. Gloucester, 1988.
- Trevelyan G.M.* English Social History. A Survey of Six Centuries Chaucer to Queen Victoria. L., 1946.
- Unwin G.* The Gilds and Companies of London. L., 1908.
- Veal E.M.* The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966.
- Vergil P.* Three Books of English History Comprising the Reigns of Henry VI, Edward IV and Richard III. L., 1844.
- Victoria History of the Counties of England. Gloucestershire. L., 1907.
- Wavrin J.* Recuell des Croniques / Ed. by W. Hardy. L., 1868.
- Weinbaum M.* The Incorporation of Boroughs. Manchester, 1937.
- Willcox W.B.* Gloucestershire: A Study in Local Government, 1590—1640. New Haven, 1940.
- Winston J.E.* English Towns in the Wars of Roses. Princeton, 1921.
- Wrigley E., Schofield R.* The Population History of England 1541—1871: A Reconstruction. L., 1981.
- Wysocki D.K.* Readings in Social Research Methods. Wadsworth, 2004.

Summary

The book is devoted to topical problems of the 14th—17th century social history of England. Modern understanding of social history includes the whole spectrum of society life, from economic relations to various forms of daily routine. An inseparable part of Western-European society history is the history of the medieval town. It is impossible to understand the evolution of this society without studying it. The more important are transitional stages when established old relations come into collision and interweave with the new ones. In different countries and towns changes in different spheres of social life did not take place simultaneously. In every case they had their own features. New phenomena could appear and, then, vanish for some definite time. But these fluctuations and peculiarities do not deny common laws of development. Over the last decades researchers are getting more interested in the problem of transitional epochs that existed in various periods of history and in various countries.

Using numerous sources the author considers different aspects of life in England: correlation of industry and trade in economic development of the country, guild and off-guild craft, decay of medieval guilds and emergence of new forms of production, influence of wide international ties and entrepreneurial activity on people's psychology, traditions of self-government in English towns, daily routine and, especially, mentality of townspeople in the 14th—17th centuries, and so on.

The data given in the book show that the 14th—17th centuries was the time for England that brought a lot of changes into economy, social relations, and people's psychology. The analyzed material makes it possible to conclude that in the 14th—17th centuries not only in the capital but in provincial towns as well there started to emerge new forms of manufacturing organization — the system of buying up and distribution, simple capitalist cooperation, and, in some cases, manufactory.

Craft guilds keeping their outward form began to change from the inside. First of all it could be well seen in export branches of production — cloth making, metal working, and tanning. For example, the majority of Bristol dyers worked for a small number of guild members who were engaged only in cloth exporting.

Emergence of new forms of production in the 14th—15th centuries was not connected with the decay of the guild system. For a long time they co-existed in many branches of industry.

It is necessary to note that new developments were characteristic both for towns and villages. Early capitalist production in the village was set up due to accumulation of capital by town manufacturers who organized and controlled not only town production but also country craftsmen.

Bristol's history evidences that early capitalism in Italian towns of the 14th century was not a unique phenomenon. That age was the time when similar processes in economy took place in different European countries. New capitalist forms of production occurred in the textile industry of England, the Netherlands, and Germany. In the 15th century other branches, such as mining, book printing, soap and sugar manufacture, joined this process. Though in England early capitalist relations were developing more slowly than, for example, in Italy, they proved to be more viable due to early economic consolidation and political centralization of the country, and more balanced development of urban and rural economies. Relations between the town and its countryside were closer in England which brought to a quicker formation of domestic market than in the countries of continental Europe.

The fact that there was a port in the town favoured successful development of crafts in it. Overseas trade appeared to be the most important factor of production growth as it provided a wide trading area. English merchants all the more tried to drive foreign merchants out of the market which could be especially well seen in London, Bristol, and Southampton. The character of external trade started to change as well. For example, Bristol was one of the first English towns which began to export fabricated production instead of wool. As wool had never been an important export item, there were no essential differences between Bristol's Merchant Staplers and Merchant Adventurers; belonging to the Merchants of the Staple gave to their members, first of all, legal advantages.

Until the end of the 13th century the main trade turnover took place inside the country at fairs. But by the 14th century their importance had fallen as towns themselves became permanent trade areas. In the 14th—15th centuries intraurban trade was notable for its significant volume and complexity. At that time trade in various goods was carried out by separate guilds — of fishmongers, cloth dealers, mercers and others — which were established instead of Trade Guild that once united all rightful townspeople. Appearance of the position of a broker is an evidence of increased and complicated trade and financial operations at the market. The sources also show that wholesalers were trying to subordinate small retail trade.

Having united many English counties by trade ties, such towns as London and Bristol began to play a very significant role in forming the national market because before the 14th—15th centuries domestic trade was to a great extent regional, arranged within narrow borders. There were rather favourable conditions for establishing such a market in England: early centralization of

the country, a relative balance between the development of agriculture, industry and trade, and existence of a single economic centre. By the end of the 15th century, as the main part of overseas trade was concentrated in London, the role of Bristol in domestic trade had fallen because it was closely connected with its export and import. A new rise of Bristol as a regional capital in the West of England begins from the time of entering into permanent relations with North-American colonies.

In the 14th—17th centuries essential changes took place in the social sphere too. Rapid growth of industry and trade put forward the richest and most enterprising people. We can see that sometimes a merchant and a production organizer were one and the same person. Documents show how the two ways of capitalist entrepreneurs' emergence were interwoven: not only a merchant became a manufacturer but, in its turn, a producer transformed into a merchant. Developments in social relations could be seen in the changes of the character of patriciate. There appeared "new" patricians who were closely connected with entrepreneurial activity and strove to drive old patriciate out of town governing.

Processes that took place in craft guilds show that expropriation of the immediate producer and the formation of the wage labour market in the town had begun long before mass peasants' dispossession of land in the 16th century. Complaints of guilds' craftsmen that they were being ruined, turning into tramps and paupers show that there was a deep stratification inside the guild already in the 14th century. It seems that enclosures in the English village of the 16th century were connected not so much with the development of Flanders' manufactory as with the establishment of new forms of cloth production in England itself, all the more so as in the end of the 14th century it was forbidden to export unfinished cloth. Domination of cloth export over wool export by the middle of the 15th century proves that there was the growth of demand for raw materials in England and this was the reason that caused mass enclosures since the end of the 15th century.

Rapid development of entrepreneurship could not but affect social psychology of medieval townspeople. Especially clearly it was manifested in towns with wide international links. Merchants and craftsmen meeting people from other countries learned to perceive themselves not only as citizens of a town (they had never forgot about that) but as English people as opposed to foreigners. With the expansion of trade and production, their confidence and pride for their achievements were also growing. This was expressed in building stone houses, in their wish to keep up with feudal lords in the luxury of their clothing, in pompous tombstone and so on.

At the given period the ideas about a social position of the woman began to change. Their participation in external trade activity, financial operations and disposal of inheritance shows the growth of their economic and legal in-

dependence. Certainly, we cannot compare the burghership of a small town somewhere in the hinterland and a big port like London, Bristol or Southampton. Property and social stratification, naturally, took place quicker in such urban communities where big capital was involved into trade.

At the end of the period under review, a small country, England, was becoming, first, the centre of world maritime trade and then the centre of the empire. In the 17th century, the pattern of thoughts and life habits both in the town and village were deeply affected by overseas countries. Eastern goods brought into England by merchants of various companies became ordinary decorations in many town and country mansions. Passion for collecting different things turned some mansions of the nobility into a kind of museums. Nevertheless, despite huge changes taken place in the life of England from the 14th to the 17th century only an insignificant part of country dwellers had an idea of urban way of life. The greater part of England's population continued to maintain medieval customs and traditions until the Industrial Revolution.

Contents

Introduction	7
PART I. Social and economic development of England XIV—XV centuries (on an example of the city of Bristol)	
The Chapter I. Trade of Bristol: internal and external	27
§ 1. The city market	27
§ 2. Foreign trade.....	44
§ 3. A place of Bristol in domestic trade of England.....	78
The Chapter II. The craft organisation in a city and origin of new modes of production.....	97
§ 1. Craft guilds.....	97
§ 2. Origin of new modes of production in craft.....	137
The Chapter III. Social development of Bristol.....	151
§ 1. A city community and self-management in the English cities of XIV—XV centuries.....	151
§ 2. City oligarchy in XIV—XV centuries	160
§ 3. Interrelations of townspeople with the royal power and feudal lords	180
§ 4. Features of consciousness of townspeople in XIV—XV centuries	185
Part II. Sociopolitical life of an English city on a threshold of New time	
§ 1. Traditions of self-management in cities of England.....	205
§ 2. The royal power and city self-management in England second half XV centuries.....	214
§ 3. Bristol in political events of England in XIV—XV centuries	221
§ 4. Place of York in political events in England second half XV centuries.....	229
§ 5. The city of York and the English-Scottish contradictions in second half XV centuries.....	235
§ 6. The French-Burgundian conflict of last third XV century and position of England	241
§ 7. Criminality in an English medieval city last third XV centuries (on materials of a city of York)	257
§ 8. The power in a city: a city as body and an organism (Bristol in the first decades of XVII century)	263
§ 9. English city in civil wars of XVII century (on an example of Bristol).....	273

**PART III. Culture, daily occurrence and “sides of city mentality”
in England XV—XVII centuries**

§ 1. Reflexion of war of Scarlet and White Roses in family correspondence of English townspeople (under letters of a merchant family Cely).....	283
§ 2. Family and the individual in an English city of XV century.....	290
§ 3. Family way in an English city of an epoch of Restoration (on an example of a family of S. Pepys).....	295
§ 4. The relation to Catholics in England in Restoration.....	303
§ 5. City as an inhabitancy of the person: London in second half XVII centuries.....	308
§ 6. Building “fever” in England Restoration epoch: a problem of social self-identification.....	318
§ 7. Climatic anomalies of second half XVII century and their influence on a daily life of England.....	324
§ 8. Cultural and intellectual life of an English city of an epoch of Restoration in perception of contemporaries.....	330
§ 9. Private collecting in England in second half XVII century as the form of historical memory.....	339
§ 10. Leisure and entertainments of English townspeople of second half XVII century.....	345
§ 11. Roads and transport in pre-industrial England.....	356
§ 12. Illnesses and medicine in an English city of XVII century.....	363
§ 13. Influence of the countries of the East on a life of Englishmen in XVII century.....	372
Conclusion.....	378
Appendices. Wills of Bristol merchants.....	381
Bibliography.....	395
Summary.....	407

Научное издание

Татьяна Валентиновна Мосолкина
Социальная история Англии XIV—XVII вв.

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 28.04.2017 Формат 70×100/16. Заказ № 1034.
Тираж 500 экз. 26,0 п.л. 29,5 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в
Публичном акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017—2018 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

С.А. Польская

Христианнейший король:

**образы власти в репрезентативных стратегиях
французской монархии (IX—XV вв.)**

В монографии рассматривается актуальный для современной исторической науки комплекс проблем репрезентации высшей политической власти в средневековой Франции на протяжении длительного времени: от позднекаролингского периода до окончания Столетней войны. Исследование построено на анализе разнообразных источников (коронационных *ordines*, законодательных документов и актового материала, юридических, политических, исторических и богословских трактатов, реестров и описей аббатств), в том числе протоколов инаугурационных церемоний французской монархии, благодаря привлечению которых удалось рассмотреть итоги реализации ее публично-правовой функции. Особое внимание в работе уделено анализу символов и образов власти, а также становления и развития королевского культа, опыта понимания его сакральной природы вплоть до наступления эпохи абсолютизма, матримонимальных стратегий и трансформации французской модели за пределами королевства.

Для историков-медиевистов, политологов, юристов, культурологов, а также широкого круга читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017—2018 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

Политическая культура Средних веков и раннего Нового времени

Сост. и отв. ред. А.К. Гладков

В сборнике собраны работы, посвященные изучению политической культуры средневековых цивилизаций Запада и Востока. Реконструируется система представлений о верховной власти, ее происхождении и функциях, выявляются правовые механизмы ограничения полномочий государя, стратегии удержания власти и низложения правителя («тираноборчество»), анализируются формы взаимодействия различных потестарных институтов, а также авторские приемы конструирования политических образов, выработка специфических моделей ведения полемики и построения системы аргументации в политической литературе. Особое внимание уделено исследованию политических ритуалов, церемоний, обрядов и процедур, демонстрировавших реализацию на практике теоретических представлений о сакральном характере светской власти и высоком достоинстве ее служителей.

На материале истории Италии, Англии, Франции, Скандинавских стран, Древней Руси и Византии, а также Индии, Японии, Монголии обнаруживаются как общие (типологические), так и особенные (уникальные) черты в развитии политической культуры различных регионов средневекового мира.

Сборник будет полезен не только историкам-медиевистам, но и филологам, философам, политологам, культурологам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся историей и культурой средневековых цивилизаций Запада и Востока.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017—2018 гг. в рамках серии
предполагается опубликовать:

А.Д. Щеглов

Реформация в Швеции:

события, деятели, документы

В книге исследован ранний этап Реформации в Швеции (1520-е—1530-е годы), показана взаимосвязь реформ церкви и политики усиления королевской власти, которую проводил король Густав Васа (1523—1560). Особое внимание уделено ключевому событию шведской Реформации — Вестеросскому риксдагу 1527 г.: рассмотрены его ход и итоги, показаны последствия (редукция церковной собственности, конфессиональные реформы, изменения в области права). Освещена научная дискуссия о Вестеросском риксдаге. Проанализированы документы, созданные в связи с Реформацией. Рассмотрена деятельность духовного лидера шведских реформаторов — Олауса Петри, исследованы его взгляды как богослова, просветителя и историка.

Для специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Т.В. Мосолкина
Социальная
история
Англии
XIV–XVII вв.

Опираясь на многочисленные и разнообразные источники, автор предлагаемой вниманию читателей книги рисует яркую картину различных сторон английского жизненного уклада и менталитета в драматичные для истории страны периоды — во времена Столетней войны, военных конфликтов с Бургундией и Шотландией, войны Алой и Белой Роз, эпохи Реставрации после ужасов Гражданской войны. На страницах предстает «многоликая повседневность» англичан в различных ее проявлениях — профессиональных занятиях, семейных отношениях, развлечениях, духовных и интеллектуальных поисках. Новое понимание социальной истории дает возможность объединить в целое человеческую жизнь во всей ее полноте и представить монографическое описание истории Англии XIV–XVII вв.

9 785987 127278